

АЛЕКСЕЙ ВЕЛИЧКО

ИСТОРИЯ ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ

**От Константина Великого
до Анастасия I**

Москва
«ВЕЧЕ»

УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4
В27

3-е издание, расширенное и дополненное

Величко, А.М.

В27 История Византийских императоров. От Константина Великого до Анастасия I / Алексей Величко. — М.: Вече, 2015. — с. : ил.

ISBN 978-5-4444-2640-1

Знак информационной продукции **12+**

Пяти томное сочинение А.М. Величко «История Византийских императоров» раскрывает события царствования всех монархических династий Священной Римской (Византийской) империи — от св. Константина Великого до падения Константинополя в 1453 г. Это первое комплексное исследование, в котором исторические события из политической жизни Византийского государства изображаются в их органической взаимосвязи с жизнью древней Церкви и личностью конкретных царей. В работе детально и обстоятельно изображены интереснейшие перипетии истории Византийской державы, в том числе в части межцерковных отношений Рима и Константинополя. Приводятся многочисленные события времен Вселенских Соборов, раскрываются роль и формы участия императоров в деятельности Кафолической Церкви. Сочинение снабжено портретами всех императоров Византийской империи, картами и широким справочным материалом.

Для всех интересующихся историей Византии, Церкви, права и политики, а также студентов юридических и исторических факультетов.

Настоящий том охватывает эпоху от Константина Великого до Анастасия I.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(0)4**

ISBN 978-5-4444-2640-1

© Величко А.М., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛ

« 01. 12. 2010 »

119034 Москва, Чистый пер. 5

№ 01/5816

Уважаемый Алексей Михайлович!

Сердечно благодарю Вас за переданную мне пятитомную «Историю византийских императоров».

Ваш научный труд стал обобщающим систематизирующим истолкованием судьбы самой продолжительной империи в мире. В этом комплексном исследовании замечательно описаны взаимоотношения и влияние друг на друга государства и Церкви. Вы, раскрывая события истории в переплетении судеб людей, делаете зримым действие промысла Божия в жизни общества и в развитии государства и его гибели.

Несомненно, издание Вашего труда является значимым вкладом в распространение исторических знаний об истории Второго Рима; оно послужит формированию интереса к наследию Византии среди студентов светских и церковных учебных заведений.

Отрадно, что люди, несущие ответственное государственное служение, не только являются активными членами Церкви, но и находят время для подготовки историко-богословских трудов. Хотел бы также отметить Ваше усердие в почитании памяти святых византийских императоров, иконы которых Вы так бережно собрали.

Да сохранит Господь Вас и Ваших близких в крепком здравии и благоденствии на многие лета, благословляя Своею милостию и помощью в Ваших трудах на благо России.

С уважением,

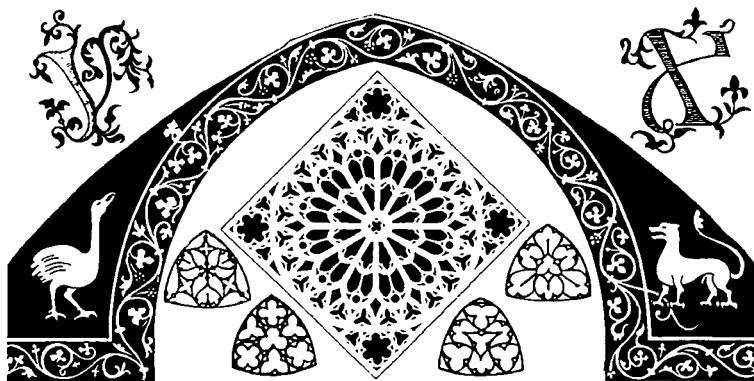
ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ВВЕДЕНИЕ

«СВЯЩЕННАЯ РИМСКАЯ (ВИЗАНТИЙСКАЯ) ИМПЕРИЯ»

Государство, о царственных династиях которого пойдет речь, представляет собой совершенно беспрецедентное историческое явление. Впервые появившись на карте мира в виде скромного поселения на берегу Тибра, Рим, спустя тысячелетие, предстал перед современниками в виде *Вселенской Империи*, охватывающей огромные территории от северных берегов туманной Британии до знойного Иерусалима. Римская империя просуществовала еще целое тысячелетие — ни одно другое государство мира не обладало такой жизнеспособностью и живучестью. Воюя почти *ежегодно*, периодически впадая в жесточайшие кризисы (как внутренние, так и внешние), Римская империя неизменно возрождалась, как птица Феникс из огня, поражая своих многочисленных врагов удивительной жизнеспособностью.

Конечно, это явление не может быть объяснено исключительно материальными причинами. На ее институтах и ее истории, как детища Христа, явственно, непосредственно и промыслительно чувствуется *рука Создателя*. В известной степени Византия *божественна* как плод не человеческих рук, а воли Творца. Именно возвращение Православия составляло главнейшую цель жизни Империи, и именно этим Византия дорога всему православному миру¹.

Но и сама смерть оказалась бессильной перед данным феноменом истории: став некогда матерью всех без исключения европейских держав, колыбелью и центром христианской культуры, даже после своего трагичного падения в 1453 г. Римская империя сохранила вплоть до сегодняшних дней значение мирового очага человечества. Кладовая ее

духовных сокровищ необъятна и неисчерпаема — вновь и вновь она притягивает к себе многие страждущие взоры.

На примере Византии, как *перерожденной* во Христе и через Христа языческой Римской империи, Господь явил такой *идеал*, который был бы способен затмить языческий римский аналог, поражающий своим видом умы современников. Христос дал не только идеал личной веры на примере подвигов первых мучеников, подвижников, святых. Он даровал (самим человеком такой идеал, естественно, не мог быть ни замыслен, ни создан) нам *политический* (иногда говорят — общественный) *идеал* как особый политико-правовой тип государственного устройства, при котором *цели и задачи земной Церкви органически становятся альфой и омегой государственной политики*. Иными словами, Спаситель указал, при каком государственном устройстве для Церкви формируются наиболее благоприятные условия «ловления человеков» и перерождения ветхого человека в сына Бога.

Практическое воплощение Царства Божьего на земле в лице Империи и есть квинтэссенция византинизма, смысл жизни и существования Византии как первого православного государства. Отсюда как следствие генерируются все остальные правовые и социальные конструкции, создающие устойчивый политико-правовой и культурный образ *идеального государства*.

Основная идея политико-правовой системы Римской (Византийской) империи заключалась в наложении закона Церкви на государство, известном *отождествлении* задач Церкви и государства, воцерковления человека. «Церковь в Византии именно и стремилась выразиться в государстве, свой закон сделать законом государства». Для Византии «существование в государстве с правами гражданскими и политическими таких лиц, на которых закон Церкви не распространялся, и для которых неисполнение церковного закона не соединялось с гражданским и политическим бесправием», было полным абсурдом, невысказанной ситуацией². Как следствие в идеале отождествляются государственная и христианская этика, правила и обычаи человеческого общежития, культура, государственное и церковное право³.

Как справедливо отмечают, онтологически существует только две мировые модели — Перворимская и Константинопольская. Римский имперский вариант — это мировая трансляция имперской мощи, организационной силы, цивилизационного устройства. «Константинопольский вариант» — в первую очередь трансляция веры, христианский призыв ко всему человечеству⁴.

«Сегодня многие — и не только извне, но также изнутри Православной церкви — резко критикуют Византийскую империю и ту идею христианского общества, которую она олицетворяла. Но можно ли считать, что византийцы всецело заблуждались? Они верили, что Христос, живший на земле как человек, искупил каждую сторону человеческого бытия, а потому возможно крестить не только отдельных людей, но и общество и его дух в целом. Таким образом, они стремились к такому устройству общества, которое было бы полностью христианским в принципах управления и в повседневной жизни. Фактически Византия была не чем иным, как попыткой вывести все возможные следствия из воплощения Христа и применить их на практике. Конечно, такая попытка была сопряжена с известным риском: в частности, византийцы зачастую отождествляли земное царство Византии с Царством Бога, а греков — точнее, “ромеев”, если воспользоваться самообозначением византийцев — с народом Божиим. Конечно, Византии часто не хватало сил, чтобы подняться на высоту собственного идеала, и такая нехватка порой оказывалась весьма прискорбной и даже катастрофической. Рассказы о византийском двоедушии, насилии, жестокости слишком хорошо известны, чтобы нуждаться в повторении. Они правдивы — но составляют только часть правды. Ибо за всеми недостатками Византии всегда различима *великая перспектива*, вдохновлявшая византийцев: утвердить здесь, на земле, образ небесного божественного правления»⁵.

Византия представляет собой не только «Церковь-государство», но — и это ее неотъемлемый признак — еще и «государство-Империю». Имперское сознание органично перешло от языческой державы в православное государство св. Константина Равноапостольного, чтобы создать новый вид государственности — «Церковь-Империю». И, безусловно, данный процесс был очень длительным и далеко не простым. Многие, очень многие политические и правовые идеи были заимствованы православной Византией из языческого арсенала, чтобы обогатиться, по-новому раскрыться, заиграть невиданными гранями и раскрыть иной смысл, который нехристианский ум еще не улавливал. Этот тезис напрямую относится к истории возникновения и формирования самой имперской идеи.

Неправильным было бы предположение, будто изначально своим возникновением Римская империя обязана попыткам практической реализации некой заранее и четко сформулированной имперской идеи — как известно, римляне вообще никогда не отличались склонностью к философствованию. Скорее, нужно признать, во-первых, что

они руководствовались некоторыми общераспространенными и *безусловными* для античного мировоззрения аксиомами. И, во-вторых, что, создав великое государство, они были вынуждены осмыслить содеянное, объяснить те мотивы, которые двигали ими, и предпринять необходимые меры для сохранения наследия предков.

Для древнего сознания империя неизменно ассоциировалась с вселенским масштабом деятельности, а необходимость ее создания основывалась на естественном стремлении человечества *воссоединиться* в рамках одного общества. Далеко не тщеславие и не желание обогатиться (или не они одни) двигали фараонами Египта, царями Вавилона и Персии, *Александром Македонским* (356—323 до Р.Х.) и римскими полководцами, но убежденность в том, что империя является *идеальной* формой государственного устройства. Только империя представляет собой государство, которое, обладая по своей природе признаком *универсальности*, могло объять весь свет. И, как мы знаем, именно способность государства и его деятелей обеспечить стабильность этого главнейшего для имперского тела признака определяла жизнеспособность и сроки существования очередного имперского образования. Из всех предшествующих попыток только Римская империя оказалась способной выполнить эту задачу — она существовала более 2 тысяч лет.

Окинув взором свои владения, Рим вольно или невольно использовал единственно возможную линию поведения в отношении завоеванных народов, зачастую копируя ту стратегию, которую использовали до него Хеттские и Персидские цари. Уже хетты своими стереотипами и принципами мирозерцания во многом отличались от иных народов-завоевателей. Они не ставили перед собой задачу систематического грабежа завоеванных племен — в первую очередь их отличала *терпимость* к окружающим народам и отсутствие желания навязывать им свои представления. При условии, разумеется, безальтернативного признания их политической власти.

Еще более эта модель поведения проявилась в реформах Персидского царя *Дарявауша* (*Дария I*) — (522—486 до Р.Х.). На нижнем уровне персы сохранили местные традиционные социально-государственные институты и старались не вмешиваться в местные дела. Прекрасно понимая, что ломка старых отношений приведет только к хаосу, следующим шагом Дарий провел кодификацию местного права и правовых обычаев, вследствие чего каждый народ жил по своим законам, и царский (персидский) закон применялся исключительно к отдельным, наиболее тяжким видам преступлений. Местные царьки

сохранили свои династии и право чеканки собственной монеты, признавая одновременно над собой власть Персидского царя.

Над местной знатью возвышались сатрапы — царские наместники, наверху иерархической лестницы располагалась царская администрация, к которой сходились все нити государственного управления. Вся территория Персидской империи подверглась единому кадастровому налогообложению, и повсеместно развернулось строительство прекрасных дорог, соединяющих провинции между собой. Но главное — приняв зороастризм, *космическую религию*, персы смогли наконец завершить строительство вселенской модели государства. В итоге Персидская империя дала своим народам мир, экономическую стабильность и благосостояние. Даже завоевание Персии Александром Македонским не привело к исчезновению этого великого имперского образования — Македонский царь широко использовал персидские институты. Сохранился институт сатрапов, только персидских наместников заменили греко-македонцы, остались неизменными царский церемониал и даже методы управления. По существу, Персидская империя продолжала существовать в своем неизменном виде, поменялась лишь правящая династия и национальный состав политической элиты⁶.

Это был прекрасный образчик, и, как мы увидим, правители Римской империи действовали аналогичным образом. Верховная власть не стремилась уничтожить местные общины, сохранив их быт и социальную структуру. В римский пантеон богов охотно включались другие божества, если, конечно, они не отрицали римские религиозные устои. А римское право, несмотря на свою изначальную элитарность, обеспечило *процесс интеграции* всех инородцев в римское общество и формирования из них граждан единой державы. В значительной степени именно римское право сыграло решающую роль в примирении местных и общегосударственных интересов и противоречий. Ведь с правовой точки зрения все завоеванные народы являлись подданными Римской империи и пользовались теми благами, которые им даровало римское право. Процесс признания всех *нелатинян* римскими гражданами носил, конечно, длительный характер, но он решил главную задачу — обеспечил единство политической власти и целостность территории Римского государства. Примечательно, что формирование из сравнительно небольшой Римской республики Священной Римской империи происходило бок о бок с развитием римского права и с расширением круга лиц, могущих требовать его защиты.

Согласно основному принципу древнего римского права, изначально не только римский гражданин, *civis Romanus*, пользовался защитой со

стороны государства и мог считаться полноценным членом римского общества. И право римского гражданства мог получить исключительно житель города Рима — доминанта этнического принципа очевидна и безусловна. Всякий *негражданин*, *hostis*, то есть враг, находящийся вне сферы действия права, должен был быть уничтожен или стать рабом. Позднее появляется некоторая промежуточная правовая категория лиц — *latini*, жители латинских общин на территории Италии, но не римляне, имевшие полную имущественную правоспособность, но не обладавшие политическими свободами римских граждан⁷. Все чужестранцы, кроме римлян и латинян, назывались в Италии peregrинами, *peregrine*. Правовая охрана peregrinov существенно различалась от римлян, в частности, *jus civitas* было для них недоступно. Но они подлежали охране со стороны *jus gentium*, «права народов», и потому уже не были совсем бесправными.

Период появления первых императоров характеризуется распространением национального права римлян на провинциалов. Это происходило двумя способами: 1) предоставления тем или другим местным общинам *jus latinum*, в связи с чем жители этих общин, выбранные на публичные должности, получали права римского гражданина и становились таковыми; 2) дарования римского гражданства тем или иным частям территорий или отдельным общинам.

Все остальные *неримляне* оставались под юрисдикцией права *peregrine*, но затем различие между *cives latini* и *peregrine* фактически сглаживается. С постепенным угасанием народных собраний политическая сторона этого различия становится совершенно незаметной. В 212 г. по эдикту императора *Каракаллы* (211—217), которым руководили, правда, чисто фискальные соображения (желание распространить на провинциалов римские налоги), *все подданные* Римской империи, за исключением лишь некоторых низших слоев населения, получили право римского гражданства. Как следствие римское право распространилось на всю территорию Империи и стало господствующим, хотя, конечно, местные обычаи, не противоречащие ему, все еще продолжали существовать и использовались местным населением⁸.

Главное — закон императора *Каракаллы* даровал *civitas* всем подданным Империи, но все *не подданные* (в первую очередь, варвары — германцы) по-прежнему еще долго считались peregrинами. Однако само римское право к тому времени уже настолько пропиталось принципами *jus gentium*, что, по крайней мере в области гражданского права, все различия между римскими гражданами и варварами практически стерлись⁹.

Принятие христианства при императоре св. Константине Великом и последующая интенсивная христианизация населения еще более упрочили общеполитическое единство государства, граждане которого были теперь спаяны не только единой политической властью императора и римским законом, но и *духовно*. Они ощущали себя членами единой Кафолической Церкви и гражданами Римской империи — единственно законного и цивилизованного государства своего времени. Фракийцы и германцы, галлы и испанцы, греки, армяне, исавры и сирийцы с гордостью называли себя *римлянами*, входили в политическую элиту Империи, становились императорами и проливали кровь в битвах с варварами и персами под римскими знаменами.

Как видим, христианство дало идее империи качественно новое понимание. Чтобы не передавать современными понятиями древнюю мысль, позволим себе процитировать историка IV в. Евсевия Памфила.

«Все древние на земле народы жили раздельно, и весь род человеческий делился на епархии, народоначалия, местоначалия, тирании и многоначалия, от этого противоборства и войны не прерывались, без опустошения полей и порабощения городов никогда не обходилось. А отсюда — тысячи предметов для истории, отсюда — примеры любодееяния и похищения женщин, отсюда — бедствия Илиона и припоминаемые всеми людьми трагедии древних. И ты не погрешишь, если причиной этого признаешь многобожие. Но после того, как спасительный организм, — само пресвятое Тело Христово, явилось выше всякой деятельности демонского обмана и показало Себя на словах и на деле чуждым его бедствиям, после того, как Оно вознеслось победным, отвращающим древнее зло трофеем над демонами, — все дела демонов тотчас разрушились: с того времени не стало уже ни местоначалий, ни многоначалий, ни тираний, ни демократий, а вместе с тем прекратились и происходившие от них опустошения и порабощения городов, осада деревень и областей, с того времени всем начали проповедовать единого Бога, для всех расцвело и одно Римское царство, и от века неутомимая и непримиримая вражда между людьми мгновенно угасла. Когда же всем людям преподано было познание единого Бога и показан один образ благочестия — спасительное учение Христово; когда же в одном царстве, в одно и то же время находящемся под владычеством одного римского правителя, все начало наслаждаться глубоким миром, тогда вдруг, как бы по мановению единого Бога, произросли для людей две отрасли добра: Римское царство и учение благочестия»¹⁰.

Таким образом, до Христа люди жили разрозненно, и отсюда — все беды и войны. После пришествия Спасителя все изменилось — как чудо, возникла Кафолическая Церковь и Вселенская империя, Римское царство, детище Христа. Как Церковь объемлет собой весь мир и может быть только Церковью Вселенской, так и православное государство, хранитель веры и благочестия, могло быть только *всемирным*. Римская империя явилась зримым воплощением идеи единства христианского мира, а императоры — его главы¹¹. Без Римской империи немыслима сама Кафолическая Церковь; но эта связь была взаимной — Римская империя без Церкви также существовать не может. Она получила свое сакральное обоснование и прочную основу в сознании своих подданных.

Время и фактические события, вследствие которых границы Империи постоянно изменялись (как правило, в сторону уменьшения территорий), не смогли тем не менее убить имперскую идею. Она настолько глубоко укоренилась в римском сознании именно в указанной редакции, что многие императоры вели длительные и тяжелые войны, преследуя своей целью реставрацию некогда обширнейшей державы мира. При *св. Юстиниане I Великом* (527—565) Римская империя, хотя и ненадолго, едва ли не полностью восстановила свои прежние владения. И историк особенно отмечает то обстоятельство, что эти войны, вследствие которых от ариан были освобождены обширные территории, носили *религиозный характер*¹². При последующих императорах — Ираклидах, Исаврах, Македонцах идея восстановления единой христианской Империи также являлась неизменным мотивом внешней политики византийских василевсов. В конце VII века, когда арабы захватили Иерусалим, Александрию, Антиохию, Отцы Трулльского Вселенского Собора, игнорируя фактическую сторону дела, утверждают, что именно римский император «принял управление родом человеческим по мановению свыше»¹³. Позднее император *Мануил I Комнин* (1143—1180) гордился, когда его называли «новым Юстинианом». Он тоже мечтал о воссоединении Италии с Римской империей и даже замыслил перенести столицу в Рим¹⁴.

Это была, без всякого преувеличения, величайшая держава, причем не только в политическом, правовом, военном и экономическом отношении, но и в *культурном*. Весь мир грезил о Константинополе, как о городе чудес, окруженном золотым сиянием, в котором уже в VI в. проживало около миллиона человек¹⁵. «О нем мечтали в туманах Скандинавии, на берегах русских рек, которыми северные искатели приключений спускались к несравненному Царьграду; о нем

мечтали в феодальных замках далекой Франции, куда героические поэмы, например поэма о путешествии Карла Великого в Иерусалим, доносили чудесную весть о славе Византии; о нем грезили в венецианских банках, где знали о богатстве византийской столицы и о выгодных сделках, которые можно совершать на Босфоре. И со всех сторон мира Константинополь привлекал к себе иностранцев. Скандинавские викинги приходили сюда, чтобы служить в императорской гвардии, и рассчитывали составить себе здесь состояние; русские записывались в императорскую армию и флот и давали им хороших солдат; армяне входили в состав лучших корпусов византийской армии. В Константинопольском университете вокруг знаменитых учителей толпились ученики со всей Европы, иностранцы, стекавшиеся сюда из арабского мира и даже иной раз с Запада. Константинополь, по одному меткому определению, был Парижем Средних веков. Его чудеса приводили в восхищение путешественников»¹⁶.

Как подсчитали последующие исследователи, только один Константинополь давал императорам ежегодно не менее 83 млн золотых сольдо, и этот город жил в какой-то *неописуемой* роскоши. Но и остальные торговые и промышленные центры Римской империи мало отставали от Константинополя. Александрия по праву считалась центром торговли и промышленности, Фивы и Коринф славились изготовлением шелковых тканей, в Патрасе шили пурпурные одежды. Фессалоники являлись цветущим и богатым городом, и большие толпы иностранцев заполнили его улицы и особенно порт и рынок. В мастерских вырабатывались медь, железо, цинк, свинец, стекло, и объемы производства были столь велики, что могли удовлетворить любые нужды. Помимо этого, процветали торговые города: Дуррацио, Анкона, Корфу, Бонича, Корона, Навпль, Афины, Халкида, Деметриа, Хризополис, Переферион, Абидос, Адрианополь, Апрос, Гераклея, Родос и многие другие. Все, все, произведенное в любом цивилизованном уголке Древнего мира, стекалось в Византию¹⁷.

Власть Римского императора была единственно легитимной во всей Вселенной — и эта аксиома была ясной, как Божий день, практически для всех современников, вне зависимости от их национальной и политической принадлежности. Поскольку миссия императора как главы и первого защитника Кафолической Церкви заключалась в распространении повсюду света веры, а Вселенная, по пророчествам, обетована Царствию Небесному, то, следовательно, вся земля по «божественному праву» принадлежит императору. Как следствие император не только имел право (или даже был обязан) требовать назад

все захваченные варварами земли, но и открыть и владеть остальными, еще неизвестными ему. Поэтому, император являлся *естественным сюзереном*, выражаясь европейскими понятиями, всех варварских государств, основавших на римских и даже смежных территориях свои государства¹⁸.

Даже в XIV в., когда от Византии оставалась одна тень, современники по-прежнему были убеждены в том, что единственно легитимным государством в мире является Священная Римская империя. Хрестоматийным примером выступает известное сочинение Данте Алигьери (1265—1321) «Монархия», написанное в 1313 г., в котором присутствуют интересные строки. «Светская монархия, — пишет Данте, — называемая обычно империей, есть единственная власть, стоящая над всеми властями во времени и превыше всего, что измеряется временем». Для него Римская империя — «универсальная цель гражданственности человеческого рода». Бог пожелал, чтобы все было подобно Ему в той мере, в какой это предусмотрено природой вещей. И человеческий род хорош, когда он един, так как только в одном Боге заключаются подлинные основания единства. А это возможно только в том случае, когда человечество подчинено одному правителю. И, наконец, аргумент, совершенно отметающий все сомнения: если Римская империя существовала не по праву, то Христос бы не родился в это время¹⁹.

Неудивительно, что варварские короли испытывали глубокое благоговение перед Римской империей и готовы были повторять слова одного из своих товарищей: «Да, император — земной бог, и всякий, кто поднимет на него руку, должен заплатить за это преступление своей кровью!» Они настойчиво добивались признания за ними римских титулов и называли императора «своим повелителем». Чувствуя себя вассалами царя, они почтительно принимали от него распоряжения, подчинялись его решениям и обращались к нему как высшему судье, если между ними происходили недоразумения. Даже франки, славящиеся своим свободолюбием, называли императора «достолепным повелителем» и «отцом» и в известных пределах готовы были признать его власть над собой²⁰.

Как великую награду, гуннские и готские вожди принимали согласие императоров (к примеру, св. Юстиниана Великого) стать их восприемниками при совершении таинства крещения. Лангобарды и гепиды разрешали у царя свои территориальные споры и считали его своим «крайним судьей». Африканские маврусии имели закон, согласно которому никто не вправе властвовать над ними, прежде чем рим-

ский император не пришлет ему, даже если в тот момент они воевали с Римом, знаки царской власти²¹.

В Италии наиболее верным и послушным вассалом империи была Венеция, где также преобладали этнические греки. Императоры доверяли венецианцам надзор за порядком на Адриатике, а с конца X в. (992 г.) предоставили им значительные торговые привилегии. В Южной Италии особенно тяготели к Византии республики Неаполь, Гаэта и Амальфи. Лангобардские государи Салерно, Капуи и Беневента, хотя и не были столь надежными вассалами, в целом приняли византийский протекторат. На северо-западе Балканского полуострова и по всему побережью Адриатического моря союзниками Империи, особенно против болгар, были славянские государства Хорватия и Сербия, обращенные императором *Василием I Македонянином* (867–886) в христианство и подчиненные Римской империи. На востоке, на берегу Черного моря, Херсон служил ценным наблюдательным пунктом, проводником политического и экономического влияния на хазаров, печенегов и русских. На Кавказе правители Алании, Абхазии, Албании гордились тем, что носили византийские титулы и получали от Византии субсидии²².

Однако с течением лет Римская империя все более и более утрачивала свои территории. Вначале откололась западная ее часть, завоєванная германцами и в IX в. вошедшая в состав Франкского государства. На Востоке были постепенно потеряны Сирия, Египет, Малая Азия; позднее были захвачены Балканы. Но едва ли не до последнего дня византийцы считали эти земли *временно оккупированными*, своими. Да, на них не распространялась политическая власть Римского императора, однако даже после завоевания территорий Иерусалимского, Антиохийского и Александрийского патриархатов арабами, а потом турками, Византийский царь по-прежнему назначал на вдовствующие кафедры архиереев, а каноническая власть патриарха Восточной Церкви распространялась и на эти области. Акты, принятые Константинопольскими Поместными Соборами или Синодом, Вселенским патриархом либо императором, подлежали безусловному исполнению христианами, проживающими на этих территориях и принадлежащими к Православной Церкви.

По некоторой иронии судьбы, руководствуясь самыми различными мотивами, потомки искусственно разделили хронологию Римской империи на два периода, так что с некоторого времени последние десять веков существования этого государства начнут именовать в специальной литературе *Византийским периодом*. Так, помимо Римской импе-

рии, виртуально вдруг возникла никогда не существовавшая отдельно *Византийская империя*. Главная причина такой «переработки» истории заключалась в желании поздних историков придать видимость законности существования, начиная с VIII в., Священной Римской империи германской нации — плод исторических трудов франкского племени, и обосновать ее в качестве единственного законного наследника римской цивилизации. Для этих целей некоторые позднейшие западные исследователи искусственно представили позднюю Державу в виде *нового государства греков*, якобы не имевшего ничего общего с Римской империей. И небольшой городок на берегу Босфора под названием Византий, расположенный на месте нынешнего Константинополя, где святой и равноапостольный Константин Великий основал новую столицу, невольно подарил свое имя новой легенде. Так возник миф о «Византийской империи», миф — совершенно необоснованный историческими фактами и событиями, если противопоставлять ее Римской империи.

И нет ничего удивительного в том, что до сих пор отсутствует единая точка зрения о том, с какого момента можно говорить не о Римской империи, а об ее «детище» — Византийской империи. Некоторые отсчитывают летопись Византии со времени правления императора *св. Константина Великого* (306—337), другие — императора *Аркадия* (395—408). Третьи называют рождением Византии время *св. Феодосия II Младшего* (408—450), наконец, по четвертой, но далеко не последней версии — *св. Юстиниана I Великого*. Но название прикилось — оно действительно очень красиво и таинственно, — и сейчас, как слова-синонимы, повсеместно употребляют два термина: «Римская империя» и «Византийская империя». Не отклоняясь от этой традиции, мы также будем использовать оба именованья в качестве равнозначных, но — не более того.

Никаких объективных оснований *противопоставлять* Византию Римской империи, конечно, нет. Дело в том, что за основу этого «научного» разделения были взяты границы, установленные еще в IV в. при императоре *Диоклетиане* (284—305), и различие этносов, доминировавших на Западе и на Востоке. Однако формальное разделение некогда монолитной Римской империи на Западную и Восточную части не следует воспринимать как распад государства на вотчины или надель. Реформа императора Диоклетиана, разделившего верховную власть и провинции, касалась лишь вопроса *оптимизации административного управления*, не затрагивая при этом основу основ римской государственности — ее имперскую идею.

Св. Константин Великий также руководствовался исключительно административной необходимостью, даже не представляя, что его мероприятия могут быть квалифицированы как раздел Империи между различными правителями. Римское государство мыслилось древним сознанием только в единственном числе, никакой альтернативной Империи, кроме уже существующей Римской, быть в принципе не могло. Западные и восточные императоры (или *соимператоры*) активно участвовали в решении военных и религиозных проблем друг друга, вполне резонно полагая, что их акты касаются жизни всей Империи в целом.

Когда Аркадий был объявлен властителем Востока, а *Гонорий* (395—423) — Запада, обе половины Римской империи при всей разделенности их существования не представляли собой самостоятельных государств, и законы по-прежнему издавались от имени обоих императоров. Это было *единое государство*, и только с большой натяжкой, переиначивая древние понятия на современные термины, можно говорить о западной и восточной частях Римской империи и их относительной автономии. Несколько позднее, уже в те времена, когда Италия практически была оккупирована варварами, папа *Геласий* (492—496) обращается к императору *Анастасию I* (491—518) с такими словами: «Я люблю, почитаю и принимаю тебя, как римского императора». И дальше, рассуждая на богословские темы, специально оговаривается, чтобы смягчить возможное недовольство царя: «Молю тебя, да не сочтет Римский государь, что та истина, которую я сообщаю ему, нарушает его право»²³.

Действительно, на протяжении веков Римское государство существенно менялось как по характеру своей внутренней жизни, так и внешне. Этнические латиняне — некогда титульная нация и родоначальники Вселенского государства первоначально доминировали в Италии. Однако за границами Апеннинского полуострова латиняне представляли значительное меньшинство по сравнению с коренным населением. С течением веков латинское начало было еще более разбавлено германскими элементами, залившими своими волнами территорию Италии, Галлии, Испании, Британии.

Иная картина была на Востоке. Еще издавна греки облюбовали для себя этот край, и вскоре на карте появилось множество греческих городов, где довлел греческий этнос и сохранялся традиционный для греков уклад жизни: Сизика, Никея, Магнезия, Пергам, Эфес, Смирна, Тарс, Атталия, Антиохия, Александрия. В эпоху Птолемеев и Селевкидов, всячески поощрявших греческую культуру, греческая цивилиза-

ция подчинила себе почти все сферы жизни городов и деревень многих областей Востока. По мере того как их родина, Древняя Эллада, нищала и опустевала, многочисленные толпы греков направлялись на Восток, где был хлеб, масло, вино и безопасность. И если далеко не везде греки доминировали численно, то их влияние на иные цивилизации Востока и в целом на восточную культуру было безальтернативным. Даже в армии употреблялись воинские звания греков, и сама она была сформирована по греческому образцу²⁴.

Философский ум грека гораздо раньше Рима воспринял проповедь Христа, и христианских общин на Востоке было несравнимо больше, чем на Западе. Именно в Антиохии и Александрии образовались первые богословские школы, известные своими учителями веры, ораторами и проповедниками. Завоевание Востока римлянами мало изменило жизнь греческих полисов: римляне сохранили греческое муниципальное устройство и административную систему управления; они вообще не столько стремились романизировать греков, сколько эллинизировались сами. Вместе с тем, тщательно охраняя свою культуру, очень ревниво относясь к попыткам противопоставить греческой цивилизации римскую, куда менее содержательную и богатую, этнические эллины считали себя *гражданами Римской империи* и гордились этим статусом.

Уже в VII в. старинные латинские титулы или исчезают на Востоке, или эллинизируются. Вместо них появляются новые названия — *логофеты, эпархи, стратиги, друнгарии*. Поскольку в армии преобладали азиатские и армянские элементы, греческий язык становится «армейским» языком, на котором отдается команда. И хотя Византийская империя до последнего дня продолжала называться Римской империей, тем не менее там совершенно не понимали латыни, и слово «ромей» означало «грек». Появляется простонародный греческий язык, ставший разговорным для большинства населения Римской империи²⁵. По этой причине впоследствии мы будем использовать в качестве синонимов именования «византийцы», «римляне», «ромей» и «греки».

Позднейшее завоевание Запада германцами во времена *Карла Великого* (768—814) также вовсе не означало автоматического отделения этих земель от Римской империи. В те времена речь шла только о том, *кто* является ее законным правителем, и здесь были задействованы различные варианты. Карл неоднократно предпринимал попытки примерить на себя диадему византийских императоров через сына, а потом — посредством своей женитьбе на императрице *св. Ирине* (797—802), но без-

успешно. Затем, играя на иконоборчестве восточных императоров, не признавая их, как еретиков, законными царями Рима, он инсценировал собственную коронацию папой Римским. Конечно, его права не были признаны в Константинополе, где его считали пусть и выдающимся, но все-таки *узурпатором*.

И лишь впоследствии, когда его преемники пришли к окончательному и безрадостному для себя выводу о том, что Константинополь никогда не признает легитимности их власти над Италией и остальным Западом, была создана в качестве альтернативы Константинополю Священная Римская империя германской нации. Нетрудно догадаться, что византийцы ее также не признали.

Надо сказать, что новая Западная империя существенно отличалась от римского аналога. Да, у германцев сохранились вселенские амбиции и желание подчинить своей власти весь мир. Но важное уточнение: во-первых, даже на Западе им вскоре пришлось мириться с фактом появления *многих других* европейских христианских государств — результат распада державы Карла Великого при его детях. Во-вторых, хотя римское право и римские политические институты сыграли серьезную роль в деле становления германской цивилизации, но та имела свои собственные индивидуальные черты, качественно отличавшиеся от раздавленной немцами римской культуры. Германцы оставались германцами и не принимали столь привычного на Востоке обращения «римляне». Наконец, в отличие от римлян, германцы начинали свою экспансию завоеванных земель *полной стерилизацией* местных политических, правовых и социальных институтов.

Некоторые сходные процессы, связанные с девальвацией имперской идеи, происходили и на Востоке. Со временем политическая и культурная роль греческого элемента там еще более возрастает, и в XIV в. византийцы уже охотно говорят о своем греческом происхождении и культивируют *эллинизм* — термин, применявшийся ранее только по отношению к язычникам, которых противопоставляли христианам. Вместе с тем, как и ранее, византийцы с гордостью называли себя *римлянами, ромеями* (на греческий лад), на Западе их часто именовали *греками*, но в любом случае они нисколько не сомневались в том, что единственно законная Империя, наследница многовековой истории — их, Римская. Легкая «культурная» *рябь* Георгия Плифона на толще древних традиций и эллинизация аристократических кругов оказали очень слабое воздействие на византийскую мысль. Хотя бы потому, что сам Плифон не был христианином — скорее, *неоязычником*²⁶.

Уже под конец существования Римской империи, когда велись переговоры о созыве объединительного Вселенского Собора в Ферраро, византийцы были крайне уязвлены тем, что латиняне назвали их *греками*, а не римлянами. Дошло до того, что переговоры едва не были сорваны²⁷.

На Западе Священная Римская империя тем более утрачивала свою духовную и политическую гегемонию. В конце концов она стала представлять собой *квазиконфедерацию*, где власть императора неизменно сталкивалась с властными претензиями Римского епископа и светских правителей сотен княжеств, герцогств, баронств, маркграфств, чьим решением государь и избирался на трон. Некоторое время единственным носителем имперской идеи являлся Римский епископ, но вскоре и ему пришлось смириться с фактом существования в Европе *национальных государств*. Сама идея восстановления единой Державы становилась совершенно невыполнимой. И для папства страшна была уже не Империя, которая смогла бы восторжествовать над Римом, а то, что, разгромив ее, папство может совершить акт самоубийства, пытаясь занять место ее последних идейных защитников²⁸.

Можно сколь угодно долго строить «теории», но факт остается фактом. Пусть Запад и называл византийцев «схизматиками», но в действительности никто из современников не недооценивал значения византийской цивилизации. Гибель Константинополя в 1453 г. показалась всему христианскому миру неким невиданным событием, настоящим *апокалипсисом*, очевидным предвестием последних дней. С Константинополем умерла не только Римская (Византийская) империя, в то время политически уже совсем не великая и далеко не могущественная. Византия всегда являлась *центром христианской цивилизации*, и вот теперь он пал. Современникам эта утрата казалась невосполнимой.

Замечательна реакция Западной Европы на падение Византии. Рим, при всей многовековой вражде к Константинополю, немедленно потребовал, чтобы все Западные государства сообща предприняли Крестовый поход для освобождения великого Города. Сам папа *Николай V* (1447—1455) прилагал невероятные усилия, чтобы его организовать и возглавить. Он рассылал грозные послания западным государям, призывая их к активным действиям. В папской булле от 30 сентября 1453 г. каждому из них предписывалось пролить кровь за святое дело, а также выделить на него десятую часть доходов национальных бюджетов.

Эмоции овладели не только папой. Император Священной Римской империи германской нации *Фридрих III* (1452—1493) написал

папе письмо, в котором выразил весь ужас, испытанный им при известии о падении Константинополя. Французский композитор Гильом Дюфэ написал специальную погребальную песнь, и ее распевали во всех французских землях²⁹. В феврале 1454 г. Бургундский герцог *Филипп Добрый* (1419—1467) устроил в Льеже пир, на котором все присутствовавшие рыцари поклялись пойти на священную войну для освобождения Константинополя из рук неверных³⁰.

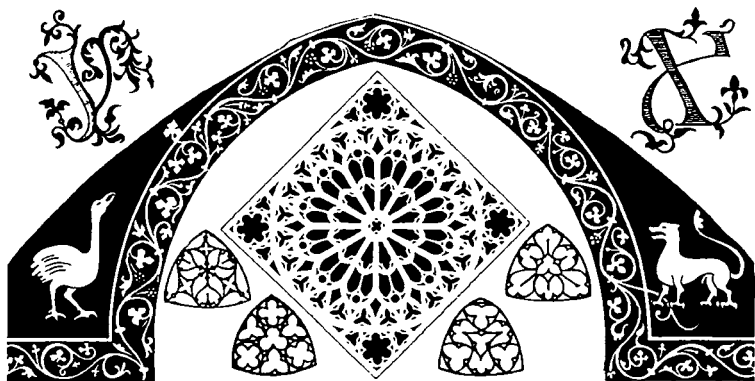
Но это будет еще очень нескоро. А пока, в начале нашего изложения, Римская империя представляла собой языческое государство, озабоченное отражением внешних угроз и переживающее серьезные внутренние катаклизмы, связанные с формированием новых институтов государственной власти. В те годы родился человек, перевернувший своей рукой одну страницу истории и открывший новую страницу летописи Империи. Это был святой равноапостольный император Константин Великий, с царствия которого мы и начнем наше изложение.

ДИНАСТИЯ КОНСТАНТИНА

І. СВЯТОЙ РАВНОАПОСТОЛЬНЫЙ КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ (306—337)

Глава 1. На пути к единоличной власти

Биография св. Константина Великого является прямым историческим опровержением иногда высказываемому тезису, будто личность монарха не влияет на ход развития человеческого общества. Святой Константин относится как раз к тому типу людей, которые выступили *орудием Провидения*, соединив для достижения поставленной цели свою волю и лучшие качества характера. Исследователю, повествуя о св. Константине, повезло: далеко не каждый исторический персонаж, даже из числа великих деятелей человечества, способен похвастать такой широкой библиографией о себе, как святой и равноапостольный император.

«Слава Константина, — справедливо отмечал один историк, — придала мельчайшим подробностям касательно его жизни и образа действий особый интерес в глазах потомства». Уже место его рождения и положение матери — св. Елены сопровождается массой гипотез и легенд. Некоторые, наиболее ревностные почитатели первого христианского императора Рима выводят его родословную через мать от британских королей. Но объективность требует признать, что была она совсем невысокого рода, скорее всего, дочерью хозяина гостиницы и содержанкой (конкубиной) отца св. Константина *Констанция Хлора* (305—306). Но даже позднее, когда в силу политических обстоятельств отец был вынужден жениться на другой женщине, он не оставил свою

первую любовь. От этого союза римского солдата и дочери владельца гостиницы, вероятно, в Дакии в 288 г. и родился будущий великий император римлян³¹.

Юность и молодость нашего героя были вполне традиционными для римлянина-аристократа (его отец к тому времени уже сумел снять себе славу и авторитет на воинской ниве), хотя и не без весьма существенных особенностей. Как известно, при императоре *Диоклетиане* (284—305) система государственной власти Римской империи претерпела существенное изменение. Вместо одного императора в Империи появляется *четыре соправителя*, каждый из которых окормлял своей властью ряд провинций. Двое из них являлись *августами*, двое — *цезарями*. По доктрине Диоклетиана, через некоторое время августы должны были выйти в добровольную отставку, а их место занять цезари. В этом контексте цезари являлись «подмастерьями» августов: они должны были учиться и набираться опыта у своих старших товарищей, преемниками которых собирались стать спустя некоторое время. Принцип преемственности власти, установленный Диоклетианом, подразумевал новый набор цезарей после рокировки соправителей и т.д. Таким образом, по мысли Диоклетиана, исключалась борьба за власть, а управление провинциями приняло необходимые оперативные черты, чего явно не хватало ранее при излишней централизации государственной власти³².

Суть взаимоотношений между августами и цезарями определили следующим образом: «*Duo sint in republica maiores, qui summam rerum teneant, duo minores, qui sint adjuvamento*» («Двое должно быть в государстве старших, кто всю полноту дел держит, двое младших, кто им помогает»). Диоклетиан прекрасно понимал, что в одиночку он не в состоянии управлять Империей, что только непосредственное присутствие лица, облеченного статусом «император», является панацеей от угрожавших Римской империи опасностей³³.

Для облегчения управления государством Диоклетиан разделил всю Империю на четыре *префектуры*: 1) Восток; 2) Иллирия; 3) Италия и Африка; 4) Галлия вместе с Британией и Испанией. Префектуры разделялись на 12 *диоцезов*, а диоцезы на 101 *провинцию*. Соответственно этому во главе префектур находились гражданские чиновники (*prefecti praetorio*), сосредоточившие власть управления (кроме военной) в своих руках. Диоцезы и провинции также имели своих чиновников, вследствие чего появлялся некий «скелет», на котором держалось управление Римской империей. Можно, конечно, согласиться с тем, что такая система управления подрывала и шла вразрез с древним

римским муниципальным строем, но время требовало других управленческих решений, чем те, что родились на заре становления Римской республики³⁴.

Удивительно, но тетрархия не предполагала разделения верховной власти; она оставалась единой и неделимой, просто почил на главах сразу четырех своих избранников, один из которых, сам Диоклетиан, являлся главным августом, или *императором*. Первоначально августами стали непосредственно Диоклетиан и *Максимиан* (284–305), а отец св. Константина Констанций и *Галерий* (305–311) — цезарями. После 305 г., то есть после добровольной отставки большого Диоклетиана, Констанций и Галерий стали августами, а Флавий Север и *Максимин Даза* (305–313) — цезарями. По договоренности, Констанцию досталась в управление северно-западная часть государства — Галлия, Британия и Испания. Этот принцип формирования верховной власти сыграет решающую роль в жизни св. Константина и предопределит характер его деятельности на целые десятилетия.

Вторая особенность напрямую связана с отношением к христианству в семье св. Константина. Его мать св. Елена была тайной христианкой и, очевидно, сумела привить сыну первую любовь к неведомому и непонятному римскому миру Богу. Его отец также явно отличался от своих товарищей редкой религиозной терпимостью в целом и к христианам в частности. Есть все основания полагать, что и вторая жена Констанция — Феодора, и его дочь от второго брака Анастасия также были христианками³⁵. Находясь долгое время при дворе василевса, св. Константин не мог не ознакомиться с первоосновами этого учения, а также не заметить многочисленных и торжественных христианских собраний, которые проводились на Востоке³⁶.

Но вместе с тем на времена правления Диоклетиана приходится очередное, весьма жестокое гонение на христиан, инициированное Диоклетианом «по подсказке» Галерия. Исключение составлял, по словам биографа св. Константина Великого Евсевия Памфила (около 260–340), епископа Кесарийского, только отец будущего первого христианского императора Рима Констанций.

В то время, когда его соправители «нападали на церкви Божьи и разрушали их сверху донизу, а дома молитвы истребляли до самого основания, он сохранил свои руки чистыми от такого губительного нечестия и никогда не уподоблялся им»³⁷. Впрочем, и помимо Констанция у христиан было множество тайных и явных защитников среди окружения императора, в армии и во влиятельных аристократических кругах. Удивительно, но даже в самый разгар гонений сам Диоклетиан

вынужден был терпеть у себя в семье двух христианок — жену Валерию и дочь Прииску. Но они не обладали административными полномочиями, как Констанций.

Евсевий нигде не упоминает о крещении Констанция Хлора, что, впрочем, еще ничего не означает, поскольку публичная огласка этого факта, если он действительно имел место, могла бы иметь для него катастрофические последствия. Как минимум его карьера была бы окончена, если не сказать более. Все же, по-видимому, внешне он оставался верным государственному языческому культу, хотя и оказывал тайное содействие гонимым христианам³⁸. А то снисхождение к ним, которое он неоднократно демонстрировал, связано с мягким и добрым характером западного правителя и его религиозной терпимостью. Как мы увидим, св. Константин в полной мере заимствовал у отца лучшие черты характера, в том числе и уважение к свободе совести человека.

Тетрархия закладывалась Диоклетианом как плод рациональной и прагматичной римской мысли — из всех возможных вариантов он выбрал тот, который казался ему наиболее эффективным. И эта система вовсе не предполагала в качестве своего обязательного элемента дружбы между цезарями и августами. Каждый из них стремился к некоторым дополнительным гарантиям для себя, в связи с чем еще совсем молодым человеком св. Константин стал в буквальном смысле слова заложником у Диоклетиана, а потом у его преемника, со временем почти получившего абсолютную власть в свои руки — Галерия, наиболее яростного гонителя христиан. Будучи высоким красивым юношей, св. Константин, по словам древнего историка, уже тогда производил впечатление царственной особы, отличался физической силой и явно превосходил своих сверстников разумом и способностями к наукам. Сверстники опасались конфликтовать с ним. Да что там сверстники — юного св. Константина боялся сам Галерий, которому было предсказание, будто сын Констанция уничтожит его могущество³⁹. Юноша отличался отменной храбростью, вместе с Диоклетианом он предпринял ряд военных походов, где блестяще себя проявил как воин и командир. За это он принял участие в триумфе императора, находясь, что называется, в «близком круге» царя. За войны в Египте и Персии Диоклетиан даже возвысил св. Константина до почетного звания трибуна первого разряда.

Между тем с уходом в отставку больного Диоклетиана, на которой настоял Галерий, используя какие-то свои, бесприкрытые аргументы, борьба за власть приняла еще более рельефные очертания. Опасаясь — и не без оснований — козней со стороны недругов отца,

св. Константин воспользовался удобным случаем и вернулся к родителю, находившемуся уже пред вратами Небесного Царства.

История этого бегства не лишена интереса. Галерий, опасавшийся в своей борьбе за единовластие в Риме единственно августа Констанция, совершенно не собирался давать свободу его сыну. Но Констанций направил ему письмо, в котором умолял разрешить повидаться с сыном перед смертью, которая якобы уже стояла за его плечами. Галерий внешне согласился — все-таки формально они были равны в статусе и не выносили свои разногласия на людской суд — и сделал предварительные распоряжения, надеясь, что утром найдет необходимые причины, якобы препятствующие отъезду св. Константина. Но последний использовал этот практически единственный шанс и, начав свой путь на Босфоре, пересек пролив, добрался до Дуная, прошел через Альпийские перевалы и закончил свое путешествие на равнинах Шампани, где располагалась ставка Констанция. Констанций с сыном благополучно переплыли Ла-Манш и обосновались в Британии. Галерий был в ярости, но поделать уже ничего не мог⁴⁰.

Святой Константин прибыл к отцу вовремя: спустя год тот скончался, и после похорон Констанция войско провозгласило св. Константина августом⁴¹. Юный василевс Запада направил уведомление об этом Галерию, обосновав в письме свое преемство покойному отцу. Галерий физически не мог воспрепятствовать этому факту и, кроме того, видимо, надеялся, что варварские волны, систематически захлестывавшие римские территории, сами собой устроят опасного конкурента. Галерий полагал также, что даже в самом оптимистичном для св. Константина варианте тот не сможет сохранить безопасность своих провинций. Как следствие его авторитет оказался бы навсегда подорванным. Но, столкнувшись один на один с трудностями, св. Константин явил себя отличным воином и великолепным, талантливым полководцем. Он разбил германцев, затопивших Галлию, и обратил свой взор на дикие британские народы, которые также быстро подчинил себе, или, что вернее, вернул под юрисдикцию Рима.

Надо сказать, что ситуация в государстве в политическом плане за этот короткий промежуток времени существенно изменилась. В октябре 306 г. в Риме поднялось восстание, и Рим отверг власть Галерия, недовольный длительным отсутствием августа в древней столице государства. По-видимому, не последнюю роль сыграл сенат, крайне недовольный уменьшением его власти при Диоклетиане. В результате Галерий потерял Италию. На первое место в числе соправителей Империи внезапно вышел *Макценций* (305—312), сын Максимиана,

формально находившегося в отставке вместе с Диоклетианом, на деле тайно помогавшего сыну и имевшего амбициозные планы на будущее.

Галерий и Север попытались воспрепятствовать излишне честолюбивому конкуренту, но их походы завершились катастрофой. Вначале, по просьбе Галерия, поход на Рим начал Север, но его войско было разбито, а сам он взят в плен Максимианом уже под Равенной. Вскоре ему был вынесен смертный приговор, и Север, найдя утешение в легкой смерти, вскрыл себе вены. Тогда в дело вступил сам Галерий. Но набранная им в Иллирии огромная армия дошла лишь до города Нарни, что находился в 60 км от Рима. Там Галерий осознал безуспешность своего предприятия и затеял мирные переговоры, не увенчавшиеся успехом⁴². Не без труда Галерий вернулся в свою восточную столицу.

Все же Максимиан и Макценций чувствовали необходимость в надежном союзнике, которым, естественно, мог быть только св. Константин. Западный василевс не мог отказать им в этом предложении — в противном случае он был вынужден в одиночку воевать с Галерием. Политический союз скрепился в 307 г. браком св. Константина с Фаустой, дочерью Максимиана, что через много лет принесет свои трагические плоды, которых мы коснемся несколько позже. Но тогда это соглашение, заключенное в Карнунте, закрепило политическую расстановку сил.

Увы, оно, как и многие другие политические договоры, существовало недолго. Став главой Рима, Макценций совершенно не собирался считаться с властью отца, который в один прекрасный день обнаружил, что является едва ли не номинальной фигурой на фоне собственного сына. Трибунал, в который он обратился, отдал предпочтение Макценцию. Спасаясь бегством, отец был вынужден отправиться в Иллирию, к Галерию, который, конечно, его не принял. Убегая уже от Галерия, который пожелал умертвить отца своего врага, Максимиан спешно перебрался в Галлию, под защиту св. Константина, который вместе с Фаустой радушно принял его. Таким образом, Макценций фактически стал узурпатором, отнявшим власть у собственного отца, а также причиной прекращения действия ранее заключенного четырехстороннего соглашения⁴³.

Легко принять славословия историков в адресо св. Константина как обычный прием антитезы при описании его достоинства на фоне многочисленных пороков врагов. Но в данном случае объективно Макценций олицетворял все негативное, что мог придумать даже выдавший виды Рим. В то время как Галлия под правлением св. Константина наслаждалась спокойствием и благоденствовала, Италия и Африка стра-

дали под властью Макценция. Писатели единогласно утверждают, что новый правитель Рима был жесток, жаден и развратен.

Например, подавив незначительное восстание в Африке, во главе которого стоял губернатор провинции с немногочисленной группой соратников, Макценций обрушил свой гнев целиком на всю область, которая была опустошена огнем и мечом его солдат. Многочисленная армия наушников и шпионов без усталости «открывала» новые связи разоблаченных заговорщиков, вследствие чего гибли невинные, но очень обеспеченные люди, имущество которых конфисковали. В самом Риме Макценций совершенно утратил стыд и открыто преследовал симпатичных женщин, в том числе жен и дочерей сенаторов. Как и полагается в таких случаях, отказы в домогательствах Макценцием не принимались. Армия не отставала от своего повелителя, а он втайне потворствовал ее грабегам и насилиям. Наконец, Макценций заявил, что в действительности только он один является императором Рима, а остальные правители — не более чем его *временные наместники* в провинциях. Война становилась неизбежной⁴⁴.

К сожалению, и внутри семьи св. Константина было не все спокойно, а одно печальное событие ускорило начало военных действий, родив формальный, но столь желанный для Макценция предлог для объявления войны. Старый соправитель и товарищ Диоклетиана не отличался большим благородством и щепетильностью — черты характера, вполне унаследованные его детьми Фаустой и Макценцием. В 310 г. Максимин организовал неудавшийся заговор против св. Константина, целью которого являлось физическое устранение того от власти — проще говоря, убийство. Воспользовавшись временным отсутствием западного августа, он распространил слухи о его гибели и без затей положил свою руку на царскую казну. Конечно, св. Константин быстро восстановил положение дел, захватив в плен незадачливых заговорщиков и предав их суду. Приговор был скор и справедлив, но до публичной казни не дошло. С тайного ведома св. Константина Максимин повесился⁴⁵.

Но для Макценция это была большая удача. Разыграв сыновью горе, он объявил войну св. Константину. Однако тот не собирался отсиживаться в пассивной обороне и решил опередить своего соперника, перенеся театр военных действий в Италию. Накануне военных действий, хотя и без некоторых оговорок, образовались следующие коалиции — св. Константин и Лициний — преемник Севера, с одной стороны, Макценций и Максимин Даза — с другой.

Как пишет историк, подготавливаясь в 312 г. к походу, св. Константин серьезно задумался о том, у какого бога искать покровительства, из чего можно сделать два важных вывода. Во-первых, что сам молодой август был тогда еще равнодушен к учению Христа, и если и не организовал гонения на христиан по примеру других цезарей, то, скорее, по природной своей мягкости и благородству, чем по религиозному убеждению. И, во-вторых, что языческий культ *уже* не устраивал св. Константина. Очевидно, по складу своего характера это был не только рассудительный человек (обыкновенно люди не склонны размышлять об основах традиционного для их семьи и общества вероисповедания), но и человек духовно богатый, чья душа искренне стремилась к познанию Божества. В целом это был далеко не «средний» человек, и уж во всяком случае человек искренних убеждений.

Сегодняшнему секуляризированному сознанию, воспитанному на скудных строках учебных пособий, невозможно представить себе во всей полноте картину личного воцерковления человека, тем более когда такое воцерковление приходилось на языческие времена императоров-гонителей христианской веры. Казалось бы, до нас дошли лишь слова, поведавшие о том, что-де перед решающей битвой с Маккенцием у стен Рима или даже ранее (по Евсевию Памфилу) св. Константин узрел во сне Божье предзнаменование, после чего повелел изготовить специальное знамя — *лаборум*, а изображение креста нанести на щиты воинов. А после победы, убедившись во всемогуществе Бога, сделал все зависящее от него для прекращения гонений и воцерковлению всей Римской империи. Однако за внешними следами этих великих в действительности событий, перевернувших ход человеческой истории, остались внутренние размышления, соблазны, выбор пути к истинному Богу.

Сверхсобытие — христианизация Римской империи, величайший дар Божий людям, не мог не обойтись без аналогичных по своей силе и напряжению усилий Его врага по предотвращению крайне нежелательного для него результата. Конечно, св. Константин снискал и величайшую милость, через которую приобрел силы для этого исторического во всех отношениях решения, но кто напишет сейчас о тех соблазнах, которые он должен был преодолеть в своем сердце на пути к нему? Кто способен передать ту гамму чувств и силу воли, чистоту души и благородство помыслов человека, откликнувшегося на стук Бога в его сердце?

Это *личное* решение непросто даже для рядовых лиц, вошедших во врата церковной ограды и впервые приступивших к Святым Дарам.

Насколько же труднее оно далось царственному мужу, для которого верный выбор означал не только личное утверждение в праведной или неправедной вере, но напрямую был связан с судьбой самого Римского государства. Ведь, как известно, античное сознание не отделяло благосостояние своего отечества (равно как и собственное) от приверженности истинному или ошибочному культу. Попытаемся раскрыть внутреннее состояние человека, положившего на чашу собственного выбора не только собственную судьбу, но и всю историю Рима. Представим себе императора, который был убежден в том, что с его именем, в случае ошибки, потомки — если таковые вообще останутся — будут связывать самые горькие страницы существования Римской империи. Не царь-освободитель Рима от тирана Макценция, а неудачливый молодой и самоуверенный наглец, опровергнувший все отеческие традиции и верования, ниспровергатель государственных устоев и виновник гибели государства — такие оценки снискал бы он в этом случае со стороны соотечественников, замарав свой род и фамилию на вечные времена. А печальные примеры Севера и Галерия, предавших себя в руки языческих богов, но оттого не снискавших славы на поле брани, были очень свежи и не могли не озадачить св. Константина.

С другой стороны, воспоминания детства и отрочества, проведенные вблизи христиан, и как минимум пример матери св. Елены — ревностной христианки сыграли свою положительную роль, хотя об этих факторах, очевидно повлиявших на св. Константина, историки не повествуют. Впрочем, этот вывод легко напрашивается на ум, исходя из контекста предыдущих событий из жизни западного августа.

О долгих размышлениях молодого василевса недвусмысленно повествует Евсевий, который долгие годы состоял при особе императора и писал биографию царя буквально «с оригинала». «При решении сего вопроса (то есть, к какому богу обращаться с мольбами о ниспослании успеха его начинаниям. — *А. В.*) ему пришло на мысль, что немалое число прежних державных лиц, возложив свою надежду на многих богов и служа им жертвами и дарами, прежде всего, бывали обманываемыми лстивыми оракулами, обольщались благоприятными предсказаниями и оканчивали свои дела неблагоприятно. Только отец его шел путем, тому противным. Видя их заблуждения и во всю свою жизнь чтя единого верховного Бога всяческих, он находил в Нем спасителя своего царства, хранителя его и руководителя ко всякому благу»⁴⁶. Возможно, Евсевий немного преувеличивает, говоря, будто св. Константин «всю жизнь» чтит Христа. Правильнее сказать, что *впо-*

следствии служение Христу станет для него смыслом жизни. Но перед войной в Италии царь еще не был христианином.

Придя к указанному выше умозрительному — пока еще — выводу, св. Константин удостоился, по его собственным словам, Божьего знамения в виде креста с надписью «Сим побеждай!». Как следует из описания Евсевия, по-видимому, василевс не придавал этому большого значения. Но ночью ему явился Сам Христос, повелевший шить знамя, подобное виденному на небе, и употреблять его для защиты от врагов. Это был решительный перелом в сознании молодого царя. Как цельная натура, он сделал окончательный для себя выбор. История христианской Церкви получила первого, но очень деятельного своего защитника и сподвижника в лице представителя верховной власти Римской империи. Василевс не ограничился формальным следованием христианству, когда человек «на всякий случай» использует священные символы в качестве некоего тотема, должного наряду с языческими богами оберегать его — примеры такого религиозного «плюрализма» были вполне свойственны прежним римским императорам.

Святой Константин отдал свое сердце Христу сразу и целиком. С похвальной ревностью василевс принялся познавать первоосновы христианства. Перед походом он не просто предложил служить при себе иереям-христианам, но и сам начал изучать Святое Писание. После этого св. Константин считал подготовку к походу практически завершенной в духовном отношении⁴⁷.

Молодой христианский василевс не ошибся в своих надеждах. Богатства благодати, щедро изливаемые по силе веры на него Богом, компенсировали ту разницу в силах, которая объективно должна была предопределить печальные для св. Константина результаты кампании. В реальной войне решает не только дух войска, но и стратегические, объективные факторы, включая, конечно, численность и вооружение армии. Однако Господь, давший в руки св. Константина судьбу христианской Церкви, явил множество знамений, должных успокоить и ободрить царя, вселить в него уверенность в задуманных начинаниях.

Как повествуют исследователи, соотношение сил было явно не в пользу будущего единовластного христианского императора Рима. Ядром армии Макценция являлась тяжелая, закованная в броню азиатская кавалерия, сметавшая все на своем пути, и обновленная преторианская гвардия — элитные войска Империи, которая вместе с остальными подразделениями насчитывала около 80 тыс. человек. Еще 40 тыс. воинов были набраны из воинственных племен Северной Африки, и их боеспособность нельзя было преуменьшать. В случае не-

обходимости Макценций мог мобилизовать в короткий срок еще почти 70 тыс. солдат. В целом под его рукой состояло около 180—190 тыс. человек, тщательно экипированных и хорошо вооруженных.

Святой Константин располагал куда более скромными силами — не более 100 тыс. бойцов, из которых почти половина несла гарнизонную службу в Британии и на Рейне. Только 40 тыс. легионеров могли использоваться св. Константином в оперативных целях. Но это были истинные бойцы, дисциплинированные и организованные, прошедшие со своим полководцем многие войны, ветераны сражений, беспрдельно преданные ему⁴⁸. Впрочем, при всех сопутствующих обстоятельствах этого было недостаточно для успеха в этой тяжелой войне.

Все было против св. Константина, победа его казалась невероятной. Тем не менее немного забежим вперед, невозможное стало возможным. По словам историков, самому Ганнибалу или Юлию Цезарю никогда так не везло, как св. Константину. Его решения были будто продиктованы свыше, а глаза противников словно застлала темнота неведения. Действия василевса поражали своей гениальностью и остротой, любые его распоряжения были своевременны и точны. Напротив, Макценций будто добровольно делал все для того, чтобы проиграть эту долгожданную для себя войну. Он расплыл основные силы, восстановил против себя Рим и самоуверенно выжидал противника, видимо, абсолютно убежденный в неизбежности своей победы. Войско св. Константина было сковано одной волей, могучим кулаком; Макценций выставил навстречу ему раскатанное по столу тесто, кусками бросая его в наступающего противника.

Все это можно было бы отнести на естественный ход вещей, если бы Макценций являлся неопытным юнцом. Но он был далеко не начинающий военачальник, и окружали его боевые полководцы, совсем недавно без труда справившиеся с Севером и Галерием. Впрочем, св. Константин и его сторонники сами открыто признавали, что на их стороне была Сверхъестественная Сила. «Они всегда говорили, что это была особая, исключительная удача, ниспосланная свыше, namного превосходящая обычное человеческое везение. *То был перст Божий*»⁴⁹.

Не успел Макценций определить план кампании, как св. Константин с войском перешел Альпы, подобно Ганнибалу, и разбил встречные отряды Макценция под Турином, который немедленно открыл свои ворота на милость победителя. Вслед за Турином пал Милан — политическая столица Римской империи. Под Вероной св. Константин после очень упорной битвы разгромил одного из полководцев Макценция, Руриция, вслед за чем сдалась упорная Верона⁵⁰. Ско-

рость продвижения армии св. Константина по Италии поражала современников, и вот уже его легионы бодро маршируют по знаменитой Фламиниевой дороге, ведущей прямо в Рим.

Армия Макценция заняла удачную позицию на реке Тибр рядом с Мальвийским мостом, но св. Константин не стал ждать, и его армия прямо с марша, буквально перестраиваясь на ходу, обрушилась на превосходящие силы противника. Спустя некоторое время тот дрогнул и стал беспорядочно отступать, причем сам Макценций утонул в Тибре при бегстве. 28 октября 312 г. св. Константин с войском вступил в Рим. Таким образом, на всю победоносную и стремительную кампанию, которой мог бы позавидовать любой полководец, св. Константину понадобилось всего 58 дней⁵¹. Сенаторы оказали ему почести, которыми ранее награждались только избранные, и приняли решение о старшинстве св. Константина из трех оставшихся правителей (помимо Лициния и Максимиана Даза), управлявших Империей⁵².

Это было действительно чудо, явственно явленное Богом через Своего царственного избранника. Не случайно в текстах Евсевия об этой победе св. Константин постоянно уподобляется легендарным библейским героям: «Как во времена Моисея и благочестивого некогда народа еврейского, Бог ввергнул в море колесницы фараона и войска его, и в Чермное море погрузил отборных всадников тристатов (Исх. 15, 45), так, подобно камню, пали в глубину Макценций и бывшие с ним гоплиты и копьеносцы... Между тем, как (св. Константин. — А. В.) помогал сам Бог, — тот жалкий человек, лишившись Его помощи, тайными своими хитростями погубил самого себя»⁵³.

Вскоре св. Константин покинул Рим и отправился на встречу с Лицинием в Милан. Тогда же в Милане в 313 г. был издан знаменитый эдикт о веротерпимости, среди подписантов которого числились св. Константин, Лициний и Галерий. Диоклетиан также получил приглашение приехать на эту торжественную церемонию, и его подпись, безусловно, придавала бы больший вес и торжественность этому документу, но, сославшись на нездоровье, некогда могущественный владыка отклонил приглашение. Отказался от подписания документа и Максимин Даза — август азиатских владений Римской империи, оставшийся верным языческому культу. Но яростный гонитель христиан Галерий, под конец жизни решивший в такой форме хотя бы частично загладить свою вину перед Церковью, поддержал св. Константина. Впрочем, после этого он прожил недолго и умер от какой-то страшной болезни — то ли от рака, то ли от широко разлившейся по телу гангрены. Интересно, что еще в 311 г. он, мучимый страшной болезнью, инициировал

эдикт о веротерпимости, в котором просил христиан помолиться их Богу о его спасении и о благополучии Римского государства⁵⁴. Но вернемся к документу 313 г.

«С давних пор, считая, — говорится в эдикте, — что не следует стеснять свободу богопочитания, но, напротив, надо предоставлять уму и воле каждого заниматься Божественными предметами по собственному выбору, мы издали повеление как всем другим, так и христианам хранить свою веру и свое богопочитание... Угодно нам совершенно отменить... распоряжения относительно христиан, весьма нелепые и несовместимые с нашей кротостью. Отныне всякий, свободно и просто выбравший христианскую веру, может соблюдать ее без какой бы то ни было помехи»⁵⁵. Вроде бы такой религиозный плюрализм противоречил традициям Рима, где религиозный культ имел государственное значение. Но внешнее противоречие — свобода совести и потребность в наличии государственного культа, на место которого очень скоро и окончательно придет христианство, — разрешилось просто. Еще не крещенный и даже не оглашенный, св. Константин Великий, не желающий применять насилие над духом своих подданных, фактически сделал все для того, чтобы естественное превосходство духа и слова Православия над другими религиями при отсутствии внешних стеснений вскоре завоевало доминирующие позиции⁵⁶.

Далекий от тщеславия св. Константин не сомневался в том, по Чьей великой помощи одержана им победа, и по прибытии в Рим тотчас вознес благодарственную молитву Богу. Посреди города он воздвиг тот священный символ — знамя, которое ему указал изготовить Христос, явившийся во сне перед походом на Макенция, и начертал, что «сие спасительное знамя есть хранитель римской земли и всего царства». Когда же на самом людном месте Рима поставили ему статую, он немедленно приказал то высокое копьё в виде креста утвердить в руке своего изображения и начертать на латинском языке слово в слово следующую надпись: «Этим спасительным знаменем, истинным доказательством мужества, я спас и освободил ваш город от ига тирана и, по освобождении его, возвратил римскому сенату и народу прежние блеск и славу»⁵⁷. Очень точные слова! Святой Константин откровенно признался, что истинным мужеством с его стороны были не многочисленные молниеносные победы над врагом, а тот выбор в пользу истинного Бога, который он сделал перед кампанией.

Надо сказать, что поведение св. Константина в части обеспечения религиозной свободы и восстановления нарушенных материальных прав христиан было очень последовательным. Очевидно, он решитель-

но стал на путь собственного воцерковления и являл многочисленные образцы христианского милосердия и сострадания, помогая всем нуждающимся и обремененным. Завладев Италией и присоединив ее к своим владениям, он не стал заносчивым и жестокосердным, являя удивительные образцы терпения и мягкости. Некоторые в Африке, приводит характерный пример историк, дошли до настоящего безумства и, ведомые демонами, делали все, что смогло бы привести в ярость любого правителя, только не св. Константина. «Поступки их василевс нашел смешными и говорил, что они рождены под влиянием лукавого, поскольку такие дерзости свойственны не здравомыслящим, но совершенно помешанным людям, либо по наущению лукавого»⁵⁸.

Наряду с этим к тому времени св. Константин еще не принял таинства Святого Крещения, что вполне объяснимо. В практике древней Церкви поздние, почти предсмертные Крещения были обычным явлением. Как представлялось, в таком случае человек окончательно освобождался от грехов, поскольку, по христианскому вероучению, таинство Крещения смывает все ранее совершенные грехи. Нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что вхождение в Церковь в те давние времена было величайшим событием для человека. К погружению в крестильную купель готовились *годами*, проходя через разряд оглашенных и духовно очищаясь.

Наконец, как император Рима, св. Константин в силу должности царя воспринял традиционный титул *pontifex maximus*. И, как верховный жрец римского народа, он, безусловно, должен был принимать участие в языческих культовых обрядах, хотя бы и в качестве наблюдающей стороны. Публичное крещение в такой момент времени могло войти в жесткое противоречие с обязанностями *pontifex maximus*, а поскольку христиане тогда еще были в Риме в явном меньшинстве, легко было предположить негативную и острую реакцию языческих толп и самого сената на это событие.

Замечательно наблюдать, как линия поведения св. Константина по отношению к представителям различных конфессий копирует политику его отца. С той только разницей, что все его симпатии были на стороне христианских общин. В эти годы, когда св. Константин формально был всего лишь одним из трех оставшихся соправителей Рима, хотя и обладал величайшим авторитетом, открывается новая стадия в становлении Православной Церкви.

В 313 г. клирикам был предоставлен иммунитет, и они избавились от несения общественных повинностей. В постановлении проконсулу Африки Анулину император пишет: «Мы желаем, чтобы, по получе-

нии этой грамоты, ты немедленно приказал вернуть христианам Кафолической Церкви в каждом городе или других местах все, что им принадлежало и что теперь находится во владении или граждан, или иных лиц, ибо мы постановили вернуть церквям их прежнюю собственность»⁵⁹. В другом послании этому же чиновнику царь повелевает: «Лиц, находящихся во вверенной тебе провинции и состоящих в Церкви... отдавших себя на служение этой святой вере (обычно их называют клириками), желаю я раз и навсегда освободить от всех общественных обязанностей, дабы они не были отвлекаемы от служения Богу каким-нибудь обманом или святотатственным поползновением, но без всякой помехи исполняли свой закон. Если они будут служить Богу, поясняет василевс, со всей ревностью, то это принесет много пользы и делам общественным»⁶⁰.

В 315 г. св. Константин освободил земли духовенства от обычных налогов, в этом же году отменил распятие в качестве способа смертной казни, а также постановил, что иудеи, возбуждающие мятежи против христиан, предаются сожжению. Святой Константин повелел возвратить всех христиан, находившихся в ссылке или на рудниках, восстановил их в общественных должностях (если таковые были ранее на них), вернул собственность мучеников за веру их наследникам, а если таких не оказывалось, то передавал Церкви⁶¹.

Эдикт от 23 июня 318 г. позволил всякому заинтересованному лицу переносить по взаимному соглашению с противной стороной гражданское дело на рассмотрение епископского суда, даже если данное дело уже слушалось к тому времени в обычном гражданском суде. Примечательно, что решение епископа по таким делам не подлежало обжалованию в высших судебных инстанциях. Эдикт от 5 мая 333 г. подтвердил безапелляционность епископского решения⁶².

В 319 г. двумя законами св. Константин запретил частные жертвоприношения и языческие гадания, но сохранил общественные обряды. В 321 г. царь издал эдикт о всеобщем праздновании воскресного дня: земледельческие работы разрешались, но в городах и в армии все работы отменялись, прекращалась всякая торговля, дела и даже судопроизводство. В этом же 321 г. Церкви было разрешено получать имущество по завещаниям, чем резко увеличивалось ее благосостояние⁶³.

В области свободы совести он держался твердой срединной линии, не насилуя чужую совесть и не принуждая никого к переходу к христианству. Его личный пример был эффективнее любого принуждения. Святой Константин решительно участвовал в делах церковного управления, являя замечательную ревность по вере. Он всячески увещевал

своих подданных принять христианство, но тут же требовал, чтобы желание это было искренним, без какого-либо принуждения⁶⁴. Константин приказал строить церкви размеров, позволяющих посетить их всем желающим; запретил изображения богов и государственные жертвоприношения. Чиновникам же было предписано *воздерживаться* от языческих обрядов⁶⁵. Сам св. Константин отказался от титулатуры *divius* («божественный»), традиционной для языческих римских императоров, его предшественников, и в 325 г. запретил выставлять свои изображения в христианских храмах.

Позднее, в 326 г., последовало указание о запрете восстанавливать разрушенные языческие храмы. Запрещены были и изображения языческих богов. Храмы безнравственных культов подлежали закрытию в обязательном порядке⁶⁶.

Некоторые действия царя по прекращению языческого культа иногда в литературе подвергаются критике, на самом деле едва ли обоснованной. Государственные чиновники всегда и во все времена несут определенные ограничения, связанные с их должностью. В этой связи нет ничего удивительного в том, что император запретил своим подчиненным участие в культах, которые шли вразрез с политикой самого василевса и его мировоззрением. Для IV в. это, прямо скажем, было небольшим ограничением.

Запрет частных жертвоприношений, обрядов и гаданий не вызвал гневной реакции у населения, поскольку уже тогда они считались искажениями государственной религии, и их отмена только способствовала укреплению ее самой. Более того, даже обязательное для прославления Бога воскресенье рассматривалось подданными императора как установление им нового праздничного дня, что входило в его компетенцию как первосвященника⁶⁷.

Опасаясь «ревности не по разуму» некоторых христиан, усмотревших в новых веяниях войну язычеству, св. Константин в 324 г. издал еще один эдикт, в котором обратил внимание на малоценность и непрочность вынужденных насильем обращений в новую веру⁶⁸.

К свободе убеждений язычников он относился с самой широкой терпимостью. Но совсем не так обстояло дело с еретиками. Избегая первоначально вмешательства в область религиозных догматов, желая мира в Римской империи, св. Константин тем не менее по просьбе архиереев и в целях спокойствия Церкви и государства вскоре был вынужден принимать меры против донатистов. В частности, для искоренения этой ереси и успокоения Церкви по его инициативе были собраны Римский собор 313 г. и Арльский собор 314 г. «Имея особен-

ное попечение о Церкви Божьей, он, в случае взаимного несогласия епископов в различных областях, действовал как общий, поставленный от Бога епископ, и учреждал Соборы служителей Божьих, даже не отказываясь являться и заседать сам среди сонма их и, заботясь о мире Божьем между всеми, принимал участие в их рассуждениях»⁶⁹.

Интересны и мотивы действия императора, излагаемые в его актах, и та непосредственность в управлении делами Церкви, демонстрируемая им. «Уже давно, — излагает он существо вопроса, — некоторые люди стали отходить от почитания святой небесной Силы и от Кафолической Церкви. Желая положить конец этим ссорам, я распорядился пригласить из Галлии некоторых епископов, а также вызвать из Африки постоянно и упорно спорящих друг с другом представителей враждебных сторон, чтобы в общем собрании и в присутствии Римского епископа вопрос, вызвавший это смятение, можно было тщательно обсудить и уладить». Епископу Сиракузскому Христу, которому и направлено данное письмо, *приказывается* собрать множество епископов из разных мест, а также дается разрешение воспользоваться государственной почтой. Епископу Карфагенскому Цецилиану велено также собрать епископов, и для обеспечения дорожных и иных расходов архиепископу ему была выделена значительная сумма⁷⁰.

Всем сердцем приняв главную заповедь Христа — любить ближнего, св. Константин последовательно и системно перерабатывает законодательство Римской империи под христианские идеалы и этику. Например, император начинает очень жесткую борьбу с доносчиками. В 313, 319 и 335 гг. он принимает три постановления, в которых за данное преступление вводится смертная казнь. Безусловно, в основе этих законоположений лежат религиозные мотивы, особенно они заметны по тексту закона 319 г., где царь называет деляторство «величайшим злом человеческой жизни». По справедливому мнению исследователей, в борьбе с сутяжничеством выражается взгляд христиан на закон как на неизбежное зло, чрезмерное рвение в употреблении которого, да еще и в корыстных целях, есть тяжкий грех⁷¹.

В 315 г. выходит запрет на клеймение лица преступников, так как, указывает св. Константин, оно сотворено по образу небесной красоты. Отменяется распятие как вид смертной казни, а судам дается указание на обязательную замену такого наказания для тяжких преступников, как отдание их в гладиаторы или на съедение диким зверям⁷².

Особенно наглядно христианские начала проникли в область семейного законодательства. Законом от 318 г. император фактически отменяет старинное право домовладыки *patria potestas* — краеуголь-

ный камень римского права, согласно которому отцы семейства могли распорядиться по своему усмотрению жизнью и свободой детей. Святой царь уделяет много внимания таким преступлениям, как супружеская измена или адюльтер, а женщин, виновных в этом грехе, он приравнивал к отравителям и убийцам. Невиданно ранее поднимается на равную высоту с мужчиной женщина. Законом 321 г. установлена полная правоспособность женщины в 18 лет, она отныне способна выступать в качестве равноправного наследника имущества отца. А в 320 и 336 гг. выходят два эдикта, запрещающие человеку, находящемуся в законном браке, иметь еще и сожительницу (конкубину). Запрещается свобода развода, который теперь становится возможным только по конкретным основаниям. Также в 320 г. выходит закон, устанавливающий жесточайшие меры для похитителей девушек. Выходит закон о запрете кастрации и торговле евнухами. Преступники подлежали смертной казни, а евнухи — конфискации, по римскому закону они считались такой же вещью, как и остальные рабы⁷³.

Кроме этого, св. Константин уделил серьезнейшее внимание и изыскал средства для строительства христианских церквей. По преданию, император основал в Риме церковь Св. Иоанна в поместье своей жены Фаусты в Латеране, Св. Петра в Ватикане, Св. Павла за стенами города, в Иерусалиме храм Св. Креста, Св. Агнессы за Номентанскими воротами, Св. Лаврентия за стенами и Св. Марцеллина и Св. Петра за *Porta Maggiore*⁷⁴.

Но помимо религиозных, у св. Константина были и политические дела, требовавшие его решительного вмешательства. Как указывалось выше, он недолго пробыл в Риме, который не очень любил «восточного» императора с его малопривлекательными для римлян привычками и склонностью к обеспечению явных преференций тем, кого еще вчера считали врагами общественной нравственности и царя — христианам. Уже через 60 дней после триумфа св. Константин, как указывалось выше, вернулся в Милан. Вскоре к нему явился Лициний для заключения брачного союза со сводной сестрой св. Константина Констанцией.

В это время Максимин Даза, ведомый приверженцами язычества, совершил внезапный налет на владения Лициния и после долгой осады захватил *Византий* — маленький город на берегах Босфора, будущий великолепный и величественный Константинополь. Увы, что дозволено Юпитеру, не дозволено быку: Максимин явно не обладал способностями и талантами св. Константина. Быстро возвратившийся в свои провинции Лициний в упорной битве разгромил почти вдвое превосходящие силы Максимиана, тот бежал и вскоре умер⁷⁵. Говорят,

пытаясь отравиться, он принял яд на полный желудок, но не скончался, а заработал тяжелую форму язвы кишечника, долго страдал и умер в мучениях. Христиане не без оснований видели в этом гнев Божий, излившийся на их гонителя.

Теперь у Римской империи осталось всего два августа — св. Константин и *Лициний* (265—325). Последний заслуживает нескольких строк, позволяющих понять последующие события. Как отмечают историки, обоих августов связывали многие сходные страницы биографии. Оба выросли на Востоке (в Иллирии), оба испытали тяжесть солдатских будней, обоих отличали честность и верность данному слову. Лициний поддержал св. Константина в его войне с Максенцием, соблюдая дружеский союзнический нейтралитет. В ответ св. Константин, не желавший пользоваться искусственными привилегиями и стремившийся сохранить диоклетиановскую систему управления государством, перед Итальянской кампанией обещал тому руку своей единокровной сестры, дочери Констанция от второго брака. Женившись на ней, Лициний стал таким же равноправным наследником Констанция, как и сам св. Константин. Более того, св. Константин имел к тому времени только одного сына — *Криспа*, рожденного им от незаконного брака еще до свадьбы с Фаустой. Таким образом, в случае преждевременной смерти западного августа Лициний оказывался *единственным* законным наследником всех предыдущих соправителей Империи⁷⁶.

Новая ситуация в Римской империи резко изменила умонастроения Лициния. Если до последнего момента их связывали со св. Константином почти дружеские отношения, то теперь он стал претендовать на первенство в дуэте августов. Повод для войны нашелся быстро. Во-первых, желая устранить возможных претендентов на царский трон, Лициний предал смерти детей Максимиана Даза, а затем жену, дочь и внука Диоклетиана, мольбы которого остались не услышанными им. Кроме того, Лициний вступил в политическую интригу с неким патрицием Вассианом, мужем другой единокровной сестры св. Константина, Анастасии. Почему-то Вассиан решил, что, как родственник Констанция, он вправе заявить права на престол св. Константина и западные провинции Империи. Но и этот заговор был своевременно раскрыт св. Константином, Вассиан бежал к Лицинию, который на все требования императора выдать ему беглеца отвечал высокомерным отказом. Война началась⁷⁷.

В начале октября 314 г. св. Константин с войском перешел границу восточной части Империи, традиционным для себя быстрым маршем прошел по провинциям Лициния и близ Сирмия разгромил его

войско. Лициний своевременно признал себя побежденным, и врагидрузья сели за стол переговоров. Следствием их стало отторжение балканских провинций, за исключением Фракии, от Лициния и передача под власть св. Константина. Помимо этого, стороны договорились, что св. Константин вправе назначать двух цезарей, а Лициний одного, чем еще более подчеркивалось превосходство св. Константина. Как ни странно, но этот мир продержался 9 лет⁷⁸.

Нельзя, правда, сказать, что мирное время не сопровождалось конфликтами, способными в любой момент разрушить его. Стороны продолжали негласное соперничество за единовластие в Империи, чему способствовали некоторые новые обстоятельства. Через 8 лет после бракосочетания с Фаустой у василевса родился сын Константин, которого он наряду со старшим 18-летним незаконнорожденным сыном Криспом назначил цезарем, используя свое оговоренное в соглашении с Лицинием право. Для того это был явный удар. В присутствии одного только Криспа Лициний имел еще возможности претендовать на единоличное императорское достоинство в случае смерти св. Константина, но маленький наследник перечеркнул эти планы.

Правда, по примеру св. Константина Лициний также назначил цезарем своего 3-летнего сына, рожденного от сестры св. Константина Констанции. Но шансы на преемство власти у порфирородного Константина, сына знаменитого императора и полководца, явно были выше. По некоторым данным, для сохранения собственного статуса и обеспечения будущих прав членов своей семьи Лициний начал переговоры со св. Константином о женитьбе Криспа на своей дочери, по-видимому, увенчавшиеся успехом⁷⁹. По крайней мере, эта немаловажная деталь — если принять сведения о женитьбе Криспа в качестве истинных, — сыграет решающую роль в скорых трагических событиях, которых мы коснемся далее.

Впрочем, это была невидимая для широкой массы сторона конфликта. А в публичной сфере, пожалуй, наиболее болезненным для св. Константина стал указ Лициния от 320 г., которым тот фактически отменил Миланский эдикт и начал новые гонения на христиан в своих провинциях. «Римская земля, разделенная на две части, кажется всем разделенной на день и ночь, то есть населяющие Восток объаты мраком ночи, а жители другой половины государства озарены светом самого ясного дня»⁸⁰.

Лициний не был до конца последовательным в своих методах унижения христиан. Возможно, желая разнообразить способы унижения их достоинства и требуя изначально невозможное, а быть может,

наоборот, чтобы смягчить на первых порах реакцию на свои действия, но в один момент он повелел рукополагать женщин в священнический сан якобы для уравнивания их с правами мужчин. В конце концов Лициний дошел до казней христиан. В частности, при нем снискали мученический венец епископ Василий Амосийский, затем были утоплены в Дунае после длительных пыток святые мученики Ермила и Стратоник⁸¹. В Никополе Армянском были сожжены святые Леонтий и Сисиний, а с ними еще более сорока мучеников-христиан⁸². Надо сказать, что к тому времени христианство укоренилось в его окружении, поскольку многие казненные мученики являлись офицерами и солдатами армии Лициния. Вскоре его гонения приняли широкие масштабы, и современники говорили уже о массовых казнях христиан и закрытии церквей⁸³.

К сожалению, св. Константин не имел возможности своевременно прореагировать на дерзкое нарушение Лицинием Миланского эдикта. В это время его мысли были заняты безопасностью Дунайских границ и берегов Рейна, где готы и алеманы вновь накопили грозную силу. Святой Константин выступил в поход, и Дунайская кампания по обыкновению наглядно продемонстрировала его величайшие дарования как полководца. Наступая сплошным фронтом шириной 300 км, он нанес готам три сокрушительных поражения при Кампоне, Марге и Бононии, глубоко проник в земли даков, давно уже забывших римский закон, и вновь подчинил их Империи. Константин был по-настоящему горд тем, что добился успеха там, где испытывал трудности сам великий Траян. Разгромив азиатские владения готов, потрясенных таким безнадежным для них исходом войны, св. Константин стал готовиться к войне с Лицинием. Формальным поводом к ней явилось то, что в ходе готской кампании св. Константин зашел без разрешения Лициния на подчиненные ему территории⁸⁴.

Небезынтересно обратить внимание на то, как духовно готовились оба августа к этой последней для одного из них войне. Лициний совершенно предался языческим богам, обосновывая это перед соратниками тем, что желает сохранить исконных богов Рима. «Настоящее откроет, — говорил он, — кто заблуждался в своем мнении, оно отдаст преимущество либо нашим богам, либо (богам) стороны противной». Он искренне недоумевал, почему «не понятно, откуда взявшийся Бог Константина» может быть сильнее тех, к кому ранее обращались за помощью их победоносные предки. Напротив, св. Константин и в этот раз предал себя в руки Бога, много молясь вместе со священниками Христу⁸⁵. Бедный Лициний и не подозревал, что в грядущей войне не

Макценций, не готы и даки, а именно он выступит в неблагодарной роли человека, о котором в 33-м псалме говорится: «Лице же Господне на творящая злая, еже потребити от земли память их».

Новая кампания началась в 323 г. В Фессалониках была определена точка сбора всем войскам, Крисп со своей армией срочно был отозван из Галлии, и вскоре св. Константин имел под рукой уже около 120 тыс. воинов. Это было немалое войско, но численностью армия Лициния явно превосходила своих противников — под Адрианополем противник имел около 150 тыс. человек, и еще 150 тыс. азиатской конницы было в его распоряжении на случай необходимости. Здесь, под Адрианополем, и произошло генеральное сражение, в котором победа опять досталась св. Константину. Лициний потерял почти 34 тыс. воинов и постыдно скрылся за стенами многострадального Византия, который был осажден. Но надежды Лициния на дополнительные силы оказались иллюзорными, а попытка снять блокаду с моря не увенчалась успехом. В очень тяжелом морском сражении малочисленный флот св. Константина под командованием Криспа одержал решительную победу⁸⁶. Город был обречен, но самому Лицинию удалось с группой верных телохранителей незаметно покинуть его, и он благополучно добрался до небольшого городка Халкидона, где спешно занялся укомплектованием новой армии.

Вновь собранные Лицинием войска были мужественны, но совершенно необучены, и руководили ими слабые военачальники. Очевидно, его тяга к «отеческим гробам» была поколеблена, поскольку он сам убедился: там, где на поле боя появляется лабурум, войскам св. Константина неизменно сопутствовал успех. Лициний даже советовал воинам по возможности избегать встречи со священным символом христианской армии его противника, а святой император, напротив, направлял его туда, где его воины слабели и не могли дать решительный отпор врагу⁸⁷.

Сам св. Константин долго и усиленно молился в своей палатке, что, по словам Евсевия, было для него обычным занятием. Видимо, он не раз удостоивался видения Христа, поскольку часто, подвигнутый Божественным вдохновением, выбегал из шатра и давал войскам соответствующие распоряжения. И Господь не оставлял Своего избранного слугу⁸⁸. В битве у стен Хрисополя Лициний вновь потерпел ужасное поражение, положив на поле брани более 25 тыс. своих солдат.

Теперь спасти Лициния могла только сводная сестра св. Константина Констанция — жена проигравшегося игрока за власть. Наверное, под влиянием ее просьб св. Константин сохранил жизнь со-

пернику, отдав ему в правление Фессалонику — большей милости и снисхождения побежденному Лицинию трудно было ожидать. Но он и теперь не успокоился. Грезы несбывшихся надежд, жажда мести и ненависть к пощадившему его царю привели его к попыткам организовать новый заговор с участием готов, так же провалившийся, как и все предыдущие, — казалось, Господь во всем хранит Своего избранника. В 325 г. Лициний и его ближайшие сподвижники были казнены⁸⁹.

«Итак, теперь, по низложении людей нечестивых, лучи солнца не озаряли уже тиранического владычества: все части Римской империи соединились воедино, все народы Востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и все начало жить под владычеством монархии... А славный во всяком роде благочестия василевс — победитель; ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование, принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей Римской империей. Первым проповедуя всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое»⁹⁰.

Язычество рухнуло, подкошенное под самое свое основание царем-христианином, формально все еще не являющимся членом Церкви. Раскрылись двери тюрем, церковные общины и осужденные при царях-гонителях христиане получали обратно ранее конфискованное имущество, двор и ближнее окружение св. Константина становились исключительно православными.

Глава 2. Первый Вселенский Собор

Как указывалось выше, религиозная терпимость (но отнюдь не индифферентизм) св. Константина имела свои естественные границы. Он спокойно наблюдал за последними днями господства язычества, не считая нужным административно запрещать культы, не идущие в явное и открытое противоречие христианству. А таковые, связанные, как правило, с жертвоприношениями, еще существовали в Риме и даже имели многочисленных поклонников. В остальных случаях св. Константин был уверен, что *естественный* ход событий и его личный пример неизбежно предопределят господствующее положение Церкви среди иных культов. Другое дело — еретики, в отношении которых император был готов применять куда более строгие меры.

Такая избирательность царя вовсе не кажется неожиданной, а тем более лишеной основания. Конечно, как глава государства и гарант общественной нравственности, он в любом случае был обязан бороться с любыми попытками привнесения сомнительных новаций в область культа. В отношении попыток неправомерной ревизии православного вероучения, помимо государственной обязанности, императором двигало и живое религиозное чувство. Он искренне верил в Христа и полагал себя защитником Его Церкви. Но эта медаль имела и обратную сторону. Для римского сознания это означало, что если уж василевс разрешил христианское вероисповедание, то тем самым он был вдвойне ответственным за нравственную чистоту ее учения. Любой раскол, любая ересь, принявшая масштабные черты, могла бы поставить под сомнение авторитет и самой Церкви, и ее покровителя — императора, поскольку в таких случаях стороны догматического спора склонны обличать друг друга во всех смертных грехах.

Конечно, имя св. Константина блистало во всей Империи, но разве история дает мало примеров тому, как бывшие кумиры развенчивались в прах по внешне ничтожному поводу? А неспособность царя справиться с разномыслиями в поддерживаемой им Церкви могла быть расценена в массе своей еще языческим римским обществом как признак его *политической несостоятельности*. Нетрудно догадаться, что в этом случае рано или поздно нашелся бы конкурент, способный сыграть на кризисе власти и проложить себе дорогу к трону, используя настроения толпы.

Первый опыт вмешательства в богословские споры был дан императором еще в 314 г. Дело в том, что за 3 года до этого, в 311 г., новым епископом Карфагена был избран Цецилиан, против которого ополчилась богатая матрона Лукилла, возглавившая противников архиерея, требовавших признать его хиротонию незаконной. Вместо Цецилиана они избрали некоего Доната, по имени которого и стали называть эту вновь образовавшуюся секту — «*донатисты*». Вскоре стороны зашли в тупик — их разделяли и серьезные богословские расхождения, а потому обратились за помощью к императору. Папа Римский *Мильтиад* (311—314) поддерживал законного епископа, донатисты потребовали от василевса созвать Собор для разрешения спорной ситуации. И св. Константин охотно пошел им навстречу, отметив в своем письме на имя папы Мильтиада, что для него невыносимо положение дел, когда Церковь оказалась разделенной на два лагеря. Царь поручил галльским епископам возглавить специальную комиссию, опросив по

10 епископов с каждой стороны. Мильтиад ловко перевел эту комиссию в Собор, точку зрения которого, однако, донатисты отказались признавать.

Тогда император созвал в 314 г. специальный Собор в Арле. Своему префекту в Африке он пишет: «Я считаю решительно неверным скрывать от меня подобные споры, поскольку из-за таковых Господь может вооружиться против меня самого, кому Он Своим Божественным повелением поручил управлять всеми делами людей». Новый Собор отклонил апелляцию донатистов, и те вновь отказались признавать правомочность его решений. Тогда св. Константин в своем новом послании гневно заметил, что проследит за наказанием виновных, если те будут упорствовать. Наконец, в 316 г. он вынес окончательное решение в пользу епископа Цецилиана⁹¹.

Между тем в Церкви возникли еще более серьезные разногласия и волнения по поводу учения одного Александрийского иерея по имени *Арий*. Для богословия Ария характерным является резкое противопоставление нерожденного, вечного Бога всему прочему, что от Него происходит. При этом Арий допускал только один способ происхождения от Бога — творение Им всего из ничего. Для Ария термин «рождать» тождествен термину «творить», всякое иное понимание он отвергал. Поскольку Бог уже есть и Он один, то Христос относился им к разряду *рожденных тварей*⁹². Как совершенно верно отмечают богословы, доктрина ариан — языческая в своей основе, так как арианский Христос не что иное, как языческий полубог⁹³. «Они, по примеру иудеев, — писал Александрийский епископ Александр Константинопольскому епископу, — отвергают Божество Спасителя нашего и проповедуют, что Он равен людям»⁹⁴.

Нельзя сказать, что Арий явил миру нечто совершенно неведомое. *Арианство* родилось из смешения двух тонких религиозно-философских ядов, совершенно противоположных природе христианства: семитического и эллинистического. «Христианство по своим культурно-историческим прецедентам вообще есть синтез названных течений. Но синтез радикальный, преображающий, а не механическая амальгама. И даже больше, чем синтез — совершенно новое откровение, но только облаченное в традиционные одежды двух великих и столь разрозненно живших преданий». Яд иудаизма, далее продолжает Карташев, заключался в антитроичности, в монархианском истолковании крещальной формулы Церкви. Для эллинской философии идея абсолютной единственности и несравнимости ни с чем Божественного начала была высочайшим и достославным достижением, в корне убивавшим

языческий политеизм. Для нее также непонятным оставалось главное — откуда рядом с единственным Первоначалом могло появиться еще нечто? Поэтому для примирения Евангелия со своим образом мысли им нужен был некий посредник, место которому в построении Ария отводилось Христу⁹⁵. Аналоги подобных построений мелькали уже в образе мыслей ересиарха III в. Антиохийского епископа Павла Самосатского, представителей Александрийской богословской школы и даже великого Оригена⁹⁶.

По сообщениям древних историков Церкви, Арий родился в Ливии, получил образование в Антиохии, а позже переехал в Александрию. В столице Египта в то время было далеко до спокойствия. Помимо чисто догматических споров — мелетианский раскол, — в дело вмешались многие привходящие обстоятельства. Часть христианской общины, копты, ведомые пресвитером Коллуфом, протестовали против епископа Александрии Александра. Они протестовали против расширяющейся власти Александрийского архиерея. Позднее широкому распространению арианства на Востоке очень способствовали амбициозные планы епископа Евсевия Никомедийского, о которых ниже пойдет речь⁹⁷.

Начало спора Ария с епископом Александром относят к 318—320 гг., когда на одном из собраний клириков Арий озвучил свои мысли вслух и попутно обвинил Александра в ереси. Тут же образовались две партии, кардинально несогласные друг с другом. Сначала Александр пытался решить спор мирным путем, занимая нейтральную позицию и поддерживая поочередно обе спорящие стороны. Но когда понял, что арианство представляет собой уже состоявшееся учение со своими адептами, то созвал Собор египетских и ливийских епископов (всего около 100 человек) для обсуждения вопроса об учении Ария. Собор осудил Ария, а с ним еще 11 человек — Ахилла, Аифала, Елладия, Карпона, другого Ария, Сармата, Евзоя, Юлия, Мину, Лукия, Гайя и двух епископов — Секунда и Феона⁹⁸.

Не сдавшийся Арий направился в Кесарию Палестинскую, где встретил самый сочувственный прием у епископа Евсевия. Этот архиерей без труда понял, что, затеяв интригу против епископа Александра, он сможет в случае положительного результата доказать первенство своей кафедры на Востоке, урезав полномочия архиерея столицы Египта. Близость Евсевия к придворным кругам значительно усилила позиции Ария.

Сговорившись, Евсевий и Арий поставили перед собой задачу заставить Александра принять осужденных Собором лиц в общение,

но глава Александрийской кафедры оставался непреклонным. Тогда друзья Ария составили в Вифинии (город в Никомедии) свой Собор и распространили окружное послание ко всем епископам с предложением вступить в общение с Арием. Более того, уступая просьбе ересиарха, несколько епископов через голову Александра разрешили ему вступить в пресвитерские права в его некогда собственном приходе, для проформы поставив условие, чтобы Арий примирился с Александром.

Разумеется, такое решение цинично попирало все церковные устои, и Александр почувствовал себя глубоко оскорбленным. В своем окружном послании епископ недвусмысленно обвинил Евсевия в покровительстве еретикам и мотивах его сотрудничества с ними. «Евсевий, — писал он, — нынешний епископ Никомедийский, вообразив, что на нем лежит все касающееся до Церкви (почему он оставил Берит и устремил свои честолюбивые взоры на кафедру Никомедийскую), и, не встречая ни откуда противодействия себе, принял под свое покровительство сих отступников и рассылает повсюду в защиту их послания, чтобы простых и не искусных в вере увлечь в эту ужасную и христорбствующую ересь; поэтому, помня написанное в законе, вижу необходимость прервать молчание и уведомить всех вас о случившемся у нас, чтобы вы знали и отступников и пагубное их еретическое учение, и не вникали тому, что будет писать Евсевий»⁹⁹.

Александр подготовил собственное окружное послание, разосланное «к сослужителям всей Кафолической Церкви». Энциклику подписал ряд епископов, искренне разделявших его позицию и негодование. Но и у Ария находились новые сторонники. Спор зашел в тупик.

Зная образ мыслей императора, епископ Александрии пытался найти защиту у св. Константина Великого, но в это время территории, на которых проходил спор, находились под управлением Лициния. А Запад и в первую очередь Рим не интересовались разногласиями, в которые оказался вовлеченным Восток. И только после победы над Лицинием в 323 г. св. Константин обратил внимание на причину церковных настроений¹⁰⁰.

Надо сказать, что первоначально император не придавал спору большого значения, что, впрочем, вполне понятно. Даже после Никейского Собора многие современники-богословы полагали причиной возникших между епископом Александром и Арием разногласий «предосудительное любопытство»¹⁰¹. Чего же можно было ожидать от василевса, мало искушенного в то время в тонкостях богословских систем и знавшего об арианстве понаслышке? Он уже имел опыт преодоления донатистской ереси, поразившей только Африку, когда его волей был собран Собор епископов. Ему казалось, что любое богословское недо-

разумение разрешится просто и легко, без какого-либо административного вмешательства, в том числе и это. Император был уверен в том, что и данная ситуация выправится сама собой при взаимном согласии спорящих сторон и терпимости к мнению соперника. Авторитет руководителей обеих церковных партий, их ревность по вере являлись для него залогом того, что спор — суть выдумка, и вместо нанесения взаимных обид и оскорблений главнейшая задача противников, как священнослужителей, заключается в просвещении народов учением Христа.

«Какую рану нанесла моему сердцу весть, — пишет он в письме Александру и Арию, — что между вами самими возникли разногласия... что вы, через которых я надеялся подать врачество другим, сами нуждаетесь в гораздо большем врачевании. Я внимательно рассуждал о начале и предмете вашего спора; повод к нему мне показался вовсе не таким, чтобы по нему надобно было начинать спор»¹⁰². Святому Константину казалось, что противостояние возникло вследствие бесполезной, по его мнению, постановки вопроса о природе Христа в редакции Александра, и неумного желания Ария высказать свое мнение там, где рядовому пресвитеру надлежало молчать. «Вот откуда началось между вами разногласие; с этого времени расторглось между вами общение — и благочестивый народ, разделившись на две стороны, отпал от единомыслия со всей Церковью. Итак, пусть каждый из вас простит другого с одинаковой искренностью и примет то, что по всей справедливости советуют вам сослужители ваши»¹⁰³.

Тон и содержание письма не может не поразить: император, по мновению пальца которого менялись судьбы властителей и народов, победитель Макценция и Лициния, единоличный владыка Римского государства, должный силой устранить все проблемы, касающиеся общественной нравственности, почтительно *просит стороны* (!) вернуть мир святой Церкви и прекратить раздор. Трудно представить, каким образом такая чуткость к вере в императоре и его уважение ко вполне рядовым клирикам могли быть оценены некоторыми историками в качестве коварства, проявления тоталитаризма и лицемерия?

Для примирения спорящих царь отправил в Александрию уже знаменитого к тому времени епископа св. Осия Кордубского (около 258—358), имевшего немалый авторитет. Встретившись с епископом Александром, св. Осий вскоре пришел к убеждению о ложности возводимых Арием обвинений в ереси, а также о серьезности ситуации с возникшим спором. После нескольких разговоров с Александром и изучения посланий, которые направлялись христианским общинам обеими сторонами, св. Осий целиком и полностью стал на сторону епи-

скопа Египта. Возвратившись к императору, он сумел убедить и его в нечестивости Ария и остроте момента¹⁰⁴.

Ситуация осложнялась еще тем, что разделившийся в своих предпочтениях епископат пытался решить догматические разногласия через политическое покровительство высоких лиц в придворных кругах. Вследствие этого догматические уклоны богословской мысли начали превращаться в государственные акты, ересь укоренялась в различных территориях Империи искусственно и насильственно¹⁰⁵.

Общение со св. Осией, а также указанные выше обстоятельства изменили позицию св. Константина, и его следующее письмо Арию уже дышит гневом негодования на того, кто виновен в церковной смуте. «Где ты показал явное свидетельство и доказательства своего ума? — пишет он. — Тебе надлежало показать и открыть себя пред Богом и людьми не так, как ядовитые змеи обыкновенно бывают более яростны, когда чувствуют, что они скрываются в самых глубоких логовищах. Признаешь ли, что Бог един? Мое мнение таково; так мысли и ты. Говоришь ли, что Слово Бога, по существу своему, не имеет ни начала, ни конца? Хвалю и за это; верь так. Если что-нибудь приплетешь далее, я отвергаю. Если еще что-нибудь придумаешь для нечестивого отделения от Церкви, я не хочу того ни видеть, ни слышать»¹⁰⁶.

Уже не миротворец, а грозный царь, поднимающий меч на всякого, кто грозит нарушить единство Церкви, предстал перед Арием в облике св. Константина. «Поди, омойся в Ниле, человек, преисполненный гнусной нечистоты, ибо ты возмутил всю Вселенную своим нечестием. Или ты не разумеешь, что я, — человек Божий, — знаю все? Но я еще задумываюсь, должно ли тебе жить, или умереть»¹⁰⁷. В конце письма император открыто предупреждает ариан о последствиях их стояния в ереси: он угрожает, что сообщники и единомышленники Ария, не примкнувшие к чистой вере, будут уволены с общественных должностей¹⁰⁸.

Поскольку Запад не был вовлечен в эту ересь, св. Константин пытался решить богословский спор таким же образом, как раньше с донатистами. Римский собор 313 г. был сугубо западным, Африканский собор — восточным. Полагая, будто для завершения разногласий достаточно только восточных епископов, император распорядился организовать собор в Антиохии, который и состоялся в 324 г. под председательством св. Осии Кордубского. Отцы Собора осудили ересь Ария и анафематствовали его учение. Попутно, обнаружив, что три епископа, участвовавших в заседаниях Собора — Феодот Лаодикийский, Наркисс Нерониадский и Евсевий Кесарийский, — мыслят

одинаково с Арием, остальные епископы отлучили их от своей среды, но не извергли из сана, дав им время для раскаяния. Таким образом, еще до Никейского Собора образовалась устойчивая группа «восточных» епископов (около 80 архиереев), ставших ядром православной партии. Свои акты отцы Собора отправили авторитетным «западным» епископам — Александру Фессалоникийскому и папе Римскому *Сильвестру I* (314—335), поставив их в известность о существовании залившей Восток ереси¹⁰⁹.

Но такие полумеры не улучшили ситуацию. Арианство было привлекательно и доступно неискушенному сознанию вчерашних язычников, и число последователей Ария разрасталось невероятными темпами. Помимо сознательных ариан, множество рядовых христиан, клириков и епископов искренне недоумевали по поводу столь жестких оценок со стороны Александра и его сторонников, просто-напросто будучи не в состоянии постичь глубины захватившей мир ереси.

Примечательно и очень характерно для св. Константина то, что и после этих событий он не желал силовыми методами гасить костер иномыслия. По-прежнему невероятно чувствительный к вопросам свободы совести своих подданных и, безусловно, осознавая свою ответственность перед Богом за единство и благосостояние Церкви, он решил еще раз прибегнуть к соборной форме обсуждения догматических вопросов, но уже в ином масштабе. Отождествив Римский мир, охватывающий все границы Вселенной, с Кафолической Церковью, он пришел к следующему выводу: коль скоро учение Ария посягает на первоосновы христианства, то и решать догматический спор должна *вся Церковь*. Неважно, что Запад оказался нечувствительным к арианству, пусть Рим и епископы всех остальных провинций Империи выскажутся по этому поводу. Иными словами, для решения спорного вопроса нужно созвать *Вселенский Собор*.

Можно сказать, что с созывом первого Вселенского Собора для всех впервые *зримо* возникла Кафолическая Церковь. И ранее церковные общины поддерживали видимое общение (а не только евхаристическое) друг с другом, но никогда до 325 г. не было формы, в которой могло бы выразиться общецерковное сознание. Никея была как бы вторым рождением Церкви. В день Пятидесятницы, посредством схождения Святого Духа на головы святых апостолов, Церковь родилась духовно; теперь она родилась как зримая и явленная миру *вселенская* организация, *Церковь земная*, имеющая единое и обязательное догматическое учение и каноническое право.

Следует прямо сказать, что вселенская форма всеимперского и соборного обсуждения спорных вопросов, волнующих Церковь, является детищем исключительно императорской власти. Конечно, и до 325 г. соборная форма выяснения Истины не была чужда Церкви: достаточно вспомнить первый из известных нам Соборов — Иерусалимский 49 г. (по другим источникам, 51 г.) с участием святых Апостолов. Но никогда до святого равноапостольного Константина Великого соборное обсуждение вопросов не принимало вселенские черты.

Нет сомнения, что при выборе святым императором оптимальной формы сыграли решающую роль три обстоятельства: привычный для Римской империи вселенский масштаб сознания, некий аналог коллективного обсуждения вопросов в сенате и соборная форма разрешения церковных вопросов, привычная для местных церковных общин. Идея *вселенского*, соборного и в то же время «аристократического» обсуждения спорных вопросов показалась св. Константину перспективной. Не случайно, как и в сенате, где заседали представители избранных фамилий, так и на Вселенском Соборе в Никее решающее слово принадлежало епископату Кафолической Церкви, а не рядовым клирикам и мирянам. Хотя, как следует из отдельных, дошедших до нас актов Собора, последних было немало. Более того, на Собор прибыли вообще нехристиане, в частности языческие философы, желавшие выяснить для себя содержание и тонкости православного вероучения.

Иногда высказывается мысль о том, будто св. Константин не причастен к авторству вселенской формы соборного обсуждения, но такой вопрос в известной степени имеет второстепенное значение. Причастны к авторству св. Осий Кордубский, Александрийский епископ Александр, другое лицо, или это личная идея императора — какие последствия для истории Церкви имеет точный ответ на этот вопрос? Важно то, что именно царь повелел собраться епископам в Никее в 325 г. и принять решение по самому злободневному догматическому вопросу тех дней. Без его воли, помимо императора, такое событие было бы принципиально невозможным. Отметим все же, что, по свидетельству самого св. Константина, он созвал Собор по внушению Божию, а не по человеческой подсказке¹¹⁰.

Здесь были представители всей Кафолической Церкви, собравшиеся со всех уголков ойкумены. Прибыли епископы из Скифии, Босфорского царства, Армении, Персии, Кавказа. Собрался цвет Церкви, сонмище исповедников и хранителей веры, немало претерпевших от властей в минувшие лихолетья гонений на христиан. На соборных заседаниях блистали Александр Александрийский, св. Афанасий Ве-

лийский (в то время еще диакон Александрийской кафедры), Евстафий Антиохийский, Маркелл Анкирский, Леонтий Кесарие-Каппадокийский, Иаков Низибийский, Амфион из Епифании Киликийской, Павел Неокесарийский с сожженными гонителями руками, Пафнутий Фиваидский, Потамон Египетский с выколотыми глазами и вывихнутыми ногами — известный целитель и чудотворец. С острова Кипр прибыл святой старец св. Спиридон Тримифунтский, прозорливец и чудотворец. По некоторым источникам (наиболее значимый из них «Деяния Вселенского Собора»), на Соборе присутствовал и святитель Николай, епископ Мирликийский.

Запад был представлен довольно слабо, поскольку арианство практически не коснулось его: папа Римский Сильвестр по старости лет не прибыл на Собор, прислав двух представителей — пресвитеров Витона и Викентия. Помимо них, присутствовали епископ Сардикийский Протоген и Цецилиан, епископ Карфагенский. Войдя в залу, где проходил Собор, император, считавший себя обязанным лично участвовать в соборных деяниях, лобызал раны и выколотые очи святых сподвижников, демонстративно приветствуя православную партию.

Арианская партия зримо уступала в численности православной. Сам Арий не присутствовал на Соборе, и защита его учения легла на плечи Евсевия Кесарийского и еще 7 епископов-ариан¹¹¹. Но ни численное меньшинство, ни отсутствие своего вождя не приводили ариан в уныние. Они имели устойчивые связи при дворе императора — им покровительствовала его сестра Констанция, и во главе их группы были епископ Константинополя и архипастырь самой Nikeи. Ариане полагали, что если они и не одержат победы, то, по крайней мере, удовлетворятся нравственным, моральным торжеством своего разума и образованности над остальной массой епископов. Более того, как иногда отмечают, в планы ариан и не входило первоначально сделать свое учение общеобязательным. Это были своего рода «либералы от веры», охотно допускавшие *субъективные* толкования Предания и Учения и терпевшие разницу в религиозных воззрениях¹¹².

В отличие от некоторых других Соборов Церкви, в том числе и последующих вселенских, Собор в Nikee длился недолго. Открытие состоялось 20 мая 325 г., но непосредственно обсуждение злободневного вопроса пришлось только на 14 июня. Главное догматическое определение — Символ Веры — был обсужден и принят 19 июня, а 25 августа Собор завершил свою работу. Однако столь сравнительно немногословное обсуждение предмета спора не означает, конечно, что победа православной партии была легкой. Она хотя и представлялась вы-

дающимися лицами, но была немногочисленна. Значительную массу составляли епископы, колеблющиеся в своих предпочтениях, либо не вполне уразумевшие суть разногласий.

Противники св. Афанасия и Александра Александрийского попытались сыграть свою игру. Ариане во главе с Евсевием Кесарийским легко ушли от излишних ригоризмов своего лидера и пытались провести арианскую формулу в ослабленном виде, словесно закамouflировав исповедуемую ими тварность Христа: «Веруем... во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Бога от Бога, Света от Света, Жизнь от Жизни, сына Единородного, Первороденного всей твари, прежде всех веков от Отца Рожденного, через Которого и произошло все».

Но тут св. Константин, симпатии которого принадлежали другой стороне, перехитрил своего придворного епископа. Он внешне согласился с высказанной арианами формулой, предложив добавить в нее только один термин «Единосущный». Ариане были побеждены, и Собор торжественно провозгласил Символ Веры в такой редакции.

Можно, пожалуй, согласиться с тем, что мысль дополнить согласительную формулу термином «Единосущный» возникла не у одного св. Константина; наверное, вполне вероятно, что в данном случае немалую роль сыграл св. Осия Кордубский. Ничего невероятного в этом нет: позднее православные императоры не раз формулировали догматические определения с участием виднейших богословов и исповедников веры. Но и представлять св. Константина всего лишь игрушкой в руках православной партии, слепо повторявшим слова, внушенные ему св. Осией Кордубским, совершенно невозможно.

Зная скромность императора, можно смело апеллировать к его собственным признаниям и оценкам. «Бог освобождает через меня бесчисленное множество народов, подвергнувшихся игу рабства (то есть язычеству. — *А. В.*), чрез меня — своего служителя, и приводит к Своему вечному Свету, — пишет он Отцам Собора. — Хотя мой ум, — продолжает святой император, — считает несвойственным себе изведывать совершеннейшую чистоту кафолической веры, однакож побуждает меня принять участие в вашем совете и в ваших рассуждениях»¹¹³. В другом послании св. Константин напрямую говорит о себе как о *сослужителе епископов*, когда он вместе с ними принимает участие в исследовании истины¹¹⁴. Эта же мысль сквозит еще в одном посленикейском послании императора. Повторив свои мотивы созыва Вселенского Собора, св. Константин далее пишет, что подобно другим епископам, *сослужителем* которых является, он исследовал предметы спора¹¹⁵.

Не менее интересные детали приводит Евсевий Памфил. «Одни начали обвинять своих ближних, другие защищались и порицали друг друга. Между тем как с той и другой стороны сделано было множество возражений, и не первый раз возник великий спор, василевс выслушивал всех незлобиво, со вниманием принимал предложения, и, разбирая в частностях сказанное той и другой стороною, мало-помалу примирил упорно состязавшихся. Кротко беседуя с каждым... он был как-то сладкоречив и приятен. Одних убеждая, других увещевая словом, иных, говорящих хорошо, хваля, и каждого склонял к единомыслию, он, наконец, сообразовал понятия и мнения всех, касательно спорных предметов»¹¹⁶.

После формулировки Символа Веры Собор принял 20 правил (канонов) по вопросам церковной дисциплины, в том числе по срокам празднования Пасхи — вопрос, также остро волновавший императора и инициированный им лично перед Отцами Собора.

В результате «оформилось всеимперское, вселенское, для всех обязательное решение Церкви, и еще сверх того государственно-обязательное повеление верховной императорской власти. Такой формальной полновесности решения богословского вопроса и вероопределения до сих пор еще не было в практике и действительности жизни церковной. Омоусиос («Единосущный». — А. В.) стало конкретным законом, для массы далеко еще не внятным, не ясным и не понятным. Пожар был залит водой власти», — очень точно писал по поводу Никейского Собора один исследователь¹¹⁷.

В Никее все было впервые и внове, буквально все обстоятельства и детали борьбы с арианством и реализации соборных оросов заслуживают особого внимания. Можно предположить, что первоначально в замыслы императора не входило придавать соборным определениям административную форму. Ему казалось достаточным того, что Святой Дух, ведущий Отцов Собора, рассеет все сомнения и соблазны ариан; его собственный пример и симпатии по отношению к православной партии также должны были сыграть свою роль. Не случайно мы не видим в числе участников Собора Ария, который не был приглашен на его заседания даже в качестве обвиняемого лица, хотя это обычная форма для позднейших Вселенских Соборов, закрепленная в канонах. Очевидно, св. Константин не предполагал упорства, явленного Арием, не думал, что потребуются применение административных мер к ересиарху.

Прощаясь с Отцами Собора, император произнес прочувствованную речь, в очередной раз свидетельствующую о высоте его духа, мило-

сердии, благоразумии и терпении ко всем, в первую очередь к врагам, которых он относил, скорее, к заблудшим, чем к сознательным противникам. «Неважные ошибки надобно извинять друг другу и иметь снисхождение к человеческой немощи, высоко ценить взаимное согласие, чтобы личной враждой не подать повода к порицанию Божественного закона тем, которые готовы его порицать... Надобно приноравливаться ко всем и, подобно врачу, подавать каждому потребное для его спасения, так, чтобы спасительное учение славилось у всех и по всему»¹¹⁸.

Однако надежды св. Константина на благоразумие и кротость ариан не оправдались. Уже вскоре после закрытия Собора, акты которого император утвердил своей подписью, появляется множество его посланий, в которых он самым решительным образом требует от непокорных ариан выполнения соборных оросов. За требованием следует ссылка на наказание, нередко весьма суровое. Так, в одном из своих посланий василевс отметил, что нечестивый Арий подвергся заслуженному поруганию, а его писания истреблены. Очевидно, это уже был пример *властного воздействия* на инакомыслящих еретиков. Догадка оправдывается, поскольку ниже св. Константин пишет: «Всякое сочинение, написанное Арием, какое у кого найдется, повелеваем предать огню, чтобы таким образом не только исчезло нечестивое учение его, но и памяти о нем никакой не осталось. Если же кто будет обличен в утаении книг ариевых, и не представит их тотчас для сожжения, такой, объявляем наперед, будет наказан смертью: тому немедленно по открытии вины будет отсечена голова»¹¹⁹.

В другом письме, где главным образом речь идет о необходимости празднования Пасхи всеми церквами в один и тот же день, как постановлено в Никее, император фактически отдает епископам указание: «Итак, объявив постановления Собора всем возлюбленным братьям нашим, вы должны принять и привести в действие как то, о чем было говорено прежде, то есть упомянутый образ вселенской веры, так и соблюдение святейшего дня Пасхи»¹²⁰.

Святой Константин многократно упоминает, что его кротость и терпение имеют естественные границы: «Кто осмелится вспоминать о тех губителях и неосмотрительно хвалить их, тот в своей дерзости немедленно будет обуздан властью служителя Божия, то есть моей»¹²¹. Правда, грозные предостережения казались таковыми только на бумаге царского эдикта. Первоначально сам Арий был отправлен в ссылку, но его сторонники практически не потеряли в своем статусе, за исключением епископов Евсевия Кесарийского и Феогниса, также по распоряжению царя удаленных от дворца и из собственных епархий. Но для

этого были не только религиозные, но и политические причины: Евсевий одно время поддерживал Лициния и при его помощи устранял православных епископов, когда спор с арианами только разгорался. Но вскоре оба ссыльных вновь оказались при св. Константине, который помиловал Евсевия, хотя царица св. Елена явно не благоволила ученому-энциклопедисту с задатками интригана. Но царь простил их: ведь Евсевий формально все же подписал Никейский Символ.

Не прошло и несколько лет, как почти все арианские епископы были возвращены из ссылки и заняли свои кафедры. Напротив, некоторое число православных архиереев вынуждены были занять места недавнего нахождения своих противников. Нередко полагают, что в посленикийский период в жизни василевс склонился к арианству, что едва ли соответствует действительности. Это, конечно, ошибка. Святой Константин никогда не давал повода усомниться в своей верности православному Символу Веры, но, извечно озабоченный проблемой обеспечения церковного мира, прилагал все усилия для его достижения. Возможно, император размышлял несколько поверхностно, но в существе своем искренне и по-христиански. Поскольку ариане приняли Никейский Собор, а Арий «почти» принял его, пусть даже и под давлением власти, то, следовательно, теперь православные должны пойти на известные уступки и компромисс в их пользу. Таким образом, искренне считал он, все воссоединится в лоне Святой Церкви. Увы, св. Константин мерил по себе, ложно укутывая священнический сан покрывалом безгрешности.

Кроме того, император очень не любил ригоризма отдельных ревнителей веры, и когда еще на Соборе один из православных епископов отказался принять в церковное общение падшего собрата, он сказал: «Возьми, Алексей, лестницу и взойди один на небо». Девизом императора было: «Кто не против нас, тот с нами», девиз лидеров православной партии: «Кто не с нами, тот против нас».

Первой жертвой взаимного непонимания царя и защитников Никеи стал св. Афанасий Великий, наотрез отказавшийся принять в церковное общение Ария и его единомышленников, поскольку те были осуждены как еретики. Полагают также — и, возможно, не без оснований, — что психологически св. Афанасий не нравился св. Константину. Жесткий в своем следовании Православию, бескомпромиссный боец не мог импонировать василевсу, главной мечтой которого было единение церковного мира¹²². Уже не ариане, а св. Афанасий и его сторонники выглядели в глазах императора угрозой церковному единству. Вслед за этим, естественно, последовали репрессии уже к никейской

партии, имевшие целью наглядно показать, что определениям самодержца, направленным на защиту истины, противиться не должно¹²³.

Конечно, св. Константином в эти минуты владели некоторые слабости, от которых не свободен ни один человек, даже равноапостольный император. Помимо этого, царь искренне полагал, что найденная и возведенная до небес соборная форма обсуждения всех злободневных вопросов по делам Церкви и веры *самодостаточна*. Когда св. Афанасия, бывшего в то время Александрийским епископом, обвинили в нарушении церковной дисциплины, царь привычно повелел организовать собор в Тире, который и состоялся в 335 г.

Святой Константин поручал епископам устроить дорогой его сердцу церковный мир, но в данном случае первоначальные условия не совпадали с пожеланиями императора. Хотя св. Афанасий Великий прибыл в сопровождении 50 египетских епископов, комит, представитель царя на Соборе, лишил их права голоса, тем самым недвусмысленно подчеркнув положение Святителя как *обвиняемого*. Враги св. Афанасия, мелитиане, собравшиеся здесь во множестве, быстро довели свое дело до конца. Святитель Афанасий не стал дожидаться ареста и покинул город, что ему тут же вменилось в вину. На его защиту стал преподобный Антоний — великий египетский пустынножитель, обратившийся с соответствующей просьбой к императору. Но тот отвечал, что не в состоянии поверить, будто такой многочисленный Собор епископов мог ошибиться и осудить невиновного¹²⁴. Увы, ничто человеческое нам не чуждо, и у великих людей, столь много сделавших для блага Церкви, случаются великие ошибки.

Едва ли эта история требует жесткого противопоставления позиций царя и епископа, вряд ли уместно оценивать их «православность» по тому, что один был гонимым, а второй вольным или невольным гонителем. Каждый из них — и св. Афанасий, и св. Константин — искренне желали Церкви мира и истинной веры, но шли к этому результату разными путями. История Церкви бессмысленна, если во всех событиях видеть только ничтожное человеческое разумение и исключать роль Божественного Провидения.

Так было и на этот раз: борясь с врагами Церкви теми методами, которые были доступны каждому из них, акцентируясь на тех задачах, которые вытекали из разницы в статусе каждого из них (святитель и император), оба они творили чудо спасения Церкви от ереси заблуждений. Помимо этого, невольно в голову приходит и следующая далеко не безосновательная мысль: если бы не внешние препятствия, промыслительно попущенные Богом св. Афанасию, возможно, православный

мир знал бы на одного святителя меньше. С другой стороны, если бы не ригоризм ревнителей Православия, святой император не был бы столь озабочен проблемой единства Церкви, и, можно допустить, вопросы ее организации и церковной иерархии не получили бы еще в эту раннюю пору столь блестящих решений.

В целом подытожим: «арианский уклон», порой тщательно отыскиваемый в светлом облике равноапостольного царя, никогда не имел места, а некие примирительные действия св. Константина в их адрес обусловлены совсем иными интересами, в первую очередь желанием церковного мира и обеспечения единства Церкви.

Впрочем, эти события были еще впереди. А тогда, после Никеи, Церковь ликовала и возносила молитвы Царю-освободителю, избавившему ее от смуты и ересей. Вскоре после Никейского Собора, в 326 г., произошло еще одно великое и знаменательное событие. Император ранее уже не раз высказывал ближним горечь по поводу того, что величайшая святыня христианства Крест Господень был утерян и, как казалось тогда, безвозвратно. На поиски святыни он отправил в Иерусалим свою мать св. Елену, снабдив ее необходимыми средствами. По существу, она являлась полным распорядителем государственной казны, как и ее царственный сын.

Явившись в этот город, она в конце концов нашла то место, где, по словам отдельных очевидцев, был зарыт Крест, велела снести языческое капище, сооруженное на святом месте, и тотчас, по словам историка, явлены были Святой Гроб и три креста. Очевидно, совпадение было слишком явным, чтобы не прийти к выводу о том, что поиски увенчались успехом. Но никто не мог сказать, какой из этих крестов Господень. Тогда Иерусалимский патриарх Макарий подвел к крестам одну тяжело больную женщину — христианку (в тексте даже говорится, что она уже даже не дышала), которая, коснувшись Животворящего Креста, тотчас исцелилась. В честь этого события распоряжением св. Елены в Иерусалиме были возведены многие церкви, а Константин повелел увозить гвозди, которыми было пронзено тело Христа, в свой шлем и в уздечку¹²⁵.

Глава 3. Переезд в Константинополь, конец жизни

После блистательного Первого Вселенского Собора, где присутствовавшие на Соборе епископы торжественно отметили 20-летие царствования св. Константина, василевс вернулся в Рим. Здесь император

ожидал отдохновения от своих многочисленных трудов, но, увы, конец его жизни был ознаменован некоторыми печальными событиями.

Вечный город и ранее был не очень расположен к «восточному» василевсу, и если после победы над Маккенцием римляне рукоплескали в овациях при триумфе царя, то связывалось это не с чем иным, как с освобождением от тирании Маккенция. Как только старые раны затянулись и забылись оскорбления тирана, нелюбовь к св. Константину вспыхнула с новой силой. Римлян раздражало в царе буквально все: его восточная одежда, манеры, пышность двора и церемоний, расположенность императора к христианам. Но, главное, в нем видели некий прообраз Диоклетиана — императора, поставившего некогда на колени гордый римский сенат и установившего твердую единоличную власть.

Несколько ниже, в обобщении, мы более детально рассмотрим вопрос об императорских полномочиях и специфике царской власти в Византии. Сейчас лишь заметим, что в эпоху св. Константина идея единоличной власти, идея василевса лишь *пробуждалась* и была едва заметна на фоне старых римских представлений о суверене верховной власти. Со времен республики повелось считать, что весь римский народ является носителем высших политических прерогатив, которые он в соответствии с законом и по своему выбору делегирует на время народным избранникам. Органом, непосредственно влияющим на выборы высших должностных лиц государства, являлся сенат, и его роль в практической расстановке сил трудно переоценить. Правда, однако, и то, что сенатское правление, систематически прерываемое диктаторами или прямыми тиранами, едва ли соответствовало идее «народной воли».

Эта теоретическая фикция, неоднократно входящая в противоречие с исторической действительностью уже во времена Суллы и Юлия Цезаря, как казалось, окончательно дискредитировала себя, когда в 27 г. до Рождества Христова сенат наделил *Октавиана* (30 г. до Р.Х. — 14 г. по Р.Х.) титулом *Август*. Впрочем, Октавиан вскоре сложил с себя дарованные ему императорские полномочия и отказался от звания диктатора, которое ему предложил сенат, что, однако, не мешало ему при сохранении внешне республиканской формы правления сосредоточить в своих руках все высшие государственные должности. Здесь фактическая сторона совершенно не соответствовала правовым актам, в которых излагалась теоретическая концепция властной пирамиды в Риме. Хотя на самом деле Октавиан сам взял власть в государстве в свои руки, но теоретически правовым основанием его власти, равно как и последующих преемников августа, являлись постановления сената и комиций, действующих якобы от имени народа. В этой

связи *princeps*, каковым официально являлся император, мог взойти на трон и быть низвержен с него решением сената, если, конечно, тот мог физически реализовать это неписаное право.

Потому, опять же с точки зрения даже не права, а официальной неписаной идеологии Рима, *princeps* являлся только первым между гражданами: «*princeps senatus et universorum*» («первый в сенате и среди всех вообще») ¹²⁶. Основанием власти св. Константина являлись его военные успехи, благосклонно признанные сенатом (а что ему оставалось еще делать?). Но благосклонность — вещь очень переменчивая, державшая св. Константина в скрытой зависимости от воли тех, кто не собирался в существо своем менять старые римские олигархические порядки.

Однако идея народной воли, в первую очередь, конечно, воли самого сената, как основание властных полномочий василевса, шла в явное противоречие с единоличным и абсолютным правлением святого царя, по праву претендующего на более прочный фундамент своей власти. Кроме того, особенно после Никейского Собора, св. Константин все более и более погружался в содержание православного вероучения и, конечно, не мог следовать римским, языческим устоям своего царствования, целиком покоящимся на «князи человеческие».

Если уж св. Константин, не смущаясь, говорил о себе как о «*сослужителе епископов*», «*епископе внешних*», «*неком общем епископе*» ¹²⁷, то, надо полагать, идея божественного источника царской власти к тому времени не могла не привлечь его внимания. Не случайно Евсевий, по-видимому, как и любой придворный писатель, невероятно чуткий к настроениям властей предержащих, специально отмечает в своем труде: «Константина... Бог всяческих и Владыка всего мира соделал императором и вождем народов сам собой. Между тем как другие удостоиваются этой чести по суду человеческого, — Константин был единственный василевс, призванием которого не может похвалиться никто из людей» ¹²⁸. Безусловно, такие речи исходили не только от одного Евсевия, и св. Константин не мог игнорировать — хотя бы внутренне, пока еще без огласки — формулы, естественные для христианского сознания.

Однако, как известно, одно дело слушать такие идеи, другое — ввести их в политический оборот. В Риме с его старыми традициями, развращенным плебсом и самоуверенным, гордым сенатом, любая ревизия основ государственной власти императора немедленно вызвала бы крайне негативную реакцию. «Рим, погруженный в сон об античности, не любил людей, которые жили исключительно настоящим» ¹²⁹. Если св. Константин и думал об этих предметах, то, пожалуй, рассчитывал все же на мягкие реформы. К сожалению, даже для робких шагов, должных всего лишь наметить определенную тенденцию, дело не дошло.

Неприятности начались сразу же по приезде царя. Буквально на следующий день император попросил сенат представить ему список людей, пострадавших при Макценции и Лицинии, желая восстановить их в правах, но не получил ответа. Видимо, сенат решил на деле продемонстрировать свою «независимость». Следующее событие уже сенат мог квалифицировать как проявление встречного — со стороны императора — неуважения к себе. Когда 15 июля состоялось знаменитое шествие римлян до Марсова поля, где приносились языческие жертвоприношения, император отказался возглавить его. Конечно, это случилось по иной причине: св. Константин уже не был язычником и по понятным соображениям отказался стать во главе процессии, наблюдая ее со стороны. Но для сената и римлян важнее был сам факт игнорирования императором древних традиций. Постепенно василевс стал объектом жестоких нападок со стороны толпы черни, которая — величайшее оскорбление — разбила камнями статую императора. Удивительна его реакция: после минутной паузы царь произнес: «Нельзя сказать, чтобы я это заметил»¹³⁰. Доверчивость, незлобивость императора граничили с наивностью, которой гордый и прагматичный римский ум не прощал никому.

Но главная беда ждала св. Константина внутри семейства и была напрямую связана с его старшим сыном Криспом. Внешне это выглядело незамысловато и почти буднично. Летом Крисп был арестован без публичного объявления причин, допрошен и сослан в Полу, в Истрию. А через короткое время император подписал сыну смертный приговор, приведенный в исполнение непосредственно в месте его ссылки. Что же стояло за этой трагедией, жертвой которой стал находившийся на вершине славы первенец, боевой сподвижник и правая рука св. Константина?

Хотя первоисточники практически не упоминают об истинных обстоятельствах дела, некоторые исследователи приводят следующие соображения, которые выглядят убедительными. Как уже говорилось выше, приезд св. Константина в Рим состоялся как раз после пышного царствования 20-летия нахождения его на вершине государственной власти в составе царственной тетрархии. Создавая эту оригинальную систему, Диоклетиан определял для себя именно 20-летний срок, по окончании которого он и второй август должны были оставить свои посты для цезарей, обязанных подготовить в свою очередь преемников на свои должности. И хотя после того, как указанный срок наступил, Диоклетиан вдруг воспротивился собственному замыслу, Галерий все же вынудил того выполнить ранее данное самому себе обещание до конца. *Официально* тетрархию никто не отменял, и теперь эта доктрина

на могла обернуться против св. Константина, вернее против его сыно-
вей от Фаусты.

Здесь-то и возникала фигура незаконнорожденного Криспа, кото-
рый имел — чисто теоретически — все мотивы для того, чтобы обойти
законных сыновей своего отца от брака с Фаустой. Конечно, порфи-
родность — критерий, с которым нельзя не считаться. С другой сто-
роны, Рим не знал закона о наследовании царского трона, а заслуги
Криспа и его старшинство в годах перед младшими единокровными
братьями, военный и политический опыт могли стать той причиной,
по которой капризное римское общество, ценившее собственную без-
опасность и стабильность очень высоко, признало бы императором
именно его, а не детей св. Константина от законного брака. Более того,
умозрительно рассуждая, Крисп был заинтересован не только в устра-
нении собственных малолетних братьев, но и отца, поскольку при его
жизни у него было мало шансов стать императором.

Откровенно говоря, вряд ли сам Крисп загадывал так далеко, и едва
ли его можно упрекнуть в подобных умыслах. По крайней мере, исто-
рики рисуют портрет царевича в благородных тонах, и черты его ха-
рактера весьма сходны с обликом св. Константина: «Юный и одарен-
ный от природы самым симпатичным характером...» — пишет о нем
историк¹³¹. Он уже был крещен к тому времени и всячески помогал
отцу в обеспечении свободной деятельности Церкви. Другое дело, что
Фауста, полностью унаследовавшая от своего отца и брата коварство,
цинизм и совершеннейшую неразборчивость в средствах, демонизиро-
вала ситуацию донельзя. Трудно сказать, что ею двигало. Возможно,
материнский инстинкт, методично и заблаговременно устраняющий
любые препятствия на пути ее детей к трону, либо старые счеты с Кри-
спом, за которые она решила поквитаться.

Но именно она убедила св. Константина в тайных преступных за-
мыслах Криспа, в качестве «доказательства» дав царю слово, что яко-
бы царевич предложил ей супружество и трон императрицы после фи-
зического устранения отца. В принципе в таком кровосмесительном
браке не было ничего неожиданного и невиданного: и ранее, и гораз-
до позднее монархические семьи нередко нарушали закон о браках с
близкими родственниками, если того требовали интересы государства
и трона. Не составлял исключения и Древний Рим, где очень многое
отдавалось в жертву конкретного результата, в том числе политиче-
ского. Поэтому слова Фаусты, подкрепленные указанными выше раз-
мышлениями, выглядели внешне убедительно и правдоподобно. Не
исключено также, что Фауста была не одинока в этой интриге — даже

из общих соображений легко представить, что при дворе нашлись люди, которым было что делить с Криспом. Ведь еще до последней войны с Лицинием некоторые придворные круги усиленно пытались внушить императору недоверие к сыну, вследствие чего тот находился буквально под надзором¹³². Поэтому, по существу, в обвинениях, которые втайне предъявлялись Криспу, не было ничего нового.

Правда, никто не мог впоследствии доказательно подтвердить слова присяги Фаусты, в истинности которых она *на время* убедила св. Константина¹³³. Но в тот момент, наверное, давление на него было слишком велико, и царь, наконец, принял то страшное решение, о котором раскаивался потом все оставшиеся годы.

Отсутствие какой-либо доказанной вины Криспа обнаружилось почти сразу. Мать св. Константина св. Елена укоряла сына в поспешности вынесенного приговора, не сомневаясь в его несостоятельности. Но вдова Криспа Елена была куда более успешной — при личной встрече с царем она, бросившись в ноги свекру, сумела опровергнуть домыслы Фаусты. По приказу царя состоялось следствие, закончившееся казнями всех заговорщиков. Отвергнутая императором Фауста вскоре (возможно, не без посторонней «помощи») утонула в ванне во время купания¹³⁴. Правда, по другой версии, Фауста была застигнута слугами императора во время адюльтера с неким Курсором и по приказу царя задушена в раскаленной бане¹³⁵. Так или иначе, но сына уже было не вернуть. Единственное, что отец мог сделать — поставить серебряную вызолоченную статую Криспа¹³⁶.

Находиться в опостылевшем Риме св. Константин уже не мог, и взор императора скользил по карте Империи в поисках подходящего места для выбора новой восточной резиденции и столицы. В качестве вариантов рассматривались и Антиохия, и Александрия, и даже легендарная Троя. Но в конце концов выбор императора пал на маленький греческий город Византий, расположенный чрезвычайно благоприятно и для торговли, и для обороны, и для размещения войск. Правда, таким признакам соответствовали и многие другие населенные пункты, в том числе на Западе; не удивительно ли, что св. Константин — как видно уже из географии возможных городов-кандидатов — решил перебраться именно на Восток? Конечно, спустя 1700 лет едва ли возможно проникнуть в душу и помыслы великих людей, но некоторые обоснованные соображения по поводу мотивов переезда императора все же следует высказать.

Сложенный спустя короткое время в Риме анекдот о том, что император фактически сложил с себя полномочия правителя западной части Римской империи в пользу папы Сильвестра, более того, при-

знал его власть над собой, и даже гордясь тем, что публично посчитал за честь быть его конюшим, лишен какой-либо исторической правды. Конечно, царем двигали совсем не те чувства, которыми впоследствии «наделили» его изворотливый папский клир и западные канонисты. В данном случае мы не будем затрагивать вопроса о правовых основаниях (по «божественному праву») столь резкой замены носителя высшей политической власти с императора на папу. Безусловно хотя бы то, что и после переезда на Восток св. Константин назначил правителями западных провинций своих сыновей, нисколько не сомневаясь в том, что это его прерогатива, не должная согласовываться с папой Римским. Приведем лишь соображения, касающиеся общего исторического контекста оставления св. Константином Рима.

Помимо ясного ощущения о холодном отношении к нему Рима, императором двигали сугубо практические вопросы (в частности, безопасность восточных границ), требовавшие его непосредственного нахождения там. Нельзя сбрасывать со счетов и личностные нюансы. Если в Риме св. Константин был персоной далеко не самой желанной, то для Востока император до сих пор оставался блистательным победителем тирана и гонителя христиан Лициния. Рим в своей массе оставался все еще языческим городом и *лишь терпел* императора-христианина. Напротив, на Востоке христианство было распространено к тому времени гораздо шире. Римский сенат явно и тайно пытался заставить царя считаться с собой; на Востоке у св. Константина не было внутренних политических врагов, организованных в единую силу и питающих свою силу из давних политических традиций.

Запад едва к тому времени заметил Никейский Собор и явно не оценил еще по достоинству величия царского замысла соборно, на вселенских совещаниях обсуждать затрагивающие всю Церковь вопросы. Наоборот, Восток славославил царя, положившего конец арианской ереси и обеспечившего единство Церкви. Согласимся, для немолодого уже василевса, находящегося под гнетом воспоминаний о семейной драме и тяготящегося неблагодарностью римлян, психологически комфортнее было избрать именно восточные провинции, чем Милан или другой итальянский город, где живы были римские представления о власти.

Так или иначе, но царь издал соответствующие распоряжения, и 4 ноября 326 г. состоялась закладка новой городской стены. Хотя официально вопрос о наименовании города решался долго, в народе он сразу же стал называться «городом Константина», *Константинополем*¹³⁷.

Константинополь стал первым *христианским* городом Империи. В его стенах не был построен ни один языческий храм, а уже имевшиеся были переоборудованы в христианские церкви. Правда, св. Кон-

стантин не чурался лучших произведений языческого искусства, которые в изобилии стекались в новую столицу со всех концов Римского государства. Например, из Дельф привезли статую Аполлона Пифийского, ее дополнила фигура Аполлона Сминфийского. Масштаб строительства и украшения столицы потрясают воображение даже в наши дни: как рассказывают, количество вывезенных из Рима и других городов Империи статуй было невероятно большим. Только на одном ипподроме Константинополя насчитывали более 60 статуй, перевезенных из Рима, в том числе статуя Августа. Святой Константин приказал также перевезти из Рима в Константинополь монолитную колонну из египетского порфира, имевшую в высоте более 30 метров.

На эту перевозку понадобилось 3 года, этот громадный колосс был с большими трудностями поставлен на форуме в «новом Риме», а в основании его был заделан Палладиум, также взятый св. Константином из Рима¹³⁸. Для придворных и всех желающих царь выделил участки земли для застройки, а 11 мая 330 г. Константинополь был освящен. Фактически это стало датой появления на свет новой христианской Империи — *Византийской*, родившейся в недрах Священной Римской империи, но далеко не тождественной ей.

Но и этот, относительно мирный, период в жизни христианского императора нередко озарялся всполохами войны. Как некогда ранее, возникла страшная готская угроза — они стали теснить сарматов, живших на берегах Тиссы и Дуная. Сарматы запросили помощи у римского правительства. Предвосхищая действия св. Константина, в 322 г. готы сами переправились через Дунай и вторглись на территорию Империи. Всю зиму они разоряли Иллирию, но тем временем император заключил соглашение с Херсоном о взаимных действиях против готов. Союз дал успешные результаты. В результате слаженных и хорошо организованных военных действий вождь готов Арарих был заперт в Иллирийских горах, где его воины во множестве погибали от голода и холода, а вскоре вообще сдались на милость победителя.

Готы не ошиблись: св. Константин вновь явил свое благородство и милосердие, отпустив их вождей с богатыми подарками и взяв сына самого Арариха в качестве заложника¹³⁹. По тем временам это был не только способ обеспечения должного исполнения договорных обязательств со стороны готов, но и, пожалуй, единственная возможность для юного варвара приобщиться к величайшей рим-

ской культуре. Ведь, как известно, обыкновенно заложники жили в императорском дворце на полном содержании василевсов. Это был *последний* военный поход св. Константина и последняя победа римского оружия за Дунаем.

Постаревший император был уже слаб, а дни его сочтены. К этому времени практически завершилась постройка храма Святых Апостолов в Константинополе, где св. Константин повелел похоронить себя после смерти. Этот храм надолго пережил своего создателя, и на долгие века церкви Святых Апостолов суждено было стать местом упокоения византийских самодержцев.

После празднования своего 30-летия у власти св. Константин прожил совсем немного, хотя до последних дней оставался грозой для врагов. В это время едва не начались военные действия с Персией, где правила великая династия Сасанидов. Но персы вовремя осознали грозившие им неприятности и направили посольство для заключения мирного договора. Царь принял посольство, передавшее ему богатые дары, и мог в очередной раз гордиться плодами своих рук.

Но в это время его подстерегла опасность, исходящая от самого близкого круга. Как утверждают некоторые источники, император был отравлен своим братом и племянниками, решившими примерить на себя царские инсигнии¹⁴⁰. Так или иначе, но василевс заболел, и болезнь неумолимо приближала его конец. Почувствовав близкое дыхание смерти, св. Константин решил осуществить свою давнюю мечту — креститься в водах Иордана, но этому уже не суждено было сбыться.

В Еленополе (город, названный в честь его матери св. Елены), где царь принимал теплые ванны, он исповедался в церкви Святых Мучеников, затем, переехав в Никомидию, обратился к епископам с просьбой крестить его. Следует попутно заметить, что позднейшая легенда, будто бы св. Константин крестился в Риме у папы Сильвестра, распространенная в том числе в византийской историографии, лишена каких-либо оснований и обусловлена некоторыми причинами. Во-первых, эта история была заимствована из подложного «*Константинова дара*», о котором у нас ниже не раз пойдет разговор. Во-вторых, сама мысль о том, что св. Константин мог креститься от рук епископа-арианина, была несовместима с обликом этого светлого царя для православных писателей позднейших эпох. Кстати сказать, эта история лишний раз подчеркивает, насколько св. Константин был

дорог Церкви, и как клир пытался устранить, пусть даже и искусственно, любые возможные нападки на его имя.

По завершении священного обряда император облекся в торжественную одежду василевса и почил на ложе, покрытом белыми покрывалами. Затем, возвысив голос, св. Константин вознес к Богу благодарственную молитву и в заключение сказал: «Теперь я сознаю себя истинно блаженным, теперь я достоин жизни бессмертной, теперь я верую, что приобщился Божественного света». Очень характерно, что даже на смертном одре св. Константин думал не о себе, а о тех, кто лишен великого блага быть членом Церкви. Таковых он называл «несчастливыми и жалкими»¹⁴¹. В день Святой Троицы, 22 мая 337 г., около полудня великого императора не стало.

Его смерть стала *трагедией Римской империи*. Дворцовая стража разодрала на себе одежды, дворец огласился плачем и воплями, таксидархи и лохаги называли его своим спасителем, хранителем и благодетелем; остальное войско вместе с простым народом было объято ужасом. Взяв тело, воины положили его в золотой гроб, а затем, накрыв его багрянницей, водрузили гроб на саркофаг и поставили в лучшей из комнат царского дворца.

Тихо горели свечи в золотых подсвечниках, многочисленная стража день и ночь охраняла своего любимого императора, а комиты и остальные военачальники каждый день, словно для доклада, прибывали к телу св. Константина и преклоняли колено, приветствуя покойного. Это было настолько неожиданно, что всем казалось, будто, несмотря на смерть, царствие св. Константина Великого продолжалось. «Одному только ему суций над всеми Бог даровал преимущество царствовать над людьми даже после смерти, и людям, не лишенным смысла, этим ясно указал на нестареющее и нескончаемое царствование души его», — писал современник¹⁴².

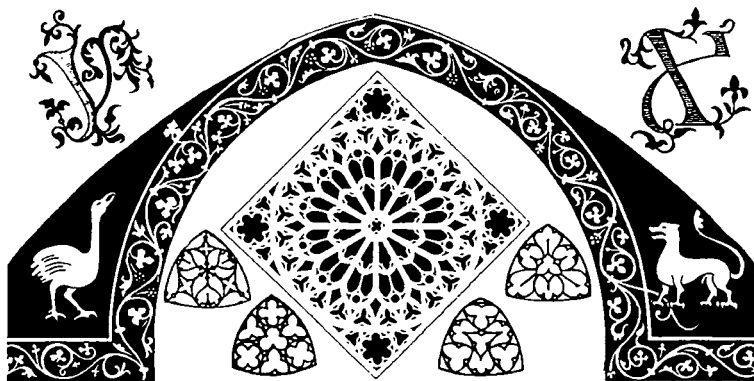
Рим и Константинополь вступили в заочное состязание за право предоставить у себя последний приют покойному царю. В самом Вечном городе в знак траура были закрыты все бани и рынки, все жители Рима громогласно славословили своего царя. Ему посвящались картины, на которых св. Константин был изображен «покоящимся в горнем жилище, превыше всех небесных кругов». Все мечтали только об одном: чтобы честь принять в последний раз святого императора была предоставлена именно им.

Но сын императора, будущий Римский царь *Констанций*, уже принял решение похоронить отца в Константинополе. Из Никомедии

в окружении многочисленных отрядов римских воинов он сопровождал до самого Константинополя саркофаг с телом св. Константина, демонстрируя высочайшее уважение к нему и почтение. Наконец, процессия прибыла на место, и возле храма святых Апостолов солдаты отошли в сторону, предоставив место священникам. Прославляемый всеми, оплакиваемый василевс был погребен в том мавзолее, который соорудил при своей жизни, открыв счет *святым императорам Римской империи*¹⁴³.

II. КОНСТАНТИН II (337–340), КОНСТАНТ I (337–350), КОНСТАНЦИЙ (337–361)

Глава 1. Соимператорство трех братьев и единоличное правление Констанция

После смерти императора святого равноапостольного Константина I Великого к власти в Римском государстве пришли трое его сыновей — **Константин**, **Констанций** и **Констант**, родившиеся от брака с Фаустой в указанной последовательности. Впрочем, иногда утверждают, что Константин II родился у святого императора не от Фаусты, а от любовницы Минервины, которая перед тем подарила ему несчастного Криспа¹⁴⁴.

О первых годах жизни наследников известно немного. Еще в раннем детстве они были возведены отцом в звание цезарей — в 315, 325 и 335 гг. соответственно; все царевичи получили глубокое и разностороннее образование. Их закаляли физически, учили правоведению, военному делу и решению государственных задач. Лучшие философы, педагоги и юристы того времени читали лекции трем принцам¹⁴⁵. Конечно, они были христианами, но в соответствии с обычаями древней Церкви не принимали таинства Крещения в юном возрасте.

Хотя римским законом вопрос о престолонаследии не был урегулирован, авторитет равноапостольного императора позволял ему надеяться, что его последняя воля будет исполнена. Поэтому, как свидетельствуют историки, св. Константин Великий оставил завещание,

в котором распределил все провинции Римской империи между своими сыновьями. Старший сын Константин получил Британию, Галлию и Испанию, Констант — Италию и Африку, а Констанций — Малую Азию, Сирию, Фракию и Константинополь. Носителем единоличной власти, как и прежде, во времена Диоклетиана, являлись одновременно сразу трое царевичей, а не кто-то один из них.

Впрочем, история восшествия сыновей св. Константина на трон не лишена картин, обычных для современников событий. Наследники стали именоваться царями не по воле отца, при наличии завещания, — таковыми их *провозгласило войско*. Кроме того, некоторые обстоятельства дают повод полагать, что исполнение завещания св. Константина Великого находилось под угрозой, детали которой скрыло от нас время.

Общеизвестно, что непосредственно после провозглашения принцев августи солдаты умертвили почти всю многочисленную родню св. Константина Великого: его единокровного брата Юлия Констанция и семерых племянников. В живых остались только два двоюродных брата наследников — малолетние Галл и Юлиан. Вследствие гибели почти всех остальных претендентов, пусть даже и потенциальных, сыновья святого царя беспрепятственно вошли на трон. Но другие обстоятельства событий скрыты от нас веками истории и молчанием современников, остались только отдельные фрагменты, дающие пищу для многочисленных гипотез и предположений.

Наследники св. Константина не присутствовали ни при казнях своих родственников, ни при кончине отца — занятые государственными делами, они не смогли проводить царя в последний путь. Только через несколько месяцев, уже в сентябре 337 г., Констанций похоронил отца в Константинополе, в храме Святых Апостолов. Тогда же он и получил на руки упомянутое завещание¹⁴⁶.

Очевидно, оно имело для него и братьев очень большое значение. Рассказывают, что первоначально святой император передал завещание Евсевию Кесарийскому, и того даже пытались обыскать брат и племянники покойного василевса, чтобы отобрать бумагу. Почти наверняка можно предполагать, что они, отравив царя, готовились к захвату власти. И нет ничего удивительного в том, что св. Константин Великий догадался об этих замыслах и в своем завещании настоятельно рекомендовал сыновьям разделиться с заговорщиками. В любом случае, документ был крайне важен и для сыновей императора, и для мятежников¹⁴⁷.

Не случайно источники утверждают, будто арианский священник, передавший ему завещание, стал «известным Констанцию, скоро сде-

лался человеком к нему близким и получил приказание бывать у него как можно чаще»¹⁴⁸. Более того, этот безвестный иерей вскоре имел уже серьезное влияние на царя в делах веры, внушив самой царице арианский образ мыслей. Едва ли это можно объяснить особой просвещенностью и популярностью арианствующего пресвитера, имени которого история не сохранила¹⁴⁹. Скорее всего, основания для такой странной привязанности лежали в другой области, и у императора имелись веские причины доверять человеку, в руках которого оказались судьба его братьев и собственная жизнь.

Можно смело предположить, что *отсутствие* завещания св. Константина позволило бы выдвинуться на первые роли как раз его умерщвленным солдатами брату и племянникам. А они, являясь членами царской семьи, играли далеко не последнюю роль в политической жизни Империи. Не следует забывать, что, возможно, в силу обычной человеческой привязанности и привычке делать приятное близким, а, быть может, по иным причинам, св. Константин Великий обеспечил племянникам воспитание, равное тому, какое дал собственным детям. Более того, один из них — Далмаций даже получил наравне с детьми императора титул цезаря. Второму племяннику — Аннибалиану св. Константин пожаловал пусть ничего не значащий, но очень красивый титул «*nobilissimus*» («знаменитейший»), позднее сделав его царем Понта¹⁵⁰.

Вполне вероятно, опасность молодым принцам грозила именно со стороны этих обласканных близких родственников, которые могли, воспользовавшись отсутствием завещания, заявить свои претензии на трон более категорично. Наивно надеяться, будто родные дети св. Константина прожили бы в таком случае длинную жизнь.

Как можно предположить, Констанций знал нечто большее, чем об этом говорит летописец, некоторые даже полагают, что и физическое устранение потенциальных конкурентов произошло не без его участия. Впрочем, существует и другая, не менее распространенная версия, будто вина Констанция заключалась в ином: он *знал* о готовящемся убийстве, но не воспрепятствовал ему¹⁵¹. Правда, при этом не уточняют, мог ли он *физически* не допустить кровавой расправы, либо такие пожелания историков носят исключительно умозрительный характер. В противоположность этим версиям святитель Григорий Богослов был убежден в абсолютной невиновности Констанция и даже утверждал, что именно средний сын св. Константина спас Галла и Юлиана. «Спасенный великим Констанцием, — пишет он о Юлиане, — недавно от отца наследовавшим державу, когда при дворе стали

правлять делами новые чиновники, и войско, опасаясь нововведений, само сделалось нововводителем, вооружилось против начальствующих, тогда, говорю, невероятным и необычайным образом спасенный вместе с братом...» и далее по тексту¹⁵². В любом случае, как отмечают историки, в последние дни своей жизни василевс очень сожалел о смерти близких ему людей¹⁵³.

Братья правили втроем, периодически собираясь для решения общих вопросов, как правило, в Паннонии, но главенствовал все-таки старший брат. Последняя встреча августов состоялась в 338 г. в Виминации, где Константин решительно выступил в защиту св. Афанасия. Своим единоличным указом он повелел возвратить в Александрию ссыльного святителя, а в письме к Александрийскому клиру объяснил причины своего поступка. «Владыка наш, блаженной памяти Константин, благочестивейший родитель мой, — писал василевс, — вознамерился уже возвратить упомянутого епископа на собственное его место, но так как, не исполнив еще сего желания, он предварен был человеческим жребием и почил, то, сделавшись наследником намерения блаженной памяти царя, я счел долгом исполнить его. Увидевшись с Афанасием, вы сами узнаете от него, какое питал я к нему уважение»¹⁵⁴.

Константин был не одинок в своей ревности по обеспечению единства Церкви и благочестия. Так, в частности, Константу выпало на долю искоренить ересь донатистов, уже давно терзавшую тело Церкви. Он попытался в мягких формах повернуть их к истине, но те устроили открытый мятеж. Состоялась настоящая битва донатистов с регулярными войсками, закончившаяся для них плачевно. Еретики были рассеяны, сосланы, а сам Донат умер в ссылке¹⁵⁵. Кроме этого, Константин вместе с Констанцием приняли закон, запрещающий иудеям покупать рабов (по-видимому, все же рабов-христиан), виновный в этом правонарушителю подвергался казни мечом, а его имущество отбиралось в казну¹⁵⁶.

Не отставая от своих братьев, Констанций также был врагом язычества и идолопоклонства, хотя поддерживал не св. Афанасия, а *антиникейцев*, к которым относилось подавляющее большинство его восточных подданных. Так, в 341 и 353 гг. он издал два указа, в которых под угрозой смертной казни воспретил публичное идолослужение¹⁵⁷. В 341 г. Констанций совместно с Константином подтвердили закон своего отца против гадателей и совершений ночных жертвоприношений. «Суеверие должно прекратиться, и безумие жертвоприношений должно быть уничтожено; а если кто, в противность повелению нашего божественного отца, осмелится приносить жертвы, тот понесет за это

наказание»¹⁵⁸. А в 350 г., отправляясь в военный поход против узурпатора Магненция (об этом повествование пойдет ниже), царь убеждал свое войско, в массе своей все еще языческое, принять христианство¹⁵⁹. «Нам неизвестен конец нашей жизни, — говорил он, — особенно же в сражении, когда со всех сторон летят тысячи стрел, дротиков и копий, когда грозят насильственной смерти удары мечей, сабель и другого оружия. Посему каждый необходимо должен облачиться в ту вожделенную одежду, в которой мы будем очень нуждаться на том свете. А кто не расположен теперь возложить на себя это одеяние, тот пусть оставит войско и возвратится домой; я не хочу сражаться вместе с неосвященными»¹⁶⁰.

Далекий от желания принудительно и стремительно христианизировать римское общество, Констанций запрещал лишь наиболее гадкие языческие обряды, в первую очередь ворожбу. Но, с другой стороны, осторожно и бережно возвышал все лучшие стороны древнего отеческого культа. В 353 г. василевс издал новый закон, крайне неблагоприятный для язычников, которых даже назвал «погибшими». Почитатели идолов приговаривались к смертной казни, языческие храмы закрывались. Но этот акт был направлен только против представителей наиболее страшных культов, а в самом Риме императора по-прежнему продолжают величать старой титулатурой — понтификом Солнца и Весты. Кроме того, сохранились все языческие праздники, равно как и игры, сопровождавшие их празднование¹⁶¹.

В 357 г. василевс был вынужден еще раз обуздать страсть отдельных своих подданных к суеверным гаданиям, а в 358 г. издал специальный указ «против врагов рода человеческого», к которым причисляет колдунов и чародеев¹⁶². Но, жестокий против колдунов, Констанций проявляет глубокое уважение к представителям древнего жреческого сословия. В том же 358 г. он адресовал наместнику Африки Марциану указ, в котором обязал того содействовать возвышению языческих жрецов данной провинции. В эдикте император выражал желание, чтобы жрецы избирались на свою должность собранием адвокатов и чтобы их выбор распространялся также и на судей. Таким образом, Констанций передал в руки очень влиятельной корпорации защиту жречества, в чем оно было, конечно, крайне заинтересовано¹⁶³. В 340, 349 и 356 гг. Констанций издал указы, устанавливающие наказания для разрушителей и расхитителей языческих гробниц. Санкции различались — первоначально император определил в виде наказания смертную казнь, затем смягчил ее штрафом, но впоследствии вновь ужесточил наказание¹⁶⁴.

Из трех сыновей покойного императора самым любимым был Констанций, но среди трех соимператоров Константин II, как указывалось выше, имел безусловное первенство. Он был самым старшим по возрасту, и именно ему достались в управление от отца те владения, где Константин II совсем еще юным цезарем правил вместе с доблестным Криспом. Впрочем, и Констант, несмотря на юность, снискал своими трудами в Римской империи заслуженную славу и уважение.

После раздела провинций согласно завещанию отца Констанцию, пожалуй, достались наиболее трудные восточные территории, неоднократно терпевшие урон от войн с персами. Следует сказать, что к тому времени Персидская империя и ее вооруженные силы представляли весьма грозную силу. Хотя Сасаниды не имели постоянной армии, но перед началом военных действий каждый сатрап провинции присылал специальные отряды воинов, имевших опыт боевых действий. Слабое вооружение персидской пехоты компенсировалось ее численностью, кроме того, по мере столкновений с римской армией, персы овладевали многими тактическими приемами, заметно повысившими боеготовность рядовых частей. Особую роль играла персидская кавалерия, в которой служили, как правило, аристократы. Кавалеристы блестяще владели искусством стрельбы из луков, а их тяжеловооруженные отряды *катафрактов* были способны пробить любой воинский строй. Кроме этого, в состав персидских армий входили легкие кавалеристы, осуществлявшие функции разведки и боевого охранения, а также лучники на верблюдах. В отличие от своих поработителей, парфян, персы охотно использовали боевых слонов и колесницы. Больших успехов достигли персы и в области изготовления осадных орудий, переняв вековой опыт Римской империи. В целом это был очень опасный соперник, имевший хорошую выучку, базу, вооружение и источники пополнения армии¹⁶⁵.

Военные действия велись с одинаковой энергией обеими сторонами, и между армиями Персии и Рима произошло девять сражений, в двух из которых Констанций принял *личное участие*. Правда, восточные легионы уже давно не были той грозной силой, какую привыкли видеть враги, и большая часть данных римлянами сражений закончилась их поражением. Особенно тяжелой была битва при Сингаре, где Персидский царь *Шапур II* (309—379) наголову разбил дезорганизованные и недисциплинированные римские войска. Попытки Констанция хоть как-то мобилизовать свои войска не дали успеха — это была не армия, а вооруженный сброд. Но даже при таких выгодных условиях победа далась персам нелегко: помимо обычных потерь, Шапур

лишился своего наследника, взятого римлянами в плен и публично умерщвленного¹⁶⁶.

Однако удача далеко не всегда квартировала в персидском лагере. Персы не смогли одолеть римских крепостей, в частности одной из наиболее сильных — Насибины. Под ее стенами погибли лучшие части персов, и в конце концов Шапур, встревоженный сообщениями о нападении массагетов на Персию, свернул осаду¹⁶⁷. Констанций воспользовался этим шансом и сумел организовать свое войско; вскоре он стал чрезвычайно популярен в армии как военачальник, сочетающий воинский опыт и чувство локтя по отношению к рядовому легионеру, с которым василевс делил лишения и трудности военной жизни.

Трудно согласиться с мнением, будто братьев развевали и в какой-то момент времени разделили религиозные разногласия, вылившиеся в военные столкновения¹⁶⁸. Действительно, Константин и Констант придерживались ороса Вселенского Собора, а Констанций находился под влиянием своего воспитателя епископа Евсевия Кесарийского — первого врага Никейского Символа Веры. Но раздоры начались как раз между Константином и Константом, и они носили сугубо *политический* характер. Дело заключается в том, что в 338 г. царственные братья договорились между собой о разделе имущества, оставшегося после смерти цезаря Далмация. Большая часть провинций, принадлежавших покойному, отошла Константу, но, поскольку ему в то время едва исполнилось 14 лет, братья по согласию между собой учредили регентство над ним. Естественно, регентом был определен старший брат Константин¹⁶⁹.

По достижении 17 лет подросток Констант потребовал отмены регентства, чем вызвал серьезный конфликт. Констанций едва ли имел основания возражать, но Константин и так уже изначально был недоволен тем, как распределились владения казенных родственников. В 340 г. он предложил Константу уступить ему африканские провинции в обмен на Македонию и Грецию, но получил отказ. Началась война, продолжавшаяся, однако, совсем недолго. Во главе не очень боеспособной армии Константин легкомысленно вторгся на территорию Константа, но под городом Аквилея попал в засаду и погиб. Как говорят, младший брат ловко заманил старшего императора в ловушку. Он прислал в лагерь Константина своих легатов и предложил мир. Обрадованный Константин немедленно отправился к месту назначенной встречи с небольшой группой близких вельмож, попал в засаду и погиб. Вместе с ним погиб и префект Галлии — отец будущего Медиоланского епископа св. Амвросия¹⁷⁰.

Принадлежавшие Константину II провинции признали над собой власть победителя, и Констант получил в свое управление весь Запад¹⁷¹. В это же время Констанций, встав во главе своего войска, отогнал персов от берегов Евфрата и разбил их в сражении¹⁷².

Из двух оставшихся соправителей Римской империи, по-видимому, первенствовал чуть более старший Констанций (в это время ему было 24 года) — вывод, к которому можно прийти, анализируя, в частности, переписку братьев по вопросам организации церковных Соборов. Так, св. Афанасий обратился к Константу с просьбой оказать ему покровительство и помощь. Император Запада благосклонно отнесся к св. Афанасию и в свою очередь ходатайствовал перед Констанцием о выполнении отеческой воли и прощении святителя. Получив письмо, пишет историк, император Востока дал в 343 г. распоряжение восточным и западным (!) епископам собраться на Собор в Сердице (ныне София)¹⁷³.

Данный Собор, претендующий на статус вселенского, но названный «западным» по территориальной принадлежности своих членов, фактически *игнорировал* восточный епископат, вследствие чего Констанций отказался подписать и утвердить его акты. Это и предопределило судьбу Собора, хотя, надо полагать, Константу едва ли мог понравиться такой результат. Очевидно, мнение старшего брата являлось для него преобладающим. Правда, нередко отмечают и обратную зависимость — угрозы Константа начать военные действия против Констанция не раз заставляли того идти на компромиссы по вопросам веры. Но, как представляется, эти разовые вспышки активности со стороны младшего брата не идут ни в какое сравнение с твердым и уверенным положением Констанция, умевшего подчинять себе людей.

Впрочем, соправление двух василевсов продолжалось недолго. В 350 г. на Западе взбунтовался воинский начальник Магненций, самопровозгласивший себя императором и поддержанный элитными военными отрядами. Застигнув врасплох Константа, когда тот отдыхал неподалеку от Пиренейских гор, слуги Магненция умертвили его. Поскольку во главе государственного переворота стояли представители знатных римских фамилий, мятежнику удалось утвердить свою власть в Италии и Галлии. В Риме законы Констанция против язычников возбуждали ненависть у части горожан, и многие сенаторы были заинтересованы в победе узурпатора, обещавшего восстановить поклонение старым римским богам. Помощь язычников-сенаторов в значительной степени решила финансовые проблемы Магненция, получившего средства для набора и содержания многочисленной армии¹⁷⁴.

Но, по-видимому, узурпатор понимал шаткость своего положения и не верил в возможность захвата единоличной власти. Удачливый солдат-авантюрист мог, конечно, как показывала история дохристианского Рима, претендовать на императорский титул, но его претензии становились реальностями почти исключительно в годы безнадежной анархии, когда Империя принимала любую власть, лишь бы она несла некоторую надежду на политическую стабильность и порядок. Конечно, случай с Магненцием не вписывался в эту ситуацию.

Кроме того, даже при отсутствии закона о престолонаследии римское общество не могло так легко отвернуться от неписаных прав на престол сына св. Константина. И после смерти авторитет первого святого императора в государстве был невероятно высок, причем не только у христиан, но и у язычников. Поэтому вскоре Магненций направил Констанцию послов, уговаривая того уладить дело миром и без долгих слов поделить Империю на две части. Уже состав посольства не мог не вызвать сомнений в собственных силах у Констанция — возглавлял посольство *эпарх преториев*, то есть начальник гвардии Руфин, в него входил полководец Марцеллин, начальник сената Нунехий и некто Максим. Послы сообщали государю, что Магненций предлагает Констанцию первое достоинство в Империи и желает выдать за него свою дочь, прося одновременно руку Констанции, сестры царя. Нунехий не без оснований напомнил Констанцию, что для того было бы крайне неосмотрительно начинать борьбу с Магненцием: утомленный многими битвами, он едва ли в состоянии противостоять узурпатору. В любом случае, гражданская война — слишком рискованное предприятие, чтобы так легко соглашаться на него. По словам современников, император был очень встревожен этими словами¹⁷⁵.

В принципе эти мирные условия *объективно* были небезвыгодны для василевса, над которым постоянно довлела угроза нападений Персии на восточные провинции. Но, по словам самого царя, ночью во сне ему явился покойный отец с трупом Константа на руках и потребовал отмщения невинно пролитой крови брата. Вопрос о войне для Констанция был решен¹⁷⁶.

Пока законный император собирал войско в поход и отыскивал возможных союзников, сенат Рима, уже обеспокоенный поведением Магненция, грабившего со своей армией все, что можно и нельзя, назначил цезарем Запада некоего Непотиана — сына сестры св. Константина Великого Евтропии. Но, как выяснилось, одной принадлежности к славной семье оказалось явно недостаточным, если она не подкреплялась реальной силой. Участь Непотиана была печальна: всего через

три месяца после своего назначения он потерпел поражение в битве с Магненцием и погиб.

Тогда уже сестра Констанция Елена выбрала нового кандидата на борьбу с узурпатором — «мужа почтенного» Бриталлиона, на соединение с которым спешил император Востока. Наверняка можно предположить, что выбор Бриталлиона свершился не без тайного участия царя, у которого явно было недостаточно войска для фронтального столкновения с тираном. Объединенные силы Констанция и Бриталлиона участвовали в сражении с Магненцием, и военное счастье улыбнулось законному наследнику св. Константина¹⁷⁷. Узурпатор бежал в Италию, где собрал дополнительные войска и 28 сентября 352 г. дал генеральный бой Констанцию и Бриталлиону близ города Мурс, на реке Дунай, в Словении. Здесь с двух сторон бились и погибли лучшие силы Римской империи. Битва была жестокой, военное счастье не разменяло своего избранника, переходя от одной стороны к другой, наконец, войска Магненция дрогнули и побежали. Союзники одержали решительную победу.

В свете излагаемых событий нужно остановиться на одном эпизоде, ставшем причиной (хотя бы и субъективной) последующих гонений сторонников Никеи и лично св. Афанасия Великого. Непосредственно во время битвы василевс молился в расположенной неподалеку церкви Святых Мучеников. Напряжение царя было велико — эта битва должна была раз и навсегда поставить точку в вопросе о власти в Римском государстве. И в этот момент к нему явился с победным известием придворный арианский епископ Валент, радостно поздравивший императора со счастливым исходом сражения. На вопрос, откуда тот узнал о победе, епископ, не моргнув глазом, заявил, что *лично Божий Ангел* принес ему эту весть. Это, конечно, была откровенная ложь, доверчиво принятая потрясенным царем и предопределившая серьезные политические последствия. Убеденный на этом примере в праведности Валента и его единомышленников, Констанций отныне будет долгое время находиться под их влиянием в вопросах вероисповедания¹⁷⁸.

Но вернемся к политическим делам. Оставив свои разбитые войска, Магненций бежал в город Лугдун. Там, отдавая отчет в безнадежности положения, он умертвил сначала брата и мать, а потом окончил жизнь самоубийством. Его брат — цезарь Децентий также покончил с собой, а правитель Галлии Сильван, поставленный на этот пост узурпатором, попал в руки солдат Констанция. Все враги были поражены, царь одержал полную победу. Триумфально вступив со своей супругой в Рим, император подтвердил собственные права на трон в речи перед

сенаторами, а затем освободил от власти Бриталлиона, наградив его за труды и назначив правителем Прусы Вифинской¹⁷⁹. С этого времени, как некогда и его отец, он принял бразды единоличного правления в свои руки.

Помимо военных действий с внутренними врагами, Констанцию пришлось решать проблему обороны восточных провинций от персов. Персидский царь Шапур окружил сильную римскую крепость Нисибис, которую иные называют Антиохией Мингидонской, лежащую на границе римских владений с персидскими. Епископом, блюстителем и комендантом этого города был Иаков, муж, «сиявший лучами апостольской благодати». Персидское войско осадило город, но без особого успеха. Простояв под ним семьдесят дней, построив множество осадных машин для обстрела стен, устроив валы и рвы, персы никак не могли взять город, хотя их армия была многочисленной, и в ней даже находились боевые слоны. Генеральный штурм не принес захватчикам успеха, и персы решили затопить город водами реки Мингидон, протекающей через него. Гибель осажденных казалась неминуемой, но каким-то образом они сумели предпринять встречные меры, и множество персидских воинов нашли свою смерть в водах той реки, на которую возлагали такие большие надежды. Правда, захватчикам удалось разрушить часть стены¹⁸⁰.

Шапур надеялся взять крепость без сражения и даже на один день отложил его занятие войсками, чтобы грязь высохла и река сделалась переходимой. Но на следующий день, приступив к городу со всем войском, он обнаружил, что стена с обеих сторон восстановлена. Выяснилось, что ночью, укрепленные молитвами своего епископа, организованные полководцем Иаковым жители и legionеры восстановили стены. Персы вновь бросились на штурм, оказавшийся для них печальным — слонов римляне перебили, а ворвавшихся в крепость врагов поражали стрелами и мечами; погибло около 10 тыс. персов. В довершение всех бед начался страшный дождь с грозой, и персидские воины в страхе разбежались прочь. Взглянув на небо, Шапур вдруг увидел на крепостной стене блистающего Ангела, а рядом с ним св. Константина Великого. Потрясенный перс велел тут же снять осаду, сжег все осадные орудия и удалился с войском, причем многие из его воинов погибли при отступлении от моровой язвы, так и не увидев своего отечества¹⁸¹.

Следует сказать, что император недолго оставался единственным правителем Римской империи. Еще ранее, в 349 г., он вызвал из Каппадокии своего двоюродного брата Галла, а в 351 г. присвоил ему ти-

тул *цезаря*. Более того, как первый признак благосклонности к двоюродному брату, он присоединил к его имени собственное (и тот стал зваться *Галл Констанций*), после чего назначил своим соправителем и отправил в Антиохию, на которую в это время напали персы.

Какие мотивы двигали им? Трудно ответить однозначно. Царь был пока еще бездетен (хотя в 352 г. женился на знатной македонянке Евсевии) и не мог не думать о продолжении династии, тем более что пример Магненция ясно показал — претенденты на пустующий или ослабевший трон всегда найдутся в избытке. Вполне вероятно также, что Констанций хотел в такой форме загладить свою косвенную вину перед Галлом и Юлианом за смерть их отца и, пусть задним числом, вернуть братьям права на престол. Наконец, можно допустить и то, что определенный дефицит кадров, особенно на военной службе, после тяжелых военных кампаний и гражданских войн вынудил Констанция довериться двоюродному брату. По-видимому, бездетный и уже сравнительно немолодой император предполагал со временем передать всю власть в руки Галла, если тому будет благоволить успех.

Очевидно, Констанций доверял своему молодому родственнику (кто бы при иных обстоятельствах сам передал войска в руки потенциального врага?) и дал ему большую свободу действий, полагая, что военные будни и участие в гражданском управлении Сирией помогут тому приобрести необходимый для правителя опыт. В этом отношении Констанций не ошибся, но разочарование ждало его в другом.

Характеристика нового соправителя Римской империи была далеко не блестящей. Взойдя на престол прямо из ссылки, Галл не демонстрировал ни ума, ни прилежания. От природы нелюдимый и угрюмый, он с возрастом еще более ожесточил свои понятия, видимо, находясь под тягостным детским впечатлением казни отца и родственников (ему тогда было 12 лет), втайне желая восстановить то, что могло достаться ему в руки и *без Констанция* — единоличное царство. Жестокосердие Галла проявилось в казнях, которыми вскоре наполнилась жизнь Антиохии, и в употреблении во зло той власти, которая так неожиданно выпала ему. Город заполнили шпионы и доносчики, и сам правитель, переодевшись в простое платье, нередко с охотой играл эту не «царскую» роль. «Проявляя все шире свой произвол, Галл стал невыносим для всех порядочных людей и, не зная удержу, терзал все области Востока, не давая пощады ни царским сановникам, ни городской знати, ни простым людям». Однажды он одним общим приговором отправил на казнь *всех* (!) членов Антиохийского сената, которые, как ему показалось, излишне резко отказали ему в удовлетворении требований об

установлении фиксированных цен на продукты в преддверии голода. Они бы непременно погибли, если бы не Гонорат, комит Востока, запретивший казнь¹⁸². Вся Сирия пребывала в ужасе от действий молодого цезаря¹⁸³.

В это же время, в 354 г., император выступил из Арелата и направился в Валенцию, чтобы отразить *алеманов*, под руководством своих вождей Гундомара и Вадомария опустошавших Галлию. Врагов было множество, но Констанций предпринял удачный маневр, приведший к тому, что вскоре оба варвара, практически окруженные, запросили мира. Император созвал войско на сходку и в присутствии высших сановников обратился к legionерам с речью, в которой предложил заключить мирный договор. Царь отмечал, что, как полководец, он *обязан думать о солдатском благополучии* и благе государства, поэтому «его нравственный долг — неукоснительно пользоваться всем, что посылает благое Провидение». Говоря о себе, Констанций заметил, что, как миролюбивый государь, он полагает неправильным превозноситься при удаче. «Не трусости, но умеренности и человечности будет приписано, верьте мне, это зрелое и обдуманное решение». Войско поддержало своего царя, мир был заключен без сражения, и император вернулся на зимние квартиры в Медиолан¹⁸⁴.

Но и Галл демонстрировал в военном деле неплохие способности. Молодой август удачно справился с поставленной задачей по обороне провинции от персов, но, желая использовать военный успех в личных целях, организовал заговор против царя. Амбициозный цезарь был озабочен только одной мыслью — как провозгласить себя императором. Констанций, до которого систематически доходили отрывочные сведения об этих намерениях, писал соправителю письма, убеждая того совместно действовать на благо государства. Но Галл вел себя совершенно как единоличный властитель. Впрочем, польщенный письмами императора, он решил выехать к нему для оказания помощи от варварских набегов. Это был не единственный мотив действий — по дороге мятежник надеялся привлечь на свою сторону новые легионы¹⁸⁵.

К счастью для Констанция, наместник Востока, некий Домециан, своевременно сообщил императору о готовящемся заговоре, хотя и был после этого убит сподвижниками Галла. Царь, делая вид, будто ни о чем не подозревает, в декабре 354 г. приказал доставить Галла Констанция к себе в ставку на остров Фаламон и после дознания, когда вина молодого соправителя полностью подтвердилась, велел его умертвить. Молодой цезарь окончил свою жизнь на 29-м году.

В таких ситуациях участь родного брата мятежника считалась автоматически предрешенной. Но юного Юлиана спасла любимая жена Констанция царица Евсевия. Она уговорила василевса пощадить молодого человека и отправила его в Афины подальше от мужниных глаз¹⁸⁶. Впрочем, по мнению историков, отъезду Юлиана в столицу греческих философов в немалой степени способствовали придворные из язычников, втайне надеявшиеся на появление через короткое время на престоле нового императора, способного вернуть почитание старых римских культов.

Попутно в 354—355 гг. император удачно воевал с *лентииензами* — одним из германских племен, регулярно вторгавшимся в пограничные области Империи. Царь вместе с войском выступил в поход и на Канинских полях (территория нынешней Швейцарии) дал варварам сражение. Вначале удача была не на его стороне — конный авангард римлян попал в засаду и понес тяжелые потери, но затем подтянулись остальные части, и германцы были разбиты¹⁸⁷.

Между тем годы брали свое. Констанций был утомлен вечными военными походами и церковными нестроениями. Едва перешагнув 40-летний рубеж, он уже считался правителем с большим стажем, и здоровье его, подорванное войной, было слабым: говорят, он болел редко, но всегда тяжело. Вопрос о наследнике престола вновь стал актуальным. Поскольку ни один из браков Констанция так и не принес ему желанного ребенка, он, по просьбе жены, вернул Юлиана из ссылки. Евсевия сумела внушить мужу мысль о благородстве и других достоинствах младшего родственника. После официальной встречи, где Юлиан поклялся ничего не замышлять против старшего брата и императора, Констанций наделил его титулом цезаря и направил в Галлию, женив на своей сестре Елене¹⁸⁸.

По этому торжественному случаю в Милане, где находилась царская резиденция, состоялась торжественная церемония. Взяв 24-летнего Юлиана за руку, император поднялся с ним на высокий подиум, где, обращаясь к войскам, произнес речь с просьбой поддержать молодого цезаря¹⁸⁹. «Я хочу предоставить власть цезаря Юлиану, — говорил император солдатам, — моему, как вы знаете, двоюродному брату; его скромность, делающая его столь же дорогим мне, как и мое с ним родство, стяжали ему признание, и в нем виден молодой человек выдающейся энергии»¹⁹⁰.

Можно сколь угодно долго говорить о подозрительности Констанция и придворных хитростях, где за красивыми словами зачастую скрывались совсем иные намерения. Но кто скажет, что в данном слу-

чае царь был неискренним? Обратившись к Юлиану, он сказал: «Ты получил, мой возлюбленный брат, во цвете своей юности блистательнейшее отличие твоего рода. Я признаю в этом приумножение блеска моей собственной славы: то, что я справедливо предоставляю моему знатному родственнику верховную власть, более возвеличивает меня, нежели то, что я сам обладаю этой властью. Итак, раздели со мной опасности и труды, прими на себя управление и охрану Галлии и постарайся всяческими добрыми деяниями облегчить тяжелое положение этих областей... *Спеши, чтобы ревностной заботой отстоять доверенный тебе самим отечеством пост!* (выделено мной. — А. В.)»¹⁹¹. Высокие и благородные слова! Казалось бы, о чем еще Юлиан мог мечтать? Однако мысли молодого правителя уже были далеко впереди: как и его казенный брат, он мечтал о царстве, не слишком задумываясь о признательности по отношению к Констанцию.

Впрочем, его назначение состоялось вовремя — *сарматы* уже давно забыли о существовании дунайской границы и свободно вторгались на римские земли; франки оккупировали галльские провинции. Дикие *исавры* многочисленными отрядами спускались с гор, опустошая все вокруг Селевкии, а персы вновь напали на земли Азии. Молодой царь и соправитель Констанция удачно оборонялся от *франков*, попутно разгромив некоего Сильвана — одного из мятежных генералов, пытавшегося «по случаю» примерить на себя царскую диадему. Близ города Аргентората в 357 г. Юлиан разгромил заметно превосходящие его силы германцев, проявив храбрость и талант полководца¹⁹². А в 358 г. цезарь внезапно напал на *хамавов*, разгромив их в кратких, но ожесточенных боях, и гарантировал мир, обязав варваров принять над собой его власть¹⁹³.

В это время Констанций пребывал в Риме, заботясь об охране Рейнской границы и разрешая церковные вопросы. Наконец, известия о нападении варваров на Иллирию заставили его выступить с войском на Восток. Переправившись через Дунай, император наголову разбивал поочередно все неприятельские войска, встречавшиеся ему на пути. Затем он проник на земли сарматов и только тогда принял мир от варваров, когда они вернули из плена всех римских подданных и передали в руки царя заложников из своих знатных семей¹⁹⁴.

После этого император двинулся на земли *квадов*, которые также запросили мира¹⁹⁵. Вслед за ними были покорены племена *амицензов* и *лимигантиов*. По окончании войны царь с триумфом вернулся в Сирмий, а войска разошлись по местам своего расквартирования. Если до этого о Констанции говорили, будто ему везет только в междоусобных

войнах, а во внешних его преследовали поражения, то теперь никто не мог уже упрекнуть его в отсутствии полководческого таланта и воинской удачи.

Едва умирив варваров, Констанций был вынужден вновь столкнуться с восточной угрозой. Персидский царь Шапур («царь царей, брат луны и солнца» по официальной титулатуре) потребовал от него возврата Армении и Месопотамии, полагая, будто Рим владеет ими незаконно. К сожалению, эти амбиции возникли не без помощи некоторых царских чиновников, переметнувшихся на сторону персов. Констанций отверг ультиматум, в ответном письме напомнив Шапуру тот общеизвестный факт, что «хотя римлянам и случалось иногда терпеть поражения, окончательный исход войн почти всегда для них успешен». Началась война, и многочисленная персидская армия во главе с самим Шапуrom в 359 г. вторглась в истощенные и беззащитные восточные провинции.

На счастье Империи, проезжая мимо некогда не покорившейся ему крепости Амиды, Шапур решил испытать, не наведет ли его личное присутствие такой страх на гарнизон, что тот сдастся без осады. Но в ответ легионеры из гарнизонного отряда открыли стрельбу из луков, и одна из стрел сбила корону с головы Шапура. Разгневанный Персидский царь уже не желал внимать советам перебежчиков и своих военачальников — он решил взять город штурмом. На беду царя, на следующий день его сын и наследник был убит римским дротиком, когда он высказывал требования осажденным о сдаче города. Обезумевший от горя отец поклялся на похоронах сына снести крепость с лица земли. Началась длительная осада.

Что бы ни писали о римской армии времен Констанция, она еще сохранила в себе старый дух непобедимых легионов. Защитники Амиды выдержали все испытания, и крепость была взята исключительно вследствие предательства дезертира, показавшего Шапуру потайной ход. Город совершенно уничтожили, но и персы потеряли за 73 дня боев свыше 30 тыс. воинов — весь цвет персидской армии¹⁹⁶. Шапуру пришлось сворачивать военные действия.

На Западе дела также шли успешно. Юлиан демонстрировал высокую силу духа и прирожденное умение командовать войсками. Вместе со своим близким другом офицером Саллюстием он успешно организовал оборону западных провинций от алеманов и под нынешним Страсбургом наголову разбил германцев при незначительных собственных потерях. Затем не менее эффектно армия Юлиана разгромила франков, экстренно запросивших после этого мира¹⁹⁷.

В этом же 359 г. внезапно взбунтовались усмирённые ранее сарматы-лимиганы. Находившийся в Сирмии Констанций вновь собрал войска и направился на войну. Обстоятельства допускали возможность заключить мир без сражений, поэтому царь велел организовать ему встречу с вождями варваров, во время которой подвергся большой опасности. Прибывшие вместе с вождями варваров вражеские воины внезапно проявили недружеские намерения и набросились на телохранителей императора, которому удалось спастись лишь ценой гибели своих близких друзей. Узнав об опасности, которой подвергся любимый полководец, находившиеся неподалеку легионеры набросились на сарматов и разгромили их. Удовлетворенный тем, что ему удалось усмирить бунтовщиков, Констанций вернулся в Сирмий, а оттуда отбыл в Константинополь. Он хотел восстановить силы после потерь при Амиде и усилить восточную границу¹⁹⁸.

Но в это время внезапно возник новый мятеж. Нуждающийся на Востоке в подкреплениях, Констанций приказал Юлиану прислать в качестве резерва четыре лучших легиона Западной армии: Кельтский, Петулянтский, Батавский и Герульский, а также по 300 отборных воинов из остальных легионов, оставшихся в Галлии¹⁹⁹. И тогда Юлиан, ссылаясь на опасности, якобы грозившие его жизни, *аккуратно* поднимал мятеж. Возможно, его опасения были небезосновательны — при дворе царя его за глаза называли «козлом» за длинную бороду и осыпали насмешками. Кроме того, желая поддержать престиж власти, Констанций фактически *присвоил* себе некоторые победы своего молодого брата и вообще проявлял очевидную ревность к его воинской славе. Внешне Юлиан ничем не проявил своего недовольства, но тайно распространил среди своих солдат прокламацию, где Констанций изображался в самом ужасном свете. Легионеров побуждали восстать против жестокого и скупого императора (как им внушалось), и результат не замедлил сказаться. Собранные в Лютеции (нынешний Париж) для отправки на Восток легионы открыто отказались признавать Констанция своим императором и в 360 г. поднимали по старому римскому обычаю Юлиана на щит²⁰⁰. В Империи возникло опасное и губительное двоевластие, грозящее гражданской войной.

В то время, когда происходили эти события, персы опять напали на восточные провинции. Шапур осадил сильную крепость Сингару, которую защищали два легиона. Римляне умело отражали многочисленные штурмы врага, но в конце концов город пал. Следом, также после очень ожесточенной битвы, пала не менее укрепленная и важная в стратегическом отношении крепость Безабду (ныне город Джезире-

ибн-Умар). Бойня была ужасной — персы вырезали практически всех горожан. Обнадеженный успехами, Шапур решил, что теперь ему по плечу любая крепость римлян. А не получивший подкреплений Констанций находился этой зимой в Константинополе, где запасался оружием, набирал новых рекрутов и обучал их воинским навыкам²⁰¹.

В новой столице его застало письмо Юлиана, в котором тот предлагал императору мирно разойтись между собой. Узурпатор объяснял, при каких обстоятельствах произошло объявление его императором, ссылаясь на то, что войско не желало состоять под управлением второстепенного командира, каким считало его (очевидная ложь — Юлиан уже являлся кесарем и имел все prerogative римского полководца), но желало подчиняться только августу. Затем он аргументировал свой отказ от посылки войск Констанцию тем, что войско устало и не способно воевать на Востоке, когда их собственным домам на Западе угрожает опасность, и в заключение предложил принять двоецарствие как факт. «Прими благожелательно справедливые условия, которые я предлагаю, и признай, что это будет на пользу как Римскому государству, так и нам самим, которые связаны между собой единством крови и *высотой верховного сана* (вот очевидное подтверждение того, что сам Юлиан не считал свой статус низким и чем-то отличным к худшему от статуса императора. — А. В.)»²⁰².

На самом деле, учитывая все нюансы статуса Констанция и Юлиана, молодой товарищ царя открыто заявлял претензии на *единоличное правление*, искусно обрамляя их в изысканные формы. Проще говоря, фактически он предлагал императору отказаться от царства. Говорят также, помимо этого открытого письма Юлиан передал еще одно, тайное, тон которого и содержание разительно отличались к худшему.

Царь принял послов Юлиана, выслушал, но долго не мог решиться, что делать: идти с войсками на персов или на цезаря, самопровозгласившего себя августом. Наконец, общегосударственные интересы и чувство долга взяли верх, и император отдал приказ войскам двинуться на персов. Послов Юлиана он отправил обратно с письмом, в котором советовал (хотя довольно жестко) самозванцу оставить высокомерные притязания и удовольствоваться званием цезаря. Констанций указал, что ни при каких обстоятельствах не согласится с фактом признания Юлиана царем, и предлагал ему задуматься о будущем своих родных, которым, по-видимому, могла угрожать опасность. Но Юлиан чувствовал себя довольно уверенно — за ним были проверенные легионеры, с которыми он неоднократно побеждал врагов. И, конечно же, легкомысленная молодость опьянялась блестящими перспективами,

кружащими голову. Игнорируя угрозы Констанция, вернее, посчитав их неубедительными, он уже составил план военных действий. В первую очередь цезарь обезопасил свой тыл, внезапно напав на франков и победив их без большого труда²⁰³. Затем Юлиан начал подготовку к походу против Констанция.

В это же время император спешно отправился в поход на персов. Призвав на помощь Армянского царя *Арсака*, Констанций двинулся с войском к захваченному противником городу Безабде, который Шапур своевременно укрепил и снабдил сильным гарнизоном. Несколько раз римляне штурмовали крепость, персы несли колоссальные потери, но, к несчастью, осень внесла свои коррективы. Ввиду наступающей непогоды Констанций был вынужден снять осаду и вернуться в Антиохию на зимовку²⁰⁴. Здесь он женился на Фаустине, поскольку его любимая жена Евсевия незадолго перед этим умерла.

Во время выпавшего перемирия обе стороны — Юлиан и Констанций — накапливали силы, увы, далеко не равные. Констанций не мог игнорировать персидскую угрозу, но одновременно с этим очень опасался Юлиана, мощь которого росла. Направив к персам посольство с предложением перемирия, заручившись помощью Армянских и Иверийских царей, император рассчитывал совершить поход через Иллирик в Италию и захватить там Юлиана. Но сообщение о концентрации персидской армии у берегов Тигра помешало реализовать эту смелую стратегию. Царь немедленно стянул все лучшие силы на Восток и направился к Эдессе. В результате все приграничные с западными провинциями территории оказались беззащитными перед Юлианом, и новоявленный август не замедлил воспользоваться выгодами своего положения. Он перешел с войском Истру и начал быстро занимать города, еще вчера находившиеся под властью Констанция. Нельзя, однако, сказать, что все крепости и воинские части легко соглашались принять власть молодого василевса. Например, два легиона из армии Констанция, которые Юлиан отправил на Запад для защиты от варваров, взбунтовались и уговаривали народ сохранять верность Констанцию²⁰⁵.

Еще ничего не было ясно окончательно: войска, расквартированные на Востоке, перед которыми в Эдессе выступил император, горячо поддержали Констанция и признали его исключительные права на трон. Св. Григорий Богослов напрямую утверждал, что если бы кончина царя не предшествовала нашествию Юлиана, он нашел бы свою гибель, вторгшись в римские земли²⁰⁶. Многие города также подтвердили свою верность законному государю. Примечательное событие случилось в самом Риме. Когда Юлиан, рассчитывавший заручиться поддержкой сената, направил ему письмо, в котором всячески поносил Констанция, высшая знать Империи проявила свое благородство

и верность клятве общим возгласом: «*Auctori tuo reverentiam rogamus*» («Предлагаем с уважением говорить о своем благодетеле!»)²⁰⁷.

Император начал спешно наступать на Антиохию навстречу Юлиану, но 13 ноября (по другим данным, 3 ноября или даже 5 октября) 361 г. скончался от внезапно настигшей его лихорадки на 45-м году жизни в Мопсункренах, в Киликии. По свидетельству историка Марцеллина (IV в.), находясь в твердой памяти, император перед тем, как испустить дух, назначил Юлиана своим преемником²⁰⁸.

Конечно, много оснований для того, чтобы считать это известие явной выдумкой, — видимо, служивший непосредственно у Юлиана Марцеллин стал невольной жертвой уловки императора, имевшей целью облагородить и легализовать свой приход к власти. И, не желая критически оценить эти слухи, историк просто переписал их в своем труде. Впрочем, возможно и иное — всегда ставивший благо государство на первое место, Констанций действительно мог в последние часы земной жизни сделать последний подвиг для своего отечества — признать власть Юлиана и положить конец начинающейся гражданской войне. Незадолго перед смертью, по примеру своего великого отца, он был крещен епископом Антиохии, ставленником евсевиян²⁰⁹.

Набальзамированный труп императора положили в гроб, и будущий василевс Иовиан сопровождал его до самого Константинополя, где Констанция похоронили в храме Святых Апостолов рядом с отцом и братьями. По словам современников, народ толпами приветствовал труп почившего царя, отдавая ему последние почести. А войско, уже признавшее власть нового царя, скорбя и сожалея о любимом императоре, потребовало от Юлиана отдать ему последние почести и оказать последнее поклонение. Сняв с главы диадему, василевс был вынужден при всей своей неохоте сопроводить тело в храм Святых Апостолов, где уже покоились благочестивые предшественники Констанция — по словам св. Григория Богослова, «священный род, удостоившийся почти равной чести с Апостолами»²¹⁰.

Глава 2. Тринитарные Соборы и церковная политика Констанция

Таковы краткие вехи жизненного пути детей св. Константина. Но их значение для судеб Римской империи и мира далеко не исчерпывается только государственными делами и военными подвигами. И Константин, и Констант, и особенно Констанций главным образом знамениты в связи с *тринитарными спорами*, захлестнувшими Церковь

еще во времена жизни их отца и ставшими особенно жаркими в годы единоличного правления императора Констанция.

Принятый в 325 г. в Никее термин «омоусиос» («Единосущный») вызвал настоящую бурю на Востоке, который в целом не понял его и не принял. Может показаться странным, но авторитет Никейского Собора на Востоке держался в то время почти исключительно за счет личности равноапостольного императора, а его решения отнюдь не были реципированы всеми церквями. Сам св. Константин Великий был в большей степени озабочен *внешним* единством Церкви, чем богословским пониманием «Единосущия». Да и вряд ли он смог бы что-нибудь сделать большее — Церковь должна была сама *выстрадать* верное богословское понимание Личности Христа. А в те годы Восток начал погружаться во мрак расколов, вызванных богословскими поисками и нередко обрамлявшими их политическими интригами.

После своего поражения на Вселенском Соборе вожди умеренных ариан — епископы Евсевий Кесарийский и Феогност — постарались восстановить свое положение при дворе равноапостольного царя. Видимая покорность, обнаруженная ими в ссылке, и раскаяние пред лицом василевса глубоко тронули св. Константина, по своему благородству нередко излишне доверчивого к людям. По словам древних историков, они имели величайшую силу и дерзновение перед императором, уважавшим их как людей, очень непростым путем обратившихся от неправославия к Православию²¹¹. Но в данном случае царь был обманут. Не покорность его державной воле, не послушание великому Собору и искреннее принятие Символа Веры, а *месть* за свои унижения и падения таили в своей душе придворные архипастыри.

По-своему Евсевий и Феогност действовали из самых лучших побуждений, глубоко уверенные в своей богословской правоте. Но для победы собственной партии они применили весь арсенал недостойных и даже мерзких способов, не гнушаясь ничем. Будучи епископами, они, не задумываясь, меняли политические пристрастия, если того, как они считали, требовали обстоятельства времени и благо Церкви. В нарушение традиций Евсевий Кесарийский не раз к своей выгоде перемещался с кафедры на кафедру, максимально используя близость к царям и свое положение при дворе. Вначале из Кесарии он перебрался в Никомидию, затем, незадолго перед смертью, в Константинополь.

После возвращения бывшего влияния Евсевий сплотил вокруг себя крепкую группу последователей, «евсевиян». Они не были ортодоксальными арианами, и их объединяло не столько учение Ария, сколько неприятие Никейского Символа. Вскоре к евсевиянам примкнула боль-

шая группа других восточных епископов, которые не понимали Символ, считали его подозрительным и вообще малосоответствующим тому учению, которое они получили от первых Отцов Церкви²¹². Для них наиболее приемлемым результатом догматических споров было восстановление доникейского богословия. На всех последующих соборах евсевiane будут играть первую роль, пользуясь поддержкой этой большой группы антиникейцев, в своем консерватизме не желавших менять что-либо из дошедших до них из древности богословских понятий.

Святой Константин считал Собор лучшим делом своей жизни, и поэтому открыто выступать при нем против Символа было совершенно невозможно. Не имея возможности разгромить своих оппонентов на богословском поприще, Евсевий и иже с ним исподволь поставили своей целью *дискредитировать* идеологов Никеи. Евсевiane активно подключили к нейтрализации никейцев дворцовые круги, где их возможности были очень широки, и тайно запустили двигатель гигантской политической интриги. Первым пал св. Евстафий, епископ Антиохийский, которого на Соборе в Антиохии ложно обвинили в ереси савеллианства. Поскольку же данное обвинение было совершенно нелепо и едва ли могло произвести должное впечатление на царя, евсевiane попутно выдумали, будто бы тот грубо оскорбил мать св. Константина, назвав ее *наложницей* (конкубиной), а не женой Констанция Хлора. Это являлось прямым оскорблением царского достоинства, и василевс уже не мог пройти мимо данного эпизода. Святому Константину представили необходимые «доказательства», царь поверил клевете, и св. Евстафий был сослан в Иллирию²¹³.

Второй жертвой стал Маркелл, епископ Анкирский. Обладая недюжинным и самостоятельным умом, Маркелл взялся за решение всех современных ему богословских вопросов. Он искренне принял Никейский Символ, так как тот не противоречил его собственным убеждениям, но, отстаивая чистоту Православия, по горячности допускал такие догматические вольности, что на Востоке его открыто упрекали в савеллианстве²¹⁴. Не особенно задумываясь над последствиями своих слов, Маркелл довел дело до того, что, наконец, восточные архиереи признали его ересиархом и лишили епископской кафедры. Позднее, уже на Втором Вселенском Соборе, его учение было анафематствовано Церковью, что свидетельствует о наличии заблуждений и ошибок у всех сторон этого спора.

К сожалению, и никейцы не смогли объективно оценить создавшееся положение — враги Маркелла виделись им их собственными врагами, а он — невинным страдальцем за веру. Частично они были правы,

но их требования вернуть Маркеллу кафедру оказались для консервативного Востока серьезным соблазном. Отныне все, кто поддерживал Маркелла, стали для антиникейцев *еретиками*. Маркелл направился за правдой в Рим и был ласково встречен папой, который на своем Соборе оправдал его, потребовав от восточных архиепископов отменить неправомерные, по мнению понтифика, приговоры. Конечно, это еще более раскалило страсти и разъединило стороны.

Наконец, третьим и наиболее серьезным противником для евсевиян стал св. Афанасий Великий. Устранить св. Афанасия с Александрийской кафедры, лишить его поддержки египетских епископов, унизить в глазах царя было основной задачей Евсевия. Через некоторое время она оказалась выполненной — вследствие упорных наговоров царю св. Афанасий казался единственной персоной, из-за которой стал невозможным мир в Церкви. По приказу святого императора св. Афанасий был сослан, а его кафедру занял ставленник Евсевия.

С большим трудом, используя все допустимые и недопустимые в борьбе способы, Евсевий добился своей цели и наконец смог вздохнуть с облегчением — все наиболее последовательные и сознательные защитники Никеи были лишены своих кафедр, сосланы или анафематствованы. *Политически* он одержал полную победу. А после смерти св. Константина Евсевий предвкушал сладость победы уже и на богословском поприще. Заметим, что успехи евсевиян пришлись на время повсеместного возвращения ранее сосланных последователей Ария из ссылки, и новый епископ Константинополя мог с полным правом считать, что вскоре все епархии Востока будут заняты его ставленниками. В этом случае, по его мнению, никейские «новшества» будут окончательно забыты, и мир воцарится в Церкви. По-видимому, сам Евсевий очень хотел выступить в качестве того мессии, который останется в памяти всех как спаситель истинного Православия.

Но тут на его пути неожиданно встали августы Константин и Константин, искренние сторонники Никеи и покровители св. Афанасия. И уже вскоре диспозиция меняется кардинально: никейцев повсеместно амнистировали и возвращали на ранее занимаемые ими кафедры. Возможно, решаясь вернуть обе партии в первоначальное положение, императоры надеялись на их мирное сосуществование, но это была иллюзия. Возвращаясь на свои кафедры, некоторые ссыльные епископы — никейцы, непримиримые в своем ригоризме, ранее оболганные сторонниками Евсевия, разрушали алтари, освященные арианами, и

бросали собакам гостии (!). Смута, как это обыкновенно бывает, сопровождалась убийствами и пожарами со стороны рядовых верующих²¹⁵.

Кроме того, помимо догматических разногласий остро встал вопрос о каноничности занятия кафедр теми и другими епископами. Лишившиеся кафедр архиереи (и ранее, и после восстановления в правах своих предшественников) требовали созыва Соборов для определения своей судьбы и защиты собственного доброго имени и епископского статуса. Те, кто занял после них вакантные кафедры, также не желали уступать их возвратившимся архипастырям. Один Поместный Собор сталкивался с другим, обиженные лица апеллировали к императорам, а в некоторых случаях и к папе, как главе одной из самых авторитетных кафедр. Это тем более казалось естественным, что среди этих беспорядков только Запад во главе с Римским епископом хранил спокойствие и твердо стоял на никейских позициях.

Так, изгнанный со своей кафедры после смерти равноапостольного Константина св. Афанасий Великий прибыл в Рим к папе *Юлию I* (337—352), созвавшему Собор для рассмотрения апелляции Святителя. Апостолик хотел выглядеть истинным судьей, и потому на Собор были приглашены евсевiane, но те отказались от участия и, более того, даже задержали папских легатов. «Восточные» срочно составили собственный «соборик» в Антиохии, на котором подготовили ответ на папское послание. Сам факт того, что папа удовлетворил ходатайство св. Афанасия о пересмотре его дела, писали они, уже предвосхищал результат суда. Юлиа обвиняли в том, что он вносит раскол в Церковь, и поставили его перед выбором: «Вступай в общение или с нами, или с Афанасием и Маркеллом»²¹⁶. Папа мешкал, не спеша с ответными шагами, — в это время как раз решался вопрос о том, кому (Констанцию или Константу) отойдут итальянские владения. Уже тогда было понятно, что Констанций не осмелится идти против мнения покойного отца и вряд ли будет мирволить св. Афанасию. После того как по смерти старшего брата Запад принял под свою власть Константин, папа наконец решился.

Поздней осенью или зимой 340 г. он открыл в Риме Собор из 50 епископов, включая св. Афанасия и других архипастырей, изгнанных из Фракии, Сирии, Малой Азии и Палестины. Святителю не составило большого труда оправдаться в возводимых на него обвинениях (хотя бы и заочных), поскольку никто из присутствовавших и не скрывал своего сочувствия ему. Все на Соборе дышало духом Nikeи, сами заседания происходили в храме, настоятелем которого являлся пресвитер

Вит (Витон) — папский легат в Никее. Тут же присутствовал второй легат на Никейском Соборе пресвитер Викентий.

По окончании Собора папа Юлий направил евсевиянам ответное письмо на их антиохийское послание. В нем понтифик не признавал никакой вины за собой по поводу самостоятельного созыва Собора, поскольку, во-первых, писал он, об этом его просили сами «восточные» делегаты; во-вторых, в связи с тем, что к нему поступили многочисленные жалобы от епископов, считавших себя незаконно отлученными от кафедр. На заявление евсевиян, будто пересмотр соборных решений других церквей Римом — дело неслыханное, Юлий напомнил, как Тирский собор 335 г. ввел в церковное общение лишенного иерейского сана Ария. Почему Рим не вправе принять на себя аналогичные полномочия, если Восток считал такие апелляции возможными? Наконец, Юлий напрямую указал, что нападки «восточных» на св. Афанасия имеют, по его мнению, своей целью обелить ариан²¹⁷.

Это был неприятный и «*зажигательный*» ответ — едва ли на Востоке оставалось много епископов, открыто и сознательно разделявших учение Ария, и им было очень неприятно, что в Риме их отождествляют с уже проклятыми Церковью еретиками. Более того, жесткая позиция Запада заставила евсевиян пойти на некоторые уступки и попытаться, опять же *соборно*, найти некоторое компромиссное решение по вопросам вероисповедания. Поскольку Антиохия уже давно считалась ставкой императора Констанция, сюда систематически, начиная с 339 г., съезжались группы архиереев со всего Востока для обсуждения злободневных тем. Евсевиянам очень хотелось заполучить Констанция на свой Собор, наглядно продемонстрировав Риму, что на их стороне находится сын св. Константина, как и на стороне папы другой его сын — Констант. Очевидно, наличие в своих рядах такого союзника, как император, много добавляло уверенности сторонам. Поводом для приглашения Констанция в Антиохию было завершение постройки и освящение главного храма города, начатого еще при жизни его отца.

Летом 341 г., когда сам царь пожаловал в Антиохию, Собор получил-ся наиболее представительным — сюда съехалось 97 епископов. Восточный император, так же как и его младший брат Констант, царствующий на Западе, не хотел раскола и желал восстановить церковный мир. Поэтому Констанций и Евсевий договорились заранее, что целью заседаний является не фронда с «западными», а тщательное *изложение своей догматической позиции*. «Восточные» рассчитывали если и не переубедить Запад в «ошибочности» его оценки Никейского Символа, то, по крайней мере, прекратить обвинения в свой адрес в арианстве,

для подавляющего большинства Отцов Собора уже пережитом и не-востребованном. С именем Антиохийского Собора 341 г. связана серия из пяти догматических формул, противопоставленных Востоком Западу, и канонов, впоследствии рецепированных Церковью. Ошибочно называть этот Собор арианским или схизматическим — напротив, некоторые папы Римские называли его Собором святых, да и сам папа Юлий в своем письме к собравшимся епископам обращается к ним как *сослуживцам*, именует их «возлюбленными братьями», приглашает к себе на Собор в качестве равноправных членов. Отметим также, что среди участников Собора были такие столпы Православия, как св. Иаков Низибийский, Павел Неокесарийский, Дианий Кесарийский и другие²¹⁸. В целом Антиохийский Собор многое сделал для того, чтобы выразить невятное для Востока «омоусиос» в осторожных и менее категоричных терминах восточной традиции²¹⁹.

Основной из пяти формул являлась вторая, в которой Сын признается «неотличимым образом сущности Отца», то есть тем же «Единосущным», хотя и в других выражениях²²⁰. Эта формула была отправлена Констанцием Константу в Галлию, где тот в это время вел войну с франками²²¹. К сожалению, в отношении св. Афанасия Собор был непреклонен — его опять низложили (вернее, подтвердили прежние приговоры), а на Александрийскую кафедру поставили епископа Григория Каппадокийца. Однако — важная деталь — св. Афанасий был осужден не за неправославие в евсевиянском его понимании, а за *нарушения канонической дисциплины*, которые, по мнению отцов Собора, имели место при первоначальном поставлении его на Александрийскую кафедру.

Ситуация в церковном мире сложилась удивительная. Ортодоксальное арианство уже утратило свою актуальность, и в значительной степени страсти сторон разжигали некоторые не вполне удачные ригоризмы со стороны церковных партий как на Западе, так и на Востоке. Для Востока это был период «чревоношения православной троицеской доктрины», для Запада — увлечения и самолюбования своим твердым следованием Никей²²².

В отличие от «западных» антиникийская партия была далеко не однородной — Символ Веры расколол Церковь на несколько партий, число которых варьировалось в разные периоды времени. Первой была партия *никийцев* во главе со св. Афанасием и папой Римским Юлием. Влиятельная на Западе, она имела некоторое число сторонников на Востоке, особенно в Египте, где у св. Афанасия были крепкие позиции и друзья. Вторая партия состояла из консервативных восточных епи-

скопов, коих смущал термин «Единосущный», употребления которого, по их мнению, следовало избегать. Таковых архиереев, не принявших Никеи, но и не желавших предлагать что-либо в качестве альтернативной замены Символа, на Востоке было большинство. Для соединения с ними и — одновременно — для того, чтобы откреститься от упреков в арианстве, евсевиане прибегли к довольно удачной богословской уловке, заменив никейский термин «Единосущный» термином «*подобносуущий*», за что получили название *омиусиане*. Они признавали практически все тезисы никейцев, единственно не соглашаясь с отождествлением сущности Отца и Сына. Среди них было много знаменитых богословов и столпов веры, о которых сам св. Афанасий говорил как о своих собратьях. К этой партии, которую возглавили епископы Василий Анкирский и Георгий Лаодикийский, вскоре принадлежало уже подавляющее большинство «восточных».

Наконец, третьей крупной партией были так называемые *аномиане* во главе с Аэцием, упорно и категорично отрицавшим какое-либо тождество Сына и Отца и утверждавшим, что Они во всем *не подобны*. Намного опережая свое время и задолго до некоторых вождей протестантизма, Аэций открыто отрицал церковные таинства и вообще высмеивал все то, что хоть отдаленно походило на аскетизм²²³. Существовала еще одна «полупартия» во главе с епископами Акакием Кесарийским (вождем будущей партии *омиев*, или акакиан) и Валентом, склоняющимися к ортодоксальному арианству. Близкие по своим воззрениям к Аэцию, они легко отказывались от него, когда того требовали, по их мнению, обстоятельства времени и места, и вновь возвращались к своим союзникам, если ничто им не угрожало. К сожалению, личное влияние Валента и Акакия на императора Констанция имело тяжелые последствия для судьбы богословского спора²²⁴.

Между тем, при всех внешних предпосылках для компромиссного церковного мира, его достижение казалось маловероятным. Ожесточившись в долгих диспутах и взаимных проклятиях, главы противоборствующих партий искали непременно *вселенского* признания только своей формулировки в жесткой авторской редакции, игнорируя любые попытки для примирения. Споры противников привели к тому, что многие миряне, по словам современников, удерживались от Святого Крещения, видя такие жестокие нестроения в Церкви²²⁵.

В этом отношении св. Афанасий Великий являлся своеобразным заложником ситуации. Если «восточные» терялись в предположениях, каким образом обвинить «западных», не раздражая богословскими тонкостями и своей догматической категоричностью императора, то

легко было указать на св. Афанасия как лицо, отверженное Востоком, но принятое Западом. Для них это был, так сказать, классический пример игнорирования Римом соборной формы, так любимой и равноапостольным Константином, и Констанцием. Поэтому все, что говорил о вере св. Афанасий, уже изначально не принималось при дворе и среди восточных архиереев, как слова еретика и даже ересиарха. Напротив, понтифик автоматически отрицал восточные решения и догматику, поскольку их авторы посягали на имя и статусо св. Афанасия, правоту которого подтвердил сам понтифик и Римский собор.

Это была настоящая богословская «каша», где все переплеталось в нюансах и взаимном подозрении, помноженном на искреннюю ревность за чистоту Православия. «Вся Церковь, — писал известный историк, — за исключением великих мужей в обществе православных и глав арианства, все прочее представляло подвижный, текучий элемент. Партии сближались, разъединялись, опять образовывались новые. Все представляло какой-то бурно стремящийся поток. Взгляды партий на своих друзей и недругов не были устойчивы. Кто считался другом своим для одних в известной партии, тот же считался недругом, волком, у других в той же партии»²²⁶.

Положение обоих императоров в отношении к церковному спору глубоко различалось: если Констант на Западе имел стабильную поддержку Рима и практически всех «западных» епископов, то Констанций видел лишь множество активно и непримиримо борющихся между собой партий, нарушавших и церковный, и гражданский мир на Востоке. *Над ними* возвышалась фигура св. Афанасия — казалось, убери его, и партии непременно помирятся между собой и обретут столь желанное единоверие, но это было не так-то просто. Святитель скрывался от шпионов Констанция и Евсевия, а его имя гонителя за веру сохраняло за ним высочайший авторитет.

В условиях военного времени, когда войны с персами и варварами постоянно занимали царя, ситуация в Церкви оставляла мало шансов на оптимизм. Но и в таких нелегких для себя условиях Констанций первоначально удерживался от административного вмешательства в богословский спор. Все же в некоторый момент обстоятельства заставили действовать его гораздо жестче и решительнее.

После смерти Евсевия Кесарийского, занимавшего Константинопольскую кафедру с 339 по 341 г., архиепископом новой столицы вновь стал твердый никеец св. Павел I (337—339, 341—342, 346—350), первый раз взошедший на кафедру в 337 г. и изгнанный в 339 г., так как на одном из Соборов каноничность его избрания на кафедру была

поставлена под сомнение. Сторонники и противники нового патриарха устроили настоящее побоище, жертвами которого стали многие верующие. Узнав об этом, император Констанций, находившийся на тот момент в Антиохии, послал Гермогена, своего чиновника во Фракии, в Константинополь для умиротворения города и изгнания св. Павла. Но по прибытии царского вельможи в столицу там разразился настоящий мятеж, Гермоген погиб, а его труп толпа волокла по улицам. Это был прямой вызов василевсу, и он принял его.

Само известие о приближении Констанция к городу повергло население в ужас. Плача и стеноя, жители города встретили своего царя, вымаливая прощение. Вопреки паническим предположениям, царь простил мятежников, назначив единственное наказание в виде уменьшения хлебного довольствия Константинополя; но ни один волос не упал с головы бунтовщиков. Впрочем, для разрешения сложившейся ситуации царь все же велел вновь отстранить от кафедры св. Павла, направив его в Сингару Месопотамскую, оттуда в Емезу и, наконец, в Кукуз, то есть фактически сослав.

Водворив тишину в Константинополе, император вернулся в Антиохию для организации похода на персов. Там в марте 342 г. его застало прошение Константа о восстановлении на кафедрах св. Афанасия и св. Павла, но Констанций не осмелился отменить решения Соборов, признавших неканоничным их назначение епископами Александрии и Константинополя. Тогда совместно с папой Римским Юлием и св. Осием Кордубским младший царственный брат просил Констанция созвать в Сердике (или Сардике, ныне Софии) новое вселенское собрание епископов. Там в 343 г. (по некоторым оценкам, в 342 г.) и произошел этот знаменательный Собор, не только не обеспечивший церковный мир, но и положивший начало еще более глубокого раскола²²⁷.

После череды разрозненных, «односторонних» соборов Сардикский мог с полным правом претендовать на роль *вселенского*. По мнению царей, он должен был выступить арбитром над Тирским, Римским и Антиохийским соборами. Сюда съехалось более 170 епископов, 90 из которых были «западными» и твердо придерживались «Единосушия». Однако 80 архипастырей приехало с Востока, и они стояли на признании единственно верной второй антиохийской формулы. Объективно догматические разногласия между епископами не являлись непреодолимыми, но, к сожалению, мирному разрешению ситуации очень помешали излишние амбиции Рима и некоторых «западных» епископов.

Поскольку отцы Антиохийского собора 341 г. прямо не нападали на Никейский Символ, перед началом Сардикского собора Запад напoл-

нился слухами, будто «восточные *меняют веру*», то есть отказываются от своей проарианской, как казалось «западным», позиции. Но, как уже говорилось, антиохийские отцы не были арианами и демонстрировали лишь свою озабоченность (хотя и ошибочную) тем, что в Никее было введено новшество, по их мнению, в пику церковному Преданию, грубо нарушающее его цельность. Они не собирались оправдываться в собственной вере и ждали объективного и *равного* рассмотрения взволновавшего их «Единосушия»²²⁸. Сказать, что они меняют веру, означало глубоко оскорбить их, нанести незабываемую обиду.

Возможно, сам того не желая, Рим пошел именно этим пагубным путем. Поскольку Римский собор 340 г. в глазах Запада и самого понтифика существенно возвысил папу Римского, у Юлия, видимо, сложилось превратное впечатление, будто организуемый Собор должен лишь *констатировать* факт соглашения с его определениями. Рим принимал «восточных» собратьев, но с ощущением судьи, вынесшего оправдательный приговор подсудимому или амнистировавшего его. Ни о каком перерешении дел ранее сосланных св. Афанасия и остальных епископов Юлий не хотел и слышать. Он упорно воображал, будто все «восточные» архиереи, явившиеся на Собор, суть «Евсеевы приверженцы» (хотя самого Евсевия к тому времени уже не было в живых), и что они отданы на суд «западным»²²⁹. Некорректность была продемонстрирована уже на первых заседаниях. В частности, без всякого согласования с «восточными» «западные» включили в качестве равноправных участников св. Афанасия и Маркелла, «забыв», что для «восточных» св. Афанасий не являлся епископом, а Маркелл был анафематствован.

Конечно, это кардинально меняло идеологию Собора. Если «восточные» епископы были приглашены для того, чтобы выработать некую «соборную конституцию», то первой задачей являлась вселенская ревизия спорных дел, к которым относились дела св. Афанасия Великого и Маркелла. Поэтому, хотя бы ради проформы, оба упомянутых лица не должны были появляться на заседаниях вплоть до их оправдания. Не так считали «западные». Они полагали возможным (поскольку такой прецедент уже был создан в Никее) *ревизовать* решение любого частного собора — в принципе мысль верная, но «почему-то» направленная односторонне только против «восточных». Те были глубоко разочарованы тем, что уже изначально св. Осий Кордубский и Протоген Сардикский захватили ведение Собора в свои руки, считая себя совместно с «западными» епископами неким уполномоченным вселенским непогрешимым разумом²³⁰.

Следовательно, делали вывод епископы с Востока, дело заключалось уже не в существовании догматического спора, а в том, кто *первым* встанет у руля соборной власти. Почему ее узурпировали «западные»? На этот естественный вопрос никакого ответа у Рима не нашлось. Но «восточные» в таком случае также могли при желании сказать, что если бы Собор возглавил кто-то из их среды, то они были бы вправе переоценить результаты Римского собора. Если Восток беспрекословно принял решения «западных» Соборов об анафематствовании Нова-та, Савелия и Валентина, то почему решения «восточных» соборов отвергаются столь бесцеремонно? Таким образом, как они справедливо считали, грубо и цинично был нарушен принцип равенства епископов.

Ощувив на себе жесткую римскую авторитарность, столь непривычную (пока еще) для Востока, епископы из провинций, находившихся под властью Констанция, удалились в полном составе в расположенный неподалеку город Филиппополь, где организовали свой собственный Собор, на котором низложили девять лиц с римской стороны, включая папу Юлия, «родоначальника всякого зла». Они обратились с посланием ко всей Церкви, мотивируя свое решение тем, что папа Юлий «первый, вопреки церковным правилам, отверз двери общения осужденным и преступным и имел дерзость поддерживать Афанасия». Самого св. Афанасия «восточные» опять осудили, но и на этот раз не за веру, а за те жестокости, которые, по их мнению, якобы имели место при водворении им своей власти в Египте. Понятно, что теперь для Востока св. Афанасий стал настоящим камнем преткновения — любое его оправдание помимо них выглядело бы прямым умалением их епископского сана и статуса соборов, осудивших его.

Наконец, для доказательства своей православности «*филиппопольцы*» сочли нужным опубликовать 4-ю Антиохийскую формулу в пикку тому оросу, который был принят «западными» в Сардике. К сожалению, обе богословские новации оказались по своему содержанию крайне неудачными. В частности, 4-я формула гораздо в меньшей степени соотносилась с Никейским Символом Веры, чем 2-я Антиохийская²³¹.

Оставшись одни, отцы Сардикского собора самостоятельно пересмотрели дела осужденных на Востоке епископов, всех оправдали и вдобавок осудили девять «восточных» архиереев, включая Стефана Антиохийского, Акакия Кесарийского, Георгия Лаодикийского, Валента Мурсийского и других вождей противных партий. Очевидно, что Георгий Лаодикийский объективно никак не мог быть отнесен к врагам никеев и пал жертвой взаимных амбиций и недоразумений.

В ходе обсуждения вопроса о вере св. Афанасий Великий безрезультатно пытался убедить остальных участников Сардикского собора не делать никаких новых вероопределений. Но недалекие «западные» архиереи не послушались его. Им казалось, что Никейский символ потому не принимается повсеместно, что слишком краток, и что первым рецептом в этом отношении является новое, *расширительное* толкование Символа Веры. К сожалению, лекарство оказалось горше болезни. Новый орос, как отмечалось выше, составленный чуть ли не в пику «восточным», был столь нелеп и беспомощен с богословской точки зрения, что только подкреплял «восточных» в их самых худших подозрениях о маркеллианстве (и, следовательно, савеллианстве) Рима. Сардикское определение было столь же далеко от Никейской буквы и духа, как и 4-я Антиохийская формула²³². Стороны вновь зашли в тупик, раскол принял уже зловещие, совершенно непримиримые черты.

В довершение всех бед «западные» инициировали принятие на Соборе нескольких канонов, начисто перечеркнувших надежды «восточных» на равное рассмотрение спорных вопросов в будущем. В частности, 3-й канон Сардикского собора гласит, что любой смещенный со своего престола епископ, считающий свое низвержение из сана несправедливым, вправе апеллировать из уважения к памяти апостола Петра к папе Римскому Юлию, а тот вправе либо ратифицировать приговор, либо собрать новый собор для решения этого вопроса. Конечно, это — прямое указание на опротестование св. Афанасием Великим у папы решений Тирского и Антиохийского соборов и попытка придать этому прецеденту значение вселенского и *общеобязательного* правила.

В 4-м каноне говорится: «Если какой-либо епископ будет низложен судом находящихся в соседстве епископов (вновь откровенный намек на дело св. Афанасия. — А. В.) и объявит, что он предоставляет себе право оправдания, то на его кафедру не определять другого прежде, чем Римский епископ рассмотрит дело и произнесет о нем свое определение». Очевидно, что это правило также целиком и полностью было обусловлено желанием обеспечить права св. Афанасия Великого на Александрийскую кафедру. Но и оно, возведенное из рядового прецедента в общую норму, перекраивало все представления современников о строении Церкви и равенстве епископов.

Помимо этого, согласно 5-му канону, вакантный епископский пост не мог быть занят без согласования с Римом, а папа в случае апелляции к нему вправе возобновить разбирательство с участием епископов ближайших провинций или прислать своих делегатов с полномочиями рассматривать этот вопрос с участием соседних архиепископов. По-

нятно, что столь новационные нормы совершенно исключали возможность для всех остальных архиепископов и даже Поместных Церквей вынести собственное суждение по каким-либо вопросам помимо Рима.

После окончания параллельных Соборов епископы разъехались по своим епархиям, и волна раскола залила провинции Империи. В Адрианополе, куда вернулся солидарный с Римом епископ Лукий, вспыхнул мятеж, и император, дабы прекратить его, казнил десять организаторов, а самого епископа направил в ссылку. Аналогичная картина развернулась и в Анкире. В Антиохию на Пасху прибыли два епископа — Винцент Капуанский и Евфрат Кельнский с просьбой к Констанцию и Антиохийскому архиерею *Стефану* (341—345) о реабилитации ранее изгнанных епископов. Но Стефан, ненавидевший «западных», решил устроить им коварную и совершенно возмутительную провокацию — скомпрометировать Винцента и Евфрата ссылкой на их постыдную связь с одной подговоренной куртизанкой. К счастью, интрига не удалась, и сам Стефан пал жертвой собственной низости. Поступок Стефана многое изменил в симпатиях Констанция. Возмущенный его действиями, он потребовал лишения интригана священнического сана и на его место назначил епископом Леонтия, который вплоть до своей смерти в 357 г. вел примиряющую политику.

Констанций приказал прекратить гонения в Александрии на сторонников св. Афанасия Великого и сам обратился с письмом к святителю, приглашая его вернуться на кафедру. Вначале св. Афанасий несколько недоверчиво отнесся к этому посланию, но наконец согласился и прибыл в свой город, где его радостно встретили 21 октября 346 г. верные поклонники. Почти все египетские епископы собрались, чтобы приветствовать его, а некоторые вышли встречать за 100 км от города. Был возвращен из ссылки также Павел Константинопольский и Маркелл Анкирский; правда, последнему не удалось вернуть кафедру из-за народных волнений. Вожди ариан Валент и Урсакий, чувствуя перемену в настроениях императора, поспешили принести раскаяние. На короткое время в Церкви настал «дивный и глубокий мир»²³³.

Так в целом, благодаря усилиям царственных братьев, церковные партии еще удавалось сдерживать. Ни Константин, ни Констанций не желали гражданской войны, к которой все шло как следствие положения дел в Церкви, и проявляли готовность идти на взаимный компромисс.

Вслед за этим восточный василевс назначил новый Собор в Антиохии, состоявшийся в 344 г. На нем была составлена очередная формула Символа Веры, названная 5-й Антиохийской или «многогранным

изложением». Редакция этого Символа, направленного вроде бы против Сардикского собора, начинается евсевиянским исповеданием веры, но выходит за его границы. На упреки Запада, будто «восточные» учат о трех отдельных богах, авторы формулы отвечают, что действительно признают Отца, Сына и Святого Духа как трех самостоятельно существующих Лиц, но не отлучают Сына от Отца. Они исповедуют единое достоинство Бога и объявляют, согласно со св. Афанасием, Сына во всем подобным Отцу²³⁴.

С этим исповеданием «восточные» направили на Запад своих епископов-послов, и те *не были отвергнуты*. Это было хорошим знаком для начала воссоединения церквей, но, к сожалению, еще далеко не конечной точкой в затянувшейся вражде. Минуты церковного перемирия сменялись часами откровенного противостояния, на которые остро откликалась государственная политика. Когда в 345 г. Константин и Констанций традиционно «переизбрались» консулами, Констанций не был принят в этом статусе на Западе — очевидно, здесь не обошлось без влияния церковных кругов Рима²³⁵. Состояние едва удерживаемого мира между Востоком и Западом продолжалось до 350 г., когда Константин погиб вследствие заговора Магненция.

Став единодержавным императором, Констанций вновь попытался наладить отношения двух противоборствующих сторон, но над ним довели многие обстоятельства. Объективно он, находясь в состоянии войны с персами, крайне нуждался в мире именно на Востоке. А это было возможно только вследствие *церковного* мира — епископы к этому времени уже имели большую силу и влияние на гражданские круги в своих епархиях. Субъективно для него крайне тягостны были воспоминания о том унижении, которое он пережил от «западных» епископов по делам св. Афанасия. Кроме того, императора настолько раздражали бесконечные церковные споры и нестроения, повсеместно сопровождавшиеся мятежами, что он окончательно решил взять ситуацию в свои руки. Конечно, хотелось применить испытанное средство — Вселенский Собор, но он был невозможен в силу крайнего упорства в своем «староникействе» Запада и тех самодарованных прерогатив, которыми папа так оскорбил «восточных» епископов.

Желая максимально быстро примирить противоборствующие партии, царь принял на себя всю полноту власти в части церковного администрирования и даже признал себя *«episcopus episcoporum»* («епископ епископов»), а свой закон — высшим каноном; другой действенной альтернативы просто не нашлось. Но для мира этого было мало: помимо обеспечения единства церковного управления, царю необходимо было

опереться на такую богословскую позицию, которая могла бы максимально удовлетворить все стороны. Первоначально император возлагал надежды на яркое принятое Востоком Антиохийское исповедание, которое его уговорили чуть-чуть «подправить». К несчастью, авторами этих «поправок» стали старые ученики самого Ария — епископы Валент Мурзийский и Урзаций Сингидунский, хитростью снискавшие расположение царя. При их непосредственном участии в 351 г. была составлена 1-я Сирмийская формула, где верх взяли старые арианские воззрения²³⁶. Но, к сожалению, эти хитрые и опытные интриганы смогли убедить царя, будто именно это данное вероопределение способно снискать расположение всех здравомыслящих епископов. Введенный в заблуждение василевс решил собрать очередной собор, способный придать Сирмийской формуле вселенское значение.

Казалось бы, Валент и Урзаций без труда доведут дело до полной победы. В 352 г. скончался давний покровитель св. Афанасия папа Римский Юлий, а его преемник папа *Либерий* (352—366), более уступчивый и мягкий по натуре, пытался найти некий компромисс для примирения Востока и Запада. Однако на Соборе 353 г. в Арле попытки добиться повсеместного признания Сирмийской формулы не увенчались успехом. Да, папские легаты сдались под давлением «восточных» и заочно осудили св. Афанасия как политического преступника, якобы участвовавшего в заговоре Магненция (очевидная ложь), но папа Либерий принципиально отказался признать соборное определение.

Но и на этот раз царь остался верен собственным убеждениям. Даже в качестве единовластного главы Церкви Констанций не собирался игнорировать соборную форму обсуждения вероисповедальных вопросов, при условии, конечно, совпадения соборного мнения с его собственным. После получения протеста папы Либерия на решения Арльского собора Констанций предпринял еще одну попытку примирить Запад и Восток. В 355 г. он назначил большой Собор в Медиолане (Милане), куда съехалось свыше 300 епископов²³⁷. Констанцию очень хотелось решить два принципиальных вопроса — установить единую формулу Символа и окончательно устранить св. Афанасия со своего пути. Святитель в глазах императора стал уже «притчей во языцех», и он искренне полагал, будто только личность и деятельность этого непримиримого никейца препятствует воссоединению противников. Конечно, уверенность василевса в негативной роли св. Афанасия усиленно поддерживала арианская партия, состоящая при дворе.

Увы, и Медиоланский собор не принес утешения. Уже его начало сопровождалось скандалами и наглядно продемонстрировало стрем-

ление епископа Валента навязать всем присутствовавшим свою волю. Заседания пришлось переносить во дворец императора, где тот тайно присутствовал сам, скрываясь от глаз епископов за занавесом. Когда «западные» епископы в очередной раз попытались отстоять св. Афанасия, царь вышел из тайной комнаты и заявил: «Я сам обвиняю Афанасия. Ради меня вы должны верить Валенту». Собор покорился и подписал приговор св. Афанасию. Папе Либерию был направлен ультиматум и дано три дня на размышление; понтифик не выдержал и также подписал соборный орос. Этот период времени отличался от всех предыдущих особым накалом страстей и жестокостью по отношению ко всем, кто не был согласен с позицией императора и противился Валенту. Таким образом, благодаря принятым мерам *внешне* единство Церкви было восстановлено, Валент и Урзаций торжествовали, но это было ликование на час.

Как уже указывалось, «восточная» партия была далеко не однородна. Когда после 356 г. Валент попытался царским декретом установить новое вероопределение, его содержание испугало даже крайних «омиусиан» — настолько веяло от него духом Ария. В результате «восточная» партия стала быстро распадаться на различные группировки²³⁸.

Последней каплей для наиболее упорствующих антиникейцев стало вероопределение откровенных ариан Евдоксия Германикийского и Аэция, поставленных в 357 г. в епископы усилиями арианской партии при дворе императора. Эти два мужа без всякого стеснения надсмехались над Сыном, кощунственно вышучивая Его божество. Совместно с крайними арианами они в 358 г. собрали очередной Собор в Антиохии, где провозгласили свою формулу (2-ю Сирмийскую) вероисповедания, в которой Сыну вообще не оказалось места²³⁹.

Примечательно, что отношение самого императора Констанция ко 2-й Сирмийской формуле было крайне негативным. Можно сказать категорично, что он сам не принимал никакого участия в ее составлении. А после того, как узнал об отрицательной позиции большинства епископов, его доверие к авторам формулы было окончательно подорванным²⁴⁰.

Немедленно епископ Лаодикийский Георгий обратился с окружающим посланием ко всем церквам, призывая их спасти Православие от безбожников. Его горячо поддержал Василий, епископ Анкирский. Используя удачный повод — освящение нового храма в Анкире, Василий созвал 12 апреля 358 г. Собор из 12 епископов, где была предложена совершенно новая формула (3-я Сирмийская формула), в которой Сын признавался *подобным Отцу по сущности* — это был конец неопределенности и начало догматического уточнения «Единосущности»²⁴¹.

Анкирский собор представляет собой результат победы лучшей части епископата для признания Никейского Символа. Самим фактом своего появления новое определение «подобный Отцу» уничтожило целый ряд недоразумений, мешавших Востоку принять орос Никейского Вселенского Собора. Анкирские отцы напрочь уничтожили подозрения о введении в Никее термина, не содержащегося в Писании и незнакомого народу²⁴².

Собор направил своих посланцев к императору, который с радостью принял его орос. Желая завершить излишне затянувшийся спор, раздражающий Церковь, Констанций предложил новое вероопределение на «епископский плебисцит» и даже отозвал свое согласие на назначение Евдоксия на Антиохийскую кафедру. Составлена была новая формула, в основе которой лежало Антиохийское определение 341 г. с дополнением «*подобный по сущности*», и царь потребовал от епископата либо подписать данную редакцию, либо удалиться с кафедр. Папа Либерий и св. Осия Кордуский подписались под ним, а более 70 упорствующих арианских епископов император сослал. Начались жалобы другой стороны на самоуправство новых фаворитов, и императору ничего не оставалось делать, как созывать новый Вселенский Собор в 359 г. в Никомедии.

Только император издал указ на этот счет, как в Никомедии произошло очень мощное землетрясение. По свидетельству современников, разрушение было страшным, погиб почти весь город. После ударов стихии некоторые граждане и дома еще имели шанс уцелеть, но огонь, свирепствовавший повсюду в течение пяти дней, истребил все, что могло гореть. Языческие жрецы тут же использовали этот повод для того, чтобы упрекнуть христиан в незаконном служении новому Богу взамен «старых», отеческих²⁴³.

Начались поиски нового места для съезда епископов; предложили созвать Собор в Никее, но упорствующие ариане не желали даже слышать столь неприятное для них слово. И тут у кого-то возникла новая и совершенно безумная идея созвать «западных» и «восточных» епископов на один Собор, но так, чтобы они заседали *раздельно*. К несчастью, император поддержал ее, теша себя надеждой на то, что таким способом легче будет достигнуть согласия. Восток направил своих представителей в Селевкию Исаврийскую, а Запад — в Ариминиум (современный город Римини в Италии).

Царю уже надоело ждать, когда два лагеря сформулируют что-либо приемлемое для Церкви, поэтому он согласился с предложением *заранее* подготовить им некое новое определение. Таковым стала разрабо-

танная Марком Аретузским так называемая 4-я Сирмийская формула (или «Датированная вера»), утвержденная 22 мая 359 г. императором и отправленная в Ариминиум, где уже собралось около 400 епископов. Можно категорично утверждать, что совещание, на котором писалась эта формула, проходило непосредственно в присутствии императора. Более того, в преамбуле этой формулы прямо говорится: «Изложена Кафолическая вера в присутствии государя нашего благочестивейшего и победоносного василевса Констанция Августа, вечно, досточтимого...» Эта формула обладала многими достоинствами: она признает «единого едиnorodного Сына Божия прежде всех век, прежде всякого умопредставляемого времени, прежде всякой умопостигаемой сущности, бесстрастного, рожденного от Бога — Сына, Которым совершились веки и все пришло в бытие, рожденного же едиnorodным от единственного Отца, Бога от Бога, подобного родившего Его Отцу по Писаниям Сына, рождения Которого никто не знает, разве только родивший Его Отец». Однако в ней, как и во 2-й Сирмийской формуле, содержится категорический запрет на использование понятия «сущность», а также совершенно отсутствует учение о единстве Бога Сына и Бога Отца.

Разумеется, Рим не удовлетворился такими половинчатыми, по его мнению, формулами. Он совершенно не хотел замечать того, что в ситуации, когда спорящие стороны старались уже максимально отойти от спорных аспектов и сформулировать хоть какое-то единомыслие, большего требовать от авторов 4-й Сирмийской формулы было едва ли возможно²⁴⁴.

Но все же отдельные претензии «западных» по редакции определения еще можно было бы смягчить, однако в дело вновь вмешались епископы Урзаций и Валент, доведшие спор до очередной крайности. Насильно заставив часть «западных» епископов подписаться под некоторыми сомнительными терминами, а других — обманув, вожди ариан «свернули» Собор; архиереи разъехались по домам²⁴⁵.

Интриганам очень способствовало то обстоятельство, что, во-первых, император уехал на Дунай для привлечения *готов* в качестве союзников для войны с персами; а, во-вторых, подавляющее большинство епископов, не желая зависеть от местных властей, отказались от казенного содержания. Время шло, находившийся за сотни верст от места проведения Собора и ничего не ведавший об условиях содержания его участников, царь не разрешал архиереям покидать Аринимиум, а голод и отсутствие каких-либо средств делали свое дело. Вконец обессиленные епископы подписали подготовленный Урзацием и Валентом орос, представлявший собой лишь слегка улучшенную редакцию 4-й Сирмийской

формулы. Префект гвардии Тавр — безучастный свидетель, имевший от императора указание поддерживать порядок и обеспечить единодушие всех участников Собора, не вторгнулся в содержательную часть диспутов²⁴⁶.

Но, несмотря на голод и лишения, небольшая группа епископов стоически не желала подписываться под арианскими формулами. Тогда Валент пошел на новую хитрость. Он категорически отказался от любых обвинений в свой адрес в арианстве и даже анафематствовал вождей старого арианства. После семимесячного заседания Собор, наконец, был закрыт, и Валент с Урзацием сообщили об этом императору²⁴⁷.

Одновременно с этим в Селевкии состоялся Собор «восточных». Он начался 27 сентября 359 г. и продолжался, в отличие от своего западного собрата, всего несколько дней. Хотя большинство епископов (около 100 из 160 присутствовавших на Соборе) не являлись сторонниками ариан, главенствовал Акакий Кесарийский, на первом же заседании предложивший вообще отменить Никейский Символ. Но остальные отцы категорически возражали против этого. Полученная от императора «Датированная вера» с осуждением взглядов Акакия была ушатом холодной воды для него и его сторонников. В результате Акакий покинул Собор. Оставшиеся участники выполнили повеление царя, но когда их посольство явилось во дворец, там уже пребывали посланники от Акакия с жалобами на противоправные якобы действия остальных епископов. Ситуацию окончательно запутали послы от Ариминийского собора, заявившие о своем неприятии определений Селевкийского собора; фактически, не желая того, они поддержали Акакия.

Вновь наступил черед действовать императору Констанцию. Он самовластно собрал представителей от обоих Соборов (а что ему оставалось делать в этой ситуации?) и в ходе переговоров, длившихся до поздней ночи, добился от них принятия одобренной Ариминским Собором так называемой Никейской формулы.

Никская формула должна считаться догматическим определением и историческим завершением обоих — Ариминского и Селевкийского соборов. Едва ли могут быть сомнения в том, что основной задачей обоих Соборов являлось не формирование нового догматического учения, а достижение некоего консенсуса, которого так желал император²⁴⁸. При помощи беззастенчивых способов вся Церковь вновь была приведена к вероисповедальному согласию, но

в результате победа не досталась никому из противников. Никская формула, признавшая Сына только *подобным* Отцу, но не детализировавшая, насколько и в чем, открыла двери новой партии *омиев*, состоявшей в большинстве своем из людей, не сведущих в богословии и попросту совершенно беспринципных.

«Веруем в единого и одного истинного Бога Отца Вседержителя, из которого все, и в едиnorodного Сына Божия, который родился от Бога прежде всех веков и прежде всякого начала, и через которого произошло все, видимое и невидимое — веруем, что едиnorodный родился один от одного Отца, Бог от Бога, *подобный родившему Его Отцу* (выделено мной. — А. В.)...» — говорится в Никском Символе Веры²⁴⁹. Таким образом, вместо разрешения богословских проблем омии решили попросту их игнорировать. Но, как ни странно, такое положение дел устраивало многих, поскольку Никская редакция давала простор для творчества представителям самых разных группировок²⁵⁰. По крайней мере, ее подписал отец св. Григория Богослова епископ Григорий Старший и Дианий Кесарийский — друг и покровитель св. Василия Великого²⁵¹.

Новая ситуация вновь требовала срочного созыва Собора епископов, который по указу Констанция и собрался в конце 360 — начале 361 г. в Константинополе. Первоначально приехало около 50 епископов, но потом их число увеличилось до 72. Отцам была предложена для утверждения Никская формула, хотя и в чуть измененном виде, а также предлагалось запретить к употреблению слова «сущность» и «ипостась», как непонятные народу. Попутно был осужден (наконец-то!) давний придворный интриган епископ Аэций, которого обвинили во внесении смуты в Церковь, и император отправил его в ссылку. Помимо Аэция, сосланы были также, хотя и по иным причинам, вожди омиусиан — Василий Анкирский, Евстафий Севастийский, Македоний Константинопольский, Кирилл Иерусалимский и другие²⁵². Император разослал Никейский Символ всем епископам, угрожая отказникам низложением из сана и гневом царя²⁵³. Единство Церкви опять *внешне* было восстановлено, хотя и ненадолго.

Константинопольский собор завершил свою работу в феврале 361 г., а в ноябре, лежа уже на смертном одре, царь с ощущением выполненного долга вспоминал о перипетиях многолетней церковной смуты, которую он, как ему казалось, наконец-то преодолел. Увы, Констанций ошибался. В ситуации, сложившейся вследствие

тринитарных споров в Церкви, никакая сила и власть не смогли бы привести к разрешению всех догматических и богословских противоречий.

Но для того, чтобы сама Церковь «разрешилась от богословского бремени» своих искушений, нужно было сохранить ее единство, что и было обеспечено последовательной церковной политикой Констанция. Не являясь богословом по призванию, он предпринимал все для того, чтобы противники садились за стол переговоров и искали компромисса. Нет ничего невозможного в том, что без этого принуждения общение церквей вообще бы прекратилось — это не кажется невероятным, если вспомнить ригоризм противников. Бесконечные и безрезультативные Соборы заставляли Церковь *искать свою веру*, мужать разумом, преодолевать сомнения и богословски формулировать истину. В те же минуты, когда такое общение становилось совершенно невозможным, являлся император, который требовал во имя исполнения своей воли признания той компромиссной формулы, на основе которой, как казалось, можно было восстановить единство Церкви. В этом и заключается величайшая заслуга императора Констанция перед всем православным миром и Церковью.

Глава 3. Личность Констанция

Теперь самое время обратиться непосредственно к личности последнего сына св. Константина и тем оценкам, которые он снискал после смерти. Надо сказать, если судьба при жизни долго щадила последнего отпрыска великого императора Рима, то впоследствии его не пожалели историки. Констанция часто изображают недалеким, высокомерным человеком, страдающим манией величия, бес-талантным правителем и неудачным полководцем, безнравственным женолюбом (!), неразборчивым в способах достижения своих целей, «зверем», гонителем православных и т.п. С «легкой» руки Э. Гиббона (1737—1794) полагают, будто правление его было возможным только путем создания целой армии шпионов и доносчиков. А главным способом пополнения казны, как рассказывают, стало вымогательство средств у обеспеченных граждан²⁵⁴. Почему-то именно *западные* авторы считают, что царь являл собой образчик завист-

ливой, слабой, тщеславной фигуры, полностью находившейся под контролем евнухов, женщин и близких епископов²⁵⁵.

Но на самом деле пословица, будто «природа отдыхает на детях гениев», мало пригодна для характеристики Констанция. Наверное, он не был гением, но занимает далеко не последнюю строчку в череде византийских, а тем более европейских, самодержцев. Возможно, в воинских успехах Констанций действительно уступал своему отцу — человеку, выигравшему *все* сражения без исключения. Однако в то же время Констанций имел и свои военные удачи, которые обоснованно можно было бы привести в качестве положительного примера. В частности, он не без успеха противостоял персам — очень серьезному противнику, побеждал варваров и умело, быстро подавлял внутренние бунты, например Магненция. В персидских походах он неоднократно подвергал себя лишениям и опасности, за что пользовался уважением у солдат. Введя строгую дисциплину, проявив недюжинные организаторские способности, царь из деморализованной и самовольной массы создал мобильную и хорошо обеспеченную армию, наводившую страх на врагов²⁵⁶.

Допустим, он не обладал такой политической мудростью, как св. Константин, и не сумел вовремя ликвидировать следы своих ошибок, быстро становившихся известными. Но, в отличие от четырнадцати мирных последних лет правления равноапостольного императора, Констанций жил в бушующем мире варварских нашествий, вечных войн и внутренних заговоров. Оставшись один на один с многочисленными проблемами, не обладая авторитетом своего отца, имея вначале под рукой разлагающуюся армию, нередко стремящуюся дезертировать с поля боя, Констанций сделал все, что было в его силах. При нем в тяжелейших условиях Римская империя сохранила свою территориальную целостность и политическую стабильность. Царь провел административную реформу и привел в порядок юстицию. Финансы были, конечно, в плохом состоянии, что обуславливалось частыми войнами и многочисленными соборами епископов, содержащихся на казенный счет, — очень затратное мероприятие.

Обстоятельства последних месяцев жизни Констанция заставляют сомневаться в тех оценках, где он изображается слабым правителем и высокомерным себялюбом. Когда на чаше весов оказалась гибель восточных провинций и восстановление единовластия, царь без долгих сомнений отправился в поход на персов, тем самым фак-

тически *предопределив* судьбу императорской короны и буквально отдав ее в руки беззастенчивого конкурента. Не стесняемый ничем, не встречая на своем пути почти никаких воинских подразделений соперника, Юлиан беспрепятственно шел к Константинополю. Именно он, а не Констанций, совершенно забыл о своей обязанности охранять западные границы Римской империи от варваров.

Тезис о «кровавом режиме» Констанция также весьма слабо сочетается с многочисленными проявлениями верности, которые демонстрировали войска императору даже в условиях, когда его участь уже была предreshена. Между тем прагматичный и привычный к своим «свободам» Рим никогда не ощущал пиетета к неудачным полководцам и слабым императорам. Считалось, что все они должны были быть достойными его славы и истории, и если даже в ходе нашествия Юлиана многие города не желали перейти под власть удачливого и молодого узурпатора, то, очевидно, еще и потому, что искренне *любили* Констанция и, в отличие от поздних историков, не считали его тираном. Хрестоматийный пример этого — обстоятельства проводов тела покойного царя жителями тех населенных пунктов, каким его вез Иовиан, и знаки почтения, какие они выказывали уже покойному Констанцию.

Да и о какой тирании и тотальном шпионаже может идти речь, если царь лишь в *исключительных случаях* прибегал к уголовному преследованию своих врагов и мятежников, что далеко не характерно для римских обычаев тех времен? Конечно, Констанций был последователен в своих решениях и не вполне толерантен к тем, кого относил к разряду нарушителей царских распоряжений. Но как настоящий христианин, пусть еще и не крещенный, он был милостивым и терпеливым к недостаткам своих подданных.

Наверное, по сравнению со св. Константином линия поведения императора по отношению к инакомыслящим епископам могла казаться несколько более жесткой или даже жестокой. Действительно, равноапостольный царь, как известно, очень скоро возвратил из ссылки практически всех сосланных им после Никеи арианствующих епископов и самого Ария. Он искренне полагал, будто священник, подписавшийся под Никейским оросом, тем самым окончательно принял ту сторону, какой симпатизировал сам василевс. Его сын в этом отношении был куда более осторожным и не склонным к легким выводам — он не ограничивался простыми письменными признаниями тех, кто придерживался иной точки зрения в вопро-

сах веры. Хотя за преследования инакомыслящих василевса иногда называли «зверем», но, объективно, гонения на епископов, отвергавших царские указы (это по римскому закону являлось преступлением, равно как и во все другие времена), очень редко заканчивались смертной казнью, что, вообще-то говоря, было не вполне закономерным итогом для столь негативной характеристики, какую дают царю.

Личное участие императора в догматическом споре исходило из его глубокого религиозного чувства и понимания всей важности одного из кардинальных вопросов христианского вероучения. Как искренний христианин, хотя еще и не крещенный, Констанций желал церковного мира, то есть проводил в полной мере политику своего отца. Уже св. Константин, убедившись в том, что Восток не понял и не принял Никейского Символа, предпринимал меры по компромиссному разрешению тринитарного спора. Констанций также полагал единство Церкви альфой и омегой своей деятельности; это была для него *самодостаточная цель*. Но, находясь под влиянием Евсевия Кесарийского, воспитателя своего детства, Констанций понимал единство Церкви исключительно на основе антиникейского богословия. Кроме того, император не мог игнорировать тот факт, что подавляющее большинство епископата и мирян придерживаются антиникейских настроений²⁵⁷.

Сын своего отца, Констанций также искренне полагал, что большинство епископов, соборно обсудивших догматические вопросы, ведомые Святым Духом, таинственно и промыслительно обладают свойством *непогрешимости*. Как и его великий отец, царственный сын искренне полагал, что истина открывается через Соборы епископов. К сожалению, они оба ошибались: сама по себе соборная форма не обладает столь высокими достоинствами — истина вообще не склонна ограничивать себя внешними формами. Тем не менее, последовательно реализуя эту идею в жизни, Констанций полагал, что просто нужно собрать необходимое большинство архиереев и найти ту догматическую формулу, которая устроила бы их. Так, упрекая папу Римского Либерия за содействие св. Афанасию Великому, он, между прочим, сказал: «Приговор большинства епископов должен иметь свою силу. Ты один только стоишь за дружбу того нечестивца»²⁵⁸. По данной причине Констанций так «легко» метался от одного вероопределения к другому, не всегда отдавая отчет

в том, что становится игрушкой в руках некоторых недобросовестных «богословов».

Но мог ли он оценить все те догматические тонкости, которые ставили в тупик или заставляли ошибаться столпов веры? Блестящий император, он был, как и подавляющее большинство верующих, посредственным богословом, обстоятельствами времени *вынужденный* скользить умом по поверхности Символа, не в силах совладать с теми задачами, которые оказались по плечу лишь таким Отцам Церкви, как св. Афанасий, св. Григорий Богослов и св. Василий Великий.

Достаточно было Евдоксию, Аэцию, Валенту или Акакию убедить его в том, что большинство епископата придерживается какой-то *конкретной редакции*, как император, отчаявшийся обеспечить мир Церкви, шел на все, чтобы обязать остальных присоединиться к ней. В принципе такая позиция не столь легкомысленна и неверна, как это иногда кажется: искренне веря, что «врата адовы не одолеют» Церкви, он чистосердечно полагал, будто при обеспечении единства Церкви истина сама пробьет себе дорогу, а Господь даст епископам сил и разума для словесного определения Своего Лица. В конце концов именно так и произошло. В годы правления Юлиана, когда над Церковью нависли давно уже забытые угрозы гонения и физического уничтожения, архипастыри, словно прозревшие, отставили взаимные упреки и покончили с расколом, 50 лет терзавшим тело Церкви. Чтобы приобрести новое качество, нужно было потерять и оценить все то, что имела Церковь при *православных* императорах.

Впрочем, по довольно многочисленным свидетельствам, Констанций занимал богословскую позицию, близкую ко взглядам своего святого отца и братьев. В качестве примера можно привести его послание антиохийцам, в котором император напрямую признавал Сына подобным Отцу по сущности. Другое дело, что его официальная позиция во многом, как указывалось выше, ориентировалась на политические реалии и соответствующим образом корректировалась под соборные прения²⁵⁹.

Помимо попыток решения главнейшей задачи своего царствования — преодоления раскола, — Констанций очень многое сделал для Церкви в своей обычной деятельности. Став единоличным самодержцем, вторя отцу, он покровительствовал ей и значительно расширил иммунитет духовенства, причем установил *exemption* от

светского суда. Продолжая теснить язычество, Констанций ввел смертную казнь для похитителей женщин и дев, посвятивших себя Богу. Посетив Рим, император велел вынести из здания сената священный для язычников-римлян алтарь Победы²⁶⁰.

Стало уже привычным приводить слова Констанция, сказанные им *от отчаяния* епископам: «Мое слово — для вас канон!», с чем традиционно связывают цезаропапистские настроения императора. Но как соотнести эту оценку с тем фактом, что *лично* царь инициировал Карфагенский Собор в 346 г., два Собора в Милане — в 347 и 355 гг., два Сирмийских и один Анкирский собор в 349 и 351 гг., Ариминский в 359 г., Селевкийский в 351 г. и Константинопольский в 360 г., а также многочисленные местные Соборы для восстановления единства Церкви и установления единой догматической формулы?

Лично безусловно скромный во внешних проявлениях своей власти, царь не из самолюбия принимал бразды церковного правления в свои руки. Помимо явственного раскола Церкви, когда не только Запад противостоял Востоку, но и в восточных провинциях епископы и соборы постоянно анафематствовали друг друга, только *внешняя сила* могла хоть как-то сохранить саму возможность общецерковного общения и обсуждения догматического вопроса о Лице Христа. Такой силой мог быть и стал только сам император, никаких общепризнанных авторитетов из числа клириков в то время просто не существовало.

Можно сказать, что нередко царь в буквальном смысле слова оказывался одиноким, а вокруг него роились заговорщики, интриганы, *карьеристы от клира*. Увы, нравственный уровень епископата к тому времени уже не был так высок, как в первые столетия существования Христовой Церкви, и сам император прекрасно отдавал себе в этом отчет. Так, опровергая в 358 или 359 г. слухи о том, что недавно сосланный им епископ Евдоксий является его ставленником, император пишет: «Евдоксий пришел не от нас, пусть так не думают, мы далеки от этого. А кто, кроме сего, вдается еще в подобные софизмы, тот, очевидно глумится над Всевышним. Да и отчего по собственной воле удержатся те, которые, ища власти, проходят города, перебегают из одного в другой, как бродяги, и влекомые жаждой к большему, проникают во всякое убежище. Между ними, говорят, есть пройдохи и софисты, которых и наименовать неприлично: *это племя злое и не-*

честивейшее (выделено мной. — А. В.). Скопище их вам и самим хорошо известно»²⁶¹. Эти слова кажутся горьким преувеличением, но и св. Афанасий, и св. Григорий Богослов, и св. Василий Великий приводят на этот счет эпитеты, куда более жесткие, чем оценки царя. В таких условиях действительно только слово императора имело шанс стать каноном для всех; слова многочисленных соборов и епископов тонули во всеобщей сумятице, недоверии и недопонимании.

Полагают, и, видимо, небезосновательно, что его тайная служба функционировала очень эффективно; но, кстати сказать, эффективной она была уже при св. Константине Великом. А каким иным образом царь мог обеспечить *собственную безопасность*, если само царствование его уже изначально было под вопросом, а позднее в результате заговора погиб младший брат? Мог ли он легкомысленно отвергать традиционные средства сохранения власти, если приближенные им люди, включая близких родственников, не раз предавали своего благодетеля? Кстати сказать, едва ли все же деятельность агентов Констанция заслуживает такой высокой оценки, и уж, во всяком случае, едва ли его тайная служба была столь разветвленной и вездесущей. Достаточно вспомнить, что она «проморгала» два крупных заговора, один из которых (Галла) едва не стоил царю жизни, а второй (Юлиана) лишил его державы. Как известно, его чиновники *годами* находились рядом с Юлианом и даже приезжали с инспекциями, но *не заметили* наличия у молодого и дерзкого царевича столь дальних мыслей.

Действительно, Констанций был не единожды женат, но, конечно, не являлся сластолюбцем. Его первая жена приходилась родной дочерью дяди — казненного в начале царствования цезаря Юлиана, в чем нет ничего удивительного. Родственные связи всегда являлись лучшей гарантией верности в межличностных отношениях внутри династических домов. Следующей женой вдовца Констанция стала знаменитая и очень любимая им Евсевия, так же, как и первая жена царя, оказавшаяся бесплодной. Наконец, в 360 г. Констанций заключил третий брак, с Максимой Фаустиной, видимо, надеясь на появление мужского потомства. Однако его мечтам не суждено было сбыться. Объективно эти примеры не дают оснований говорить о царе столь скабрёзно, как это иногда позволяют себе делать публицисты.

Надо сказать, современники были куда более благосклонны к своему царю. Даже отличающийся ригоризмом в оценках отдельных персон историк Феофан Византиец очень сочувственно описывает личность и поступки Констанция, постоянно обращая внимание на его добрые дела.

В частности, историк отмечал, что, находясь в Риме после победы над Магненцием, император подавал много милостыни бедным и вообще уважал священников до самой смерти²⁶². Следующая оценка Феофана еще более интересна: «Следовало назвать *благочестивейшим* царя, который, не совсем еще избавившись от языческих привычек, увлечен был, скорее по простоте, нежели с умыслом, в ересь происками ариан»²⁶³.

Позицию Феофана вполне разделял и знаменитый епископ Феодорит Кирский. Он в очень мягких формах описывает поведение василевса, стараясь отметить его благородство и терпимость к мнению других людей. Особенно интересен в этом отношении приводимый им разговор авгу-ста со св. Афанасием, когда царь принял его сторону в вопросе о предоставлении отдельных храмов для православных в арианских епархиях, и наоборот²⁶⁴. Очень сдержанным изображается царь и в беседе с папой Римским Либерием, которого он уговаривал отречься от св. Афанасия Великого. Как и его святой отец, Констанций искренне полагал, что сила веры — в большинстве голосов, высказанных за то или иное определение. Вообще, Феодориту принадлежит очень точная и яркая характеристика религиозных воззрений Констанция: «Если Констанций, — писал он, — *обманиваемый управлявшими им людьми*, и не принимал слова “Едино-сущный”, то, по крайней мере, *искренно исповедовал его значение* (выделено мной. — А.В.), потому что Бога-Слово называл Сыном, истинным рожденным от Отца прежде веков, и явно отвергал дерзавших называть Его тварию, а идолопоклонство воспрещал решительно»²⁶⁵.

Вообще, для Феодорита Кирского характерны такие фразы, в которых речь идет о неприятных для православной партии действиях царя, как «поддавшись уговору ариан», «возбудив гнев царя» и т.п. Ссылаясь на административные действия царя против никейцев, историк неизменно приводит причины, вынуждающие василевса принять то или иное негативное для них решение. Он или обманут, или введен в заблуждение, но никак не ересиарх, сознательно борющийся с Церковью.

Пожалуй, если кто и имел моральное право упрекнуть императора Констанция, так это вечно гонимый им св. Афанасий Великий. Вот, в частности, как он оценивает роль императора в борьбе с православными епископами, которые подверглись гонениям: «Ибо написавшие с тем, чтобы концом их писания были изгнание и другие казни, могут ли быть не чужды христианам и не друзьями диаволу и его демонам, тем более, что богочестивейший Царь Констанций человеколюбив, а они *против воли его разглашают* (выделено мной. — А.В.), что хотят?»²⁶⁶

В известном послании самому императору Констанцию св. Афанасий Великий опять не желает верить в виновность царя: «Для чего же

такие замыслы, или к чему предпринимали злоухищренно строить козни, когда можно было велеть и писать? Царское приказание дает большую свободу, а желание действовать скрытно делало ясным подозрение, что не имеют они царского приказания»²⁶⁷.

Император являлся блестящим воином и тайным аскетом, обладал большой физической силой и был обучен хорошим манерам²⁶⁸. Он мало спал и скромно ел, был трезвенник и целомудрен, терпелив к своим обидчикам. Например, он только посмеялся над жителями Эдессы, которые избили бичами его статую, приговаривая, что претерпевший такое наказание человек не способен к царствованию — то есть хорошо, что избили не его лично, а только статую²⁶⁹. По натуре справедливый и щедрый, попечитель подданных, ценящий верную службу, он был недоверчив только в отношении посягательства на свою власть — более чем объяснимая линия поведения²⁷⁰.

Не был он чужд и добрых человеческих чувств. Как указывалось выше, очевидно, василевсу было выгоднее принять предложенный Магненцием мирный договор, дававший ему без труда многое, чем рисковать — и очень серьезно! — всем, чем он владел. Но долг отмщения смерти брата не позволил царю занять конъюнктурную позицию даже на время. Он победил тирана, хотя победа над Магненцием вовсе не была предопределена.

Истинная роль Констанция в деле восстановления единства Церкви открылась современникам несколько позднее. Когда после попытки реставрации язычества св. Григорий Богослов составил два обличительных слова на Юлиана, где противопоставляет царя-язычника царю-христианину, оставшемуся верным, несмотря на все колебания, Никейскому Символу Веры, он имеет в виду не св. Константина Великого, как можно было предполагать, а... *Констанция*. Святитель Григорий именует его «великим Констанцием», «благочестивым», «божественнейшим и христолюбивейшим из царей», которого «мышца Божия руководствовала во всяком намерении и действовании». Святитель Григорий пишет, что Констанций «сам возрастал с наследием Христовым и, постепенно утверждая оное, возрастил в такую силу, что стал через сие именитее всех прежних царей». Лишь один недостаток видит в нем обличитель Юлиана — то, что он «впал в грех неведения, весьма недостойный его благочестия; сам не зная, воспитал христианам врага Христа; из всех дел своего человеколюбия оказал одну худую услугу тем, что спас и воцарил ко вреду спасенного и царствовавшего (то есть Юлиана. — *А. В.*)»²⁷¹. Правда, св. Григорий тут же оговаривается, что в его обвинении содержится уже и извинение Констанция: «Кто не надеялся, если не другого

чего, по крайней мере того, что Констанций почестями сделает Юлиана более кротким? Кто не полагал, что после доверенности, какая ему сделана даже вопреки справедливости, и он будет праведнее?»²⁷²

По утверждению св. Григория, Констанций разумением и быстротой ума во многом превосходил не только современных, но и прежних царей. «Ты очистил, — заочно обращается он к нему, — пределы царства от варваров и усмирил внутренних мятежников; на одних действовал убеждениями, на других — оружием, а в том и другом случае распоряжался, как будто бы никто тебе не противодействовал. Важны твои победы, добытые оружием и бранями, но еще важнее и знаменитее приобретенные без крови. К тебе отовсюду являлись посольства и просьбы: одни покорялись, другие готовы были к покорности. Мышца Божия руководствовала тебя во всяком намерении и действии. Благоразумие было в тебе удивительней благоразумия; самой же славы за благоразумие и могущество еще удивительней благочестие»²⁷³.

«Кому из знавших сколь-нибудь Констанция неизвестно, что он для благочестия, из любви к нам, из желания нам всякого блага не только готов был презреть... честь всего рода, или приращение царской власти, но за нашу безопасность, за наше спасение отдал бы даже самую державу, целый мир и свою душу, которая всякому всего дороже?»²⁷⁴

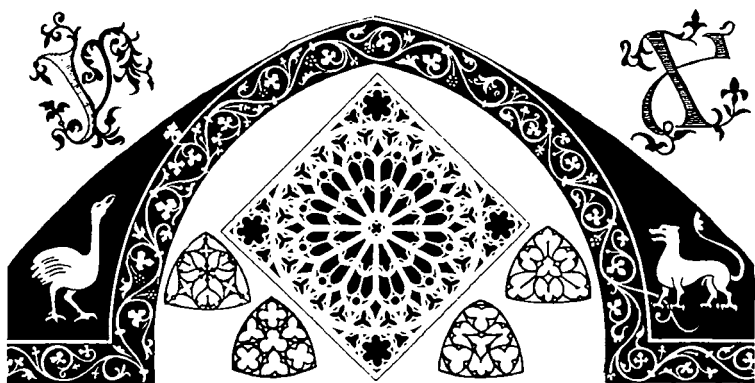
«Если же и оскорбил несколько, — продолжает св. Григорий, — то оскорбил не из презрения, не с намерением обидеть, не из предпочтения нам других, но, желая, чтобы все были одно, хранили единомыслие, не рассекались и не разделялись расколами»²⁷⁵.

«Никто никогда ни к чему не пылал такой пламенной любви, с какой он заботился об умножении христиан и о том, чтобы возвести их на высокую степень славы и силы. Ни покорение народов, ни благосостояние общества, ни титул и сан царя царей, ни все прочее, по чему познается счастье человеческое, — ничто не радовало его столько, как одно то, чтобы мы через него и он через нас прославлялись пред Богом и пред людьми, и чтобы наше господство навсегда пребывало неразрушимым. Ибо кроме прочего, рассуждая именно по-царски и выше многих других, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян»²⁷⁶.

Без него «Церковь сиротствует и вдовствует», а сам он «вчинен Богом, наследовал небесную славу». «Голос сил Ангельских был слышен при погребении Констанция», и сам св. Григорий молился об усопшем: «Мы почтили должным образом земную храмину того, кто жил достойно царя, окончил жизнь смертью праведника».

Констанций действительно был *царем-праведником*, положившим всю свою не очень долгую, но содержательную жизнь на благо Кафолической Церкви и Римской империи.

III. ЮЛИАН-ОТСТУПНИК (361—363)

Глава 1. На пути к царству

Взошедшему на престол молодому царю было 30 лет от роду. Родившись в Константинополе в июне 331 г. в семье родного брата св. Константина Великого Юлия Констанция, **Юлиан**, как указывалось выше, рано остался без отца и родственников, казненных солдатами. Из всех родных рядом с ним находился только старший брат Галл, и оба они оказались под опекой императора Констанция. По свидетельству историков, братьев охраняли очень строго, прервав все их возможные сношения с внешним миром.

Очень возможно, что эта превентивная мера была вызвана желанием трех царственных братьев лишить некоторых своих недоброжелателей возможности использовать родственную близость Галла и Юлиана к семье равноапостольного императора в политических интригах — спустя тысячелетия мы часто оцениваем те или иные действия и поступки *изолированно*, вне контекста исторической картины ушедших времен. Зная «свободные» политические нравы тех времен, несложно предположить, что при желании Константин, Констанций и Константин без большого труда предали бы их смерти: что-то, а организовать «несчастный случай» умели и в IV в.

Сам Юлиан позднее, в 356 г., в своем сочинении напишет буквально следующее о Констанции: «Царь был добр ко мне почти с самого раннего детства, его щедрость не имела пределов, он спасал меня от опасностей столь великих, что даже “муж и летами цветущий” не мог бы легко избежать их... и после того, как мой дом был захвачен неким

человеком из тех, что имеют власть, как будто бы не было никого, чтобы отстоять его, Констанций вернул его мне, как и было справедливо, и еще раз восстановил мое богатство. Я мог бы рассказать вам и о других его благодеяниях, достойных всяческой благодарности»²⁷⁷. Конечно, можно допустить, что в этом публичном обращении Юлиан несколько преувеличил участие императора в своей судьбе, но все же несложно сделать вывод о добром расположении Констанция к нему и его старшему брату Галлу.

В любом случае мальчики остались живы, и потому едва ли уместна версия, будто сыновья св. Константина вынашивали в отношении них какие-то преступные планы. Скорее, речь шла об их безопасности и, повторимся, о разумных мерах обеспечить политическую стабильность в государстве. Наверное, это были далеко не чрезмерные меры предосторожности — последующие события, во главе угла которых иногда в качестве активной стороны, а зачастую в виде слепого орудия реализации замыслов языческой партии находился Юлиан, позволяют обоснованно предположить, что эти мероприятия были далеко не излишними.

Мальчики жили под опекой Констанция, и их окружение составляли в основном люди духовного звания, все или тайные сторонники Ария, или умеренные антиникейцы. Главным воспитателем Юлиана являлся знаменитый (и печально знаменитый) Евсевий Кесарийский, а после его смерти в 341 г. учителем будущего августа стал некий придворный евнух Мардоний. Едва ли тот был сведущ в науках, но зато сумел внушить своему воспитаннику твердое убеждение в том, что наибольшая добродетель человека — самообладание и скромность. Нет, конечно, родственникам царей не воспрещалось брать уроки и у других педагогов, но при неременном условии, чтобы те были *христианами*.

Эта важная деталь позволяет укрепиться во мнении, что уже тогда некоторые силы пытались манипулировать царственным статусом Галла и Юлиана. По-видимому, до Констанция доходили кое-какие слухи и донесения своих тайных агентов о происках язычников, поэтому он предпринял решительные меры для того, чтобы не допустить их влияния на Галла и Юлиана. Но его усилия оказались тщетны — учителем Юлиана по грамматике являлся некий лакедемонянин Никокл, внешне принявший христианство, но в душе сохранивший приверженность языческим культам. Очевидно, он был образованным человеком и сумел привить Юлиану любовь к античной литературе, в первую очередь к Гомеру. Вторым учителем, также не отличавшимся особой

тягой к христианству, стал софист Эквилий, систематически переходивший из христианства в язычество и обратно. Неудивительно, что Юлиан в душе своей не стал христианином, все более и более увлекаясь языческими культами. Последующие события только укрепили его религиозные воззрения.

В 343 г. Мардоний внезапно был отставлен от двора, а братьев перевели в уединенный каппадокийский замок Макелл. Целых шесть лет, с 343 по 349 г., Юлиан пробыл в замке, не имея свободы перемещения. Там он продолжил изучение классической греческой литературы, познакомившись с сочинениями Аристотеля и Платона. Но это делалось *тайно*, так как окружавшие Юлиана евнухи и священники тщательно следили за внешними проявлениями его христианского благочестия. И повзрослевший царевич принял правила игры, противодействуя им, по-видимому, не без помощи своих взрослых воспитателей. Он постоянно присутствовал при богослужении, раздавал милостыню нищим и даже был зачислен в сонм чтецов, читая народу на службах священные книги²⁷⁸. Но это были только *внешние* поступки, ничуть не выражавшие ту революцию чувств, что бурлила в сознании Юлиана.

В маленьких братьях сыновья св. Константина едва ли видели потенциальных конкурентов или даже крупных государственных деятелей. Они сами были еще очень молоды и вряд ли могли предположить, что их семейная ветвь так внезапно прервется. Вообще, у некоторых писателей складывалось впечатление, будто Галла и Юлиана готовили к принятию духовного сана²⁷⁹. Возможно, так оно и было, но, к сожалению, духовники, воспитывавшие мальчиков, относились, во-первых, к не самым образованным кругам своего общества, и, во-вторых, понимали христианство очень ограниченно, в арианском смысле. Поэтому при всей внешней принадлежности к Церкви оба брата, особенно Юлиан, были весьма холодны к учению Христа. Впрочем, св. Григорий Богослов приводит другие данные о молодости и воспитании детей: по его словам, Констанций «удостоил их царского содержания и царской прислуги, сохраняя их, как последних в роде, для царского престола». Поэтому все первоначальное обучение было дано им непосредственно царем Констанцием²⁸⁰.

Несмотря на ухищрения и скрытность Юлиана, для окружающих все же не укрылась перемена, произошедшая в нем после увлечения древней философией, литературой и языческими верованиями. Святитель Григорий Богослов приводит два эпизода, в которых наглядно проявилась богоотверженность подрастающего юноши. В Каппадокии оба брата подвизались на постройке храма в честь святого муче-

ника Маманта, разделив между собой наблюдение за работами. Дело старшего брата Галла шло успешно, «Бог охотно принимал его дар, как Авелиеву жертву, и сам дар был как бы некоторым освящением первородного, — а дар другого отвергал Бог мучеников, как жертву Каинову»²⁸¹.

Как ни старался Юлиан, но его строительство шло очень плохо, казалось, сама земля не желала принять труды человека, в своей душе уже *отвергшего* Христа. Хуже того, построенный братьями храм еще не успели освятить, а он уже рухнул, к ужасу местных жителей²⁸². Многие окружающие не без страха наблюдали за происходящим, делая для себя обоснованный вывод, что Юлиан в почитании Бога не искренен.

Кроме того, опять же по свидетельству св. Григория Богослова, Юлиан в разговоре с братом не раз в запале защищал язычников, ссылаясь потом для объяснений своей позиции на необходимость упражняться в красноречии. Едва ли старший брат верил ему, но и не доносил; скорее, эти факты стали известны ближнему окружению принцев, присутствовавшему при их ораторских диспутах, а через них доходили и до Констанция. И, откровенно говоря, мало верится, будто их религиозные убеждения кардинально разнились между собой — едва ли обоснован тезис о наличии христианских добродетелей у Галла, зная, *как* он вскоре поведет себя в качестве цезаря Сирии. В этом отношении сравнение его трудов с «Авелиевой жертвой» могло являться со стороны св. Григория Богослова известным риторическим приемом, позволяющим таким гротескным сравнением еще более подчеркнуть антихристианские настроения Юлиана.

После того как в 351 г. Галл стал цезарем, Юлиан начал думать о собственной карьере — мысль, появлению которой также наверняка помогли некоторые воспитатели из близкого круга молодого человека. К этому времени его уединение закончилось: Констанций разрешил ему свободно передвигаться по стране, видимо, уверенный в его благонадежности. Прибыв в Константинополь, царевич встретил самый ласковый прием со стороны местных жителей. Им импонировали его ученость и склонность к науке, все видели в нем образованного и ласкового в обращении юношу, даже стали поговаривать о том, что именно он должен стать преемником бездетного Констанция. Все это не могло не возбудить недоверие к Юлиану со стороны императора, который уже получил известия о безобразном поведении Галла и его честолюбивых проектах.

Потому, от греха подальше, царь велел отправить Юлиана в Никомедию, что едва ли можно отнести к удачным решениям. Следует от-

метить, что этот славный город Малой Азии в то время был настоящим прибежищем для языческих ораторов, философов и софистов со всех границ Империи, так что Юлиан нашел вполне подходящее для себя окружение; например, там жил и преподавал известный софист Ливаний, язычник по своим убеждениям, которого страстно желал услышать юноша. Правда, опасаясь негативных последствий, Констанций предусмотрительно взял с Юлиана клятву, что тот не будет слушать лекций Ливания, и юноша охотно присягнул, даже и не думая, конечно, сдержать своего слова²⁸³.

Итак, в Никомедии Юлиан попал в самое «пекло» язычества — здесь собрались самые разнообразные его элементы, изгнанные или не признанные в других провинциях Римской империи. В юном царевиче они с восторгом для себя обнаружили лучшее оружие против христианства. И вновь сформированное окружение Юлиана поставило перед собой задачу окончательно укрепить его в политеизме с тем, чтобы получить энергичного защитника древнего культа. Самое решительное влияние на Юлиана имел философ Максим, известный в своих кругах теург и маг, который очень быстро подчинил Юлиана своему влиянию и посвятил в теургические и магические обряды²⁸⁴. Их отношения были очень близкими и доверительными. Через много лет, уже став царем, Юлиан, узнав о прибытии в его ставку Максима, бросил все дела и выбежал навстречу своему старому другу и воспитателю²⁸⁵.

Безусловно, мысль о скором поставлении Юлиана на царский престол уже давно витала в умах азиатских язычников. Дело в том, что в то время среди них были чрезвычайно популярны «пророчества», согласно которым христианство вскоре будет повержено. Понятно, что «ниспровергателем» мог стать только глава Римской империи, и таким они видели Юлиана. Очевидно также, сам Юлиан не стремился их в этом разубеждать. Все же можно констатировать: эта группа вела весьма скрытный образ жизни и не давала повода для преследований, поскольку ни при каких обстоятельствах подозрительный Констанций не стал бы доверять человеку, замыслившему против него столь честолюбивые планы.

Постепенно в душе Юлиана утратились последние следы заложенных в детстве первооснов христианства. Если первоначально его увлечение язычеством можно было отнести к детской любознательности и специфичной психике «переходного возраста», когда назойливые наставления взрослых переходят в зримые формы протеста детей, то теперь принц стал *сознательным* приверженцем языческих культов. Он думал уже не о сравнении их с христианством, а о том, какой из

них наиболее близок его воззрениям и эстетическим чувствам. Юлиан искренне недоумевал, как люди могли воздавать поклонение Христу, и почему, по какой причине люди так быстро отпали от старых богов? Вместо сухих, по его мнению, обрядов христианства, Юлиана привлекала атмосфера античных образов, эстетика греческой литературы, ее богатство и разнообразие, таинственность древних культов, их мистика. Отпадению молодого царевича от Церкви в немалой степени способствовали события церковного раскола. Он с едва скрываемой брезгливостью наблюдал за противостояниями и непристойными страстями, нередко демонстрируемыми главами отдельных партий, их интригами и попытками любой ценой получить вселенское первенство собственных редакций Символа Веры.

Все же Юлиан был по-своему слишком образован, чтобы удовлетвориться только древними отеческими культами — сам политеизм уже был недостаточно для него интеллектуален. К этому времени его очень увлекли неоплатоники, вдохнувшие свежий ветер в казалось бы угасающую страсть; аллегоризм неоплатоников оказался в состоянии удовлетворить возрастающие потребности интеллектуального роста. Новые учителя еще более укрепили Юлиана в мысли о его первородном предназначении занять Римский трон и повернуть вспять колесо истории. Известно, что в это время до Констанция и Галла стали доходить отдельные слухи о новых увлечениях Юлиана, вполне возможно также, что Галл, уже замысливший занять трон Констанция, испугался не столько религиозных перемен в брате, сколько сведений о его амбициозных планах. Ведь если бы Констанций получил об этом более точные известия, участь Галла и Юлиана могла считаться предрешенной.

По счастью для обоих братьев, посланный императором для ревизии дел арианский священник Аэций не усмотрел в поведении Юлиана ничего предосудительного. Он даже доложил царю, что тот регулярно посещает богослужения и гробницы мучеников и ревностно исполняет обязанности христианского благочестия²⁸⁶. Впрочем, через много лет сосланный Констанцием Аэций был возвращен Юлианом в епархию, и ему был сделан богатый подарок. Трудно уклониться от мысли, что таким образом Отступник *отблагодарил* того, в чьих руках в какой-то момент времени была его жизнь и карьера. Для Юлиана это был слишком очевидный сигнал, чтобы он им пренебрег. С еще большим внешним рвением он начинает исполнять христианские обряды, ведет аскетический образ жизни и даже сбрил бороду, которую ранее отпустил по примеру древних философов.

Но в 354 г. его положение становится критическим: неудачный заговор Галла едва не стоил жизни самому Юлиану. Помимо этого, Констанцию стали известны, хотя и в смутных деталях, замыслы языческой партии о возведении Юлиана на престол. Юношу срочно переводят в Милан, рядом со ставкой императора, где на царском совете решалась его судьба. Подавляющее большинство царского окружения безоговорочно высказалось за смерть царевича, но император не решился умертвить родственника, не видя за ним прямой вины. Целых шесть месяцев его жизнь висела буквально на волоске, он был окружен бдительной стражей и множеством шпионов, немедленно доносивших царю обо всех его телодвижениях. Наконец, в дело активно вмешалась царица Евсевия, убедившая царя в безосновательности возводимых на Юлиана обвинений. «Она настаивала на своих просьбах к императору, — писал сам Юлиан, — до тех пор, пока не привела меня пред царские очи и не устроила мне разговора с государем. Она радовалась, когда я оправдался от всех несправедливых обвинений и когда я пожелал вернуться домой, она первая стала убеждать царя удовлетворить эту просьбу»²⁸⁷.

Полагают иногда, будто таким образом она хотела обеспечить свое вдовье будущее на случай преждевременной гибели императора — одна из догадок (правда, сомнительная), имеющих право на существование. Царю в то время не было еще и 40 лет, болел он редко и едва ли имелись реальные основания предполагать, будто непременно он должен был отойти к Богу раньше своей жены.

Более правдоподобно предположение о том, что царицей двигали более высокие побуждения — забота о Римской империи, которая после смерти бездетного Констанция осталась бы без царя. Возможно также, что здесь довлело и нечто личное — не имея детей, она желала утолить материнские чувства на умном и образованном Юлиане. Вообще, как известно, впоследствии Евсевия довольно ревниво относилась к жене Юлиана — естественная реакция всякой матери на невестку. Так или иначе, но именно она сумела добиться личной встречи царевича с Константием, в ходе которой Юлиан с присущим ему ораторским искусством и лукавством разрушил все подозрения на свой счет. Его освободили из-под стражи и даже разрешили выехать в Афины для продолжения образования, опять же по хлопотам Евсевии.

Афины того времени были не только центром античного просвещения, но и местом, которое регулярно посещали деятели языческой партии, наиболее известные прорицатели и теурги. Вместе с ними Юлиан стал бывать на языческих капищах, устраивал богослужения

и предавался гаданиям о собственной судьбе²⁸⁸. Вместе с ними юноша искренне сожалел о «падении нравов» и обещал им немедленно восстановить древние культы после своего воцарения. Знакомство с теургами оказалось для Юлиана очень кстати. Да, неоплатоники дали ему необходимую рациональную основу для формирования собственного мировоззрения, но душа, оставившая Церковь, искала *духовной пищи*. Юлиан жаждал мистерии, чувств, способов познания духовного мира. И такой суррогат был ему в избытке предоставлен.

По свидетельству Феодорита Кирского, находясь в Элладе, он обходил гадалей и «провешателей», которые могли бы предсказать ему императорскую корону и удовлетворить духовный голод; подходящая кандидатура, конечно, вскоре нашлась. Вместе с этим безымянным для нас «предсказателем» Юлиан проник ночью в языческое капище, где ему явились демоны. Испугавшись их, юноша непроизвольно прекрестился, отчего те немедленно с испугом удалились вон. Но спутник Юлиана пристыдил его этим поступком, объяснив, что демоны якобы не боятся крестного знамения, а лишь презируют его, после чего ввел Юлиана в «тайны беззакония»²⁸⁹. Хотя в это же время в Греции Юлиан встречался с будущими святителями Василием Великим и Григорием Низианзином, встречи с ними не оставили большого следа в его душе. Так, отправляясь после полугодового пребывания в Афинах на западные границы государства для их защиты от варваров, он на виду всего народа горько стenal о предстоящем расставании и проливал горькие слезы, прося у богов смерти для себя.

6 января 361 г. на празднике Богоявления во Вьенском соборе Юлиан последний раз присутствовал на христианском богослужении. Спустя несколько месяцев он прошел несколько ступеней митраистских посвящений, заняв вторую ступень в иерархии и став Гелиодромом — Посланцем Солнца²⁹⁰.

Посвященный в элевзинские мистерии, Юлиан настолько проникся уважением к ним, что, отправляясь в поход в Галлию в 361 г., даже пригласил элевзинского жреца для совершения над собой особого таинственного обряда, в ходе которого торжественно засвидетельствовал формальный акт своего *отречения от христианства*²⁹¹. Почувствовав собственную силу, приняв от Констанция титул цезаря, Юлиан уже не скрывал своей расположенности к язычеству. Но эти события произойдут в скором будущем, а до этих пор царевич продолжал скрывать свои пристрастия.

Если у Юлиана ладились дела на публичном поприще, то семейная жизнь не принесла радости. Царица Евсевия, столь много сделавшая

для молодого цезаря, невзлюбила его жену — сестру своего мужа Елену. Поговаривали даже, что она сделала все, чтобы лишить Юлиана мужского потомства, в частности, при помощи повивальной бабки умертвила новорожденного младенца Елены, а потом тайно давала ей специальное снадобье, чтобы у царицы каждый раз случался выкидыш²⁹². Впрочем, Юлиан не любил свою жену и через короткое время расстался с ней, попросту выгнав.

Надо сказать, прибыв в новом и лестном для себя качестве цезаря на Запад, Юлиан сумел быстро выправить там положение. В течение времени своего правления Галлией, с 355 по 361 г., он показал себя хорошим администратором, удачливым полководцем и государем, способным снискать к себе признательность подданных. Прибыв в Галлию в качестве *номинального* правителя, в реальном управлении которого находилась только его личная охрана (360 человек), Юлиан тщательно изучает военное дело и вскоре уже делает прекрасные успехи. Когда в июне 356 г. германцы захватили Нижнюю Галлию и Кельн, попутно осадив город Отен, принц решительно взял командование войсками в свои руки и отразил натиск варваров, сняв осаду Отена, Страсбурга, Брумата, Цаберна, Зальца, Шпейера, Вормса и Манца, а затем даже отбил у германцев Кельн.

В 357 г., попав в опасное положение вследствие предательства некоторых римских военачальников, Юлиан с 13-тысячным отрядом оказался лицом к лицу с 60 тысячами Хнодомара, которого блестяще разбил в битве при Страсбурге. Говорят, потери варваров были гигантские, а у римлян — несколько сот человек. В октябре, когда кампании уже обыкновенно не велись, правитель Запада внезапно переходит Рейн, восстанавливая старые укрепления и захватывая пленных. В 358 г. Юлиан восстанавливает флот, после чего Рейн окончательно переходит под контроль римских войск. В результате этого в 359 г. варвары вообще не осмелились напасть на римские провинции²⁹³.

Разбив франков и алеманов, он обеспечил правосудие на имперских территориях и облегчил нестерпимое бремя налогов, восстанавливал разрушенные селения и города, защищал население от произвола местных чиновников. Свои удачи молодой цезарь открыто относил к милости древних богов, сам исподволь потакая реставрации языческих культов в городах, находившихся под его властью, и принимая непосредственное участие в жертвоприношениях. К этому времени он стал суеверным до крайности, особенно, когда встал вопрос о войне с Констанцием. В Иллирике некий опытный оратор и тайный маг Апрункуллий, назначенный впоследствии Юлианом правителем Нар-

боннской Галлии, устроил жертвоприношение, предсказав счастливое будущее для самопровозглашенного августа. Но Юлиан опасался, что таким образом друзья лишь желают поддержать его, потакая тайной слабости и честолюбию молодого правителя. В тот самый момент, когда Констанций умер, о чем узурпатор еще не знал, он садился на коня, и солдат, придерживавший Юлиана рукой, упал на землю. Узурпатор тут же громко воскликнул, что тот, кто поднял его на высоту, то есть Констанций, упадет от него, и его настроение заметно улучшилось²⁹⁴.

Что же представлял собой 30-летний претендент на трон, поднявший руку на собственного благодетеля? Современники отмечали бытовую скромность и умеренность молодого царя. Он очень мало спал, да и то использовал в качестве кровати войлок, а вместо одеяла — барикий тулуп, был чрезвычайно неприхотлив в еде, довольствуясь малой пищей. Юлиан был религиозен, но к этому времени совершенно охладел к христианству и сделался его тайным недоброжелателем. Ночами он молился Меркурию (если находился на войне) и другим языческим богам (в мирные часы), а днем много времени уделял своему образованию и в первую очередь философии. Он хотел казаться милостивым императором, нередко значительно смягчая уже вынесенные судом приговоры. Однажды потерпевшие остались недовольны тем, что Юлиан сменил казнь ссылкой. На что царь ответил: «Пусть право сделает мне упрек в мягкосердии, но законы милосердия императора должны стоять выше остальных»²⁹⁵.

Юлиану хотелось продемонстрировать на собственном примере блистательного государя и полководца, наполненного всяческими доблестями и дарами, милостивого и снисходительного, благородного и твердого, такого *философа на троне* по примеру героев Гомера и мудрецов Платона. Когда его учитель Оливасий сказал Юлиану: «Не должно, быв в гневе, обнаруживать его голосом и взглядом», тот ответил: «Ты прав — увидишь, придется ли тебе в другой раз обвинить меня в этом»²⁹⁶. Обремененный многими государственными делами, он не оставлял упражнений в словесности, очень заботясь о впечатлении, которое производил на окружающих²⁹⁷.

Юлиан хотел всем показать, что добродетели не являются исключительной чертой христианина, но, напротив, приверженец отеческих богов должен снискать еще большее одобрение людей своими поступками и делами. Нельзя сказать, что все это было исключительно показными демонстрациями, но, надо признать, в основе всего этого лежали *гордыня и самолюбование*. Это был искренний в своем роде и честолюбивый молодой человек, носящий в себе печаль ранних утрат

и недоверия к окружающим, скрытный и не без хитрости, в отдельные моменты циничный и дерзкий лицемер, решительный, сметающий все преграды со своего пути. Ему очень хотелось остаться в памяти потомков великим философом и бесстрашным государем, «Апология» Платона бередила ему душу и налагала некий высший образ мыслей и поступков, которым Юлиан желал следовать. Безусловно, он обладал твердым характером и незаурядной выдержкой. Так, уже на смертном ложе он беседовал со своим любимцем Максимом о высоте души, как будто тень смерти не стояла у изголовья его ложа.

Его философские настроения хорошо передает следующий случай. Задолго до своей смерти он получил предсказание собственной смерти: «Когда, потрясая мечами, ты покоришь скипетру своему персидское племя до Селевкии, тогда, освобождаясь от смертных, подверженных страданию членов, ты вознесешься к Олимпу на лучезарной колеснице и, возвращаясь в вихрях бурных, достигнешь родной обители эфирного света, откуда, заблудившись, ты нисшел в человеческое тело». Восторгу Юлиана не было предела! Он радостно говорил, что с удовольствием оставит свое смертное бренное тело и воспарит в мир идей и духов — ясный и классический пример, позволяющий доказать, что «предсказатель» вполне владел философскими настроениями Юлиана (а, судя по отрывку, он полностью был погружен в философию Платона) и слабыми сторонами его души²⁹⁸.

Эвнапий Сардиец (346 — после 404 г.), приверженец язычества и глубокий почитатель Юлиана, говорил, что тот имел любовь к воинам не потому, чтобы льстить им, но потому, что знал, что это полезно. Милосердный к преступникам, полагал историк, он всячески демонстрировал свою доступность и открытость людям, к которым выходил после языческих богослужений; «многие тяжёбые дела доходили до Юлиана, все вполне удовлетворялись правосудием судящим их»²⁹⁹. Однако некоторый неизвестный христианский писатель того века более жестко и — главное — *объективно* описывает василевса: «Он избрал царскую власть не для того, чтобы исправить жизнь человеческую, — да он ничего и не исправил, — но по необузданному славолочию он оказался неблагодарным к благодетелю (Констанцию), и, предаваясь пагубному поклонению водящих его демонов (богам языческим), он не узнал, что получит от них и конец, достойный лжи и его неистовства»³⁰⁰. Если уж Феодорит Кирский в своей «Церковной истории» называет *благочестивым* Галла («который и в то время соблюдал благочестие, и после, до конца жизни был благочестив»), то можно представить, каков был в действительности Юлиан³⁰¹.

В своей краткой биографии новый царь дал немало примеров решительности и способности идти на риск, даже чрезвычайный. Но за этим фоном нередко скрывалась душа робкая и нерешительная. Это была гордыня, поставившая себя на невероятную высоту собственного тщеславия, не имевшая внутри себя никакого нравственного стержня и потому нередко срывавшаяся с вершин до уровня «твари дрожащей». Юлиан мечтал стать по славе выше Александра Македонского и Юлия Цезаря, считал себя избранником богов, нисколько не колеблясь, высмеивал всех предыдущих государей в своих памфлетах. Но, приняв решение, нередко впадал в некое подобие психологического ступора, из которого мог выйти только при помощи своих лстивых соратников и многочисленных жертвоприношений. В минуты мистерий он, в буквальном смысле этого слова, призывал к помощи демонов и только успокоенный ими, поддавшись внушениям, которые признавал за слова утешений богов, приходил в себя и вновь являл решимость и настойчивость в реализации самых дерзновенных планов.

Глава 2. Царствование и преследования христиан

Жизнь показала, насколько Юлиан был готов к выполнению начерченной им же себе задачи построения «просвещенного государства» и соответствовал высокой роли благодетеля Римской империи. Став императором, Юлиан все же первое время опасался заявить о возврате языческих культов. Наконец, прибыв в Константинополь 11 декабря 361 г., он открыто заявил о своей принадлежности к язычеству, после чего стал именоваться в народе *Юлианом-Отступником*. Далее, пишет Феофан Византиец, «сделавшись самодержцем, Юлиан без стыда начал жить по-эллински, святое крещение смыл с себя кровью жертв и делал все для служения демонам»³⁰². Наивно полагать, будто Отступник, вкусивший прелести мистерий и получивший посвящения в самые тайные культы, без улыбки взирал на отеческие культы. Но, как человек «просвещенный», он отдавал себе отчет в том, что положенное «избранникам богов и судьбы» не может быть преподано рядовому гражданину.

Казалось бы, склонность Юлиана к политеизму не предполагала введения какого-то нового персонифицированного культа. Но, как ни странно, в сочинении Отступника «Против христиан», письмах и философских отрывках, дошедших до нашего времени, он признавал

существование «верховного разума» и «вечного отца, царя всего мира и всех людей», из которого рядом эманаций проистекает все обновление мира³⁰³. Кажется удивительным, но при всей нелюбви Отступника к иудеям он искренне пытался включить иудаизм в свою философскую систему³⁰⁴. Но тонкость заключается в том, что к этому времени иудаизм уже сделал решительный отход от древнееврейских благочестивых обычаев и сформировал собственную интерпретацию Ветхого Завета, включая каббалистические учения, принадлежавшие кругу *избранных*. Несложно предположить, учитывая характер Юлиана и его страсть входить в тайные группы особо посвященных, что такого рода учения очень льстили его самолюбию, давали выход безудержному стремлению познать мистические тайны и встать в тесный круг лиц, где простым смертным нет места.

В целом зная предысторию его духовного развития и круг учителей, трудно отделаться от мысли, что к тому времени Юлиан предался сатанистским культам. У современников складывалось небезосновательное ощущение, что на языческий алтарь укладывались не только жертвенные животные. Проходя с войском мимо города Карры во время похода на Персию, он велел закрыть на замок языческий храм, оставаясь там наедине со своими близкими духовными учителями. После ухода горожане открыли храм и обнаружили повешенную женщину с распоротым животом — Юлиан гадал о результатах похода на ее печени. А в Антиохии после смерти Отступника были обнаружены многочисленные человеческие головы и мертвые тела — также результат мистических опытов Юлиана³⁰⁵.

Незадолго до войны он велел восстановить Иерусалимский храм, возведенный некогда Соломоном и разрушенный Римскими императорами *Веспасианом* (69—79) и *Титом* (79—81)³⁰⁶. Безусловно, это предприятие было задумано василевсом не для того, чтобы подчеркнуть свой политеизм, с ним связывались и религиозные пристрастия Юлиана. Иногда предполагают, учитывая невероятную скаредность нового царя, что выделить громадные деньги для восстановления Иерусалимского храма его заставила тщеславная надежда опровергнуть пророчество Христа, согласно которому святой город и храм будут разрушены и пребывать в запустении³⁰⁷.

Но и этот мотив слишком *затратный*, чтобы Юлиан только ради него решился на данный шаг. Представляется, что как минимум здесь были соединены несколько планов — и практический («унизить» Христа), и духовный, связанный с религиозными симпатиями Отступника. Во-первых, он искренне симпатизировал иудеям, верование кото-

рых полагал вполне уместным в своем государстве и с которыми его роднила ненависть к христианству. А, во-вторых, хорошо знакомый со Священным Писанием, Юлиан знал о пророчестве Христа на счет Иерусалима и Храма Соломона. И ему не терпелось показать христианам, что их Бог ничтожен перед его языческими богами³⁰⁸.

Попутно заметим, что, несмотря на все старания, работы в Иерусалиме не увенчались успехом — бури разбрасывали вырытую землю, огненные языки выходили из земли и прогоняли рабочих, иных даже умерщвляя, а потом землетрясение поглотило все возведенные постройки. А в небе воссияло знамение в форме креста, отражающееся на всех окружающих предметах и одеждах работников. Как и следовало ожидать, стать выше Христа Юлиану не удалось³⁰⁹.

Первой заботой нового царя стало восстановление справедливости, в собственном понимании Отступника, в государстве и упразднение тех традиций, которые укоренились в бытность Констанция. Твердый аскет, новый царь немедленно освободил свой двор от многочисленной прислуги, которая тысячами промышляла при Констанции, и ввел буквально спартанский образ жизни. Он также отменил некоторые наиболее непосильные налоги и обратил самое пристальное внимание на судопроизводство. С полным беспристрастием *пытался* вникать царь в каждое дело, переданное на его рассмотрение, желая воздать каждому по закону и высшей справедливости. Особенную строгость он испытывал к клеветникам, поскольку, пребывая иногда ранее едва ли не в заточении, на себе испытал последствия их наветов. Юлиан проявлял ревностное стремление разобраться в существе каждого дела, порой нарушая для этого даже правила судопроизводства.

Впрочем, высший судья не всегда был справедлив и объективен; например, он нередко в ходе процесса интересовался у сторон об их конфессиональной принадлежности и, надо полагать, ответ на этот важнейший для Юлиана вопрос нередко предвосхищал судебный приговор. Даже писатель Марцеллин, чрезвычайно благоволивший к Юлиану, был вынужден отметить, что «кое в чем он руководствовался не законом, а *своим произволом* (выделено мной. — А. В.) и кое-какими погрешностями омрачил широкий и светлый ореол своей славы»³¹⁰. Конечно, это было серьезным отступлением от платоновских принципов, где закон являлся высшим мерилom справедливости вне зависимости от личных настроений.

И это было только начало. Спустя короткое время Юлиан устроил настоящий *террор* в отношении всех тех, кто служил Констанцию, стараясь стереть из памяти современников все, что так или иначе относи-

лось к его предшественнику. В первую очередь он прогнал свою жену Елену — сестру Констанция³¹¹. Затем к изгнанию были приговорены Палладий, бывший магистр официй, бывший префект претория Тавр, о невиновности которого говорит даже Марцеллин. Столь же несправедливо был сослан Флоренций, сын магистра официй, а его тезка, другой Флоренций, приговоренный вместе с женой к смертной казни, едва успел бежать и до самой кончины Юлиана опасался заявлять о себе. Казнь Урсула, комита государственного казначейства, по словам Марцеллина, «оплакивала сама Справедливость, обличая императора в неблагодарности»³¹². Царю даже пришлось распространить слух, что сам он непричастен к гибели Урсула, которого якобы самовольно казнили ненавидевшие его военные. Надо сказать, казни также не отличались особым милосердием: некоторые осужденные, хотя бы и справедливо, по закону, были сожжены живыми на костре.

В первое время Юлиан открыто не преследовал христиан, видимо пребывая в полной уверенности, что без поддержки царской власти это «новшество» безболезненно само по себе отойдет в прошлое. По этой причине он не раз призывал языческих жрецов к милосердию по отношению к бедным и убогим, проявлял широту своего благородства тем, что не преследовал инакомыслящих, и даже повелел возратить всех отправленных в ссылку Константином епископов и самого св. Афанасия³¹³.

Поскольку никаких противников у него больше в пределах Римского государства уже не оставалось, Юлиан публично заявил об открытии старых языческих храмов и сам предался многочисленным жертвоприношениям, стараясь собственным примером подвигнуть народ к древним культам. Но, ясно отдавая себе отчет в масштабах распространения христианства и желая сыграть свою роль мудрого и беспристрастного правителя, достойного диадемы св. Константина Великого, Юлиан сделал вид, будто не препятствует существованию Церкви. Собрав епископов, он даже потребовал от них прекратить раздоры, ссылаясь на свободу совести каждого человека. На самом деле Юлиан полагал, будто свобода слова для различных церковных партий, фактически ограниченная при Констанции, еще более увеличит раскол и окончательно дискредитирует христианство в глазах римлян³¹⁴.

Вскоре после своего восшествия на престол царь издал эдикт, в котором объявил всем своим подданным свободу исповедания того культа, который им нравится. В силу этого закона и христиане, и язычники получили равные права и правовую защиту. Опыт предшественников

гонений укрепил его в мысли о том, что кровавые казни, которым подверглись христиане при языческих императорах, еще более способствуют укреплению Церкви. Внешне он хотел продемонстрировать всем, что снисходительно относится к чужим заблуждениям и готов даже принять их. Конечно, здесь присутствовали и прагматические мотивы — его очень пугала перспектива слыть в глазах римлян тираном, а довольно шаткие основания власти заставляли искать союзников даже среди тех, кто во времена Констанция подвергался ограничениям, то есть никейцев. Ему казалось, что, освободив из ссылок св. Афанасия и его единомышленников, он приобретет благодарных почитателей его политического таланта.

Но не таким были цели Юлиана на самом деле. Как неоднократно отмечалось, в характере императора было одно преобладающее над всем свойство — искусство лицемерить и притворяться. Выдавая себя чуть ли не за друга христиан, кроткий и снисходительный к ним, он своей внешностью далеко не выражал то, что творилось в глубине души³¹⁵. На самом деле его дальней мечтой было полностью стереть Церковь с лица земли. Примечательно, что даже на первых порах, когда маска ласковости не сходила с лица, Юлиан уже обнаружил известную избирательность по отношению к представителям различных церковных партий.

Исподволь попустительствуя насилию в отношении никейцев, он выказывает особую благосклонность к арианам, новацианам, донатистам, всем другим еретикам, а вождя ариан Аэция не просто возвратил из ссылки, но и пригласил к себе во дворец, наградив попутно еретика богатым имением на острове Лесбос³¹⁶. Внешне беспристрастный, при возникновении диспутов православных с еретиками он всегда держал сторону последних. Когда в городе Кизик возник спор между новацианами и православными во главе с их епископом Элевзием, он не замедлил принять сторону еретиков и отправил епископа со всем клиром в ссылку, обосновывая свое решение тем, что якобы Элевзий подстрекал народ к бунту. Аналогичная судьба постигла и епископа города Бостры Тита, которого Юлиан велел отправить в ссылку³¹⁷.

Тайно поощряемые царем, донатисты вскоре устроили настоящую кровавую охоту на православных, изгоняя их священников из церквей и разрушая алтари. Донатистским же «епископам» Юлиан велел вернуть все отнятые у них во времена Констанция приходы и храмы. Возражая на жалобы православных епископов, он отвечал, будто его указ только позволяет им вернуться из мест ссылки, но не восстанавливает их в прежнем сане. Замечательный цинизм!

Очередные неприятности были уготованы замечательному борцу за Православие св. Афанасию Великому. Вернувшись в Александрию, он снова занял епископский престол и с большим усердием вел миссионерскую деятельность среди язычников. Известие об этом вызвало бешеный гнев Юлиана. Губернатору Египта он пишет письмо, в котором клянется наложить на него штраф в размере 100 литров золота, если св. Афанасий не будет выслан из города. «Ничем не можешь доставить мне удовольствие, как изгнав из египетских пределов Афанасия, этого сквернавца, который в мое время смеет совершать крещение над знатными женщинами»³¹⁸. Естественно, участь св. Афанасия была решена, и он отправился в очередное изгнание, в противном случае его ждала неминуемая смерть.

Очевидно, скрывая на время свою ненависть ко всему связанному с именем Христа, Юлиан не предполагал, что эффект от его антицерковной деятельности будет столь мал. Среди его подданных численно христиан оказалось куда больше, чем он мог ожидать. Даже в глухих провинциях ему попадались сплошь христианские общины, не желавшие ни при каких обстоятельствах отказываться от своего Бога. Эти обстоятельства подвигли Юлиана на более решительные, кровавые меры против Церкви. Но, надо отдать должное, свои гонения на христиан царь сопровождал активной прозелитской деятельностью, сам неоднократно демонстрируя свою приверженность идолопоклонству и одновременно стараясь перенять от христиан наиболее популярные формы из социальной деятельности.

В частности, организуя скрытые (пока еще) гонения на христиан, Юлиан был всерьез озабочен тем, чтобы вырвать из их рук дела *народного призрения*. В письме к верховному жрецу Египта Арсакию он пишет: «В каждом городе устрой достаточное число странноприимных домов, чтобы чужеземцы воспользовались нашим гостеприимством, и не только те, которые принадлежат к нашей вере, но все, кто нуждается в помощи. Мною приняты меры относительно средств к содержанию». А в письме к верховному жрецу Азии он сетует на то, что «в то время, как приверженцы ложных учений (то есть христиане. — А. В.) оказываются такими ревностными, что готовы пожертвовать за свою веру жизнью, выносить всякую нужду и голод, мы же оказываем такую холодность к богам, что совсем забыли отеческие законы»³¹⁹. Но, в отличие от христианских пресвитеров и епископов, языческие жрецы спешили наложить руки на те средства, какие Юлиан выделял им для благотворительной деятельности. Кроме того, не умея и не желая *любить ближнего*, они искренне недоумевали, почему столь большие

деньги должны быть потрачены на нищих и бродяг. В общем, и эта за-
тея Отступника в целом не удалась.

Помимо этого, христиане утратили ставшие уже привычными об-
щественные права и государственное довольствие. Клир был лишен
хлебных даров, до сих пор регулярно выделяемых из казны, епископы
потеряли судебную власть и право пользоваться общественными под-
водами, а Церкви запретили принимать имущество по духовным заве-
щаниям, то есть фактически лишили материальной базы³²⁰.

Более того, христианам практически было запрещено занимать го-
сударственные должности; преимущественное или даже *исключитель-
ное право* на эту привилегию приобрели только язычники. Поскольку
за минувшие годы царствования дома св. Константина Великого сре-
ди государственных чиновников было подавляющее число христиан,
Юлиан решил устранить их всех от занимаемых должностей под
благовидным предлогом. Объясняя свою волю, Отступник заявил,
будто в связи с важностью государственной деятельности он может
предлагать эти должности только людям благочестивым, то есть языч-
никам. «Правда, я не хочу, чтобы галилеяне (так Юлиан называл хри-
стиан. — А. В.) были убиваемы, несправедливо обижаемы или терпели
жестокое обращение без всякой причины, однако держусь того взгля-
да, чтобы почитателям богов было отдано преимущество. Безумие
галилеян все ниспровергло, и только через благодеяние богов все мы
спасены». Единственное исключение составляли *отступники от веры*,
отказавшиеся от Христа и начавшие служить идолам³²¹.

На христиан обрушились дополнительные подати и налоги, а су-
дебные разбирательства их жалоб своим цинизмом просто поражают,
особенно, если судьей являлся сам император. Когда жители Эдессы
пожаловались ему на несправедливое отобрание у них церковного
имущества, Юлиан с присущим сарказмом ответил, что хотя ариане
незаконно захватили имущество и последователей епископа Валенти-
на и совершили такое, «чего не может быть в порядочном городе», но
ведь христианским законом заповедано раздавать имущество ближ-
ним. Таким образом, подытоживает Юлиан, ариане просто облегчили
им путь в Царство Небесное, освободив от богатства, которое обыкно-
венно мешает идти за Христом. В завершение своего письма он напо-
мнил, что при любом волнении жителей города ждет суровое наказание:
«Жителей Эдессы мы убеждаем воздерживаться от всяких мятежей и
раздоров. А то как бы вы, возбудив против себя наше человеколюбие,
не потерпели за учиняемые вами общественные беспорядки наказание
мечом, огнем и изгнанием»³²².

Мало того, стали привычными случаи отказов судов *принимать жалобы* (!) христиан на насильственные действия третирующих их язычников. Конечно, мотивация, используемая «благочестивыми» судьями, не могла родиться случайно, хотя бы просто в силу своего «богословского» толкования и повторяемости из суда в суд. Она гласила, что поскольку Спаситель предлагал подставить левую щеку, когда бьют по правой, то, следовательно, христианам не на что жаловаться, а предлагалось терпеть. Попутно Юлиан привлек весь свой интеллект и знание Священного Писания, чтобы нравственно оскорбить Христа, называя Его последователей «безумцами» и «глупцами»³²³.

Потакаемые властями проявления жестокости в отношении христиан вскоре привели к первым жертвам. В городе Гелиополисе, расположенном в Келесирии между Ливаном и Антиливаном, издавна существовал храм Венеры с развратным культом. Во времена св. Константина Великого храм был закрыт, но среди черни культ этой богини еще имел своих многочисленных сторонников. Как только вышло распоряжение Юлиана о возобновлении языческих культов, толпа приверженцев Венеры схватила диакона св. Кирилла, известного борца с идолопоклонством еще во времена равноапостольного императора, пытала его и предала страшной казни. А христианских девушек, посвятивших себя Богу, выставляли обнаженными на публичное обозрение, а потом с них живых снимали кожу. Не меньшие жестокости случались в городе Арефузы, в Сирии, где язычники жаждали отомстить другому борцу с идолами — епископу св. Марку³²⁴.

В Кесарии Филипповой находилась чудесная статуя Спасителя, земля возле которой исцеляла от туберкулеза. Но поощряемые Юлианом язычники ниспровергли ее и протащили по улицам города, разбив после на куски. Из преследователей христиан особенно отличались комит Востока Юлиан, дядя императора по матери, хранитель царской казны Феликс и смотритель царского дворца Элпидий. Правда, «Бог не бывает поругаем», и каждый из них закончил свою жизнь в непрестанных мучениях. Юлиан, сраженный, по-видимому, инсультом, пролежал 40 дней, после чего испустил дух. У Феликса как-то хлынула кровь изо рта, и он скончался. Дольше всех Господь миловал Элпидия, но и тот в будущее царство примкнул к заговору и провел остаток дней в темнице³²⁵.

В палестинских городах Аскалоне и Газе язычники «схватили удостоенных священства мужей и давших обет девственной жизни жен, разорвали им утробы и, наполнив их ячменем, бросили страдальцев в пищу свиньям. В Севастии, главном городе провинции того же имени,

они открыли гробницу Иоанна Крестителя, предали огню кости его и развеяли прах их». А в знатном фракийском городе Доростоле начальник всей Фракии Капитолий сжег на костре воина-христианина св. Эмилиана³²⁶. Словом, кровавый шабаш, к безудержному восторгу Юлиана, шел по всей территории Империи.

Желая повсеместно истребить христиан, Отступник строго наказывал чиновников, пресекавших этот самосуд и открытые казни над невинными людьми. Он едва не казнил префекта города Газа за подобное «преступление», в последнюю минуту сменив смертную казнь тюрьмой. Очень смело и благородно действовал префект Саллюстий, неоднократно обращавшийся к императору, зная, конечно, ответную реакцию, с просьбами освободить арестованных христиан. Атмосфера была такова, что даже давний кумир Юлиана софист Ливаний требовал от него прекращения гонений: «Если христиане думают о богах иначе, нежели ты, в таком случае это заблуждение приносит вред им одним и не должно служить причиной к их преследованию». Но эти просьбы были тщетны, террор в отношении Церкви продолжался и принимал широкие масштабы³²⁷.

В августе 362 г. Юлиан принимает закон, запрещающий христианам обучаться эллинским наукам, поскольку опасался аргументированной и обстоятельной критики, которую вожди христиан, воспитанные на греческой философии, высказывали против столь любимых им культов³²⁸. Мотив принятия такого закона ясен — для Отступника христиане всегда ассоциировались с чернью, которую он искренне не любил. Он считал, что если кто-то хочет оставаться христианином в ущерб разуму, то пусть питается той духовной пищей, какая и потребна для таких «неучей». Попутно другим эдиктом Юлиан запретил христианам преподавать в школах, вследствие чего *все* христианские школы были вскоре закрыты³²⁹.

Как полководец, Юлиан волновался относительно настроений армии. После многих удачных походов солдаты любили его, но далеко не все горели желанием немедленно отказаться от Христа в угоду царю. Тогда Юлиан пошел на нестандартный шаг — в день выдачи денежного довольствия легионерам он сам приходил к ним и требовал, чтобы, получив деньги из рук императора, солдат бросал щепотку фимиама на жертвенный алтарь. Многие, надо признать, без дальней мысли шли на это, не очень раздумывая над последствиями, другие сознательно отрекались от Спасителя, наконец, находились мученики, не пожелавшие пройти эту унижительную для христианина процедуру. Таких солдат Юлиан обыкновенно не щадил, предавая их казни за *нарушение воин-*

ской дисциплины (!). Для остальных в это время устраивались богатые пиршества, носившие часто религиозный характер³³⁰.

Такими мерами Юлиану удалось склонить в язычество большую часть войска. Но многие военачальники продолжали сохранять верность своей вере, часть из них пошла на эшафот, других Юлиан сослал в дальние провинции. Среди пострадавших, к слову сказать, оказались три будущих императора Рима — Иовиан, Валентин и Валент. Последних двоих Юлиан сослал, пощадив одного Иовиана, которого взял с собой в Персидский поход³³¹. Казням и издевательствам, казалось, не будет конца...

Глава 3. Персидский поход

Пробыв более полугода в Константинополе, в 362 г. Юлиан переехал в Антиохию, которая, впервые увидав нового царя, радостно приветствовала его. Но, прячась за свою улыбку, василевс продолжал уничтожать всех, кто не переметнулся от Констанция к нему в недавние месяцы противостояния и сохранил хотя бы остатки честности и верности слову. Нотарий Гауденций и викарий Африки Юлиан были привезены в Антиохию в оковах и преданы казни. Вслед за ними был убит бывший дукс Египта Артемий, после был казнен сын магистра конницы и пехоты Марцелла. Подстрекаемые агентами царя, александрийцы убили епископа Георгия, а сам Юлиан отправил в ссылку трибунов Романа и Винценция. Вместе с другими были убиты начальник монетного двора Драконций и комит Диодор, которых толпа волокла по улицам, связав ноги жертвам веревками. Юлиан сделал вид, что все эти события разгневали его, и даже издал указ о недопустимости подобных злодеяний. Но никто из самоуправцев не был привлечен к ответственности³³². По свидетельству же св. Григория Богослова, помимо открытых процессов были и *негласные*, вследствие чего многие другие верные чиновники Констанция также были тайно казнены слугами Юлиана.

Надо сказать, тирану очень повезло с моментом получения державы. В народе он был любим, что связывалось с его мягкими манерами и показной справедливостью³³³. Популярными меры по снижению налогового бремени еще более расположили к нему рядовых римлян. Посещая сенат, он восстанавливал старые административные порядки, устраняя излишнюю централизацию государственного управления. Сторонники из языческой партии также немало делали для повыше-

ния его авторитета. Но, главное, его воцарение произошло без тягот гражданской войны, а первые месяцы царствования пришлось на время мира, когда никакие враги не угрожали границам Империи.

Иногда утверждают, что все враги боялись Юлиана и не решались напасть на Римское государство: «Среди чужих племен пошла о нем молва как о государе, выделяющемся своей храбростью, умеренностью, знанием военного дела и всякими достоинствами; распространяясь мало-помалу, она наполнила весь мир. Страх перед его приходом широко распространился среди соседних и далеко живущих народов, и отовсюду скорее обычного съезжались посольства. Народы, жившие за Тигром, и армяне молили его о мире, индийские племена до дивов и серендивов друг перед другом поспешно слали к нему своих старейшин с дарами, на юге мавры сами предлагали себя на службу Римскому государству»³³⁴.

Но, очевидно, это не его заслуга, а результат многолетней работы предшественника, умирившего варваров и нанесшего персам немалый урон. Безусловно, такие оценки — добрая лесть по отношению к погибшему Отступнику со стороны его горячего почитателя. Особенно впечатляют тезисы Марцеллина о достоинствах царя, которые стали известны «всему миру». Заметим также, что, перечисляя склонившие свои головы народы, историк говорит не обо всей Вселенной в римском ее понимании, а исключительно о *восточных народах*, с которыми никогда ранее Юлиан еще не воевал — до последнего дня это было постоянное и тяжелое бремя Констанция. Можно сравнить срок царствования Юлиана — неполных три года, расстояния и средства передвижения, чтобы прийти к несложному выводу о том, что кузнецом мирных и дипломатических побед нового василевса являлся исключительно Констанций. Помимо этого нельзя не добавить, что едва ли кажется вероятным то обстоятельство, что, укрепив пограничные крепости гарнизонами, Юлиан заставил врагов просить мира и отказаться от своих планов по нападению на Империю. Это далеко не те меры, которые могут привести к столь серьезным последствиям.

Сколько бы ни были миролюбиво настроены соседи, Юлиан в скором времени задумал поход на персов. Конечно, этот враг постоянно донимал римские границы, но именно в эту зиму, с 361 на 362 г., серьезных угроз не демонстрировал. Безусловно, императором двигало явно чрезмерное честолюбие. Ему было мало того, что персы остановлены на границе, царю хотелось наглядно продемонстрировать мощь своей веры и собственные исключительные дарования, приумноженные древними богами, победив персов на их собственной территории!

И ранее него блистательные римские полководцы пытались сделать это, но неизменно терпели неудачи. Однако Юлиан, предавшись гаданиям и посоветовавшись с предсказателями, решился на этот опрометчивый и гибельный шаг³³⁵.

Забегая вперед, скажем, что этот злосчастный поход не только стоил ему жизни, привел к едва ли не полной гибели самых боеспособных соединений римской армии и позорному мирному договору. Неудавшаяся авантюра Юлиана открыла западные границы (поскольку войска, защищавшие ее, были отозваны на Восток) для толп варваров, вскоре соблазнившихся легкой добычей, и на несколько десятилетий поставила само существование Римской империи под сомнение.

Царь Шапур был искренне удивлен: узнав о смерти своего давнего врага Констанция, хитрый перс на всякий случай решил заключить с Юлианом мирный договор, направив к нему посольство. Каково же было его изумление, когда Римский август твердо заявил послам, что никогда не согласится вести переговоры о мире среди развалин городов Месопотамии, а после добавил не без презрения: «Нет надобности вести переговоры через послов, так как он я сам решился в скором времени посетить персидский двор»³³⁶.

Задумав столь беспримерный поход в глубь Персии, Юлиан, конечно, пытался заручиться помощью высших сил. Надо сказать, что его первое серьезное решение в качестве царя вызвало серьезную оппозицию со стороны даже ближнего окружения. Сановники пытались вразумить василевса, объясняя, что положение императора на троне не столь надежно, как ему кажется. Юлиан отверг эти своевременные предостережения, но, видимо, в душе своей испытывал неуверенность, граничащую со слабостью и трусостью. Поэтому, желая приободриться, Юлиан устраивал частые жертвоприношения, закалявая одновременно сотню быков, множество другого скота и бесчисленное количество птиц. Жертвенники дымились кровью животных, солдаты, пришедшие с Юлианом на Восток, бесчинствовали, пили и переедались жертвенными животными. Состояние царя живо иллюстрирует тот факт, что, по словам Марцеллина, каждый умелый пройдоха заявлял себя предсказателем пред лицом императора, и он верил им³³⁷.

Не удовлетворяясь только местными прорицателями, Юлиан послал гонцов в Дельфы, Делос, Додону и к другим прорицателям спросить оракулов, нужно ли ему воевать. Оракулы повелевали начинать войну и обещали победу: «Все мы, боги, готовы теперь нести победные трофеи к реке Зверю (то есть Тигр. — А. В.), а предводительствовать

ими буду я, бурнояростный и могущественный в брани Арей»³³⁸. Увы, боги не помогли «победоносному» царю.

Между тем дела в государстве резко ухудшались. Военные приготовления требовали новых расходов, а царь, увлеченный языческими богослужениями, нередко самостоятельно исполняя роль жреца, совершенно не желал заниматься общественными вопросами. Получив донесения, что в Антиохии народ недоволен ростом цен на хлеб, он по примеру брата Галла велел антиохийскому сенату «заморозить» их. Сенаторы возражали, указывая, что по объективным причинам это сделать моментально невозможно, на что царь раздражился и грозил карами. Видимо, желая потренировать на сенаторах свои литературные таланты, он сочинил памфлет «Антиохийская речь, или Враг бороды», где допустил выражения, едва ли совместимые с царским достоинством, и явные преувеличения. В ответ ему пришлось услышать множество неприличных шуток в свой адрес: его называли «обезьяной», «карликом», «прислужником для жертвоприношений». Наиболее обидным для Отступника было то обстоятельство, что софист Ливаний, уроженец Антиохии, лекции которого юношей он посещал в нарушение клятвы Констанцию, совершенно охладел («он — не философ!») к царю и обещал покинуть город, с которым василевс начал невидимую войну. Юлиан мог снести все, что угодно, но только не холодность по отношению к себе со стороны признанных им интеллектуалов, поэтому он чувствовал себя глубоко обиженным.

Народные симпатии — дело переменчивое. Как только жители Антиохии сошлись во мнении, что новый царь едва ли соответствует их представлениям об императоре, так престиж Юлиана упал за опасную черту. Его имя в простонародье связывали со всевозможными бедами, накинувшимися на Империю. Вследствие неурожая голодал Запад и Константинополь, и антиохийцы открыто говорили, что голод идет вслед за Юлианом. К тому же они не желали менять свое вероисповедание, по-прежнему называя себя *христианами*.

Живя в Антиохии, Юлиан с усердием, заслуживавшим лучшего применения, восстанавливал храм Аполлона Дафнийского, ожидая от него столь необходимых ему пророчеств. Оракул, однако, молчал, и находчивые жрецы объяснили это тем, что рядом-де находятся мощи священномученика Вавилы, помещенные, кстати сказать, цезарем Галлом в этом христианском храме. Юлиан повелел отнести их на прежнее место в Антиохию, но жители города устроили форменный протест. В многотысячной процессии все христиане Антиохии, а также многие из соседних поселений прошли с мощами мученика 40 стадий,

оглашая во время всего пути воздух пением псалмов и чтением молитв. Юлиан в гневе приказал Антиохийскому префекту Саллюстию, уже не раз спасавшему христиан, найти зачинщиков этого мероприятия. Хотя Саллюстий и был язычником, но очень избирательно исполнил поручение Отступника. Никто не был казнен, хотя некоторые христиане были задержаны под арест. Попутно Саллюстий делал настоячивые представления Юлиану об освобождении задержанных лиц и требовал прекращения судебного процесса в отношении них. Каким-то образом ему удалось убедить Юлиана, и намечавшиеся казни были отменены³³⁹. Но для самого Отступника это было первое серьезное и публичное поражение.

В довершение всех бед 22 октября 362 г. огромный храм Аполлона Дафнийского внезапно был уничтожен пожаром. Рассвирепевший Юлиан тут же велел закрыть самый большой христианский храм в Антиохии, полагая, конечно ошибочно, будто этот пожар — их рук дело³⁴⁰.

Не найдя утешения во внутренней политике, Отступник посчитал, что самое время поддержать свой стремительно таявший авторитет удачными военными действиями вовне Империи, совершив нечто, достойное пера великих летописцев. Фронда, устроенная ему антиохийцами, лишь подтолкнула его к решительным действиям. Стянув войска от западных границ к Антиохии, царь решил весной начать так тщательно задумываемую им войну с Персией.

Собираясь в поход на Шапура, Юлиан получил немало предложений от соседних варваров, всегда нацеленных на добычу, стать его союзниками, но всем им ответил отказом. Единственное исключение (и ошибочное) было сделано для Армянского царя Арсака, которому Юлиан велел со своим войском выступить в тот пункт, который ему будет указан позднее. 5 марта 363 г. он наконец во главе своей армии двинулся в путь.

Антиохийцы толпами провожали Юлиана в дорогу, а он, все еще гневаясь на них, раздраженно прокричал, что больше никогда не вернется в столь нелюбимый им город — скоро всем предстоит убедиться в правдивости этих слов. Настроение его было плохим — повсеместно ему чудились знаки грядущей беды: из Рима пришло сообщение, будто жрецы, обратившиеся к Сивиллиным книгам, не рекомендовали пересекать границу с Персией. Вступив через несколько дней с войском в Гиерополь (нынешний Мембежд), Юлиан едва не погиб под обломками обрушившегося левого портика ворот, но оказались раздавленными балками и камнями 50 солдат.

Перейдя Евфрат, Отступник прибыл в город Батны, где по его приказу еще ранее собрались фуражиры с припасами для легионеров. Внезапно одна из скирд пшеницы разорвалась и засыпала несколько десятков человек. В городе Карры Юлиан решил дать несколько дней отдыха солдатам, но и здесь ночами его тревожили недобрые сновидения. 19 марта, когда царь собирался выступить, было получено известие о пожаре, разрушившем храм Аполлона Палатинского в Риме³⁴¹. Прискакавшие разведчики также доложили, что неприятельский авангард внезапно перешел границу и угнал добычу римлян. В этой связи царю ничего не оставалось, как выделить часть армии на охрану границы по-над Тигром.

Правда, военачальник Прокопий, командовавший этим соединением, получил приказ переправиться на другой берег великой реки и опустошать плодородные земли Мидии, выйдя впоследствии на соединение с царем к крепости Ктесифон. Ему в помощники василевс выделил армянскую армию во главе с Арсаком. В это же время сам Юлиан с оставшейся армией намеревался скрытно переправиться через Евфрат, обманув, таким образом, персов относительно маршрута своего передвижения.

Что и говорить, план был неплох, отличался тонким военным расчетом и дерзостью. Но его исполнение в немалой степени зависело от армянских отрядов, возглавляемых царем Арсаком, и Прокопия. К сожалению, скоро выяснилось, что выбор союзника был неудачен — армянин был христианином и не испытывал никаких симпатий к Юлиану. Кроме того, римлянин так унижительно обращался с Армянским государем, что тот вскоре более думал о том, как бы быстрее избавиться от опасного соседа³⁴². А доверенный военачальник Юлиана Прокопий постоянно сбивался с пути, не зная, идти ли ему самостоятельно на соединение с царем или попытаться повлиять на Арсака.

Несмотря на все препятствия, 27 марта 363 г. все же Юлиан дошел до переправы реки Евфрат близ города Каллиник (нынешний Ракка), где ему предложили свои услуги кочевники-сарацины, как и все варвары, соблазненные грядущей добычей. Зная высокую боеспособность этих воинов, Юлиан принял их отряды в состав римского войска. На реке его уже поджидал весьма многочисленный флот: более 1000 грузовых судов и 50 боевых кораблей. У крепости Керкузий (ныне город Киркисия) армия Юлиана, усиленная отрядами сарацин, переправилась наконец на вражеский берег и через месяц после выступления из Антиохии достигла самой дальней точки римских владений — крепости Цирцезии.

Там царь устроил смотр своим войскам и произнес горячую почувственную речь, очень понравившуюся легионерам. Для поднятия их боевого настроения он повелел также выдать каждому солдату по 130 серебряных монет и осмотрел свои войска. Действительно, это была дисциплинированная и очень сильная армия — под рукой Юлиана находилось 65 тыс. закаленных бойцов, лучшие части римской армии, не считая вспомогательных подразделений из примкнувших варваров, включая элиту элит его войска — галлов, очень любивших Отступника³⁴³.

После того как римляне перешли на вражеский берег, их войско разделилось на три колонны: пехота — главная часть армии под начальством Виктора — двигалась посередине, правая колонна шла параллельно реке Евфрат на виду флота, наконец, третья кавалерийская колонна шла левее под руководством Гормизда и Аринфея. Сам Юлиан во главе небольшого отряда личной стражи непрестанно носился между тремя колоннами своей армии. Надо сказать, что римское войско мужественно переносило и пустынные равнины Месопотамии с их бурями и ураганами, и нападения отрядов легкой кавалерии персов, систематически донимавших их. Наконец, пройдя за две недели почти 400 км, Юлиан с армией подошел к первым городам Ассирии, которые взял после краткого штурма и предал почти полному разгрому. В жарком климате Ассирии Юлиан делал все, чтобы сохранить боевой дух своих легионеров и наравне с ними делил все невзгоды военного пути. Нередко, замечали современники, его пурпурный плащ мелькал среди пеших легионеров и был так же мокр и грязен, как и плащ рядового воина³⁴⁴.

Вскоре на пути римлян встала хорошо укрепленная крепость Перизабор, которую Юлиан не смог взять с ходу. Но после того, как осажденные увидели приготовления римлян, они запросили мира и по взаимной договоренности покинули стены своего города; Юлиану достались очень большие запасы продовольствия. Однако армия уже начала уставать, и ее дисциплина рушилась. На следующий день персы внезапно напали на отдыхающих римлян, убив несколько человек и захватив знамя. Юлиан устроил *децимацию*, т.е. казнил каждого десятого солдата из состава отступивших легионов, и выгнал из армии двух трибунов, а для поднятия духа войска выдал легионерам по 100 серебряных монет. Но войско глухо роптало, не удовлетворяясь уже такой малой наградой за свои труды и лишения. Вновь пришлось обращаться к солдатам с речью, в которой Юлиан обещал либо умереть в этой кампании, либо подчинить Персию Римскому государству³⁴⁵. Солдаты вновь поверили, ободренные его словами.

Вскоре, во время осады сильного города Битра, Юлиану удалось продемонстрировать своим солдатам лучшие качества полководца. Битра имел двойные стены, подступы к городу были закрыты высокими скалами с крутыми обрывами, а гарнизон отклонил любые предложения о сдаче. Два дня шли ожесточенные бои, Юлиан сражался в первых рядах, ободряя бойцов, наконец, под ударами тарана рухнула самая высокая башня крепости и римляне ворвались вовнутрь. Никто из жителей и осажденных персидских воинов не спасся от меча разъяренных римских легионеров. Только начальник гарнизона Надбата вместе со своими 80 телохранителями был взят в плен и милостиво отпущен на свободу царем.

Примечательно, что Юлиан не прельстился ни одной из наложниц, взятых солдатами и предложенных ему в качестве подарка от армии, — желая во всем уподобиться Александру Великому, он не хотел ослаблять себя низкими страстями. Персы, пытавшиеся пробиться на помощь осажденным и укрывшиеся в находившихся поблизости пещерах, были задушены дымом от костров, разожженных легионерами, а попытка сына Персидского царя контратаковать римлян не увенчалась успехом³⁴⁶. Город был уничтожен полностью, а римлянам досталась очень богатая добыча.

Продвигаясь с боями все дальше и дальше, армия Юлиана достигла канала на реке Тигр, именуемого «Царской рекой». Правда, здесь его ждало новое разочарование — римские войска численностью 30 тыс. человек и армянские подразделения, обязанные подойти к Ктесифону своим маршрутом, не выполнили поставленной задачи. Армянский царь совершенно переругался с Прокопием, а тот, не имея достаточных сил, наступал довольно робко и не уложился во временной график. Все же, ободренный предыдущими победами, Юлиан решился штурмом захватить плацдарм на другом берегу «Царской реки». Хотя почти все командиры частей пытались удержать Юлиана, тот велел посадить по 80 солдат на 5 грузовых судна и направил их на прорыв обороны. Опять, как и прежде, Юлиан был впереди войска, сражаясь в передовых линиях. И хотя обороняли канал тяжеловооруженные персидские всадники, римляне, переплывая на судах и щитах реку, ворвались в расположение противника и одержали решительную победу. Персов погибло более 2,5 тыс. человек, потери римлян не превосходили 70 солдат — удивительная удача! Счастливый Юлиан тут же распорядился приготовить 10 быков для принесения в жертву Марсу Мстителю, но 9 быков почему-то пали, не дождавшись церемонии, а десятый оборвал цепь и убежал. Вzbешенный Юлиан поклялся больше никогда не при-

носить Марсу жертв, он даже не представлял, насколько был близок к истине на этот раз³⁴⁷.

Наконец-то перед римлянами был сам Ктесифон — цель всего похода, складывавшегося в целом удачно. Но здесь Отступник сделал роковой шаг, полностью изменивший стратегию похода. Обеспокоенный отсутствием подкреплений, но уверенный в собственном военном счастье, Юлиан повелел сжечь все корабли, которые до сих пор следовали с ним в походе, желая, по словам его соратника, показать всем, что обратного пути у римлян уже нет. Кроме того, он остро нуждался в 20 тыс. легионеров, охранявших суда на реке. Персидский царь Шапур, несколько удрученный ходом военных событий, решил на мирные переговоры, он был готов уступить почти все провинции, которыми во время этой кампании овладели римляне. Но тут в Юлиане разыгралась гордыня: он вспомнил, с каким пренебрежением персидские войска отказывались сдать свои города, советуя вызвать на бой с ними *настоящего* полководца, и оборвал все надежды на мирный договор³⁴⁸.

Конечно, это было очень несвоевременно — вместе с флотом были уничтожены запасы продовольствия, которых осталось не более чем на 20 дней, а богатая местность, которую римляне решили пограбить, внезапно сделалась пустынной: жители подожгли траву и посевы. В тщетных попытках найти хоть какое-то продовольствие и фураж, римские отряды легкой кавалерии рыскали по окрестностям, но там их поджидали персы, убивавшие отставших солдат. Созвали военный совет, на котором долго решали, каким путем римлянам следует уходить, и после долгих раздумий остановились на маршруте в направлении Хилиокомом — Кордуэн.

Армия снялась со стоянки 16 июня, когда внезапно перед собой они увидели столб пыли — это оказались персы. В ближайшие два дня римлянам пришлось выдержать два чрезвычайно ожесточенных боя, и хотя они победили, а персы потеряли немало тяжеловооруженных воинов и военачальников, часть римских подразделений уже «праздновали труса», чего раньше не случалось. Разгневанный Юлиан разжалоуал их командиров и приказал сломать копья всем изобличенным в бегстве (крайнее унижение для римских солдат), но дисциплина в его армии стремительно падала³⁴⁹.

Войска Юлиана прошли еще 12 км, персы по-прежнему постоянно беспокоили римское войско, налетая отрядами конных лучников на отставшие группы легионеров. Последней победой Юлиана стала битва при Маронге. Персы в тесном строю чрезвычайно искусно напали на римлян, но всюду терпели неудачу. После очень кровопролитного

сражения враги, ведомые сыновьями царя и множеством знати, отступили. Победа была полной, но тут в дело все настойчивее стали вмешиваться два серьезных фактора — время и территория. Персы имели возможность получать подкрепления, а силы римлян таяли. Кроме того, верные легионы с Запада не могли переносить восточной жары, которая в июне уже была ужасной.

После 3-дневного перемирия Юлиан продолжил отступление. Персы постоянно нападали на римлян, страдавших помимо жары еще и от голода. Юлиан из последних сил пытался восстановить боевой дух солдат, он метался из арьергарда в авангард, попутно отбивая многочисленные атаки персов. На этот раз персы привлекли даже боевых слонов, которых римляне очень боялись, хотя и имели большой опыт противодействия им.

Телохранители пытались удержать царя, но однажды он, позабыв даже надеть доспехи, ринулся на врага. И в эту минуту его настигло вражеское копье, пробившее ему ребро и застрявшее в печени. Пытаясь вытащить его, Юлиан порезал сухожилия на руках и весь в крови был отнесен своими воинами в лагерь. Но и теперь он проявил редкие качества духа — отталкивая телохранителей руками, Юлиан требовал коня, желая вновь вернуться в битву. Его поведение благоприятно повлияло на армию: римляне неустрасливо бросились на персов и заставили тех отступить. Со стороны персов помимо рядовых воинов пало более 50 знатных вельмож и два главных военачальника — Мерена и Ногодар. Правда, победа досталась дорогой ценой — помимо Юлиана были убиты многие римские военачальники, а часть армии оказалась отрезанной от остальных сил. Так, погиб магистр оффиций Анатолий, а известный своей защитой христиан Саллюстий едва спасся от смерти: его прикрыли собой советник Фосфорий и какой-то неизвестный по имени солдат. Лишь спустя несколько дней остатки рассеянных легионов сумели наконец соединиться с основными силами.

Лежа в палатке, Юлиан беседовал со своими подчиненными, пытаясь даже в последние минуты жизни донести им свои мечты и поднять угасающий дух армии. Но его рана стала обильно кровоточить, и он, испив холодной воды, испустил свой дух 26 июня 363 г., на 32-м году жизни, не процарствовав и трех лет³⁵⁰. Говорят, перед смертью Юлиан воскликнул: «Ты победил, Галилеянин!»

Вместе с ним прекратила свое существование и династия св. Константина. Одаренный военачальник и интеллектual, впитавший в себя лучшие черты лиц из дома св. Константина, аскет и философ, доблестный солдат и тонкий администратор, Юлиан все перечеркнул своим

опасным увлечением языческими культами и способностью платить любую цену за славу и торжество собственного имени. Предав смерти многих праведников, разрушая повсеместно христианские храмы, накладывая руку на церковное имущество, дойдя в своем бессилии до крайней степени гнева, почти *физически* ощущая собственное бессилие перед Христом, Юлиан для всех потомков остался *Отступником* перед Богом, Которому некогда присягал и служил.

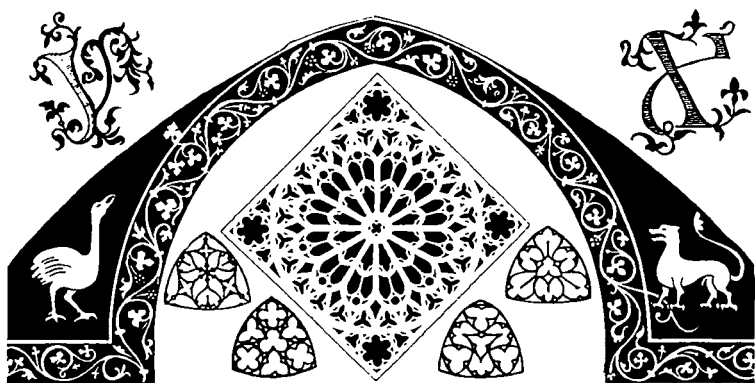
Набальзамированное тело Юлиана было переправлено для погребения в окрестности города Тарса, как распорядился сам василевс еще при жизни. Примечательная аналогия — если чуть более двух лет назад тело благочестивого Констанция сопровождал к месту упокоения будущий православный император Иовиан, то труп Юлиана находился в пути под охраной узурпатора, каким он предстанет в самое ближайшее время, самозванца и хронического неудачника Прокопия, его любимца³⁵¹.

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

IV. ИОВИАН (363—364), КРАТКОЕ ЦАРСТВОВАНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ИМПЕРАТОРА

После провала авантюры и смерти Юлиана положение римской армии в Персии стало катастрофическим — «не было времени для стенания и слез», говорит историк, участник этой кампании. Почти без продовольствия, не имея подкреплений, потерявшая многих известных и опытных военачальников и воинов, римская армия отступала без каких-либо шансов достойно завершить начатую Отступником войну. Естественно, первым делом нужно было выбрать нового вождя, который в силу обстоятельств автоматически должен был быть признан императором.

На рассвете 27 июня 363 г., когда персы рассеялись вокруг римского лагеря, оставшиеся в живых командиры легионов предложили начать выборы. Мнения, как это нередко бывает, разделились: некоторые (Аринфей, Виктор и другие), состоявшие ранее в придворном штате Констанция, предлагали своего кандидата, галлы предлагали одного из своих соратников. После долгих споров все сошлись на кандидатуре доблестного и благородного Саллюстия, но тот категорически отказался, ссылаясь на свою старость и болезни. Тогда, как это часто случается, была избрана нейтральная фигура одного из воинских начальников — **Иовиана**³⁵².

К сожалению, о новом императоре осталось немного сведений. Он был довольно молод, едва перейдя 30-летний рубеж. Родился в известной римской семье — отец его комит Варрониан только накануне избрания сына на престол оставил свою должность и удалился на покой. Это был голубоглазый молодой человек очень высокого роста,

хотя немного сутуловат, осанку имел благородную, а движения его отличались достоинством³⁵³. Поговаривали, что он любил сытно поесть, впрочем, как и все солдаты, был очень осторожен и доброжелателен. Святитель Григорий Богослов отмечает следующие качества нового царя: «Он был муж знаменитый и по достоинству, и по благочестию, и по наружности, истинно достойный властителя»³⁵⁴.

Известно, что он был христианином, и буквально перед Персидским походом Юлиан едва не отправил его в ссылку за *отказ отречься от Христа*, но потом передумал. По-видимому, это очевидное свидетельство высокого признания его воинских талантов, — хотя Юлиан не любил христиан, но оставить армию накануне войны без полководцев он не решился. Очевидно также, что военные действия и характер участия в них Иовиана подтвердили эту оценку, иначе ни при каких обстоятельствах армия не доверилась бы бесталанному в военном отношении человеку.

Рассказывают, что когда Иовиану довели решение армии об избрании его императором, он отказался, ссылаясь на то, что не может управлять солдатами-язычниками. В ответ вся армия воскликнула, что среди них нет язычников, что все легионеры — христиане. Эта история хорошо характеризует религиозное состояние римского общества середины VI в. — для широкой народной массы переход от язычества к христианству был едва ли сложен и еще мало отличим; повсеместно наблюдаются сцены, когда христиане принимали участие в языческих мистериях, и наоборот.

Надо полагать, его скромность в личной жизни мало сочеталась с поведением во время боя — его подвиги были известны всей армии, поэтому-то решение военного совета было столь единодушным. Когда Иовиана облекли в царские одежды, которые долго пришлось искать в связи с высоким ростом императора, легионы радостно встретили его криком: «Иовиан Август!»

Тяжелейшее бремя легко на плечи нового царя. Да, персы до сих пор терпели неприятные поражения, но сейчас диспозиция изменилась. Поразмыслив, Иовиан решился атаковать персов. Для успокоения войска была принесена и языческая жертва, также посулившая им успех. В это время один из недавних подчиненных Иовиана, ненавидевший его, перебежал к Шапуру и сообщил тому радостную весть о кончине Юлиана. Естественно, Персидский царь, посчитавший дело законченным, немедленно дал приказ наступать на римлян. Но Иовиан показал себя блестящим полководцем — персов отбили с большими потерями для них, те даже потеряли нескольких боевых слонов и мно-

жество тяжеловооруженных всадников. На следующий день бой продолжился: персы осыпали римский лагерь снарядами из метательных орудий, опять пустили слонов и конницу, которая едва не пробилась до самой палатки императора, но в конце концов персы были отбиты с большими потерями³⁵⁵.

Однако и римляне испытывали крайнюю нужду во всем. Продовольствие почти закончилось, множество раненых и убитых безмерно ослабило армию, участились случаи дезертирства, и, в довершение неприятностей, арабы-сарацины оставили римское войско и даже попытались уничтожить некоторые отставшие части. Это был «подарок» Отступника с того света: незадолго перед этим он запретил выдавать сарацинам жалование, ссылаясь на то, что у него есть лишь железо, но нет золота. Конечно, сарацин не удовлетворил такой ответ, и последовала очевидная реакция. Лишь помощь римской легкой кавалерии спасла этих солдат от безусловной гибели. В любом случае римская армия осталась без сильного союзника и еще более уменьшилась в численности.

1 июля 363 г. армия, постоянно преследуемая персами, подошла к городу Дура, где враги продержали ее в обороне целых четыре дня. Войско *паниковало*, среди солдат распространился слух, будто границы Империи уже близки, и часть солдат потребовала от царя разрешения переправиться через реку Тигр, хотя на том берегу мелькали вражеские отряды. Поскольку возбуждение становилось всеобщим, Иовиан разрешил галльским и германским legionарам числом 500 человек вплавь переплыть водную преграду, что и было сделано. Смелчаки опрокинули персов и дали возможность инженерам соорудить мосты.

Увы, доблесть и подвиги оказались напрасными — стремительное течение Тигра не позволило наладить постоянную переправу, и римляне остались на вражеском берегу совершенно без продовольствия, почти без лошадей и шансов на спасение. Мучимые голодом солдаты искали смерти от вражеского меча, но не находили ее. Впрочем, и персам война надоела: они потеряли множество воинов, невероятное число слонов и убедились в боеспособности римской армии. К тому же Шапура очень беспокоила армия Прокопия, маневрировавшая неподалеку в Месопотамии. Так или иначе, но уже через несколько дней в римский лагерь прибыли персидские послы, предложившие начать мирные переговоры.

Условия мирного договора были крайне тяжелы и унижительны для Римской империи: Шапур давал разрешение на беспрепятственный проход армии до границы при условии возврата ему 5 провинций

за Тигром с 15 крепостями, а также городов Нисибис, Сингара и Кастра Маврурум. Кроме этого, персы взяли с римлян слово не помогать Армянскому царю Арсаку, который был вскоре разбит персидской армией и взят в плен. Конечно, такие условия не прибавляли авторитета новому государю, но над ним уже витала тень измены в лице Прокопия, питавшего собственные мечты о престоле³⁵⁶.

Хотя римлянам и дали уйти, но войско страдало от голода и жажды, и многие легионеры погибли в пути, а также при переправе. Коварные персы даже пытались наладить параллельную переправу, чтобы быстрее занять римские города, но, узнав, что их заметили, прекратили свои попытки. Наконец, после шести дней пути римского войска у крепости Ур навстречу Иовиану вышли соединения трибуна Маврикия, привезшего с собой сбереженный провиант. Отсюда Иовиан направил гонцов в Илирик и Галлию с известием о смерти Юлиана и о собственном воцарении, а также в Сирмию к своему тестю Луциллиану с дипломом о назначении того магистром пехоты и конницы и приказом отправиться в Медиолан для обеспечения порядка и недопущения государственных переворотов. Кроме этого, посланцам императора было поручено сообщать повсюду о победах римлян в Персии, чтобы панические слухи не опередили армию.

Пока шли указанные приготовления, армия страдала невероятно — остатки доставленного продовольствия уже давно закончились, и от людоедства солдат спасли последние лошади, которых пустили на прокорм легионерам. Возле крепости Нисибис — римского ключа Востока Иовиан устроил армии дневку. Жители очень надеялись, что император не отдаст их город персам, но договор есть договор. Сюда же подошли Прокопий с войсками, предназначенными для охраны Месопотамии. Практически на глазах Иовиана персам был передан город, и жители, стена и рыдая, покидали его, не веря в это. После водружения персидского знамени на стенах Нисибиса римская армия отправилась в Антиохию³⁵⁷. Прокопия же с трупом Юлиана император отправил в Тарс. Вскоре выяснилось, что его тревоги и подозрения не лишены оснований — Прокопий объявился в Константинополе в пурпурной мантии царя, заявляя собственные права на императорскую диадему.

По дороге в Тиану Иоавиан встретил гонцов, доставивших ему тревожные известия. Оказывается, посланник императора Луциллиан, направленный им на Рейн, был принят солдатами как самозванец и погиб от их рук. Легионеры не желали поверить в смерть Юлиана. Ситуацию спас один из офицеров по имени *Валентиниан* — с ним мы встретимся в следующей главе, сумевший вначале избежать смерти от

рук солдатни, а затем успокоивший ее и восстановивший порядок в полках. Теперь, когда все встало на свои места, легионеры поспешили принести присягу в верности новому императору, а Валентиниан получил в качестве награды когарту царских телохранителей³⁵⁸.

Затем произошло очень важное событие — впервые за последние три года над римским войском взвился *лаборум*, знамя св. Константина. Твердый в своей вере, Иовиан вновь повернул Империю к Христу, уведомив на своем пути в Антиохию всех губернаторов провинций об отмене антихристианских эдиктов Отступника и возвращая всех православных, сосланных ранее своим предшественником. Иовиан опасался, что языческая партия предпримет все, лишь бы только не допустить его к власти. Каково же было его приятное изумление, когда выяснилось, что *вся* Римская империя признала власть христианского государя и что его превентивные меры предосторожности оказались даже излишними. Безусловно, немаловажную роль здесь сыграло то обстоятельство, что новый император *открыто* признал себя христианином в циркуляре, разосланном по городам и весям Римской империи³⁵⁹.

Правда, среди церковных партий не было уверенности в том, какую именно из них поддерживает новый царь; поэтому толпы епископов спешили навстречу императору по пути его продвижения, желая произвести на него наилучшее впечатление и выиграть его признательность. Среди страждущих посетителей ставки были, конечно, и ариане, но их ждало разочарование — Иовиан пригласил к себе св. Афанасия Великого и своим распоряжением вернул его на Александрийскую кафедру, которую тот занимал впоследствии еще почти 10 лет. В ответ св. Афанасий предрек ему долгое царствование — к сожалению, как мы вскоре увидим, пророчество не сбылось.

Впрочем, инакомыслящие отнюдь не пострадали, поскольку целью Иовиана было не моментальное разрешение всех догматических споров, а *восстановление* Церкви, только что вернувшейся из языческого плена. Не были ущемлены в правах и язычники: верный курсу святого Константина и его преемников, Иовиан не предпринял в отношении к идолопоклонникам никаких принудительных мер. Как и раньше, были подтверждены запреты на наиболее жуткие, сатанистские обряды, которые не имели широкого распространения среди населения. Эти порядки были оформлены законом, который, к сожалению, до нашего времени не дошел. Но само существование такого акта не подвергается сомнению: очевидно, на него ссылается язычник и философ Фемистий, когда к императору в Дадастан явилась делегация из Константинополя.

«Твоя заботливость и твоя любовь к людям, — сказал оратор, — наружилась при самом начале в попечениях об устройстве религии. Ты один понял, что государь не всегда может действовать принуждением на своих подданных, что есть вещи, которые ускользают от авторитета и силы и так же мало поддаются приказаниям, как и угрозам. Добродетель и особенно уважение к богам и религии принадлежит к числу их. Чтобы они не обратились в пустой наружный знак, необходимо, чтобы государь оставил возможность следовать каждому свободному и вольному побуждению души. Как глава государства, ты объявил законом, что дела религии и почитания божества будут предоставлены свободной воле каждого. Ты следовал примеру Божества, которое вложило во всех людях общую склонность к религии, восхотело, чтобы свобода и воля каждого решали относительно способа почитания Бога. Кто вмешается в это с помощью силы, тот похищает у людей право, дарованное им самим Богом. Я считаю этот закон столь же важным для нас, как и договор, заключенный в Персии: по этому договору мы получили возможность жить в мире с варварами; твой закон дает нам ту выгоду, что мы можем жить между собой без раздоров и смятений»³⁶⁰.

Хотя войско смертельно устало в походе и за последние семь месяцев с боями прошло более 2 тыс. км, Иовиан спешил в Константинополь, дабы окончательно утвердить свое царство. В главном городе провинции Галатии Анкире он принял вместе с малолетним сыном Варроном традиционные консульские регалии, стараясь таким образом обеспечить преемство своего рода. К сожалению, человек только предполагает... Интересно, что во время церемонии ребенок, сидевший на специальном курульном кресле, испугался и горько заплакал, что все присутствующие сочли дурным предзнаменованием. Увы, они не ошиблись в своих прогнозах, а, быть может, уже что-то подозревали³⁶¹.

В городе Дадастан, расположенном посередине между Анкирой и Никеей, 17 февраля 364 г. император Иовиан внезапно скончался на 33-м году жизни. Современники очень сомневались в естественности его смерти, полагая, что императора *отравили* ядом, размешанным с мелом, которым побелили комнату, где он отдыхал³⁶². В этих предположениях нет ничего необычного — среди окружения императора оставалось еще много язычников, желавших взять реванш. Кроме того, не исключено, что таким образом некоторые конкуренты расчищали себе путь к власти. Во всяком случае, всех удивило то обстоятельство, что его тело не было исследовано на предмет определения причины смерти. Хотя бы после смерти, но Иовиан дошел до Константинополя: труп благочестивого императора был похоронен в новой столице в храме Святых Апостолов рядом с телами его знаменитых предшественников.

Приложение №1: «Варвары и Империя»

Пока вся Империя замерла на 10 дней в ожидании нового царя, обратим внимание на то внешнее окружение, в котором пребывало Римское государство в те века, и какие соседи делали быт римлян невозможным, а их ужас — иногда безграничным.

В течение всех наступательных войн Рим сталкивался с народами, находящимися на гораздо менее высоком уровне развития. Обычно их называли *варварами*, вкладывая в это слово совсем другой смысл, чем мы, — просто таким способом обозначались все чужие, *неримляне*. Некогда большую опасность представляли собой *галлы* (или *кельты*), с разрозненными племенами которых римляне столетиями вели войны. Однажды, как известно, галлы едва не захватили столицу Римского государства. Но все же опасность в скором времени стали представлять не они, а *германцы*, обитавшие на Северо-востоке Европы. Являлись ли они выходцами из Азии или исконно европейским народом, как спорят историки, — имеет второстепенное значение для нашего изложения. Важно то, что они были вечными врагами Рима и вели с ним постоянные войны.

Германцы не были одним конкретным племенем, а представляли собой бесчисленное множество различных родов, имевших общее происхождение, язык и религию. Более того, как полагают, сам термин «германцы» явился изобретением римлян, а сами германские племена имели собственные наименования, которым несть числа. Прародиной германцев является Северная Европа, откуда они начали свой многовековой поход на Юг. Обычно всех германцев делят на три группы: северо-германские племена, западно-германские и восточно-германские.

Северные германцы проживали в Скандинавии, и самыми сильными из них являлись племена *датчан*, *шведов*, *норвежцев*, *исландцев*. Восточные германцы, вышедшие из Скандинавии и полуострова Ютланд к берегам Одера и Вислы, выделялись племенами *готов*, *гепидов*, *вандалов*, *бургунов*, *герулов* и *ругов*.

Самая значительная ветвь германской народности, западные германцы, насчитывала множество племен, из которых наиболее заметными были *батавы*, *маттиаки*, *хаты*, *тенктеры*, *бруктеры*, *хамавы*, *хасуари*, *хаттуари*, *убии* и другие. Вторая ветвь западногерманцев, культовый союз *ингвеонов*, включала в себя племена *саксов*, *англов*, *фризов*, *хавки*, *варнов*, *ампсиварий*.

Третья часть западногерманцев, объединенная культом герминов, вобрала в себя племена *свевов*, *лангобардов*, *квадов*, *семнонов* и *гермундиоров*.

Как полагают, общая численность всех германских племен в I в. составляла не менее 3 млн человек, возможно, даже доходила до 4 млн. Впоследствии, вследствие естественной убыли воинов при военных столкновениях и от болезней, сопутствующих длительным походам, общая численность несколько уменьшилась³⁶³.

Очарованные римским богатством, варвары легко переходили едва различимые границы, устанавливаемые, как правило, по границам рек Рейн и Дунай, и зачастую гибли в боях с закаленными легионами. Как полагают, первые столкновения римлян с германцами произошли в 120 г. до Р.Х., когда *тевтоны* совместно с *кимерами* и *амбронами* продвинулись на Юг со стороны нижнего течения Эльбы. В 113 г. до Р.Х. они разбили римлян при Норее в Норике и вторглись в Галлию. Но вскоре, в 102—101 гг. до Р.Х., потерпели сокрушительное поражение от *кельтиберов* на границе с Испанией и от римского полководца Гая Мария при Аквах Секстиевых, в Провансе. Аналогично развивались события и для кимвров в битве при Верцеллах в 101 г. до Р.Х. Следующее наступление было связано с именем *свевов*, которые попытались объединить вокруг себя все германские племена и завоевать Галлию, — умея обрабатывать лишь *легкие* поля, германцы постоянно нуждались в новых сельскохозяйственных площадях, и плодородная Галлия им очень нравилась.

Под командованием конунга Ареовисты они попытались закрепиться в Восточной Галлии, но в 58 г. до Р.Х. были разбиты Юлием Цезарем. После этого великолепный Рим начнет завоевательные, наступательные войны против германцев, опасаясь — и справедливо! — процесса образования различных союзов в станах свои врагов. Тактические успехи были на стороне римлян, но стратегически они проигрывали противостояние, не замечая, как германцы все более и более сплачиваются вокруг границ Римского государства³⁶⁴.

Римляне не смогли остановить проникновение германцев на свои территории. Очень часто пленные германцы переселялись на римские территории и даже пополняли собой легионы, получая название «*socii*», «*hospites*» или «*foederati*». Например, первый Римский император *Август Октавиан* (27—14 гг. до Р.Х.) переселил целое племя *торингов*, а при императоре *Тибериусе* (41—54) в провинциях осело 40 тыс. *сикамбров*. Правда, не обходилось без эксцессов: в 69—70 гг. Юлий Цивилис возглавил мятеж племени *батавов*, охвативший район Самбры, Шель-

ды, Мааса, Рейна вплоть до Эмса. Батавов быстро разгромили, но вовсе не отказали в праве воевать в римской армии. Высокие и белокурые атлеты, батавы очень ценились как солдаты, и именно из них формировалась императорская гвардия. После того как император *Каракалла* (211—217) сделал всех свободных подданных Империи, включая варваров-переселенцев, римскими гражданами, влияние германского элемента в армии резко усилилось³⁶⁵.

Для защиты своих территорий римляне тратили поистине громадные силы и ресурсы. На берегах рек Рейн и Дунай располагались постоянным лагерем 100 тыс. регулярных и иррегулярных войск, разделенных на два корпуса. После построения знаменитого пограничного вала от Кельгейма до Кобленца, ввиду постепенного истощения сил Рима, численность войска была уменьшена до 50 тыс. солдат. Построенный позднее императором *Траяном* (98—117) вал длиной около 500 км извилисто тянулся от Рейна до Дуная и вплоть до конца III в. обеспечивал относительную безопасность границ³⁶⁶.

Это относительное равновесие было нарушено в начале I в. В 9 г. римское войско под командованием не очень умелого полководца Квинтилия Вара потерпело страшное поражение от германцев в Тевтобургском лесу; три легиона римлян в полном составе нашли свою смерть от германского оружия. В силу вынужденных обстоятельств император Октавиан не посмел продолжить наступление на Север и приказал отвести римские войска за Эльбу, обратно к Рейну. Это был поистине переломный момент в истории человечества³⁶⁷.

Под давлением *готов*, выходцев из Скандинавии, прошедших в течение многих десятилетий путь с севера до берегов Черного моря и вытеснявших всех на своем пути, германцы двинулись на территорию Римской империи. Мир увидел новых, еще неизвестных ранее участников цивилизационного процесса. Восточно-германские племена уже издавна существовали на территории от Южной Швеции и Балтийского моря до Рейна и Силезии, медленно кочуя на этих покрытых лесами просторах. Их попытки пройти к границам Римской империи успешно пресекали западногерманские племена, поэтому готы, оставив Рим в покое, передвинулись на территорию современной Пруссии и России, сделав их ареалами своего обитания около середины II в. Затем готы двинулись с низовья Вислы на Юго-Восток, к Черному морю, а проживавшие неподалеку *бургуны* — на Юго-Запад.

В 214 г. готы впервые появились на северном берегу Черного моря и вступили в короткие схватки с римлянами, пытаясь продвинуться по направлению к Дунаю. Они покорили местные народы и вместе с ними совершали дерзкие вылазки на азиатские города Черного моря.

Это движение вызвало известные *Маркоманские войны*, длившиеся со 166 по 180 г.³⁶⁸ Точнее говоря, велась эта война против Рима не одними только *маркоманами*, но к ним присоединились *квады*, жившие в Богемии, Моравии и Верхней Силезии, *гермундуры*, *буры*, *виктогалы*, *вандалы* и даже негерманские племена, например *язиги* из Сарматии. Нельзя сказать, что варварам удалось создать какой-то прочный союз — как показывает история, отдельные нападавшие племена легко переходили на сторону римлян, если те обещали выделить им земли для поселений, сражались друг с другом и т.п.

Но в первый период войны маркоманы со своими союзниками разорили провинции Норик, Рецию, Паннонию, Иллирик, дошли до нынешней Венеции и осадили Аквитанию. Достаточно сказать, что при заключении промежуточного мира они вернули 20 тыс. пленных римлян — ничего подобного Империя до сих пор не знала. Только после многочисленных сражений императоры *Марк Аврелий* (161—180) и его сын *Комод* (180—192) смогли заключить мирный договор с варварами, согласно которому им разрешалось селиться близ северного берега Дуная на пограничных с римлянами территориях, хотя и с некоторыми ограничениями³⁶⁹.

Война с маркоманами невольно затронула и лангобардов, а вместе с ними и *вандалов*, проживавших на юго-западе Скандинавии и в Ютландии. Они пересекли Балтийское море и осели на Нижней Эльбе, а затем двинулись по течению Одера. Вандалы делились на два племени: *асдингов* и *силлингов*. В 171 г. они получили разрешение императора поселиться в Дакии. Часть вандалов совместно с пенами костобоков предприняли наступление в Нижнюю Мезию, на Фракию и на Грецию. И хотя эта атака была отбита, угроза сохранялась³⁷⁰.

С каждым годом натиск варваров на римские границы усиливался, причем атаки происходили уже по широкому фронту. В 234 г. алеманы вторглись на территорию Декуманских полей, а карпы и язиги — в область Нижнего Дуная. Но в то время Рим был еще невероятно силен, и в 235 г. император *Максимин Фракиец* (235—238), перейдя границу Рейна, разбил алеманов, а в 236 г. — Сарматов и даков, получив за это титул «Величайший Дакийский» и «Величайший Сарматский» (*Dacicus Maximus, Sarmaticus Maximus*). Однако уже в 238 г. карпы совместно

с язигами перешли границу и продвинулись вплоть до Олбии. В 244 г. алеманы перешли Рейн и разграбили территории современного Эльзаса. В 245 г. в придунайские провинции вторглись квады и карпы, и хотя они были разбиты императором *Филиппом* (244—249), но в 249 г. эта граница была вновь атакована варварами³⁷¹.

Затем появилась мощная *конфедерация франков* — еще одна ветвь германского народа. Как утверждают, они пришли из области Паннонии и первоначально колонизировали земли у берегов Рейна. Дикие идолопоклонники, они затем пересекли Рейн и устроились в Тюрингии, где создали первые подобия городов и выбрали своего короля. Затем в 240 г. франки перешли Рейн, но были разбиты римлянами у Майнца. Римские солдаты напрасно радовались победе и легкомысленно перешли на вражеский берег. Вскоре они попали в засаду, умело организованную варварами, и потерпели поражение. Многие легионеры и офицеры погибли в бою, и лишь незначительные остатки Иовианского легиона сумели пробиться обратно³⁷².

В 264 г. отряд франков большей численности вновь перешел границу, перебрался через Пиренеи и даже достиг Африки. Около 290 г. франки утвердились на острове между двумя устьями Рейна в области романизованных *батавов*³⁷³. Все свои усилия они направили на завоевание Галлии, что им в конце концов и удалось сделать. Но и эта экспансия не носила болезненных черт — франки разделили судьбу остальных германцев, перманентно находившихся в состоянии войны и мира с Римом. Уже с III в. франки служат в римских легионах, приобретая славу храбрых и умелых солдат. Через некоторое время этот союз разделился на две самостоятельные группы: те франки, которые осели по берегу Рейна, стали называться «приречными» или «*ринуанскими*», а те, что дошли до моря и расселились вплоть до побережья Голландии, — «*салическими*» или «приморскими» франками³⁷⁴.

В 257 г. франки вторглись в Испанию и захватили город Тарракон. А в 259 г. алеманы опустошили область современного Клермон-Ферана. В это же время в Рецию вторглись *ютунги* и дошли до самой Италии, захватив большую добычу. В скором времени положение дел на Дунайской границе стало просто катастрофическим: в 250 г. готы вторглись в Мезию и осадили Никополь, а карпы совершили набег на Дакию. Двумя годами позже они заняли Македонию и Ахайю, дошли до Афин и разорили все балканские провинции. В поисках наживы в этом же году их отдельные отряды устремились в Малую Азию и разорили Каппадокию от Эфеса до Пессинунта. В 254 г. *бораны, готы, карпы и уругунды* совершили очередное нападение на Италию и Иллирию, не встретив прак-

тически никакого сопротивления. Нападения продолжались вплоть до 267 г., пока они не потерпели несколько тяжелых поражений от римских армий³⁷⁵.

Встревоженные готским перемещением, остальные германцы продолжали свою медленную экспансию приграничных имперских территорий, постепенно меняя уже знакомый перечень соседей Рима. Рядом с франками, в устье Эльбы, образовался союз *саксов* и *англов*, а к югу между Дунаем и Рейном поместился союз *алеманов*, куда, помимо уже известных германцев, вошли *свейские племена*. Рядом разместились *лангобарды*. Как следствие векового передвижения готов на нижнем Дунае и по берегам Черного моря возник союз готских племен³⁷⁶.

Новая Германия заявила о себе очень активно: франки вторглись в Галлию, алеманы постоянно угрожали Италии, а готы, систематически устраивая сухопутные набеги, нередко доходили до Фракии и даже до Греции. В Шлезвинге и Гольштейне располагались *варны* и *юты*, *ругии* кочевали от берегов Одера по направлению к долине Тисы, *скиры* остановились в Галиции³⁷⁷.

Покой восточных провинций Империи систематически нарушали *исавры*, проживавшие на южном побережье Малой Азии, между Памфилией и Киликией. Это племя слабо поддавалось культуре вследствие своей труднодоступности и издавна стяжало славу разбойников и хабрецов. Уже в I в. римлянам пришлось столкнуться с исаврами, и впоследствии они захватили эту область. Однако трудности колонизации были столь велики, что какое-то время Исаврия переходила от одного правителя к другому; наконец, при императоре *Диоклетиане* (284—305) она была выделена в отдельную административную единицу. Но и к IV в. исавры были далеко не покорены Римом. Они по-прежнему славились как дерзкие, быстрые, невероятно проворные воины, питающиеся грабежами и разбоем, и римские солдаты считали за благо удовлетвориться тем, что загоняли их в родные ущелья, бдительно сторожа выходы из них³⁷⁸.

Вскоре, вследствие варварских набегов, римская колонизация за пределами Империи была практически уничтожена: готы захватили Дакию, и германцы, теснимые ими, громадными толпами устремились в глубь территории государства. Противопоставил этой экспансии Рим немного: его военные силы были уже истощены, поэтому, чередуя отдельные удачные военные походы с поражениями, Римское правительство старалось бороться с варварами уже ставшими традиционными средствами. От них либо откупались, либо предоставляли

захваченные германцами земли для их расселения, сохраняя эти территории в составе Империи и обретая новых, хотя и беспокойных, непокорных, но все же подданных.

Ранее полноправными гражданами Рима считались лишь сами римляне, представители остальных национальностей, если они подчинялись Риму в силу войны, оказывались в положении рабов. Но выработавшееся постепенно *jus gentium* («право народов») сгладило неравенство правового положения этой категории лиц и римлян. Дальше — больше: сама государственная власть предпринимает активные меры по приближению к себе варваров, открывая им двери на военную службу и, следовательно, в элиту Империи. До некоторого времени обретение правового статуса, почти равного статусу римского гражданина, не затрагивало публичных институтов власти. Варвары могли свободно проживать на римских землях, где им было разрешено участвовать в гражданском обороте, их права защищались римским законом, но при этом они никак не влияли на политическую систему Империи и не обретали публичных обязанностей римских граждан, с наличием которых органично была связана политическая карьера.

Это была необычная, но закономерная и естественная картина. Сознание германцев этого времени было еще не столь развито, чтобы думать об образовании самостоятельных государств. Они продолжали жить в форме племенных союзов, и их вполне устраивало такое положение дел: римская власть не вторгалась в вопросы внутренней организации их быта, не претендовала на древние германские правовые и общественные традиции и даже предоставляла целый ряд прав. Если варвар вдруг оказывался вне мест своего нового проживания, он не чувствовал себя в чем-либо обделенным по сравнению с остальными подданными Империи.

Помимо этого, они были очарованы римской культурой и теми благами, которые она им предоставляла. Взамен требовалось совсем немного: варвары были обязаны защищать территории, на которых они расселились, поставлять в римскую армию волонтеров и соблюдать правила соглашения, по которым им дозволялось жить на римской земле. Вопрос о получении политических прав был безынтересен для них, поскольку весь круг их интересов был полностью и целиком сосредоточен на внутриплеменных проблемах.

Уже не отдельные группы пленных варваров, а *целые племена* — пока еще с согласия императоров — становились подданными Рима: при императоре *Галерии* (305—311) на правый берег Дуная переселилось целое племя *карпов*, св. Константин Великий выделил Паннонию

для размещения сарматского племени *ягизов*, а более 300 тыс. готов расселились во Фракии. Вместе с готами право жительства в Паннонии получили также германцы вандальского племени (*вандалы*), первоначально жившие на берегах реки Вислы. При императоре Юлиане-Отступнике франки окончательно завоевали Галлию и получили от императора официальное разрешение на владение этими землями.

Хотя свободные варвары и считались к тому времени почти полноправными гражданами, законом их браки с римлянами были строжайше запрещены, а мерой наказания за это являлась смертная казнь. Нередко полагают, что это была роковая ошибка — варвары вынужденно «варились в собственном котле», не имея возможности ассимилироваться с римскими гражданами. Но, с другой стороны, численное превосходство германцев было уже таким, что при разрешении смешанных браков они легко поглотили бы носителей имперской культуры.

Новое положение дел еще более наглядно сказалось на формировании римской армии. Еще и ранее пленных варваров, сдававшихся без боя, именовали «*dedititii*» — «рабами Империи», иногда вербовали в войска — первому эта мысль пришла в голову императору *Пробу* (276—282). Он набрал первый отряд численностью 600 человек, а его преемники сделали такую практику постоянной. Римская армия переставала быть армией патриотов и становилась *варварской армией*, хотя и хранившей римские традиции и порядки. Сами не желая того, римляне открыли доступ варварам к политической сфере. Становясь начальниками военных отрядов, играя с каждым годом все более заметную роль в деле обеспечения безопасности римских границ от новых толп варваров, германцы начинают участвовать в таких важнейших вопросах, как *выборы императора*.

В отличие от старых республиканских времен христианская Римская империя под влиянием Православия постепенно изменяла свое отношение к варварам. Стараясь примирить свою веру с фактом культурной отсталости варварских народов, византийцы начали называть их «*полуварварами*», распространяя этот термин и на тех римлян, которые забыли цивилизованные привычки и культурно опустились³⁷⁹.

Неизвестно, насколько долго продолжалась бы эта ситуация на границах Империи, но в IV в. она вновь резко обостряется. *Гунны* — союз тюркских племен, извечно кочевавших по берегам Каспийского моря, внезапно пришли в движение направлением на Запад, сметая все на своем пути. Первыми их удар ощутили на себе *аланы*, которые на время после этого просто перестали существовать. Затем интервенции подверглись готы, вынужденные, спасаясь, постепенно уходить на

Юго-Запад, тревожа попадавшие на их пути германские народы, и создавая серьезную опасность Римской империи. На их плечах висели гунны, которым достанется сомнительная слава разрушителей Рима — об этом мы расскажем подробнее в другой части. Вместе с готами в глубь Империи уходили искать спасения — и одновременно грабить — *вандалы*, соединившиеся к тому времени с *аланами*, *гепидами* и *свевами* в один временный союз. Они захватили Галлию, затем, под давлением гуннов, двинулись в Испанию и, перебравшись через Гибралтар, растеклись по Северной Африке³⁸⁰.

Но это печальное событие также произойдет еще нескоро, а в описываемый нами период из всех бродивших по границам Империи варваров наибольшую опасность представляли собой *готы*.

Не обладая первоначально возможностью захватить земли западных германцев, готы медленно подходили к берегам Черного моря, поскольку территория обитания — лесистая и болотистая — не давала возможности прокормить все увеличивающееся по численности готское племя. Около 230 г. готы, осевшие на северном побережье Черного моря, разделились на две группы: *вестготов* и *остготов*. Над первыми властвовал род Балтов, над второй группой — род Амалов. Там готы проживали какое-то время, занимаясь главным образом разбоем и грабежами. Мало-помалу они овладели морским делом и начали заниматься пиратством. Первый морской поход готов традиционно относят к 256 г., когда они попытались высадиться на восточном берегу Черного моря, но были отбиты с тяжелыми потерями близ города Фазис (ныне — Потти). Вслед за этим они штурмом овладели Трапезундом, захватив громадную добычу и почти не встретив сопротивления.

В другой раз, в 269 г., точкой нападения готов было избрано устье Днестра. Морская экспедиция поддерживалась сухопутными войсками, которые были вместе с женами и детьми. Варвары направились к Афонскому полуострову, но были разбиты императором *Клавдием II Готским* (268—270) в Верхней Мезии в 270 г.; погибло около 50 тыс. готов. Однако уже в следующем, 271 г. император *Аврелиан* (270—275), отдавая себе отчет в полной безнадежности борьбы с готами, отдал им Дакию, переставшую быть римской провинцией. После этого почти 100 лет готы жили в относительном мире с Римом, лишь иногда беспокоя приграничные районы своими набегами³⁸¹.

В это же время произошло большое нападение союза германских племен *певкинов*, *грейтунгов*, *австронгов*, *тервингов*, *визов*, *герулов* и *гепидов* на земли в устье Истры. Более 500 варварских судов в 267 г.

направились к Боспору Фракийскому, но потерпели поражение от римлян. Затем потерпел поражение и флот варваров, но они все же продвинулись на Север через Беотию, Эпир и Македонию. Наконец, разбили и их. А в 269 г. новая коалиция племен вторглась в римские земли и произвела опустошение. Поход начался от Днестра через Мезию. Они попытались взять штурмом Томи и Маркианополь и даже произвели нападение на маленький Византий — прообраз будущего Константинополя. Но в конце концов разгромили и их. Вообще, 270 г. стал пиком успеха римлян в войнах с варварами-германцами, хотя уже в 275 г. Рим потерял Дакию, захваченную германцами³⁸².

Как известно, готы не имели своего государства и единого правителя; так, в отдельные периоды времени они насчитывали до четырех королей одновременно. Даже в конце IV в. у них сохраняется многоначалие — короли *Фритигерн* (370—380), *Атанарих* (363—381) и правитель самостоятельного племени *Германрих* (370—375)³⁸³.

После начала смертоносного гуннского нашествия остготы попытались организовать сопротивление, но битва, данная захватчикам в 370 г., закончилась для них катастрофически: они были разбиты, король *Эрменрих* (или *Эрманарих*) (350—375) в отчаянии покончил с собой, а его преемник *Витимир* (375—376) вскоре погиб от гуннского оружия. После этого победоносные гуннские орды распространились по территории нынешней Украины и отбросили деморализованных готов за Днепр³⁸⁴. Некоторая часть остготов предпочла сдаться на милость гуннов, остальные, ведомые юным королем *Видерихом*, оказали гуннам серьезное сопротивление на берегах Днестра. Вестготы также разделились: часть во главе с *Атанарихом* вернулась из Трансильвании на плоскогорье.

Когда гунны подошли к новым границам владений Атанариха, тот попытался вывести против них войско во главе со своими полководцами Мундерихом, Алатеем и Сафрахом. Но хитрым маневром кочевники обошли передовые отряды и внезапно напали на основные силы остготов. Потрясенные поражением, готы попытались еще спасти положение, срочно соорудив защитные укрепления между Дунаем и Прутом; единственное, что спасло их от немедленного и тотального уничтожения, — это то, что гунны были очень обременены добычей и медленно продвигались по направлению к ним. Готы были охвачены паникой и толпами оставляли своего вождя Атанариха. Они устремились к Дунаю под защиту римских крепостей и гарнизонов, на плодородные земли Фракии³⁸⁵.

Другая часть — вестготы Фритигерна также попросили разрешения у императора Констанция поселиться в Империи, и царь сделал этот роковой для себя шаг, разрешив им разместиться на территории провинции Вторая Мезия (нынешняя Восточная Болгария). Таким образом, на границах Римской империи постепенно стали собираться неисчислимые толпы готов, выдавливаемые гуннскими ордами в римские владения.

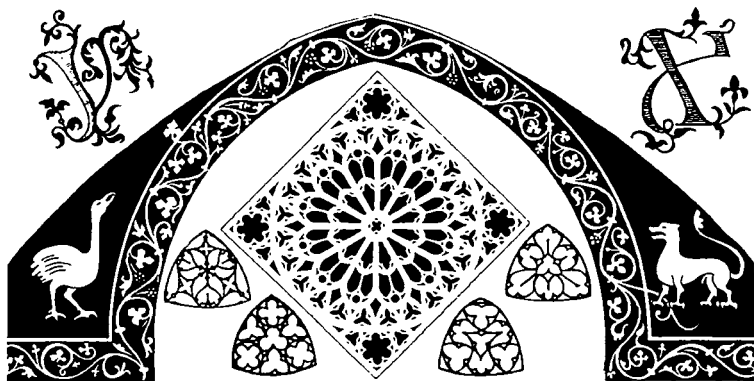
Таковы были новые враги Рима, с которыми пришлось считаться на протяжении следующего столетия и которые вскоре коренным образом изменят портрет Империи и сам ход истории человеческой цивилизации.

ДИНАСТИЯ ВАЛЕНТИНИАНА

У. ВАЛЕНТИНИАН I (364—375), ВАЛЕНТ (364—378), ГРАЦИАН (367—383) И ВАЛЕНТИНИАН II (375—392)

Глава 1. Эпоха четырех императоров

Конец царственной династии святого императора Константина ознаменовался возвратом от единоначалия к многоцарствию, когда вновь власть в Римском государстве оказалась разделенной между несколькими государями. Вообще, эта «эпоха четырех императоров» чрезвычайно интересна. По одному справедливому замечанию, в некоторые времена история народов представляет удивительное зрелище. «Она или воспроизводит — то в ослабленном, то в преувеличенном виде — черты прежних событий или исчезнувших личностей. Или представляет как-бы неопределенные очертания новых обстоятельств и будущих героев. Кажется, что так именно было в те царствования, которые следовали за Юлиановым. Валентиниан имеет некоторое подобие Константина, Валент повторяет в преувеличенном виде промахи Констанция, Грациан предвещает Феодосия и подготавливает ту перемену, которая произойдет при том последнем государе в отношениях государства к двум соперничавшим религиям»³⁸⁶. Впрочем, нам предоставляется возможность самим убедиться в справедливости этого тезиса...

После неожиданной смерти Иовиана Римская империя на 10 дней оставалась без императора. Армия и двор расположились в Никее, где

на очередном военном совете вновь решался вопрос о преемнике. Малютку Варрона, сына Иовиана, никто, конечно, не рассматривал в этом качестве: Римской империи был нужен полководец и государственный муж, способный поставить ее с коленей на ноги. Вначале предложили кандидатуру некоего Эквиция, трибуна первой схолы skutариев (первого взвода телохранителей), но она была отвергнута большинством собрания. Затем была отклонена фигура родственника покойного царя Януария, провиантмейстера, поскольку тот находился очень далеко от ставки и не мог прибыть на совет.

Наконец, «по внушению Бога», как указывает современник тех событий, 22 февраля 364 г. императором был избран **Валентиниан I**, трибун второй схолы skutариев (второго взвода телохранителей), находившийся неподалеку в Анкире. Его избрание не вызвало ничего возражения, более того, этот выбор был одобрен самим Саллюстием. Гонцы помчались к Валентиниану с общей просьбой принять в свои руки управление державой. Но тот, встревоженный неблагоприятными астрологическими приметами (это был високосный год), задержал свой ответ на сутки³⁸⁷. Через день Рим узнал имя своего нового владыки, когда он, в пурпурной мантии императора и с царской диадемой на голове, в Вифинии вышел навстречу войску, радостно приветствовавшему его.

Новый император был уже немолод. Он родился 42 года назад в семье дукса Грациана, родом из Кибалиса, что в Паннонии, возвысившегося из простых солдат до командира воинских соединений в Африке и Британии благодаря своей физической силе, ловкости, бесстрашию и некоторой неразборчивости в средствах, в первую очередь, когда имелась возможность хорошо пожить. Как говорят, его отец в юности имел прозвище *Funaris* (Веревочник), поскольку торговал веревками. Однажды пятеро солдат набросились на него, желая отобрать товар, но Грациан в одиночку справился с ними. Ловкость, сила и смелость отца передалась и Валентиниану³⁸⁸. В свое время отец стал первым наставником Валентиниана и составил ему хорошую протекцию при дворе. Молодым человеком новый царь начал военную службу, и известно, что уже при Юлиане служил начальником конного подразделения и многократно отличился во время войны с германцами³⁸⁹.

Император был высок ростом, имел величественную осанку, мужественную, но вместе с тем приятную наружность. От отца он унаследовал крепкое, мускулистое телосложение и неустрашимый дух воина. Светловолосый гигант с голубыми глазами, жестким и прямым взглядом был сдержан, целомудрен, умерен в плотских наслаждениях

и еде, верен дружбе и данному слову, чем снискал уважение со стороны остальных товарищей. Хотя он не был знаком с греческим языком и литературой, не упражнялся в риторике и не являлся сведущим в законах, кроме законов войны, в случае необходимости Валентиниан умел кратко, уверенно и содержательно излагать свои мысли. Император был христианином и открыто презирал язычество, искусственно получившее преференции при Отступнике.

Рассказывают, что как-то Отступник вместе с телохранителями отправился в храм Фортуны, чтобы совершить жертвоприношения. Жрецы, стоявшие у входа, кропили входящих лустральной водой по языческому обряду. Валентиниан — тогда еще трибун щитоносцев, шел впереди Юлиана и, получив несколько капель воды на свой плащ, настолько разгневался, что ударил жреца, осквернившего его. Царь велел схватить виновника скандала и обязал его принести языческую жертву; конечно, Валентиниан отказался и был удален с воинской службы. Его открытость, прямолинейность и твердость в вере привели к тому, что, несмотря на отчаянную храбрость и полководческие таланты, Юлиан перед Персидским походом не удержался и сослал Валентиниана и его брата *Валента* за отказ отречься от Христа. Только при Иовиане они были возвращены во дворец³⁹⁰. Эта история также подняла авторитет Валентиниана среди армии и христиан: солдатам нравятся такие бесстрашные натуры, а христиане не могли не уважать человека, способного отказаться от карьеры и расстаться со своей жизнью ради веры.

Царствование раскрыло во всем блеске и его добрые качества, и некоторые негативные черты характера. Современники были практически единодушны в том, что новый император являл собой тип очень твердого, порой жестокого человека. Например, он никогда не миловал преступников, приговоренных к смерти, и, глубоко озабоченный проблемой политической стабильности, без всякого снисхождения приказывал казнить тех, на кого указывали в качестве потенциального заговорщика. Соблюдая строгость во всем, царь очень не любил богатых и хорошо одетых людей, а также лиц, кичащихся своей образованностью. Будучи очень храбрым человеком, Валентиниан не благоволил к трусам, говоря, что они — позор человечества. Никогда *намеренно* не назначал жестоких правителей, но всегда требовал от них строгости ко всем правонарушителям. Замечая, что правители провинций проявляют жесткость, он радовался, что нашел «Ликургов и Кассиев, древних столпов справедливости, и в своих рескриптах наставлял их строго карать за проступки, хотя бы незначительные»³⁹¹.

Однако жестокое отношение императора к потенциальной оппозиции вызывалось отнюдь не его патологической трусостью: Валентиниана нетрудно было увлечь в заблуждение сознательной ложью, если речь шла о безопасности Римского государства, но он никогда не принимал мер в отношении тех, на кого показывали как на его *личных* врагов; все намеки на заговоры против него он опровергал презрительной улыбкой храбреца. Государственник до мозга костей, блестящий образец уже *вымирающего типа* римлян, император радел не о личном авторитете, но о должном отношении к власти и ее носителям. Поэтому оскорбление себя он воспринимал в первую очередь как оскорбление государства. «Валентиниан редко оставлял безнаказанной обиду, но никогда не оставлял безнаказанным оскорбления; его могли упрекать в неблагоразумии, но все отдавали справедливость его мужеству, и самые гордые и влиятельные военачальники боялись прогневать этого бесстрашного солдата»³⁹².

Аскет от рождения, Валентиниан всю жизнь был невероятно строг в вопросах нравственности, нисколько не соблазняясь на фоне распущенности царского двора, где вскоре после начала его правления кардинально изменились этические предпочтения. Сплетничали, что Валентиниан был многоженцем, что очевидная ложь. В своей жизни он имел двух жен (Северу и Юстину), используя предоставленную ему римским законом возможность развода, и никогда не знал легких увлечений. Это был настоящий моралист своего времени, *римский пуританин*, не допускающий никаких поблажек для себя и своей совести. Имея возможность выдвинуть на первый план своих родственников, император тем не менее никогда не потворствовал родне: он или оставлял их безвестными, запрещая занимать публичные должности, или предоставлял им очень невысокие посты³⁹³.

Валентиниан был довольно снисходителен к язычникам, которых откровенно презирал, но не препятствовал в свободе вероисповедания. Единственное исключение составляли колдуны и поклонники сатанистских культов, которых он ненавидел и безжалостно судил. Будучи весьма сдержанным по части женского пола, император предавал суровым наказаниям, вплоть до смертной казни, прелюбодеев и неверных жен. Избежать ссылки или усекновения головы не удалось и представителям старинных, знатных фамилий. Дело дошло до того, что в 368 г. сенат даже направил к Валентиниану посольство с просьбой смягчить наказания виновным, но это ходатайство не повлияло на общую политику царя: «Знатные по происхождению люди облекались в простые одежды, и каждый был в тревоге за себя»³⁹⁴.

Как строгий, но справедливый император, он повсюду облегчал бремя податей, своевременно и умело воздвигал новые укрепления вдоль границы Империи, строго держал воинскую дисциплину, наказывая солдат даже за незначительные нарушения. На войне Валентиниан был умен, осторожен и очень предусмотрителен. Таков был новый правитель Рима, на плечи которого легла сложнейшая задача восстановления порядка, приведения армии к повиновению, отражение варварских набегов и прекращение брожения в Церкви.

И, надо сказать, в целом Валентиниан показал себя лицом, достойным выбора величайшей Империи. Правда, процедура восшествия Валентиниана на престол не обошлась без некоторых неожиданностей, существенно изменивших характер предстоящего царствования. Любой непредубежденный ум легко приходил к вполне естественному выводу, что в условиях ослабшей императорской власти и частой смены царей только *единоличное правление* Валентиниана могло спасти Римское государство. Очевидно, таково было настроение и самого вновь избранного василевса. Но уже вскоре действительность перечеркнула его планы.

Облаченный в императорские одежды, новый царь уже собирался обратиться к войскам с благодарственной речью, как внезапно поднялся страшный шум: это центурии и манипулы, когорты и схолы требовали, чтобы Валентиниан *разделил* (!) свое царство с другим императором. Такое требование было совершенно неожиданным для самого Валентиниана и окружавших его соратников. Вначале всем пришла логичная мысль о происках конкурирующих партий, но она была опровергнута царем (по свидетельству современника), поскольку требование исходило не от отдельных подкупленных лиц, а от *всей* армии. Солдаты были страшно возбуждены; казалось, еще немного — и они будут готовы пойти на непредвиденные поступки.

И тут Валентиниан показал, что умеет владеть ситуацией. Он обратился к войскам, но уже с *другой* речью, чем задумывалась ранее, и пообещал исполнить их волю при некоторых отлагательных условиях. «Как учат мудрецы, — сказал он, — не только в делах управления, где опасности столь велики и столь часты, но и в нашей частной обыденной жизни каждый должен делать другом чужого человека лишь после суждения о нем, а не судить его тогда, когда он им стал». Император пообещал в самое ближайшее время подыскать себе сотоварища по трону, после чего солдаты, получив обычные подарки по случаю воцарения, спокойно разошлись³⁹⁵.

Чем были вызваны столь неожиданные экспромты со стороны легионов? Остается только гадать. Возможно, солдаты «вдруг» вспом-

нили (или им все же *напомнили?*), что еще не так давно нормальным считалось управление, разделенное между несколькими царями. Не исключено, что таким образом войско, и так уже удрученное частой сменой императоров и вытекающими отсюда трудностями, хотело подстраховаться на случай внезапной смерти Валентиниана. А римская армия, как и сенат, в ту пору считала себя не только одной из авторитетнейших и могущественнейших политических сил Империи, но и ответственной за безопасность государства. В те древние времена право управления государством неизменно считалось *производным от обязанности* его защищать и класть свои жизни за отечество. Поэтому император не мог проигнорировать мнение тех, благодаря кому он получил трон.

Впрочем, это — не единственная версия событий. Трудно соединить вместе два взаимоисключающих факта — *массовый* характер солдатских требований и совершенная неосведомленность об этом Валентиниана и его ближайшего окружения, в которое входили командиры как раз этих же воинских частей. Как известно, общенародное требование никогда не возникает на пустом месте, и отзвуки грядущих настроений не могли не прорваться к императору, если бы все дело заключалось в некой идее, постепенно овладевавшей массами. Скорее всего, как можно догадаться, имелась определенная группа лиц, пытавшаяся насадить Валентиниану *своего* представителя в соимператоры, она-то и разожгла толпу. Причем, видимо, опасаясь быть опознанными заранее, распространители новых политических лозунгов отложили усилия на последний день, надеясь на успех своего начинания. В пользу этой версии говорит то, что уже в скором времени с Валентинианом и его братом Валентом случится беда — они внезапно и на длительный срок удивительно синхронно заболеют. И хотя закаленные организмы, привычные к лишениям и невзгодам, выстоят в борьбе с болезнью, вольно-невольно навевается мысль о том, что им *помогли* заболеть.

Но это произойдет в ближайшем будущем, а сейчас то, каким образом император справился с очень непростой ситуацией, лучше всего свидетельствовало о его уме, сообразительности и твердости характера. Он принял удар и использовал ситуацию в свою пользу. Экстренно созвав совет для определения кандидатуры сотоварища, Валентиниан предложил своим офицерам назвать достойные кандидатуры. Но все молчали, и лишь командир имперской кавалерии Дагалайф неожиданно посоветовал назначить соимператором Валентиниана его брата Валента; других предложений не поступило, из чего можно было сделать вывод о некоторой предварительной режиссуре совещания со стороны

царя. Внешне он разгневался на автора предложения, но уже 1 марта 364 г., прибыв в Никомедию, назначил Валента трибуном, а спустя 28 дней в Константинополе Валентиниан объявил о назначении Валента августом. Так 35-летний **Валент** стал соправителем Римской империи³⁹⁶.

К сожалению, второй царь слишком отличался от своего брата, чтобы это не бросалось в глаза. Малоизвестный до своего *назначения* императором, он не имел ни энергии, ни мужества Валентиниана, ни его блестящих государственных дарований. Если *заурядность* следует считать дурным качеством, то тогда его нужно признать плохим правителем; но только в этом случае. Из черт характера в качестве положительных можно выделить, пожалуй, безусловную преданность брату и верность в дружбе, хотя Создатель не лишил его и некоторых иных добродетелей. Как и Валентиниан, Валент был сторонником строгой дисциплины, не лишен осторожности в выборе чиновников и правителей провинций, очень добросовестен в охране границ государства. Как бережливый правитель, он снискал уважение своих подданных тем, что постоянно смягчал тяжесть налогового бремени, был снисходителен при взыскании недоимок, но жесток по отношению к ворами и казнокрадам. Щедр, но в меру, и в то же время глубоко убежден в необходимости обрамлять царский титул пышностью двора. При нем восточные провинции процветали, в связи с чем Марцеллин замечает: «Восток не помнит лучшего в этом отношении времени ни при каком другом императоре». Блестательная характеристика!

Когда ум Валента не волновался страхом, а Валентиниана — яростью, пишет один историк, цари вели себя так, что заслужили название *отцов своего отечества*. Во всяком случае, во время их царствования ни образ поведения царей, ни дворцовые нравы никогда не вызывали краски стыда на лицах римских граждан³⁹⁷. Историки не преувеличили их славы — в условиях не прекращавшихся войн, когда последние средства государства шли на содержание армии, Валентиниан прилагал много усилий для блага подданных. Например, он законом запретил подкидывать новорожденных детей (обычная практика для развращенного города) и назначил по одному искусному медику на каждые 14 кварталов Рима.

Не имея высокого образования, он тем не менее понимал все его выгоды и основал многие учебные заведения для юношества, содержащиеся за счет казны. Интересны сведения об одной из таких школ, открытой в Константинополе, где преподавал 31 профессор по таким отраслям знания, как правоведение, риторика, грамматика, философия,

а также готовились софисты и антиквари. Студенты набирались в эти учреждения всего лишь при наличии свидетельства о месте их рождения (по-видимому, для того, чтобы убедиться в их правоспособности как *римских граждан*), находились на государственном содержании и заканчивали обучение по достижении 20-летнего возраста. Примечательно, что во время учебы им строго запрещалось посещать театры, увеселительные заведения и вообще тратить время впустую. Это — не университеты, где учились разбитные школяры Средневековья, это была школа воспитания *государственной элиты* и профессионального чиновничества.

Для обеспечения прав муниципалитетов Валентиниан ввел должности защитников городских интересов, которых назначали по выбору сами граждане. В целях облегчения финансового бремени оба царя отменили многие налоги, чем снискали расположение населения. В целом они очень внимательно следили за финансами, пресекая любые злоупотребления со стороны государственных чиновников³⁹⁸.

В области свободы вероисповедания оба брата держались того же принципа по отношению к иноверцам, что и их царственные предшественники. Они оградили от произвола и мести толпы всех, кто готов был признать Христа, но отказывался поклоняться Ему. Из всех языческих вероисповеданий только колдуны и ворожеи были запрещены законом, а любители старинных обычаев беспрепятственно служили культы отеческим богам³⁹⁹.

Оба христиане, братья тем не менее придерживались разных церковных партий, о чем дальше пойдет более подробное повествование. Но и твердый никеец Валентиниан ни в чем не мирволил слабостям и нарушениям со стороны христиан, периодически демонстрируемым отдельными епископами и клириками. Так, в своем эдикте к папе Римскому *Дамасу* (366—384) он отмечал многочисленные неблагоприятные проступки со стороны верующих и священства и запретил иереям под страхом наказания посещать дома вдовиц и девиц. Вводился также запрет на *личное* получение священниками имущества по завещаниям; им предлагалось довольствоваться естественными правами наследования. Дело в том, что в то время было чрезвычайно модным со стороны богатых и еще не старых женщин делать соответствующие завещания при своей жизни, вследствие чего их духовники фактически отказывались от христианской общины и жили жизнью обеспеченных людей, не снимая при этом с себя духовного звания. Как бы ни был обиден этот эдикт, но его справедливость признавали и папа Римский, и св. Амвросий Медиоланский, и блаженный Иероним⁴⁰⁰.

Царственные братья находились между собой в совершенном согласии, хотя младший, конечно, рассматривался Валентинианом только в качестве своего ближайшего помощника, а Валент и не претендовал на большее. Но обстоятельства внесли в эти планы кое-какие коррективы. После нескольких неудачных лет правления Юлиана и внезапной кончины Иовиана, когда западные границы остались почти без охраны, «словно по боевому сигналу труб», как пишет Марцеллин, «поднялись самые свирепые народы и стали переходить ближайшие к нам границы». Британия, Галлия, Африка, Фракия, обе Паннии подверглись нападениям многочисленнейших орд варваров; в довершение всего персы совсем обнаглели и, не довольствуясь разгромом Армении, требовали себе *все* азиатские владения римлян, ссылаясь на смерть Иовиана как очевидное основание для расторжения заключенного при нем мирного договора.

В таких условиях Валентиниан уже не мог справиться с врагами во всех провинциях: в условиях войны возникала настоятельная необходимость предоставить полководцу особые, царские полномочия. Братья собрались в Медиане, где разделили между собой территории и войско, последний раз обнялись и отправились: Валентиниан в Медиолан, Валент — в Константинополь. Так заканчивала свое существование старая Священная Римская империя, наступало новое время. *Формально* еще цельная, единая в своих политических границах и областях влияния, Империя все же фактически с этого дня все более и более разделялась на две непохожие, различные по настроениям и традициям, нередко противоборствующие половины — Восток и Запад.

Как указывалось ранее, едва приняв власть в свои руки, Валентиниан внезапно и очень серьезно заболел; настолько серьезно, что две главные придворные партии старались оперативно подготовить почву для коронации своих ставленников. Галлы, состоявшие при особе императора, намечали в его преемники Рустика Юлиана — магистра императорской канцелярии рескриптов. Это был человек со звериными инстинктами жажды человеческой крови, как говорили о нем современники, старающийся скрыть свое естество мягкими манерами. Другая партия ратовала за Севера, магистра пехоты, который был более терпимым к чужим недостаткам.

К счастью, Валентиниан все же выздоровел и, не решаясь более ставить благосостояние Рима в зависимость от тех или иных событий, желая укрепить положение своей фамилии и Валента, о государственных качествах которого был прекрасно осведомлен, объявил *августом*, то есть соимператором, **Грациана**, своего 8-летнего сына от первого брака

с Северной. В связи же с тем, что Римская империя представляла, хотя бы и на бумаге, единое государство, юный август признавался полноправным владыкой и Запада, и Востока. Конечно, при условии, опять же, нигде не оговоренном письменно, что его дядя Валент полновесно и самостоятельно правил восточными провинциями. Теперь на правительственных документах совокупно значились имена всех трех царей.

Конечно, Валентиниан отдавал себе отчет в том, что данное событие может вызвать известные волнения и вообще вовсе не обречено на успех. Он заранее подготовил почву, предпринял определенные меры предосторожности и, прибыв к войскам, обратился к солдатам с речью, в которой объяснил им свое решение необходимостью обеспечения общественного спокойствия. Последние слова долгой речи императора были поглощены шумом рукоплесканий и одобрительными криками легионеров. Счастливый отец тут же надел на сына знаки императорской власти⁴⁰¹.

Между тем в Константинополе происходили волнующие события. Военачальник Юлиана-Отступника Прокопий, проживавший до сих пор в Каппадокии в своем частном владении, испугался перемен во власти и, не дожидаясь вызова к императорам, решил скрыться. Еще Иовиан опасался попыток с его стороны захвата власти, сейчас это опасение разделили уже Валентиниан и Валент, и неспроста. На Прокопия не раз указывали как на возможного преемника Юлиана, и даже распускали слух, будто бы незадолго перед смертью в городе Карры Отступник возложил на него императорскую порфиру. Другие доказывали его причастность к семье св. Константина Великого как достаточное основание для воцарения Прокопия. Всего этого было достаточно, чтобы Валент принял решение пресечь опасность в зародыше. Но его враг оказался весьма расторопным.

Убежав от чиновников императоров, приехавших для его ареста и препровождения к Валентиниану, Прокопий тайно отправился в провинцию Босфор, где и провел несколько месяцев, регулярно меняя свое местонахождение и одежду. Наконец, побродив по деревням Вифинии, он задумал пробраться в Константинополь. Обстоятельства благоприятствовали ему: Валент в это время был занят войной против готов в Сирии, и Прокопий в Константинополе попросту *перекупил* два легиона, шедших на помощь действующей армии. Обладая реальной военной силой, Прокопий наконец совершил то, что от него так долго ждали, — объявил себя императором и единственным законным наследником Юлиана.

Как это нередко бывает, народ не проявил к новому царю никаких чувств, но постепенно ощущение новизны и удачно распространенный

слух, будто Валентиниан погиб на Западе в битве с варварами, сделали свое дело — Прокопия стали считать законным государем *всей* Римской империи. Отсюда, кстати сказать, легко сделать вывод, что Восток не признавал Валента самостоятельным, то есть без Валентиниана, царем. Если Валентиниан погиб, то и Валент утратил свои права на престол — таков, по-видимому, был вывод, сделанный на Востоке.

Прокопию также очень помогла женитьба на вдове Констанция Фаустине, которая опрометчиво связала свою судьбу и жизнь маленькой дочери от их брака с благочестивым императором с авантюристом. С ребенком на руках Прокопий объезжал Константинополь, и солдаты, сохранившие самую добрую память о своем государе, вместе с горожанами приветствовали его. Но здесь важную роль играла не только память о Констанции, но и то, что для римского сознания бракосочетание Прокопия с женой покойного императора приобщило узурпатора к семейству св. Константина. Теперь он стал *законным* (насколько римские неписанные традиции принимали такое содержание понятия «законности») преемником царского престола.

Образ законного царя и воинская сила, находившаяся в его руках, кардинально изменили ситуацию в пользу узурпатора. Буквально с каждым месяцем его влияние росло, равно как и перечень городов и территорий, признавших власть Прокопия. По счастью для Валента, военачальник Эквиций, не так давно рассматривавшийся в качестве кандидата в императоры, остался верен воинскому долгу и заблокировал узурпатору выходы на Иллирию, куда тот стремился. Но военное счастье пока еще было на стороне самозванца — после нескольких удачных боев вся Вифиния перешла под власть Прокопия. Валент окончательно пал духом и даже помышлял о том, чтобы снять с себя знаки императорского достоинства, но был остановлен своим ближним окружением. Все же положение его было почти отчаянным⁴⁰².

Ситуацию усугубляли дошедшие до Валентиниана слухи, будто бы его брат погиб в одном из сражений и весь Восток уже признал Прокопия законным государем. Для него это означало бы полную катастрофу — справиться с алеманами на Западе и «новым Магненцием» на Востоке Валентиниан явно не мог физически. По счастью, вскоре пришли известия, из которых следовало, что Валент все же жив, хотя угроза его царству чрезвычайно велика.

Но дни Прокопия были уже сочтены — как учит история, любой узурпатор только тогда имеет шансы на успех своего предприятия, когда его заговор быстр и скор; любые промежуточные ситуации в конце концов приводят к неизбежному провалу таких начинаний. И эта

история не стала исключением. Зимой с 364 на 365 г. Валент собрал все свои силы и вместе с магистром Востока Лупицином двинулся на встречу соединению Прокопия. Ему в голову пришла удачная идея срочно вызвать в армию старых полководцев Констанция, и она принесла ему на этот раз победу. В двух сражениях при Фиатире и Наконии несчастный узурпатор был покинут своими солдатами, схвачен и казнен⁴⁰³. Узурпатор был жалок в последние дни своей жизни, но нельзя забывать, что почти 8 месяцев Прокопий гордо именовал себя *августом*, держа в страхе Валента, а Валентиниана в напряжении.

К сожалению, победитель не проявил великодушия; напротив, видимо, весь в неприятных воспоминаниях о своем трусливом поведении, он начал жестоко преследовать всех, кто хоть как-то был причастен к Прокопию. «Более склонный причинять вред и охотно внимавший всяким обвинениям, принимал преступные доносы, и различного вида казни доставляли ему дикую радость». Множество ни в чем не виновных людей погибло вследствие ложных обвинений, ссылалось и отстранялось от должностей. Наконец «пресытившийся деньгами и кровью» Валент поставил предел этому террору⁴⁰⁴.

К сожалению, узурпаторство Прокопия оставило глубокий и, увы, черный след в душе Валента, убив многие добрые черты его характера и раскрыв самые недостойные. Он стал еще более мнителен и труслив и, как все трусы, старался прикрыть этот недостаток чрезмерной жестокостью. Помимо этого, Валент имел известную склонность к наживе и в своем стремлении к богатой жизни не знал меры. Нередко уголовные преследования богатых людей являлись следствием его интереса к их имуществу, а в таких случаях Валент был безжалостен.

Проявились и другие, далеко не самые лучшие стороны его натуры. Валент не был Голиафом, как его старший брат, не обладал обширными познаниями ни в военном деле, ни в политике. Раньше он спокойно воспринимал вторые роли, которые отводились ему на фоне Валентиниана. Но сейчас его тщеславие требовало удовлетворения, естественно, не за счет брата, которого он по-прежнему очень любил и уважал, а за счет третьих лиц. Валент стал еще более груб в обращении, раздражителен, охотно слушал доносы и сплетни, не всегда желая отличать правду от преднамеренной лжи. Он стал еще более ленив и нерешителен, а физические недостатки, присущие ему с детства (один глаз у него был от рождения слепой), невероятно раздражали его⁴⁰⁵.

Между тем и внешнее положение Римской империи было очень не простым. В январе 367 г. алеманы перешли границу Галлии и разбили римское войско под командованием Харьеттона, причем в сражении

погибли и командующий армией, и его ближайший помощник Севериан. Только подошедшая вторая группа римских войск под командованием Иовина разгромила диких германцев, порадовав Валентиниана победой⁴⁰⁶. Почти в это же время (366 г.) Валент объявил войну готам, выступавшим ранее союзниками Прокопия в борьбе за римскую корону. Примечательно, но, как следует из древних летописей, Валент настойчиво выискивал любой повод для этой войны и нашел его. Когда Готский вождь попросил вернуть ему пленных соплеменников, захваченных Валентом во время войны с Прокопием, Валент неожиданно поставил ему в вину сотрудничество с узурпатором.

Напрасно неискушенный в риторике гот пытался объяснить, что их обманули, выдав Прокопия за законного преемника императора Юлиана. Восточный император упорно стремился найти причину для военных действий и наконец получил это. Нельзя сказать, что этот поход имел успех — маневрируя, готы заманили римлян на свою территорию, не дав им ни одного сражения. Потеряв бесплодно лето, Валент вернулся обратно⁴⁰⁷.

Вскоре произошло еще одно событие, которое напрямую повлияет на вопрос о будущих преемниках императорской власти. В 367 г. Валентиниан в силу невыясненных причин оставил свою первую жену Северу и женился на красавице Юстине, арианке, от брака с которой у него родился сын *Валентиниан Младший*, будущий соправитель его старшего сына Грациана⁴⁰⁸.

В 368 и 369 гг. Восточный император повторил свои попытки покорить буйный готский народ, что в конце концов на время удалось, когда в ходе последней кампании император разбил войско Готского царя *Атанариха* (363—381). После победы Валент вернулся в Константинополь, который к тому времени действительно уже стал второй столицей Империи.

Но и Запад по-прежнему требовал к себе усиленного внимания: несмотря на все старания Валентиниана, западные провинции находились в анархичном состоянии и периодически разрождались бунтами и волнениями. Валентиниану приходилось предпринимать экстренные меры для подавления восстаний в Британии, с чем успешно справился будущий император св. *Феодосий*, и в Африке, где изнеженный военачальник Роман слал царю отчеты о вымышленных победах, полностью дезинформируя его. В Исавии, где фактически правили разбойничьими шайками, викарий Азии Музоний попытался навести порядок, однако, преданный своими же солдатами, пал в бою. Но особенно досаждали алеманы, то грабившие окраинные территории, то просившие у Рима

мира. И в эту минуту Валентиниан показал, что не зря носит титул императора. Он собрал армию, рассыпанную по гарнизонам и зимним квартирам, в единый мощный кулак, восстановил дисциплину, обезопасив себя — насколько это было возможным — от других внешних врагов.

Вместе с отцом в поход отправился и юный Грациан — так Валентиниан подтверждал свои обещания, ранее данные солдатам, что новый император будет во всем разделять тяготы их военной жизни. Варвары удачно отступали, избегая давать решительное сражение римлянам, но наконец у местечка Солиций (ныне — Швецингер, близ Гейдельберга) они выстроились в боевые порядки. Известный своей храбростью, Валентиниан едва не погиб при проведении рекогносцировки, но сумел спастись — ближние телохранители и друзья царя своими телами закрывали его от смерти. Ободренные случившимся эпизодом, варвары бросились на римлян, но те отбили все атаки алеманов; наконец, враг побежал. Победа была полной, хотя со стороны римлян пало много известных командиров⁴⁰⁹. На короткое время враги были напуганы.

В это же время (367 г.) старый Персидский царь Шапур, переживший четырех Римских императоров, посчитал себя свободным от каких-либо обязательств по договору с Иовианом и решил подчинить Армению Персии. Обманом захватив известного уже нам по недавнему походу Юлиана царя Арсака, он ослепил его и казнил, одновременно издав приказ о захвате сильной армянской крепости Артогерассы. Но осада оказалась безуспешной; более того, персы были разбиты армянами, а Валент принял у себя *Пару* — сына казненного царя Арсака. Открыто война между персами и римлянами не была еще объявлена, но *фактически* обе стороны находились в состоянии войны: персы несколько не церемонились на чужих территориях, совершенно забыв о мирном договоре, а римляне тайно посылали армянам подкрепления. Печально, но удачно намечавшийся союз погубил безрассудный Пару, прельстившийся тайными предложениями Шапура и даже предавший своих ближних помощников в руки его палачей. Впрочем, это предательство ненадолго продлило его жизнь, и вскоре Пару также погиб. В конце концов Артогерасса была взята персами после решительного штурма, а все ее жители погибли.

Желая хоть как-то восстановить римское влияние в Армении, Валент разделил Иверию на две части, отдав их в правление армянским вождям, просившим его о помощи, чем вызвал страшный гнев Шапура. Перс немедленно отозвал свое посольство, направленное к Валенту

для заключения нового договора, и при помощи соседей стал собирать армию для очередной войны⁴¹⁰. Вскоре он реализовал свой план, но навстречу ему вышла римская армия в союзнничестве с алеманскими отрядами. Некоторое время обе армии маневрировали, надеясь занять лучшие позиции, наконец персы вернулись на свою родину, а Валент — в Антиохию.

Новый 368 г. не принес особых утешений. Валентиниан задался целью укрепить западные границы Римской империи по всему течению Рейна, но германцы напали на саперов и почти всех их уничтожили. В Галлии царили разбойники, однажды обнаглевшие до того, что убили трибуна царской конюшни Констанциана, брата второй жены императора Валентиниана. А в Сирии разбойники захватили целый город, переодевшись в чужие одежды и выдав себя за телохранителей чиновника казначейства. Пограбив дома горожан, они убили всех молодых людей, чтобы не опасаться мести с их стороны, и скрылись.

Но и Валентиниан не сидел без дела. Переправившиеся в 370 г. многочисленные отряды *саксов* были вначале остановлены полководцами Нанниеном и Севером, а затем, когда под предлогом мирных переговоров боевые действия как бы прекратились, римляне из засады напали на них и всех перебили. Расправившись с попутными врагами, Валентиниан решил раз и навсегда избавиться от алеманов. Поскольку собственных сил у него было явно недостаточно, император решил пригласить на помощь давних врагов алеманов *бургундов*. Но римская армия не успела к месту сбора, и разобиженные бургунды, смертельно напугав алеманов, вернулись на свои территории.

Вслед за Галлией волнения перекинулись на Африку, где шайки бандитов терроризировали население, не находившее помощи у официальных правителей провинций. Валентиниан гневался, полагая, будто бы вся беда заключается в недостаточно четком исполнении его приказов, вводил жестокие меры против нарушителей собственной воли, казнив даже тех, кому еще вчера верил почти безоговорно. Палочкой-выручалочкой был вездесущий св. Феодосий, славно зарекомендовавший себя в Британии и Галлии, а теперь наносивший в Африке одно поражение варварам за другим. Но положение дел в Римской империи все равно оставалось очень тяжелым.

Помимо прочего, дела царей очень осложняли многочисленные заговоры, направленные против их жизни; особенно от них страдал Валент. Не раз он был на волосок от гибели, но судьба хранила его. Как следствие император восточных провинций, и раньше не отличавшийся особым мужеством, верил теперь в любое донесение, всякой сплет-

ни и наговору, если речь шла о его личной безопасности, — как резко в этом проявилось его отличие от старшего брата! Так, в частности, в один из дней Валенту донесли об очередном заговоре, очевидно, мнимом. Но, проведя длительное и тщательное расследование (конечно, тенденциозное), он установил, что будто бы заговорщики определили имя его преемника, начинающееся с букв «Ф», «Е», «О». Смерти был предан один из известнейших правителей Империи Феодор, а вместе с ним и множество частных лиц, по мнению следствия, так или иначе причастных к выдуманному покушению на жизнь царя⁴¹¹.

Примечательно, что впоследствии современники были уверены в том, что предсказание это истинное и что гадалки предвосхитили скорое восшествие на престол св. Феодосия Великого — того самого полководца, который многократно выручал государство в трудные дни. По счастью для Римского государства, Валенту почему-то не пришлось в голову назвать имя лучшего военачальника Империи, в противном случае трудно представить себе, что случилось бы с восточными провинциями без такого надежного защитника, каким был Феодосий.

Так, в вечных боях и походах год за годом проходила жизнь царей и Римской империи. С наступлением весны 375 г. Валентиниан выступил в очередной поход на окружавших границы его государства варваров. Прибыв в Паннонию, он в течение трех месяцев был занят заготовкой оружия и провианта, собираясь разгромить племя *квадов*, уже давно досаждавших Риму. Как мудрый полководец, он отправил вперед отряд пехоты, а сам с большой армией, наведя мосты через речные преграды, с другой стороны вторгся на территорию противника.

Что и говорить: поход был очень успешен. Если даже современники и преувеличили, говоря, будто бы Валентиниан не потерял ни одного солдата в боях, то все равно очевидно, что соотношение потерь было очень благоприятным для римлян. К несчастью для императора, это был его последний успех. Вскоре после завершения войны к Валентиниану прибыли послы квадов просить мира. Царь принял их, но во время разговора с ними настолько разгневался на варваров за вероломство и постоянное нарушение ранее данных клятв, что внезапно потерял дыхание и побагровел лицом. Из горла его хлынула кровь, а на теле выступил смертный пот. Срочно требовался врач, но Валентиниан только недавно отослал всех медиков для лечения своих солдат (характерная и очень трогательная забота полководца о боевых товарищах!); все же нашелся один, безуспешно старавшийся спасти императора. Увы, все усилия оказались тщетны, и 17 ноября 375 г. Валентиниана не стало⁴¹².

Над телом почившего императора было совершено обычное оплакивание, и его труп отправили в Константинополь, чтобы предать земле в усыпальнице императоров в храме Святых Апостолов. Грациан, бывший в то время в городе Трире по распоряжению отца, немедленно предпринял меры предосторожности. Им вовремя были получены донесения о том, что галльские солдаты уже замышляют что-то против него как законного царя, желая поставить на царство собственного кандидата. Однако, несмотря на молодость, Грациан был уже довольно опытным и закаленным в военном деле и дворцовых интригах человеком, и он быстро справился с этой ситуацией. Но кое-чего 13-летний император все же учесть не смог.

Неожиданно войско по инициативе вдовы царя Юстины провозгласило вторым западным императором 4-летнего **Валентиниана II** — сводного брата Грациана и сына Валентиниана I от второго брака. «Старый» царь вскоре покарал зачинщиков мероприятия, но их выбор в пользу брата, которого нежно любил, принял. По его рекомендации мачеха и единокровный брат поселились в мягком и спокойном Милане, и Грациан дал торжественное обещание рассматривать своего младшего соправителя не в качестве соперника, а исключительно как товарища по царству. Так на Западе вновь стали править два императора.

Для Востока смерть Валентиниана явилась тревожным предвестием грядущих трагичных событий. Валент слишком долго опирался на плечо брата, чтобы иметь силы и решимость самостоятельно взять на себя почти единоличную власть в Империи — очевидно, что при желании и наличии возможностей его мнение в государственных делах превалировало бы на фоне двух малолетних Западных царей. Но в том-то и дело, что Валент не был рожден для выполнения таких задач, а после смерти брата ушла единственная психологическая опора его царствования в лице мудрого и одаренного Валентиниана. Беда не приходит одна, и вскоре после смерти любимого старшего брата Валента ждала новая утрата — смерть его единственного сына Галата и тяжелая болезнь жены Домники; но горевать времени уже не было.

На Востоке возникла новая опасность: теснимые *гунами* часть готов, ранее населявших южные земли нынешней России, во главе своих вождей Алавифа и Фритигерна обратились к Валенту с просьбой поселиться на необитаемых землях Болгарии. И ранее готы беспокоили римские земли, но никогда до сих пор они не забирались так глубоко. Император благосклонно отнесся к их просьбе и разрешил варварам перейти Дунай, поскольку, во-первых, это вообще был традиционный

способ их ассимиляции, а, во-вторых, Валент сочувствовал в глубине души готам потому, что они являлись арианами. Наконец, царь надеялся пополнить за счет готов свою ослабевшую армию и более удачно провести следующую войну с персами⁴¹³.

В качестве обязательных условий готы должны были оставить значительную часть своих детей в малоазиатских городах в качестве заложников, покупать, а не брать бесплатно провиант и сдать все свое оружие. Но надо сказать, что не все эти условия были выполнены точно — подкупая римских чиновников, многие готы сохранили свое оружие, которое вскоре обратится против самих же римлян. Рассказывают, что число готов, перебравшихся в Империю, было чрезвычайно велико — более миллиона человек, включая около 200 тыс. боеспособных воинов, часть из которых, как мы знаем, уже имела оружие. Помимо этого, в скором времени их количество еще более увеличилось за счет последних отрядов, перебравшихся на болгарские берега уже без всякого разрешения.

Надо признать, сами готы первоначально вели себя вполне мирно, и если бы не беспощадные поборы чиновников и невероятные цены на продовольствие, когда доведенные до отчаяния пришельцы вынуждены были продавать своих детей в рабство, чтобы прокормить оставшихся членов семьи, все могло бы пройти по уже известным сценариям времен Древнего Рима. Но оскорбленные готы решились самостоятельно взять то, что им не дали по совести и предварительным обещаниям. Они быстро наводнили земли Фракии и Македонии, разоряя все вокруг и создав серьезнейшую опасность внутренней безопасности восточной части Империи⁴¹⁴.

Волей-неволей Валент был вынужден отправиться войной на готов, тем более что те попутно разорили и подняли на бунт другие, ранее покоренные римлянами народы. Он срочно заключил мир с персами и, проклиная день и час, когда разрешил готам поселиться на римских землях, выступил против них. Грациан, у которого к тому времени едва пробился юношеский пушок, тем не менее унаследовал у своего отца не только западные провинции, но и талант полководца. Он успешно воевал с алеманами и даже вызвался идти на помощь своему дяде.

Тот в это время прибыл из Антиохии в Константинополь и, получив известия о том, что готы подошли к окрестностям Адрианополя, направил полководца Себастиана с сильным отрядом для того, чтобы нарушить их планы по соединению с остальными варварами. Себастиан удачно справился с поставленной задачей и на реке Гебра разбил передовые отряды готов. К несчастью, желая заслужить особую милость

Валента, этот несколько хвастливый военачальник сильно приукрасил свою победу.

На свою беду, император поверил этой бравade и двинулся на оставшиеся части готов, даже не дожидаясь Грациана, двигавшегося к нему форсированным маршем после удачной войны с алеманами, не снижая скорости, даже несмотря на легкое нездоровье. Валент отверг предложение подождать западные легионы, а в качестве обоснования своего решения привел военачальникам тот довод, что армию 16-летнего соправителя сильно сдерживали *аланы*, систематически делавшие набеги на его лагерь. Следовательно, ждать бесконечно долго западную армию в то время, как горстка готов противостояла римлянам — совершенно бессмысленно. По его мнению, надо было как можно быстрее выступать, чтобы испуганные варвары не ушли от римской армии. Конечно, это были совершенно безосновательные мечты, последовательно, по мере их реализации, приводившие к трагическому финалу.

Передают, что современники предугадывали близкую смерть Валента и гибель его армии, полагая эту кару справедливым возмездием тому, кто боролся против никейцев. В частности, когда, отъезжая в поход из Константинополя, Валент садился на коня, святой монах Исаакий схватил его коня за узду и спросил: «Куда спешишь ты, царь, воюющий против Бога и в Нем имеющий противника?» — очевидный намек на арианство Валента⁴¹⁵. Передают также, что св. Исаакий предсказал императору гибель от готов, если тот не прекратит преследование православных; в свою очередь Валент пообещал Исаакию казнить его по возвращении в Константинополь после победы. Вскоре жизнь покажет, кто был прав.

Столкнувшись с врагами под стенами Адрианополя, Валент совершил еще одну ошибку — он не смог правильно определить численность готов, у которых насчитал почему-то всего 10 тыс. воинов; конечно, варваров было несравнимо больше. Некоторые командиры вновь советовали ему подождать прихода армии Грациана, но Валент, ревновавший к воинской славе Западного царя, решился на битву, не дожидаясь племянника. Утром 9 августа (по другим данным, 9 июля) 378 г. римские войска вышли на позиции, не подозревая, что для их армии и императора это будет последний бой. Готы были поражены и уstraшены видом римского воинства, они даже направили к царю послов с предложением мира и дружбы, но тот отклонил мирные инициативы. Впрочем, не исключено, что готы просто тянули время, необходимое для подхода дополнительных частей.

Но часы шли, битва не начиналась, и римское войско, столь спешно поднятое рано утром, начинало испытывать голод и жажду. Кроме того, легионеров донимала жара и усталость, поскольку войско должно было перестраиваться в боевой порядок на марше. Наконец, битва началась, и складывалась она очень неудачно для армии Валента. Римская кавалерия была обращена готами в бегство, а пехота окружена и разбита наголову. Враги проявляли чудеса храбрости и выносливости, казалось, их ярость не знает границ — даже на пороге смерти они норовили ударить римских солдат мечом или копьем. Не выдержав удара готов, римская армия побежала; сам Валент нашел свою смерть в этой великой битве. О его кончине рассказывают по-разному. Кто-то полагает, что он пал, пораженный стрелой, хотя его тело и не было найдено. Другие утверждают, будто спасаясь от готов, он с горсткой телохранителей и оставшихся в живых командиров спрятался в небольшом доме, но варвары подожгли его, и огонь пожрал останки императора Востока⁴¹⁶.

Глава 2. Гибель династии Западных царей

В битве погибло две трети войска, и поражение под Адрианополем современники сравнивали с разгромом римлян под Каннами во времена Ганнибала. По своим же политическим последствиям это сражение оказалось еще гибельнее, чем Канны, — вскоре готы укоренились в восточных провинциях и составили очень серьезную угрозу римской государственности. Только ночь спасла остатки римской армии, которые тайком разбредались по стране. Правда, последующая осада самого города оказалась для готов неудачной — они не умели штурмовать большие крепости, а защитники Адрианополя прекрасно отдавали себе отчет в том, *какая* участь ждет их в случае взятия города. Помогла и союзническая конница сарацин, предусмотрительно нанятая Валентом перед походом. Легкие и подвижные сарацины легко побеждали варваров в ближнем бою, а их вид и манеры устрашали даже готов.

Последующие события показали, что Империя все еще богата людьми, способными в критическую минуту взять на себя смелость принятия очень рискованных решений. Поскольку Восток остался без императора, некий Юлий, занимавший пост главного начальника войск, получил от сената по своему запросу временное право на неограниченные полномочия и поставил готам, жившим в Азии, коварную западню. Он приказал готской молодежи, жившей в азиатских

городах, собратъся на площадях якобы для получения подарков и денег; те охотно откликнулись на этот зов. Но *одновременно* во всех населенных пунктах (представим себе организацию и масштаб операции!) готы были окружены войсками и расстреляны лучниками и пращниками. Очевидно, только эта мера на время предотвратила готское нашествие от берегов Геллеспонта до вод Евфрата⁴¹⁷.

Почти добравшийся до места печальной гибели армии Валента юный Грациан оказался перед печальной необходимостью одновременно оборонять Восток и западные провинции, которым всерьез угрожали германцы. Конечно, такая задача была не по плечу и более опытному правителю, поэтому, после 5-месячного колебания, юный монарх решил назначить императором Востока замечательного военачальника, бывшего в те дни в изгнании, св. Феодосия, о котором речь пойдет в другой главе.

Таким образом, новое разделение власти между двумя императорами, внешне привычное для римского сознания, на этот раз имело гораздо более глубокие последствия: государством начала править уже не одна царственная семья, а *две*. На Востоке царствовал **св. Феодосий Великий** — родоначальник собственной династии, на Западе — Грациан и Валентиниан II, последние отпрыски династии Валентиниана. При этом не оставалось никаких сомнений, что, в отличие от относительно слабого Валента, на этот раз восточные провинции попали в руки замечательного государя и полководца, по своему возрасту и опыту не нуждавшегося в подсказках со стороны «главного» василевса страны Грациана, из рук которого получил власть над Востоком.

Что же представлял собой старший сын Валентиниана I? Безусловно, это был замечательный человек — Грациан не достиг еще 20-летнего возраста, но слава его не уступала популярности самых известных монархов Римской империи. Он был кроток и добр, приветлив и изыщен. Не очень образованный Валентиниан сделал все, чтобы его сын получил лучших учителей и разностороннее образование, и, действительно, император Запада был учен, имел прекрасный вкус и обладал редким красноречием. Помимо этого, Грациана отличала храбрость и ловкость в военных упражнениях, и не раз римские легионы под его командованием громили варваров, чем обуславливалась любовь войска к своему юному полководцу. Между различными искусствами, которыми Грациан упражнялся сизмальства, он высказал особую склонность к верховой езде, стрельбе из лука и метанию дротиков. Это был *ученый и солдат* в одном лице, а своим благочестием юноша заслужил славу самых известных подвижников христианства⁴¹⁸. В целом это был не-

ординарный молодой человек, к несчастью, не доживший до той поры, когда в опыте и мудрости перегорают некоторые слабые черты характера, а доблести отсвечивают золотым отблеском.

Как уже указывалось выше, при всех физических данных и военных способностях Грациана, по мнению историков, в его образовании все же обнаруживался явный перекося в сторону искусства и поэзии. Конечно, молодому человеку не могли не льстить слова его ближнего окружения и наставников, в угоду отцу прославлявших ум и способности юного царя к высоким наукам. А военные победы, которыми была обезопасена римская земля, привели Грациана к ошибочной мысли о том, что главные проблемы уже окончательно преодолены. Поэтому, помимо юношеских увлечений охотой и философией, молодой царь значительное время тратил на пропедевтические занятия с собственными легионерами, богословские диспуты и иные «гуманитарные» цели, к несчастью, нередко в ущерб государственным делам.

Конечно, забота императора о солдатах, включая его внимание к их здоровью и подвигам, которые Грациан щедро поощрял наградами, способствовали его авторитету среди легионов. Но в то самое время, когда царь по-отечески беседовал с легионерами и охотился в своих обширных парках, куда свозились самые дикие животные, во дворце и в провинциях его близкими помощниками фактически была введена публичная продажа должностей и правосудия.

Как это нередко и бывает, пользовались благами такого положения дел только самые отъявленные подлецы. И, что еще хуже, всякое сомнение в заслугах наглецов, обиравших при посредстве придворных сановников население, толковалось окружением царя как *святотатство*. Император был слишком добр и доверчив, чтобы отклонять советы и оценки своих воспитателей, а те сполна использовали его наивность в собственных целях. Конечно, в таких условиях авторитет императора начал быстро падать, о чем он сам не догадывался, а его помощники не удосужились обратить внимание на очевидное недовольство народа царем.

Более того, несколько неоправданно отдавая дань эстетике, молодой император, слишком любящий эксцентричные выходки, нередко появлялся при народе в одеянии аланов, что было крайне унижительно для римлян, видевших в этих неудачных шутках поправление отеческой гордости и распушенность (конечно, мнимую) юного царя. Армия понемногу начинала роптать, но Грациан не замечал ее недовольствия и излишне беспечно и неосмотрительно проводил время в пустых увлечениях⁴¹⁹.

В результате римляне посчитали себя совершенно униженными Грацианом. Представим себе ситуацию сами: язычество решительно запрещалось императором, хотя значительная часть римлян сохраняла привязанность к отеческим культам. Желая сделать ставку на инородный, германо-тюркский элемент, Грациан совершенно упустил из виду, что римляне едва ли готовы принять такое положение. Войско бурлило и стало крайне ненадежным.

Между тем беда была уже близка. В 383 г. в Британии, которая не раз уже до этого умиралась твердой рукой св. Феодосия, вновь вспыхнули волнения, а своевольные легионы самонадеянного острова поспешили назвать новым императором единственного военачальника, волей случая коротавшего дни в этой глубокой периферии. Это был *Максим*, сотоварищ св. Феодосия, командующий британскими войсками, личность интересная и в буквальном смысле слова историческая. Опытный полководец, имевший (хотя и гораздо более скромные, чем у того же Грациана) свои военные удачи; этнический испанец по происхождению, соперник и конкурент на ниве воинской славы св. Феодосия, он не без зависти относился к его карьерному росту и открыто выражал недовольство решениями императора Валентиниана I. В то же время полководец был до удивления честен, умен и практичен: как говорили, Максим некогда сумел удачно жениться на дочери богатого правителя Корнавоншира. Все же, вероятно, потому, что его резкость и недовольство раздражали слух царя, он оказался в Богом забытой и вечной мятущейся Британии, где пребывал номинальным правителем, фактически не имея ни военных, ни гражданских полномочий.

Надо полагать, его отношение к императорам династии Валентиниана было хорошо известно и в войсках, не исключено также, что, тонко чувствуя ситуацию, сам Максим некоторое недовольство в легионах подогрел через своих людей. В любом случае, взбунтовавшиеся войска именно на нем остановили свой выбор, что, впрочем, было предопределено — никакого другого полководца в Британии просто было не найти. Наверное, сам Максим несколько робел перед тем, как сделать решительный и уже бесповоротный шаг, поэтому, как ни покажется странным, первоначально отклонил решение британских легионов. Но положение дел было совсем не таким, чтобы долго раздумывать — в противном случае Максим сам легко мог бы стать жертвой разъяренной толпы; в конце концов, к чему тогда вообще было затевать этот переворот? Уж не для того ли, чтобы дрогнуть в решающий момент и навсегда остаться в памяти потомков безвестным рядовым командиром, когда сама судьба дает ему в руки такой блестящий шанс?

Так или иначе, но спустя небольшое время Максим принял из рук британцев знаки императорской власти. Несмотря на то, что островная молодежь толпами записывалась в его армию, узурпатор прекрасно отдавал себе отчет в том, насколько шатко его положение. Британия — далеко не самая влиятельная провинция Империи, и расчет сохранить свою власть только в рамках острова мог прийти только в голову безумца. Опытный боец, Максим решил действовать *наступательно* и вскоре высадился в Галлии, где не встретил никаких преград. Более того, его восторженно приветствовали имперские войска, направленные Грацианом на умирение бунта.

Сам юный император в это время находился в Париже, но легкая тревога сменилась тревожным отчаянием, когда даже когорты телохранителей оставили своего царя. С 300 всадниками, единственно оставшимися верными ему, Грациан бежал в Лион, надеясь добраться до Италии и, вернувшись с легионами брата, поразить мятежников. Но, к сожалению, правитель Лиона предал его, а прибывший во главе конного отряда командующий кавалерией Максима Андрагафий 25 августа 383 г. убил Грациана и его лучшего военачальника франка Меробавда. Как рассказывают, до последней минуты несчастный царственный юноша искал помощи св. Амвросия Медиоланского, которого он очень любил. «Амвросий, Амвросий, где ты?!» — шептал он за секунду до смерти. Его духовный отец и наставник ответил ему взаимностью, оплакав смерть юного самодержца, не побоявшись возможных преследований со стороны Максима. В своей речи св. Амвросий прямо заявил: «Итак, Церковь оплакивает своего возлюбленного сына. По одной щеке ты получила удар, Церковь, когда потеряла Грациана. В смерти верных императоров есть некий упрек Церкви: столь безвременная смерть благочестивых правителей омрачает ее красоту. Скорблю о тебе, любимейший мой сын Грациан, ты дал нам много доказательств своего благочестия».

Увы, бедняге Грациану даже не довелось воспользоваться последним правом царей лежать в храме Святых Апостолов — убийцы отказались выдать труп императора его брату Валентиниану II. Узурпатор тщательно исследовал останки покойного Грациана, желая лично убедиться в смерти юноши, и долго оттягивал похороны, рассчитывая при случае продемонстрировать труп св. Феодосию Великому⁴²⁰.

Одержав победу, узурпатор немедленно направил своего посла к св. Феодосию, который уже правил на Востоке, с предложением мира — совсем юного Валентиниана II и его мать Юстину Максим, конечно, в расчет не брал. Здесь легко можно было бы вспомнить то недавнее

время, когда Констанций в аналогичной ситуации благородно выбрал войну, поставив все на кон и категорично пренебрегая возможностями союза с убийцами своего брата. Конечно, св. Феодосий был очень привязан к Грациану и не забывал, из чьих рук он принял императорскую диадему. Но объективно его возможности были очень ограничены — восточные провинции буквально стонали от бесконечных грабежей готских отрядов, а римская армия была еще очень немногочисленна. Поэтому, что называется, наступив на горло собственной песне, св. Феодосий принял предложенный Максимом союз при условии неприкосновенности Валентиниана II и его матери, а также того, что власть юного царя сохранится над Италией, Африкой и Западной Иллирией. После заключения этого мирного договора на государственных актах вновь, как и прежде, стали писать имена *трех властителей*.

Хотя св. Феодосий заключил мирное соглашение скрепя сердце, едва ли могут быть подозрения, будто в ту минуту он вынашивал коварные замыслы — его первой и главной целью была защита восточных рубежей Римской империи и восстановление Православия. Любое отвлечение на Запад могло стать губительным для него лично и всего Римского государства⁴²¹. Кроме того, он представлял собой тот редкий характер, для которого раз данное слово являлось нерушимым. Нельзя сбрасывать со счетов и проявления обычной человеческой разумности и опыта Восточного царя — не исключено, что св. Феодосий, близко зная узурпатора и объективно оценивая его положение, мудро рассудил, что у Максима немного шансов сохранить свой статус в течение долгого времени. Как вскоре выяснилось, император оказался прав.

На некоторое время ситуация на Западе стабилизировалась. В руках узурпатора оказались Британия, Галлия и Испания. Все его возможные противники из числа бывшего ближнего окружения Грациана искали убежища или в Медиолане, куда власть Максима не распространялась, либо в Церквии, у св. Мартина Турского, приютившего бывшего префекта Галлии Манлия Теодора. Сам Максим решил создать из Западной империи государство с сильным военным режимом — очевидно, он копировал стиль управления св. Феодосия Великого. Кроме того, он надеялся со временем отобрать владения Валентиниана II и стать единоличным властителем всех западных провинций без исключения⁴²².

Управление Италией сосредоточилось в руках матери царя Юстины, отличавшейся красотой и умом, но, к сожалению, исповедующей арианство, что очень ослабляло ее власть на фоне в целом православного населения западных территорий. При активном соискателе это

было чревато большими опасностями. Слабость царственного семейства красноречиво показывает история столкновения Юстины со св. Амвросием, архиепископом Медиоланским.

Святитель Амвросий происходил из древнего и благочестивого христианского рода — его родственницей была св. мученица Сотерия. В Милане он служил государственным чиновником, не будучи еще даже крещенным. В это время в городе разразился мятеж: дело заключается в том, что в 355 г., после Медиоланского собора, был освобожден от кафедры и сослан местный епископ Дионисий, сторонник Никеи. На его место был назначен арианин Авксентий, но когда он скончался, горожане шумно обсуждали кандидатуры его преемника; споры легко могли перейти в городские волнения. Святитель Амвросий по долгу службы поспешил в храм, чтобы успокоить население, и тут какой-то мальчик неожиданно громогласно назвал его епископом. Толпа, как это нередко бывает, тут же подхватила эту идею, и таким образом св. Амвросий получил епископский статус. Правда, иногда утверждают, будто эта легенда лишена исторической правды, и что решение о поставлении св. Амвросия в епископы принадлежит императору Валентиниану I⁴²³.

После смерти старших императоров св. Амвросий становится правой рукой императора Грациана в делах веры, и не без его участия в 376 г. выходит знаменитый указ против еретиков. В свою очередь Юстина никак не желала смириться с тем, что на территории, где правит ее сын, торжествует ненавистный ей Никейский Символ. Когда в 380 г. осиротела Сирмийская кафедра, оба лица — святитель и императрица — одновременно отправились туда, чтобы не выпустить инициативы из своих рук и провести ставленника своей партии. Дело дошло до того, что арианствующие знатные дамы пытались стащить кандидата св. Амвросия за одежду с кафедры. Но в целом население Сирмии не хотело следовать за обезумевшими женщинами и избрало епископом никейца. Но Юстина не думала сдаваться. Она уговаривала Грациана созвать Вселенский Собор, против чего активно выступал св. Амвросий, понимавший, что на Востоке ариане занимают большинство кафедр. Поэтому в качестве альтернативы св. Амвросий предложил созвать *западный* Поместный Собор. Такой и был собран в Аквилее в 380 г., номинальным руководителем которого стал местный епископ Валериан, но фактическим вождем являлся св. Амвросий, в очередной раз проводивший антиарианскую формулу и отправивший соответствующие послания в провинции Галлии⁴²⁴.

После смерти Грациана мать юного царя, желая получить помощь от готов, попыталась придать арианским тезисам публичные формы,

подкрепив авторитетом императорской власти, но встретила упорное сопротивление св. Амвросия. Дабы уронить статус святителя, ему было предложено принять участие в диспуте с его противниками. Но когда св. Амвросий явился утром к месту спора, то не нашел там оппонентов, видимо, разубедившихся в возможности своей победы и вообще покинувших город. Примечательно, что св. Амвросий использовал ситуацию для того, чтобы произнести одну из самых известных проповедей, затронув в ней самые важные вопросы христианской догматики⁴²⁵.

В феврале 386 г. Юстиной был издан эдикт, предоставлявший свободу собраний только тем, кто верил, как «во времена священной памяти Констанция»; остальным это право было запрещено под угрозой смертной казни. Но св. Амвросий выступил с речью, в которой доказывал бесосновательность такого вмешательства императора в дела Церкви — ему дано распоряжаться местами общественными, но не храмами, заявил св. Амвросий. В ответ ариане попытались захватить главную базилику, но святитель заперся в храме вместе со своими верными прихожанами. Поскольку никаких шансов на то, что св. Амвросий добровольно покинет храм, не было, Юстина дала приказ отряду готов *осадить* базилику. Несколько дней длилась эта осада, закончившаяся позором для царственной семьи⁴²⁶.

Разъяренная царица Юстина повелела явиться ему в государственный совет, где св. Амвросию должны были объявить о ссылке, и тот прибыл, но в сопровождении возбужденной толпы народа, которая едва не снесла царских министров. Пытаясь найти хоть какой-то компромисс между настроениями римлян и царским указом, а также не без заднего умысла, Юстина провела от имени сына эдикт о веротерпимости, в котором арианская ересь осуждалась, и каждому разрешалось исповедовать ту религию, которую тот считал наилучшей.

Надо сказать, этот закон содержал в себе известную хитрость: зная принципиальность св. Амвросия, можно было с полной уверенностью предположить, что он когда-нибудь позволит себе действия, направленные против ариан, а следовательно, нарушит принцип веротерпимости, объявленный царем; так вскоре и случилось. Но и в этот момент времени Юстина и министры ее юного сына не решились на решительные меры — св. Амвросию объявили о его ссылке, которая по тем условиям, что ему указали, была очень мягкой. Однако и это наказание не состоялось — за св. Амвросия заступился св. Феодосий, чрезвычайно благоволивший Медиоланскому архиепископу, и даже узурпатор Максим, правитель Галлии, по-видимому, искавший предлога для на-

рушения мирного договора с законным преемником Грациана⁴²⁷. Но в тот момент времени мир удалось сохранить.

Правда, в 387 г. политическая ситуация кардинально меняется, и, как предполагал св. Феодосий, нарушителем спокойствия явился сам узурпатор. Честолюбивый Максим, которому ничего не угрожало, решил претендовать на столь желанную для него Италию. Видимо, он отдавал себе отчет в том, что правитель Галлии, Британии и Германии едва ли мог в сознании Рима претендовать на *полноценный* статус императора, а останавливаясь на полпути он явно не собирался. Для реализации своих планов он прибег к коварному ходу, увенчавшемуся успехом. В это время Валентиниан II и Юстина, встревоженные военными приготовлениями готов в Паннонии, направили своего посла Домнина Сирийского к Максиму с просьбой о помощи. Можно с большой долей уверенности предположить, что посол вскоре был подкуплен Максимом: ведь именно он убедил царя и его мать открыть Альпийские перевалы для прохода выделенного им Максимом военного отряда. Царственная семья легкомысленно приняла «троянскую» помощь, не подозревая, что за передовым подразделением движется все войско Максима. Прозорливый св. Амвросий пытался убедить их в коварности предложенного Максимом плана, но его советы были отвергнуты.

Западня обнаружила уже тогда, когда жители Милана, где располагался царский двор, увидали пыль из-под ног легионеров армии Максима. Валентиниану II и Юстине ничего не оставалось делать, как бегством спасти свою свободу и жизнь. Они сели на корабль и вскоре достигли берегов Фессалоники, где их взял под свою защиту св. Феодосий. В это время тиран уже вошел в Милан, пребывая в абсолютной уверенности в близком и окончательном успехе своего похода.

Все же, возможно, и на этот раз дело не дошло бы до войны между св. Феодосием и Максимом, если бы не некоторые субъективные обстоятельства. С одной стороны, Восточному императору не хотелось начинать военные действия из опасения, что начавшаяся гражданская война ослабит Римское государство. С другой стороны, было много причин обнажить меч на узурпатора. Святой Феодосий понимал, что честолюбие Максима невозможно остановить никакими соглашениями и договорами, и после западных провинций он наверняка начнет поглядывать на Восток. Кроме того, армия, которую привел Максим, состояла из вооруженных и слабоорганизованных варваров, разрушавших все на своем пути. Поражение Максима почти наверняка означало ослабление этих извечных врагов Рима. Над совестью св. Феодосия

довлело также и то, что он не сумел защитить достоинство и сохранить статус близких лиц того человека, который его самого привел к царству. С другой стороны, Максим совсем не был мальчишкой для битвы, и война с ним могла привести Феодосия к печальному финалу.

Чаша весов еще колебалась, когда все решила любовь св. Феодосия к юной сестре Валентиниана II принцессе Галле. К этому времени он уже потерял свою жену *св. Элию Плакиллу* (в 385 или 386 г.) и, увидев принцессу два года тому назад в Константинополе, который она кратко посетила, проникся к ней высоким чувством. Узнав, что царственная семья находится в Фессалониках, он немедленно выехал туда и сделал предложение Галле, благосклонно принятое ею. Война тем самым была предreshена, тем более что военный совет, срочно созданный св. Феодосием, также решительно высказался за войну с Максимом⁴²⁸.

И тем не менее силы врагов были равны, и многие современники не спешили предсказывать победу императору Востока. Перед самым началом боевых действий случилась анекдотическая история, хорошо иллюстрирующая настроение римских граждан. Епископ Александрии *Феофил* (384—412) направил своего посланника Исидора в Рим с двумя поздравительными посланиями; одно было обращено к Максиму, второе — св. Феодосию. Исидор должен был дожидаться победы одного из соперников и преподнести ему поздравления епископа. На свою беду, посланник так впоследствии разволновался, что вручил св. Феодосию письмо, адресованное... Максиму⁴²⁹.

Но св. Феодосий всем показал, насколько он превосходит Максима и как стратег, и как тактик. Он решил проблемы восточной границы, заключив союз с царем Персии, и персы согласились служить под его знаменами, зная св. Феодосия как щедрого и удачливого полководца. Восточный император привлек и другие силы, вследствие чего его армия стала превосходить по численности войско узурпатора, был подготовлен и многочисленный флот. Кроме прочих преимуществ, св. Феодосий располагал хорошо организованной кавалерией, набранной из гуннов и аланов, способной приводить в трепет закаленные галльские и германские легионы Максима. Наконец, что входило в заранее выработанную стратегию, св. Феодосий умело распределил собственные силы, распылив войска Максима. Тиран небезосновательно опасался, что отряд франка Арбогаста проникнет в центр Галлии, а Валентиниан Младший и его мать после потенциальной морской победы высадутся в Риме и вступят в обладание этим крупнейшим городом Империи.

Как и во всем остальном, св. Феодосий превосходил Максима и в разведке, одной из задач которой являлось распространение ложных

слухов. В результате узурпатор оказался в полном неведении относительно планов императора, и единственное, что мог противопоставить ему, — окружить город Эмоны в Паннонии. Но в это время уже сам св. Феодосий энергично выступил ему навстречу.

Все закончилось в два месяца. В 388 г. возле осажденного Максима города, на виду неприятеля, армия св. Феодосия начала переправу, которой не смогли помешать отряды узурпатора, защищавшие противоположный берег. Брат Максима Марцеллин пытался с отборными западными когортами сбросить войска св. Феодосия в реку, но их атаки не увенчались успехом, и к темноте они сложили свои знамена под ноги императора. Не дожидаясь благодарностей от жителей Эмоны, св. Феодосий форсированным маршем вел свои легионы вперед, желая захватить врага врасплох. Тот в панике пересек Юлийские Альпы и скрылся за стенами Аквилеи, едва успев закрыть городские ворота перед разведчиками св. Феодосия.

Но ничто уже не могло спасти тирана. Разъяренные солдаты и жители города сорвали с него знаки царского достоинства и в жалком виде выдали св. Феодосию. Тот в очередной раз пытался проявить свое врожденное благородство и не хотел предать врага смерти, тем более что *формально* тот никогда не покушался на его власть. Но воспоминания о Грациане и прочих злодеяниях Максима всколыхнули его душу, и он передал узурпатора в руки солдат, которые немедленно отрубили тому голову. Вскоре был убит и сын Максима Виктор, получивший от отца титул августа — очевидно, узурпатор хотел основать свою собственную династию. Говорят, к гибели Виктора был причастен военачальник Арбогаст, которого так боялся тиран и с которым мы еще столкнемся ниже.

Блистательно завершив кампанию, св. Феодосий перезимовал в Милане, а затем совершил в 389 г. вместе со своим маленьким сыном *св. Гонорием* триумфальное шествие в Рим⁴³⁰. Там св. Феодосий в очередной раз поразил римлян своим благородством. Он не только вернул жителям Запада, поддерживавшим узурпатора, конфискованные земли, но и покрыл их убытки; кроме того, царь позаботился о средствах к существованию престарелой матери Максима и его дочерей⁴³¹.

Замечательно, что победа святого императора была ознаменована чудом, явленным Богом в Риме. В полночь в небе появилась чудесная, яркая звезда, возле которой вдруг, словно по волшебству, начали кружиться остальные звезды, образовав форму меча. Затем эта необычная фигура вошла в созвездие Большой Медведицы и погасла⁴³².

Вся Римская империя теперь находилась в руках св. Феодосия, и никто не смог бы его упрекнуть, если бы он объявил о своем единоличном правлении. Но и сейчас он совершил то, чего от него не ожидали. Святой Феодосий *вернул* престол Валентиниану II и его матери, которая под влиянием св. Амвросия Медиоланского уже стала тяготеть к Никейскому Символу Веры. Однако ни св. Феодосий, ни Юстина, ни Валентиниан не предполагали, что развязка уже близка. Надорванная предыдущими неудачами, царица почти совершенно удалась от дел, и теперь юный Валентиниан II, которому еще не исполнилось и 20 лет, пытался входить в практический курс науки управления государством. Римляне восхищались его целомудрием и воздержанностью от мирских наслаждений, способностью входить в существо вопроса, нежной привязанностью к сестрам, с которыми он вместе рассматривал судебные дела и неоднократно выносил мягкие приговоры взамен ранее определенных⁴³³. Без всяких сомнений, из мальчика мог вырасти блестящий правитель Римской империи и примерный христианин.

Его беда, однако, заключалась в том, что рядом не нашлось хороших советников и друга, способного твердой рукой поддержать в трудную минуту. Франкский вождь Арбогаст, ранее служивший Грациану, затем св. Феодосию, столь много сделавший для победы над Максимом, вдруг проникся более честолюбивыми замыслами, решив примерить на себя царскую корону западных провинций. Оставшись при дворе Валентиниана II Младшего, он действовал очень умело — щедрыми дарами расположил к себе войска, находившиеся в Риме, а на руководящие придворные должности расставил своих земляков франков. Арбогаст позволял себе очень грубый тон по отношению к императору, не исполнял его распоряжений и, напротив, издавал от его имени свои собственные приказы, о которых даже не всегда ставил в известность царя⁴³⁴.

Юноша-царь далеко не сразу смог понять, что происходит у него за спиной, и почему его ближайший товарищ и советник, как тот сам себя называл, действует совершенно *самостоятельно* и в собственном интересе. В какой-то момент времени Валентиниан II вдруг обнаружил, что все его окружение состоит исключительно из сторонников Арбогаста, который, по существу, лишил царя всякой информации о состоянии дел в Империи и фактически отстранил от управления государством. Царь стал почти пленником, но, не желая унижать своего царского титула, решил дать открытый бой своему противнику.

Впрочем, первоначально благоразумие не оставляло его, и он попытался решить вопрос без публичной огласки. Втайне написав письмо

св. Амвросию Медиоланскому, Валентиниан II попросил того выступить посредником между собой и франком, попутно он направил письмом св. Феодосию с просьбой вступить за него. Кроме того, император очень просил крестить его, словно предчувствуя неминуемую гибель. К сожалению, сам св. Амвросий не имел возможности в тот момент совершить таинство Крещения над ним, и страстное желание императора не было удовлетворено.

Впрочем, возможно, терпение привело бы Валентиниана II к успеху, но, как нередко бывает, юный царь не смог сдержать благородные порывы гнева и тем самым невольно спровоцировал близкую развязку. Как-то раз император вызвал франка к себе и, сидя на троне, потребовал от того отчета обо всех уволенных из царского двора и назначенных чиновниках, а потом вручил ему бумагу, в которой говорилось об отставке самого Арбогаста. На это дерзкий франк хладнокровно и цинично заметил, что не нуждается в одобрении своих поступков, и его власть зависит не от Валентиниана, а от остроты меча, что висит у него сбоку.

Рассерженный царь едва не прикончил франка клинком, выхваченным из ножен стоявшего рядом телохранителя, но по мягкости характера не смог опустить меч на его шею. Внешне происшедшее постарались прикрыть благопристойными картинками, однако уже через несколько дней Валентиниана Младшего нашли задушенным в собственной спальне, и Арбогаст распространил слух, будто бы отчаявшийся царь сам себя лишил жизни. Тело императора было перевезено в склеп, где над ним св. Амвросий произнес пышную речь, в которой даже уверял плачущих сестер Валентиниана II, что, несмотря на отсутствие таинства Крещения, их царственный брат своими делами и самой смертью заслужил себе вечный покой.

Святитель Амвросий Медиоланский дал замечательные характеристики юноши-царя, искренне горя о том, что в его лице Рим лишился замечательного властителя. «Оплакивают Валентиниана все, плачут неизвестные и боящиеся, плачут принужденные и варвары, плачут и те, которые казались неприятелями. К скольким стонам побудил он народы от Галлии и до наших мест? Ибо все оплакивают его не как императора, но как общего отца, сожалея о смерти его, как своей собственной. Лишились мы императора, о котором соболезнование наше умножается тем более, что был он не зрел летами, но мудр советом»⁴³⁵. В своей эпитафии на смерть василевса св. Амвросий, между прочим, едва ли не впервые в церковных памятниках уподобил царя священнику. Так, обращаясь к сестрам убитого, он восклицает: «Позабудьте

его несчастье, помните его добродетель. С упованием ожидайте от него помощи, ночью да престанет он вам *как архиерей* (выделено мной. — А. В.), и пусть не разделяет вас от него и самый сон»⁴³⁶.

Так прекратила свое существование династия Валентиниана, с которой связаны серьезнейшие кризисы Империи, отпадение территорий, занятых варварами, и проблески грядущих бед, которые еще столетиями будут преследовать вечный Рим. Вместе с Валентинианом II заканчивала свою историю эпоха Западных императоров. Теперь уже не Рим, а *восточная столица*, Константинополь, все более будет определять характер отношений между двумя частями Империи и имя будущего властителя Вселенной.

Глава 3. Церковные дела и религиозная политика императоров

Краткое царствование Юлиана-Отступника и Иовиана заметно изменило положение дел в Церкви. Старое поколение богословов постепенно уходило со сцены, уступая место новым исследователям истины, не принимавшим участие в прежних диспутах и потому более сдержанным и склонным к выслушиванию мнения своих оппонентов. Изменяются и предметы спора: самый важный вопрос, рожденный арианством, о Божестве Сына, постепенно теряет свою остроту и уступает место другим догматическим темам, в том числе о Божестве Святого Духа. Соборная активность не ослабла, но заседания, организованные после смерти Констанция и вплоть до II Вселенского Собора, носят скорее *примирительный* характер. Ни одна из сторон более не требует обязательного *вселенского* признания своей вероисповедальной формулы.

Церковному миру, как это ни покажется странным, в большой степени способствовала религиозная политика Юлиана, закончившаяся сценами времен Диоклетиана. На время все, кроме одиозных вождей ариан, снискавших расположение Отступника, отложили обиды и сплотились, чтобы дать отпор надвигающейся опасности. Старый никеец Аполлинарий Лаодикийский в блестящем сочинении доказал несостоятельность язычества, а слепой старик арианин Марий Халкидонский публично проклял Юлиана в его собственном присутствии. Оставленные политической властью, не желавшей видеть при своем дворе никого из галлиеев, церковные партии волей-неволей вынуждены были сблизиться, оценить достоинства противников и собственные ошибки⁴³⁷.

В 60-х и 70-х гг. IV в. уже не наблюдается крупных арианских Соборов, как это было ранее в Тире и Селевкии. Вообще не видно Соборов, которые взяли бы на себя смелость по-новому изложить исповедание веры. Самые стойкие ариане с подозрением стали относиться к своим бесконечным по числу вариаций Символам — ведь ни один из них не приобрел ни авторитета, ни популярности в Церкви. Они начали вслух припоминать пророческие слова св. Афанасия, что, оспаривая Никею, составят множество иных Соборов, на каждом из которых будут излагать веру, но ни одно их вероизложение не устоит⁴³⁸.

«Во всем, что ни делают теперь ариане, слышится лишь один и тот же зов: “Пойдем к отцам своим и скажем им: анафематствуем арианскую ересь и признаем собор Никейский”, как это требовал от них св. Афанасий». Страх перед «Единосущием» прошел, а о составлении новых Символов уже нет и речи. Со своей стороны православные также становятся все более снисходительными к противникам; при самых легких условиях кающиеся ариане принимаются в Церковь. Даже в таких гнездах арианства, как Константинополь и Антиохия, постепенно начинают преобладать никейцы. К 70-м гг. IV в. стало очевидным, что Никейская вера получает повсеместное признание и первенствует⁴³⁹.

Уже осенью 363 г., сразу после смерти Отступника, в Антиохии состоялся Собор из 27 епископов под руководством патриарха *Мелетия* (360—381). Отцы Собора заявили, что они держатся Никейской веры, но готовы понимать ее следующим образом: Сын рожден из существа Отца и подобен Отцу по существу. В любом случае, они внесли в соборные акты текст «Никейской веры», подписали его и отправили императору Иовиану на утверждение. Мало-помалу значительная часть восточного епископата начинает отходить от жесткого неприятия «Единосущности», а арианство испытывает на себе новые разделения на различные партии.

Другая часть епископов, принадлежащих к «срединной» партии, увлеклась македонианством, отвергая и Никейский Собор, и Константинопольский Собор 360 г. Они вообще перенесли акцент догматического спора на изучение Святого Духа, Которого не признали третьей ипостасью Святой Троицы, а всего лишь одним из служебных духов, подобных ангелам. Возглавил это движение епископ Македоний. Но когда македониане в 364 г. обратились к императору Валентиниану I с просьбой разрешить им провести свой Собор в Лампсаке, тот ответил, что догматические вопросы — не его дела, а епископов. Затем, не найдя поддержки у Валента, они обратились на Запад, к Римскому папе *Либерию* (352—366), который, приняв от них подписание Никейского

Символа (без этого, как правильно понимали македониане, никакой диалог с Римом был бы вообще невозможен), принял их в общение⁴⁴⁰.

В свою очередь, получившие возможность вернуться из ссылки, а некоторые — и счастливую возможность занять свои вдовствующие кафедры, епископы-никейцы широко использовали свободу изложения собственных догматических воззрений, почти исчезнувшую во времена императора Констанция. И здесь вновь, как и раньше, ведущую роль играл св. Афанасий Великий. Прибыв в Александрию, он, не мешкая, созвал 12 февраля 362 г. Собор из своих единомышленников, и хотя собралось всего 22 человека, это были старые, испытанные вожди Никее. В первую очередь Собор признал непоколебимым Символ Веры, утвержденный на I Вселенском Соборе, «достаточным и самодовлеющим». Затем Собор рассмотрел несколько вопросов о процедуре возвращения еретиков и всех, имевших с ними дела, в Православие. Наконец, был затронут по инициативе самого св. Афанасия вопрос о Святом Духе, Который был признан единой ипостасью Божества. И хотя вскоре св. Афанасия вновь сослали (уже при Юлиане Отступнике), Александрийскую формулу повторили Македонские, Ахайские, Испанские, Галльские соборы и папа Либерий⁴⁴¹.

Занявший место Отступника Иовиан, как указывалось выше, был твердым христианином, причем испытывал устойчивые симпатии к Никее и лично св. Афанасию. Известно, что они неоднократно встречались, и император даже просил св. Афанасия изложить в письме к нему «Вселенскую веру». Вместе с тем Иовиан был далек от того, чтобы *навязывать* свое мнение той или иной церковной партии, тем более Вселенской Церкви. Когда возвратившиеся из ссылки никейцы просили его в своих ходатайствах освободить занятые их врагами кафедры, император посоветовал им сохранять мир, единомыслие и избегать вражды⁴⁴². Возможно, в то время это действительно был лучший выход из создавшейся ситуации. Церковь естественно и спокойно перерабатывала в своем сознании догматические тонкости и выбирала тот путь, который приводил ее к Истине.

Но воцарение двух братьев — Валентиниана и Валента вновь резко изменило картину церковной жизни. Валентиниан I — безусловный христианин по своим религиозным убеждениям, обладал, в отличие от своего брата, еще одним завидным качеством — безупречной толерантностью. Он не только разрешил старые, относительно безобидные отеческие культы, но и отказался высказывать предпочтение какой-либо церковной партии. Хотя Запад и сохранял верность Никее, однако и при таких условиях Валентиниан *отказался* удалить несочув-

ствующим Никее епископов, о чем его просили никейцы. Его мудрость обнаружилась в самое ближайшее время — немного спустя весь Запад вновь стал никейским: так Православие само собой, при мудрой политике правителя, завоевало римские провинции.

Относясь довольно терпимо к язычеству (даже иудейские синагоги император освободил от квартирной повинности), Валентиниан I все же не раз демонстрировал, что является *христианским* государем. Он восстановил привилегии клирикам, данные еще св. Константином Великим, и освободил монахов от *lustralis collation*, под угрозой штрафов приказал праздновать воскресенье и Пасху, запретил в воскресенье принудительные работы для христиан и отправку христиан-солдат для охраны языческих храмов. Правда, в делах церковного управления активность Валентиниана была невысока — он совершенно не вмешивался в назначения лиц на епископские кафедры и отказывался рассматривать взаимные жалобы епископов друг на друга⁴⁴³.

Несколько иначе сложилась ситуация на Востоке, куда прибыл Валент. Для уяснения его церковной политики нужно понимать, что Никейский Символ безраздельно господствовал к тому времени среди восточных провинций только в Египте, но, как справедливо отмечают, править Римской империей из Александрии было невозможно. Новоникейская партия была еще слаба и малочисленна; *аномеи* составляли замкнутую в себе общину, а *омиусиане*, дискредитировавшие себя собственной податливостью в краткое царствование Иовиана, значительно сократились в численности, причем лучшие примкнули к новоникейцам. Таким образом, из наиболее влиятельных церковных фигур на Востоке оставались одни *омии*, которые еще во времена Констанция заняли наиболее видные кафедры и сохранили за собой господствующее положение. В самом Константинополе властвовал епископ Евдоксий, опытный в дворцовых интригах человек, вскоре заслуживший почти безусловное доверие нового царя.

Возвращаясь осенью 364 г. из Наиса, где он простился с отправившимся в Италию Валентинианом I, Валент в Ираклии встретился с представителями Лампсакского собора (364 г.), обвинившими омиев во главе с *Евдоксием* (360—370) в ереси. Но уже на этой встрече Валент, до сих пор не примыкавший ни к какой церковной партии, не скрывал своих симпатий к противникам жалобщиков, а, приехав в Константинополь, еще более укрепился в своих предпочтениях.

Для Валента, не стремящегося к активной церковной политике в духе св. Константина или Констанция, омии казались настоящим подарком судьбы. Он не был строгим никейцем (хотя, конечно, не по

религиозным убеждениям, а потому, что вообще слабо понимал существо спора, и потому стремился к компромиссу), и современники поговаривали, что серьезное влияние на его религиозные предпочтения оказала жена Домника, явная арианка.

Омии, дорожившие церковным миром, хотя бы только и внешним, всегда способные примириться с чужой точкой зрения, если только она не подрывала их гегемонию, сформулировали такую редакцию Символа, которая допускала самые различные его толкования, наилучшим образом подходили к личности императора. Вскоре, в 367 г., епископ Евдоксий Константинопольский, умевший сказать в нужное время нужное слово, совершил таинство Крещения над Валентом перед его отправлением на войну с готами. Это было не рядовое событие: как известно, во времена древней Церкви было принято принимать Крещение непосредственно перед смертью, потому данный факт свидетельствует о настроениях Валента (панических) и о религиозных пристрастиях, которые уверенной рукой формировал в его сознании епископ Евдоксий⁴⁴⁴.

Успех, сопутствовавший царю в Готской войне, окончательно преопределил покровительство Валента омиям. Нельзя сбрасывать со счетов и субъективные стороны натуры Восточного императора — не любивший категоричных решений, он вполне удовлетворялся расплывчатыми формулировками Евдоксия, всегда оставлявшими возможность для богословского маневра. К тому же его жена явно симпатизировала омиям, и Валенту было приятно присоединиться к супруге в этом сложном вопросе.

Как видим, в отличие от своего старшего брата, Валент хотел продемонстрировать более деятельное участие в делах церковного управления и особенно в формулировании Символа Веры. Не исключено, что, как это нередко бывает у робких натур, в глубине души им двигали примеры св. Константина и Констанция, которым втайне ему хотелось бы подражать. Но, в отличие от этих славных царей, Валент допустил одну существенную ошибку — св. Константин и Констанций хотя и проводили определенную линию в пользу конкретной церковной партии, но сами *стояли вне внутрицерковной борьбы*, то есть занимали положение *над* партиями. Валент же в порыве усердия бросился в руки омиев и сделался вскоре их орудием, чем во многом дискредитировал себя в глазах остальных деятелей Церкви. Не обладая ни твердостью равноапостольного императора, ни образованностью Констанция, Валент зачастую лишь слепо исполнял волю Евдоксия и его сторонников, устраняя административным путем его противников с епископских кафедр.

Поскольку натура у Валента была противоречивая, приверженность омиям основывалась на второстепенных базисах. Примечательно, что сам он максимально уходил от вмешательства в богословские споры, выступая лишь в качестве своеобразного *судебного пристава*, принудительно исполнявшего приговоры в отношении лиц, недружественных омиям, но особенно не интересующегося содержательной частью судебного решения.

Вместе с тем объективность требует *уточнить* некоторые кажущиеся общепринятыми оценки церковной политики Валента. Время его правления нередко характеризуется как сплошная череда гонений на никейцев, вплоть до жестоких казней и изгнаний. На самом деле более последовательным кажется тот вывод, что и Валентиниан I, и Валент, при известных различиях их религиозных мировоззрений, в силу обстоятельств времени и места оказались *заложниками* предпочтений своих подданных, в первую очередь епископата. Едва ли можно предположить, что сыновья простого солдата, не получившие серьезного образования, тем более религиозного, могли с твердой убежденностью навязывать населению свое мнение, когда границы Римской империи трещали по швам, армия и конкуренты могли в любой момент выставить альтернативные кандидатуры на трон, а церковный мир казался едва ли достижимым. Это мог позволить себе Констанций — урожденный аристократ царских кровей, единоличный правитель Империи и талантливый полководец, но не два в известной степени *случайно* удачливых соискателя на царство, какими были Валентиниан и Валент.

Поскольку на Западе преобладали никейцы, Валентиниан I в поисках церковного единомыслия сделал ставку на них, не стараясь тем не менее какими-либо искусственными мерами обеспечить их доминирование. В связи с тем, что омии преобладали на Востоке, Валент также вполне благоразумно посчитал, что при фанатичном настроении тамошнего городского населения именно они являются той партией, которая способна сплотить вокруг себя остальных. Но для сознания тех древних лет даже открыто выраженное предпочтение императора той или иной догматической формуле рассматривалось как *факт гонения* всех ее противников. Нельзя, конечно, сбрасывать со счетов и того обстоятельства, что очень часто омии (епископы и рядовые миряне), а также представители чиновничества, желая заслужить таким способом расположение царя, самоуправно применяли насильственные меры к своим противникам.

Напротив, когда в дело вмешивался непосредственно Валент, его толерантность, кротость и незлобивость удивляли всех присутствующ-

щих. Например, во время войны с готами, то есть уже после своего крещения и установления негласного союза с Евдоксием, царь остановился в главном городе Малой Скифии Томисе и отправился со своей свитой на богослужение в ближайший храм. Но местный епископ Ветранион подверг его суровому обличению в своей речи и демонстративно удалился в другую церковь, вызвав тем самым всенародное осмеяние императорского величества. И что же? В виде наказания, которому император подверг епископа, тому назначили непродолжительную ссылку в неподалеку расположенный город.

В Кесарии Каппадокийской, где уже блистал знаменитейший Отец Церкви св. Василий Великий, известный своей верностью Никейскому Символу и вождь им же организованной «новоникейской партии», Валент смиренно прошел в храм, где простоял всю Литургию, а затем подарил св. Василию богатые земли для организации попечения над стариками и больными, которых окормлял св. Василий.

Находясь в Эдессе, он пожелал приобрести для омиев знаменитую церковь Св. Фомы, но неожиданно столкнулся с массовым протестом местных жителей. Множество народу, даже женщины с грудными детьми, пришли к храму, не боясь принять мученический венец от подошедших войск. И, чуждый насилия, Валент отказался от своей затеи. Святитель Афанасий Великий, пользуясь рескриптом императора, спокойно оставался на своей кафедре до самой смерти в 373 г., а противостоящие омиям епископы отделялись, как правило, либо легким штрафом, либо необременительной ссылкой с весьма снисходительными условиями⁴⁴⁵.

Однако не всегда отношение Валента ко всем, кто не принимал формулу омиев, было столь терпимым. В частности, в 365 или 367 гг. он запретил епископам, изгнанным Констанцием, возвращаться на свои кафедры. Под этот указ недоброжелатели пытались подвести и св. Афанасия Великого, но александрийцы настолько горячо защищали своего архипастыря, так страстно доказывали, что именно этот закон не подходит под данную ситуацию, что Валент смиростивился и оставил св. Афанасия на прежней кафедре⁴⁴⁶.

Вообще, как замечают историки, гонения никейцев и антиариан в правление Валента во многом зависело от наклонностей правителя конкретной провинции — настолько условна была в некоторых местах власть Валента. Наибольшие гонения произошли в Антиохии, где Валент воевал с персами и где он непосредственно имел возможность проследить за точным исполнением собственных приказов. Все главнейшие епископы — антиариане, включая Мелетия Антиохийского,

Пелагия Лаодикийского, Евсевия Самосатского и Варса Эдесского, — были сосланы в отдаленные провинции Империи⁴⁴⁷.

Но иногда встречались поистине чудовищные события, как, например, история с 80 иноками, направленными в 370 г. в Константинополь православными общинами с жалобами на притеснявших их ариан. «Житие» гласит, что разгневанный император велел префекту Модесту казнить жалобщиков, и тот будто бы посадил клириков на корабль, который по его приказу подожгли и отправили в море. Часть монахов сгорела, другая — утонула; память их отмечается Церковью 5 сентября⁴⁴⁸. Правда, до сих пор достоверно неизвестно, имел ли все-таки сам император Валент отношение к данному преступлению или нет, — «Жития» не являются *безусловным* историческим источником в буквальном смысле этого слова. Кроме того, данное событие настолько выглядит одиозно на фоне обычной практики Валента, что очень сложно предположить, будто император в действительности мог пойти на такое преступление. По крайней мере, многие достопочтимые историки Церкви весьма скептически относятся к попыткам связать это событие с именем императора Валента.

Гонения на православных особенно ощущались в Египте после смерти св. Афанасия Великого, когда за вдовствующую кафедру началась борьба между православным епископом *Петром* (373—374, 379—380) и арианским архиереем *Лукием* (361, 365, 375—378). Последний не преминул воспользоваться помощью царя — он выпросил 3-тысячный отряд, которым руководили арианские пресвитеры, принуждал монахов подчиниться арианскому архиерею, а молодых и здоровых иноков забрал на воинскую службу⁴⁴⁹.

Но это были уже последние вздохи арианства. После смерти Валентиниана I на престоле укрепился Грациан, твердый приверженец Никейского Символа. По совету папы *св. Дамаса I* (366—384) Грациан от общего имени обоих императоров (своего и Валентиниана II) приказал возвратить всех никейцев из ссылки, а ариан удалил с епископских кафедр. Когда в Антиохии произошло очередное волнение из-за преемника вдовствующей кафедры, цари направили туда войско во главе с полководцем Сапором, который и восстановил епископом города никейца *Мелетия* (360—381)⁴⁵⁰.

Вообще, в лице Грациана и Валентиниана II Младшего Римский мир увидел фигуры времен св. Константина Великого и Констанция, не допускавших индифферентизма в делах веры. Грациан первым делом приказал лишить жрецов государственного содержания, а храмы — доходов, выделявшихся из государственной казны, а затем во-

обще отписал эти храмы в государственную казну. Вслед за этим были отозваны и оставшиеся от древних времен привилегии, которыми владели жрецы. Вводился запрет на переход из христианства в язычество или иудаизм — таковые могли лишиться даже жизни за свой поступок.

Наравне с язычеством император боролся с остатками арианства и донатизма. В 376 г. Грациан издал закон о кафолической святости, которым запрещались всякие еретические собрания как в городах, так и в целом по стране. Все места, где под вымышленными предлогами алтари были поставлены и освящены еретиками, или помещения, где они собираются, подлежали конфискации. Аналогичный закон последовал и в 378 г., главная цель которого заключалась в ужесточении наказаний за неисполнение более раннего по времени правового акта. Третий закон, подписанный императором в Милане в 379 г., характерен словами царя, в которых тот выражает свое отвращение к еретикам. Хотя таковых, в понимании «ереси» императором, было немало и при его дворе, и даже в свите, он не остановился перед тем, чтобы запретить всякое некафолическое богослужение под угрозой смертной казни. Особенно неудовольствие Грациана вызвали донатисты, против которых он издал два специальных закона. Наказание донатистам — то же, что и прочим еретикам: их церкви подлежали конфискации в пользу казны. В качестве «крайнего судии», определявшего кафоличность или еретичество той или иной церковной группы, Грациан назвал Римского епископа.

Параллельно этому Грациан издал несколько законов, цель которых заключалась в улучшении положения клира. Так, в 376 г. был отменен старый закон, охранявший права государства от церковной подсудности. Все церковные споры и небольшие деликты, относящиеся к соблюдению религии, были признаны подсудными местным епископам и соборам соответствующих диоцезов, за исключением уголовных дел, рассматриваемых светской властью. В 377 г. император издал знаменитый закон, по которому не только епископат, но и низшее духовенство было освобождено от принудительных должностей и личных повинностей. В 379 г. был подписан эдикт, который освобождал от налогов мелкую торговлю клириков в Италии, Галлии и Иллирике. Наконец, под влиянием св. Амвросия был принят закон, который освобождал дочерей актеров в случае их перехода в христианство от принадлежности к этому позорному сословию и соответствующих обязанностей⁴⁵¹.

В 382 г., то есть незадолго до своей гибели, Грациан подписал эдикт против еретиков, первой жертвой которого пал Присциллиан — церковный реформатор и гностик. По инициативе Идация, епископа Эме-

ритского, Грациан назначил Собор в Сарагосе, который заочно осудил не явившихся на него епископов Инстанция и Сальвиана, мирян Елпидия и Присциллиана — родоначальника ереси. Примечательно, насколько религиозная политика Грациана отличалась от взглядов Максима-Узурпатора. Желая найти твердую поддержку у населения, последний постоянно варьировал, то обращая свои взгляды к кафоликам, то к язычникам. Единственные, кем Максим не интересовался, являлись ариане по причине их крайней малочисленности на Западе. Когда после смерти Грациана Присциллиан и его сторонники захватили ряд кафедр, Максим по просьбе епископов велел созвать еще один Собор — в Бордо, вновь осудивший заочно Присциллиана, а император приказал даже *казнить* его и некоторых его сторонников, когда те решились апеллировать к узурпатору.

По сути, это был первый прецедент, когда вследствие отказа лица от следования ортодоксии его предавали смерти по государственному закону. Впрочем, некоторые обстоятельства дела позволяют высказать то предположение, что Максим казнил Присциллиана не только из-за религиозных взглядов последнего. Приобретший широкую популярность в Риме, Присциллиан показался узурпатору потенциальным *политическим противником*, а потому его участь была предрешена⁴⁵². Правда, симпатий к Максиму этот эпизод не добавил, и св. Амвросий в первую очередь открыто демонстрировал свое пренебрежение этому баловню судьбы⁴⁵³. Как можно понять, такие строгие меры против еретиков и иноверцев по причине их беспрецедентности вызывали скорее недовольство у населения, чем одобрение.

Казни еретиков тем более выглядели нелепо, что Арбогаст и Евгений, желающие опереться на старую римскую партию, постоянно балансировали на грани Кафолической веры и язычества, то принимая делегации от язычников и давая приказы внести в сенат алтарь Победы, то затеывая переписку со св. Амвросием Медиоланским. Словно желая отказать узурпаторам в молитвенной поддержке, св. Амвросий уехал из Медиолана (Милана) в Италию, а оттуда — во Флоренцию⁴⁵⁴. Вообще же, как можно понять, те ригоризмы в религиозной политике, которую позволяли себе узурпаторы, не снискали им уважения среди римлян. Те не очень любили казнь как меру религиозного убеждения и, кроме того, решительно встали на защиту христианства.

Мало того что Грациан решительно вмешался в тринитарный спор, своим личным примером он стяжал славу сподвижника и ревнителя Православия. О духовных подвигах Грациана известно мало, но по деяниям его младшего брата можно сделать вывод и о характере пове-

дения старшего императора. В частности, благочестие Валентиниана Младшего было столь велико, что, узнав, будто его упрекают в чревоугодии, он принял строгий пост, одновременно с этим устраивая своим вельможам пышные пиры, где сам вообще ничего не ел. Когда некие лица были уличены в злоумышлении против него и ему предложили их казнить, он отвечал, что в святые дни (видимо, речь шла о днях празднования Пасхи) нельзя допускать кровопролития.

Когда язычники потребовали восстановления своих прав, отнятых при жизни Грациана, с чем, кстати сказать, были согласны и многие христиане, Валентиниан II ответил: «Что благочестивый брат мой у вас отнял, то как я могу вернуть вам? Ибо этим обижена была бы вера и брат, ниже кого в благочестии не хочу быть»⁴⁵⁵.

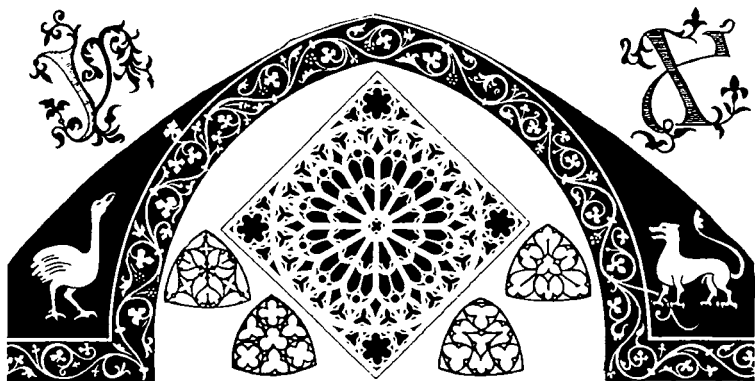
Именно Грациан в 375 г. публично сложил с себя звание *pontifex maximus* — неизменный атрибут императорской титулатуры, и в 382 г. приказал вынести алтарь Победы (ранее удаленный по распоряжению Констанция и возвращенный на место Отступником) из стен Сената. Его приверженность никейству тем более удивительна, что среди своих наставников он не имел хорошего богослова, место которого занимал язычник Авзоний. Между тем, возможно, желая продолжить традицию своего отца, Грациан решительно встал на сторону Никейского Символа. А на Востоке «великие каппадокийцы» (св. Василий Великий, св. Григорий Богослов, св. Григорий Нисский) и император **св. Феодосий Великий** окончательно ниспровергли ересь арианства, подготовив Второй Вселенский Собор, который вскоре состоится в Константинополе.

ДИНАСТИЯ ФЕОДОСИЯ

VI. СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ I ВЕЛИКИЙ (379–395)

Глава 1. Святой император

Взошедший через пять месяцев после гибели Валента на престол по воле Грациана, 33-летний **св. Феодосий** представлял собой удивительный и редкий образец сочетания лучших римских традиций и христианского благочестия. Даже такой автор, как Э. Гиббон (1737–1794), не находит слов, чтобы выразить свое восхищение этой благородной натурой: «Благоразумие изданных им законов и его военные успехи внушали уважение к его управлению и его подданным и его врагам». Он отличался семейными добродетелями и целомудрием, был верным супругом и снисходительным отцом, искренне и горячо любил своего дядю, который приобрел при нем положение покойного отца, и его заботливое внимание распространялось даже на самых дальних и незнатных родственников. При этом св. Феодосий проявлял большое благоразумие в выборе друзей и приближал к себе лишь тех, с кем близко сошелся, будучи еще малоизвестным человеком.

Честность и благородство св. Феодосия были выше всяких границ, достаточно привести лишь один пример, демонстрирующий, каких характеристик он удостоился к моменту прихода к власти. После страшного поражения под Адрианополем Грациан долго размышлял над тем, кому можно было бы доверить управление восточными провинциями. При всех сомнениях его выбор пал на св. Феодосия, отца которого за три года до этого сам же Грациан приказал казнить по лож-

ному обвинению. И вот теперь юный вождь передавал власть в руки сына казенного полководца, не опасаясь с его стороны никаких неожиданностей. И многократно прав Э. Гиббон, восклицая: «Какое доверие должен был питать Грациан к его честности, чтобы положиться на то, что этот преданный сын простит, ради интересов государства, умерщвление своего отца! Какое он должен был иметь высокое понятие о дарованиях сына, если надеялся, что один этот человек способен спасти и восстановить восточную империю»⁴⁵⁶.

Он легко забывал старые обиды, но всегда помнил об оказанных ему ранее услугах, находя возможность отблагодарить своих прежних покровителей. Его приветливость в обхождении компенсировала серьезность тона, приобретенного им в военных походах и на царском троне. Святой Феодосий уважал простоту хороших и добродетельных людей, щедро вознаграждая таланты, если они были полезны Римскому государству, и сам неоднократно демонстрировал прекрасные познания в области философии, риторики, богословия и права. Он был смирным и добросердечным человеком, а если иногда и возгорался гневом, то быстро отходил, неизменно прощая виновных⁴⁵⁷.

Горячность и в то же время быстрая отходчивость св. Феодосия хорошо иллюстрирует один эпизод, случившийся с ним уже во времена единоподержавного правления. При царском дворе проживала одна красивая девушка по имени Олимпиада, отец которой, уже погибший к тому времени, получил должности и состояние от императора за верную службу. Когда девушка достигла зрелого возраста, св. Феодосий решил устроить ее судьбу, тем более что за ней ухаживал испанец Елпидий — богатый и мужественный молодой человек. Но девушка, желавшая посвятить себя Церкви, отказала ему, хотя сам царь принял активное участие в сватовстве. Оскорбленный ее отказом, св. Феодосий приказал конфисковать имущество девушки и вернуть ей его после достижения 30-летнего возраста, когда она «поумнеет».

В ответ он получил такое письмо от Олимпиады: «Благодарю тебя, августейший монарх, за то, что с мудростью и благоволением, достойным не только государя, но и епископа, ты соизволил возложить на себя управление моим имением и тем облегчить мне тяжесть земных забот. Соболаговоли увенчать свое дело, раздав это богатство бедным и церквям, как я то намеревалась сделать. Твои уполномоченные исполняют это с большим знанием дела, а сверх того ты избавляешь меня от уколов преступного тщеславия, которые очень часто сопровождают благотворение». После этого император горько раскаялся в своем недобдуманном поступке, вернул Олимпиаде имение и разрешил само-

стоятельно определить свою судьбу. Вскоре девушка стала диаконисой и помощницей св. Иоанна Златоуста⁴⁵⁸.

По искреннему выражению одного автора, если бы старший Брут мог внезапно ожить и взглянуть на нового императора, то этот суровый республиканец, враг любой единоличной власти, отрекся бы у ног св. Феодосия от своей ненависти к монархии и искренне бы признался, что такой василевс — лучший блюститель благосостояния и достоинства римского народа⁴⁵⁹.

Оглядываясь на его беспримерные труды, оценивая личность замечательного царя, можно с уверенностью сказать, что именно св. Феодосий был даром Божиим Римской империи, пожалуй, в самую критическую минуту ее истории, начиная со времен II Пунической войны. Исходя из его заслуг перед Римом и Церковью, имя св. Феодосия внесли в ряд самых выдающихся правителей всех времен и народов, и оно почитаемо не менее, чем имена св. Константина Великого, св. Юстиниана Великого, Ираклия I Великого, Алексея I Комнина и других избранников Христа. Скажем больше — по равенству талантов св. Феодосий превосходил некоторых из блистательнейших царей их многообразием, а своими заслугами перед Церковью обоснованно заслужил имя *святого императора*.

Откуда же появился в тот момент, когда, казалось, спасения искать неоткуда, этот благородный муж? К сожалению, история оставила нам немного сведений о его детстве и юности. Род св. Феодосия происходил из Испании, из города *Italica*, близ современной Севильи, основанного еще Сципионом Старшим для итальянских солдат-ветеранов. Говорили даже, что семья Феодосиев имела родство с императором Траяном, во что слабо верится, поскольку ближайшие предки святого императора были всего лишь скромными муниципальными служащими. Только при отце св. Феодосия, носившего такое же имя, известного своей храбростью на поле боя и ставшего одним из самых удачливых и опытных полководцев Римского государства, благосостояние семьи начинает расти. Именно старший Феодосий не раз выручал императора Валентиниана I, нанося жестокие поражения варварам в Британии и в Африке, а в это время его сын находился рядом с отцом и перенимал его бесценный опыт военачальника.

Известно, что св. Феодосий получил в детстве прекрасное образование, и наставником его юности был замечательный воспитатель Антоний, сумевший соединить в душе мальчика высокие знания, понятие о чести, справедливости и храбрости и дать ему спартанское воспитание будущего воина. Кстати сказать, отмечают, что сам отец будущего

императора не оставался равнодушным к его судьбе и окружал юношу нежной заботой, обрاملенной строгой дисциплиной⁴⁶⁰.

Как только сын подрос, Феодосий Старший немедленно взял его к себе, и оба потомка этого старинного рода не раз прославили свое имя на полях многочисленных сражений. Когда в 367 г. варвары вторглись на территорию Британии, Валентиниан направил молодого полководца для восстановления порядка. Феодосий укрепил дисциплину в западных легионах, вернув значительное число дезертиров в их ряды, чем резко повысил боеспособность армии⁴⁶¹. Начав в 368 г. поход на Британию, молодой военачальник побеждал всех попадавшихся на его пути варваров и оказал британцам большую помощь в организации обороны. Он восстановил крепости и города, вернул порядок и стабильность в римских землях, расположенных на острове, и попутно в корне пресек заговор некоего Максимиана, проявившего себя ранее в Риме в качестве безжалостного правителя-убийцы.

«Счастье не изменяло никаким его предприятиям», — говорил о нем современник. Положение дел в Британии настолько изменилось при талантливом управлении Феодосия, что в знак признательности Валентиниан отозвал его ко дворцу и назначил на высокую должность магистра конницы⁴⁶². И в новом качестве св. Феодосий не знал поражений. В 370 г. он разбил алеманов, сделав на них внезапное нападение через Рецию. Примечательно, что часть пленных алеманов он, по согласованию с Валентинианом, поселил в Италии⁴⁶³.

Звезда молодого полководца только восходила — после всех побед, где храбрость св. Феодосия постоянно состязалась с великодушием к побежденным врагам, император Валентиниан I назначил его правителем Мизии и поручил усмирить пограничные народы, досаждавшие Риму. Это было сложное поручение, выполнив которое св. Феодосий мог с полным правом рассчитывать на еще большие милости, но тут случилась беда. Умер старый император, а юный Грациан на основании сфальсифицированного обвинения приказал казнить старшего Феодосия. В 376 г. в Карфагене приговор был приведен в исполнение. В эту минуту и сам св. Феодосий оказался на краю гибели, но, по счастью, имя и репутация сына казненного были настолько безупречны, что даже враги не сумели представить доказательства вины св. Феодосия. Его лишь освободили от всех государственных должностей и разрешили удалиться в Испанию, где в своем поместье Каухе он несколько лет вел жизнь частного человека. Убежденный христианин, будущий царь безропотно принял удар судьбы и все свое старание, весь жизненный опыт направил на мирные цели.

Будучи дисциплинированным и организованным человеком, привыкшим все делать добросовестно, прекрасно исполняя до сих пор все общественные обязанности и обладая способностью адаптироваться к любой обстановке, непритязательный и скромный, он направил свои усилия на улучшение большого наследственного имения семьи. Помимо этого, св. Феодосий занялся широкой благотворительной деятельностью, помогая всем страждущим, и, имея среди местных жителей авторитет высоконравственного человека, разрешал споры между соседями⁴⁶⁴. Он вел настолько уединенный образ жизни, что его имя и таланты совершенно забылись при дворе императора. И только в минуту опасности память о его воинских подвигах побудила царя вновь призвать для спасения отечества этого великого полководца.

Когда Валент погиб и внезапно единоличным правителем стал Грациан, хорошо знавший св. Феодосия, он, как уже говорилось, после некоторого размышления вызвал его к себе и возложил на голову императорский венец. Так, всего за пять месяцев кардинально изменилась судьба св. Феодосия: из частного человека он сделался повелителем половины Вселенной — все восточные провинции (Фракийская, Азиатская, Египетская провинции, половина Иллирийской префектуры и два больших диоцеза — Македонский и Дакийский) перешли под его управление⁴⁶⁵.

Первое время после Адрианопольской битвы оба императора совместно вели небольшие военные действия против готов и даже имели частичный успех. Но в начале лета 379 г. Грациан отбыл на Запад, а на св. Феодосия свалились едва ли разрешимые проблемы. По сути, ему ставилась задача даже не восстановить порядок в восточных провинциях, а *отвоевать* их обратно у готов, чувствовавших себя полными хозяевами положения. Дело заключалось даже не в том, что под Адрианополем вместе с Валентом погибло более 40 тыс. римлян — цвет восточных легионов. В конце концов, как справедливо отмечают историки, какую-то часть рекрутов можно было набрать среди местного населения, хотя обучение их и требовало времени. Но главная опасность заключалась в том, что римское войско *разуверилось в себе*. Напротив, еще вчера унижаемые и обманываемые римскими чиновниками готы ощутили свою силу, громадными массами распространяясь по землям восточных провинций.

В эту минуту новый император продемонстрировал блестящие стратегические и тактические способности. Он прекрасно понимал, что немедленный реванш готам практически неизбежно приведет к новому, еще более тяжелому поражению. Поэтому, организовав свою

ставку в Фессалониках, царь оттуда следил за перемещениями готов, часто организуя успешные вылазки на врага. Побеждая готов в небольших стычках, римляне вскоре на деле убедились в возможности бороться с врагами, еще вчера казавшимися непобедимыми. А укрепленные св. Феодосием крепости и гарнизоны сковывали готам силы, которые все более и более дробились на небольшие отряды бандитов и мародеров. В свою очередь, уцелевшие подразделения римских войск стали собираться в довольно многочисленные группы, позволившие царю захватывать стратегическую инициативу⁴⁶⁶.

Приняв делегацию Константинопольского сената, приветствовавшего его назначение на престол, св. Феодосий летом 379 г. вышел с остатками войск на север и 6 июля остановился в городе Скупх, в провинции Дардании. По дороге император уничтожал небольшие шайки готских разбойников и предпринимал титанические шаги по формированию новой армии. Зимой с 379 на 380 г. царь провел в Фессалониках, занимаясь обучением рекрутов. Тем временем готы разделились, и часть их направилась на Запад, где оккупировала Паннонию, разорив попутно несколько городов. Император Грациан попытался в 382 г. очистить провинцию от захватчиков, но успеха не имел⁴⁶⁷.

Хотя св. Феодосий сумел несколько стабилизировать ситуацию, но все же положение его оставалось очень тревожным. Восточные провинции едва ли могли полностью удовлетворить его запросы по рекрутскому набору, и пришлось срочно перестраивать саму схему организации армии. В качестве потенциальных солдат император широко вербовал варваров, включая самих готов и аланов, что делало его легионы ненадежными. Были известны случаи, когда готские вожди, поступившие со своими дружинами на римскую службу, по-прежнему занимались разбоем и, более того, нередко выступали *добровольными осведомителями*, донося своим сородичам о планах римлян. Положение усугублялось тем, что и гражданская администрация восточных провинций была полностью разрушена, а оставшиеся очаги власти кишели злоупотреблениями. Дело доходило до того, что нередко население радовалось захвату своего населенного пункта готами, освобождавшими их от власти корыстных чиновников, практически находившихся вне контроля царя⁴⁶⁸.

Но, можно сказать, в известной степени императору повезло: вождь готов Фритигерн, до сих пор державший в одной руке бесчисленные шайки соплеменников, вскоре умер, и, оставшись без руководства, готы окончательно утратили стратегическую инициативу, перестав быть единой силой. Они все еще располагали большой силой, но импе-

ратор благоразумно и очень удачно использовал те раздоры, которые издавна существовали между остготами и вестготами, а также между ними и гуннами. Пока варвары выясняли между собой отношения, св. Феодосий переманил на свою сторону принца царской крови из рода Амалов Модара, получившего высокий титул римского полководца. Собрав значительное войско из своих соотечественников, Модар внезапно напал на остальных остготов и разгромил их. Император с триумфом вошел в Константинополь как победитель готов.

Только теперь готы заметили ту перемену, которая произошла с ними за столь короткое время; пришло понимание того, что без единой, централизованной власти им нечего делать в римских провинциях, где они *обречены на гибель*. Оставшиеся вожди готского народа срочно призвали Атанариха, старого и опытного полководца уважаемого рода, который, перейдя Дунай, решил вновь попытать счастья. Но преклонные годы и мудрость старого гота сделали свое дело: Атанарих вскоре убедился в бесперспективности новой войны с Римом и охотно принял предложение о мире, сделанное императором.

Понимая, какое положение занимал Атанарих у соотечественников-врагов, 11 января 381 г. царь не поленился встретить того за несколько километров от стен Константинополя и устроить пышный прием. Надо сказать, что император был прекрасным психологом и сумел продемонстрировать варвару все лучшие стороны римской жизни, которые свидетельствовали о мощи и силе государства. И действительно, это произвело должный эффект — рассматривая стены города и его бесчисленные здания, любуясь вооружением и дисциплиной римского войска, вождь готов сказал: «Действительно, Римский император — земной бог, и тот самонадеянный человек, который осмеливается поднять против него свою руку, поднимает руку на самого себя».

Правда, готский вождь недолго наслаждался жизнью: его преклонные годы и безудержное пьянство, которому он предавался на многочисленных пирах у императора, сделали свое дело, и вскоре Атанарих умер. Надо отдать должное царю, он и в этом случае продемонстрировал гибкую и разумную тактику. Атанариха похоронили с большим почетом в Константинополе, в честь его был воздвигнут великолепный памятник, а готской армии поступило предложение перейти на римскую службу. Оставшись без вождя, видя, с какой охотой их соплеменники принимают предложение царя, каждый из командиров готских отрядов стремился не быть последним в этой очереди, опасаясь остаться в одиночестве. Удивительно, но факт — в октябре 382 г., менее чем

через четыре года с начала правления св. Феодосия, римский мир наблюдал картину *добровольной капитуляции захватчиков*⁴⁶⁹.

Очень большую помощь царю оказал полководец Сатурнин, награжденный за свои успехи консульством на 383 г. В целом можно сказать, император *приручил зверя*, вчера еще готового поглотить последние островки римского мира среди океана варваров. И теперь этот зверь — готы — признавали над собой только его руку, послушно повинаясь царским приказам, но совершенно игнорируя остальные органы власти; даже Церковь была над ними бессильна по той причине, что готы являлись арианами.

Желая сохранить стабильность положения, император приближал к себе готских вождей, наделяя их пышными титулами и одаривая подарками. Это была обязательная мера для укрепления авторитета императора среди варваров, и она оказалась довольно эффективной. Когда однажды некий Эриульф попытался склонить своих соплеменников на измену, другой готский вождь, Фравита, заколол его мечом прямо во время царского пира⁴⁷⁰.

В это же время св. Феодосий понес тяжелые утраты. В 385 г. умерла его малолетняя дочь Пульхерия, а осенью 386 г. — жена императора св. Элия Плакилла, чудесная сподвижница Православия, многократно *наглядно* демонстрировавшая любовь к ближнему, ухаживая за тяжело больными людьми. Церковь не случайно прославила эту благочестивейшую христианку и императрицу. Ее главным занятием была молитва к Богу и забота о страждущих: многократно она бывала в тюрьмах и больницах, поддерживая несчастных, и нередко сама, своими руками омывала раны больным. Ее ревность по Богу была такова, что она не допускала самой мысли о возможности ослушаться Его воли или впасть в случайный соблазн. Когда однажды св. Феодосий хотел встретиться с Евномием, арианским богословом, императрица уговорила его отклонить встречу, чтобы ариане не употребили этот прецедент в свою пользу. Император послушался царицу и даже приказал выгнать Евномия из дворца⁴⁷¹.

Вообще, личность св. Феодосия в известной степени символична для Церкви. Вместе с домочадцами он являл образец подлинно христианской семьи и истинного благочестия. Император — и замечательный отец семейства, и верный сын Церкви. Его жена, по словам св. Григория Нисского, была *«столпом Церкви, сокровищем бедных, покровом несчастных»*.

Вскоре царь начал понижать плоды своей стратегии. В 386 г. римскому полководцу Промоту удалось разбить на Дунае остатки тех

остготов, которые, некогда отделившись от основной массы своих соплеменников, пограбили на Западе, а затем, усилившись германцами и аланами, попытались вторгнуться в восточные провинции. Вождь остготов Одофей погиб, а остальные сдались на милость победителей. По условиям мирного договора, который был тут же заключен, готам разрешили компактно расселиться на территории Восточной империи, во Фригии. Они сохранили свой язык, уклад жизни, общественный строй и религию — при всей нетерпимости к еретикам, император был вынужден разрешить готам строительство своих храмов и открытое исповедание арианства. Готы стали называть себя «*federati*» («федераты») и с этих пор вошли в состав Римского государства в качестве его практически полноправных граждан.

Все же и теперь картина была не столь идеалистична, как этого хотелось бы св. Феодосию. Готы получили земли на Дунае и во Фракии с обязательством нести службу в римской армии. Но — существенный момент — уже не в составе римских легионов, а в виде *национальных ополчений* во главе со своими вождями. Их земли не облагались налогами, а римская администрация не имела права вмешиваться в их общественный быт⁴⁷². Зачисляя готов в армию, св. Феодосий был вынужден разрешить им отлучаться временно на родину и присылать оттуда заместителей на свое место. Дух и дисциплина таких подразделений были крайне слабыми, что немедленно сказалось на боеспособности всей римской армии в целом. Вскоре уже не только готы, но и остальные варвары, плененные выгодами воинской службы в Римской империи, формируют *личные дружины*, совершенно игнорируя старые римские формы организации армии.

С этого момента начинается новая страница жизни Римской империи. Галлы, испанцы, германцы уже давно состояли на римской службе, и именно они представляли собой большинство в составах легионов. Но никогда ранее вожди варварских племен не получали довлеющего положения *в управлении* Империей. Это стало естественным следствием решения св. Феодосия сделать вчерашних врагов своими союзниками. Поскольку же управление военными силами сохранялось за племенными вождями, а армия традиционно считалась в Империи силой, способной произвольно устанавливать и снимать царей, то теперь эта прерогатива римских полководцев едва ли не автоматически перешла к готам. Получая воинские титулы, готы становились сенаторами и постепенно сливались с высшим сословием Империи. Единственное, что останавливало их в окончательном доминировании среди политической элиты, — то, что они являлись *арианами*. Кроме того, встревожен-

ный ростом могущества готов, желая обезопаситься от них, император принял закон, действовавший еще до середины VI в., согласно которому римлянам запрещается вступать в брак с готами⁴⁷³.

Конечно, это было тяжелое и обоюдоострое решение: впервые в истории Римской империи варвары стали преобладать в политической элите государства, но в противном случае они могли вообще его похоронить. В целом хрупкая внутренняя стабильность держалась на тонкой нити *личных отношений* между императором и готскими вождями, постепенно наполнившими дворец царя, и требовалась политическая тонкость и точность расчета, чтобы держать готов в рамках интересов Римского государства.

В скором времени, уже после восстановления единоначалия в обеих частях Римской империи, св. Феодосий столкнулся с первыми тяжелыми последствиями своего решения по готскому вопросу. Поскольку местные, традиционные общественные элементы повсюду вытеснялись готскими ставленниками, в государстве зрело едва скрываемое недовольство таким положением дел. Опасаясь, что готские отряды, расположенные по Дунаю, могут легко изменить ему, царь велел перевести их для несения службы в Египет, отозвав соответственно местные войска для охраны западной границы. Готы подчинились, но по дороге устраивали настоящий разбой, забирая бесплатно все, в чем испытывали нужду. В Сирии, в городе Филадельфия, египетские и готские легионы встретились, «египтяне» заступились за местных жителей, произошла стычка, вследствие которой более 200 готов погибло⁴⁷⁴.

Другой эпизод произошел в Малой Скифии, где одна группа готов получила землю для расселения. Командир гарнизона города Томи (ныне — Кюстендже) Геронтий всерьез опасался, что, пренебрегая договоренностями, варвары захватят город, тем более что своим дерзким поведением готы способствовали появлению соответствующего настроения мыслей у римлян. Предупреждая возможную атаку, Геронтий напал на них и разбил, отправив золотые украшения убитых врагов в подарок императору. Но св. Феодосий иначе расценил поступок своего командира, отдав того под суд заслушивание приказа. Только благодаря многим просьбам, обильно поддержанным золотом подсудимого, Геронтию удалось избежать казни.

В 387 г. в Антиохии местное население, раздраженное готами и новыми налоговыми повинностями, которыми власть, остро нуждающаяся в деньгах, обложила их, даже свергло на землю статую императора, его отца, сыновей и умершей императрицы св. Плакиллы, и таскало ее

с позором по улицам. Остановить императора, вспыхнувшего по поводу этого инцидента, оскорблявшего его величество, смог только местный епископ *Флавиан* (381—404), с трудом уговоривший царя простить горожан⁴⁷⁵. Первоначально царь повелел лишить город всех привилегий, сравнив его по правилам судопроизводства с деревней и поставив в зависимость от Лаодикии. Кроме того, было назначено следствие для отыскания виновных. Но когда эмиссары императора прибыли в город, святой монах Македоний встал на их пути и умолял простить город.

В это время прибывший в ставку царя епископ Флавиан, молча стоявший перед императором, выслушивал его упреки в адрес Антиохии. Царь напомнил ему все милости, оказанные городу, и вслух задавался горестным вопросом: «За что, за какое зло они так сильно мстили мне и надругались над моим именем?» Однако у епископа хватило и ума, и такта, чтобы дать возможность императору успокоиться. «Подумай, — заметил епископ Флавиан, — что теперь тебе надлежит позаботиться не только об этом городе, но и о твоей славе, даже обо всем христианстве. Теперь и иудеи, и язычники, и вся Вселенная, и варвары, — ведь и они услышали об этом, — обратили взоры на тебя и ждут, какой произнесешь приговор по этому делу. И если произнесешь приговор человеколюбивый и кроткий, все похвалят такое решение, прославят Бога и скажут друг другу: “Вот каково могущество христианства! Человека, которому нет равного на земле, который властен все погубить и разрушить, оно удержало и обуздало, и научило терпению, какого и простой человек не показывал”»⁴⁷⁶.

Наконец, в завершение беседы царь подвел итог: «Если Господь Вселенной, Который для нас сошел на землю, для нас принял зрак раба и от благодетельствованных был распят, молился за распявших Его Отцу Небесному... то как не простить ругавшихся надо мной мне, подобному им человеку?» В результате св. Феодосий отменил все ранее данные приказы в отношении Антиохии⁴⁷⁷.

Впрочем, с этими и иными проявлениями недовольства римлян пока еще император в целом мирился. Но в 390 г. в Фессалониках разыгралась трагедия, стоившая горожанам многих тысяч жизней и открывшая новую страницу во взаимоотношениях Церкви и верховной власти. Местное население возмутилось поведением готов, расквартированных в городе и ведущих себя предерзостно. Как следствие горожане перебили готский гарнизон. Впрочем, по другой версии, причиной волнений стал отказ начальника гарнизона Ботерика выпустить из тюрьмы известного в городе возницу, приговоренного к смертной

казни за грех мужеложества. Разъяренные от того, что лишились волнительного зрелища, фессалоникийцы убили Ботерика и нескольких других гарнизонных офицеров. В ответ готы перебили жителей. Правда, жертв было немного, поскольку в тот же день горожане собрались в местном цирке на игры⁴⁷⁸.

Это событие вызвало безудержную ярость со стороны царя, находившегося в тот момент в Италии. Его наказание было быстрым и жестоким — многие жители города (по одной версии, число жертв колебалось от 7 до 15 тыс. человек, по другой — император казнил лишь первых встречных горожан) были перебиты вошедшими в Фессалоники имперскими войсками.

Епископ Милана св. Амвросий Медиоланский, имевший большое влияние на императора, тут же на время отлучил его от Церкви, наложив тяжелую епитимию⁴⁷⁹. Рассказывают, св. Амвросий сказал императору: «Ты подражал Давиду в преступлении, подражай же ему в покаянии»⁴⁸⁰.

Правда, история по обыкновению не раскрыла нам всех тайн этого события: впоследствии св. Амвросий сам свидетельствовал, что император был обманут, и его гнев излился на фессалоникийцев под влиянием чужих слов, сильно искаживших действительность⁴⁸¹. По крайней мере, сохранились свидетельства того, что инцидент был инспирирован неким Руфином — придворным советником царя, имевшим свои виды на Фессалоники; с ним мы столкнемся при жизнеописании детей святого императора. Как говорят, Руфин заметно преувеличил вину жителей города, зная, что император по характеру очень вспыльчив, и сделал все, чтобы отмщение было действительно жестоким.

Как можно понять, св. Феодосий едва ли мог знать, какое наказание Руфин готовит городу; очевидно, он надеялся, что по обыкновению произведут дознание, обнаружат организаторов волнений и определят меру наказания. Собственно говоря, царь вдруг оказался *перед фактом случившегося*, не имея возможности что-либо исправить. Тем более заслуживает внимания его поведение в этой ситуации, когда его, практически невинного в избиении фессалоникийцев, властелина мира, спасителя отечества, всемогущего императора, ждало позорное и *публичное* церковное наказание. Наказание, наложенное не Вселенским Собором, которому уже приписывали prerogatives рассматривать церковные дела в отношении самых высоких лиц, не группой архиереев, а всего-навсего архиепископом одного из городов Империи.

Примечательно, что св. Феодосий не пытался уйти в сторону и указать св. Амвросию истинного виновника трагедии. Он благородно

и смиренно принял наказание, искренне раскаиваясь в избиении жителей города и негодуя на себя за собственную нераспорядительность и вспыльчивость — черты характера царя, менее всего виновные в происшедших событиях. По обыкновению, будучи истинным христианином, св. Феодосий принял всю вину за случившееся на себя, несколько не сомневаясь в том, что эта жестокая история не случилась бы, если бы он не был грешен и не предотвратил ее. Прямым свидетельством этого является то, что ни в данный момент времени, ни позднее святой царь не отмстил Руфину, хотя и ясно отдавал себе отчет в его роли в данных событиях, и даже назначил его советником и опекуном старшего сына Аркадия.

Это — удивительная история, совершенно несвойственная истории взаимоотношения Церкви и власти в прежние годы, далеко не обычная реакция епископата на те или иные действия императора. *Впервые* на царя была наложена епитимия (отлучение от принятия Святых Даров), и, что еще более удивительно, самодержец послушно склонил свою главу перед словом клирика, исполняя наложенное на него наказание. До св. Константина такое, конечно, представить себе было невозможно, да и при нем едва ли кто посмел бы высказать императору столь резкий протест, отказав ему как члену Церкви в высшем таинстве. При предыдущих царях, когда полыхали церковные споры, такой приговор епископа мог окончательно определить симпатии царя в пользу конкретной партии. Впрочем, и сейчас, ввиду необычности ситуации, едва ли *вся* Церковь одобряла поступок св. Амвросия; можно лишь в очередной раз удивиться твердости характера и сугубой принципиальности Святителя. Но и поведение святого императора заслуживает уважения: приняв епитимию от архиепископа Медиоланского, он на деле показал, что для него и в его понимании Церковь и Империя существуют органично, слитно, и сам император обязан подчиняться церковной дисциплине, хотя бы и наперекор собственной выгоде. Сложив с себя знаки царской власти, св. Феодосий публично в храме оплакивал свой грех и со слезами просил прощения⁴⁸². Вскоре царь был прощен.

Впрочем, этот эпизод имеет второстепенное отношение к готскому вопросу. Главное заключается в том, что, по мнению св. Феодосия, с которым сложно не согласиться, любой инцидент с готами мог сиюминутно прервать сложившееся хрупкое равновесие. Жители Фессалоник, послушавшиеся царского приказа, фактически могли развязать новую Готскую войну, и еще вопрос, кто вышел бы из нее победителем. Поэтому, надо полагать, и последовала столь жестокая реакция императора.

Негативно оценивая решение императора в отношении готов, обращая внимание на готское засилье, с которым преемникам св. Феодосия пришлось бороться почти целое столетие, забывают, что, возможно, иной альтернативы у императора *просто не было*. Он не был причастен к ситуации начала своего царствования, не он довел Римскую империю до состояния коллапса, но, столкнувшись с этими проблемами, должен был решать вопрос с *практической* точки зрения, не особенно задумываясь над тем, сколько хлопот доставят его действия будущим царям, и как оценят их историки. Просто этого будущего вполне могло бы и не быть, какой уж тут выбор! Святой император точно рассчитал, что при всех преференциях, которые получили по праву силы готы, все равно они оставались для государства *чужеродным элементом* — сама принадлежность их к арианскому вероисповеданию, помноженная на запрет браков с римскими гражданами, неизбежно со временем приведет или к их ассимиляции имперским телом, или к полному отторжению. И тот факт, что Римская империя после относительно короткого готского засилья будет существовать еще добрую тысячу лет, свидетельствует о верности стратегического выбора св. Феодосия.

Но это будет еще не скоро. А сейчас, едва успокоив готов, император столкнулся с новыми проблемами уже на Западе: в 383 г. погиб император Грациан. Как уже рассказывалось выше, царь не сразу решился на войну с узурпатором, но, вынуждаемый обстоятельствами, вскоре блистательно победил Максима. 13 июня 389 г. царь триумфально вступил в Рим вместе с юным Валентинианом II. Он надеялся, что царствование Западного царя отныне будет спокойным, но, к сожалению, этим надеждам не суждено было сбыться, и Валентиниан II Младший погиб в 392 г. вследствие измены франкского вождя Арбогаста, состоявшего на римской службе.

Задушив царя в его же спальне, Арбогаст все же не решился объявить себя императором. Вместо этого он инициировал восшествие на престол своего бывшего секретаря ритора Евгения, прошедшего стремительную карьеру вплоть до министра двора и претендента на трон. Надо отдать должное узурпатору — в любом статусе (и на частной службе, в качестве секретаря Арбогаста, и на государственной, уже при Валентиниане II) он проявил себя умелым и преданным человеком, а его ученость и красноречие в соединении с чистотой нрава способствовали повышению авторитета Евгения среди народа. Даже то обстоятельство, что Евгений с большой неохотой принял участие в спектакле по провозглашению себя царем, сыграло ему на руку — толпе нравится зримо видеть, как якобы *их* безудержная воля творит нового царя.

В любом случае послы нового правителя Запада направились к св. Феодосию с большими дарами, желая получить его согласие на передачу власти над западными провинциями Евгению. Видимо, они рассчитывали, что император был не в курсе *всех* нюансов воцарения Евгения, и с притворной скорбью рассказали ему о неожиданной гибели Валентиниана.

Но, надо полагать, император, состоявший в близких отношениях со св. Амвросием Медиоланским, был осведомлен обо всех деталях и реальной роли Арбогаста и Евгения в цареубийстве. Однако внешне не подал вида и отпустил послов с двусмысленным ответом. На самом деле император был глубоко возмущен убийством Валентиниана II, к которому питал теплые чувства. Не меньше его поразило предательство Арбогаста — своего старого товарища по многим военным походам. С одной стороны, ему не терпелось наказать узурпатора и предателя, с другой — довлекло понимание опасности, которой подвергнется Римская империя в случае очередной гражданской войны. Проявив свои таланты уже на дипломатическом поприще, св. Феодосий, по существу, выиграл время для подготовки к новой войне, решив в первую очередь выяснить, насколько его решение будет находиться в согласии с волей Бога.

Сказать откровенно, положение дел св. Феодосия было далеко не столь блестящим и однозначным, как это может показаться. Едва собранная из локутов Империя возглавлялась не столько императором, сколь пестрой смесью различных правителей и военачальников, в воле которых было либо принять власть царя, либо отклонить ее. Трудно даже в общих чертах представить себе, какую титаническую работу проделал святой император, собирая объединенные войска для войны с узурпаторами и заручаясь поддержкой или мирным нейтралитетом лиц, формально состоящих его же подданными или подчиненными.

Хрестоматийный пример демонстрирует правитель Африки, некий мавр Гильдон, потомок древних Нумидийских королей. За свою поддержку св. Феодосия он получил в управление Африку, став комитом Империи, и вскоре, пользуясь полной безнаказанностью и неограниченностью власти, сколотил себе громадное состояние. Целых 12 (!) лет Североафриканские провинции стонали под игом этого сладострастного корыстолюбца, и царь не имел возможности сместить этого варвара без опасения новой гражданской войны. Более того, когда началась война с Евгением и св. Феодосий, естественно, обратился к Гильдону с просьбой предоставить африканские отряды для пополнения римской армии, мавр ответил странным нейтралитетом. Чаша

терпения святого царя была переполнена, и едва ли он смирился со столь дерзким поведением правителя части своих владений. Но война и последующая смерть св. Феодосия отсрочили гибель тирана⁴⁸³.

Пока что царь удовлетворился тем, что взял дочь Гильдона, малолетнюю Сальвину, в качестве заложницы в Константинополь. Он воспитал девочку настоящей римлянкой и христианкой, а затем выдал ее замуж за племянника своей благочестивой супруги Небридия. Когда вскоре муж умер, Сальвина приняла обет безбрачия и все последующее время посвятила служению Церкви, став диаконисой⁴⁸⁴.

Таким образом, война с Арбогастом и Евгением носила многогранный характер: помимо усмирения очередного узурпатора, она требовала восстановления той единой *централизованной* власти, к которой так привык Рим. Кроме того, начинающаяся гражданская война имела и религиозный оттенок. Дело заключалось в том, что в очередной раз узурпация престола была связана с попытками языческой партии *вернуть почитание уходящей религии*. Хотя сам Евгений был христианином, главой придворной партии в Риме стал всеми уважаемый сенатор Никомах Флавиан, редкий по своим убеждениям язычник.

Войдя во власть, он немедленно дал указание восстановить древний культ; некогда снятые статуи были возвращены на место, и алтарь Победы вновь возвращен в здание сената. В 394 г. Флавиан, избранный консулом, совершал празднества в честь Изиды и приносил очистительные жертвы, а сам «август» Евгений находился рядом и не пытался ему препятствовать. Правда, правители (Арбогаст, Флавиан и Евгений) все же не решились вернуть конфискованные Грацианом и Валентинианом Младшим языческие храмы, но надежды языческой партии были, конечно, связаны исключительно с ними. Поэтому противостояние св. Феодосия «тройке» узурпаторов было связано не только с политическими мотивами, но и религиозными. По сути, это была последняя попытка язычества побороть христианство⁴⁸⁵.

Тайным велением царя его доверенный евнух Евномий скрытно отправился в Египет, где близ города Ликополя подвизался святой отшельник старец Иоанн. Очень редко этот святой старец появлялся на людях из своей уединенной кельи, чтобы ответить на вопросы многочисленных посетителей, жаждавших получить от него совета; к нему и направился посланник императора. Выслушав Евномия, старец ответил, что война будет кровопролитной, но удачной для св. Феодосия. Вдохновленный царь начал усиленную подготовку к войне⁴⁸⁶. Отправляясь в поход, весной 394 г. он объявил своего старшего сына **Аркадия**

соимператором Востока, очевидно, опасаясь за исход кампании и желая обеспечить преемственность царской власти.

Два ближайших соратника св. Феодосия, Стилихон и Тимазий, по-полняли легионы новыми рекрутами и укрепляли воинскую дисциплину. Помимо этого, вскоре под римские знамена встали союзники, так что под рукой царя одновременно находились вечно враждовавшие между собой арабы, иберы и готы. Подошли варварские отряды во главе со своими вождями, также вызвавшимися воевать на стороне законного царя⁴⁸⁷. Но и Арбогаст не терял времени даром. Он умело воспользовался рельефом местности и не допустил ошибок Максима, растянувшего линию обороны. Примечательно, что в Юлианских проходах Арбогаст приказал поставить золотую статую Зевса, искренне надеясь на его заступничество. Но «старый» бог в итоге ему не помог.

Позволив войскам св. Феодосия захватить Паннонские провинции, Арбогаст дал тому возможность спуститься с Альпийских перевалов, где и встретил императора в укрепленном лагере. Царь был искренне удивлен численностью и организованностью армии узурпатора, где преобладали галлы и германцы. Желая с ходу разгромить врага, император дал приказ начать атаку, но наступление оказалось неудачным: иберийские отряды во главе со своим вождем Бакурием почти все пали на поле битвы, потери достигали 10 тыс. воинов. Так началась знаменитая битва на Холодной реке (*Frigidus*), первая часть которой не принесла желанного успеха.

Обескураженный царь удалился на соседние горы, где провел ночь без сна и еды. Положение его стало очень тревожным, но оно могло стать еще и критическим: св. Феодосий не подозревал, что Арбогаст, уже шумно отмечавший в своем лагере победу над императором, осмотнительно велел нескольким своим отрядам занять горные проходы за спиной римской армии. Можно догадаться, чем бы закончилась эта кампания, если бы начальники отрядов, должных напасть на св. Феодосия с тыла, внезапно не изменили бы своего решения. Ночью они явились в ставку императора и заявили, что не желают больше служить узурпатору. Конечно, не последнюю роль здесь сыграли обычные для всех варваров мотивы легкой наживы и желание служить сильнейшему. Вместе с тем трудно отказаться от мысли, что слава св. Феодосия, его умение располагать к себе людей сыграли и здесь решающую роль, подвигнув вождей вражеских отрядов к измене своему господину.

Впрочем, как утверждают современники, еще одно обстоятельство укрепило уверенность св. Феодосия в своих силах. Ненадолго забывшись под утро, он увидел во сне двух всадников в светлой, блестящей

одежде на белых конях. Они сказали ему, что один из них послан апостолом Филиппом, а второй — апостолом и евангелистом Иоанном и они покажут ему безопасные пути нападения на Арбогаста. Аналогичный сон привиделся еще одному солдату его войска, пришедшему утру в палатку императора рассказать об этом чуде⁴⁸⁸.

Получив свидетельства Божественной воли и пообещав перебежчикам пышные титулы и богатые награды, св. Феодосий, ободренный ночным происшествием, на рассвете вновь напал на лагерь врага. Битва была еще в самом разгаре, когда внезапно налетела сильнейшая буря, одна из тех, что часто встречаются в горах, и коренным образом изменила ход сражения. Ветер дул в спину солдатам св. Феодосия и в лицо врагам, вырывал дротики из рук легионеров Арбогаста, расстраивал их ряды, вносил суеверный ужас в сознание галлов. Посчитав, что Сам Бог помогает святому императору, галлы и германцы быстро ретировались, оставив в руках св. Феодосия плененного Евгения. Риторы солдаты отрубили голову, а Арбогаст, проблуждав несколько дней по горам, понимая всю бесперспективность своего положения, не надеясь на пощаду, на пример римских героев прежних эпох сам пронзил свою грудь мечом. Пожалуй, единственный, кому св. Феодосий хотел сохранить жизнь из уважения, питаемого к его личности, был сенатор Флавиан, но и тот погиб в сражении. Победа была полной и убедительной. Св. Феодосий триумфально вошел в Милан, где его ласково встретил св. Амвросий, открыто отвергавший все эти годы власть Евгения и Арбогаста.

Всем казалось, что теперь, после того, как вся Римская империя вновь обрела одного главу, еще не перешедшего даже 50-летний рубеж, начнется *настоящая жизнь*, полная политической стабильности и достатка; государство впервые за много лет вздохнуло облегченно. Но, к сожалению, император, вынужденный сменить удобства двора и семейной жизни на палатку военачальника, тяжело перенес последнюю войну. Здоровье его было подорвано, и симптомы болезни предвещали скорую смерть, наступившую всего через четыре месяца после победы.

Перед смертью св. Феодосий желал причаститься Святых Даров, от принятия которых сознательно отказывался на все время войны с Евгением и Арбогастом, так как считал себя недостойным принять их за пролитие человеческой крови на поле брани. Наконец, его желание было удовлетворено, и он причастился из рук своего друга и наставника св. Амвросия⁴⁸⁹.

Кроме того, святой император повелел срочно вызвать второго, младшего, сына от своего брака с первой женой (от второго брака с мо-

лодой царицей Галлой он не имел наследников), малолетнего **св. Гонория**, и провозгласил его императором Запада⁴⁹⁰. Рядом с братом находился и Аркадий.

Покидая грешный мир, император дал сыновьям последние наставления: «Вы должны от своих подданных отличаться более мудростью и добродетелью, нежели величием и властью. Тот находится в великом ослеплении, кто, давая законы всему миру, не умеет давать их самому себе. Тот не достоин повелевать народом, кто не умеет повиноваться Богу. Вы должны упрочить свое царство не собственным благоразумием, не силой оружия, но своей верностью Богу; в этом собственно заключается источник побед, покоя и всякого счастья для правителей»⁴⁹¹.

Вечером и ночью продолжалось веселье по поводу воцарения нового западного императора, а утром 17 января 395 г. святого царя не стало⁴⁹².

Глава 2. Второй Вселенский Собор. Участие императора в делах Церкви

Конец IV в. открывает удивительную перемену, произошедшую при последних царях пока еще единой Римской империи. После Иовиана, Валентиниана I, в известной степени Валента Грациан, Валентиниан II Младший и св. Феодосий Великий явили пример самодержцев, открыто и масштабно вмешивающихся в дела церковного управления. Разумеется, одними характерами царей этой перемены не объяснить. Самое разумное предположить, что обстоятельства времени, общественные нестроения, вызванные церковными кризисами, потребовали от них самых решительных шагов. Самодержцы как бы вдруг внезапно поняли, что принцип неучастия царя в вопросах благочестия и церковного управления ни к чему хорошему не приведет. Перед их глазами встал образ св. Константина Великого, исповедовавшего совсем иную практику. Особенно это сходство заметно на примере св. Феодосия.

Как и св. Константина Великого, св. Феодосия отличала замечательная черта характера, проявлявшаяся в том, что вся его личность, все помыслы и поступки были проникнуты верой в Бога, Которого он искренне и непосредственно видел своим покровителем и заступником. Святой Феодосий видел в Спасителе свою волю и желал *«ходить Ему вслед»*; никаких компромиссов на этот счет он не принимал. До-

статочно лишь напомнить его первые шаги как императора Востока. Полагая, что спасти государство может только Христос, св. Феодосий определил для себя приоритеты во внутренней политике. Едва вступив во власть, святой царь наряду с первыми неотложными делами решается раз и навсегда положить конец церковному расколу и утвердить истинное благочестие и веру.

Казалось, ни одна сторона церковной жизни не ускользала от внимания Римского самодержца. Он исследовал достоинства кандидатов на епископские кафедры, регламентировал жизнь клириков и монахов, пытался создать собственную практику канонизации святых, определял вопросы подсудных архиереям дел, не говоря уже о том, что св. Феодосий, по сути, государственным законом определил веру, которой должны следовать все христиане⁴⁹³.

Надо сказать, что, как житель Запада, новый император искренне не любил ариан, с которыми в этих провинциях связывали церковную смуту. Ободряемый своей женой, св. Плакиллой, св. Феодосий по-солдатски, без обиняков, решается восстановить церковный мир вполне в римских традициях — остановив свой выбор на той церковной партии, которая казалась ему истинно православной, и запретив остальные.

Судьба благоволила его начинаниям: по дороге в Константинополь св. Феодосий внезапно и тяжело заболел в Фессалониках и принял таинство Крещения от епископа Ахолия, известного никейца⁴⁹⁴. Это был необычный случай — ведь обычно Крещение принималось в те времена уже перед смертью. Вскоре царь выздоровел, и его симпатии окончательно перешли к никейцам. Таким образом, участь ариан на Востоке была предreshена. К этому времени арианство уже внутренне изжило себя на Западе, а на Востоке держалось лишь внешней силой власти императора Валента. Теперь же, когда царем стал св. Феодосий, все свершилось очень быстро.

В многолетнем противостоянии ариан и никейцев была поставлена точка, когда в Константинополе 27 февраля 380 г. император произнес слова, имеющие силу закона: «Нам угодно, чтобы все народы, управляемые нашим милосердием и умеренностью, твердо держались той религии, которой поучал римлян св. Петр, которая верно сохранялась Преданием и которую в настоящее время исповедует первосвященник Дамас и Александрийский епископ Петр — человек апостольской святости. Согласно с учением апостолов и правилами Евангелия, будем верить в единое Божество Отца, Сына и Святого Духа, соединяющихся с равным величием в благочестивой Троице. Последователям

этого учения мы позволяем принять название *христиан кафолических* (выделено мной. — А. В.), а так как всех остальных мы считаем за сумасбродных безумцев, то мы клеймим их позорным названием еретиков и объявляем, что их соборы впредь не должны присваивать себе почетное наименование церквей. Кроме приговора Божественного правосудия, они должны будут понести строгие наказания, каким за благорассудится подвергнуть их наша власть, руководимая небесной мудростью»⁴⁹⁵.

Как правильно отмечают, здесь нет никакого религиозного фанатизма — император реализовал свой идеал, скопированный с римских устоев: единое государство, единая власть и единая вера. Эту работу начинал еще св. Константин Великий, а св. Феодосий доводил ее до своего логического завершения. Надо сказать, что деятельность императора не сопровождалась каким-либо сопротивлением со стороны высших клириков и рядовых мирян. За десятилетия церковных нестроений у всех сформировалось практически единодушное мнение о том, что только император в состоянии восстановить мир в Церкви и положить конец богословским прениям. Всем надоели бесконечные Соборы и споры, когда пыл сторон легко переходил границы дозволенного и материализовался в самых настоящих преступных деяниях. Один характерный пример тому, что творилось в Церкви, оставил нам Феофан Византиец, по свидетельству которого епископа Евсевия Самосатского, недавно возвратившегося из заточения, убила одна женщина арианка, попав в его голову черепком с кровли⁴⁹⁶.

И если внутренне Никейский Символ уже доказал свою жизнеспособность и истинность, то *внешне* еще требовались немалые усилия для того, чтобы сделать его единственным для всех церковных общин Римской империи. Это было возможно только путем закрепления его в качестве *обязательного для всех государственного закона*, что, собственно говоря, и сделал св. Феодосий Великий. Других форм Древний мир не знал, как, впрочем, и его преемники.

По приезде в столицу, в духе своего эдикта, император вызвал к себе Константинопольского епископа *Димофила* (370—379), преемника Евдоксия, главу омийской партии, и потребовал либо принять Никейский Символ, либо оставить кафедру. Епископ попытался было возразить, что царь не волен вторгаться во внутренние вопросы Церкви (как будто до этого Евдоксий не использовал всю мощь власти Валента для пользы своей партии!), и был изгнан с престола. Историческая правда была не на его стороне. Со своими сторонниками он отправился за город, где еще какое-то время совершал богослужения

как епископ, но это уже ничего не определяло. А на его место император сам выбрал *св. Григория Богослова* (379—381).

Новый Константинопольский епископ относился к знаменитой «Каппадокийской группе» (или «новоникейцам»), куда входили св. Василий Великий, св. Григорий Нисский и другие выдающиеся представители православной партии. В отличие от св. Афанасия Великого, харизматичной натуры вечного борца, претерпевшего многие испытания за свою веру, св. Василий Великий в большей степени стремился к *объединению* всех небольших по численности никейских групп вокруг себя. Он не был ригористом, как его кумир, и довольно легко в целях икономии опускал вопросы, которые вызывали отторжение у других оппонентов; если, конечно, это не касалось главных вопросов вероисповедания. Рассказывают, что однажды, еще в 371 г., на обеде в честь памяти мученика Евпсихия зашла речь о св. Василии. Блестящие и восторженные оценки присутствующих резко прервал возглас одного монаха, также присутствовавшего здесь. Он заявил, что св. Василий — еретик, поскольку в ходе одного диспута он не решался говорить ясно и категорично о Божестве Святого Духа. Напрасно присутствовавший на обеде св. Григорий Богослов настаивал, что такое поведение было вызвано нежеланием св. Василия отторгнуть паству, не вполне еще разбиравшуюся в столь сложном вопросе, — монах был неумолим⁴⁹⁷.

Заслуга «каппадокийцев» перед Церковью настолько велика, что невозможно хотя бы вкратце не остановиться на личностях их вождей и особенностей их богословия. В их лице блестяще осуществилось давнее желание Оригена призвать средства античной культуры для служения христианству. Обладая великолепным образованием, Отцы-каппадокийцы в своем учении о Троице окончательно установили такую терминологию, которая одинаково отличает и момент единства Божества, и момент троичности. Все, что свойственно Божественной природе, существует в трех Субъектах и принадлежит всем трем Ипостасям. Ипостаси не являются простыми свойствами единого Существа, но представляют собой самостоятельных, хотя и не мыслимых в отдельности друг от друга носителей единой природы. Их отличие друг от друга касается образа их бытия в связи с взаимными отношениями. Отцу принадлежит, как характерный признак, нерожденность, Сыну — рожденность, Святому Духу — исхождение. Отец есть производящая причина Сына и Духа; Дух Святой исходит от Отца, но познается только через Сына. «Так устанавливается правильная середина между савеллианством и арианством, между иудейством и языческим

многобожием». «Три — суть едино по Божеству, и Единое тройственно по свойствам»⁴⁹⁸.

Каппадокийцы не только выполнили сложнейшую задачу своего времени — научного разъяснения Никейского Символа, но и принимали деятельное участие в церковной жизни. Примечательно, и это обстоятельство будет играть очень важную роль в последующей жизни Римской империи и Церкви, что каппадокийцы были горячими поклонниками аскетизма и монашества в целом, например, сам св. Василий Великий был одним из организаторов монашества в Малой Азии. Но при всех аскетических настроениях они не были отрешенными от жизни отшельниками, активно выступая на сцену истории, как пастыри и церковно-политические деятели⁴⁹⁹. Сам св. Василий Великий был сыном аристократа и держался с таким достоинством и честью, настолько владел мыслью и словом, что невольно вызывал уважение. Он с полным правом мог считаться главой «новоникейцев», хотя, к сожалению, и не увидел своими глазами торжества православного богословия, скончавшись еще совсем не старым человеком.

Необходимо обратить внимание на одно обстоятельство, последствия которого вскоре не заставят себя ждать. Начав в середине 70-х гг. IV в. активную борьбу с арианами, св. Василий Великий вполне естественно обратился за помощью в Рим, надеясь, что западная столица по достоинству оценит богословие «новоникейцев». В частности, св. Василий очень надеялся, что мнение Запада окончательно положит конец Антиохийской схизме — расколу между «новоникейцами»-мелетианами и «староникейцами».

«Пока еще некоторые продолжают стоять, — пока еще сохраняется лед прежнего благосостояния, поспешите к нам, прежде чем наступит окончательное крушение Церкви, поспешите, умоляем вас, дайте руку помощи коленопреклоненным. Да подвигнутся к нам ваши братские сердца, и да прольются слезы сострадания. Не оставьте без внимания половину Вселенной, объятую заблуждением, не попустите угаснуть вере у тех, где она впервые воссияла». Но Рим остался холоден к его письмам: из четырех посланий (в 371, 372, 376 и 377 гг.) только последние два удостоились ответа папы Дамаса, который ждал не диакона с письмом, а пышного посольства, *просящего* мира у понтифика. Более того, некоторые «западные» епископы вообще вернули послания св. Василия, найдя их малоубедительными.

Только в 376 г. под влиянием св. Амвросия Медиоланского, симпатизировавшего св. Василию Великому, папа удостоил святителя благосклонным ответом. Но в завязавшейся переписке Рим мало ин-

тересовался богословием каппадокийцев, повторяя свое учение, сформулированное еще в начальной стадии тринитарных споров. Стоит ли говорить, что вся эта аргументация была безнадежно устаревшей? Кроме того, некоторые лица, которых Восток в лице «новоникейцев» желал обличить, нашли свою защиту на Западе, и, наоборот, епископа Евсевия Самосатского — верного никейца, *Петр*, патриарх Александрийский (373—374, 379—380), на Римском соборе 377 г. вместе с другими западными предстоятелями назвал *еретиком*.

Но в целом не столько из-за помощи Рима, сколько благодаря нескончаемой энергии и терпению св. Василия Великого осенью 379 г. в Антиохии состоялся Собор под председательством Мелетия, где собравшиеся 153 епископа подтвердили решения Римских соборов 369, 376 и 377 гг. Таким образом, наглядно и зримо все «восточные» епископы объединились под знаменем Никейской веры⁵⁰⁰.

Большого внимания заслуживает и другой яркий представитель «каппадокийцев», св. Григорий Богослов — первый помощник св. Василия Великого. Будучи сыном епископа Назианзинского, св. Григорий Богослов, тоскуя в провинции, тем не менее до смерти отца помогал тому в управлении епископией, а затем, в 370 г., удалился в Селевкию Исаврийскую. Там он тяжело заболел, и, в довершение всех бед, до него дошла весть о смерти горячо любимого им св. Василия Великого (379 г.). В том же 379 г. друзья св. Василия — влиятельные Мелетианские епископы уговорили св. Григория отправиться в Константинополь, где никейцы находились под спудом омиев, и их голос вообще был едва слышен⁵⁰¹.

Прибыв в восточную столицу, св. Григорий начал проповедовать в доме одного своего родственника, впоследствии переделанном в храм Св. Анастасии. Его проповеди имели очень большой успех среди изысканной и утонченной столичной публики, и ариане даже наняли убийц для устранения такого неудобного конкурента. К счастью, покушение не удалось. Но это было только началом в цепи неприятностей. Вскоре личность св. Григория насторожила епископа Александрийского Петра — твердого в своем никействе, но человека с узким кругозором. Для Александрийского архиерея все, что относилось к Константинополю, по определению являлось «арианским». Поэтому он быстро организовал отправку в Константинополь некоего Максима Киника, которого надеялся «перерукоположить» в епископы «нового Рима».

Однажды, когда св. Григорий лежал больным дома, разнесся слух, будто Максима хиротонисают египетские епископы. Толпа возмущен-

ных православных константинопольцев вторглась в частный дом, где действительно совершалась хиротония. Киник и остальные епископы убежали прочь от разгневанной толпы, но впоследствии неудавшийся епископ отправился к Петру и требовал отдать ему кафедру, а затем просил помощи у папы Дамаса, но также безуспешно. Когда в Константинополь приехал император, вопрос о епископе столицы практически уже не стоял: царь самолично ввел св. Григория в храм Св. Апостолов, хотя цепь солдат сдерживала толпу ариан, окруживших церковь.

Ситуация получилась парадоксальная — на один и тот же престол одновременно претендовало сразу *три лица*, и св. Григорий попросил императора собрать Вселенский Собор для решения вопроса о том, кому же принадлежит Константинопольская кафедра. Неожиданно выяснилось, что вопрос о лице Константинопольского епископа способен вызвать новый кризис в Церкви, только что счастливо дождавшейся своего спасителя и покровителя в лице царя. Дело заключается в том, что «староникейская» партия естественным образом была сильна в Египте, где сохранились поклонники таланта и ученики св. Афанасия Великого. Ярким ее представителем, хотя и, повторимся, недалекого ума, являлся епископ Петр. В свое время, спасаясь от императора Валента, он покинул кафедру и нашел убежище у папы Дамаса, с которым у него возникли тесные отношения.

К тому же Рим и Александрия в те времена активно развивали идею об апостольском происхождении своих кафедр и вытекающих отсюда предпочтениях. То обстоятельство, что император отверг их позицию при решении вопроса о выборе Константинопольского архиерея, вызвало у них чувство сильного недовольства. И хотя личность Максима не вызывала сочувствия у Дамаса, но для него был важен принципиальный вопрос о том, *чье мнение* должно довлеть при принятии такого рода решений. Как видно, те полномочия, которые не так давно закрепил за Римским епископом император Грациан, уже дали глубокие ростки в их сознании. Поэтому св. Григорий Богослов был совершенно прав, попросив императора созвать Собор; это и явилось единственной причиной его созыва⁵⁰².

Конечно, царь придерживался обратного мнения, чем папа Дамас, естественно недоумевая, почему он, взявший на себя ответственность за состояние церковного благочестия, обязан консультироваться по данному вопросу с *одним из* епископов Церкви, пусть даже и весьма авторитетным. Зимой 380 г. св. Феодосий созвал Собор в Константинополе, куда пригласил исключительно восточных епископов, которых собралось около 150 человек. Там блистали такие знаменитые имена,

как *Мелетий Антиохийский* (360—381), св. Григорий Нисский — брат св. Василия Великого, св. *Тимофей Александрийский* (380—384) — епископ Петр к тому времени уже умер, Элладий Кесарийский — преемник св. Василия Великого, Петр Севастийский — брат св. Василия Великого. Интересно одно предание, связанное с именем Мелетия Антиохийского. Рассказывают, что когда император был еще частным человеком, ему явился во сне Мелетий Антиохийский и пророчествовал о его грядущем царствовании. И хотя до этого дня царь и епископ не были знакомы друг с другом, св. Феодосий тут же узнал его и облобызал.

Поскольку, как представлялось императору, вопрос о Константинопольской кафедре не касался Запада, никто из западных епископов приглашен не был. Можно предположить и еще некоторые мотивы, которыми руководствовался император, отказывая Западу в участии в Соборе. Деятельность св. Василия Великого, о которой он не мог не знать, равно как и св. Григория Богослова, привела его к убеждению, что Рим не только не помог Востоку в преодолении арианства, но невольно способствовал тому, чтобы «духоборцы» в лице Константинопольского епископа Македония какое-то время пользовались серьезным влиянием. Кроме того, учению о «непогрешимости» папы Римского, которое так рано зародилось на западе и которое с таким упорством отстаивали понтифики, нанес сильный урон факт общения с Маркеллом, учение коего Восток дружно анафематствовал. Так или иначе, но в мае 381 г. Собор открыл свои заседания без папских легатов.

Нам неизвестны ни числа заседаний, ни их детали — практически все документы Собора исчезли в веках. Но, как можно предположить из отдельных эпизодов, император наверняка присутствовал на его первом заседании, когда решался вопрос о св. Григории Богослове, и на некоторых других. По-видимому, впоследствии он не принимал участия в его деяниях, как это следует из содержания самого послания Собора св. Феодосию. Но, пожалуй, в этом и не было необходимости. Собор дышал духом св. Василия Великого, все напоминало о нем — остается только удивляться, почему столь редкий по своему *единомыслию* Собор не состоялся ранее? У Отцов практически не возникало вопроса об истинности Никейского Символа Веры, и вопрос об обсуждении «Единосузия» вообще не стоял.

В первую очередь Отцы Собора решили рассмотреть дело св. Григория Богослова, из-за чего, собственно, формально выражаясь, они и были созданы императором. Епископы были единодушны в том, что св. Григорий по праву и должным образом введен на Константино-

польскую кафедру. Но, очевидно, *внешнее* единодушие было не совсем искренним — египетские епископы даже не скрывали своего недовольства и раздражения по тому, как решилась судьба Максима Киника. По крайней мере, выступление св. Григория (один из немногих документов Собора, дошедших до нас) производит впечатление *защитительной речи*, в заключение которой он просил Отцов разрешить ему оставить престол и удалиться в пустыню⁵⁰³.

В конце концов епископы согласились с его просьбой и поставили Константинопольским епископом *Нектария Тарского* (381—397) — знатного сенатора из известной семьи, добродетельного и благочестивого старца. Как следует из документов, Отцы после этого утвердили давнее назначение на Иерусалимскую кафедру епископа *Кирилла* (350—386) и избрали Антиохийским епископом *Флавиана* (381—404), поскольку старец Мелетий умер перед самым окончанием Собора. Отцы недвусмысленно говорят в своем послании папе Римскому, что все эти избрания были сделаны «под наблюдением благочестивейшего императора Феодосия», из чего становится ясной роль царя в управлении Собором⁵⁰⁴.

Вслед за этим по инициативе св. Феодосия на Собор были приглашены 36 македонианских епископов, перед которыми напрямую поставлен был вопрос о признании Никейского Символа. Этот эпизод также вполне понятен: во времена правления Валента Македоний и его преследователи, отрицавшие Божество Святого Духа, но отклонявшиеся от «официальной» арианской версии Символа, были вынуждены согласиться с «Единосущим», чтобы сохранить поддержку Римской кафедры. Но когда Валент погиб и опасность миновала, они вновь вернулись к своим взглядам. Пользуясь случаем, кратко коснемся портрета вождей македониан и самого *Македония*, некогда (в 341—360 гг.) Константинопольского епископа.

Ранее он состоял в клире Константинопольской церкви при епископе *Александре* (314—337), а затем долго пытался занять епископский престол, где в это время восседал никеец св. *Павел* (337—339, 341—342, 346—351). Его нетерпимость доходила до фанатизма, он разошелся и с ортодоксальными арианами, и с омиями. Интересны фигуры его ближайших сподвижников — Марафония Никомедийского и Елевсия Кизикского. Оба они ранее состояли на военной службе, затем, под влиянием Македония, рукоположились в священников. Позднее Марафоний сделался монахом и был хиротонисан в епископа, употребляя значительные личные средства на благотворительность и устройство монастырей. Затем вождем партии стал Елевсий, наиболее близко

сошедший с православной партией, человек высокого характера и строгой жизни. Наконец, главой македониан волею судьбы был призван знаменитый Евстафий Севастийский — невероятный аскет, которого сам св. Василий Великий считал идеалом⁵⁰⁵. Примечательно, что вожди македониан и сами «духоборцы» периодически то принимали учение о Святом Духе, хотя и уклончиво, то категорично его отрицали.

Нетрудно догадаться, что император желал поставить точку в этой истории, что и сделал по-солдатски просто и незамысловато. Надо сказать, что этот шаг имел свой успех: македониане решительно отказались признать Никейский Символ и были удалены с Собора. Этого оказалось достаточным, чтобы Отцы объявили их в 7-м правиле Собора еретиками и определили им чин принятия в Церковь через миропомазание.

Наконец, последним обсуждался вопрос о новой редакции самого Символа. Нет, он не был изменен в своем существе, но Отцы верно рассудили, что в 325 г. тема Святого Духа еще не была актуальна, и потому решили расширить определение о Нем. Новый Символ, который отныне и навечно будет называться *Никео-Цареградским*, был утвержден Отцами и направлен для ознакомления всем Поместным Церквам. После этого император утвердил новый Символ своим законом и строжайше постановил, чтобы все епископы, отступающие от него, были лишены епископства, удалены из Церквей и вообще из сообщества христиан⁵⁰⁶. Из этого эпизода ясно следует, что догматическая сторона не была безразлична св. Феодосию Великому. Он имел способности и образование для того, чтобы выбрать лучшую формулу Символа и вдохнуть в нее жизнь, придав общенародные, *обязательные* черты.

Нетрудно догадаться, что почти все каноны, принятые Собором, также были известны св. Феодосию Великому еще в проекте — настолько они солидаризируются с его представлениями о церковном устройстве и оценками текущей ситуации. В 1-м каноне Собор подтвердил неизменность Никейского Символа Веры — очевидное свидетельство того, что арианство уже исчахло и публично признано ересью. Но 2, 3 и 4-е правила Собора касались уже сугубо вопросов *церковных полномочий* епископов и определяли судьбу злосчастного Максима Киника. Вторым канонном областным епископам запрещено вторгаться в дела других епархий — прозрачный намек на вмешательство Александрийского архиерея в дело поставления св. Григория Богослова на Константинопольскую кафедру. И 4-й канон тут же подтверждает это правило, хотя бы и «задним числом» — Максим Киник

не признается епископом, и «все, для него сделанное, и им сделанное, уничтожено, как недействительное». Это был сильнейший удар по амбициям Александрийского клира, публичное и тяжелое (первое) поражение зарождавшегося «*восточного папизма*». А 3-й канон довершает победу Константинополя, определив, что «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после Римского епископа, так как Константинополь есть новый Рим».

Мотив принятия Собором и этого канона также понятен: с одной стороны, император лишил папу Римского возможности влиять на судьбу выборов Константинопольского архиерея, поскольку по статусу они отныне являлись *равными* фигурами. С другой стороны, св. Феодосию едва ли мог понравиться вариант, при котором он вынуждался постоянно сноситься по догматическим и каноническим вопросам с папой Римским. Являясь равноправным императором, он хотел *полной симметрии полномочий*: если у Грациана есть Римский епископ, главенствующий в западных провинциях, то у Восточного императора должен быть свой Константинопольский архиерей с аналогичными правами на восточных территориях.

Не очень явно, но 3-е и 4-е правила все же приоткрывают сферу церковных полномочий самого императора. Собор признал «настоящим» епископом того, на кого *указал* св. Феодосий — св. Григория Богослова, и отказал в этом чине тому, кого пытались *навязать* царю. То обстоятельство, что данные попытки получили категоричную негативную оценку Собора, должно было надолго успокоить амбициозные умы на Западе и Востоке — цель, которая в целом была достигнута.

Помимо этого, акты II Вселенского Собора интересны теми словами, которые его Отцы высказывали в адрес императора («Благочестивейшему императору Феодосию»), подчеркивая роль царя в преодолении смуты и установления истинной веры. «В начале нашего послания к твоему благочестию, — писали епископы, — благодарим Бога, который ознаменовал твое благочестивое царствование общим миром Церквей и утверждением истинной веры; и, воздавая Богу должное благодарение, нужным считаем довести твоему благочестию о том, что происходило на Святом Соборе. Собравшись по твоему распоряжению в Константинополе, мы, во-первых, возобновили взаимное согласие между собой; потом изрекли краткие определения, в которых утвердили веру отцов, собиравшихся в Никее, и осудили возникшие против них ереси; кроме того, постановили точные правила о благоустройстве Церкви. Все это мы прилагаем к настоящему посланию. Итак, просим твое благочестие — утвердить

постановления Собора, дабы, как ты почтил Церковь своим посланием, которым созывал нас, так ты же, своим утверждением, положил и конец нашим совещаниям»⁵⁰⁷.

Эти фразы не нуждаются в комментариях — очевидно, что Отцы Собора все заслуги по возобновлению церковного мира и восстановления общения связывают исключительно с именем св. Феодосия Великого. Мало того, они надеются, что и в дальнейшем он своим утверждением постановлений Собора, то есть приданием им силы *государственного закона*, не позволит разрушить церковное единство Империи. Если кто-то из исследователей ищет время возникновения так называемого византийского цезаропапизма, то далеко ходить не надо — перед нами хрестоматийный и блестящий пример того, как Церковь без обиняков признает императора *своим главой*.

Понятно, что папа Римский и св. Амвросий были крайне недовольны тем, что Вселенский Собор прошел без участия западных епископов и легатов понтифика. Святитель даже направил императору письмо с протестом, но оно осталось без ответа. Тогда, в пику Второму Вселенскому Собору, в 382 г. в Аквилее был собран Собор из одних западных епископов, где обсуждались вопросы Восточной Церкви. Но и он не изменил мнения царя о месте Римского епископа в управлении Церковью — очевидно, при всем уважении к священству для царя вопрос о *главе церковного управления* не стоял: им мог быть и есть только сам император.

Тогда западные епископы написали императору письмо, в котором резко выговаривали ему за те «ошибки», которые он допустил. Папа Римский уже не вспоминал, что еще недавно сам отверг Максима Киника, и теперь откровенно заявил, что тот принят в общение Римской церковью. Он потребовал освободить *Нектария* (381–397) от Константинопольской кафедры и весьма сомневался в православии Тимофея Александрийского. Относительно канонов и Символа Западные епископы были не склонны высказывать *догматические* возражения, но тут же заявили, что рассмотрение их без участия Западной церкви совершенно невозможно, что это — прямой путь к разрыву отношений с Востоком. Они в принципе готовы даже принять их, но при одном условии — чтобы был созван новый Собор, «настоящий вселенский», и не где-нибудь, а обязательно в Риме: «Наша просьба о созвании Собора в Риме для обсуждения восточных дел не есть что-то новое и неожиданное для Востока», — обосновывали они свои требования. А для примера они вспомнили Соборы, где рассматривались дела св. Афанасия Великого⁵⁰⁸.

Конечно, св. Феодосия не могло удовлетворить такое письмо, но ввиду того, что на Западе царствовал Грациан, именем которого наверняка прикрывались авторы этого послания и который мог бы обидеться на резкий ответ, он решил поступить иначе. Его приказом в 382 г. все восточные епископы, за исключением египетских, были вновь собраны в Константинополе, вследствие чего Второй Вселенский Собор получал как бы некоторое продолжение. В первую очередь император повелел всем арианам, македонианам и евномианам, которые также были приглашены на Собор, дать обоснование своей вере на основе учения Святых Отцов. Когда еретики передали ему свои списки, он легко и наглядно продемонстрировал им их разночтения и вольности в толковании Св. Писания, после чего разорвал приготовленные ими бумаги и выгнал из зала заседаний⁵⁰⁹. Правда, иногда полагают, будто эта история имела место на Соборе 383 г., также собранном св. Феодосием Великим в Константинополе, но «Деяния» относят этот эпизод все же к 382 г.

Этим нехитрым ходом император решил одновременно две задачи: еще раз дал наглядное доказательство Западу и Риму, в частности, в православии Востока, открыто порвавшему с арианами и македонианами, и, во-вторых, окончательно поставил арианство вне закона. После этого по инициативе императора восточные епископы подготовили пространное письмо папе Римскому, в котором много благодарили того за теплоту и участие в деле утверждения истинной веры. Но решительно отказывались выехать к нему на Собор в Рим, поскольку, как писали они, такое путешествие должно быть согласовано с их епархиями, да и вообще чрезвычайно трудно из-за дальности дороги. Вместо этого они предлагали принять послов «восточных» архиереев — епископов Кириака, Евсевия и Прискиона, которые могли бы засвидетельствовать папе их братскую любовь и единоверие. Восточные епископы также изъявили готовность передать папе документы Константинопольского собора, чтобы он мог *ознакомиться* с ними. Этот момент также весьма важен: в будущем папы не раз будут заявлять, что соборные постановления имеют силу исключительно после их утверждения понтификом, но, как видим, II Вселенский Собор, равно как и первый, такой практики не знал.

Впрочем, на этом мнимая теплота и некоторая угодливость в адрес папы заканчивается: восточные епископы совершенно искренне недоумевают, почему Рим так беспокоят каноны, принятые в Константинополе в 381 г.? На основании чего папа так легковесно утверждает о неканоничности поставления Нектария на епископскую кафедру? Куда же каноничнее: он был избран в присутствии императора, на Соборе, по одобрению

всего народа?! О Максиме «восточные» вообще не упоминают, отчетливо давая понять «западным» собратьям, что не намерены терпеть их вмешательства во внутренние дела восточных кафедр. Как бы в пику Риму новый Собор принимает еще два канона, которые обыкновенно, спустя многие годы, приписывают Собору 381 г. (5-е и 6-е правила)⁵¹⁰. Это была решительная победа св. Феодосия «по всем фронтам». Неудивительно, что его авторитет в Церкви после этого вырос чрезвычайно.

Завершая повествование о деятельности святого царя против еретиков, следует сделать оговорку о том, что весь комплекс его государственных мероприятий, за которыми следовала уголовная ответственность в случае отступления от истинной веры, вовсе не были так «кровавыми», как это могло бы показаться. Да, еретиков изгоняли с кафедр и запрещали миссионерство, но у них никто не отнимал неприкосновенность личного убеждения — за это никого не наказывали. Все строгости имели своей целью главным образом не допустить еретиков к *общественным постам*, где они могли бы нанести большой вред, и это едва ли может быть квалифицировано как «гонения». Кроме того, строгости римского закона нередко таяли перед не очень тщательным исполнением на местах распоряжений императора. Римская администрация уже была далеко не той, что раньше, и контроль над ней был заметно ослаблен. Император же, постоянно воюющий то на Востоке, то на Западе, был не в состоянии добиться адекватного исполнения государственных законов⁵¹¹.

Параллельно борьбе за чистоту Православия св. Феодосий начал решительную борьбу с язычеством, солидаризируясь с политикой Грациана на этот счет в западных провинциях. Как уже указывалось выше, предыдущие правители Рима не желали, как правило, существенно ограничивать права язычников; исключения составляли лишь наиболее одиозные культы, приверженцев которых ждали суровые наказания. Еще во времена Валентиниана II в Риме, например, было 152 языческих храма и 183 молельни, посвященные различным «богам». В самой армии были почти сплошь язычники, как и в государственном управлении, и в сенате. Конечно, на Востоке также было много приверженцев древних культов, но, по-видимому, Запад даже преобладал по численности язычников на душу населения. Как и Грациан, св. Феодосий коренным образом поменял государственную политику в религиозной области. Он предпринял решительные действия для искоренения язычества.

Надо полагать, эти шаги св. Феодосия были вызваны не только его личными религиозными пристрастиями. В условиях политической и военной нестабильности Римской империи любая религиозная груп-

па, если, конечно, она имела многочисленных представителей, в целях защиты своей веры систематически активно включалась в дворцовые интриги, надеясь поставить на императорский престол собственного питомца. Уже, как мы видели, Юлиан-Отступник мог считаться в известной степени жертвой языческой партии, на короткое время праздновавшей победу. Позднее почти любой узурпатор надеялся на поддержку язычников, например Магненций и Максим. Уже в ходе своего царствования св. Феодосий был вынужден считаться с тем, что за спинами Арбогаста и Евгения стояли язычники Запада. Рим всегда жил в условиях относительной веротерпимости и «длинной скамейки» пантеона, но *единоверие*, следование неким государственным канонам считалось обязательным. Поэтому Грациан и св. Феодосий лишь восстанавливали ту практику, которая не казалась Риму чужой.

Впрочем, первые указы императора были направлены не против язычников, а против *христиан*, принимавших участие в языческих культах. «Неприлично, — говорилось в эдикте императора от 381 г., — чтобы забота о храмах и религиозных торжествах (языческих) была предоставлена тем людям, которые исповедуют истинную и божественную религию; не должно возлагать на себя таких дел, хотя бы они не были запрещены законом». Вслед за этим (в том же 381 г.) были изданы указы против отступников от христианской веры, а таких насчитывалось довольно много. В частности, история сохранила нам имя некоего Феста, правителя Сирии, проконсула Азии, который оставил христианство и вернулся к языческому культу. Теперь же законом было постановлено, что отступники не могут распоряжаться своим имуществом по духовным завещаниям. В 383 г. этого же права лишились и оглашенные, вновь обратившиеся в язычество, с той разницей, что они могли завещать имущество братьям и детям. И в соответствии с этим же законом отступники лишились права даже *получать* имущество по наследству⁵¹².

Только в 391 г. император обратил силу закона непосредственно против язычников, издав указ, по которому всем подданным Римского государства запрещалось входить в храмы и приносить жертвы идолам: «Никто да не осквернится жертвоприношением, не умерщвляет невинных животных, не входит в капища, не защищает кумиров, создаваемых рукой человека, под страхом быть виновным пред законом Божеским и человеческим».

Другими законами, принятыми вскоре после этого, подвергались строгим наказаниям лица, гадавшие о будущем на внутренностях животных, и маги. В соответствии с эдиктами императора правители провинций, посещавшие капища, подвергались денежному штрафу в размере 15 фунтов золота, и даже чиновники подлежали наказанию,

если они *не пытались препятствовать* предосудительным действиям своих начальников. Наконец, в 392 г. святой император издал закон, которым категорически запрещал приносить языческие жертвы под угрозой смертной казни, а любое иное совершение обряда — под угрозой конфискации дома и земли.

Правоведы и историки много спорят, предписывал ли св. Феодосий повсеместно разрушать языческие храмы. Скорее всего, такого закона издано не было, но, очевидно, император *не запрещал* эту инициативу, если она имела место со стороны епископата и начальников провинций. Кстати сказать, эта мера носила не только религиозный мотив, но и военный: нередко язычники, застигнутые во время отправления культа, устраивали настоящие бои с имперскими войсками, используя свои храмы как крепости⁵¹³.

Один такой эпизод был связан с разрушением храма Бахуса и Сераписа в Египте. Епископ Александрии *Феофил* (384—412), с которым мы вскоре столкнемся еще не раз, попросил разрешения императора снести первый из двух названных храмов по причине его крайней ветхости. После этого язычники закрылись во втором храме, периодически делая из него вылазки и предавая попавших в их руки христиан страшным мучениям: им ломали руки, распинали, бросали в выгребную яму. Но св. Феодосий не разрешил казнить убийц, ограничившись только разборкой храма Сераписа. Языческие идолы были вынесены прочь, а из разбитой головы Сераписа, к ужасу язычников, выбежала стайка крыс. После этого язычники массами стали переходить в христианство, включая самих жрецов, среди которых держалось древнее предание, будто их вера закончится, как только восторжествует религия Креста⁵¹⁴.

После того, как св. Феодосий стал практически единовластным владыкой Римской империи, его взор устремился на Запад, где, несмотря на все старания Грациана и Валентиниана Младшего, язычество до сих пор имело крепкие позиции. Император изменил календарь, приказав считать все дни года обыкновенными. Исключение составили 125 дней, которые могли отмечаться и язычниками, и христианами, в частности дни рождения императоров и основание столиц государства. Но самый сильный удар был нанесен по язычеству, когда император повелел вынести из курии алтарь и статую Победы. Эти символы старой веры уже испытали на себе все превратности судьбы: они были вынесены при св. Константине Великом, возвращены при Отступнике, вновь удалены из сената при Грациане и опять восстановлены на старом месте при узурпаторе Максиме. Когда сенат обратился к Валентиниану II Младшему с просьбой вернуть статую на место, тот по совету св. Амвросия обратился за советом к своему старшему сотоварищу, который, конечно,

не поддержал язычников. Теперь же св. Феодосий Великий поставил вопрос ребром, письменно задав вопрос сенаторам: «С кем вы? Почтение Юпитеру или почтение Христу должно быть государственной религией?» И хотя среди членов сената было много язычников, большинством голосов старая вера была отвергнута во имя веры во Христа.

А после победы над Евгением, который в короткое свое царствование опирался на язычников, св. Феодосий вообще запретил отпускать из государственной казны деньги на публичные жертвоприношения. Сенаторы тут же напомнили ему, что в этом случае исчезает сам смысл жертвоприношения, поскольку оно не будет совершаться от имени всего народа, но император был неумолим. Царь был уверен, что одной этой меры вполне достаточно для того, чтобы через одно-два десятилетия от язычества на Западе ничего не осталось. Так оно и получилось: еще воскурялся фимиам над языческими храмами, но само язычество перестало быть *народной* религией, и его век вскоре заканчивается⁵¹⁵.

В 391 г. издается знаменитый Миланский эдикт, в соответствии с которым все языческие жертвоприношения объявлены *преступлениями против императора*, за которое полагались конфискация имущества и крупные денежные штрафы. В 392 г. были усилены меры наказания для гадателей; помимо прочего, закон предусматривал крупные штрафы для нерадивых чиновников, плохо исполнявших веление царя по борьбе с остатками язычества. В 393 г. были окончательно отменены Олимпийские игры, а статуя Зевса Олимпийского — знаменитое творение Фидия — перевезена в Константинополь⁵¹⁶.

Но подорванное в корне язычество, лишенное государственной поддержки и последних сторонников, еще долго тенью старой славы напоминало о себе. Направляясь к могилам мучеников и чудесным базиликам, христиане были вынуждены проходить мимо старых храмов, где еще в V в. служили специально назначенные жрецы (*sacerdotes*). В городских кварталах Рима еще стояли капеллы Лар (*Lares compitales*), а христианский поэт Пруденций печалился о том, что Вечный город знает не одного Бога, а тысячи. Блаженный Иероним также негодовал на римлян, ставивших свечи и фонари перед древними богами-покровителями и утверждавших, что это делается только для охранения их домов. Тот факт, что раз за разом император *повторял* свои эдикты об уничтожении язычества, — лучшее свидетельство того, что на самом деле никакого нетерпения к ним со стороны верховной власти не было. При всей строгости римского закона *практика* отношения к язычникам была сверхтолерантна⁵¹⁷. По крайней мере, эдикты против язычников появляются в середине V в., что показывает еще и то, что никакой необходимости

в острых административных мерах по отношению к язычникам со стороны власти уже не требовалось. Язычество медленно, но верно умирало.

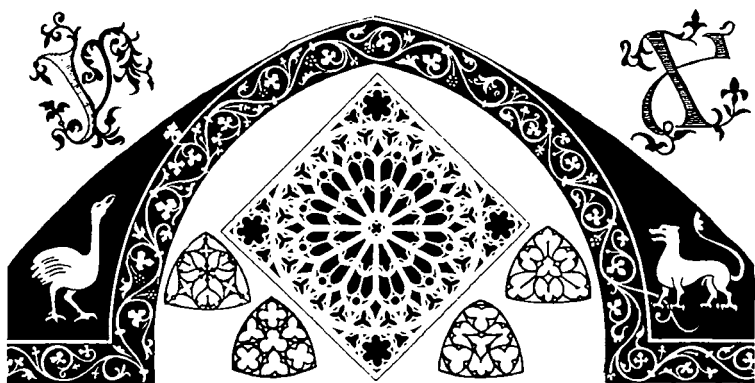
Веротерпимость св. Феодосия вполне характеризует и история с синагогами на Востоке. В 388 г. начальник одной из отдаленных провинций Востока доложил императору, что христиане, возмущенные иудеями и гностиками, чинившими им препятствия в отправлении богослужений, разрушили одну иудейскую синагогу. Докладывалось также, что вроде бы к этому преступлению были причастны местный епископ и монахи. Вспыльчивый император тут же приказал наказать монахов, а епископа обязал восстановить синагогу на средства Церкви. Лишь благодаря вмешательству св. Амвросия Медиоланского, в очередной раз продемонстрировавшего свое влияние на царя, приказ был отменен⁵¹⁸.

Напротив, духовенство во время правления святого царя достигло невиданного ранее положения и общественного уважения. Он запретил рассматривать в гражданских судах дела с участием клириков, опасаясь унижить их статус, и постоянно испрашивал советов от св. Амвросия Медиоланского и других епископов, наглядно демонстрируя, *кому* он доверяет судьбу государства. Христианские начала при нем постепенно проникают в содержание римского законодательства, которое становится естественной базой для становления и развития церковного, канонического права. Например, император запретил браки между двоюродными братьями и сестрами, племянницами и дядями, предавал казням любителей противозаконных пороков и, во избежание соблазнов, не разрешал рукополагать женщину в диаконы до достижения возраста 60 лет⁵¹⁹.

Святой Феодосий, справедливо названный Великим, не прожил и 50 лет и умер на пике своей славы, едва вступив в наиболее плодотворный для мужчины и государя возраст. Он расставался с жизнью с чувством выполненного долга, сделав все зависящее от него и как император, и как глава Вселенской Церкви. Вместо развалин Римской государственности, которые достались ему в начале царствования, он оставил после себя восстановленную Империю; преодолел раскол, воссоздал единство Церкви, а вместо разномыслия помог сотворить и дал силу государственного закона истинному чуду — Символу Веры, до сих пор являющемуся главным критерием для определения православия любого христианина.

Далеко не все самодержцы Европы и Византии могли бы похвастаться такими успехами, и еще меньшее число из них сохранили необыкновенный запас любви, веры, честности и преданности Богу и отечеству, какие демонстрировал святой император во все дни своей жизни. И не будет преувеличением, если, подытоживая, заметим, что о личности святого Феодосия Великого *все* можно сказать одним словом, некогда действительно произнесенным св. Амвросием Медиоланским: «Любил я этого мужа...»

VII. ИМПЕРАТОРЫ АРКАДИЙ (394—408) И СВ. ГОНОРИЙ (395—423)

Спасши Римскую империю от развала, фактически *отвоевав* ее у готов, св. Феодосий Великий все же не смог решить главной задачи — восстановления того привычного портрета Римского государства, который она имела в предыдущие века. Да, внешне Империя являлась все еще единым целым, но лишь потому, что никто из врагов и не пытался создать на захваченных или фактически оккупированных территориях свой политический союз. Она не распалась, поскольку это было тогда еще *физически невозможно*, исходя из специфики политических понятий того времени и уровня сознания варваров. Для римских граждан Империя представляла собой всю Вселенную, окруженную небольшими государствами *цивилизованных варваров*, к которым римский надменный ум, без сомнения, относил даже могучую Персию с ее древней историей. И к IV в. все они были либо захвачены Римом, либо находились под римским протекторатом; вокруг его границ оставались лишь кочующие племена и орды варваров, не обладающих никакой государственностью.

Поэтому провинции, захваченные готами, продолжали оставаться под властью римской администрации, хотя бы сам император и не имел никакой практической возможности управлять ими. Их вожди, хотя и присягали василевсу и даже нередко получали высокие и почетные римские титулы, составлявшие ранее исключительную привилегию римской аристократии, но в действительности действовали, руководствуясь своими довольноно обыденными желаниями пограбить и явить примеры воинской доблести. Они могли в некоторых случаях защитить захваченную территорию от других варваров, в других — со-

единиться с ними и заселить без всяких разрешений другие римские земли, а когда и просто возвратиться в родные края, откуда ранее пришли. Власть императора держалась на *личной договоренности* с вождями варваров и основывалась на его личном авторитете, если, конечно, василевс не имел возможности наказать их за нарушение прежде заключенных соглашений.

Но это было характерно только до тех пор, пока не появился народ, у которого постепенно проснулся политический инстинкт — готы. В отличие от прочих захватчиков готы были очень многочисленны и активны: со времени начала правления св. Феодосия Великого они захватили важнейшие посты в армии и уже не удовлетворялись обычной судьбой варварских племен. В скором времени они создадут собственное государство — об этом рассказ впереди. Вслед за ними аналогичную попытку предприняли вандалы, захватившие Северную Африку и подчинившие ее народы своему государю.

В провинциях, где римская культура и ее носители находились в явном меньшинстве, сепаратистские попытки обосновать собственное государство также могли *на время* увенчаться успехом. Характерный пример в этом отношении представляет Британия, которая при Грациане выдвинула фигуру узурпатора Максима, а при св. Гонории, как мы увидим вскоре, — Константина. Правда, сами узурпаторы, плоть от плоти римского политического сознания, все же думали не об отдельном государстве — они пытались использовать взбунтовавшуюся территорию как плацдарм для завоевания власти во всей Римской империи. Но, как представляется, британцы не вполне разделяли их намерений, по крайней мере при Константине. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что, в случае выделения территорий из Империи в качестве самостоятельных государств, последние автоматически оказывались в культурной, правовой, политической и, главное, *экономической изоляции*, что неизбежно (это был лишь вопрос времени) предрекало бы их крах. Тем не менее сепаратистские процессы не затухали и были особенно активны в период политической анархии.

Не лучше обстояли дела и с правителями «проримских» провинций — римскими чиновниками. Конечно, они назначались императором (хотя бы и формально им, а на самом деле — по деятельной протекции ближнего окружения), но при желании могли полностью игнорировать его власть. Отдельные фавориты и всесильные провинциальные префекты произвольно выбирали, какие приказы верховной власти являются значимыми для них, а какие нет, явно не считая их

обязательными для себя. Да, их можно было отставить от должности и даже судить за самоволие, но на практике это было сделать довольно трудно в связи с удаленностью некоторых территорий, шаткостью властных институтов, недостатком военных сил у царя и, главное, печальным осознанием того факта, что следующий за ним правитель может действовать еще более решительно.

Можно смело сказать, что причина сохранения целостности имперского тела заключалась в том простом объяснении, что правители провинций или считали нецелесообразным выделяться в качестве самостоятельных государств, или не представляли для себя такой возможности. В силу *однородности* римской культуры, носителями которой помимо римлян являлись представители многих других этнических групп, сепаратистские настроения того или иного чиновника едва ли имели шансы найти нужный отклик у жителей этой территории.

И вот в этом коловороте событий, где центростремительные силы ежеминутно схлестывались с центробежными, где-то на недостижимой высоте возвышалась фигура царя, служащая единственным зримым проявлением *политического единства* Римской империи. *Символ Империи*, он нередко был вынужден бессильно взирать на этот мелькающий калейдоскоп перемен и зачастую не имел никакой возможности предотвратить их. Не стал исключением и св. Феодосий Великий. Что удалось ему — так это удержать в своих руках *личную власть* над готскими вождями, чем он обеспечил хотя бы относительную внутреннюю безопасность Римской империи и возможность пусть слабого, но управления государством. В силу объективных причин он даже не пытался выселить готов с захваченных ими территорий, тем более что на их смену (и эту перспективу реально продемонстрируют скорейшие события) пришли бы иные, возможно, более могучие и дерзкие варвары. Как личность сильная и самостоятельная, он сумел приблизить к себе не менее сильные фигуры соратников и союзников, не опасаясь измены с их стороны, что все же иногда случалось (вспомним хотя бы случай с Арбогастом).

Но с его смертью ситуация кардинально изменилась. В последующем изложении царствования императоров **Аркадия** и **св. Гонория** мы редко будем сталкиваться с упоминанием их имен в активном наклонении. Может даже показаться, что новые цари Рима выступали скорее в роли пассивных наблюдателей того, что творится вокруг. Однако на самом деле это обманчивое впечатление. Ни один самый гениальный, мужественный и волевой император Рима прошлых и будущих столе-

тий не смог бы в эти годы противиться промыслительному движению Истории, поставившей перед собой задачу познакомить варваров с политической, правовой и цивилизационной культурой Рима. И надо отдать должное царям: при всех политических метаморфозах, в ситуации, когда только ленивый не претендовал на престолы Западного или Восточного императоров, они сумели удержать управление в своих руках. А также обеспечить преемственность власти и за небольшими исключениями целостность Священной Римской империи.

Сделать это было совсем не просто, учитывая разницу интересов обоих дворов — прямое следствие становящейся все более очевидной разности судеб Запада и Востока, и едва ли не полную зависимость воли молодых императоров от всесильных фаворитов. Две части одной Империи все более изолировались друг от друга, так что в условиях больших расстояний, отсутствия коммуникаций и постоянного ведения военных действий даже узнать о том, что в действительности творится в провинциях, было крайне сложно. Цари и двор получали информацию либо от случайных лиц, побывавших на другом конце Империи, либо от купцов, которые, как всегда, привирали для своей пользы⁵²⁰.

Взаимное отчуждение проявлялось все более рельефно. В *политическом* отношении Западная и Восточная части Священной Римской империи существовали почти что обособленно, но еще более они расходились в культурах, господствовавших на их территориях. В то время на Западе знание греческого языка почти совершенно исчезло. И на Востоке латинский язык все более отходил на задний план, хотя еще несколько столетий будет считаться *официальным языком* Римского государства. Но процесс эллинизации Востока в эти и последующие годы принял масштабные черты. Характерно, что в Константинопольском университете преподавателей греческого языка было больше, чем профессоров латинского⁵²¹.

Но было крайне важно, что оба царя сохранили церковную политику своего отца — фактор, безусловно способствующий сохранению (пока еще) единства государства: едва ли Римская империя перенесла бы новый церковный раскол в тех условиях, в которых ей предстояло начинать жить в IV в. Напротив, твердое следование царей Никейскому и Константинопольскому Соборам позволило сохранить *единство Церкви*. В свою очередь Церковь выступила якорем спасения для гибнущей Римской государственности и ее величайшей культуры, а также обеспечила возможность межкультурного и политического общения между Западом и Востоком еще на многие столетия. В последующих

событиях практически уже не видно попыток восстановить арианство, хотя, безусловно, ариане еще во множестве проживали в Империи — достаточно напомнить, хотя бы, о готах. Для них, в частности, арианство все еще было разрешено, хотя само по себе медленно и верно сходило со сцены.

Конечно, и Аркадий, и св. Гонорий заметно уступали своему царственному отцу в характере и политических дарованиях. Можно ли считать это виной самих царей? — вопрос, конечно, риторический. Они не стали новыми «феодосиями» и «константинами», но по-своему делали все для того, чтобы бурлящая, атакуемая со всех сторон варварами Римская государственность не распалась окончательно и восстановилась во всем блеске своей славы при их ближайших преемниках.

Глава 1. Аркадий, император Востока

«Гений Рима, — писал Э. Гиббон, — умер вместе с Феодосием, который был последним из преемников Августа и Константина, появившихся на полях брани во главе своих армий, и власть которого была всеми признана на всем пространстве Империи»⁵²². Действительно, старая эпоха безвозвратно уходила, унося с собой незабываемый аромат древней римской культуры. Наступало время новой цивилизации, утреннюю зарю которой провозгласили события времен детей св. Феодосия.

Внешне приход сыновей святого императора к власти не отличался от уже знакомых сценариев: их горячо признало войско и весь народ; были принесены соответствующие клятвы верности сенаторами и лицами остальных сословий, духовенством и судьями. Но имелась существенная разница между Римской империей времен Диоклетиана и государством, современным детям св. Феодосия Великого. Вплоть до 395 г. разделение верховной власти никак не связывалось с делением Империи на две или более частей. Напротив, она всегда понималась как *единое* и *неделимое* государство. *Внешним* выражением этого единства служило обозначение летоисчисления именами двух консулов, один из которых назначался в Риме, а второй — в Константинополе. Выражением *внутреннего* политического единства государства являлись правовые акты императоров, которые публиковались о двух и более именах независимо от того, исходили они от Западного государя или от Восточного василевса. Кроме того, фигура св. Феодосия Великого была столь монументальна, что западный двор и состояние

провинций, находившихся под властью Валентиниана II Младшего, почти полностью зависели от него.

Теперь же интересы обоих дворов постепенно начали расходиться, для чего имелись объективные причины. Святой император по-своему решил готский вопрос на Востоке, сделав варваров союзниками и открыв им самый широкий доступ к государственным должностям. Но на относительно спокойном от варварских набегов Западе эта проблема была менее актуальна; там по-прежнему довлела прирожденная римская аристократия, крайне обеспокоенная тем, что после победы над Евгением готам была открыта дорога в их ряды. Даже в тех случаях, когда варвары оказывались полезными, их судьба была предрешена, как история любого политического *временщика*. Кроме того, военные силы Империи были явно истощены и не имели возможности равномерно обеспечить безопасность границ, а кочующие то там, то здесь варвары мало задавались вопросом об интересах Рима, решая, какая очередная провинция (западная или восточная) станет очередным объектом их алчного поиска добычи. Поэтому уже через короткое время оба двора начинают заботиться о своих провинциях, исподволь подстраивая свою *местную* политику под вполне понятный и объяснимый принцип: «Сегодня умри ты, а завтра — я».

Зависеть от настроений другого двора на противоположном конце Вселенной не хотелось ни прирожденной римской аристократии на Западе, ни новой политической элите на Востоке. Каждая из сторон единого римского мира по-своему оценивала степень опасности варварского вторжения и, естественно, предлагала качественно разные, порой противоположные методы решения «готского вопроса». Принимать консолидированное решение, как это было раньше, стало уже едва ли возможно. После смерти св. Феодосия Великого это обстоятельство открылось во всей полноте, и начиная с 395 г. оба августа становятся почти совершенно *независимыми* друг от друга в пределах своих территорий, а единство в политике начинает всецело зависеть от доброго согласия (или несогласия) обоих дворов⁵²³.

Аркадий, унаследовавший от отца восточные провинции, достиг к тому времени 18-летнего возраста. Чрезвычайно показательно, что покойный император, сам уроженец западных провинций, отдал восточные земли старшему сыну, тем самым подчеркнув *приоритетное* значение Востока для всей Священной Римской империи в целом⁵²⁴.

Сам Аркадий родился в Испании еще в ту пору, когда его отец был частным человеком, но получил образование (блестящее, кстати сказать) уже в Константинополе. Внешне Аркадий мало напоминал

св. Феодосия: он был небольшого роста, сухощавый и слабо развитый физически. Императора упрекали в вялости души и даже находили в нем робость характера, что, пожалуй, является явным преувеличением. Аркадий был чрезвычайно благочестив и много времени уделял Церкви, многократно отправляясь на поклонение мощам святых. С ним связывают перенесение мощей св. Самуила в Константинопольскую церковь Св. Фомы. Больше всего на свете он боялся оскорбить Церковь или вступить с ней в раскол, проявляя завидную щепетильность в церковных делах⁵²⁵. Его учителями были известный ритор Фемистий и диакон св. Арсений, позднее удалившийся в пустынь и прославленный Церковью⁵²⁶.

Как и его отец, Аркадий был ортодоксальным христианином и ненавистником язычества. Уже в 394 г. от его имени был издан указ о запрещении языческих богослужений. В 397 г. по его повелению материал разрушенных языческих храмов Сирии направили на строительство мостов, дорог, водопровода и городских стен. А в 399 г. последовал указ о том, чтобы разрушить *все* языческие капища⁵²⁷.

Из наследства отца Аркадию достались Фракия, Малая Азия, Сирия, Египет, Нижний Дунай. Иллирийская префектура была разделена между братьями; провинции Норик, Паннония и Далмация по-прежнему входили в состав Западной империи, но Дакийский и Македонский округа были присоединены к Восточной империи.

Забываясь о будущем старшего сына, св. Феодосий заранее поставил опекуном Аркадия Руфина, префекта претории, уроженца города Элузы в провинции Новемпопулана, что в Южной Галлии. Как говорят, это был чрезвычайно деятельный человек с большим самосознанием, представительной наружностью и громадным состоянием. Не раз выручая св. Феодосия Старшего, оказывая ему бесценные услуги, он тем не менее никогда не забывал ни о личном интересе, ни об обидах, нанесенных ему. Всякий человек, хоть раз перешедший ему дорогу, был обречен. Правда, сильная фигура святого императора не позволяла раскрыться худшим качествам души Руфина, но при совсем еще юном Аркадии последние преграды на пути замыслов опекуна пали.

Двор содрогнулся под его неограниченной властью: открытая продажа должностей, взятки, вымогательство и т.п. стали преобладающим явлением в годы его опекунства. При этом Руфин оставался искренне верующим христианином и нежно любящим отцом. Неподалеку от Халкидона, в местечке «Дуб», он построил великолепную виллу и рядом величественную церковь во имя святых апостолов Петра и Павла, где множество монахов ежедневно совершали службы. При освяще-

нии храма присутствовали едва ли не все восточные епископы, и сам Руфин принял таинство Крещения. Уже давно являясь обеспеченным человеком, опекун Аркадия продолжал приумножать свое богатство, тайне надеясь выдать свою единственную дочь за Аркадия, и потому готовил ей соответствующее приданое⁵²⁸.

Он был столь же корыстолюбив, как и властен, что создавало ему массу врагов в придворных кругах. Первым из них после Стилихона (опекун Западного императора св. Гонория, о котором речь пойдет ниже) являлся некто евнух Евтропий, еще в детстве проданный в рабство на Востоке, но попавший в Константинополь и сумевший при св. Феодосии добиться высокой должности препозита царской опочивальни. Второй фаворит ничем не отличался к лучшему от Руфина, когда речь шла о применении власти и способах обогащения. «Они оба грабили все, полагая могущество в богатстве. Ни у кого не было ничего собственного, если это не было им угодно. Все дела судебные вершили они. Многочисленная толпа людей бегала и узнавала, нет ли у кого поместья плодородного и богатого»⁵²⁹.

Руфин, Стилихон и Евтропий замечательно характеризовали собой состояние имперской элиты. Надо сказать, к тому времени римская аристократия уже не была столь монолитна, как прежде. После первого отражения готской угрозы, еще при св. Феодосии, в Империи возникли три политических партии, качественно различающиеся между собой. Первая партия («германская»), во главе которой стоял известный военачальник Гайна, сгруппировала вокруг себя готов и тех римлян, которые разделяли политические взгляды св. Феодосия. Сильной стороной этой партии являлись ее многочисленность и наличие сильных лидеров (Гайна и Стилихон); слабой — то, что в массе своей готы были арианами, и отторгало их от остального населения Империи.

Вторая партия, сформированная евнухом Евтропием, состояла из пришлых малородовитых, но удачливых сановников, волей судьбы вознесшихся над всеми. Готы им были так же малопривлекательны, как и прирожденные аристократы, безглаголиво сторонившиеся евнухов и вчерашних слуг. Они искренне считали себя достойными своих высоких должностей, презирая потомков Сципионов и Туллиев, не сумевших сохранить свои богатство и влияние. Как им казалось, расцвет Римской империи возможен только при условии, что их, как «деловых людей», пустят во власть и позволят по-своему управлять государством на «новый» манер. Очевидно, эта партия была относительно немногочисленная, к тому же ее раздирали внутренние разногласия и обычная неразборчивость в средствах достижения собственных целей,

когда во имя личного блага легко отдавались на заклятие вчерашние сторонники и союзники. Все же, с учетом статуса членов этой партии и их могущества, она имела серьезное влияние на дела в Империи.

Наконец, третья партия включала в себя традиционную римскую аристократию, крайне недовольную тем, что почти все важнейшие должности заняты варварами и евнухами. В этой партии не было ярких представителей власти, но, как ни странно, вскоре она будет иметь наибольшее влияние при дворе обоих императоров, умело используя вражду своих врагов друг с другом⁵³⁰.

Общеизвестно, что во все времена политические партии особенно не церемонятся в выборе способов, в случае необходимости легко меняя союзников. Но едва ли римляне прежних веков могли предположить, что теперь дело дойдет до того, чтобы новые партии не гнушались привлекать на свою сторону и использовать в собственных целях *варваров* — главным образом гуннов и готов, создавая нужный для себя портрет внутреннего положения дел в государстве. Тот же самый Руфин небезосновательно был подозреваем в тайных сношениях с готами, которых периодически подкупал для нападения на отдельные провинции. Неурядицы, вызванные этими событиями, он умело использовал для борьбы с политическими врагами и укрепления собственного авторитета.

В день смерти святого императора гонг прозвучал для всех заинтересованных лиц. Поскольку понятия о преемственности власти были своеобразными и неустойчивыми, особенно у язычников по происхождению, то все партии начали строить самостоятельные комбинации по приходу к власти. Казалось, наибольшие шансы уже изначально имел Руфин, находившийся неотлучно рядом с юным императором и полностью контролировавший его волю и поступки. Имея взрослую дочь, он решил *женить* Аркадия на ней, после чего, понятно, его статус поднялся бы на невероятную высоту. Но на пути честолюбца встал Евтропий: воспользовавшись временным отсутствием Руфина (тот на время выехал в Антиохию), евнух показал царю портрет некой девицы *Евдоксии*, дочери франкского военачальника Баутона, который когда-то вместе со св. Феодосием воевал с готами⁵³¹. Отец девушки к тому времени уже давно умер, а она проживала в Константинополе в довольно стесненных условиях. Евдоксия так понравилась Аркадию, что он немедленно решил жениться на ней, и когда Руфин вернулся в столицу (27 апреля 395 г.), ему пришлось только присутствовать на торжественном бракосочетании Аркадия и Евдоксии.

Императорам не довелось насладиться первыми мирными годами. Дворец кишел придворной челядью, откровенно сводящей счеты друг

с другом и стремящейся к власти; а к внешним границам Римского государства непрерывными колоннами надвигались многочисленные враги. Пользуясь тем, что св. Феодосий увел значительное число легионов для войны с Арбогастом и Евгением, уже в 395 г. гунны проникли в Сирию и осадили Антиохию. Конечно, Аркадий мог попросить войска у св. Гонория, но, во-первых, готы во главе со своим королем *Аларихом* (382—410), которого прозвали Балтом (Смелым), воевавшие с узурпаторами, потребовали жалования за свои услуги и под этим предлогом грабили Мезию, Македонию и Фракию. Таким образом, для самого св. Гонория возникли серьезные проблемы, которые он мог решить только путем применения военной силы. Во-вторых, между братьями (вернее, их окружением) возникли серьезные противоречия из-за Восточной Иллирии.

При распределении провинций между сыновьями св. Феодосий выделил Восточную Иллирию из-под юрисдикции Западной империи и подчинил ее Аркадию. Святой Гонорий (вернее, его опекуны и советники) увидел в этом умаление чести Западного императора и предпринял встречные меры. Когда из Константинополя было отправлено довольно резкое требование о возврате с Запада отрядов, направленных св. Феодосием для военных действий на Дунае, Стилихон от имени св. Гонория ответил, что сам приедет в Константинополь, когда это позволят ему обстоятельства, и даст отчет Аркадию в военных и денежных делах. Дошло до того, что *законом* Восточной империи была ограничена торговля (!) между двумя половинами одного государства. Кажется, такого Рим еще не знал.

Тогда Руфин поехал в ставку Алариха и договорился с ним, чтобы готы, имевшие желание пограбить восточные провинции, искали более удобные места для стоянок на Западе. Представить себе такое еще недавно было совершенно невозможно: высший римский сановник *договаривался с варварами*, чтобы те грабили другие римские территории! Это было наглядным проявлением нового, уже разделенного римского сознания, где имперская идея явно уступила пальму первенства желанию сохранить «свое». Более того, когда в 395—396 гг. Аларих направился в Грецию и в районе Пелопоннеса Стилихон сумел окружить его армию, Аркадий потребовал от римского полководца оставить в покое (!) *друга Восточной империи*⁵³². Стилихону пришлось отступить, а Аларих получил в 397 г. статус правителя Восточной Иллирии.

В ответ Стилихон отправил в Константинополь (как бы выполняя ранее направленное ему требование Руфина вернуть восточные легионы обратно) испытанного полководца, гота Гайна, с которым связывал

собственные планы. Нет ничего невероятного также в том, что представители «германской» партии на Западе и Евтропий договорились между собой под конкретный случай. По крайней мере, к такому выводу приводит анализ событий. 27 ноября 395 г. легионы Гайна вошли в Константинополь, и население во главе с императором Аркадием радостно приветствовало по старой традиции пришедших воинов. Но тут готские солдаты окружили Руфина и зарубили его мечами. Как бы в насмешку над его алчностью они носили по городу отрубленную руку Руфина, прося его милостыню. Часть имущества убитого конфисковали, а другая досталась Евтропию, из чего можно сделать вывод о его главенствующей роли в этом заговоре. Жена и дочь бывшего все сильного опекуна — несостоявшаяся императрица — добровольно уехали в Иерусалим, где и проживали до конца своей жизни⁵³³.

После смерти Руфина новым, фактически единоличным фаворитом, имевшим неограниченное влияние на Аркадия, становится Евтропий. То, что смерть конкурента осталась неотомщенной и он не подвергся наказанию, наглядно показывает степень его влияния в государстве и на императора. Как видно, сам Аркадий в это время совершенно не контролировал ситуацию, которой управляло его многочисленное окружение. Конечно, Евтропий был далеко неординарным человеком. Но всю мощь своего положения он, человек удивительно честолюбивый и властолюбивый, использовал для уничтожения последних военачальников, еще способных оборонять Восточную империю, Абунданция и Тимасия. Первый был старым товарищем св. Феодосия, родился в Скифии и даже в 393 г. за воинские успехи удостоился консульства. Но сейчас его осудили за мнимое оскорбление императорского величества и сослали куда-то в отдаленную область, после чего след Абунданция теряется.

Сложнее было справиться с Тимасием — для достижения поставленной цели Евтропий договорился с неким воинским начальником с темным прошлым по имени Барг, некогда пригретым Тимасием, который и обвинил старого полководца и друга св. Феодосия в организации государственного переворота. Такие обвинения были часты в то смутное время (и почти всегда обоснованны), и император Аркадий тут же приказал создать комиссию во главе с собой для исследования всех обстоятельств дела. Но возникли осложнения — поскольку Тимасий пользовался среди жителей Константинополя безусловным авторитетом и любовью, император поручил разбирательство дела Сатурнину, видному сановнику, и Прокопию, зятю императора Валента. Оба известные полководцы, они не питали симпатий к Евтропию, тень

которого очевидно стояла за обвинением, но и они оказались бессильны против евнуха, который умел убеждать августа. Тимасий был послан, а Барг получил повышение, но вскоре был казнен по обвинению в совершении какого-то незначительного преступления. Как можно понять, Евтропий освобождался от ненужных свидетелей⁵³⁴.

Но — надо отдать ему должное — Евтропий умел быть полезным не только при дворе. Когда в 398 г. гунны в очередной раз вторглись в пределы Римского государства через Кавказский проход, Евтропий, получив невиданный для евнухов титул патриция, сам стал во главе имперских войск и изгнал захватчиков из Армении, оттеснив их за Кавказ. С триумфом Евтропий вернулся в столицу и был удостоен титула консула на ближайший год. Правда, это был последний успех интригана. В 399 г. Гайна, обеспокоенный успехами Евтропия, низверг могущественного временщика⁵³⁵.

Причиной очередной смены фаворита явилась зависть, возбуждаемая у многих аристократов и варваров, в том числе у Гайна, богатствами Евтропия, многократно умножаемыми им вследствие абсолютной неразборчивости в способах обогащения. В силу невыясненных обстоятельств (которые, правда, играли техническую роль) Евтропий вступил в жесткую конфронтацию с соплеменником Гайна Трибигильдом — командиром готского соединения, расквартированного во Фригии. В ответ вернувшийся из Константинополя во Фригию Трибигильд устроил настоящий грабеж территорий, уничтожая поголовно население в Сирии и римских граждан из состава расквартированных здесь легионов. Евтропий направил на усмирение мятежника своего верного человека Льва, которому удалось потеснить и разбить варваров в Азии. Но в решительную минуту вмешался Гайна, организовав спасение своего младшего товарища и добившись возвращения готов во Фригию. Лев погиб, а Гайна отправил императору ложное донесение, в котором обвинил Евтропия во всех бедах и изменах. По его словам, именно евнух был виновен в мятеже готов, которые, как он уверял императора, не сложат оружия до тех пор, пока Евтропий будет жив.

В это же время внезапно распространился слух, будто бы в Персии сменилась династия, и новый царь собирается идти войной на Константинополь. Аркадий срочно запросил помощи у Рима, где все решал могущественный Стилихон. Тот также согласился направить подкрепления, но при условии отставки Евтропия. Неясно, смогли бы Гайна и Стилихон совместными усилиями устранить ненавистного им конкурента, но в ситуацию решительно вмешалась императрица Евдоксия. Властная и решительная, она незадолго перед этим получила

от евнуха хороший урок — по какому-то поводу тот пригрозил ей удалением из дворца, и царица помнила об этом. Кстати сказать, нет ничего невероятного в том, что такая угроза могла бы осуществиться — всецелие фаворитов и полная зависимость императора от их мнения были совершенно очевидны для всех. А Евтропий, фактически *сделав* Евдоксию императрицей, решил, что вправе командовать ею и в дальнейшем. Как видно, он явно недооценил способностей царицы и ее умения находить друзей для дворцовых комбинаций. Императрица, имевшая большую личную власть над царем, искренне и горячо любившего ее, при помощи новых друзей переломила ситуацию и сделала все для отторжения евнуха от Аркадия. В конце концов Евтропия сослали в ссылку на Кипр, а имущество его конфисковали⁵³⁶.

В это время на авансцену попыталась выйти *национальная партия*, тайне лелеявшая надежду устранить ненавидимых ими германцев и восстановить исконные римские порядки. Вождем этой группы являлся префект претория Востока Аврелиан; знаменательно для этого времени, что родной брат Аврелиана, Кесарий, занимавший пост префекта Константинополя, придерживался прогерманской партии. Но сила у партии Аврелиана была весьма незначительная; готы первенствовали повсюду — и в армии, и после отставки Евтропия в политике. Вскоре германская партия наглядно продемонстрирует свое могущество. В первую очередь недовольные отставкой Евтропия Гайна и стоявший за ним Стилихон потребовали суда над ним в Константинополе, и, как легко можно догадаться, его приговорили к смертной казни. Затем готы поставили на место и римскую партию.

После смерти Евтропия Гайна двинулся на соединение с Трибигильдом, и в городе Фиатире они встретились. Младший гот очень жалел, что по дороге не удалось пограбить такой богатый город, как Сарды, и подбивал Гайну совместно овладеть им. Пока они раздумывали над будущими планами, Гайна получил сообщение от Кесария, что при дворе Аркадия организуется процесс по обвинению старого гота в измене. Конечно, Гайна догадался, что здесь не обошлось без Аврелиана, и потребовал от Аркадия *выдачи* (!) ему своих недругов. Страх перед готами был так велик, что император подчинился требованию Гайна и выдал своих ближайших друзей и товарищей, хотя в последний момент варвар, находясь в благодушном настроении, пощадил Аврелиана, магистра армии Сатурнина и комита Иоанна, переданных ему императором. Их лишь сместили с занимаемых должностей, и пост Аврелиана теперь получил его брат Кесарий. Это был акт величайшего унижения римской аристократии — они полностью находились в руках варвара⁵³⁷.

Дальше — больше. Гайна перешел через Босфор и вступил в Константинополь. Аркадий, не ожидавший ничего хорошего от этого события, даже согласился на то, чтобы предоставить готам-арианам один из самых больших храмов столицы, и лишь твердая позиция *св. Иоанна Златоуста* (398—404), архиепископа Константинополя, имевшего непререкаемый авторитет в народе, помешала этому.

Никто достоверно не знает, как далеко заходили тайные планы Гайны и Трибигильда, но трудно отклонить ту версию, что самоуверенные готы подумывали уже о том, чтобы *открыто* захватить власть в свои руки. В пользу этой версии свидетельствует то, что Гайна, занимая пост магистра армии, систематически высылал из столицы верные императору войска, сведя их в конечном итоге к минимуму; а Трибигильд параллельно с этим концентрировал готские отряды рядом с городом. Рассказывают, что два раза вожди готов пытались даже захватить столицу, но им мешали неведомо откуда взявшиеся защитники, которых все принимали за Ангелов-покровителей Константинополя. Сам Гайна видел это небесное воинство, вследствие чего оставил свои предварительные планы, и, сказавшись нездоровым, решил покинуть город⁵³⁸.

Ночь с 11 на 12 июля 400 г. была очень тревожная. Гайна хотел вывести свои войска организованно, но часть готов решила выйти из столицы самостоятельно. Стража у ворот заметила под их одеждой оружие, подняла тревогу, и сбежавшееся население стало теснить варваров. Варвары скрылись в своем храме, но и эта мера не спасла их: константинопольцы закидали храм горящими головнями и под языками пламени нашли свою гибель около 7 тыс. готов. Сам Гайна, выбравшийся из города, молча взирал на гибель соплеменников. Это уже была открытая война, и напрасно префект Кесарий пытался убедить *св. Иоанна Златоуста* начать переговоры с Гайной — святитель отклонил попытку навязать ему функции посредника.

Поняв, что одним махом Константинополем уже не овладеть, Гайна решил переправиться через Дарданеллы в Вифинию, чтобы собрать дополнительные силы. Но — и это тоже знамение времени — на другом берегу его поджидал другой гот, Фравита, уже известный нам своей преданностью *св. Феодосию* и нерушимостью раз данного им слова. Под его рукой был небольшой, но дисциплинированный и хорошо обученный отряд, который он муштровал длительное время. В результате его умелых действий все попытки готов Гайны переправиться на другой берег закончились неудачей: Фравита топил их суда и уничтожал воинов в большом количестве. Гайна, от которого отвернулась удача, попытался уйти во Фракию, но затем перешел Дунай и решил

вернуться к местам прежнего обитания готов. Однако за Дунаем ушедших ждала смерть — проживавшие там гунны практически полностью уничтожили его армию, и сам Гайна храбро погиб, дорого отдав свою жизнь в бою. 3 января 401 г. вождь гуннов Ульдин привез голову Гайны в Константинополь, взамен получив «подарки» и заключив с Восточной империей мирный договор, предусматривавший выплату варварам ежегодной дани в обмен на безопасность границ⁵³⁹.

Восхищенный Аркадий пропускал мимо уха все наговоры придворных о том, что якобы Фравита имел возможность полностью разгромить Гайну еще раньше, и в знак благодарности наградил его консульством на следующий, 401 г. На вопрос, какую дополнительную награду Фравита хотел бы получить из рук царя, старый воин ответил, что ему хотелось бы поклоняться своим богам по примеру предков⁵⁴⁰.

Впрочем, эта история не имеет счастливого конца. Как только Гайна погиб и готский элемент резко ослабел в Империи, все ранее сосланные патриоты были возвращены на свои должности. Аврелиану вернули прежний пост, и он стал фактическим идеологом внутренней политики вместе с императрицей Евдоксией, которой по его инициативе еще раньше, в январе 400 г., царем был дарован титул августы. Брат Аврелиана Кесарий был заточен в тюрьму (все же Аврелиан сумел спасти его от смерти), но излишне резкие патриоты во главе с комитом Иоанном сумели посеять недоверие императора к Фравите, и мужественный спаситель Римского государства закончил жизнь на эшафоте, ложно обвиненный в государственном преступлении.

Удивительно, но вскоре после описываемых событий «готский вопрос» почти перестал волновать Восточную империю. Нет, готы еще продолжали занимать многие ведущие должности в армии, их подразделения по-прежнему играли заметную роль в защите государства, и даже император Аркадий, строго и последовательно сохранивший жесткую линию поведения ко всем еретикам и благоволивший исключительно к православным, был вынужден считаться с арианством готов. Но подъем национального самосознания, особенно в Малой Азии, был чрезвычайно велик. В считанные десятилетия Восточная империя, как «плавильный котел», смогла «переварить» в своей культуре готскую массу. После этого становится понятной гениальная стратегия св. Феодосия Великого, призвавшего готов на римскую службу и за счет этого сохранившего государственность в безопасности. *На время* варвары стали самыми надежными защитниками восточных провинций ото всех иных захватчиков. А по прошествии лет римское

общество смогло найти иные резервы для обеспечения безопасности своего государства.

К сожалению, замечательная *политическая* победа над готской партией еще более разделила Западную и Восточную империи. Стилихон, едва ли не открыто управлявший западными провинциями, был, конечно, недоволен патриотической политикой Востока. Но события, развернувшиеся там, не позволили ему предпринять ответные шаги. Оставшиеся немногие годы царствования Аркадия и Евдоксии интересны главным образом событиями, связанными со ссылкой св. Иоанна Златоуста, его противостоянием с Александрийским архиепископом *Феофилом* (384—412) и исаврийским мятежом.

Всемирно известный на сегодняшний день св. Иоанн Златоуст происходил из знатной семьи и родился в Антиохии. В 20-летнем возрасте его мать Анфиса осталась вдовой, но сумела дать сыну блестящее образование — она готовила его к профессии юриста. Но у юного Златоуста были совсем иные мысли: он увлекся чтением Священного Писания, принял Крещение и, после смерти матери, удалился в пустынь, где усиленно подвизался на монашеской ниве. Через четыре года он вернулся в Антиохию, поскольку его здоровье было изрядно подорвано. В 381 г. был посвящен в диаконы, а в 386-м — в пресвитеры. Он был настолько популярен в Антиохии и за ее пределами, что получил прозвище *Златоуст*, а когда в 396 г. скончался Константинопольский патриарх *Нектарий* (381—397), Евтропий — тогда еще могущественный фаворит, — обратил внимание императора на Святителя и добился его назначения на вдовствующую кафедру.

26 февраля 398 г. состоялась хиротония св. Иоанна Златоуста, которому уже исполнилось 53 года, вследствие чего он *немедленно* получил первого могущественного врага в лице епископа Александрии Феофила, вынашивавшего план поставления на эту кафедру «своего» человека. Когда александриец попытался противоречить Евтропию, тот показал ему список проступков архиепископа, за которые того могли привлечь к уголовной ответственности, и египтянин молча проглотил обиду, хотя и не забыл ее. Несмотря на деятельное участие в гонениях на св. Иоанна Златоуста, Феофил был далеко не однозначной фигурой: его не любили впоследствии в Константинополе, но в Александрии почитание Феофила началось сразу после смерти епископа. V Вселенский Собор назвал Феофила одним из 12 самых почитаемых Отцов Востока и Запада, а его каноны включены в Книгу Правил Православной Церкви⁵⁴¹.

Вместе с тем, по отзывам современников, он обладал не только обширными полномочиями над многими территориями, но и жестоким характером. Со своими подчиненными он обращался как с рабами, при малейшем неповиновении подвергая их наказаниям и сажая в тюрьму. Будучи расчетливым и прагматичным человеком, он быстро понял, что *золото* может открыть любые двери, и потому часто покупал поддержку при дворе. Если верить современникам, Феофил не брезговал конфискованными языческими идолами, если те представляли собой некоторую ценность, и скрывал их в своих подвалах⁵⁴². Помимо этого, он содержал в Константинополе многочисленных осведомителей, регулярно информировавших его о всех событиях.

Обладая неограниченной властью в пределах Египта, он страстно желал расширить ее и сравниться в положении с Римским понтификом. Его первая попытка увенчалась успехом, и еще в годы жизни св. Феодосия Великого епископы Палестины и Кипра признали его власть над собой. Но затем царь открыто поставил его на место, вследствие чего Феофил взял паузу, надеясь со временем наверстать упущенные возможности⁵⁴³. И, казалось, все складывалось удачно, пока на пути Феофила ни возникла великая личность св. Иоанна Златоуста.

Надо сказать, что выбор Евтропия был очень удачен: едва ли до сих пор Константинополь знал такого ревностного, доброго, отзывчивого и вместе с тем толерантного архипастыря. Святитель поднял на должную высоту церковную дисциплину, запретив так называемые «духовные браки» клириков с девственницами; упорядочил общежитие вдов и пресек практику отдельных монахов проживать в частных домах. Скромный от рождения, он резко сократил расходы на содержание двора столичного архиерея, отдав эти деньги на благотворительные цели, и вообще в своих проповедях твердо обличал роскошь и распущенность «сего века». Сама императрица Евдоксия, потрясенная его словами, пожертвовала крест для проведения ночных бдений с процессиями, которые организовал архиепископ Константинополя, и повелела своему евнуху обеспечить их безопасность. Мера не случайная, поскольку как-то во время Крестного хода православные столкнулись с арианами, и в завязавшейся драке пострадали люди⁵⁴⁴.

Хотя св. Иоанн Златоуст демонстрировал крайнюю ревность по Православию, он не оставлял своим внимание готов-ариан, которым выделил отдельную церковь в столице и часто бывал в ней на службах. Вместе с тем он решительно препятствовал служению в этих храмах по арианскому обряду, оставаясь ревностным хранителем Православия.

И все же его архипасторство было далеко не безоблачным. Главным образом, его подводило ближайшее окружение, среди которого выделялись две фигуры аскетов и записных ригористов — диаконов Тигрия и Серапиона. Серапион, этнический египтянин, вскоре ставший епископом, высокомерный и грубый, нередко подталкивал св. Иоанна к необдуманным поступкам. Как рассказывают, однажды, когда на собрании клира Константинопольской церкви возникла заминка и не все присутствующие поддержали св. Иоанна Златоуста, Серапион воскликнул: «Что медлишь, епископ? Вооружись духовным жезлом и сокруши этот люд одним ударом!» Не лучше был и Тигрий, доставивший Златоусту массу хлопот⁵⁴⁵.

Борясь с нарушениями канонической дисциплины, св. Иоанн Златоуст иногда допускал излишний ригоризм, в частности переходя границы своей епархии и наказывая тех епископов, которые не подчинялись ему: Фракии, Востока и Понта. Опережая время, поступая так, как это мог с более серьезными основаниями позволить себе Константинопольский патриарх через 500 лет, он организовал в сентябре 399 г. Собор в Константинополе, где рассматривался вопрос об Эфесском епископе Антонине. Надо сказать, ситуация в этой провинции царила страшная — все продавалось и покупалось: епископство, священство, диаконство, дары Святого Духа. Необходимость каждого нового епископа покупать голоса для своего избрания выливалась в обратную необходимость вернуть затраченные средства. Когда епископ Евсевий Валентинопольский подал Златоусту жалобу на Эфесского епископа Антонина, св. Иоанн потребовал от обвиняемого объяснений.

Но нельзя забывать, что издавна Эфес считался авторитетной, всеми уважаемой кафедрой, поскольку она имела апостольское происхождение. И никогда еще Константинопольский епископ не смел посягать на ее главу. Очевидно, что такие новации в части управления епархиями не могли не вызвать известных волнений, щедро подогреваемых Антонином. Впрочем, вскоре он умер, и в епархии наступила настоящая церковная гражданская война, вызванная происками новых претендентов на место епископа⁵⁴⁶. Для их устранения 9 января 401 г. св. Иоанн Златоуст выехал в Эфес, где на очередном Соборе обвинил в симонии и низложил 15 епископов, самолично поставив на их кафедры других архипастырей. Конечно, так широко понимаемые Златоустом полномочия епископа столицы создали ему множество врагов среди восточного клира, которые лишь ждали момента, чтобы посчитаться со св. Иоанном.

Повод быстро нашелся: во время отсутствия св. Иоанна у царской четы произошло радостное событие — 23 марта 401 г. родился сын *Феодосий*, будущий святой император. Хотя св. Иоанн получил приглашение крестить ребенка (на этом примере мы можем увидеть, как быстро прекратилась древняя практика христиан креститься только перед смертью), но не успел прибыть, и таинство совершил епископ Келесирии Севериан, коего Златоуст оставил вместо себя на время отъезда. Ситуация с крещением царственного младенца была не столь проста, как могло бы показаться. По неписаной традиции того времени лицо, совершившее крещение, становилось духовным отцом мальчика, и эта связь продолжалась всю жизнь. Крестив младенца, Севериан превращался из штатного, рядового епископа в дворцового архиерея и теперь мог с полным правом претендовать на титул епископа столицы, постепенно отодвигая в сторону Златоуста⁵⁴⁷.

Этот инцидент очень огорчил Святителя, который после возвращения в Константинополь велел Севериану немедленно покинуть город. Царскому двору и лично императорской чете пришлось приложить немало усилий, чтобы смягчить сердце архиепископа. Сама царица принесла в церковь младенца и положила ему на колени, прося простить Севериана. Златоуст простил собрата, но *двор* запомнил то унижение, которое они, как им казалось, испытали в этой истории, выступая просителями перед клириком⁵⁴⁸.

Через некоторое время Златоуст выступил ходатаем за четырех (иногда говорят, что речь идет о трех персонах) египетских монахов, «долгих братьев» — они действительно отличались высоким ростом и были родными братьями, — обвиненных Феофилом в оригенизме, которые искали защиты в Константинополе и нашли ее в лице царицы Евдоксии. Святителю Иоанну было поручено организовать Собор для оценки действий Александрийского епископа, а точнее — *для суда* над ним. Но обстоятельства дела вскоре настолько изменились, что Феофил, используя недовольство Златоустом среди клириков и при дворе, превратил суд над собой в судилище над Златоустом. Этому в немалой степени способствовало то обстоятельство, что буквально накануне этих событий св. Иоанн Златоуст невольно обидел царицу. Древние свидетельствуют, что св. Иоанн Златоуст не имел никакого намерения оскорбить императрицу и направлял свои обличения против людских пороков, носителями которых, увы, часто являлись представители женского пола⁵⁴⁹.

Собственно говоря, из текста проповеди св. Иоанна действительно едва ли следует, что она обращена против царицы или что обличаемые

им пороки присущи ей одной. Рассказывая о женщинах, чрезмерно занятых своей внешностью и любящих украшения, святитель сказал: «Сатанинскими киваниями они поражают взоры невоздержанных, грудь их украшена золотом, им же унижены пальцы на руках их, а уши обременены жемчугами и гиацинтами. Да и природную красоту они заставляют лгать, натирая себе щеки белилами и другими красками, выпрямляя шею, как у бездушной статуи, ежедневно переплетая волосы и раскладывая их по лбу, как это и прилично их злонравным делам»⁵⁵⁰. Конечно, эти слова вряд ли можно отнести к царице, молодость которой не нуждалась в сильных косметических средствах для поддержания красоты, но дело было сделано.

Феофил привез с собой 29 египетских епископов (всего судей было 36 — свидетельство явного перевеса александрийца) и громадные средства для подкупа придворных, денно и ночью работавших среди царской семьи против св. Иоанна Златоуста. К этому времени из двух египетских монахов, обвинявших Феофила в несправедном суде, один отказался от обвинения, и как-то само собой получилось, что на Собор в качестве обвиняемого в нарушении церковной дисциплины был привлечен сам св. Иоанн. Ему вменялось рассмотрение судебных дел о нарушении принципов церковного управления («Эфесское дело») и вмешательство в компетенцию Александрийского епископа. Феофил, как организатор Собора, сделал все, чтобы там не было ни одного епископа, благоволившего Златоусту. Как видим, при всем старании враги св. Иоанна так и не смогли найти обвинения против него в сфере государственных преступлений и сделать «потерпевшей» царскую чету; это был суд *священников над священником*. Не случайно впоследствии св. Иоанн напишет, что *никого так не боится на свете, как епископов*. Заседания Собора проходили в Халкидоне, в бывшем имении Руфина «Дуб», вследствие чего сам Собор стал называться «Собором у Дуба».

Собор имел тринадцать заседаний, из которых двенадцать были посвящены «делу» св. Иоанна Златоуста, против которого составили обвинение из 29 пунктов. Зачитывал обвинение Константинопольский архимандрит Иоанн — личность злобная, с худым нравом; другим обвинителем выступил сирийский монах Исаак, получивший на Соборе (надо полагать, в виде награды) статус епископа. Златоуста обвиняли в том, что он много ест, не умерен в питье вина, чуждался гостеприимства, не целомудрен, а выходя из дома, не молится, нарушает церковные правила и правила христианского благочестия, снисходителен к язычникам. Особое внимание уделили передаче св. Иоанном Златоустом двух священников в руки светского суда, нарушению правил по-

священства в священство и хиротонии епископов⁵⁵¹. В довершение всего св. Иоанна Златоуста обвинили в неправильном управлении церковным имуществом и оскорблениях клириков⁵⁵². А в связи с отсутствием каких-либо оснований для признания Златоуста государственным преступником судьи обвинили его в подстрекательстве народных волнений — максимум, что удалось выжать.

Феофил трижды, как это повелось с древних времен, приглашал св. Иоанна на суд, но Златоуст игнорировал приглашение, справедливо ссылаясь на заранее очевидную необъективность судей. «Доныне, — писал Златоуст своим судьям, — не знаю я никого, кто мог бы с каким-нибудь видом законности жаловаться на меня. Тем не менее, если вы хотите, чтобы я предстал перед вашим собранием, прежде исключите из него моих явных врагов, тех, кто не скрывал своей ненависти ко мне и умыслов против меня. Исполните это, и я не буду оспаривать место суда надо мной, хотя этим местом, по всем правилам, должен был бы быть Константинополь. Первый из вас, отводимый мной, как лицо подозрительное — Феофил»⁵⁵³.

В результате его осудили *заочно*, а император Аркадий утвердил приговор. Можно внести предположение, не лишнее оснований, что согласие императора на привлечение св. Иоанна Златоуста к ответственности имело под собой подоплеку. Во-первых, еще со времен св. Константина Великого и Констанция в общественном сознании закрепилось сомнительное мнение, будто любой церковный Собор выражает собой истину. Чем же «Собор у Дуба» был хуже других? Во-вторых, Златоуст действительно нарушал принципы церковной юрисдикции, то есть канонические правила, как они содержательно понимались *в то время*. Другое дело, что Собор изначально не желал рассмотреть эту ситуацию объективно, заранее настраиваясь на *виновность* Константинопольского архиепископа. Наконец, против св. Иоанна ополчились такие могущественные силы из числа епископата, как св. Елифаний Кипрский. Тем не менее, Константинопольский патриарх отделался сравнительно легко: небезосновательно полагают, что судьи во главе с Феофилом подготовили — пусть и с использованием подлогов — основания для утверждения императором *смертного приговора* в отношении Златоуста. В своем послании к Аркадию они отдельно, хотя и бездоказательно, отмечают якобы имевшие место преступления Златоуста против императорского достоинства, надеясь на адекватную реакцию императора. И, не имея возможности идти против мнения многочисленного клира, царь утвердил приговор, но в виде наказания предусмотрел не казнь, а всего лишь ссылку св. Иоанна, чем немало огорчил судей⁵⁵⁴.

Решение царя по утверждению приговора никак нельзя классифицировать как сведение счетов императоров со св. Иоанном. По свидетельству самого св. Иоанна Златоуста, царь и царица имели самое *отдаленное* отношение к тем бесчинствам, которые творились Феофилом и его сторонниками. В своем письме к папе Римскому *Иннокентию* (401—417) он детально описывает ход событий, последовавших до и после Собора. «В наше отсутствие, — говорит Златоуст, — они (то есть сторонники Феофила. — *А. В.*) ворвались в церковь, и потом благочестивейший император с позором изгнал наших врагов, а мы снова были призваны в церковь; более тридцати епископов вводили нас, и боголюбнейший император со своей стороны прислал для этого нотарию»⁵⁵⁵. Огромная толпа горожан, возмущенная несправедливым судом, пыталась спасти своего архиепископа, но его силой вывели кораблем в ссылку в поселок Пренет в Вифинии⁵⁵⁶.

Рассказывая далее папе о своих мытарствах, Златоуст напрямую обвиняет Феофила в *невыполнении царских приказов* (!), во что легко верится, зная характер александрийца и состояние государственного управления в то время. Очевидно, Феофил и остальные клирики, недовольные святителем, заметно превысили полномочия, данные им императором. «Это было сделано *без ведома благочестивейшего императора* (выделено мной. — *А. В.*), под покровом ночи, по распоряжению, а во многих случаях и под предводительством епископов, которые не постыдились идти, имея впереди себя отрядных командиров вместо диаконов»⁵⁵⁷.

То обстоятельство, что Александрийский епископ использовал мощь государственного аппарата и армии для высылки св. Иоанна, также легко объяснимо. На деньги, заблаговременно привезенные им из Египта, он легко подкупил командиров воинских соединений и савновников, которым эти части подчинялись. Александриец прекрасно понимал, что главное — сделать дело, а объясниться у императора ему помогут друзья из клира и придворные: царь не пошел бы на конфронтацию со своим ближайшим окружением.

Как только о высылке святителя стало известно, в городе наступили настоящие волнения. Сама императрица ночью видела страшное знамение и немедленно написала письмо Златоусту, в котором оправдывалась и доказывала свою непричастность к его осуждению. Она немедленно, не дожидаясь утра, бросилась к царю и убедила его принять решительные меры по восстановлению справедливости. Приказом императора Златоуст был возвращен, и огромная толпа горожан вскоре ликующе встречала его на берегах Босфора.

Златоуст был введен в храм, где выступил с очередной проповедью, в которой, между прочим, сказал в адрес Евдоксии такие слова: «Матерь церквей, питательница монахов, покровительница святых, опора бедных». Видимо, понимая, что народная молва, усиленно формируемая Феофилом в собственных целях, приписывает царице Евдоксии несправедливый суд над ним, св. Иоанн отмечает ее невиновность и высокий нравственный облик: «Не из лести царице говорю это, но из уважения к ее благочестию»⁵⁵⁸.

Желая полностью оправдаться в возводимых на него обвинениях, понимая, что Феофил все еще очень силен, Златоуст просил собрать новый Собор для изучения его дела. Но царь воспротивился этому (видимо, опять же, не без советов «со стороны»), сославшись на явную фальсификацию предыдущего приговора⁵⁵⁹.

К сожалению, мир недолго царил в столице. Вскоре в городе поставили серебряную статую Евдоксии, и по старому римскому обычаю такое мероприятие должно было сопровождаться весельем с участием мимов и пантомимов; организатором этих языческих безобразий выступил префект Константинополя, приверженец манихейской веры. *Против него* и разразился св. Иоанн, еще раньше открыто выступавший против таких ристалищ, гневной проповедью, обличающей подобные забавы. Но и префект нашел «достойный» способ отомстить Златоусту: он уверил императрицу, будто бы св. Иоанн проявил неуважение к ее величеству, высмеивая желание Евдоксии иметь свою статую в городе. Конечно, ничего необычного в этом не было — и раньше, и позже такие события будут неоднократно встречаться нам по ходу изложения, причем как в Восточной империи, так и на Западе. «У римлян, — писал без какой-либо критической нотки св. Григорий Богослов, — строго соблюдается одно царское постановление: в честь царствующих ставить всенародно их изображения. К утверждению их царской власти недостаточно венцов, диадем, багряницы, многочисленных законов, податей и множества подданных; чтобы внушить более уважения к своей власти, они требуют еще поклонения, и поклонения не только своей особе, но и своим изваяниям и живописным изображениям... Цари услаждаются не только самими делами, в которых поставляют свою славу, но и их изображениями»⁵⁶⁰. Поэтому Евдоксия пребывала в полном недоумении, *почему* она вдруг стала объектом критики со стороны Златоуста.

Можно легко понять императрицу: она искренне (и совершенно обоснованно) считала, что только что спасла св. Иоанна от унижения и ссылки — и вот она, благодарность! Возмущенная Евдоксия, не же-

лая входить в детали, тут же удовлетворила желание старых врагов Златоуста из числа клириков и придворных. Она присоединилась к их просьбе императору назначить новый суд над Златоустом, уже по обвинению в неуважении императорского величества, что, вообще-то говоря, в то время являлось уголовным преступлением⁵⁶¹. Двор немедленно прекратил сношения с архиепископом, и в Рождество император потребовал от св. Иоанна оправдаться на новом Соборе в возводимых на него обвинениях. Правда, при всем старании клириков сделать из Златоуста *государственного преступника* опять не получилось: основания для подобного обвинения были слишком шатки, и спор вновь перешел в область церковной каноники. Максимум, что врагам удалось сделать, так это манипулировать императорами и использовать их власть для удаления с кафедры Златоуста.

Готовясь к Собору, епископы — враги св. Иоанна Златоуста, очень хотели, чтобы на его заседаниях присутствовал Феофил, которого небезосновательно считали главным и наиболее опытным оппонентом св. Иоанна. «Феофил, — писали они ему, — приезжай, чтобы быть вождем нашим. И если ты никоим образом не можешь приехать, укажи нам, что нам нужно делать»⁵⁶². Этот краткий эпизод со всей очевидностью показывает, что никаких заранее составленных обвинений в отношении Златоуста не имелось. Его обвинители действовали по принципу: главное — начать дело, а там посмотрим.

Собор был созван, и хотя Феофил отсутствовал на нем, но его рекомендации епископам и деньги вновь сделали свое дело: члены судилища заявили, что в силу 4-го и 12-го канонов Антиохийского собора 341 г. Златоуст не имеет права занимать кафедру, т.к. *уже осужден «Собором у Дуба»*. Поскольку же обвинение и приговор формально не были отменены, они считаются действительными и по сей день — как все же был прав Златоуст, желая своей полной реабилитации *по суду* после возвращения из первой ссылки! Святитель Иоанн возразил (правда, неудачно, поскольку правила этого Собора признаны Православной Церковью), что каноны арианского Собора для него — не указ, и отказался добровольно исполнить приговор об оставлении кафедры. Разумеется, его голос не был услышан, и суд быстро вынес обвинительный приговор, который передали царю на утверждение.

Но, наученный горьким опытом, царь не спешил с этим, возможно, *внутренне* понимая, что св. Иоанн невиновен. Кроме того, он не мог не предполагать, что такая правительственная мера вызовет народные волнения среди православных, а вина целиком и полностью ляжет на него *лично*. Как покажет история, он окажется прав: кто сейчас вспоми-

нает тех «судей», которые сослали Златоуста? В памяти потомков виновным будет не вполне объективно признан император и Евдоксия. Вместе с тем какие у него были основания для отказа в утверждении нового соборного решения?

Шли дни, но приговора не было. Желая подтолкнуть императора к осуждению святителя, его противники предложили Аркадию провести «малый Собор» во дворце, собрав 10 епископов — по 5 архиепископов с каждой стороны, чтобы в присутствии царя разрешить дело. Царь согласился и даже предоставил право первого слова стороннику Златоуста Елпидию, епископу Лаодикеи Сирийской. Не сдерживаясь, вторая сторона в присутствии царя перебивала старца, но ничего не смогла противопоставить его аргументации. И этот «Собор» ничем не закончился.

Все дни Великого Поста длилось это противостояние: император не решался утвердить приговор, св. Иоанн не желал уступать Собору своих врагов и признавать себя виновным, враги святителя продолжали свои интриги. Накануне Троицы Антиох и Акакий явились к царю и от имени Собора, постановление которого так и не было еще утверждено, *потребовали*, чтобы император изгнал святителя с кафедры и прекратил с ним общение, как лицом, *осужденным* (!) епископским судом⁵⁶³. Но Аркадий и на этот раз отказал в просьбе, указав, правда, св. Иоанну Златоусту, что до вынесения окончательного решения он определяет ему домашний арест в епископском дворце.

Поскольку никаких запретов на богослужение царь не установил, Златоуст направился в день Святой Троицы в храм, чтобы начать Литургию. Внезапно туда ворвались солдаты, которые *по приказу епископов* начали выпихивать святителя из алтаря. Начальник стражи попытался протестовать, но епископы закричали ему, что если он не разгонит толпу, защищавшую Златоуста, и не арестует его, то они будут выглядеть лжецами перед императором, поскольку убеждали того в ненависти простых мирян к св. Иоанну. «Поступайте, как знаете», — попытожил офицер и предложил им самим обратиться к одному из своих командиров для ареста архиепископа, добавив, что дает согласие на привлечение его солдат при обязательном условии, чтобы не было насилия. Но и офицер Люций, которому поручался арест, отказался идти впереди отряда солдат, потребовав, чтобы впереди шли клирики, — епископы его требование исполнили⁵⁶⁴.

Итак, по требования клириков св. Иоанна арестовали, но Аркадий вновь отказался отправить Златоуста в ссылку. Тогда, зная щепетильность царя, очень боявшегося идти наперекор Церкви, Севериан, Ака-

кий и Антиох 10 июня поставили императору *ультиматум*. Можно только догадываться, *как* описывалась и интерпретировалась ими эта история, чтобы подтолкнуть царя к данному решению. Возможно, апеллируя к нему, они говорили о неизбежном подрыве авторитета императора, о расколе, который ждет Церковь, и т.п. Историки донесли до нас один только фрагмент их речи, впрочем, довольно красноречивый, чтобы сделать общие выводы. «Государь, сам Бог поставил тебя императором, чтобы ты никому не покорялся, а чтобы, напротив, все покорялись тебе. Тебе все дозволено, все, чего бы ты ни пожелал. *Не будь же милостивее священников и святее епископов* (выделено мной. — А. В.). Мы сказали тебе перед лицом всех: “Да будет низложение Иоанна на главах наших!” Подумай об этом, августейший государь, и не погуби нас всех, избавляя одного человека!»⁵⁶⁵

Иными словами, всю ответственность за осуждение и ссылку св. Иоанна Златоуста епископы взяли на себя, открыто отмечая императору, что его отказ будет означать *прямой разрыв с Церковью*. Они добились своего: св. Иоанн был перевезен кораблем на Азиатский берег Босфора, а затем сослан в город Кукуз, в Армении.

После высылки Златоуста множество его поклонников предстали перед судом, но это только подлило масла в огонь: вскоре в столице образовалась очень многочисленная группа «иоаннитов», требовавших оправдания и возвращения Златоуста. Если Акакий и Антиох в чем-то и были правы, так это в том, что раскол в Церкви действительно возник; вопрос только в том, *кто* его породил? Дошло до того, что «иоанниты» прекратили общение с преемником Златоуста патриархом *Арзакием* (404—405), поставленным 26 июня 404 г. на Константинопольскую кафедру, а также с Александрийским и Антиохийским епископами⁵⁶⁶.

В Церкви возник раскол, но уже не на догматической, а на *канонической* почве, тем более что Римский понтифик Иннокентий горячо заступился за Златоуста, пытаясь спасти его, и тоже прервал евхаристическое общение с тремя патриаршими кафедрами на Востоке. Более того, раскол вышел за границы Церкви и принял уже *политические* черты: император св. Гонорий был недоволен отказом своего брата папе Римскому по поводу судьбы св. Иоанна и направил ему письмо, в котором упрекал Аркадия за преследования Златоуста и «иоаннитов».

«Что теперь остается иного, — справедливо вопрошал император св. Гонорий, — как не то, чтобы Кафолическую веру раздирали схизмы, чтобы на почве такого разномыслия возникали ереси, всегда враждебные единению, чтобы народу уже не вменялось в вину его разделение

на несогласные секты, если сама государственная власть дает материал для несогласий и если ею раздувается горящий трут раздоров»⁵⁶⁷. Пожалуй, если бы не последующие готские события на Западе, отношения между двумя частями Римской империи могли перерасти в откровенно враждебные.

Видимо, сам император Аркадий понял свою ошибку, но, поскольку дело обернулось таким образом, будто клирики желали *защитить честь* императрицы и потому организовали судилище и ссылку Златоуста, досталось той, кто едва ли имел к приговору хоть какое-то отношение. Невольно потакая тем, кто желал сделать царицу крайней, император резко выговорил Евдоксии по этому поводу, что привело к открытому семейному разрыву. Императрица тяжело переживала ссору с мужем и ссылку Златоуста и даже заболела. А 6 октября 404 г. она скончалась и была погребена в храме Святых Апостолов. Но это событие ничуть не изменило расстановку сил: «иоанниты» по-прежнему жестоко преследовались и подвергались епископскому суду. Ввиду церковных волнений император дал указание отправить св. Иоанна в еще более отдаленные районы, и в 407 г. Златоуст был сослан в крепость Питиунт (нынешняя Пицунда), по пути в которую он скончался в городе Комнах 14 октября 407 г.⁵⁶⁸ Кстати сказать, данный эпизод лучше всего доказывает, что в основе гонений на св. Иоанна Златоуста лежал вовсе не конфликт с царской семьей — в противном случае он уже должен был выйти на свободу, так как главная «обвинительница» умерла раньше него⁵⁶⁹. Замечательно, что, пока шли церковные споры, св. Иоанн Златоуст пытался даже в ссылке до конца исполнить свой архипастырский долг, надеясь при помощи местных епископов утвердить христианство в Персии, но получил жесткий отказ со стороны местного архиерея.

В это время в Исавии вновь зашевелились давние недруги Империи. Уже в 403 г. шайки *исавров* появились в Киликии, затем они двинулись в Сирию и начали активно разорять пограничные с Персией районы. Это бедствие был очень болезненным, поскольку не так давно эти провинции уже подверглись нападению Трибигильда и его дружин, и вот вновь огонь войны пожирал жилища людей, а сами они уводились в рабство или умерщвлялись. Борьба с исаврами продолжалась довольно долго: армянский полководец, состоявший на римской службе, Арбазаккий нанес им несколько чувствительных поражений, но не смог окончательно уничтожить разбойников. Скоро исавры вновь выступают на сцену истории, но уже в новом качестве. Помимо Сирии, от разбойников сильно страдали африканские провинции, которые терроризировались племенами *мазиков* и *авзуриан*.

Но это уже мало интересовало Аркадия. Хотя ему шел только 31-й год, здоровье его было подорвано, а смерть любимой жены ускорила окончание земной жизни императора. Рассказывают, что на краю могилы он очень беспокоился о последующей судьбе своих детей и особенно наследника — маленького св. Феодосия. Понимая, что сразу же после смерти тот станет заложником и игрушкой в руках придворных партий, Аркадий решился на беспрецедентный шаг: в письме к Персидскому царю *Йезидегерду* (399—421) он просил того *принять кураторство над сыном (!)* и обеспечить восшествие его на престол по достижении совершеннолетия. В качестве награды он обещал обеспечить мир с Персией и сохранить границы между государствами, как они сложились к тому времени. Надо отметить, что благородный перс согласился на просьбу Аркадия и даже направил в сенат письмо, в котором обещал немедленно начать военные действия против Римской империи, если вдруг обнаружатся посягательства на трон св. Феодосия⁵⁷⁰.

Это событие наглядно демонстрирует обстановку, в которой пришлось жить и править Римскому царю, а также крайнюю слабость политических институтов в Империи. Наконец, выполнив свой последний долг, император начал готовиться к встрече с Создателем. 1 мая 408 г. Аркадия не стало. Благодетельный царь, так мало проживший на этом свете и отдавший всю свою жизнь на благо Отечества, был погребен рядом с женой в храме Святых Апостолов в Константинополе. Пусть его жизнь была лишена громких подвигов и выигранных сражений, но никто и никогда не мог упрекнуть его в нечистоте и компромиссах в деле становления Церкви, ревностным и верным членом которой он являлся до последней минуты. Замечательно, что его благочестию нередко приписывали спасение от бед и иные чудеса. Например, когда в 407 г. Аркадий отправился в город Карию, где пострадал св. мученик Акакий, и молился в церкви, внезапно обрушился самый большой в городе дом, но никто не пострадал; народ сразу же приписал сохранение свое *молитвам царя*⁵⁷¹.

Аркадий не был героем, но человек — *средний* по своему развитию, ежесекундно находившийся в опасности быть свергнутым или убитым, обремененный многочисленными проблемами своих подданных, подталкиваемый к неясным по последствиям или напрямую ошибочным поступкам со стороны своего коварного и зачастую враждебного двора, раздираемого распрями и борьбой за власть, он сумел при Божьем содействии сохранить Восточную империю и передать в руки сына все то, что некогда получил от отца.

Глава 2. Император западных провинций

Святому Гонорию едва исполнилось 11 лет, когда императорский пурпур украсил его плечи. Он принял управление над Италией, Африкой, Галлией, Испанией и Британией. Воспитателем и опекуном Гонория по воле св. Феодосия сделался Стилихон — его верный боевой товарищ, магистр армии, вандал по происхождению. Личность Стилихона заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов. С детства посвятив себя военному делу, он уже скоро отличился на полях сражений благородным и мужеством. Прекрасный наездник и стрелок из лука, Стилихон снискал уважение даже у восточных всадников. Готовясь к войне с Арбогастом и Евгением, св. Феодосий Старший поручил ему заключить мирный договор с персами, и Стилихон блестяще справился с ним. В то время чрезвычайное значение придавалось умению «сохранить лицо» при дипломатических отношениях, и римский военачальник сумел поддержать достоинство императорского двора. По возвращении в Константинополь Стилихон был награжден по-царски: св. Феодосий выдал за Стилихона свою племянницу Серену, красота которой была всем известна.

Уверенный, что муж Серены будет вдвойне верен ему, святой император возвысил его до звания главного начальника всей кавалерии и пехоты Запада. И не ошибся: Стилихон никогда не опускался до продажи званий и наград, неоднократно демонстрируя свои выдающиеся таланты полководца и отца солдат⁵⁷². В частности, в 396 г. Стилихон удачно нейтрализовал готов Алариха, попытавшихся после смерти св. Феодосия Великого *силой* получить путем грабежа то, что им должны были заплатить за военную кампанию против Евгения и Арбогаста.

Руфин правил от имени Аркадия на Востоке, Стилихон — на Западе от имени св. Гонория, и конфликт между ними был неизбежен: восточный опекун не мог терпеть кого-либо, кто хотя бы косвенно мог ограничить его власть, а опекун Западного императора едва ли испытывал к Руфину какие-то иные чувства, кроме презрения. Кроме того, ввиду начавшегося разлада интересов между западным и восточным двором, вопрос о том, кто в действительности управляет Римской империей, носил далеко не теоретический характер. Для укрепления своей позиции при дворе и в целом в государстве обе стороны прилагали всевозможные усилия и использовали самые различные средства. Влияние Стилихона дошло до того, что в 398 г. он выдал свою дочь Марию за императора св. Гонория, которому едва исполнилось 14 лет.

Первое время после смерти отца св. Гонорий проживал вместе со своим воспитателем Стилихоном в Милане, вдалеке от мест брожения варваров. Опасаясь германцев и сарматов, римляне неоднократно просили императора вернуться в Вечный город, которому грозило банальное запустение. Святой Гонорий не решился исполнить их просьбу, но на помощь Риму отправил армию под руководством Стилихона, который вновь добился ряда крупных успехов. В 400 и 402 гг. тесть царя освободил Верхнюю Италию от готов, проникших сюда из Иллирии под предводительством того же Алариха, нанеся им два тяжелых поражения при Вероне и под Поленцией.

В ходе военных действий Стилихон продемонстрировал все свои лучшие качества, но ситуация оставалась тревожной. Малолетний св. Гонорий не мог, конечно, быть опорой государства; более того, штат придворных изо всех сил уговаривал императора оставить опасную Италию и перебраться в одну из галльских провинций. Не теряя ни минуты, полководец направил приказ всем боеспособным подразделениям выступить в Италию на защиту царя, и галльские границы, по сути, держались в безопасности только благодаря честному слову союзников-германцев. Даже британские гарнизоны, оставленные для отражения атак племени *северных каледонцев*, спешили по зову Стилихона ему на помощь. В очередной раз сильно выручили германцы, согласившиеся поставить своих молодых воинов в легионы Стилихона, и аланы, кавалерия которых пришлась очень кстати.

Тем временем, в 402 г., готы осадили город Асты, где скрывался св. Гонорий, и диктовали ему условия капитуляции. Император находился в отчаянном положении, когда наконец пришла радостная весть о приближении римских отрядов во главе со Стилихоном. Уже готы оказались в затрудненном положении: со всех сторон их окружили римские подразделения, непрерывно подходившие к месту грядущей битвы. Примечательна сцена, описанная историками, происшедшая в готском лагере накануне сражения. Поздно вечером Аларих собрал совет старейшин и на нем заявил, что-либо создаст в Италии *свое собственное царство*, либо погибнет. Это был решительный перелом в сознании варвара — никогда до этих пор никто из них не поднимался до такого уровня политического мышления.

В день Пасхи, 6 апреля 402 г., римляне бросились на варваров, которые оказали им упорное сопротивление, но в конце концов были разбиты. Войска Стилихона захватили богатейшую добычу и даже жену самого Алариха. Так завершилась битва при Поленции. Под давлением обстоятельств Аларих согласился заключить мирный договор

с римлянами, но, отступая, решил завершить свою не вполне удачную операцию захватом Вероны. К его несчастью, Стилихон имел лазутчиков в лагере готов и полностью находился в курсе его планов. Римляне вновь выстроились в боевые порядки и разгромили готов; сам Аларих едва не погиб в сражении, сохранив жизнь благодаря быстроте своего коня⁵⁷³.

Победа была полной и блестящей, но только в 403 г. император св. Гонорий, перебравшийся из Асты в любимую резиденцию, решил оставить Равенну и вернуться в Рим. Никогда со времени Диоклетиана Рим не видел ничего подобного, это было едва ли не последнее зрелище императорского триумфа — город, по словам очевидцев, был украшен, как невеста. Святой Гонорий проследовал через знаменитый Мальдивский мост на колеснице вместе со Стилихоном, сопровождаемый приветственными криками римлян. Сам папа Римский вышел навстречу царю, окруженный многочисленным священством. Правда, столичные жители недоуменно взирали на германских воинов, заполнивших место старых римских легионеров, а язычники-сенаторы скорбели по тем временам, когда не Римский епископ вместе со священниками, а они шли навстречу императору.

Святой Гонорий поселился во дворце цезарей, и пестрые толпы императорского придворного штата наполнили Палатин. Он часто посещал храмовые службы и раки святых, чем вызвал доброжелательное отношение к себе со стороны священников. Но император не чувствовал себя в Риме уютно. В городе еще оставалось много язычников, жаждавших от августа красочных зрелищ, включая гладиаторские бои, но св. Гонорий приказал прекратить их, как противоречащие христианским началам. Ясно, что такие меры не могли расположить горожан к царю. Кроме язычников, в столице проживали и ариане, едва ли расположенные к сыну св. Феодосия Великого. Римская аристократия не могла не оценить полководческих талантов Стилихона, но очень опасалась возвышения германской партии, как это случилось на Востоке. В общем, вскоре, уже буквально через год, св. Гонорий посчитал за лучшее вернуться в укрепленную и расположенную вокруг болот Равенну, где в безопасности, среди знакомого и близкого окружения со стороны наблюдал за тем, как Стилихон в очередной раз громит варваров.

На этот раз ими оказались кельты, гунны и германцы, числом около 200 тыс. человек, под руководством вождя объединенного варварского воинства *Радагаста* в 404 и 405 гг. перешедшие Альпы и опустошившие Верхнюю Италию. Мощь нового врага Рима была невероятно велика,

в его войска во множестве влились готы Алариха, так что Радагаста даже называли *царем готов*. В противовес им Стилихон, в очередной раз принявший на себя трудную роль спасителя отечества, мог выставить не более 30—40 тыс. легионеров и вспомогательные войска из варваров-союзников. Однако он вновь продемонстрировал, насколько превосходит всех других в стратегическом мышлении и как успешно владеет методами ведения войны.

К этому времени варвары уже осадили Флоренцию, державшуюся едва ли не только помощью св. Амвросия Медиоланского, которому было откровение о том, что город спасется. Подойдя к варварам, Стилихон здраво отказался от прямого фронтального столкновения с ними, но, используя старые римские способы войны, окружил врага окопами, так что вскоре его враги стали голодать. В битве (405 или 406 г.), сложившейся в пользу римлян, враги были разбиты, а сам Радагаст попал в плен и был тут же казнен. Очень серьезную помощь Стилихону оказали франки, мужественно сражавшиеся бок о бок с римлянами против войск Радагаста. Победа была полной и убедительной, а добыча — колоссальной. Достаточно сказать, что около 12 тыс. пленных варваров римский полководец поселил в Малой Азии, составив из них особую колонию оптиматов. Кроме того, огромная масса пленных была продана в качестве рабов на рынках.

Остатки армии варваров, числом около 100 тыс. человек, уже не могли наступать на Италию и направились в незащищенные галльские провинции. Берега Рейна сделались местом многочисленных убийств множества мирных жителей, а их земли оказались захваченными бургундами, свевами, вандалами и примкнувшими к ним аланами — вечными искателями денег и приключений, легко переходившими из лагеря в лагерь. Через короткое время эти варварские отряды опять напомнят о себе и вызовут ужас у Рима⁵⁷⁴.

Так Стилихон вторично заслужил титул спасителя Рима, и благодарное отечество вновь отметило своего полководца, поставив ему великолепный памятник и соорудив в его честь триумфальную арку. Но это чествование Стилихона было только *внешним*, а в это же время придворные св. Гонория негодовали на то, что римляне чествуют этнического *германца*. Фактически участь героя была предreshена: гордый Рим искал только повода для того, чтобы устранить варвара из среды аристократии, который не только уравнился с ними в публичных правах, но и зачастую единолично управлял Западной империей. Их союзниками стали тайные и явные язычники, мечтавшие отомстить тому, кто велел сжечь святыне для них Сивиллины книги. Повод вскоре нашелся.

Разбитый, но не уничтоженный Аларих благодаря врагам Стилихона на Востоке еще в 398 г. получил должность наместника провинции Восточной Иллирии и был признан союзником Восточной империи. Вопрос об Иллирии уже давно возбуждал умы обоих дворов, формировавших негативное отношение обоих императоров друг по отношению к другу. Единственно Северина — жена Стилихона желала сделать все для примирения Аркадия и св. Гонория, сыновей ее приемного отца. Понимая, что ее миротворческая миссия вряд ли встретит понимание при дворе, она решила действовать в одиночку и втайне, подключив к реализации собственного плана только мужа. По ее просьбе Стилихон вступил в тайные переговоры с Аларихом, но имел в виду и собственные цели. Полководец прекрасно видел слабость обеих частей Римской империи и не желал гражданской войны, зарево которой иногда пробивалось вследствие неуступчивости обоих дворов. Однако ему очень не хотелось уступать Востоку Иллирию, и он решил сыграть на демонстрации силы, подключив для этого Алариха, впрочем, не раскрывая варвару полностью свой план.

Но, видимо, Стилихон был не вполне удачливым комбинатором и не контролировал полностью ход событий в завязанной им же самим интриге. Он распустил слух о том, будто вместе с Аларихом собирается двинуться к Константинополю и восстановить нарушенные права св. Гонория. На самом деле он считал, что таким образом сможет, во-первых, напугать двор Восточного императора и принудить его к принятию своих предложений; а, во-вторых, отодвинуть опасного гота подальше от границ Италии. Наконец, в-третьих, приглашая Алариха вступить с ним в союз, он хотел в итоге переподчинить Риму Иллирию, правителем которой Аларих уже являлся по договору с Восточной империей: поскольку варвар перейдет под юрисдикцию св. Гонория, то соответственно и данная провинция вместе с ним подпадет под власть Западного императора.

Возможно, план был и не плох, но требовал филигранного исполнения, которого Стилихон — солдат, а не дипломат, не смог обеспечить. Сопоставив грядущие события и предлагаемые ему условия игры, Аларих без труда раскусил замысел Стилихона. Хитрый варвар задумал и провел качественно иной план: он двинул свою армию, но не к Константинополю, а к... границам Италии и в мягкой форме попросил (или потребовал?) от императора св. Гонория вознаграждения за свои мнимые труды в деле обеспечения безопасности Рима. Но этого мало: поняв из

поведения Стилихона, что военные ресурсы Западной империи истощены и ей неоткуда ждать помощи, он потребовал одну из галльских провинций для *образования самостоятельного Готского государства* на территории Империи. Конечно, двор св. Гонория был потрясен условиями гота и попытался смягчить его требования. Переговоры было поручено провести Стилихону. Когда тот вернулся в западную столицу из ставки Алариха и озвучил условия гота — 4 тыс. фунтов золота за отказ от территориальных претензий, сенаторы тут же обвинили его перед императором в измене, заявив, что это — договор не о мире, а о рабстве.

Прецедент запомнился св. Гонорию, которому и без этого эпизода усиленно внушали, будто бы Стилихон желает свергнуть императора с трона. Конечно, обвинения были ложными, но император не смог найти слов оправдания для бывшего опекуна: измена была повсюду, и кто мог гарантировать, что Стилихон не вынашивал в голове столь дерзкие планы? К тому же полководец действительно невольно подыграл своим обвинителям. Когда в 408 г. император Аркадий скончался и св. Гонорий изъявил желание прибыть в Константинополь, дабы принять опекунство над малолетними детьми покойного, Стилихон решил, опять же к несчастью для себя, восстановить подмоченную репутацию. Он организовал заговор среди телохранителей царя и сам же успешно его ликвидировал. С его стороны это был верный, как казалось, способ вернуть утрачиваемое влияние на царя, важно было лишь сохранить в тайне данное начинание. Однако тайна стала известна ближайшему окружению царя, и они вновь принялись убеждать императора, что будто бы таким способом Стилихон желает приобрести корону для своего сына, как отпрыска царского рода, имеющего все шансы принять бразды верховного правления в свои руки после смерти св. Гонория. Время настало такое, что достаточно было лишь бросить более или менее правдоподобную тень сомнения на чье-то имя, чтобы участь сановника была предreshена. Не стал исключением и бывший опекун св. Гонория, сам создавший основу для признания себя в глазах царя не вполне благонадежным человеком. В результате в 408 г. Стилихон сложил свою голову на плахе⁵⁷⁵.

Пока дворцовые интриги устранили одного за другим лучших полководцев Рима, некоторые провинции, окончательно разуверившиеся в способности императорского двора хоть как-то обеспечить их безопасность, пришли в волнение. Наиболее значительные из них вспыхнули в 407 г. в Британии, брошенной вследствие войны с готами на произвол судьбы. Немногие оставшиеся на острове войска признали одного из

своих командиров — некоего Марка — императором и присягнули ему на верность. Однако вскоре они разочаровались в нем и убили, но и провозглашенный после него императором военачальник разделил участь своего предшественника. Воспоминания о славном равноапостольном царе подтолкнули солдатскую массу найти хотя бы слабый его аналог, и они без долгого размышления выбрали императором Британии и Запада *простого воина* по имени Константин.

Удивительно, но его власть оказалась довольно прочной. У узурпатора Константина хватило соображения понять, что на одном острове он не удержится, а потому начал действовать решительно. В 409 г. мятежник высадился с небольшим отрядом в Булони и обратился к населению галльских провинций с воззванием, обещая им безопасность. Отчаявшиеся люди радостно приветствовали своего избавителя и быстрополнили его армию. Несколько удачных стычек с варварами придали ему дополнительный авторитет, и вот уже узурпатор переправился в Испанию, покорно принявшую его власть.

Единственное сопротивление попытались оказать четыре брата, состоявшие в отдаленном родстве со св. Феодосием Великим: Верениан, Дидим, Феодосий и Лагодий. Замечательно то, что эти «принцы крови», выражаясь языком более поздних столетий, жили как частные лица, ничем не выделяясь из общей массы сограждан. Они собрали за счет своих средств небольшой отряд из рабов и простых крестьян и оказали деятельное сопротивление. Смущенный этим неожиданным препятствием своим замыслом, узурпатор привлек *мавров* и *маркоманнов*, вождям которых пообещал значительные должности в Испании, и те разбили слабое воинство четырех братьев. Двое из них были казнены, а остальным удалось спастись бегством в Италию⁵⁷⁶.

Набравшись смелости, Константин направил посольство к св. Гонорию, предлагая тому признать себя *соимператором* (!); поскольку же у царя не было никаких сил для борьбы с узурпатором, он, скрипя зубами, принял его предложение⁵⁷⁷.

Между тем варварские воинства, кишевшие на просторах Запада, вновь напомнили о себе. Хотя франки, на которых по договору была возложена обязанность по защите границы, храбро сражались, другие варвары прорвали укрепления. В течение трех лет они разоряли Галлию; даже отдаленная Аквитания подверглась разгрому. Среди этого развала остальные орды варваров беспрепятственно перешли Рейн: алеманы, бургунды и присоединившиеся к ним отдельные группы франков окон-

чительно укрепились на левом берегу этой реки⁵⁷⁸. От окончательного разорения западные земли спасло только то, что в 409 г. вандалы, аланы и свевы перешли Пиренеи и тоже вторглись в Испанию. Портрет Западной империи изменился до неузнаваемости: германцы (готы, франки, алеманы, бургунды) были повсюду — удивительно, но только Италия еще держалась силой *других* германцев, пока еще сохранявших верность союзническому договору со св. Гонорием⁵⁷⁹.

Западные провинции разорялись, от границ остались одни названия, но двор императора св. Гонория был занят другим: природные аристократы выискивали соратников казненного Стилихона и убивали их. Всем действием руководил некто Олимпий, происками которого погиб другой верный опекун царя, занявший место Стилихона. Кроме того, множество опытных командиров из язычников или этнических варваров, уже многократно доказавших свою преданность Риму, вышвыривались со службы. Даже рядовые солдаты, старые товарищи Стилихона, в том числе многие верные трону готы, были казнены по суду или убиты в городах и селениях Италии разнузданной солдатской массой из числа имперских войск.

Понятно, что эти гонения не прошли бесследно — более 30 тыс. вооруженных воинов из легионов Стилихона перешли на сторону Алариха. Мудрый вождь готов не заставил ждать ответных действий — он немедленно назвал себя *мстителем* за Стилихона и, призвав своего родственника Атаульфа с готами из Верхней Паннонии, пошел походом на Италию; он точно знал, что путь на Рим *открыт*⁵⁸⁰.

В 408 г. Аларих уже стоял перед стенами Вечного города, откуда предъявил императору св. Гонорию новый ультиматум: 7 млн золотом и серебром, 4 тыс. шелковых и 3 тыс. пурпуровых кожаных одежд, 3 тыс. фунтов перца в обмен на мир и личную безопасность. Как кажется, в эту критическую минуту разум совершенно оставил римлян: сестра св. Гонория Галла Плацидия вместе с сенатом предала казни жену Стилихона Северину, опасаясь измены с ее стороны в пользу Алариха; были уничтожены и последние сторонники славного полководца, проживавшие в столице. Единственным светлым пятном была вдовствующая императрица Лета, жена императора Грациана, за свой счет кормившая большое количество людей в осажденном городе. Когда выяснилось, что все способы защиты не принесли желанного успеха и голод все сильнее сжимает римлян в своих тисках, осажденные решили обратиться к старым богам, но потом это предложение было отозвано из-за боязни вы-

звать народные волнения. В городе открылись случаи людоедства, и тогда римляне сдались⁵⁸¹. Они не имели достаточного количества средств, требуемых готом, и потому были вынуждены переплавить в золотые слитки древние памятники, в том числе злосчастную статую богини Победы.

В это время Западный император оставался в Равенне, не имея никаких возможностей как-либо помешать готам в осаде собственной столицы. Единственным добрым делом его многочисленных советников было то, что они убедили императора утвердить договор с Аларихом о снятии осады за отступное, предоставленное Римом, но мирный договор царь категорически отказался подписывать. Получив добычу, Аларих снял осаду и отправился с войском к Тусции (нынешней Тоскане), где его армию усилили сбежавшиеся отовсюду рабы.

Пока готы собирались с новыми силами, правительство в Равенне словно специально делало все для гибели собственного государства. Олимпий продолжал сыск тех, кто, по его мнению, был недостаточно суров в преследовании товарищей Стилихона. Наконец, судьба вернула гордому аристократу все, что он так обильно сеял в последние годы: недовольные Олимпиаем придворные организовали заговор против него, и тот погиб от удара меча. Новый фаворит Иовин попытался занять мирную позицию и убедил императора направить посольство к Алариху. Но мудрый гот уже не удовлетворялся прежними требованиями — он пожелал от Рима в обмен на мир провинции Далмацию, Венецию и Норик для образования *собственного государства*. Это было невозможное, невыполнимое требование для св. Гонория, и, получив отказ, в 409 г. Аларих вновь осадил Рим.

Надо отдать ему должное — варвар был чрезвычайно последователен в своих поступках. Ему была нужна не сама столица, а одобрение своих действий по созданию Готского государства. Если это не получалось при св. Гонории, то, следовательно, нужно было сменить императора. И вот в ходе осады он провозгласил императором Западной империи Аттала, префекта Рима. Но римлянин только с виду был послушной игрушкой в руках варвара; вместо того чтобы выполнить волю Алариха и захватить Северную Африку для организации снабжения столицы продовольствием, он направился к Равенне, дабы разгромить св. Гонория и править *самостоятельно*. Однако законный император дал ожесточенный отпор узурпатору, и Аларих понял, что его идея не имеет перспектив. Тогда готский вождь решил удовольствоваться грабежом⁵⁸².

24 августа 410 г. варвары без труда овладели Римом, полностью ограбив столицу Западной империи. Как ни странно, но готы вели себя вполне цивилизованно, не тронув христианских храмов. Безусловно, добыча была сказочная: достаточно сказать, что в качестве трофея Аларих вез с собой сестру императора св. Гонория Галлу Плацидию. Окрыленный победой, гот решил попутно захватить Сицилию, а затем обрушиться на Северную Африку. По счастью для римлян, в том же 410 г. он скоропостижно скончался, дав римлянам некоторую передышку⁵⁸³.

Правда, они использовали ее для продолжения необъявленной гражданской войны друг с другом и организации новых заговоров против императора. Иовин, неоднократно ездивший в составе посольства к Атталу, изменил св. Гонорию и принял от узурпатора пост магистра оффиций. Вновь при дворе произошла перемена лиц: самыми влиятельными стали препозит Евсевий и магистр армии Аллобих, каждый из которых полагал, что другой конкурент на властном поприще совсем не обязателен. Дело дошло до того, что в 410 г. Евсевий был убит Аллобихом на глазах императора, но и тот недолго хранил верность своему благодетелю, вступив в тайный альянс с узурпатором Константином. Желая мирным путем передать власть Константину, он старался склонить св. Гонория к подписанию нового соглашения с ним. Как следствие в том же 410 г. был казнен и Аллобих⁵⁸⁴.

Но и узурпатор Аттал не нашел утешения в захвате Рима и в царском пурпуре, которым так скороспешно накрыли его плечи готы. Еще при жизни Аларих понял бесполезность для него этой фигуры, а Иовин, для которого возвращение ко двору св. Гонория означало непременно смерть, затеял интригу с Аларихом против Аттала, увенчавшуюся успехом. Уведомив св. Гонория о своих планах и получив его *формальное* согласие, гот снял с Аттала знаки императорского достоинства и оставил его в своем лагере вместе с сыном Алипием в качестве забавной игрушки. Можно смело предположить, что сам Иовин вполне допускал мысль о занятии через некоторое время императорского престола при помощи Алариха, потому и устранял потенциальных конкурентов.

Разлад управления и слабость власти были настолько очевидны, что уже в 410 г. (по другим сведениям, в 413 г.) комит Африки Гераклиан, ранее верно служивший св. Гонорию во все годы войны, вовлекся в мятеж и также провозгласил себя императором. Он переправился с войском в Италию и направился в Рим, но по дороге был разбит имперской армией под командованием Констанция, некогда служившего у Алари-

ха, но перешедшего на службу к св. Гонорию. Говорят, гот был пленен красотой Пладиции и давно хотел получить ее себе в жены; впрочем, участь принцессы будет иной⁵⁸⁵.

В это же время св. Гонорий пытался как-то решить вопрос с другим узурпатором — Константином, полностью оккупировавшим Галлию, Британию и Испанию и грабившим вместе с варварами последние остатки римских поселений. Ранее император заключил с ним договор, по которому признал власть Константина на эти территории в обмен на помощь против готов, но тут счастье отвернулось от британского тирана. По неведомой уже нам причине один из лучших военачальников Константина — Геронтий, правивший в Испании на время отсутствия узурпатора и его сына Констанса (поспешно возведенного отцом в сан императора), поднял мятеж и возложил императорскую корону на голову своего друга Максима. Констанс был схвачен и казнен солдатами, а Константин осажден в своей резиденции в Арле. Смещение интересов и отсутствие какой-либо политики у императорского двора хорошо демонстрирует тот факт, что армия св. Гонория под руководством неутомимого Констанция двинулась к Арле, но для помощи... осажденному Константину (!). Геронтий был покинут войсками и бежал в Испанию, где и погиб, а Максим сложил свою голову на эшафоте.

Впрочем, вслед за этим Констанций обратил свое оружие уже против узурпатора, который попытался дать сражение при помощи срочно набранных среди варваров солдат, но потерпел поражение. Под гарантии римского полководца в 411 г. он сдался и был отправлен в Равенну к императору св. Гонорию, однако по дороге его и сына убили слуги царя⁵⁸⁶.

Едва было покончено с этими претендентами на трон, как возникла новая фигура. В 412 г. в Верхней Германии, в Менце, уже знакомый нам Иовин по настоянию царя аланов *Гоара* (410—451) и короля бургундов *Гундахара* (412—436) объявил о своем императорском достоинстве. Армия Констанция была слишком малочисленна, чтобы сражаться с сонмищем варваров Иовина, она отступила, и узурпатор без труда овладел всей Галлией. В этот момент времени новый король готов *Атаульф* (410—415) преемник Алариха, направил к Иовину уже известного нам узурпатора Аттала, жившего в лагере варваров на правах то ли непризнанного императора римлян, то ли шута. Неожиданно новый узурпатор резко и решительно отклонил любые переговоры с готами, союз с которыми сулил ему столь много шансов на успех, и назвал соимператором своего брата Себастиана. Конечно, настроения Атаульфа также

резко изменились, он вновь обещал Риму привезти головы узурпаторов, что ему и удалось сделать. Удивительно, но схваченный и привезенный пленным в Рим, Атаульф не был казнен; его водили в качестве посмешища по улицам, а затем, отрубив два пальца на руке, сослали в ссылку на остров Липари, снабдив всем необходимым для жизни⁵⁸⁷.

Как следствие в 412 г. Атаульф заключил мирный договор с Римом, подтвердивший права варваров на завоеванные территории, и с согласия императора св. Гонория получил в 414 г. Галлу Плацидию себе в жены — беспрецедентное событие в истории Римской империи. Значительно, но долгое пребывание готов на римской земле раскрыло в них политический инстинкт и привило первые, пусть еще грубые, понятия о государстве, власти и праве. Сам Атаульф так объяснял свою политику соплеменникам: «Первым стремлением моим было стереть Римскую империю и сделать так, чтобы вместо *Romania* говорили *Gothia*; но я скоро убедился, что с варварами этого сделать нельзя, так как они слишком грубы и не цивилизованны; они не способны повиноваться закону, а государство не есть государство, если нет законов; тогда я, Атаульф, поставил себе цель служить Риму, соединился с ним посредством крепкого союза». Правда, как мы увидим ниже, Готский король был не вполне искренен и вполне был способен разорвать мирный договор со св. Гонорием при первом серьезном испытании на верность своему слову.

Через некоторое время Атаульф пообещал императору св. Гонорию выбить варваров из Испании и в ходе боевых действий даже овладел Барселоной. Здесь Галла Плацидия родила ему сына Феодосия, к сожалению, прожившего очень немного⁵⁸⁸. Однако вследствие заговора, организованного верхушкой готов, вскоре был умерщвлен и сам Атаульф, а на Готский престол был возведен некто *Сингерих*. Царица Плацидия была вынуждена идти вместе с толпой пленных впереди лошади варвара, захватившего ее в плен. Но через семь дней Сингерих был убит своими же готами, а преемник династии Атаульфа *Валлия* (415—419) подтвердил мир с Римом в обмен на дань и продовольствие⁵⁸⁹.

Поскольку римляне вновь к тому времени овладели Галлией, готам была предоставлена территория близ современной Тулузы, где они и основали в 418 г. свое государство — *Толозанское*. Второе государство они создали в Испании — *Толедское*⁵⁹⁰. Удивительно, но, образовав свои политические союзы, готы вовсе не собирались выделять данные территории из состава Римской империи; эти государства считались *федеративными*, то есть в конечном итоге имперскими.

Наконец-то Западная империя смогла вздохнуть относительно свободно. Император св. Гонорий и его заметно поредевший числом, но возмужавший умом двор сделали на пять лет облегчение от налогов для провинций, наиболее пострадавших в войне; свободные земли передавались всем желающим, включая чужеземцев, под условие гарантий неприкосновенности их прав собственности. Была объявлена всеобщая амнистия и приумножены усилия по восстановлению Рима. Менее чем через семь лет столица приняла свой неизменный величественный облик.

Но и относительно мирное время таило в себе множество чрезвычайных событий, к которым, безусловно, следует отнести потерю Британии. Когда св. Гонорий, а затем узурпатор Константин отозвали последние войска с острова, жители в отчаянии решили самостоятельно защищать себя от *саксов* и других варваров, периодически нападавших на них. Опытно познав, что их сил вполне достаточно для этого, они, не мешкая, выгнали римских чиновников и признали себя свободными от власти Рима. Святому Гонорию ничего не оставалось делать, как благо разумно признать их «право на самоопределение» и заключить с британцами мирный договор⁵⁹¹. Это был звучный сигнал развала Западной империи, но далеко не первый. В 413 г. бургунды, самовольно захватившие Юго-Восточную Галлию, заключили аналогичный договор со св. Гонорием.

Войны были закончены, измены истреблены, однако положение императора св. Гонория не казалось ему — и обоснованно — очень уж прочным. Он не имел детей и, похоронив в 407 г. жену Марию, женился на второй дочери Стилихона *Фермации*. Но и этот брак, закончившийся в 415 г. вследствие смерти супруги, не дал наследника. Думая о престиже власти, он в 417 г. провозгласил себя в очередной раз (одиннадцатый по счету) консулом, а полководца Констанция, не раз громившего врагов, консулом во второй раз, пожаловал варвару титул патриция и женил на своей сестре Галле Плации, совсем недавно возвращенной готами в Равенну. Рассказывают, Плация категорично не желала идти замуж за Констанция — видимо, в память о любви к Атаульф, но брат настоял, и она дала готу столь желанное им согласие⁵⁹². В 418 г. у Констанция и Плации родилась девочка, получившая имя *Гонория*, а в следующем, 419 г. — мальчик, *Валентиниан*.

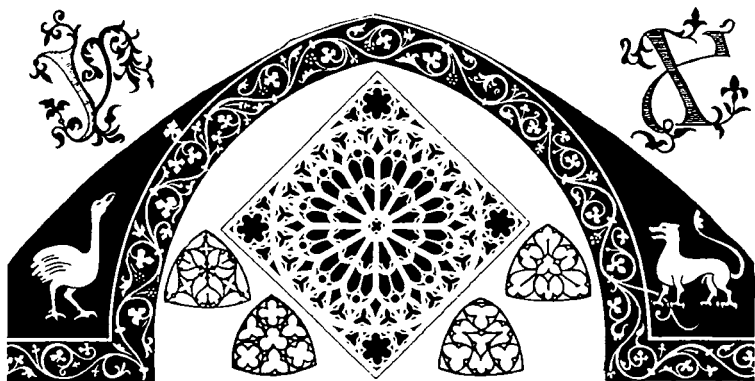
В это же время (418 г.) св. Гонорий, активно борющийся за чистоту Православия с еретиками и язычниками, был вынужден решать вопрос о том, какой из двух выбранных пап — *Евлалий* или *Бонифаций I*

(418—422) вправе занять вдовствующую кафедру Римского понтифика; выбор императора пал на Бонифация. Отношения между Западом и Востоком к этому времени настолько улучшились, что всякая добрая весть о победах св. Гонория вызывала сочувственный отклик при дворе Восточного императора. 25 сентября 415 г. в Константинополе были организованы иллюминации и конские ристания по случаю смерти Атаульфа, не менее пышно отметили и победу над узурпатором Атталом⁵⁹³.

Видимо, сестра играла значительную роль при дворе своего брата, поскольку в 421 г. св. Гонорий решил объявить августом и своим соправителем Констанция, а Платидию — августой. Можно предположить, что св. Гонорий, не имевший наследника, желал передать царский престол своему племяннику Валентиниану. В этой связи он и уравнил Платидию в статусе с собой. Правда, Константинополь отказался признать сразу Констанция августом, но это не сыграло никакой роли, поскольку через семь месяцев Констанций умер, а отношения между сестрой и братом из дружественных превратились в откровенно враждебные.

Доведенная до крайнего положения, Галла Платидия в июле 423 г. отплыла в Константинополь, где была с почетом принята императором св. Феодосием II и его сестрой св. Пульхерией. А 15 августа 423 г. в Равенне скончался сам св. Гонорий. Так закончилось царствование этого императора, *внешне* слабосильного, но хранимого Богом царя Западной империи, пережившего семерых (!) узурпаторов и сохранившего в едва ли не самые тяжелые годы существования Западную империю римлян. Характерно, что благочестие императора св. Гонория не осталось незамеченным Церковью, и до сих пор в некоторых западных месяцесловах он фигурирует как *местночтимый святой*. По случаю кончины государя в Константинополе объявили семидневный траур, по окончании которого императором Запады признали пятилетнего сына Галлы Платидии и покойного Констанция **Валентиниана III**⁵⁹⁴.

VIII. СВЯТОЙ ФЕОДОСИЙ II МЛАДШИЙ (408—450) И ВАЛЕНТИНИАН III (425—455)

Переходя к описанию правления императора **св. Феодосия II Младшего**, следует сделать одно общее замечание, касающееся нашего традиционного понимания образа монарха, оценки его личности и деятельности. Так повелось по стандартному восприятию, что правитель только тогда заслуживает высокой оценки как государственный деятель, когда его деятельность *внешне* носит активный характер; героическое мы понимаем обыкновенно как силу характера, явленную вовне. Безусловно, такие масштабные фигуры, как св. Константин Равноапостольный или св. Феодосий Великий, не могут не пленять взор читателя. Но при этом мы забываем, что есть еще и героика *внутренняя*, смиренная, тихая, без внешней экзальтации, без выигранных сражений и побежденных врагов, *героика христианского благочестия*. Но разве она менее заслуживает внимания и поощрения? Всякое время ищет свой подвиг и своего хранителя истины.

Тихий подвиг монарха, совершаемый на фоне внешних страстей, умиротворяющий стороны и приводящий всех к единопочитанию Божества и любви, не менее угоден Богу: «Царь разумный — благосостояние народа» (Прем. 6, 26). А разумный, по Священному Писанию, тот, кто «хранит закон» (Притч. 28, 7). «Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся» (Притч. 16, 3). «Вспыльчивый человек возбуждает раздор, а терпеливый утишает распрю» (Притч. 15, 18). Именно такие характеры демонстрируют уже император Аркадий и императрица Евдоксия, своим благочестием заслужившие у Бога один

из высших даров — *святых детей* Феодосия Младшего и Пульхерию. Такую же силу христианской любви явил нам и св. Феодосий II, далеко не случайно прославленный Церковью за свои духовные подвиги, которые благотворно сказались на состоянии Римской империи и Церкви в годы его почти полувекового правления. «Предай Господу дела твои, и предприятия твои совершатся» (Притч. 16, 3).

И не случайны слова, обращенные папой Римским *Целестином* (422—432) к св. Феодосию в одном из писем, написанном под конец его царствования: «Поистине, к вашей славе относится пророческий голос, и царство ваше может назваться царством всех веков (Псал. 144, 73), которое распространяется по заслугам хранимой веры»⁵⁹⁵.

Глава 1. Святая семья

Уже первые страницы жизни св. Феодосия II Младшего не лишены интереса. Как свидетельствует история, еще в 400 г. св. Порфирий, епископ Газы Палестинской, испытывающий крайний недостаток в средствах для строительства христианских храмов и миссионерства (его епархия отличалась наличием множества языческих общин), отправился в Константинополь за поддержкой. По дороге один святой отшельник посоветовал ему искать аудиенции у императрицы Евдоксии, что благодаря посредничеству внуха Амация удалось.

При встрече с царицей св. Порфирий предсказал ей скорое рождение сына, сказав следующие слова: «Потрудись о нашем деле, владычица, ради Христа, а Он за труд твой даст тебе сына, который и воцарится пред твоими очами». И хотя Аркадий, опасавшийся раздражать газских язычников, не решался выделить просимые средства, императрица в конце концов добилась своего, хотя и не совсем обычным способом. 10 апреля 401 г. у царей родился долгожданный наследник — будущий император св. Феодосий, а спустя 10 дней Евдоксия предложила св. Порфирию изложить свое ходатайство письменно на имя новорожденного *августа*. Крещение младенца праздновали настолько пышно, что св. Порфирий воскликнул: «Если такова слава царя земного, — то какова же слава Царя Небесного!» После Крещения он по совету Евдоксии передал прошение императору, которого царица убедила удовлетворить первую просьбу на имя их сына, поскольку царям подобает начинать свою жизнь *актом милости*. Конечно, Аркадий не стал противиться, и св. Порфирий получил громадные средства, использованные им для христианизации своей епархии⁵⁹⁶. Этот

эпизод очень точно обозначил будущий характер святого императора; но вернемся к текущему повествованию.

Итак, в 408 г. Восточная империя оказалась в управлении двух малолетних детей императора Аркадия — св. Пульхерии и св. Феодосия II, прозванного Младшим. По счастью для всех, два обстоятельства сыграли на руку римлянам: верность слову и благородство Персидского царя, принявшего опеку над царем-мальчиком, и удачно выбранный наставник св. Феодосия Младшего — префект претория Востока Анфимий. Последний принадлежал к той национальной партии, которая после гибели Гайны получила доступ к высшим должностям государства. Патриот и умелый администратор (ранее он был магистром армии и консулом, а затем получил статус патриция), Анфимий в первый же год выполнения своих обязанностей использовал добрые отношения с Йезидегердом I для заключения выгодного торгового договора с Персией.

Посредником между Римской империей и Персией выступил епископ Месопотамии Маруфа, несколько раз являвшийся к Йезидегерду I с поручениями от Анфимия. В договоре были четко обозначены пограничные территории обоих государств и пути доставки товаров обеими сторонами. Это было тем более актуально, что в 408 г., вследствие недобросовестности перевозчиков из Александрии, в Константинополе не осталось никаких хлебных запасов, и возникла угроза голода. Анфимий ликвидировал главные очаги волнений и возложил обязанности по доставке хлеба на всю корпорацию перевозчиков в целом, в корне решив вопрос на следующие времена⁵⁹⁷.

В этом же году опекуну св. Феодосия пришлось заняться и сугубо политическими вопросами: гунны, пополнившие свои ряды *скирами*, под руководством царя *Ульдиса* вторглись в Дакию и оттуда начали набеги на Фракию. Магистр римской армии попытался организовать переговоры, но гуннский вождь высокомерно отверг его предложения, явно недооценив противостоящего ему полководца. В ответ римлянин исподволь начал тайные переговоры с вождями отдельных гуннских отрядов и добился того, что множество варваров перекочевало из лагеря Ульдиса в палатки римских войск. Гунн вовремя сообразил, чем для него может закончиться такой поход, и поспешил вернуться обратно, по дороге понеся тяжелые потери. Особенно досталось скирам, во множестве попавшим в плен. Пленных было так много, что римляне даже опасались оставить их в городах, предоставив им для расселения малоазиатские провинции⁵⁹⁸.

Как опытный военачальник, Анфимий предпринял дополнительные меры по усилению дунайской границы: он организовал постройку речных судов, должных обеспечивать безопасность границ. Поскольку Иллирия освободилась от готов, ушедших под знаменами Алариха на Запад, выдалась возможность восстановить эти земли и укрепления. Для этого Анфимий использовал в полной мере административный ресурс, обязав все сословия участвовать в строительстве новых стен и крепостей и воззвав к чувству патриотизма местных жителей, которые отдавали свои деньги и сбережения для защиты государства. Работы длились несколько лет и к 412 г. были почти завершены.

Аналогичные меры безопасности были предприняты Анфимием и в Константинополе: по его приказу возвели новые стены на суше. Анфимий расширил территорию города, и уже к 413 г. его план был почти полностью реализован. Теперь город имел стены протяженностью более 5 км, на которых возвышалось 92 башни. Были восстановлены мосты, а в стенах устроены боковые выходы, позволяющие обстреливать врагов во время осады⁵⁹⁹. В завершение своих реформ Анфимий провел указ императора (датированный 415 г.) о сложении с населения всех недоимок за последние 40 лет. Таким путем правительство Римской империи быстро восстановило экономику страны и облегчило жизнь провинций.

Наконец, к чести Анфимия, ему удалось прекратить раскол «иоаннитов». Поставленный после Арзакия на патриаршую кафедру *Аттик* (406—425) слыл мягким человеком, близко стоящим ко двору и пользовавшимся большим авторитетом. Когда умер Александрийский патриарх Феофил, а затем и *Порфирий* (404—408), епископ Антиохийский, Аттик прекратил преследование «иоаннитов», включив имя св. Иоанна Златоуста в диптихи Константинопольской церкви. Преемник Порфирия по Антиохийскому престолу, епископ *Александр* (408—418), направил письмо Римскому понтифику, в котором предложил восстановить общение церквей. Новый епископ Александрии св. *Кирилл* (412—444) также получил приказ Анфимия включить имя св. Иоанна Златоуста в диптихи. Правда, приказ был выполнен далеко не сразу, но все же и в Александрии через некоторое время память св. Иоанна Златоуста была восстановлена. Удивительно, но раскол закончился в считанные месяцы⁶⁰⁰. Естественно, такая мера еще более упрочила отношения между кафедрами, до этого весьма и весьма натянутые.

Так, год за годом Восточная империя восстанавливала свои силы, в то время как Запад находился на краю гибели. Царевич и царевна по-

взрослели, и в 414 г. произошла перемена носителей власти: сестра св. Феодосия св. Пульхерия, достигшая 16-летнего возраста, 4 июля приняла по совету предшественника Анфимия Аврелиана титул *августы* и отставку опекуна. А 30 октября 414 г. в помещение сената были водворены бюсты Гонория, св. Феодосия и св. Пульхерии, что наглядно демонстрировало единство Римской империи⁶⁰¹.

Теперь самое время немного раскрыть личность св. Пульхерии. Старшая из детей Аркадия и Евдоксии, она обладала умом, характером, тактом и упорством в достижении цели. Искренняя христианка (результат благочестия ее родителей), она еще в юности приняла вместе со своими младшими сестрами *Аркадией* и *Мариной*, позднее ушедшими в монастырь, обет девства. Золотую дощечку, на которой были записаны священные для девушек слова обета, они пожертвовали Константинопольскому собору. У нее возникли добрые отношения с патриархом Аттиком, имевшим на нее благотворное влияние, и вскоре сам двор, до сих пор видевший далеко не идиллические сцены из жизни прежних фаворитов, стал походить на монашескую обитель. День во дворце начинался с пения псалмов и чтения Евангелия, среди придворных неукоснительно соблюдались все посты и выработанные церковным уставом правила⁶⁰². Это не мешало царствующей девушке в совершенстве изучать латынь и греческий язык, получить замечательное образование и вплотную, активно заняться государственными делами. Она все делала обдуманно и после зрелого размышления, без излишней спешки, и решительно приводила в движение весь государственный механизм для достижения поставленных целей, неизменно приписывая успехи управления не себе, а младшему брату.

Как добрая сестра, она окружила юного св. Феодосия лаской, вниманием и заботой, практически заменив ему и рано скончавшуюся мать, и отца. Мальчик начал учиться еще при жизни Аркадия и рано обнаружил в себе прилежание, терпение и склонность к естествознанию, астрономии и живописи. Мягкий и ласковый в обращении, св. Феодосий всем сердцем усвоил идеал благочестия, заботливо прививаемый ему сестрой. Он тщательно изучил Священное Писание и собрал при дворе богатую богословскую библиотеку.

Как правило, каждое утро св. Феодосий начинал совместно с сестрами с пения антифонов; часто постился, особенно строго по средам и пятницам, и старался жить совершенно по-христиански. Незлобием и человеколюбием он превосходил всех окружающих его людей, никому не мстил, кто оскорблял его, и своей молитвой укрощал бури.

Встречаясь с епископами, рассуждал настолько глубоко, что те говорили о нем, будто и он епископ⁶⁰³.

Святой Феодосий легко подчинялся сестре и вообще любил находиться рядом с сильными характерами, которым по юности легко уступал право принятия решений по государственным вопросам. Из всех остальных собеседников он предпочитал общество духовных лиц, с которыми часто встречался. Тем не менее при всех достоинствах юного императора современники были убеждены в полном отсутствии у него самостоятельного ума, что, однако, компенсировалось сильным и самостоятельным характером св. Пульхерии. Впрочем, такая оценка представляется излишне резкой и односторонней.

Поскольку официально царем являлся один св. Феодосий (статус августы хотя и предполагал соправительство св. Пульхерии, но также неявно означал ее *вторичную роль* в иерархии высших государственных должностей; все же императором мог быть только *один* из августов, каково бы ни было их число), царица обзавелась собственным двором и штатом прислуги. Хотя в исторических хрониках сохранились сведения о продаже государственных должностей и во времена св. Пульхерии, но следует помнить, что эта практика существовала издавна и позднее даже была закреплена в законодательстве. Но «продавцами» традиционно выступали придворные евнухи; сама же св. Пульхерия была вне подозрений⁶⁰⁴.

Можно смело сказать, что в церковной политике св. Пульхерия продолжила курс св. Феодосия Старшего и своего отца императора Аркадия. Она активно преследовала еретиков и обеспечивала преференции православной партии. В 415 г. вышло два указа против монотанистов и евномиян с запрещением их собраний под угрозой уголовного преследования. В 416 г. ею был издан указ о язычниках, которым теперь запрещалось поступать на государственную службу и замещать должности правителей провинций. В 418 г. государственная служба закрылась и для иудеев, представители которых подлежали увольнению из армии. Взамен евреям предоставлялось право занимать должности адвокатов, а также участвовать в деятельности городских сенатов, если, конечно, они принадлежали к классу сенаторов⁶⁰⁵.

Мероприятия по восстановлению былой мощи Восточной империи были нарушены в 420 г. смертью покровителя и куратора св. Феодосия Персидского царя Йездигерда I. Это был поистине благословенный период: Йездигерд I очень благосклонно относился к христианам и сам едва не принял таинство Крещения. В последнюю

минуту его остановил массовый протест со стороны ближнего окружения, которое убедило его в неизбежных волнениях среди населения в этом случае⁶⁰⁶.

Но когда на Персидский престол вступил сын Йездигерда *Бахрам* (420—439), рожденный от дочери еврейского аристократа, по прозвищу Гор, то есть «дикий осел», мир был нарушен. Повод для обострения отношений дал христианский епископ, в порыве неудержимого стремления христианизировать персов поджегший один из самых почитаемых языческих храмов. Бахрам тут же начал гонения на христиан и закрыл церкви, создав верный повод для войны. 5 мая 420 г. св. Феодосий Младший приказал населению приграничных территорий привести в порядок укрепления, а персидские христиане массами убегали на территорию Римской империи, спасаясь от гибели. Помимо прочего, римские купцы постоянно жаловались на грабежи и притеснения, которым подвергались в Персии; в общем, война началась.

Император решил действовать активно, перенеся тяжесть военных действий на территорию противника. В 420 г. римский полководец Ардабурий вторгся через Армению в персидскую область Арзанену и произвел там страшные опустошения — обычное следствие войны. Персидский полководец Нарсей с войском попытался преградить ему дорогу, но потерпел поражение и удалился в Месопотамию, преследуемый римлянами. Скрывшись за стенами сильной крепости Нисибин, он достаточно успешно отражал атаки имперских войск, которые уже изготовили осадные орудия и приготовились к решительному штурму. Узнав о положении своей армии, Бахрам срочно завербовал арабов и с многочисленным войском, в составе которого были даже боевые слоны, двинулся на помощь Нарсею. Римляне избежали столкновения и, возвратившись на свою территорию, близ берегов Евфрата дали персам сражение.

Это была одна из немногих битв в мировой истории, в которой пало едва ли не *все неприятельское войско* (!). Отступая под атаками римлян, персы во множестве бросались вплавь через реку и тонули, влекомые ко дну тяжелым вооружением, а оставшиеся части были окружены и почти полностью перебиты. В этом сражении погиб до последнего человека и весь отборный отряд Персидского царя «бессмертные», около 10 тыс. воинов⁶⁰⁷. Поскольку в это же время персы были вынуждены вести войну с гуннами и ефталитами, Бахрам срочно запросил у св. Феодосия мира, который был заключен в 422 г. Помимо других условий, мирный договор содержал обязательное требование к персам не чинить препятствий христианам⁶⁰⁸.

Вступая в зрелый возраст, св. Феодосий Младший выразил желание жениться, о чем и сообщил сестре, уточнив только, что его супруга обязательно должна быть красавицей. Святая Пульхерия и друг детства императора Павлин усердно принялись за поиски, но случай сам привел избранницу к своему мужу. Это была 28-летняя гречанка *Афинаида* из Афин, дочь философа Леонтия, приехавшая в Константинополь жаловаться на своих братьев, отказавших ей в дележе наследственного имущества, оставшегося от отца. Как говорят, умирающий философ, давший своей дочери блестящее образование, распорядился выделить ей ничтожную сумму, видимо, отдавая себе отчет в ее неординарных дарованиях. Напрасно она молила братьев выделить ей чуть большую долю — они неукоснительно точно исполнили отцовскую волю; тогда она решила ехать в столицу и припасть к ногам царя в надежде на высшую справедливость.

Судьба привела ее к св. Пульхерии, которая сразу же оценила красоту и образованность девушки, навела о ней подробные справки и оставила жить во дворце. Брату она осторожно показала ее через занавеску, и тот в восторге немедленно решил жениться. Поскольку Афинаида была язычницей, ее первоначально крестили, дав после совершения таинства имя *Евдокии*, и 7 июня 421 г. было совершено праздничное бракосочетание. Святой император даже не предполагал, что после их смерти Церковь прославит не только его и сестру, но и урожденную *язычницей* Евдокию.

Через год у юной четы родилась дочь, названная в честь бабушки *Евдоксией*, а в 423 г., в качестве благодарности и в знак доверия, св. Пульхерия предложила брату назначить св. Евдокию *августой*, что и состоялось, к вящему удовольствию всей царской семьи⁶⁰⁹.

Относительно мирные годы были озарены всполохами междоусобиц и политических заговоров, полыхавших на Западе, но доходивших и до Востока. Разругавшись со св. Гонорием, августа Плацидия вместе с юным сыном Валентинианом прибыла (или, возможно, была отослана императором Запада) в Константинополь. А вскоре, пользуясь смертью царя Западной империи, права на власть заявил некий сановник Иоанн, собравший вокруг себя значительные силы и даже привлечший к себе будущего героя и спасителя Рима военачальника Аэция. Рассказывают, что он был благочестив, разумен, бесстрашен в бою и пользовался уважением солдат. За годы своего правления он никого не умертвил по произволу, не положил руки ни на чье имущество и не слушал доносчиков — действительно, достойные качества⁶¹⁰.

Но восточный двор твердо стоял на том, что единственным законным наследником св. Гонория может быть только Валентиниан, которого св. Феодосий, сам едва достигший 22-летнего возраста, объявил императором Западной империи под именем **Валентиниана III**. Оскорбленный поведением узурпатора, св. Феодосий Младший повелел заключить в тюрьму послов Иоанна, прибывших к нему оговаривать условия воцарения своего господина.

Конечно, тяжесть ведения войны была взвалена на плечи восточного двора ввиду малолетства императора Запада и бедственного положения его и матери. Армию Восточной империи возглавили Ардабударий и его сын Аспар, уже прославившиеся на полях сражения с персами. Было решено, что Ардабударий отправится с пехотой по морю, а Аспар будет сопровождать царицу Платидию и Валентиниана III с кавалерией по дороге вдоль берегов Адриатики. Кавалеристы двигались с поразительной быстротой и легко завладели городом Аквилеей, но с флотом все вышло гораздо сложнее — налетевшая буря раскидала суда, и пехота оказалась на грани разгрома. Но Ардабударий не утратил оптимизма и, быстро восстановив потрепанное войско, известил сына о необходимости срочно идти в Равенну, где и пребывал узурпатор. Местность вокруг Равенны была болотистой, Аспар не имел проводников, но тут его выручил случай — один пастух, в котором солдатская молва впоследствии признала Ангела Божьего, провел римлян по тайной тропе, и они без труда захватили столицу Италии⁶¹¹. Иоанн был схвачен и доставлен к Валентиниану III Младшему.

Откровенно говоря, юный принц не проявил большой снисходительности. Узурпатору отрубили одну руку, провезли посаженным на осла перед множеством народа, затем долго пытали и предавали мучениям и, наконец, казнили. Это случилось в 425 г. в Аквилее⁶¹². Узнав о победе, император св. Феодосий II, находившийся в ту минуту на ипподроме, прервал скачки и под пение псалмов повел своих подданных по улицам города с Крестным ходом⁶¹³. Прибывший в Италию Валентиниан III был торжественно встречен сенаторами, один из которых возложил на него диадему и императорскую порфиру.

Конечно, св. Феодосий II имел все права на то, чтобы вновь соединить две половины одной Римской империи в своих руках. Но, во-первых, тем самым нарушались права на трон его приемной сестры Платидии и ее сына, а святой император был чрезвычайно щепетилен в таких вопросах и благочестив. Во-вторых, на Востоке, конечно, было гораздо более спокойно, чем на Западе, но это все же был *относительный* мир; а воевать сразу на два фронта мог решиться только такой ве-

лийский полководец, как его дед — св. Феодосий Старший. Правда, то ли по подсказке близких придворных, то ли, напротив, внимая просьбе Плацидии, желавшей ввиду слабости власти ее сына укрепить его положение, но св. Феодосий обручил свою еще совсем юную дочь Евдоксию с Валентинианом III. Единственное, что позволил себе св. Феодосий Младший в качестве вознаграждения за свои труды, так это присоединить Иллирию к своим владениям, навсегда закрыв вопрос об административной принадлежности данной территории⁶¹⁴.

Однако, как ни старались оба императора восстановить политическое единство Римской империи, жизнь неизменно брала свое. Уезжая из Константинополя, Валентиниан и Плацидия договорились со св. Феодосием о том, что отныне каждый из государей будет принимать свои законы *самостоятельно*, и эти акты будут ограничиваться территорией их владений. Правда, за каждым из них сохранялось право направить свой закон другому монарху на утверждение. Но оба монарха понимали, что поскольку единство Римской империи сохранилось только по названию, различие территорий, внешние опасности и трудности перемещения не позволят строить государственное управление так же, как раньше.

Надо сказать, что первое время св. Феодосий Младший был несколько небрежен в государственных делах. Может быть, вследствие женитьбы, а может, просто в силу естественного взросления, но вскоре св. Феодосий Младший начал проявлять большее усердие. Кроме того, он закалился физически, легко переносил холод и зной, овладел верховой ездой и искусством стрельбы из лука. Общаясь с подданными, василевс никогда не сердился, стараясь быть со всеми ласковым и обходительным. Царь совершенно воздерживался от пыток и казней, ответив как-то по этому поводу вопросом на вопрос: «Почему он не казнит преступников?» — «А можно ли воротить к жизни умерших людей?» Когда по закону преступнику полагалась смертная казнь, он неизменно щадил жизнь виновного. Даже в тех случаях, когда осужденного уже подводили к лобному месту, зачастую его всегда встречал вестник царя с сообщением о помиловании преступника. Услышав однажды: «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Притч. 20, 28), св. Феодосий положил это правило для себя и исполнял практически без исключений.

Его вера в Бога и следование Божественной воле выделялись даже в ту историческую эпоху, когда человек жил религией. Как рассказывают, однажды он находился в амфитеатре на ристаниях, когда разразилась страшная гроза. Народ взволновался, но тут святой император

встал и *запел псалом!* И все присутствующие поддержали его — весь народ, собравшийся на увеселение, стоя пел вместе с императором псалмы и молился⁶¹⁵. Удивительное зрелище: вечер, гроза, дождь, заполненный многими тысячами стоящих людей, поющих во главе с царем на фоне молний псалмы, амфитеатр — это не может не потрясти воображение!

И нет ничего удивительно в том, что в царствование Феодосия — святого и благочестивого царя, Господь явил миру удивительное чудо, известное в истории Церкви, как «*Память семи Эфесских отроков*». Известно, что при императоре Декии (249—251), известном гонителе христиан, семь знатных отроков — святые Максимилиан, Иамвлих, Мартиниан, Иоанн, Дионисий, Ексакустодиан и Антонин отказались принести жертву языческим богам и укрылись в пещере. Когда за ними пришли гонители, чтобы доставить к царю и казнить, юноши внезапно уснули необычным сном — для всех они казались умершими. Два царских чиновника, тайные христиане, обнаружили их в пещере, написали на табличках историю их подвига за Христа и завалили вход в нее камнями. Почти через 200 лет, т.е. уже в годы правления св. Феодосия Младшего, святые внезапно пробудились ото сна и вошли в Эфес — конечно, они не узнали города. Но и горожане не могли понять, *кто* находится перед ними. Наконец, прошли в пещеру и обнаружили в ней таблички с описанием давно минувших событий. Немедленно оповестили царя — и тот срочно отправился в Эфес, чтобы повстречаться со святыми юношами. В это время набирала силу одна из ранних ересей, которая отрицала воскресение человека из мертвых. Император горячо и подолгу молился Богу, чтобы эта ересь была побеждена, и вот — явление Эфесских отроков, как дар Христа царю по его молитвам!

Приехав в город, царь отправился к пещере, где по-прежнему проживали святые юноши, пал перед ними ниц и промолвил: «Господа мои! В лице вашем я вижу Самого Царя и Владыку моего Христа, некогда воздвигшего Лазаря из гроба. Ныне Он и вас воздвиг Своим всесильным словом, чтобы явно возвестить нам о грядущем воскресении мертвых, когда находящиеся в гробах, услышав глас Сына Божия, оживут и изыдут из них нетленными». Император часто целыми днями беседовал с воскресшими ото сна отроками и служил им за трапезой. Один из отроков, св. Максимилиан, сказал императору: «Отныне царство твое за твердость веры твоей будет несокрушимо, и Иисус Христос, Сын Бога Живаго, сохранит его во имя Святое Свое от всякого зла. Верь, что ради тебя Господь воскресил нас прежде дня

всеобщего Воскресения». Через неделю на глазах у всех святые юноши опять уснули и почили в Бозе⁶¹⁶.

Щепетильность императора в религиозных вопросах была просто невероятной: однажды на улице какой-то монах пристал к нему с какой-то пустой просьбой, но получил отказ; тогда тот набросился с бранью на царя и даже произнес над ним отлучение. Вернувшийся домой царь не сел обедать, как обычно, а послал за патриархом просить, чтобы тот, кто наложил отлучение, снял его. Напрасно патриарх убеждал его, что отлучение от рядового монаха не имеет никакой силы, и даже своей властью освободил от него императора — тот был непреклонен. Слуги срочно разыскали монаха, царь перед ним извинился, и тот снял отлучение; тогда только и наступило время обеда⁶¹⁷.

Под стать царю и св. Пульхерии была и св. Евдокия. По ее инициативе в 425 г. в Константинополе была основана высшая школа, ставшая лучшим образовательным учреждением Римской империи, центром просвещения всего христианского мира. В высшей школе были открыты 31 кафедра (!), в том числе по грамматике, философии, правоведению, латинскому и греческому языку. Назначение на кафедры специалистов было поручено сенату, а заведовал школой сам префект города. Преподавателям школы было строжайше запрещено давать частные уроки, чтобы все свои силы и знания они несли на государственное поприще⁶¹⁸.

Это событие естественным образом увеличило в обществе интерес к праву, вследствие чего во дворце возникла идея составить для административных органов и судов сборник законодательных актов от св. Константина Великого до настоящего времени. Ранее уже готовились аналогичные кодексы, например *Codex Gregorianus*, соединивший в себе акты от императора Адриана (117—138) до Диоклетиана, и *Codex Hermogenianus*, вобравший вышедшие в IV в. дополнительные акты, но, конечно, они были далеко не полными. Помимо кодексов, согласно эдикту императора Адриана, мнение некоторых юристов имело также силу закона. Если по конкретному прецеденту их оценки совпадали, то судья был обязан принять их мнение как основание для выносимого решения или приговора. К таким общепринятым юристам относили: Юлиана, Помпония, Гая, Сцеволу, Папиниана, Ульпиана, Павла и Модестиана. Сочинения таких юристов получили наименование «*jus*», но упадок научной деятельности, многочисленность и дороговизна рукописей привели к настоящему произволу в судах. Поэтому необходимо было срочно систематизировать имеющиеся материалы и источники.

Первая попытка принадлежала св. Константину Великому, и его труды продолжил император св. Феодосий II Младший, признавший своим законом от 426 г. обязательную силу за сочинениями Папиниана, Павла, Гая, Ульпиана и Модеста. Судьям предоставлялось также право принять мнение одного из указанных авторов, если дело не может быть решено на основании сочинений главного юриста — Папиниана. Но и в таком случае участь судьи была нелегкой — помимо сочинений юристов, действовали многочисленные императорские конституции, а также рескрипты, ответы отдельным лицам по конкретным прецедентам⁶¹⁹.

Эдиктом императора от 29 марта 429 г. была назначена комиссия из опытных правоведов и администраторов, которым давалось поручение подготовить соответствующий законодательный сборник. Работа шла относительно медленно, и потому в 435 г. решением от 20 декабря комиссия была переформирована, а ее компетенция значительно расширена; темпы законотворчества резко увеличились. Уже в 437 г. комиссия представила императору плоды своего труда, и, пользуясь присутствием в Константинополе Валентиниана III и его двора, царь предложил его обсудить и сделать общим для всей Римской империи. 15 февраля 438 г. он был опубликован на Востоке и получил название *Codex Theodosianus*.

Кодекс стал главным сводом законов, которые применялись в судах. А 23 декабря того же года Римский сенат рассмотрел его на своем заседании и сделал обязательным для западных провинций. Примечательно, что в последней, шестнадцатой книге *Кодекса Феодосия*, были собраны указы, касающиеся религиозной жизни Римской империи. Тем самым император еще раз подтвердил (но уже не на словах, а *законом*) тот факт, что Империя является *христианским государством*. Как известно, Кодекс был написан и цитировался по-латыни, вне зависимости от территории его хождения, что уже тогда вызвало некоторые трудности на Востоке, давно тяготевшем к греческому языку⁶²⁰. К тому времени греческий этнос уже доминировал в Малой Азии, Иллирии, Паннонии и в столице как культурный монополист.

Хотя это был, безусловно, эпохальный юридический документ, восточное правительство заранее предвидело необходимость прибавления к нему множества других законов. По договоренности с западным правительством было решено добавлять к Кодексу *novellae* («новеллы») и направлять их друг другу для всеобщего опубликования. И, как показывает история, это условие строго соблюдалось. Хотя в силу естественных причин западные новеллы имели малую силу на

Востоке — примечательно, что в более позднем документе, «Кодексе Юстиниана», мы не встретим ни одной новеллы, принадлежащей перу Западных императоров⁶²¹.

Как можно понять по анализу законодательных актов, император все еще сталкивался с остатками проявлениями довольно многочисленных еретических сект. Сохранился один указ от 428 г., подписанный обоими царями (св. Феодосием II Младшим и Валентинианом III Младшим) и направленный против них. «Неразумию еретиков, — гласит закон, — должны быть поставлены ограничения. Прежде всего, они должны возратить отнятые у православных и находящихся в их владении храмы, ибо нельзя допустить, что те, которым запрещено иметь свои церкви, дерзали удерживать в своей власти православными построенные и насилием у них захваченные храмы. Если кто из еретиков изобличен будет в принятии к себе клирика или пресвитера, то подвергается пене в 10 фунтов золота. Арианам, приверженцам Македония и Аполинария, воспрещается иметь в городах свои церкви, другим еретикам воспрещается делать собрания для общественной молитвы, а манихеи лишаются права жить в городах. Еретики исключаются из военной службы, за исключением службы в провинциальных когортах и гарнизонах. Точно так же они лишаются права делать дарственные записи на свое имущество, составлять завещания и вообще делать перед смертью какие-либо распоряжения остающимся после них именем. Воспрещается еретикам совращать своим учением тех, кто исповедует христианскую веру»⁶²².

Но в эти годы политические успехи затемнились вероисповедальными спорами, возникшими после поставления на патриарший престол в Константинополе антиохийского монаха *Нестория* (428—431). Довольно ловкий в общении с двором, Несторий сумел завоевать доверие императора и царицы, в то же время напрочь испортив отношения со св. Пульхерией. Вскоре его новшества, связанные со специфическим почитанием Несторием Пресвятой Богородицы, вылились в страшный церковный раскол и потребовали созыва Вселенского Собора в Эфесе, который состоялся в 431 г. В связи с особым значением этого события для последующей церковной жизни и политики Римской империи на ближайшие *столетия*, мы посвятим ему отдельную главу. Сейчас лишь отметим, что отношение к патриарху и оценка его деятельности стали, пожалуй, первым камнем преткновения между царствующими особами.

После замужества дочери царь отдал долг памяти св. Иоанна Златоуста, в печальной судьбе которого *косвенно* были виновны и его ро-

дители. В 438 г., спустя тридцать лет после смерти, честные останки св. Иоанна Златоуста были перенесены в Константинополь и погребены в храме Святых Апостолов. Это был невероятный прецедент: в данной церкви ранее погребали лишь царей, теперь же такой чести удостоился *епископ*. Есть все основания предположить, что причиной такого невероятного события явились не только святость жизни этого замечательного подвижника Православия и его невероятная популярность среди жителей столицы. Очевидно, здесь присутствовало также желание императора косвенно подчеркнуть *особый статус* Константинопольского патриарха, авторитет которого несколько упал после Вселенского Собора в Эфесе. И сделано это было в пику стремлениям Александрийских епископов, один из которых немало сделал для ниспровержения Златоуста, чтобы приобрести высшие административно-церковные полномочия на Востоке. После обретения святых мощей царь вместе со всем народом молился у раки св. Иоанна Златоуста о прощении своей матери, у которой не хватило сил и решимости отстоять святителя от врагов.

Трудности и проблемы в церковной и политической жизни обрамлялись некоторыми новыми разочарованиями, которые ждали императора уже в семейных отношениях. Конечно, св. Феодосий, как любой император и почти каждый мужчина, жаждал наследника, но Бог не даровал его. Царь даже направил послание в Египет, в пустыню Скета, чтобы выпросить у святых отшельников, почему он до сих пор не имеет наследника своего царствования. Ответ удручил его: «Бог не дал тебе мужского потомства, чтобы оно не стало дурным». Привыкнув полагаться во всем на Божию волю, император и императрица с тех пор отказались от супружеских отношений и жили в приличествующем целомудрии⁶²³.

Но это был не единственный неприятный эпизод из семейной жизни: рано или поздно должен был встать вопрос о том, *кто* является полноправным правителем Восточной империи. Надо сказать, что св. Евдокия тоже была деятельной женщиной, как и св. Пульхерия, и наличие двух центров власти в столице мало удовлетворяло ее, тем более что по активности муж заметно уступал сестре, а св. Пульхерия вовсе не собиралась уступать своих позиций по управлению государством.

Впрочем, несмотря на все старания придворных партий *посильнее* столкнуть двух август, св. Евдокия продемонстрировала блестящие нравственные качества своей души. Она осталась не замешанной ни в одной политической или придворной интриге и ни разу не позволила себе резких мер и высказываний в адрес св. Пульхерии. Весь свобод-

ный досуг она посвятила Богу и созданию замечательных литературных произведений, переложив в стихи гомерического размера избранные места из книг Моисея. В том же духе она переложила пророческие книги Захария и Даниила, а также некоторые эпизоды из жизни Иисуса Христа. Особенно ей удалась поэма о св. Киприане Антиохийском, в которой изображалась борьба христианства с язычеством⁶²⁴.

Со временем при ней образовалась группа интеллектуалов, среди которых выделялись придворные Павлин и Кир. Видимо, это обстоятельство несколько взволновало св. Пульхерию, посчитавшую вновь образованную придворную партию вполне способной оттеснить ее от власти. Конечно, она не собиралась воевать за нее — напомним, что помыслы старшей сестры св. Феодосия были обращены к Богу, и обет девства был дан ею далеко не случайно. Но в сознании старшей царственной сестры утвердилась мысль о ее *долге* перед Римской империей, и св. Пульхерия всерьез опасалась, зная слабости своего брата, что перемена фаворитов у трона неизбежно негативно скажется на делах государства.

Сама царица первое время отдалась воспитанию дочери, но после ее замужества и отъезда в Равенну жизнь св. Евдокии утратила привычный смысл и ритм. Беспокоясь о Евдоксии, она упросила мужа разрешить ей отправиться в Иерусалим, чтобы у Гроба Господня помолиться о благополучии молодой четы; и муж, конечно, удовлетворил ее просьбу. Окруженная подобающей свитой, она отправилась в Антиохию, где произвела настоящий фурор своей образованностью, благочестием и обаянием. Восхищенные антиохийцы воздвигли в ее честь на площади города бронзовую статую, а в сенате — золотую. В ответ св. Евдокия выделила значительные *личные* средства на укрепление стен города, строительство нового храма и сооружение общественных бань. После Антиохии св. Евдокия отправилась в Иерусалим, где и провела восемь месяцев, живо интересовалась бытом тамошнего монашества, занималась благотворительной деятельностью, строила монашеские общежития и лавры, часто общалась с подвижниками Православия. В 439 г. она вернулась из Иерусалима и привезла в Константинополь множество реликвий, в том числе мощи святых⁶²⁵.

К несчастью, по приезде ее отношения со св. Пульхерией резко ухудшились. Как обыкновенно бывает, истинных причин ссоры между членами святой семьи не знает никто; можно догадаться, что как любящая жена, она хотела видеть мужа *настоящим* правителем государства, и ей казалось, что наличие св. Пульхерии у кормила власти рядом и даже *впереди* брата искусственно принижает его способности и таланты.

Это настолько стандартный мотив поведения для любящей женщины, что трудно отказаться от мысли, что он не был чужд и св. Евдокии. По-видимому, ей казалось, что царь, ставший к тому времени уже зрелым мужем, способен самостоятельно управлять государством и, более того, сможет избежать некоторых крайностей и ошибок, которые она находила в деятельности золовки. Зная отношение царя к патриарху Несторию, принимая в расчет его горячее желание сохранить единство и мир в Церкви, можно сделать вывод о том, что некоторые церковные нестроения после Эфесского Собора 431 г. царица связывала именно с позиций св. Пульхерии, находя ее излишне ригористичной.

Надо полагать, аналогичные мысли посещали и самого императора, которому внушали, будто высокое уважение, демонстрируемое окружающими его сестре, автоматически предполагает некоторое понижение царского статуса. Очевидно, что, как всегда чуткое, придворное окружение умело читать мысли царя и давало им нужный ход. По крайней мере евнух Хрисафий, состоящий при императоре и, как все фавориты, желающий приумножить свое влияние, деятельно соучаствовал в этой интриге, целью которой стало *полное отстранение* св. Пульхерии от власти.

Как полагают, в очередной раз его величество случай помог ему в этом. Как-то раз св. Пульхерия попросила брата подарить ей сад, очевидно, очень красивый, прилегающий к одному из дворцов. Святой Феодосий ничего не имел против этого и, не глядя, подписал эдикт, поднесенный ему сестрой. В этом, конечно, нет ничего удивительного — кто стал бы *вычитывать* документ, поднесенный родным человеком, делившим с тобой все тяготы управления государством и обратившимся с простой просьбой?

Каково же было его удивление, когда на заседании сената, на котором присутствовал и сам государь, св. Пульхерия *вслух* прочла этот документ, где, между прочим, значилось: «Весь дворец, дворы и сады императрицы дарованы мне императором. Императрица Евдокия становится моей рабыней». Конечно, император был в гневе и немедленно отстранил сестру от всех дел; более того, он приказал новому Константинопольскому патриарху *св. Флавиану* (447—449) рукоположить ее в диаконы, чего все же не случилось⁶²⁶. Гордая дочь императора Аркадия, узнавшая о замыслах брата, не стала воевать с самым близким для себя человеком. Она решительно заявила ему о том, что отказывается от соправительства, отослала обратно своего препозита, распустила двор и в 443 г. вообще удалилась от дел, переехав в Едом, где с тех пор стала жить в своем дворце по монашескому уставу⁶²⁷.

Ничего удивительного или неожиданного эта история не имеет и вполне правдоподобна. Насколько можно судить, инцидент произошел вскоре после III Вселенского Собора, где позиции брата и сестры резко разошлись. Святая Евдокия и св. Феодосий Младший были на стороне Нестория, напротив, св. Пульхерия была недовольна тем, как император оценил для себя существо вероисповедального спора и разбирался с противоборствующими сторонами. Кроме того, втайне она не желала примириться с тем небрежением, которое ранее публично выказывал ей Константинопольский патриарх Несторий. Видимо, св. Пульхерия в запальчивости решила напомнить брату некоторые его недостатки, в частности, известную небрежность при изучении отдельных документов. Конечно, для этого совсем не обязательно было выносить ошибку императора на публичное осмеяние — видимо, сестра действительно забыла, что перед ней не мальчик, которого она растила, а уже взрослый муж и император.

В известной степени такая опала была несправедлива по отношению к св. Пульхерии, но так получилось, что едва ли не одновременно ее соперница также оказалась отставленной от дел и от дворца. История эта выглядит следующим образом. В 440 г., в день Богоявления, император отправился из дворца в храм и по дороге встретил простого человека, поднесшего ему в подарок яблоко необыкновенных размеров. Святой император по-царски вознаграждал дарителя и отослал яблоко жене. Но, получив подарок, св. Евдокия решила по-своему сделать приятное мужу и передала его другу детства царя Павлину, который, пользуясь дружбой с царем, имел свободный доступ к обоим членам императорской семьи. В этот день сановник заболел и находился дома. На беду, она не уведомила верного придворного, *откуда* яблоко попало к ней самой. Получив подарок, Павлин в свою очередь решил отдать его, как редкостный плод, царю. Круг замкнулся, и св. Феодосий, к величайшему удивлению получил от друга детства то самое яблоко, которое часом ранее отослал жене. Взволнованный царь решил узнать у царицы, где находится его подарок. Ничего не подозревающая св. Евдокия, чувствуя неладное, испугалась и солгала, что съела его. Святой Феодосий был, конечно, добрым человеком, но здесь ревность взяла над ним верх. Он посчитал, что жена изменила ему с Павлином.

Обычно утверждают, что последовавшие вскоре за этим опала, суд и казнь Павлина произошли вследствие данного инцидента. Однако нельзя скидывать со счетов и то свидетельство современников, согласно которому Павлин замыслил мятеж, еще ранее роптал на императора

и уготовил ему смерть. «Лживые историки, еретики, которые нетвердо держатся истины, рассказали и заявили, что Павлин был послан на смерть из-за императрицы Евдокии. Однако императрица Евдокия была благоразумной и целомудренной, незапятнанной и безупречной в своем поведении»⁶²⁸.

В принципе ничего невероятного в таком предположении нет: в те времена слабость власти смущала и соблазняла многие умы, вчера еще клявшиеся в верности царям. И нет ничего удивительного в том, что Павлин, почувствовавший угрозу своей жизни или даже карьеры, мог попытаться организовать быстрый заговор, закончившийся его окончательной дискредитацией в глазах царя.

В пользу этой версии говорит простое умозаключение о том, что если бы император действительно подозревал свою жену в измене, то на эшафот взошел бы не один Павлин, но и св. Евдокия, так как прелюбодеяние царской особы было *государственным преступлением*. Поскольку же данная история получила публичную огласку, св. Феодосий никогда не решился бы скрыть измену жены. Как минимум царица была бы немедленно отставлена от дворца и отправлена в ссылку. Но, как мы знаем, этого не произошло, и отношения между супругами *постепенно* охлаждали.

В любом случае, это был едва ли не первый прецедент в царствовании св. Феодосия Младшего: он сам, по своей воле, осудил человека на смерть. Потеря была тем горше, что осужденный являлся другом детства, с которым царь в течение многих лет делил самые заветные личные тайны.

Ревность ли и недоверие, тяжесть потери близкого человека или что иное, но отношения между супругами в скором времени распались почти окончательно. Можно предположить, что в глубине души император очень жалел Павлина и, в известной степени оправдывая себя, думал, что если бы супруга ему не солгала, ничего бы не случилось. А св. Евдокия искренне не могла понять своей вины в этой трагедии, снося все беды на ревность мужа и его нетерпимость к чужим любимцам. Ей было искренне неприятно оправдываться (пусть даже и заочно) об их отношениях с Павлином, в которых на самом деле не было ничего неприличного. Ссора продолжалась, и отчуждение супругов друг от друга становилось все заметнее.

В течение нескольких лет, примерно до 442 г., св. Евдокия еще находилась во дворце, хотя полностью утратила какое-либо влияние на царя и дела государства. Наконец, она упростила царя разрешить ей уехать для постоянного жительства в Иерусалим, и царь дал согласие.

Примечательно, что формально семья не распалась, и св. Евдокия продолжала сохранять статус *царицы*. Ее сопровождала уже не столь пышная свита, как несколько лет назад: при особе царицы было всего два близких ей клирика — пресвитер Север и диакон Иоанн. Неизвестно, в силу каких причин царь прогневался на Севера и Иоанна (утверждают, что их оговорили в организации очередного заговора против царя), но уже в 444 г. он послал в Иерусалим комита домашних Сатурнина, который по приказу василевса казнил священников. Но и царица не замедлила с ответом — Сатурнин был немедленно предан казни в Иерусалиме по ее приказу. Царь тут же наказал ее, лишив содержания, которое ей полагалось, как императрице, из государственной казны, но св. Евдокия была довольно обеспеченной женщиной и, проживая в Иерусалиме в качестве уже частного лица, продолжала активно заниматься благотворительностью. Например, ее усердию историки приписывают постройку в городе «матери церквей» — великолепного храма Св. Стефана⁶²⁹.

Как ни странно, но после отставки царицы их отношения со св. Пульхерией улучшились. Обе женщины обменивались письмами и подарками, св. Евдокия послала бывшей августе образ Божьей Матери, писанный святым евангелистом Лукой, который св. Пульхерия поместила в соименном образе храма в Константинополе⁶³⁰.

Крах семейной идиллии тяжело сказался на св. Феодосии Младшем; оставленный сестрой и женой, он все более подпадал под влияние евнуха Хрисафия, по наущению которого дал разрешение на казнь военачальника Иоанна Вандала, командовавшего войсками во Фракии. Внешнее положение Восточной империи в это время было особенно опасным: угроза войны с персами, нашествие арабов и *цаннов*, попытка военных действий против вандалов, неудавшаяся вследствие нашествия гуннов Алариха, — все это тяжким бременем давило на императора. Он стал более строгим и недоверчивым в общении с двором и фаворитами, подвергая опале даже старых товарищей. Одним из них стал евнух Антиох, поставленный воспитателем юного царевича еще императором Аркадием. Не отдавая отчета в переменах, свершившихся с царем, Антиох, ранее возведенный в сан патриция, позволил себе прежние вольности в общении со св. Феодосием Младшим, после чего был лишен всех титулов и званий, пострижен в духовное звание, а его состояние конфисковано. Сразу же после этого император издал закон, которым запретил впредь возводить евнухов в члены сената⁶³¹.

Вторым пал префект претория Кир, пользовавшийся ранее особым расположением императрицы св. Евдокии. В период с 439 по 442 г. он

занимал пост префекта Константинополя и очень многое сделал для его украшения. Кир был обвинен в *эллинизме* (то есть язычестве), его имущество конфисковали, а самого сановника посвятили в духовное звание и назначили епископом города Коттиен, где тот вскоре снискал уважение и любовь прихожан⁶³².

Это, кстати сказать, показательный момент: во-первых, наказание могло быть гораздо суровее, зная нравы той эпохи, и его мягкость следует отнести только к характеру царя. А, во-вторых, само обвинение было очевидно ложным — никогда и никто не стал бы хиротонисать человека в архиереи, будь он язычником. Не исключено, что под влиянием «доброжелателей», а также в силу субъективных мотивов царь *поверил* обвинителям, но потом, соотнеся обстоятельства дела, просто велел положить Кира в епископы — почетную и уважаемую должность, чем, по сути, отозвал обвинение и дезавуировал свою подпись на приговоре. Нельзя забывать о том, что в то время епископы осуществляли не только архипастырские полномочия, но и многие государственные, нередко являясь настоящими царскими наместниками в провинциях.

В этот период времени (в 440 г.) внезапно, хотя и закономерно — данное событие рано или поздно должно было произойти — обострились отношения с гуннами, вернее с их ханом *Роилом* (432—440). До сих пор варвары ежегодно получали вознаграждение от Восточной империи в размере 350 фунтов золота за защиту границ, но со временем отдельные группы гуннов начали переходить на службу к Римскому императору, видимо, неудовлетворенные перераспределением дани, а может быть, просто в силу слабости варварских представлений о том, насколько они обязаны быть верными своему вождю. Озабоченный укреплением власти над своими соотечественниками, гуннский хан обратился с требованием к св. Феодосию выдать ему всех перебежчиков. Начались переговоры, однако их ход был прерван смертью самого Роила.

Его преемниками стали племянники *Блед* (440—444) и впоследствии знаменитый *Аттила* (440—453), с которыми римляне заключили мирный договор на условиях выплаты прежней ежегодной дани и выдачи всех гуннов, ранее покинувших родовые стойбища. Мир был восстановлен, но в 441 г. гунны внезапно расторгли соглашение, напад на пограничные территории. Римляне попытались восстановить договор, но условия, предлагаемые двором св. Феодосия, не удовлетворили Аттилу. Он сделал набег на римские земли, захватил укрепления и овладел городом Рацией, главенствовавшим в Побережной Дакии.

Когда вандалы *Гейнзериха* (428—477) напали на Северную Африку, Валентиниан III срочно запросил помощь у св. Феодосия, и тот отрядил 1200 кораблей и огромную армию под командованием полководцев Ареобинда, Аписла, Индобинда и Германа. Но римская армия смогла только пресечь попытку вандалов овладеть Сицилией, не более того, а затем началось страшное вторжение гуннов Алариха в придунайские области. Святой Феодосий Младший срочно отозвал свои войска обратно и заключил мирный договор с Гейнзерихом. Не исключено, что вандалы и гунны действовали сообща, чем и была обусловлена высокая эффективность их действий⁶³³.

Гунны к тому времени уже захватили Фракию, а их отдельные отряды тревожили и другие прилегающие области. Достоверно неизвестно, как далеко простерлось гуннское нашествие, но угроза его была чрезвычайно опасна. До наших дней сохранился указ императора от 12 сентября 443 г., в котором он предписывает пограничным дуксам довести состав вверенных им войск до нормального состояния и обеспечить выполнение условий службы солдат, включая федератов⁶³⁴.

По счастью для римлян, Атила, устранивший своего брата от власти и ставший единоличным вождем гуннов, удовлетворился обещаниями восточного двора и в 443 г. заключил мир со св. Феодосием Младшим. Очевидно, это было сделано отнюдь не из-за филантропических настроений воинственного варвара — он прекрасно отдавал себе отчет в мощи восточной римской армии и не желал рисковать понапрасну. Надо сказать, что новый государь гуннов явно опередил свое время и уж, во всяком случае, превосходил соплеменников политическим талантом. Его двор стал центром международного общения с далекими народами, ему служили и гунны, и готы, и римляне. Он принял от западного двора титул магистра армии и получал на себя отдельное содержание.

Однако это была не единственная война, в которой Константинополю пришлось участвовать в указанное смутное время. После смерти Персидского царя Бахрама V в Персии воцарился *Йездигерд II* (438—457), жаждавший реванша с римлянами. Как и следовало ожидать, он вскоре нашел повод для новой войны, которая протекала в очень трудных для Восточной империи условиях. Римские территории подвергались постоянному грабежу со стороны арабов, гунны прорвались через кавказские хребты в восточные провинции, а исакры продолжали свои обычные разбои; а тут еще и персы выступили к границам Империи. В 440 г. римское войско под командованием Анатолия и Аспара выступило навстречу персам, но решительных сражений не произошло.

Вскоре, в связи с нашествием гуннов, римское войско было отозвано на Запад, и в 441 г. стороны заключили долгосрочный мирный договор; как можно догадаться, военный успех не сопутствовал ни персам, ни их противникам. Главным предметом мирного договора явился раздел Армении, где к этому времени пресеклась царствующая династия Арсакидов. К Восточной империи отошла западная часть армянской территории, северная область которой носила название *Великой Армении*, управлявшаяся римским комитом. Южная часть римской Армении была разделена на пять провинций, состоявших под главенством местных родовитых вождей, власть которых носила пожизненный характер и имела своим источником волю императора⁶³⁵.

Мирные отношения с гуннами продержались лишь до 447 г., когда Атила вдруг посчитал, будто условия договора не в полной мере выполняются римлянами. Он опять наводнил своими войсками Фракию, а имперская армия под руководством Арнегискла потерпела от гуннов сокрушительное поражение в битве при реке Ута. Среди всеобщей сумятицы только граждане города Асимунт прославили свое имя: будучи осажденными гуннами, они вначале успешно отразили все их атаки, а затем, когда варвары сняли осаду, последовали за ними и отбили в коротких стычках множество пленных и добычу.

Все же это был пусть и героический, но *штрих*, не изменивший общей картины боевых действий. В скором времени гунны дошли до города Анфира близ Босфора, который располагался всего в 22 км от Константинополя. Другая часть гуннов устремилась в Македонию и Фессалию, и вскоре они овладели Фермопилами⁶³⁶. В эту трудную минуту на помощь столице неожиданно пришли исавры, которые во главе со своим вождем Зеноном предложили услуги Римской империи. Состоявшаяся через некоторое время битва при Фракийском Херсонесе хотя и закончилась поражением римлян, но сыграла свою роль: обессиленные гунны согласились заключить мир с Восточной империей. От имени римлян переговоры вел магистр армии Антоний, которому с большим трудом удалось убедить Атиллу согласиться на мир при условии выплаты дани в размере 2100 фунтов золота ежегодно и выдаче гуннов-перебежчиков. В 447 г. договор наконец был заключен⁶³⁷. Пусть и не без трудностей, но восточный двор смог в течение нескольких критических лет сохранить мирные отношения с Атилой, сдерживая его наступательные порывы, пока мысли вождя гуннов не обратились на Запад.

Видя, насколько непрочно состояние Римского государства, ясно отдавая себе отчет в том, что западные провинции вот-вот попадут

под власть варваров, св. Феодосий Младший щедро оплачивал мир с Аттилой. Он совершенно правильно полагал, что война гораздо разорительнее любой (или почти любой) дани, поэтому исполнял практически всякий каприз гунна, который быстро понял свою выгоду и использовал выпавшее ему счастье максимально эффективно. Однако это не было признаком слабости — так же и по тем же мотивам римляне оплачивали мир с персами, исаврами и сарацинами, постепенно набирая новое войско и приготавливаясь к грядущим войнам⁶³⁸.

И хотя некоторые современники ошибочно полагали, будто такие способы сохранения мира претят древней чести римлян, история подтвердила правильность стратегии св. Феодосия Младшего, сумевшего интуитивно верно выбрать именно тот характер отношений с варварами, который являлся оптимальным. При «воинственном» сценарии развития событий римская армия наверняка была бы уничтожена гуннами, а после этого персы и вандалы могли бы беспрепятственно проникнуть далеко в глубь имперских территорий. К тому же указанная сумма в 2100 фунтов золота хотя и выглядит фантастичной (по подсчетам, она равна 25 млн долларов США в современном исчислении), но деньги использовались этими же гуннами, чтобы приобрести предметы роскоши в Римской империи. Иными словами, деньги все равно *возвращались*, стимулируя римскую промышленность и оживляя торговлю⁶³⁹.

С 447 г. связано другое, не менее яркое событие, но относящееся уже к церковной сфере. Константинополь и раньше страдал от землетрясений, но в этом году оно было наиболее разрушительным. Когда ночью начались мощные толчки, горожане в панике убежали на безопасное расстояние, а вернувшись, обнаружили мальчика, который, поднятый силой ветра в воздух, услышал славословия Ангелов Богу: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас!» Он безболезненно опустился на землю, оберегаемый Ангелами, и всем поведал об этом чудесном событии. Благодетельный император немедленно отдал приказ распространить это песнопение («Трисвятое») по всему царству, после чего оно попало в состав Литургического богослужения⁶⁴⁰.

К этому времени мир, хотя и непрочный, вернулся в святую семью. После разрыва с женой св. Феодосий через некоторое время вернулся во дворец свою сестру. А вскоре, под влиянием евнуха Хрисафия, всеерьез опасавшегося, что св. Пульхерия быстро восстановит свое положение при дворе и оттеснит его от императора, царь, простив, вернулся во дворец и свою жену, которую хитрый евнух решил использовать

в качестве противовеса старшей августе (правда, по другой версии, супруга все же оставалась в Иерусалиме; возможно, что лишь их отношения с императором стали теплее). Но, очевидно, обе они уже не имели возможности влиять на св. Феодосия Младшего так же, как раньше. К тому же, благодаря проискам вездесущего Хрисафия, отношения между невесткой и золовкой вновь стали натянутыми, чему очень поспешествовали события конца 448 г., когда в Церкви разразился новый раскол, связанный с появлением учения монофизитов⁶⁴¹.

Рассказывают, что под конец жизни, еще относительно молодой, но уже изрядно обессиленный государственными заботами, находясь под сильнейшим влиянием евнуха Хрисафия, св. Феодосий Младший обнаружил в себе подозрительность и большую, чем ранее, жесткость при наказании виновных. Впрочем, не исключено, что заговоры и измены, кажущиеся нам сегодня фикцией, на самом деле существовали — св. Феодосий II не имел наследника и тем самым дал повод заинтересованным лицам задуматься о грядущих перспективах. Например, был обвинен в измене и казнен родственник царя Руфин, префект Константинополя. Двух других потенциальных заговорщиков — Бандона и Даниила император велел удалить от себя, хотя и не предал казни. Он также сомневался в преданности исавра Зенона, который помог ему против Аттилы со своими соплеменниками, и задумывал план отправить засидевшихся в столице исавров обратно на родину.

Но едва ли указанные события можно отнести к примерам существенного изменения характера императора. При всех его многотрудных подвигах на благо отечества, внешнее положение в Римской империи оставалось еще очень тревожным. А изнутри государство разрушали церковные споры, ставшие особенно активными после «Разбойного собора» 449 г. Мало того что целые патриархии прекратили между собой евхаристическое общение, но и Запад, едва ли не единственной связью с которым являлся папа Римский, гневно протестовал против решений «Разбойного собора». Империя вновь была на грани жесточайшего кризиса. Апостолика поддержал и двор императора Валентиниана III, упрасывая св. Феодосия II отвергнуть решения Собора 449 г. Пусть Валентиниан III и Галла Плацидия, будучи во всем зависимыми от Константинополя, не имели возможности *политически* противостоять св. Феодосию Младшему, но в любом случае противоречия могли привести к тяжелым последствиям для всей Империи в целом.

В это время неожиданно св. Феодосия настигла смерть. Говорят, что, проявив в зрелые годы увлечение физическими упражнениями,

он однажды верхом на коне ехал вдоль берегов реки Лика, но упал с лошади и повредил себе позвоночник. Как свидетельствуют древние хроники, обеспокоенный вопросом преемственности власти, св. Феодосий II нашел в себе силы собрать в предсмертный час придворных и св. Пульхерию и объявить им о выборе своего преемника, вымоленном у образа св. Иоанна Богослова еще во время поездки императора в Эфес. Им стал воинский командир, сенатор **св. Маркиан**, которого он просил сестру взять себе в мужа⁶⁴². На следующий день, 28 июля 450 г., св. Феодосий Младший скончался⁶⁴³.

Обычно повелось описывать этого императора стандартными формулировками, где не последнее место занимают упреки в слабоволии монарха, его небрежности по отношению к государственным делам, и т.п. Но послушаем, что о нем писал такой замечательный византинист, как Ю.А. Кулаковский (1855—1919): «Глубоко и искренне благочестивый, неукоснительно твердый в своей вере, мягкий и кроткий по характеру, Феодосий был преисполнен сознания высоты своего служения и своего сана и неукоснительно нес свой жребий как долг перед Богом и своим народом... Несмотря на свой мягкий и слабый характер и не отличаясь бойкостью ума, Феодосий был всегда прекрасно окружен и имел вокруг себя верных, честных и талантливых слуг... Его правительство ясно осознавало свои задачи и обязанности и было способно вести государство к силе, чести и славе... Эта сила поддерживалась религиозным настроением государя, и оно прежде всего обуславливало твердый тон государственной политики за это время. Государство окрепло в царствование Феодосия, и тот мир, в котором пребывали его восточные области, шел на пользу финансовой силы государства и его культурного развития. В то время, как на Западе варварский элемент и всемогущество военных людей подрывали самые основы государственной власти, Восток Империи остался свободен от этих бедствий... Варвары верно служили императорскому престолу и проливали свою кровь во славу римской идеи единого мира под скипетром одного Богом поставленного государя... Феодосий сердцем чувствовал свой долг государя и скрепил своим жизненным подвигом Империю, которая сознавала себя единой христианской державой... Этот простой и кроткий образ царя, неизменно твердого в своей сердечной вере, имеет право на высокое место в ряду византийских государей и является по-своему великим»⁶⁴⁴.

Супруга святого императора пережила его почти на девять лет. После его смерти она не вернулась в столицу и проживала до конца дней в столь любимом ею Иерусалиме, что было связано с резким расхож-

дением ее оценки последних церковных Соборов с мнением св. Пульхерии и св. Маркиана. После Халкидонского Вселенского Собора (451 г.) св. Евдокия поддерживала монофизитов и отказалась вступать в общение с Иерусалимским патриархом *Ювеналием* (422—458). папа Римский св. *Лев Великий* (440—461), Валентиниан III, внучка, брат Валерий и муж внучки Олибий многократно упрашивали ее изменить позицию, и лишь смерть и плен близких (смерть зятя, плен дочери и внучек) сломили ее упорство. Она обратилась за советом к знаменитому святому подвижнику Симеону Столпнику, который в свою очередь направил ее к пустынножителю и отшельнику св. Евфимию; тот и посоветовал императрице восстановить церковное общение с Ювеналием.

Она покорилась, и многие иерусалимцы последовали ее примеру. Чтобы увековечить память того дня, когда мир возвратился в ее душу, она велела построить неподалеку от лавры св. Евфимия церковь св. Петра. Императрица часто ходила туда помолиться и, пораженная царившим там спокойствием и монашескими подвигами, восклицала: «Как хороши твои дома, о Иаков! И твои шатры, о Израиль!» Среди этих благочестивых занятий царица достигла возраста 67 лет и, чувствуя упадок сил, захотела завещать св. Евфимию крупную сумму денег. Старец, однако, отказался, предупредил св. Евдокию о близкой смерти и попросил ее помянуть его, когда она предстанет перед Господом. Последние дни святой царицы были посвящены широчайшей благотворительной деятельности — количество денег, пожертвованных ею церквям, монастырям, больницам, старым, нищим и убогим, превосходит всякое воображение⁶⁴⁵.

Построенный ею храм Св. Стефана был освящен незадолго до ее смерти, которая последовала 20 октября 460 г., и в этом же храме она была похоронена. Перед смертью царица дала клятву, что никакой измены с ее стороны с Павлином не было⁶⁴⁶. И нет ничего удивительного в том, что «новая Елена», как ее называли монахи и иерусалимцы, была по достоинству вознаграждена Церковью за свои подвиги во славу Христа и причислена к лику святых.

Глава 2. Последние Римские императоры Запада

Когда Валентиниану III был присвоен титул *август*, ему едва исполнилось шесть лет. Естественно, опекуном царя стала его мать Платидия, сама имевшая некоторые права на трон и в силу характера ис-

пытавшая ревность к славе св. Пульхерии и св. Евдокии. Видимо, жизненные перипетии сделали свое дело, источив из души Платидии немало добрых черт; можно предположить также, что сын от *нелюбимого* Констанция занимал мало места в сердце матери. Так или иначе, но Платидия редко интересовалась его судьбой, когда царь был еще мальчиком, и как следствие Валентиниан III не развил в себе государственных талантов, занимаясь в основном астрологией и тайными науками. К тому же он снискал дурную славу ловеласа и любителя роскоши, не думая о том, какое впечатление на общество производят его похождения, особенно с чужими женами⁶⁴⁷.

Почти 25 лет Платидия правила от имени своего сына, не прилагая серьезных усилия для того, чтобы вырастить из него государственного мужа или, в крайнем случае, самостоятельного человека. Безусловно, сама Платидия обладала и силой воли, и жизненным опытом (порой чрезвычайно горьким), но она не могла водить армии и обеспечивать безопасность государства. К тому же римское общество, воспитанное на уже сформировавшейся к тому времени политической традиции, если и не исключало совершенно женщину-императора, то, по крайней мере, едва ли благосклонно отнеслось бы к такому факту.

По счастью, Империя еще была способна рождать истинных полководцев, словно в последний раз сошедших со страниц древней истории Рима, — речь идет об Аэции и Бонифации. Бонифаций не случайно снискал славу отчаянного воина и способнейшего полководца, записав на свой счет освобождение от варваров Африки и защиту Марселя. Римляне уважали Бонифация за незапятнанную честность, а солдаты, среди которых было множество готов и других германцев, — за исключительную справедливость, которая отличала его вне зависимости от внешних обстоятельств. Его глубоко почитал как христианина блаженный Августин, другом которого он был, и остались сведения о том, что одно время Бонифаций даже думал о монашеском постриге. К чести римского полководца, даже в труднейшие для Платидии дни восстания узурпатора Иоанна, он не оставил царицу и в доказательство своей верности привел африканский корпус для нейтрализации изменника, а также помогал ей деньгами⁶⁴⁸.

Напротив, Аэций изначально поддержал узурпатора и даже пришел к нему в 423 г. на помощь во главе корпуса конных гуннов в количестве 60 тыс. воинов, которых ему предоставил гуннский хан Роил. Но когда его армия подошла от берегов Дуная к Италии, участь Иоанна уже была решена. Трезво оценив создавшееся положение, Аэций, в детстве долго живший в качестве заложника у варваров (готов, а за-

тем гуннов) и усвоивший некоторые не самые лучшие черты их души, цинично предложил свои услуги императрице, думая, конечно, о своей выгоде. Впрочем, опасаясь мести Платидии, он вначале скрылся у того же хана Роила, но при посредстве гунна восстановил свое положение при царском дворе. Сила гуннов была так велика, что не нашлось охотников отказать хану в этой просьбе, а возможности Аэция поддерживать мирные отношения с варварами сыграли свою решающую роль в помиловании изменника.

С Бонифацием их связывала искренняя вражда и ревность друг к другу, и Аэций закрутил сложнейшую комбинацию дворцовой интриги: в Платидии он заронил зерно сомнений в верности полководца, а самого соперника настроил против императрицы, сумев доказать, что ее приказы Бонифацию вернуться из армии ко двору несут тому верную смерть. Дело закончилось тем, что единственным спасением Бонифаций стал считать *вандалов*, с королем которых *Гундерихом* (407—428) он в 427 г. заключил тайный союз. Тем самым Бонифаций фактически отдал варвару на разграбление вверенную ему Африку⁶⁴⁹. Быстрая смерть короля вандалов, на смену которому пришел честолюбивый и воинственный Гейнзерих, лишь способствовала скорейшей реализации плана Бонифация по передаче Африки врагам.

Последующая часть этой запутанной истории просто поражает воображение своим нестандартным исходом. Узнав о союзе Бонифация и вандалов, его верные друзья, недоумевающие по поводу мотивов поступков римского воина, выпросили разрешение у Платидии провести с ним переговоры. При встрече быстро выяснился подлог Аэция и его интрига, но время было уже упущено. Платидия и Бонифаций могли сколь угодно долго оплакивать свое положение, и старый солдат с чистым сердцем вверил себя приговору императорского суда, ожидая любое наказание вплоть до смертной казни, но вандалов все равно уже было не остановить. Впрочем, Платидия простила своего полководца и поручила ему вернуть утраченные территории. Но напрасно Бонифаций с последними отрядами старых боевых товарищей в 430 г. пытался преградить им путь: небольшие римские гарнизоны были сметены ураганом вандалов, и все семь африканских провинций попали под власть варваров.

Терзаемый невыразимой скорбью, Бонифаций в этом же году удалился в Иппон Царский (некогда это была резиденция Нуминдийских королей, из-за чего город и получил такое название), где более 14 месяцев успешно нейтрализовал попытки вандалов взять город. Опустошив все вокруг, вандалы, сами уже испытывавшие недостаток в пище,

решили отступить. Осада интересна еще и тем, что в этом городе скончался его епископ, знаменитый Отец Церкви блаженный Августин, постоянным собеседником которого в течение последних трех месяцев жизни был Бонифаций. Удача вселила в полководца оптимизм, и он убедил Платидию дать ему второй шанс отвоевать Африку. Вместе с августой он добился подкреплений от св. Феодосия Младшего, который прислал целую армию во главе с военачальником Аспаром, готов по рождению. Но и второе сражение, данное в 431 г., было для него крайне неудачным — союзническая армия была разбита, а сам Бонифаций вернулся в Равенну, где получил статус патриция и должность главного начальника римской армии.

Узнав о том, что произошло, Аэций, до сих пор находившийся со своей армией в Галлии, неподалеку от верных своих друзей гуннов, решил вернуть упущенные возможности. В 432 г. он дал бой римской армии под руководством Бонифация и даже сразил его в личном поединке, но само его войско потерпело сокрушительное поражение. Аэций был объявлен врагом Рима, который в одночасье лишился сразу двух лучших полководцев, еще способных хоть в какой-то степени гарантировать безопасность границ⁶⁵⁰. Без Бонифация и Аэция окончательное завоевание Африки было всего лишь делом времени — действительно, не прошло и восьми лет, как вандалы завершили свой поход и образовали *Вандальское королевство*.

Опасаясь за свою жизнь, — и вполне обоснованно, добавим мы, — Аэций спрятался у своих друзей гуннов, которых упросил выделить ему войска для демонстрации своей незаменимости и силы перед императором. Ловкий, красивый, богатый, легко переносивший зной и холод, мужественный и бесстрашный, он хотел одновременно напоминать собой старых римских героев — св. Константина Великого и св. Феодосия I Великого, которым удавалось держать варваров в *личной власти*. Видимо, в конечном счете Аэций переоценил свои возможности. Но в ту минуту Валентиниан III и Платидия ничего не могли противопоставить мятежному полководцу, которого, разумеется, простили, наградили титулом патриция и трижды удостоивали консульского звания.

Более того, в 433 г. его назначили военачальником всех западных римских войск, и почти 20 лет Аэций обеспечивал безопасность Западной империи, пока Валентиниан III Младший наслаждался покоем и удовлетворял свои не всегда целомудренные желания. В принципе Аэций мог сам стать императором Рима. И если не делал этого, то вовсе не из страха, а из благоразумия. Восток едва ли простил бы ему такие

выходки, а воевать сразу со всеми у Аэция не хватало сил⁶⁵¹. В конце концов, как мы увидим ниже, через некоторое время римский полководец предпримет шаги для овладения царской порфирой, но не для себя, а для своего сына Карпилиона.

И все же, несмотря на все свои интриги и подлости, объективно говоря, Аэций пришелся очень к стати. В короткое время он заключил мирный договор с Гейнзерихом и тем обезопасил Италию от вандалского вторжения. Затем он победил севов и франков, сделав их союзниками Западной империи, а потом пришел на помощь уже независимой Британии, которой едва не овладели германцы. Наконец, Аэций восстановил императорскую власть в Галлии и Испании и с чувством выполненного долга мог считать себя полноправным, хотя и *тайным*, правителем Рима⁶⁵².

Осенью 437 г. Валентиниан III прибыл в Константинополь, чтобы сочетаться браком с юной Евдоксией, с которой ранее был обручен. И 29 октября этого же года их бракосочетание было торжественно и пышно отмечено⁶⁵³. Но юные супруги еще не знали, что их счастье уже давно находится под угрозой.

В скором времени произошло одно из тех внешне рядовых событий, которые тем не менее изменяют ход истории. Как указывалось выше, у императрицы Плацидии имелась дочь Гонория, которая, надо откровенно сказать, не обладала достоинствами представителей династии Феодосия. Живя в Равенне, она имела несчастье сойтись с неким римским командиром по имени Евгений. Когда любовная связь открылась, Евгения, конечно, казнили, а 17-летнюю Гонорию отослали в Константинополь под надзор св. Пульхерии. Томясь в тоске, в обстановке, близкой к монашеской, отверженная царевна придумала свой план освобождения из плена и восстановления статуса. В 447 г. тайком, через верного человека, она отправила свое кольцо Аттиле с предложением взять ее в жены. Мудрому гунну не составило большого труда просчитать те выгоды, которые он получал от женитьбы на родственнице св. Феодосия II, и он тотчас направил к императору Валентиниану III Младшему послов с требованием выдать Гонорию замуж за него. От греха подальше царь немедленно отправил Гонорию обратно в Равенну, где ее выдали замуж за престарелого сенатора Геркулана. Затем она была препровождена в особую тюрьму, где ей пришлось прожить до самой смерти.

Аттила был взбешен и потребовал от Валентиниана III вернуть свою «невесту». Заодно он заявил претензии выделить ему в виде приданого владения св. Феодосия II: к этому времени Восточный импе-

ратор уже перешел в лучший мир. Гунну ответили, что интересующая его женщина замужем, выдаче не подлежит, и, кроме того, женщины царского рода у римлян *не наследуют* Империю⁶⁵⁴. Но, как можно с уверенностью утверждать, сама легкомысленная Гонория мало интересовала Аттилу: на самом деле гунн пытался за счет демонстрации силы на «авось» приобрести то, что обычно получал путем войны. Поскольку же этот ход не удался, он на всякий случай объявил себя обманутым и, сконцентрировав свое внимание исключительно на Западной империи, начал готовиться к войне⁶⁵⁵.

В этом же году возникло еще одно событие, ускорившее начало военных действий. У рипуарских франков, граничащих с римлянами, умер король, и между сыновьями покойного возникли разногласия из-за наследства. Старший брат обратился за помощью к Аттиле, а младший — в Рим, к Аэцию, который при всей близости к гуннам не забывал о том, что он римлянин⁶⁵⁶. Недолго думая, Аэций объявил франка своим *приемным сыном* и отправил его обратно на родину с богатыми подарками и с заверениями о вечной дружбе⁶⁵⁷.

Аттила воспринял это как личное оскорбление, но западные римляне просто искали новых союзников, прекрасно понимая, что договор с гуннами чрезвычайно недолговечен. Теперь вождь гуннов решил воевать одновременно с Римом и франками, верно отметив, что младший сын бывшего короля не имеет сторонников среди своих соплеменников. Таким образом, Аттила одновременно мог сразить двух врагов и получить двойную выгоду⁶⁵⁸.

В 451 г. Аттила, собравший вокруг себя помимо гуннов множество иных народов (франков, остготов, часть бургундов, скиров, тюрингов, ругов, гепидов и др.) двинулся из Паннонии на Запад. Получив сообщение о вторжении, Валентиниан III Младший и Аэций попытались организовать оборону в Галлии, куда устремились захватчики, и для этого заключить договор с вестготами *Теодориха I* (419—451). Задача была успешно разрешена, хотя переговоры от лица Рима вел Авит. В результате образовался союз, представленный удивительной комбинацией лиц: Теодорих, всю свою жизнь враждовавший с Аэцием, стоял теперь рядом с ним плечом к плечу, а Аттила, испокон века друживший с римским полководцем, теперь являлся его противником. К сожалению, время римлянами было несколько упущено, и гунны широким фронтом растеклись по равнинам Бельгии. Испытывая недостаток в воинах, Аэций принялся вербовать в свои ряды отдельные колена саксов и аланов.

Переправившись через Рейн, Аттила захватил множество городов и, после того как 7 апреля пал Мец, направился к Орлеану, кото-

рый ему обещал сдать вождь аланов *Сангибан* (в переводе «сильная рука») — аланы всегда были сомнительными союзниками, неизменно торгуя своей верностью со всеми желающими. Но Аэций и Теодорих вовремя узнали о планах гуннов и поспешили на помощь осажденному городу. Они едва не опоздали — гунны уже почти ворвались в Орлеан, когда подошли римские и союзнические войска. Задумав обходной маневр, Атиллы отошел от Орлеана на *Каталаунские поля*, где 20 июня 451 г. состоялась гигантская «Битва народов».

Сражение началось около 9 часов утра, и вначале гунны потеснили центр римского войска, где расположились ненадежные аланы во главе с Сангибаном. Но вестготы Теодориха I и войска Аэция смели расположенных против них гепидов и гуннов и опрокинули врага. Битва была жесточайшая: погиб сам Теодорих, тела которого так и не нашли, множество вождей и 165 тыс. воинов с обеих сторон.

На следующий день случился интересный эпизод, имеющий серьезные исторические последствия. Готы Теодориха, жаждавшие отомстить гуннам за смерть своего вожды, решили продолжить бой и штурмом овладеть лагерем Атиллы. Но Аэций, всерьез опасавшийся, что после истребления гуннской армии готская угроза вновь примет угрожающий характер, посоветовал сыну покойного вожды готов *Торисмунду* (451—453) отложить бой и срочно вернуться в Тулузу, чтобы не дать братьям захватить трон, пользуясь его отсутствием. Аналогичное предложение он сделал и молодому вожде франков *Меровею* (447—457) — основателю Меровингской династии, своему приемному сыну, отметив, что его брат, находящийся у гуннов, может легко обеспечить себе получение королевского достоинства, пока Меровей сражается здесь. Как и следовало ожидать, вожды варваров поверили и оставили поле битвы, фактически подарив столь любимым Аэцием гуннам жизнь⁶⁵⁹.

Нет спору — на Каталаунских полях Аэций продемонстрировал свои лучшие качества полководца и отсрочил падение Вечного города. Но именно благодаря ему эта угроза очень скоро возобновится, и бороться с ней будет уже невозможно. 27 ноября 451 г. в Риме скончалась императрица Платидия, тело которой перевезли в Равенну, в резиденцию царственного сына, где ее погребли на троне из кипарисового дерева⁶⁶⁰. Валентиниан III остался в одиночестве, полностью подчиненный воле Аэция.

Кое-как выбравшись из Галлии к Дунайской границе, Атиллы оказался перед необходимостью выбора противника: император св. Маркиан, пришедший на смену св. Феодосию, был настроен очень воин-

ственно и решительно отказался выплачивать гуннам дань. В ответ в сентябре 451 г. гунны направили небольшой конный отряд в Восточную Иллирию для устрашающего набега. Но в силу невыясненных обстоятельств дальше этого дело не пошло. В 452 г. Атила опять отказался от немедленной войны на Востоке и стал готовиться к походу на Италию. Справедливо полагают, что, несмотря на тяжелое поражение, Атила сохранил большие силы и, главное, своих непобедимых гуннов, легко ушедших от преследований тяжелой римской кавалерии в ходе «Битвы народов»⁶⁶¹.

В том же году Гуннский вождь пересек Юлийские Альпы, не встретив нигде ни одного римского гарнизона, — Аэций был настолько уверен в правильности своей стратегии в прошлой кампании, что легкомысленно не допускал возможности новой войны с гуннами. Когда открылось, что варвары перешли Альпы, спустились на равнину и заняли город Аквилею, он не нашел ничего лучшего, как срочно готовить отъезд императорского двора и Валентиниана III из Италии⁶⁶². Сам полководец метался по Галлии, тщетно пытаясь набрать войско. А Валентиниан III Младший остался в Риме, даже не пытаясь, по примеру императора св. Гонория, укрепиться в Равенне и создать опорные пункты обороны.

Тем временем гунны неслись по направлению к Риму, и города один за другим открывали им ворота, страшась штурма, в надежде получить хоть какой-то шанс на спасение. В этих трудных обстоятельствах сенат Рима решил отправить к Аттиле посольство, в состав которого были включены бывший консул Геннадий Авиен, глава сената Тригаций и папа Римский *св. Лев I Великий* (440—461). Главным образом, под влиянием папы св. Льва, рядом с фигурой которого во время переговоров вождь варваров видел образ старца в священническом одеянии, Атила заключил мирный договор с Римом и даровал ему спасение от разграбления. 6 июля 452 г. он объявил послам размер дани, подлежащей ежегодной выплате гуннам, и отбыл к местам обычных стоянок, где в 453 г. внезапно скончался, деля ночью брачное ложе с юной германкой Ильдикой⁶⁶³. На время Западная Римская империя была опять спасена.

Но скоро произошли события, ускорившие ее падение. Аэций вполне определенно имел право считать себя спасителем отечества и после ухода Атилы от Рима напомнил императору Валентиниану III те обещания, которые тот давал ранее в минуту страшной опасности. А суть их заключалась в том, что Римский царь обещал выдать одну из своих дочерей, Евдокию или Плацидию, за сыновей Аэция — Кар-

пилиона или Гауденция. Несложно предположить, что вследствие женитьбы Аэций получал шансы положить начало новой царской династии на Западе, против чего, как это обыкновенно случается, очень возражали некоторые придворные круги и, в частности, евнух Гераклий — особа, очень близко стоявшая к императору. Он вовремя напомнил Валентиниану III измены римского полководца и посоветовал не спешить с выполнением клятвенных обещаний. В 454 г. Аэций прибыл во дворец царя и довольно настойчиво потребовал от Валентиниана III исполнения ранее данного слова; в ответ император выхватил меч и пронзил им собеседника. Слуги быстро добились ножами упавшего полководца, пока изнеженный Валентиниан Младший лежал в обмороке. Когда пришедший в сознание василевс спросил стоящего рядом римского патриция, хорошо ли он поступил, убив Аэция, тот произнес в ответ фразу, ставшую исторически знаменитой. Патриций ответил, что не знает, насколько хорошо или плохо поступил император, но уверен, что только что тот левой рукой отрубил свою правую руку⁶⁶⁴.

Примечательно и показательно, насколько Валентиниан III Младший не отдавал отчета в собственных поступках. После убийства Аэция он оставил многих его верных товарищей на своей службе и даже приблизил к себе, не допуская и мысли о возможной жажде мести с их стороны; вскоре он об этом горько пожалеет. Царь ненадолго пережил свою жертву. Будучи записным донжуаном, он принялся ухаживать за женой некоего богатого римлянина Максима. Прямые знаки внимания не принесли успеха, и тогда угодливые евнухи быстро придумали новый план, потрясающий своим цинизмом.

Играя как-то раз с царем на деньги в одну из азартных игр, по-видимому, в шахматы, Максим проиграл довольно значительную сумму и оставил Валентиниану III в качестве залога свое кольцо. Один из евнухов императора быстро доставил кольцо жене Максима, сказав, что ее по неотложному делу требует императрица. Ничего не подозревающая женщина отправилась во дворец, где ее провели в покои Валентиниана Младшего, со всеми вытекающими последствиями. Вернувшийся домой Максим застал свою изнасилованную жену плачущей и оскорбленной — она была уверена, что муж проиграл ее честь⁶⁶⁵.

Потрясенный Максим придумал план мести, и 16 марта 455 г. при осмотре войск, выполнявших военные упражнения, он и два гота, Оптила и Траустила, пронзили тело императора мечами. Никто из присутствовавших рядом сановников даже не попытался помочь Валентиниану III.

С его смертью *пресеклась династия* св. Феодосия Великого в Западной империи, а новым царем Рима был избран убийца Валентиниана III **Петроний Максим** (455), до этого дважды избиравшийся консулом, четырежды служивший префектом Вечного города, и удостоенный чести быть прославленным поставлением ему памятника уже при жизни. В виде мести Максим совершил крайне безобразный поступок, *принудив* вдову Валентиниана III Евдоксию, дочь св. Феодосия Младшего, к сожительству с собой. Отчаявшаяся женщина, для которой отмщение Максиму отныне стало целью жизни, тайно призвала вандалов Гейнзериха из Африки овладеть Римом⁶⁶⁶.

Едва на горизонте показался флот варваров, как римляне пришли в страшное смятение и 12 июня 455 г. камнями убили Максима, царствовавшего всего 77 дней, а тело его бросили в Тибр. Власть в Риме отсутствовала; папа св. Лев в очередной раз попытался спасти город, выйдя навстречу вандалам, но на этот раз из миссии ничего не получилось. Никем не охраняемый город пал под натиском вандалов, грабивших его в течение 14 дней; разорение Рима было ужасающим. Покидая опустошенный город, Гейнзерих уводил с собой в Ливию тысячи пленных римлян, среди которых была сама императрица Евдоксия и обе ее дочери. Одну из них взял в жены сын Гейнзериха Гуннерих, а вторая, Плацидия, лишь через несколько лет смогла сбежать вместе с мужем Олибием (вскоре, благодаря связи с царствующей семьей, на короткий срок ставшим императором Рима) из плена и достичь Константинополя⁶⁶⁷.

Древние историки свидетельствуют, что царствующая на Востоке династия Римских императоров разгневалась на Евдоксию за то, что она ради утоления собственной жажды мщения поставила под удар Империю, и отказалась выкупать ее из плена у вандалов⁶⁶⁸.

Последующие императоры западных провинций уже не имели никакой власти и являлись марионетками в руках варваров и придворных, систематически менявших их на престоле. На смену убитому Максиму императором был поставлен **Авит** (455—456), царствование которого продолжалось чуть больше года, — он потерял титул и был поставлен епископом города Плаценции. Ему наследовал аристократ, выходец из Галлии **Юлий Валерий Майориан** (457—461), дед которого воевал еще вместе со св. Феодосием I Великим. Теперь войско провозгласило его царем. Первое время успех сопутствовал Майориану: в 457 г. его войска разгромили орду алеманов, а сам он втайне мечтал о реванше вандалам. Но вскоре один из его командиров, Рицимер, потребовал от императора отречения и, получив отказ, пронзил Майориана мечом.

Понимая, что, как германец и арианин, он не может претендовать на власть в Западной империи, Рицимер возвел на престол послушного ему сенатора **Либия Севера** (461—465), которого по слабости оснований для получения императорского сана не признали вasiлевсом в Константинополе; там он откровенно считался *узурпатором*. Кажущееся спокойствие на Западе наступило после того, как Восточная империя поставила в Риме *своего* царя — **Прокопия Антемия** (467—472), вынужденного тут же породниться с могущественным Рицимером. Но в самом Риме его откровенно не любили, называли *Craeculus* («греченок»), а его малые успехи вскоре сменились тяжелыми поражениями. В 470 г. римская армия под командованием сына императора была разгромлена королем вестготов *Эйрихом* (466—484), а Империя окончательно потеряла Галлию. Рицимер тут же со своими войсками, формально состоявшими на римской службе, осадил Рим (!), и Антемий погиб в ходе осады.

На полгода императором Запада стал муж Платидии, младшей дочери Валентиниана III, сенатор **Олибий** (472), но он скончался естественной смертью. Целых четыре месяца Рим жил под фактической властью Бургундского короля *Гундобальда* (473—516), племянника Рицимера, а затем корону возложили на голову **Глицерия** (473—474). Но его не признали (опять) на Востоке, а затем сместили сами римляне. Глицерий был удален в провинцию и рукоположен в епископы.

На смену варварским ставленникам Константинополь поставил новым императором Запада **Юлия Непота** (474—475), но у того не было никакой возможности восстановить законную имперскую власть в европейских провинциях. Он оставил престол, а в 480 г. погиб от рук убийц, подосланных его предшественником Глицерием — епископский сан не помешал тому опуститься до хладнокровного убийства⁶⁶⁹.

Наконец, 23 августа 476 г. последний царь западных провинций малолетний **Ромул Август** (475—476) под давлением Скирского короля *Одоакра* (475—493), отец которого служил еще у Аттилы, отказался от своего титула перед Римским сенатом; императорское правление на Западе стало совершенно невозможным⁶⁷⁰.

Одоакр собрал знаки императорского достоинства и отослал в Константинополь. Через посланника он заявил, что Римской империи хватит *одного* императора, и второй ей не нужен. Взамен лояльности Одоакр попросил титул патриция, и в этом не услышал отказа от единоличного — теперь уже — императора Римской империи, только восточная часть которой имела еще возможность жить и развиваться по законам своей цивилизации. Весь Запад оказался захваченным варва-

рами, хотя формально ни Италия, ни Галлия, ни Испания не подпали под чей-то политический суверенитет и продолжали считаться пусть и захваченными, *федеративными*, но землями Священной Римской империи.

Глава 3. Третий Вселенский Собор 431 г.

Переходя к описанию III Вселенского Собора, следует обратить внимание не только на то, что он стал предвестником последующих многочисленных церковных расколов и неурядиц, связанных с попытками объяснить природу Спасителя. Этот Собор стал поистине *беспрецедентным* среди всех Вселенских собраний по степени творящегося на нем произвола, больно обернувшимся для Церкви «Разбойным собором» 449 г., а также по безнадежной попытке императора уклониться от участия в богословском споре и отдать решение данного вопроса исключительно на усмотрение епископов. Что из этого получилось, мы скоро увидим. А в общественно-политическом контексте Эфесский Собор 431 г. станет также настоящим полем битвы между различными патриархами за обладание высшими церковно-административными полномочиями.

Когда Константинопольская кафедра оказалась вдовствующей, по инициативе императора св. Феодосия Младшего на вакантное место был определен антиохийский монах, родом сириец, *Несторий* (428—431). Выбор нового *патриарха*, как стали уже к тому времени называть архиепископа Константинополя, не случайно пал на выходца из Антиохии, известной своей блестящей богословской школой и замечательными проповедниками. Столичный клир еще не снискал славы, и его представители едва ли могли рассчитывать на безусловный авторитет среди первых церковных кафедр Империи. Римский престол занимал довольно самостоятельную позицию по отношению к императорам, и его клирики вряд ли могли быть заявлены в качестве кандидатов на Константинопольский престол. Александрия являлась главным городом Египта как в церковном, так и в административном отношении, к тому же история с Феофилом также не могла не запомниться царям Восточной империи. Иерусалим хотя и назывался «городом — матерью Церкви», но, очевидно, имел второстепенное значение на фоне Рима, Александрии и Антиохии. Поэтому выбор царя пал на сирийскую кафедру, откуда был родом знаменитый св. Иоанн Златоуст. Тем самым пусть косвенно и «задним числом», но св. Феодосий подтверж-

дал невиновность и признание его личности со стороны императорского двора.

Объективно говоря, Несторий действительно был видным проповедником в своем родном городе и отличался строгой подвижнической жизнью. Еще совсем юношей приняв Святое Крещение, он посещал знаменитые школы, которые обычно заканчивали языческие риторы и христианские ораторы. И считался одним из лучших выпускников школы, основателем которой являлся Ливаний и где получал образование сам Златоуст. По окончании образования Несторий удалился в монастырь Евпрепия, расположенный неподалеку, и в тишине уединения принялся изучать Святых Отцов. Но все же будущий патриарх не любил серьезного чтения, его гением было ораторское искусство.

Это само по себе было тревожным сигналом, поскольку склад ума избранныка на Константинопольскую кафедру в то время требовал более живой работы, чем богословских рассуждений. Тем не менее после вступления в клир по поручению Антиохийского епископа Несторий исполнял обязанности катехизатора; примечательно, что эту должность ранее занимал св. Иоанн Златоуст. Его красноречие было столь отточенным, что толпы народа собирались на проповеди Нестория, и это породило в нем трудно скрываемое высокомерие. Он обладал величавой осанкой, полным и звучным голосом, природным даром слова и обаянием.

Когда к нему поступило обращение императора прибыть в столицу для хиротонии, пресвитер охотно его принял, но, желая соблюсти важность и подчеркнуть свою значимость, не спешил с отъездом. Более трех месяцев добирался он до Константинополя, не торопя свой эскорт. Наконец, 10 апреля 428 г. состоялось его рукоположение в большой Константинопольской базилике в присутствии императора св. Феодосия II, императрицы св. Евдокии, сената, клира и многочисленного народа⁶⁷¹.

Заступая в должность, Несторий решил продемонстрировать собственную нетерпимость к еретикам и прочим инакомыслящим, сделав эту черту своей политики своеобразной «визитной карточкой». На процессе хиротонии Несторий, обращаясь к царю, воскликнул: «Император, дай мне землю, очищенную от еретиков, — и я воздам тебе за это Небо!» И на самом деле, став архиепископом столицы, он проявил себя как очень деятельный администратор. Несторий весьма активно боролся с различными ересями и в скором времени организовал настоящие гонения на ариан, монтанистов, валентиан, маркионитов и другие церковные партии, добившись издания (или реанимации) це-

лого ряда государственных законов, подвергавших еретиков ссылкам, конфискации имущества, лишению гражданских прав, заключению в тюрьму.

Первоначально всем казалось, будто патриарх постарается продемонстрировать свою независимость по отношению к царскому двору — его солидность и важный вид предрасполагали к такому умозаключению. Но уже на другой день после своего посвящения он явился во дворец как рядовой чиновник на службу, а затем положил в постоянную практику общение с придворными и с самими императорами. Несторий сделался записным царедворцем, обзавелся обширными связями и, выдавая себя за знаменитого богослова, часто беседовал со св. Феодосием Младшим, который проникся к нему, как богослову, искренним уважением. Со св. Евдокией Несторий также сумел наладить добрые отношения: он напоминал ей софистов Афин и знаменитых ораторов, в среде которых она провела свое детство и юность. Но св. Пульхерия весьма настороженно следила за патриархом, не очень доверяя ему.

Желая завоевать *единоличное* доверие царя и царицы, заметив некоторую намечавшуюся холодность в отношениях между ними и св. Пульхерией, Несторий решил сыграть на опережение, окончательно рассорив св. Феодосия с сестрой. Как ему показалось, св. Пульхерия слишком благосклонна к уже упоминавшемуся другу детства императора Павлину; до самой августы и ранее доносились злоречивые сплетни, однако она мало обращала внимания на скрытые насмешки придворных евнухов. Но теперь упреки о необходимости соблюдать обет девства, ранее данный ею Богу, о целомудрии и воздержании от пылких чувств были ей *публично* высказаны патриархом Несторием. Конечно, внучка великого св. Феодосия I Великого сумела поставить на место зарвавшегося клирика, но с тех пор возненавидела его всей душой⁶⁷².

Чувствуя — конечно, излишне самоуверенно и явно ошибочно — в своей душе талант богослова, Несторий в скором времени попытался закрепить в общецерковном сознании и практике богослужения те идеи, которые вынашивал еще в Антиохии. Надо сказать, что Несторий был далеко не одинок в своем богословии. Ему лишь принадлежит дерзость первому *открыто* объявить их и заставить признать общепризнанными изложениями истины Боговоплощения. Например, его духовный отец и учитель Феодор Мопсуэстийский со свойственной ему прямоотой так и отвечал на вопрос: «Кем был Христос?» следующим образом: «Человек был во чреве Девы Марии, человек и вышел

из нее. Человек этот, Иисус, ничем не отличался от людей одной с ним природы, кроме того, что Бог даровал Ему благодать»⁶⁷³.

Как-то раз синкелл Нестория, пресвитер Анастасий, проповедовал народу в присутствии самого патриарха; остановившись на минуту, как будто желая раскрыть перед пришедшими удивительную тайну, он заявил, что *не следует* называть Деву Марию *Богородицей*, Матерью Божьей, поскольку Она была человеком, а от человека Бог родиться не может. Поднялся страшный шум, народ возмущенно роптал, и тогда встал сам Несторий и, защищая своего синкелла, подтвердил сказанное: «Мария — не Богородица, а *Христородица!*»

Эта явно заранее организованная сцена имела широчайший резонанс в Константинополе и вообще на Востоке. Друзья при дворе, взволнованные народными нестроениями, предложили Несторию более категорично и ясно заявить свою позицию, должную отныне считаться официальной точкой зрения Константинопольской церкви. Нашелся и удачный повод — канун Рождества Христова, 25 декабря 428 г. В этот день, взойдя на амвон для проповеди, Несторий долго и обстоятельно объяснял, почему, на его взгляд, Богородица должна именоваться исключительно *Христородицей*. Раскол среди присутствовавших сенаторов, клириков и прихожан образовался страшный: одни защищали Нестория, другие гневно протестовали против его слов. Раздосадованный тем, что его слова не восприняты всеми как «руководство к действию», Несторий внезапно обернул свои выпады на представителей самого Константинопольского клира, заявив, будто отдельные иереи, слабо разбиравшиеся в вопросах веры, смущают христиан и не удосуживаются поучиться у более мудрых богословов. Этот несправедливый упрек в невежестве задел за живое пресвитеров, некоторые из которых являлись питомцами еще св. Иоанна Златоуста. Из своей среды они срочно вызвали человека, способного отстоять традиционную точку зрения о Богородице, — титулярного епископа Прокла⁶⁷⁴.

Для публичной защиты своего мнения Прокл выбрал один из праздников в честь Богородицы и в блистательных выражениях обосновал, почему Она должна величаться именно таким образом: «Не считай, человек, этого рождения (то есть рождения Христа. — А. В.) унижительным, когда оно для нас сделалось источником спасения. Если бы Он не родился от жены, то не умер бы; если бы не умер, то не упразднил бы Своей *смертью имущего державу смерти, сиречь, диавола* (Евр. 2, 14)»⁶⁷⁵. Его успех был полным; слыша овации мирян, собравшихся в храме, Несторий не решился дать немедленный отпор, сказав лишь,

что не желает стеснять свободу других, но вскоре объявил сторонников Прокла еретиками. Началась *открытая война* в церковном алтаре между патриархом и его же священниками⁶⁷⁶.

Однажды во время службы, когда Несторий по обыкновению проповедовал, встал Евсевий — будущий епископ Дорилейский, в те дни еще адвокат, и громким голосом объявил, что патриарх *еретичеству-ет*. А спустя некоторое время на стенах храма появилось объявление, гласившее, что Несторий — не кто иной, как еретик, исповедующий учение Павла Самосатского. Взмешенный Несторий тут же собрал нечто вроде Собора из присутствующих в Константинополе проезжих епископов и отрешил от Церкви тех пресвитеров, которые выступали против него. Но, будучи осторожным, он опять не посмел коснуться личности народного любимца Прокла. Правда, в виде ответной меры, узнав об одном собрании христиан, где проповедовали его противники, патриарх приказал солдатам разогнать его. Это очень не понравилось столичным жителям, которые кричали: «У нас есть император, но епископа нет!»⁶⁷⁷

Между тем волнения в Константинополе стали известны всему православному миру: будучи довольно тщеславным, Несторий рассылал свои поучения во все края света, желая тем самым продемонстрировать ученость и приобрести новых поклонников собственного таланта. Но тут ему пришлось столкнуться уже не с подчиненными клириками Константинопольской церкви, а с самим св. Кириллом Александрийским — племянником Феофила, давнего врага св. Иоанна Златоуста. Это был великий богослов, организатор и администратор, сумевший в годы своего патриаршества чрезвычайно высоко поднять авторитет Александрийской церкви. Как и его дядя, св. Кирилл был убежден в превосходстве Александрийской кафедры, присутствовал в составе александрийской делегации в позорном «Соборе у Дуба», и даже отказался включать имя Златоуста в диптихи, когда это сделали все остальные Поместные Церкви. Он ознакомился с сочинениями Нестория и понял, что настал удачный час рассчитаться с Константинополем.

В день Пасхи 429 г., когда Александрийские патриархи имели обыкновение рассылать пасхальные окружные письма, он подготовил послание под заголовком «Письмо к пустынноикам Египта». В нем св. Кирилл раскрыл тайну Воплощения и предостерегал христиан следовать сомнительным учениям, к которым следовало отнести и те, где встречается отрицание Богородицы — явный намек на Нестория, хотя тот и не был назван по имени.

Конечно, получив список с послания, Несторий оскорбился, о чем доброхоты немедленно оповестили св. Кирилла. Тогда святитель направил Несторию открытое письмо, в котором предлагал тому отказаться от своих слов и признать Святую Деву Богородицей. «Если же этого не будет сделано, — добавил св. Кирилл в письме, — то знай, что за веру во Христа мы готовы все претерпеть, подвергнуться узам и самой смерти»⁶⁷⁸. Таким образом, Александрийский патриарх прямо указывал, что, во-первых, хотя ему известно о расположении императорского двора к его Константинопольскому собрату, но, во-вторых, он готов к войне. Несторий посчитал ниже своего достоинства отвечать ему и ограничился тем, что св. Кириллу дал ответ некий пресвитер Фотий — ответ получился колкий и маловразумительный. Но обстоятельства вынудили его все же отвечать: настойчивый Александрийский архиепископ не давал ему покоя, наступая по всем фронтам; впрочем, ответы Нестория были малообоснованными. Он в основном «прощал» александрийца за дерзость, много говорил о братской любви и христианском смирении.

Все же, поняв, что боя не избежать, Несторий, как опытный царедворец и администратор, понимающий силу связей и союзнических отношений, озаботился получением одобрения своих слов со стороны папы Римского *Целестина* — (422—432), к которому и направил личное послание, где объяснил свою богословскую позицию. В этом письме заблуждения Нестория совершенно очевидны: рационалистически пытаясь раскрыть природу Христа, он отказывался признать Его Богом, но лишь человеком, *соединенным* с Богом и потому *названным* Богом. Поэтому в принципе Несторий был готов признать и Пресвятую Деву Марию Богородицей, но в *собственном* понимании этого термина. Он искренне недоумевал в своих довольно многочисленных посланиях, как можно говорить о том, что Бог мог быть двух- или трехмесячным, что Он может страдать, умирать, переносить нужду и голод? Как следствие Иисус Христос перестал быть *Богом* в понимании Его природы Несторием, а Святая Мария — Богородицей, но только «Христородицей»⁶⁷⁹.

Надо сказать, что первоначально папа Целестин не вмешивался в разгорающийся Вселенский спор. Но, получив письма от св. Кирилла и Нестория, выслушав сообщения о нестроениях, которыми была полна Константинопольская церковь, он велел перевести их послания на латинский язык, собрать Собор из итальянских епископов и обсудить это дело. Не исключено, что, помимо богословской аргументации св. Кирилла, Римский понтифик обратил внимание на его слова, в кото-

рых тот в своем письме объясняет причину обращения к папе, и, конечно, наименование понтифика «отцом отцов» вместо традиционно-го «брат» не было неприятным апостолику. «Так как зло достигло уже крайней степени, то я почел за непрременную обязанность не молчать больше и, следуя *давнему обычаю* церковей входить в общение с твоим благочестием, написать тебе обстоятельно о произошедших смутах в Церкви», — писал ему св. Кирилл, и это сыграло свою роль⁶⁸⁰.

Святитель Кирилл рассчитал правильно: Рим и ранее имел с Александрийской церковью особые доверительные отношения, обусловленные как апостольским происхождением обеих кафедр, так и многими общими интересами: отрицание второго места Константинопольской церкви среди патриархий, защита св. Афанасия Великого во времена гонений и т.д. И теперь лишь одно обстоятельство мешало Риму полностью взять под свою защиту св. Кирилла — разница позиций обоих престолов в отношении к св. Иоанну Златоусту. И тогда Александрийский патриарх, понимая, что изолированно он обречен на провал, внес-таки имя Златоуста в диптихи, просил Римского понтифика принять его в общение с собой и послал ему «поцелуй мира», возвращенный обрадованным папой обратно. Святителя приняли в Риме самым сочувственным образом, и папа заявил ему, что отныне он может действовать не только от имени Александрийской церкви, но и Римской, как ее *местоблюститель*.

Собранный папой летом 430 г. Собор из западных епископов решил считать два послания св. Кирилла Несторию *вразумлениями* и потому ограничился всего лишь одним посланием ему уже от имени папы Целестина, в котором Константинопольскому архиерею предлагалось в 10-дневный срок публично отречься от своих слов и принять учение, исповедуемое Римской церковью. Эту миссию папа торжественно возложил на св. Кирилла⁶⁸¹. В случае упорства, говорилось в решении Собора, Несторий считается лишенным епископского сана и отлучается от Церкви. Это письмо, датированное 11 августа 430 г., было направлено не только в Константинополь, но и остальным первоиерархам, а также важнейшим епископам Востока⁶⁸².

Вслед за этим преисполненный значения своего долга св. Кирилл принял новое величание Александрийского патриарха, которого велел признавать отныне *Вселенским судьей*. Полный титул Александрийского патриарха, дошедший до нас из древних веков, звучит следующим образом: «Блаженнейший, Божественнейший и Святейший Отец и Пастыреначальник, папа и Патриарх Великого Града Александрии, Ливии, Пентаполя, Эфиопии, всего Египта и всей Африки, Отец От-

цов, Пастырь Пастырей, Архиерей Архиереев, Судия Вселенной»⁶⁸³. Помимо этого, он возложил на свою голову митру, наподобие той, которую носили понтифики, и во всем подражал им.

Получив мощную поддержку со стороны Рима, Александрийский архиепископ вновь вернулся к богословскому опровержению доводов противника. Святитель Кирилл решил соединить воедино все свои доводы против Нестория, которые получили название «12 анафематизмов» и, одобрив их на Соборе египетских епископов в том же 430 г., направил Несторию вместе с предупреждением папы Целестина. Вместе с посланием представители Александрийской церкви везли в столицу письма своего архипастыря к Константинопольскому клиру, монахам и мирянам; казалось, победа уже не за горами.

Но до этого было еще далеко. Уже сам по себе Собор 430 г. и его решения вызывали справедливые нарекания по каноничности принятых на нем решений. Во-первых, этот Собор едва ли обладал полномочиями судить второго в церковной иерархии епископа Вселенской Церкви, только *поставив в известность* остальных патриархов о собственном решении. Во-вторых, исходя из сложившейся практики, решение такого вопроса могло иметь место исключительно *после рецептирования* его решения императорами, чего сделано не было. Наконец, если это был суд, то, согласно канонам, судьи обязаны были пригласить Нестория на свои заседания — как видим, его право было грубейшим образом игнорировано. Лишить епископа сана можно было только *в судебном порядке* — даже императоры, когда возникала необходимость лишить архиерея кафедры, хотя бы для проформы созывали Соборы епископов, исходя из принципа подсудности им той или иной категории дел. Здесь же даже не были приглашены в качестве судей представители Антиохийской, Иерусалимской и Константинопольской церквей. Кроме того, папа был непоследователен: если Иннокентий признавал каноничными действия св. Иоанна Златоуста по суду над епископами, подчиненными другим митрополитам, то почему теперь статус столичного архиерея был так бесцеремонно нарушен? Разве он не имел первенства по чести после Рима? И неужели сам понтифик согласился бы, пусть даже гипотетически, спроецировать такую же ситуацию, но уже в отношении самого себя?

Очевидно, все это могло иметь место только при наличии двух условий: абсолютной внутренней уверенности папы Римского и Александрийского патриарха в том, что они вправе (или даже обязаны) руководить Вселенской Церковью как ее главы, и такой же уверенности в *безнаказанности* выбранной ими линии поведения, когда императоры

ничего не могут ему противопоставить. Действительно, император св. Феодосий Младший старательно пытался уйти в сторону от конфликта, по скромности полагая, что богословские вопросы должны рассматриваться только епископами. А на Западе Галле Плацидии было явно не до далекого Константинопольского патриарха, поскольку вандалы захватывали одну за другой провинции Африки. Ну и, конечно, не малолетний Валентиниан III мог стать на пути замыслам папы Римского. Как кажется, это был удачный момент для того, чтобы и рассчитаться с Константинополем за все обиды и иначе организовать церковную иерархию, исправив «неточности», рожденные в 381 г. при императоре св. Феодосии Великом и до сих пор не признанные Римом.

Но тут папе и св. Кириллу пришлось несколько охладить свой пыл, с ходу натолкнувшись на мощную, как оказалось, и полновластную фигуру св. Феодосия II. Конечно, царь был крайне удивлен тем, что его статус грубым образом нарушался. Кроме того, он прекрасно был уведомлен не только о богословской стороне спора, но и *политической*, и его не могли не взволновать попытки двух пап перевернуть уже сложившуюся систему власти в Церкви. Святитель Кирилл только подлил масла в огонь, направив одно письмо императорам — св. Феодосию и св. Евдокии, а другое, совсем с иным содержанием и тональностью, — св. Пульхерии. Если он хотел рассорить между собой членов царской семьи или по крайней мере заручиться поддержкой святой сестры царя, то ему пришлось удовольствоваться диаметрально противоположным результатом: император в довольно резкой форме высказал ему свои претензии и признал *его* виновником церковной смуты⁶⁸⁴.

Проявил известную гибкость ума и Несторий, не упустивший шанс провести аналогию своей истории со св. Иоанном Златоустом. В самом деле, и там, и здесь в дело вмешался Александрийский патриарх, имело место несправедливое судилище, и потому Несторий без всяких сомнений заявил однажды в храме, что св. Кирилл организовал против него «египетские гонения»⁶⁸⁵.

Вскоре случай представил императору дополнительный шанс наказать заносчивого, как ему казалось, александрийца. Как-то в Константинополь прибыла толпа египтян, из которых выделялись три лица: Херемон, Виктор и Софроний, — с жалобами на св. Кирилла. Они упрекали св. Кирилла в вымогательстве денег, жаловались на его притеснения и т.п. Хотя апокрисиарий (поверенный) св. Кирилла в Константинополе предупредил царя и Нестория, *что это* за люди, Константинопольский патриарх не преминул дать им свое покровительство. Предубежденный против св. Кирилла, император пожелал

вызывать его на свой суд, но Несторий настаивал исключительно на церковном суде под собственным председательством, абсолютно уверенный в победе. Но это играло на руку и его противнику — св. Кирилл изъявил полную готовность явиться на суд епископов, собранных со всего Востока, но при условии, что председательствовать будет кто-то иной, но только не Несторий. В принципе это было справедливое требование, поскольку сам Несторий являлся *заинтересованной* стороной по делу. В контексте минувших и происходящих событий царь оказался в тупике, не вполне понимая, как следует поступить⁶⁸⁶.

Ситуацию, и без того острую, усугубила позиция Антиохийской церкви, предстоятель которой епископ *Иоанн* (427—433) питал привязанность к Несторию, как одному из питомцев своей кафедры. Он и остальные сирийские епископы искренне подозревали, что «Египтянин» желает скомпрометировать *всю* Антиохийскую церковь, и решительно заняли сторону Константинопольского архипастыря. Они, конечно, понимали слабость и порочность богословской позиции Нестория и всячески уговаривали его, хотя бы ради чести Сирийского патриархата, уступить предъявляемым ему требованиям. «Наименование Девы Марии Богородицей отнюдь не новое; от него не отказывался ни один из церковных учителей; употреблявших его было много и притом знаменитых», — объяснял Иоанн Антиохийский Несторию. И нет ничего невероятного в том, что вскоре примирение было бы достигнуто⁶⁸⁷. Но тут подоспели посланники св. Кирилла, и огонь войны запылал с новой силой.

6 декабря 430 г. представители Александрийской церкви вошли в храм Св. Софии, где служил Несторий, и вручили ему послания своего предстоятеля. Через неделю, 13 декабря 430 г., они услышали ответ, публично данный им Несторием с кафедры после Литургии. Надо сказать, Константинопольский патриарх правильно оценил ситуацию и настрой слушателей: он напомнил им о постоянных происках Александрийских пап против Константинополя («это болезнь египтян — всюду вносить смуту») и даже согласился признать Святую Деву Марию Богородицей. Зал одобрительно слушал его и аплодировал — конфликт казался исчерпанным, и египетские посланники молча стояли, не зная, что им делать дальше. Но тут же Несторий сам все и испортил: для окончательной победы он решил на месте разобрать «12 анафематизмов» св. Кирилла, и сделал это столь нелепо и беспомощно, что обвинения его в ереси вновь зазвучали со всех сторон. Императору ничего не оставалось, как назначить Вселенский Собор⁶⁸⁸.

Императорская *sacra* (грамота), подписанная по обыкновению от имени обоих царей, созывала всех епископов на Собор, который намечено было провести в Эфесе в день Святой Пятидесятницы 431 г.⁶⁸⁹ Следует отметить, что император св. Феодосий II постарался сохранить нейтралитет. При всем внутреннем благоволении к Несторию, он фактически подвел их *вместе* со св. Кириллом под статус *обвиняемых* в разжигании церковной смуты и расколе⁶⁹⁰. По крайней мере, в своей грамоте император нигде не оговорился о председательстве Нестория на Соборе, чего тот так страстно желал. Более того, желая максимально объективно разобрать дело, он велел пригласить на Собор блаженного Августина, епископа Иппоннского, чей авторитет был непререкаем. К сожалению, святой епископ скончался 30 апреля 430 г. Конечно, будь он на Соборе, ни о каком преимуществе Нестория не могло идти и речи, но и сам факт приглашения блаженного Августина на Собор совершенно ясно раскрывает беспристрастность царя⁶⁹¹.

Император не пожелал присутствовать на соборных заседаниях, вновь подчеркнув, что разбор этого спора — дело епископов. Своему представителю комиту Кандидиану он дал строгое указание не вторгаться в богословский диспут, обязав его обеспечить лишь внешний порядок и безопасность участников Собора. «Придворному сановнику нашему Кандидиану повелено прибыть к вашему святейшему Собору с тем, однако же, чтобы он нисколько не вмешивался в происходящее исследование о догматах, ибо не принадлежащему к числу святейших епископов несправедливо вмешиваться в дела церковные»⁶⁹².

Пока шла подготовка к Собору, и гонцы императора по всем провинциям Римского государства рассылали копии его сакры, стороны пытались просчитать, каков расклад сил. Решительного перевеса не было ни у кого, и, кроме того, отдельные участники будущего Собора попытались примирить двух врагов: даже папа Целестин ответил на одно из обращений св. Кирилла в том духе, что «Бог всегда принимает раскаяние грешников, какое бы оно ни было позднее». Но сам св. Кирилл стоял на своем и желал только одного — полного *уничтожения* Нестория, хотя даже близкие друзья уговаривали его занять мирную позицию. Несторий также был уверен в своей победе, опасаясь лишь того, что его противник не явится на Собор.

Иоанн Антиохийский, смирившийся с необходимостью прибыть в Эфес, исследовал сочинения св. Кирилла и нашел их *еретическими*. Конечно, это было не так, но Александрийский епископ изложил свои сочинения в соответствии с традицией родной ему Поместной Церкви, где со времен борьбы с арианами уделяли большое внимание бо-

жественной природе Христа, иногда даже в ущерб человеческому естеству; и отдельные его выражения смущали антиохийцев. Безусловно, они не разделяли богословия Нестория, но полагали его менее опасным, чем новая «ересь» св. Кирилла. Поэтому изначально стало ясно, что Иоанн и «восточные» епископы, если и не будут поддерживать Нестория, то наверняка станут обвинять св. Кирилла. В таком случае положение представителей Александрийской и Римской кафедр было далеко не надежным.

И вот тут-то св. Кирилл решительно взял дело организации Собора в свои руки, чтобы путем разного рода интриг и грубых нарушений принципа справедливости во имя «высшей правды» добиться положительного для себя результата. Однако такой ригористический и внешне малопривлекательный способ обеспечения единства с его стороны Вероисповедания не был чем-то из ряда вон выходящим — многие Отцы и Учители Церкви, проявляя ревность по Христу, позволяли себе то, что могло бы вызвать нарекания со стороны светского наблюдателя.

В первую очередь он решил обеспечить себе *численное большинство*, привезя с собой 50 египетских епископов. Неожиданно его союзником стал Эфесский митрополит Мемнон, экзарх церковной области в Азии, собравший максимально возможное число подчиненных ему архиереев — 35 человек. Дело заключается в том, что по воле Провидения место проведения Собора было наиболее благоприятным для партии св. Кирилла. Издавна этот город почитался как место смерти Пресвятой Богородицы и Приснодевы Марии, где Она прожила последние годы своей земной жизни вместе со св. Иоанном Богословом. Естественно, Богородица особо почиталась жителями Эфеса, видевшими в учении Нестория поправление славы своего родного города. Вместе св. Кирилл и епископ Мемнон собрали довольно внушительную партию епископов. Кроме того, Эфес не забыл «обиду», нанесенную им св. Иоанном Златоустом, самостоятельно рассматривавшим дела епископов данного диоцеза через голову их архиепископа. Ранее эфесские епископы солидаризировались с Александрийским патриархом в гонениях на Златоуста, теперь этот город встал под знамена племянника Феофила.

Напротив, определяя, кто из сирийских епископов поедет с ним в Эфес, Иоанн Антиохийский действовал в полном соответствии с буквой царской сакры, хотя даже и теперь испытал немалые трудности. Ему нужно было дожидаться, пока представители его патриархата соберутся в Антиохии, а это занимало до 10—12 дней. Затем он собрал свой Собор для формирования общего мнения; и лишь после этого «вос-

точные» отправились в путь. *Буквально* восприняв слова императора о необходимости обеспечения нормальной деятельности епархий на время проведения Собора, он вызвал только митрополитов и по два подчиненных им епископа, чем поставил себя в явное меньшинство. Кое-как собравшись, не рассчитав всех превратностей пути, сирийцы начали свое многотрудное путешествие к месту Собора, не удосужившись к тому же посчитать, какое количество дней на дорогу им понадобится⁶⁹³.

Первым в Эфес прибыл Несторий в окружении небольшого числа своих сторонников (15—20 епископов), но с пышной, поистине царской свитой, куда входил его друг комит Ириней — замечательный и искренний подвижник Православия. К удивлению Нестория, город встретил их очень холодно: магистрат Эфеса не оказал им никаких почестей, местный епископ запер для них все церкви, а жители всячески старались оскорбить. Вскоре прибыл и св. Кирилл со своими «египтянами», которого встретили с восторгом; казалось, его признают вторым покровителем города. Начали подтягиваться монахи, пресвитеры, христиане и просто любопытствующие миряне, которых набралось великое множество; не было лишь «восточных». Святой Кирилл и Мемнон активно формировали «партию большинства», но это им до конца так и не удалось сделать. Несмотря ни на какие ухищрения, значительная часть епископов, собравшаяся в Эфесе, не желала принадлежать ни к какой партии и ждала сирийцев, чтобы вместе с ними обсудить существо спора. Часть «нейтральных» архипастырей не выдержала напора Александрийского патриарха, но около 60 епископов остались непреклонными и желали *объективного* рассмотрения дела на Соборе⁶⁹⁴.

Между тем время шло, а Иоанн Антиохийский не появлялся. Выдавшееся свободное время члены Собора заняли диспутами и чтением творений Святых Отцов; и эта вынужденная задержка сильно повредила Несторию. Желая продемонстрировать собственные «глубокие» богословские познания, он дошел до того, что своими речами оттолкнул от себя даже близких друзей — епископов Акакия Мелитинского и Феодота Анкирского. Потрясенные его откровениями, они вскоре станут первыми обвинителями Нестория на Соборе. Сейчас же их смятение дошло до сведения св. Кирилла, который решил действовать не мешкая. И раньше его особенно волновал вопрос о председателе Собора — таковым мог стать только Иоанн Антиохийский, поскольку он сам и Несторий являлись гипотетическими обвиняемыми, папы Римского не было, а Кандидиан выполнял лишь организационные функ-

ции. Теперь же, когда у него оказались столь авторитетные обвинители Нестория, он не стал терять времени.

Первая группа «восточных» уже находилась в нескольких днях пути от Эфеса, и сам Иоанн через посланника, достигшего города, просил подождать его⁶⁹⁵, хотя кто-то пустил слух, что антиохиец не противится против открытия Собора в свое отсутствие, видимо, надеясь успеть к началу диспута. Сославшись на то, что епископы и так провели много дней в Эфесе без толку, *формально* нарушая императорский указ о дате открытия заседаний, что многие из них болеют и даже некоторые умерли, св. Кирилл решил действовать.

22 июня 431 г., на пятнадцатый день после дня Святой Троицы — даты, определенной императором для начала работы Собора, св. Кирилл, Мемнон и сопредседатель Собора Иерусалимский патриарх св. Ювеналий открыли Собор. Первым делом они направили приглашение Несторию явиться на его заседание, чем недвусмысленно определили *только его* подсудимым, а не его вместе со св. Кириллом, на Вселенском совещании. Конечно, Несторий ответил отказом, ссылаясь на незаконность собрания. Когда св. Кирилл и 198 епископов, принадлежавших к его партии, собрались в храме Святой Марии, туда явился комит Кандидиан и потребовал от них прекратить самочинное собрание, напоминая им, что Собор должен открыть он, прочитав сакру императора, а это невозможно, поскольку «восточные» еще не прибыли. Но присутствующие епископы обманули старого солдата, совсем не искушенного в тонкостях языка. Ему предложили прочесть сакру царя, дабы *выяснить его волю*, а когда Кандидиан простодушно исполнил данную просьбу, все присутствующие стали кричать, что Собор уже считается открытым, поскольку *необходимая форма* начала его работы соблюдена — ведь грамота императора прочитана! Комит был вынужден удалиться прочь, остальная группа из 60 «непокорных» архиереев также не была допущена к заседаниям, и Собор начал свою работу⁶⁹⁶.

К Несторию тут же отправили представителей Собора. Однако дом, где он остановился, был окружен солдатами Кандидиана, и пройти к Несторию не удалось. Вторично четыре епископа попытались передать патриарху приглашение, но их избили солдаты и прогнали прочь. Поскольку посчитали, что Константинопольского патриарха уже четырежды пригласили на Собор (сюда зачли общее приглашение на Собор от 20 июня), а он не явился, все решили, что каноническая процедура суда соблюдена⁶⁹⁷.

Был прочитан Символ Веры, как его сложили в Никее и в Константинополе, а затем Отцы Собора по очереди начали высказывать свое

мнение о сочинениях Нестория. Со слезами на глазах выступили Акакий Мелетинский и Феодот Анкирский, подтвердившие еретические высказывания патриарха, к вящей радости св. Кирилла. Почитали избранные места из Святых Отцов, подтвердившие ошибочность его богословия, и лишили Нестория епископского сана, тут же предав анафеме. Вместе с епископами, бывшими на Соборе, приговор подписали еще несколько архипастырей, постепенно подходивших в зал заседаний, так что общее число подписавшихся составило более 200 человек. На этом Собор и завершил свое заседание; жители Эфеса радостно встречали епископов у выхода, несли перед ними факелы, освещая дорогу, курили благовония. А на следующий день, 23 июня 431 г., приговор Собора был объявлен Несторию в самых оскорбительных выражениях; соборный орос был направлен и в Константинополь, царю⁶⁹⁸.

Радость была полная: два дня епископы проповедовали, раскрывая перед слушателями тайну Воплощения и изучая иные богословские вопросы, но уже 25 июня 431 г. в Эфес пришли «восточные» во главе с епископом Иоанном Антиохийским⁶⁹⁹.

Покрытые пылью, изможденные дорогой, «восточные» епископы вошли в город, где их встретил комит Ириней, рассказавший о том, что произошло буквально пару дней назад. По мере его рассказа гнев овладевал сирийцами, и они, не стряхнув даже дорожной пыли, собрались в гостинице, дабы оценить ситуацию и принять решение. К ним подошли те нейтральные епископы, которые были отвергнуты сторонниками св. Кирилла и Мемнона, а с ними комит Кандидиан. Он дословно передал им содержание императорской сакры, рассказал о событиях на Соборе, и «восточные» согласились, что имело место грубое неповиновение воле царя. Исследовав события, сирийские епископы довольно быстро пришли к принципиально верному умозаключению, что все маневры св. Кирилла заключались в том, чтобы обвинить и осудить Нестория, после чего сам он оказывался уже неподсудным. Свою оценку, как прямого пособника воли Александрийского патриарха, заслужил в их устах и епископ Мемнон. Подытожив, сирийцы вынесли свой приговор: низложить св. Кирилла и Мемнона, а остальных епископов из их партии исключить от церковного общения с Антиохийской церковью, пока они не раскаются в своем дурном поступке. Соответственно осуждение Нестория объявлялось ничтожным. Посланники св. Кирилла и Мемнона попытались встретиться с сирийцами и склонить их на свою сторону, но те, конечно, отвергли их⁷⁰⁰.

Между тем и св. Кирилл не сидел сложа руки: отвергнутые Иоанном Антиохийским епископы под присягой показали, что им не дали

слова, били и даже угрожали лишить жизни, вследствие чего Собор вновь собрался для того, чтобы отлучить уже сирийцев; о чем Александрийский архипастырь и уведомил «восточных». По большому счету против Иоанна было только то обстоятельство, что число «его» епископов явно уступало партии св. Кирилла — всего 37 человек; поэтому он спешно направил свое решение в Антиохию, чтобы его подписали все оставшиеся там архиереи, подписей которых надеялись добрать до 200. Но организовать оппозицию св. Кириллу оказалось очень непросто, поскольку сирийцы жили буквально в условиях осады: перед ними также закрывались храмы, и никто не дал Иоанну хиротонисать нового кандидата в епископы Эфеса взамен Мемнона.

Пока собирались подписи, жалобы сторон друг на друга лились рекой; императорский двор, комит Кандидиан и советники царя не знали, на что решиться. Одни склонялись к тому, что Несторий правильно осужден Собором, другие уверяли императора, будто св. Кирилл — ересиарх и смутьян. Обе партии прилагали все силы для того, чтобы *непосредственно* предстать перед св. Феодосием Младшим и изложить ему свои аргументы, но царь пока еще хранил нейтралитет, уже довольно опасный для создавшегося положения. Император встречался с придворными сторонниками обеих партий, проявляя некое *сознательное слабование* и не зная, на что решиться. И дело не в том, что он по слабости характера или ума не желал принять решение. Просто даже теперь царь не оставлял надежд на то, что епископы в состоянии сами, по свободному волеизъявлению, найти примирительную формулу. К сожалению, этим прогнозам не суждено было сбыться.

Постепенно двор и советники царя пришли к мысли, что всему виной наличие *двух* параллельных Соборов, и в первую очередь того, который собрал св. Кирилл. Поэтому св. Феодосий по рекомендации Кандидиана кассировал (то есть отменил) решения Собора от 22 июня, но потребовал, чтобы все епископы остались в Эфесе и ждали приезда его нового уполномоченного. Тем временем наконец в город прибыли римские легаты: пресвитер Филипп и два епископа — Аркадий и Проект, согласно инструкции понтифика поддержавшие св. Кирилла. Уже 10 и 11 июля были открыты новые заседания Собора, опять без «восточных», где представители папы Римского поддерживали ранее принятые решения и подписали их. Желая уладить конфликт и упразднить маломальскую основу для отмены соборных решений императором, они созвали 4-е и 5-е заседания 16 и 17 июля, куда вновь пригласили сирийцев, но те игнорировали приглашение⁷⁰¹.

Надо сказать, что информация о том, *что* в действительности произошло на Соборе, поступила в Рим в очень интерпретированном виде. Говорили, будто антиохийцы заодно с пелагинцами, что у епископа Иоанна не более 30 человек, хотя его партия увеличилась за эти дни до 43—50 епископов, что примкнувшие к ним союзники, в массе своей низложенные или изгнанные из своих епархий, — очевидная ложь. О протесте 68 епископов перед началом Собора вообще не упоминали; поэтому папа пребывал в таком же неведении, как и царь.

Время шло, император опять не принимал никакого решения и не присылал своего представителя, и, пользуясь этим, Отцы Собора решали на заседаниях текущие вопросы из церковной жизни. Так, 31 июля 431 г. неожиданно всплыл «*Кипрский вопрос*» — ходатайство епископа острова о своей автокефалии от Антиохии⁷⁰². Епископы подумали и удовлетворили просьбу, очевидно, не без чувства тайной мести сирийцам, присоединив этот канон к другим, ранее принятым по иным вопросам семи правилам Вселенского Собора. В этот же день прибыл императорский уполномоченный Иоанн с приказом арестовать св. Кирилла, Нестория и Иоанна Антиохийского. Это решение было обусловлено тем, что вокруг императора сформировалось мнение, будто нужно сделать вид о том, что в Эфесе собирались не два собора, а *один*, который и низложил всех главных лидеров спорящих партий. Поэтому остальным епископам было велено возвращаться домой. Конечно, такое механическое объединение низложений ничего не дало, все архиереи остались в Эфесе до окончательного решения вопроса⁷⁰³.

Нейтрализовав вождей противоборствующих партий, представитель царя надеялся, собрав сообщая всех епископов, покончить дело миром. Но вдруг с удивлением обнаружил, что степень ненависти архиереев разных партий друг к другу не позволяет им даже *находиться* вместе в одном помещении — пришлось поставить солдат, чтобы участники не подрались. Тогда арестовали св. Кирилла, Мемнона и Нестория, а остальным вновь предложили разъехаться, чего, конечно, не случилось.

Пока вожди раскола сидели под арестом, шла деятельная работа по формированию мнения императора. За Нестория хлопотал его друг комит Ириней, за св. Кирилла — придворный врач Иоанн и Собор⁷⁰⁴; кроме того, Александрийский патриарх выдал вексель на имя императора о выплате им 2 тыс. фунтов золота из казны своей церкви на государственные нужды, надеясь таким способом хотя бы частично улучшить его мнение о себе. Были подключены монахи, «патриарх» которых, Константинопольский отшельник Далмат — бывший офи-

цер и ныне почитаемый святой старец, 46 лет не выходивший из монастырского уединения, выхлопотал у императора аудиенцию для св. Кирилла.

Царь принял обе стороны, и антиохийцы с Несторием проявили максимум уступчивости. Несторий даже заявил, что готов оставить кафедру, если того требуют интересы Церкви. Этим немедленно воспользовались, и он тут же получил отставку, после чего покорно вернулся в свой монастырь в сентябре 431 г. В ответ «восточные» потребовали встречных шагов от св. Кирилла, но не дождались: святитель и его друзья были непреклонны в своих «12 анафематизмах», которые так не нравились сирийцам. Поскольку Константинопольская кафедра оказалась вакантной, срочно принялись искать преемника Несторию, и им стал (вероятно, по подсказке римских легатов, которым очень благоволил император) апокрисиарий *Максимилиан* (431–434), посредник между царским двором и папой.

Это была уже явная и очередная уступка в адресо св. Кирилла — волей-неволей царь закрыл глаза на бесчинства александрийца, и вопрос о привлечении его к ответственности как-то сам собой отпал. Оставалось каким-то образом решить вопрос с арестованными св. Кириллом и Мемноном и склонить их к компромиссной позиции. Но здесь царя ждало разочарование — лидеры «оппозиции» оставались непреклонны.

Когда царским указом Отцам Собора в очередной раз было предложено разъехаться и мирным поведением хоть как-то загладить вред, причиненный Церкви, Александрийский патриарх также покинул город (без царского разрешения) и вернулся в свою патриархию, а Мемнон вышел из-под ареста и продолжал архиерействовать. Хотя св. Кирилл и добился нового осуждения Константинопольского архиерея и вновь продемонстрировал высоту положения своей кафедры, дома его встречали отнюдь не с восторгами. Даже друзья делали ему вполне обоснованные упреки, что ради удовлетворения своей страсти он отодвигает на второй план интересы Церкви⁷⁰⁵.

Возможно, раскол мог бы прекратиться, но внезапно Максимилиан и его советники допустили грубую ошибку, низвергнув из сана нескольких сирийский епископов, не принявших изгнания Нестория: епископа Дорофея Маркианопольского, митрополита Евферия Тианского, митрополита Имерия Никомедийского, митрополита Элладия Тарсского. Судилище было явно неправомерным, но, поскольку за утверждение данного решения просили римские легаты, св. Феодосий II согласился с его решением. В ответ возвращающиеся антиохийские епископы срочно организовали в Тарсе свой Собор и вновь низложили

св. Кирилла и Мемнона, но пощадили римских легатов и папу. Более того, прибыв в Антиохию, они вновь организовали Собор, где присутствовало уже около 200 епископов Востока, который подтвердил все их решения в Эфесе и Тарсе. Таким способом разрыв с «официальной» церковной стороной — св. Кириллом — оформился документально⁷⁰⁶.

На этом, собственно говоря, *формально* и закончил свою работу III Вселенский Собор — самый скандальный из всех бывших до него и после великих общецерковных собраний. Он представляет несомненный интерес не только с богословской точки зрения, но и контекстом происшедших на нем и близ него событий. Создавшиеся нестроения в значительной степени были обусловлены *пассивной позицией* императора и его двора, покоящейся на ложной идее, будто данные вопросы должны решаться епископами без участия царя. Но действительность опровергла столь оптимистические ожидания, и никогда после этого императоры не позволят себе игнорировать свои обязанности, уже глубоко осознанные ими и проверенные практикой, по *управлению Вселенской Церковью*.

Фактически *разогнанный* императором Эфесский Собор разорвал Церковь на жестко противостоящие друг другу партии, не сумевшие самостоятельно изжить зародившийся вселенский соблазн. Только теперь св. Феодосий Младший понял, какую ошибку он совершил, самоустранившись от ведения дел Церкви, а поняв, предпринял решительные меры по ее исправлению, организовав спасительное для Церкви давление на вождей обеих партий.

Вначале императорский двор направил приглашения Антиохийскому епископу Иоанну и св. Кириллу в Александрию приехать для примирения в Никомедию, где в то время располагалась царская резиденция, но те отказались. Тогда уже сам император направил письма к вождям противоборствующих партий, предлагая смирить свою непреклонность. Иоанну Антиохийскому царь писал, что раскол прекратится, как только Сирийский патриарх подпишет осуждение Нестория⁷⁰⁷. Смягчить свою позицию предлагалось и св. Кириллу.

Исполнителем воли монарха по примирению двух церквей являлся нотариий и трибун (государственный секретарь) Аристолай. Пока шла оживленная переписка между дворами и Аристолай лично убеждал св. Кирилла отказаться от своих «12 анафематизмов» — непременное условие примирения, высказанное Антиохийской церковью, — тот пока еще действовал по своему плану. Александрийский патриарх прилагал немалые усилия для *подкупа* царского окружения и нейтрализации тех придворных, которые сочувствовали низвергнутому Несторию

или просто недолюбливали самого св. Кирилла. Деньги, драгоценности и ценные вещи рекой лились из казны Александрийской церкви, но не могли дать большого эффекта — императорская миссия Аристотеля имела в резерве такое сильнодействующее оружие, как *смещение* св. Кирилла и Иоанна с *кафедры* в случае их упорства.

На помощь св. Феодосию II пришел даже Константинопольский патриарх Максимилиан, заявивший, что если Несторий осужден, то к чему теперь «анафематизмы» св. Кирилла? Иоанн Антиохийский направил в Александрию епископа Павла Эмесского, под влиянием слов которого св. Кирилл решил не навязывать всему православному миру свои «12 анафематизмов» и подписал примирительное *Антиохийское вероопределение*, в сущности, не противоречащее его богословской позиции; то самое, что сирийцы изначально привезли с собой в Эфес. Наконец, в 433 г. было подписано «Согласительное исповедание»⁷⁰⁸.

И хотя III Вселенский Собор был закрыт еще два года назад, только теперь можно было сказать, что он наконец-то завершился *в действительности*. Взаимные анафемы были по молчаливому согласию сторон упразднены, и «Согласительное исповедание» стало настоящим оросом Вселенского Собора. Подписав «Исповедание», св. Кирилл вместе с Павлом Эмесским отслужил службу, а Иоанн Антиохийский с частью епископов подписал акт примирения и направил св. Кириллу письмо, в котором соглашался ради церковного мира считать Нестория низложенным, а его учение еретическим.

Счастливый св. Кирилл ответил знаменитым письмом «Да возvesялятся небеса, да возрадуется земля!», где отверг мысли, приписываемые ему, и признал Антиохийское вероисповедание тождественным своим тезисам⁷⁰⁹. Это письмо было отправлено в Рим, Константинополь и самому императору, который ради церковного мира вновь принес в жертву Нестория, порывавшегося отозвать свое заявление об отставке и вернуться на патриаршую кафедру. Более того, в 432 г. по требованию папы Целестина I Несторий был сослан в отдаленную пустыню — понтифик опасался его сторонников, которых, действительно, было еще довольно много, в том числе в Константинополе. Теперь всем стало очевидно, какую важнейшую роль сыграл св. Феодосий II Младший в преодолении раскола, и насколько виноват его двор в отсутствии должной организации Собора 431 г.⁷¹⁰

С церковной точки зрения Эфесский Собор являет блестящий пример человеческих слабостей и всесия Святого Духа, Который «где хочет, там и дышит». Мы привыкли слепо связывать внешние события причинно-следственной связью с теми или иными именами, как-то

«забывая», что Божество слабыми руками людей творит величайшие подвиги; и далеко не всегда личные усилия соответствуют тем дарам, которые Господь посылает нам. Или, говоря точнее, *всегда* не соответствуют. Святость не означает непогрешимости, «всяк человек ложь», и поэтому нет ничего удивительного в том, что не все, мягко говоря, действия участников Собора, позднее прославивших великими светочами Православия, вызывают положительную оценку. Великий Дух, оживляющий все земное, парил над ними, Своей благодатью исправляя их человеческие ошибки и претворяя злое в добро.

«Из всех Вселенских Соборов, — справедливо писал А.В. Карташев (1875—1960), — нет более соблазнительного, чем Третий, и из всех еретиков нет более симпатичного и здорового, чем Несторий». Далее, он раскрывает богословское значение Собора: «Итак, “икона” III Вселенского Собора, его идеальное достижение, запечатленное в оросе, — это та же формула идеального равновесия природы в Богочеловеке, какой вскоре дал высшее выражение IV Вселенский Халкидонский Собор. III Собор был только этапом, черновым наброском. Но прежде чем дойти до Халкидонского равновесия, нужно было диалектически пройти сквозь специфический уклон Кириллова богословия и им защититься от угрозы полярного заблуждения, символически представившегося Несторием. Самой драгоценной, “иконной” чертой этого достижения является освящение имени и осознанного культа Богородицы, как воплощенной вершины догмата об обожении человека. Под этим знаком Собора Пресвятой Богородицы Ефесский Собор и прошел в сознании церковных масс»⁷¹¹.

Но, к сожалению, эта радость воссоединения враждебных друг другу партий была омрачена тем, что некоторые ригористичные сторонники св. Кирилла, Нестория и Иоанна Антиохийского не согласились с «Исповеданием». Группа консервативных сирийцев ушла в Персию, где создала так называемую *Несторианскую церковь*. А Александрия окончательно уверовала в достоинства своего архиерея как «Вселенского богослова», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вскоре это приведет к образованию нового раскола и породит печально знаменитый «Разбойный собор» 449 г.

Сам виновник (или *невольный* инициатор?) нового раскола Несторий по инициативе нового Александрийского патриарха *Диоскора* (444—451) был сослан еще дальше в пустыню (6-е место ссылки) близ Панополиса, где занялся писательской деятельностью. Умер он в 451 г., незадолго до созыва Халкидонского Собора. Уверенный в том, что из ссылки ему не вернуться, в глубоком раскаянии Несторий пи-

сал: «Мое горячее желание — да будет благословен Господь небесе и земли! А Несторий пусть останется анафемой. Господу угодно, чтобы люди примирились с Ним, проклиная меня. Я не отказался бы зачеркнуть то, что я говорил, если бы я был уверен, что это нужно и что люди через это обратятся к Богу».

Когда к нему неожиданно пришел указ императора св. Маркиана об освобождении из ссылки, Несторий заторопился домой, но по дороге упал с лошади (это на седьмом десятке лет!) и вскоре умер, приветствуя папу св. Льва Великого и св. Флавиана Константинопольского⁷¹².

Глава 4. «Разбойный собор» 449 г.

...Прошло почти семнадцать лет после Эфесского Собора; умерли Иоанн Антиохийский и св. Кирилл Александрийский, Несторий в ссылке искупал свою вину вместе с другом Иринеем, некоторое время бывшим епископом Тира. Но вдруг в 448 г. вновь возбудился пожар богословского спора о природе Богочеловека, на этот раз в одном из монастырей близ Константинополя, где среди трех сотен монахов жил уже немолодой архимандрит Евтихий. Когда император созвал Вселенский Собор, он, влекомый горячим желанием отстоять истину от происков несторианцев, отправился в Эфес и вместе с Евсевием Дорилейским, с которым подружился в ходе Собора, активно боролся против учения Нестория. На него обратил свое благосклонное внимание сам св. Кирилл и даже подарил ему список (копию) «12 анафематизмов». Все это вскружило голову Евтихию, посчитавшему себя великим богословом. Увы, самооценка оказалась явно завышенной: хотя он действительно хорошо знал Священное Писание, но весьма скептически относился к не менее важному источнику христианского вероучения — Преданию, в частности к творениям Святых Отцов Церкви.

Пребывая в своем уединении, вспоминая события Эфесского Собора, он постепенно пришел к мысли о том, что Собор не до конца выполнил свое высокое предназначение, отвергнув еретический образ мыслей Нестория. Евтихий уверовал, будто именно ему надлежит восполнить пробел, связанный с недооценкой Божественной природы во Христе. Здесь он впал в противоположную крайность. Несторий настаивал на истинно человеческом естестве Богочеловека и преувеличивал в своем понимании лица Богочеловека значение и силу Его человечества, представляя Его существующим в себе самом, *отдель-*

но от Божественного естества, в виде человеческой особи. Напротив, Евтихий, ревнуя о славе Божественного естества Иисуса Христа, преувеличил Его Божественность. Он представлял все существо Его наполненным одной Божественностью, а самое человеческое считая принадлежностью, свойством, *формой* Божественного естества Спасителя⁷¹³. Таким образом, по Евтихию, во Христе есть только одно истинное существо — Божественное.

Как ни спорны были мысли архимандрита, но они пользовались успехом в его монастыре и получили довольно широкое распространение в других обителях. О новаторе заговорили и в столице, тем более что, имея мечту сделаться Константинопольским архиепископом, Евтихий довольно щедро раздавал подарки, надеясь сместить с кафедры правящего архиерея «Нового Рима» св. *Флавиана* (446—449). Вскоре монастырь Евтихия сделался местом паломничества придворных особ, первым из которых был евнух Хрисафий. А затем слух о благочестии архимандрита достиг и императора св. Феодосия Младшего, сделавшегося его горячим поклонником.

Надо сказать, св. Флавиан отнюдь не был всеобщим любимцем в кругу столичной знати и среди клира: его примирительный образ мыслей не удовлетворял монахов, пылавших ненавистью к Несторию, а при дворе он приобрел противника в лице евнуха Хрисафия, желавшего поставить на эту кафедру своего друга Евтихия. Кроме того, в нарушение некой сомнительной, мягко говоря, традиции, св. Флавиан отказался после своей хиротонии отправить во дворец, придворным, *евлогии* — дар в виде денег, который обычно архиепископы столицы выкладывали чиновникам за свое назначение. Кроме того, патриарх ослушался императора, когда тот попросил рукоположить св. Пульхерию в диаконисы, и даже предупредил ее о такой инициативе. Конечно же, св. Феодосий под нашептывание Хрисафия пришел к мысли, будто патриарх употребил во зло его доверчивость, и охладел к нему⁷¹⁴.

В начале 448 г. в монастырь Евтихия заглянул Евсевий Дорилейский, и между старыми друзьями завязался непринужденный разговор о таинстве Боговоплощения. Евсевию не понадобилось много времени для того, чтобы убедиться в ущербности богословской позиции своего собеседника, и они расстались, крайне недовольные друг другом. Как можно понять из протоколов прошедшего вскоре Собора, уже *бывшие* друзья еще не раз общались между собой, пытаясь переубедить друг друга, но чем больше они дискутировали, тем холоднее становились их чувства, вскоре отношения превратились в откровенно враждебные.

Осенью этого же года Константинопольский патриарх св. Флавиан назначил Поместный Собор в столице, чтобы обсудить спор лидийских епископов, и по обыкновению пригласил на него епископов своего церковного округа, в том числе Евсевия Дорилейского⁷¹⁵. В понедельник, 8 ноября 448 г., собравшиеся епископы Константинопольского округа быстро разобрали спор между Флоренцием, митрополитом Сард Ликийских и подчиненными ему архипастырями Иоанном и Коссинием. Они уже потянулись к выходу, когда неожиданно встал Евсевий Дорилейский и потребовал выслушать его записку. К удивлению неподготовленных к данному событию епископов и самого св. Флавиана, это было обвинение Евтихия *в ереси*. Патриарх попытался в мягкой форме отклонить это требование и посоветовал Евсевию повторно побеседовать с архимандритом Евтихием, но тот ответил, что его беседы не дали никакого результата, поэтому Евтихия надлежит пригласить на соборный суд и заслушать. Делать нечего — Собор был обязан принять это новое дело к своему рассмотрению, и уже через четыре дня, 12 ноября, епископы вновь собрались на свои заседания, чтобы рассудить Евтихия⁷¹⁶.

Собравшись на заседание, епископы выслушали обвинения Евсевия и его исповедание веры, которое оказалось тождественным тому исповеданию, которое св. Флавиан произнес в этом же зале и которое одобрили все присутствовавшие здесь епископы. Направили посланников к Евтихию с вызовом на суд, которых заслушали на очередном заседании 15 ноября 448 г. Те поведали, что в ответ архимандрит категорично отказался явиться на Собор, поскольку якобы связан обетом никогда не покидать стены монастыря. Они также огласили его исповедание, переданное Собору: «Я исповедую, что родившийся от Девы Марии есть совершенный Бог и совершенный человек; но не признаю, чтобы тело Его было единосущным нашему».

Смущенные отцы еще дважды направляли к нему своих посланцев, коротая время за чтением Святых Отцов, когда, наконец, 16 ноября Евтихий заявил, что явится на суд, но не готов точно обозначить это время. Наивные архипастыри не догадывались, что открывшееся ему время передышки Евтихий использует для созыва всех своих союзников. Так что, когда 22 ноября Собор открылся вновь, вокруг здания волновались толпы народа, а от императора прибыл его представитель патриций Флоренций.

Несмотря на все старания присутствовавших епископов, св. Флавиана и патриция Флоренция, который весьма активно участвовал в богословском изучении предмета спора и показал глубокие познания,

Евтихий отказался признать то исповедание веры, которое было у всех на слуху. Последовали многочисленные увещания от присутствовавших лиц, в том числе со стороны Флоренция, явно стоявшего на стороне патриарха, но не желавшего осуждения архимандрита. Но они не привели ни к какому положительному результату, и тогда Собор лишил его священнического сана. В свою очередь Евтихий в этот же день направил кассацию императору и написал письмо папе Римскому, прося его поддержки⁷¹⁷.

Окаменевший в своем заблуждении Евтихий вернулся в стены монастыря и буквально поднял бунт против патриарха; в ответ св. Флавиан приказал прочитать приговор Собора и анафемы Евтихию, как еретику. Но и противоположная партия предприняла свои действия: архимандрит отписал жалобы Равеннскому епископу Хрисологу, в Александрию и многим другим архиереям, а Хрисафий настойчиво уговаривал императора св. Феодосия срочно созвать новый Вселенский Собор, против чего, однако, твердо возражал папа Римский св. Лев Великий. Верно оценив Евтихия как человека невежественного и упрямого, понтифик советовал императору и св. Флавиану действовать без шума, отеческими наставлениями и увещаниями, и был, конечно, прав⁷¹⁸.

К сожалению, уладить дело без созыва Собора оказалось вскоре невозможным, вследствие чрезвычайной агрессивности обеих сторон и тех мер, которые каждая из партий предпринимала для собственной победы. У Хрисафия были свои мотивы: он понимал, что *кулуарно* св. Флавиана не сместить с кафедры, поэтому для победы своего друга и низвержения врага он жаждал сакры императора о созыве Вселенского Собора. Ситуацию подогревал сам Евтихий, по-прежнему упорный в своем ложном исповедании Богочеловека и рассылавший письмо во все концы света, призывая клир поддержать его, как несправедливо обогнанного и анафематствованного; суда над собой он, конечно, не признавал. Более того, бывший архимандрит сам решил обвинить архиепископа в нарушении правил судопроизводства в отношении себя, заявив, будто протоколы Собора поддельны и содержат тезисы, которые он не произносил.

Надо сказать, что и св. Флавиан в некотором роде потерял контроль над собой — ему, первому архиепископу Востока, казалось невероятным, что его обвинял — и притом ложно — всего лишь архимандрит. Безусловно, *канонически* он был прав, отлучая Евтихия от церковного общения, но в данном случае это лишь подливало масло в огонь. Кроме того, св. Флавиан направил сирийцам письмо, в котором недвусмыс-

ленно намекал на то, что некоторые пассажи Евтихия тесно связаны с учением еретика Аполлинария. Конечно, «восточные» поддержали его и немедленно подписались под актами Константинопольского собора 448 г. Напротив, «крайние» александрийцы, обернувшие отдельные *неточные* выражения св. Кирилла, к тому же явно вырванные из контекста его посланий, в пользу Евтихия, выказывали ему свое сочувствие и обещали поддержку⁷¹⁹.

Святой Феодосий Младший, как уже указывалось, сам не питал нежности к патриарху, но первое время остерегался принять просимое решение, видимо, помня, чем обернулся для него Эфесский Собор. Император в очередной раз попытался примирить стороны, но из этого ничего не вышло. Рядом спорили св. Пульхерия и св. Евдокия, причем каждая симпатизировала противоположной стороне и довела над царем. Поскольку Антиохийская церковь реципировала акты Константинопольского собора, и Западная церковь находила исповедание св. Флавиана православным, а Евтихия — нет, выходило, что спор вышел за пределы одного церковного округа и требует *вселенского обсуждения*.

Вопрос был решен, и император св. Феодосий Младший указом от 30 марта 449 г. назначил Вселенский Собор на 1 августа того же года в Эфесе; председателем Собора особой грамотой царя был определен Александрийский патриарх Диоскор, племянник св. Кирилла Александрийского⁷²⁰. Без всякого сомнения, выбор города был подсказан Евтихием и Хрисафием, полагавшими, что здесь, на месте недавней победы александрийцев над Несторием, им также улыбнется удача. Что же касается Диоскора, то Хрисафию не составило большого труда провести перед императором аналогию между нынешним архиепископом Александрии и его великим дядей — если св. Кирилл боролся в Эфесе против одной ереси, то пусть племянник покончит с другой! Оставалось непонятным, пожалуй, только одно — что считать ересью.

Едва ли, однако, это было удачное решение царя, *нашептанное* ему Хрисафием. Дело заключалось в том, что новый архиепископ Египта отличался от св. Кирилла далеко не в лучшую сторону. Вопросы богословия имели для него второстепенное значение, а сам он, если чем и был озадачен, так это восстановлением первенства своей кафедры. Вообще, надо признать, это был политик и администратор, но только не архипастырь. Ввиду слабости государственной власти в Египте император наделил архиерея данного округа широкими публичными полномочиями, и Диоскор, не скрывая, полагал, что является полномочным правителем этих провинций. Когда однажды обиженные

граждане пообещали подать на него жалобу императору, он небрежно ответил: «Здесь нет другого императора, кроме меня»⁷²¹. Патриарх безжалостно грабил и свои епархии, всегда находя предлоги присвоить то, что ему нравится.

Современников коробили не только способы Диоскора по управлению епархиями, но и *личные качества* архиерея. Взойдя на кафедру после смерти дяди, Диоскор совершенно проигнорировал его завещание, попросту *огранив* родственников. Те направились в Константинополь за защитой, где их уже ждал подкупленный александрийцем все тот же Хрисафий, решивший вопрос в его пользу; в результате почти все обвинители погибли или спрятались, чтобы избежать верной казни. Личная жизнь Диоскора внушала не меньшее отвращение, чем публичная деятельность, — ходили упорные и небезосновательные слухи о систематическом посещении продажными женщинами его покоев⁷²².

Нет сомнений, что для Диоскора председательство на столь авторитетном церковном собрании было не только весьма лестным, но и давало хорошую возможность окончательно, как полагал Александрийский архиепископ, *закрепить главенство* своей церкви как минимум на Востоке; вообще-то в глубине души Диоскор мечтал о *вселенском* первенстве своей патриархии.

По согласованию с ним был подготовлен и регламент собрания, который позволял сформировать удобный для Александрийского патриарха кворум. Так, в частности, каждому патриарху разрешалось взять с собой на Собор не более десяти митрополитов своего округа, а им, соответственно, по одному епископу. Это было выгодное для Диоскора соотношение сил. Кроме того, епископам, участвовавшим в Константинопольском соборе 448 г., было *запрещено* подавать свои голоса и даже участвовать в прениях, включая самого Константинопольского архиепископа св. Флавиана и Евсевия Дорилейского. Императора убедили, будто только таким способом можно объективно рассмотреть дело, и он подписал следующее указание: «Судившие ранее богобоязнейшего архимандрита Евтихия пусть присутствуют и хранят молчание, не имея ранга судей, но, ожидая общего решения святейших отцов, так как ныне расследуется произведенный ими суд...»⁷²³

Это очень важный момент, существенно повлиявший на ход соборного суда и его решение. Безусловно, император искренне надеялся (и его убедили, что это единственно верный способ) посредством *проверки правильности судебных процедур* погасить основу церковного конфликта. Но, по существу, такое умаление прав многих архиереев могло иметь место при молчаливом и *осознанном* нарушении сподвиж-

никами Диоскора целого ряда ранее сформировавшихся в виде традиций правил ведения Вселенских собраний. Определение Константинопольского собора 448 г. о низложении Евтихия могло рассматриваться Вселенским Собором в качестве кассационной инстанции при условии того, что сами обвинители архимандрита были обвинены в ереси. Но в этом случае св. Флавиан должен был занять место не среди участников Собора, а в качестве *обвиняемого*, то есть посередине зала, чего на самом деле не было. Кроме того, в этом же неприглядном качестве должны были предстать перед Вселенской Церковью и остальные судьи Евтихия — очевидный абсурд, на который не решились отважиться даже Диоскор и Хрисафий. Как следствие *более трети* епископов изначально выводились из состава равноправных участников совещания. И, конечно, Диоскор решил использовать эти преференции своей партии для собственных целей.

Заместителями Диоскора на Соборе были назначены все его соратники и союзники, в число которых вошел и св. Ювеналий Иерусалимский, с чьей вариативной позицией нам еще придется столкнуться. В довершение всех бед, по инициативе императора на Собор был приглашен и включен в число его участников сирийский монах Варсума, настоящий *разбойник*, которого тем не менее Хрисафий умудрился позиционировать как великого подвижника и борца с несторианством на Востоке⁷²⁴.

Единственным, кто из клириков активно возражал против Собора, был папа св. Лев Великий. Но, став перед фактом его созыва, он подготовил соборное послание, в котором изложил свое исповедание, и направил четырех легатов (один из них, пресвитер Ренат, умер по дороге). Папа надеялся переломить почти очевидно неблагоприятный для него ход событий, но обстоятельства оказались сильнее.

В понедельник 8 августа 449 г. Собор начал свое заседание в той же церкви Св. Марии, где проходил и III Вселенский Собор. Полный чувства собственного достоинства, Диоскор воссел на «горнее место», второе определил для римского легата, третье — св. Ювеналию Иерусалимскому, четвертое — Антиохийскому патриарху *Домну* (443—450), а св. Флавиану предоставил лишь пятое место, таким способом четко и наглядно для всех показав иерархию церквей в своем понимании.

Сразу после открытия Собора и оглашения грамоты императора римские легаты попросили прочитать послание папы Римского, но Диоскор и его сподвижники путем словесных комбинаций уклонились от этого. В принципе в связи с полной неразберихой по поводу предмета соборного обсуждения, и отказ, и согласие на зачитание послания

папы Римского могли найти свое процессуальное обоснование. Если речь шла об изучении правомерности решений Константинопольского собора, то, очевидно, спора о вере вроде бы и не было. Но в данном случае оспариваемый судебный акт (низложение архимандрита) покоился на обвинении Евтихия в ереси, и, следовательно, нужно было определиться, *как* сами участники Собора формулируют для себя дискуссионный вопрос. Однако Диоскора, очевидно, волновали не эти рассуждения, он хотел наглядно продемонстрировать, что во всей Вселенской Церкви только одна Александрия может и должна давать единый вероисповедальный закон.

Как-то само собой получилось, что предметом обсуждения стало не определение о вере, с которым якобы все были согласны (не уточнив, *какое оно*, и не выяснив мнения Римского епископа), а рассмотрение жалобы Евтихия на решение Константинопольского собора.

Когда папские легаты попытались вновь вернуться к вопросу о вероучении, архимандрит внезапно заявил об их отводе по тому поводу, что они, дескать, часто бывали у Константинопольского патриарха в гостях и предрасположены к нему⁷²⁵. Он нисколько не сомневался, что его протест будет принят председателем собрания. Диоскор тут же дал команду зачитать акты Константинопольского собора, и когда дело дошло до исповедания Евсевия Дорилейского, записанного в них, в зале поднялся большой шум. Египетские епископы потребовали анафематствовать его якобы за разделение двух естеств Богочеловека — очевидное непонимание его позиции или нежелание понять. Заслушали и бывшего обвиняемого, ныне уже почти обвинителя, и тот повторил Никейскую формулу, признал Эфесский Собор, из хитрости и предосторожности даже не упомянув о собственной редакции исповедания.

Идущий во всем на поводу у Диоскора св. Ювеналий Иерусалимский заявил, что признает Евтихия православным, поскольку тот исповедует Никейский Символ и согласен с оросом Эфесского Собора 431 г., а потому ему надлежит вернуть сан и монастырь. К сожалению, и Антиохийский патриарх *Домн* (443—451) отозвал свою подпись под актами Константинопольского Собора, сказав, что заявления Евтихия убеждают его в православности архимандрита. Это мнение Сирийского архиерея полностью расстроило ряды «восточных», и они замешкались. Как результат, решение Константинопольского собора было отменено как неправомерное.

Не теряя ни минуты, Диоскор велел ввести в зал заседаний монахов из монастыря Евтихия, которых св. Флавиан своей властью патриарха отлучил от причастия Святых Даров за поддержку мятежного ар-

химандрита. Их прошение было написано в тонах, в высшей степени оскорбительных для Константинопольского архиепископа, содержало обвинения в многочисленных злоупотреблениях власти, клевете, преследовании истинных подвижников Православия и т.п. Конечно, обвинения были безосновательны, и в любой другой ситуации собрание епископов незамедлительно обуздало бы клеветников, имевших к тому же дерзость столь бесцеремонно обращаться к патриарху; но только не теперь. Диоскор не удосужился даже выяснить, имели ли данные факты место, он также не предоставил слово обвиняемому, сославшись на запрет императора говорить своему противнику без необходимости, посчитав, что ее в данном случае нет. Тонко чувствуя настроение председателя Собора, св. Ювеналий Иерусалимский в очередной раз взял инициативу в свои руки и предложил освободить монахов от запретов, наложенных на них Константинопольским патриархом⁷²⁶.

Одержав очередную победу над св. Флавианом, Диоскор предложил зачитать постановление о вере, изложенное Эфесским Собором, — обычно это являлось прелюдией перед принятием дисциплинарных взысканий. Епископы еще терялись в догадках о причинах этого, осторожно предполагая при обмене краткими репликами между собой и не смея в это верить, что речь пойдет о *низложении св. Флавиана*. Чтение началось, и, воспользовавшись актами шестого заседания Собора 431 г., где содержалось запрещение составлять или обнародовать символы, хоть в чем-то покушавшиеся на Никейский Символ, под угрозой отлучения от Церкви и низложения, Диоскор пригласил одного из нотариев, и тот прочитал приговор о низложении епископа Евсевия Дорилейского и св. Флавиана Константинопольского⁷²⁷. Как видно, сценарий заседания был спланирован заранее, и Диоскор Александрийский твердо вел Собор к намеченной цели.

Это было уже настоящее бесчинство. В нарушение процессуального законодательства, канонов и традиций Диоскор не дал слова обвиняемому, не удосужился установить, насколько его исповедание противоречит Кафолической вере, и каково мнение других архиереев по данному поводу. Столь грубый прием, между прочим, со всей ясностью свидетельствует о ложности возведенных на св. Флавиана обвинений в части превышения им своей власти. Ведь для его низложения вполне было достаточно подтверждения факта канонических преступлений против монахов из обители Евтихия. Но александриец побоялся основывать на этом судебное решение полностью находящегося в его воле Собора, поскольку имела опасность того, что император просто *не утвердит* такого приговора ввиду его явной сомнительно-

сти. С другой стороны, очевидно, Диоскору очень хотелось все-таки убедить всех в еретичестве патриарха Константинополя с тем, чтобы на его фоне выглядеть непогрешимым богословом.

Когда приговор был прочитан, Александрийский архиепископ с недвусмысленной угрозой предложил присутствовавшим епископам высказать свое мнение, заметив, что обо всем случившемся он немедленно донесет царю. Очевидно, что при том расположении, какое двор от имени императора высказывал Диоскору, любое противостояние с ним грозило неприятностями для ослушавшегося воли александрийца. Тем не менее некоторые епископы — Онисифор Иконийский, Мариниан Синадский и Нунехий Фригий Лаодикийский бросились в ноги Диоскору и умоляли его отменить свое решение.

Святитель Флавиан также поднялся со своего места, крикнул: «Протестую!» и передал римским легатам кратко набросанный им тут же перевод осуждения, переведенный с греческого языка на латынь — легаты не владели греческим языком и попросту не поняли, что произошло. Одни участники Собора шумели, другие, недоумевая о том, что случилось, и, желая поближе разглядеть сцену близ председательствующего, столпились близ него, римские легаты требовали слова, чтобы высказать свой протест происходящему, — шум стоял невероятный. Опасаясь, что ситуация выйдет из-под контроля, Александрийский патриарх велел стоящим у дверей храма солдатам вывести склонившихся у его ног просителей вон.

Солдаты бегали по церкви, епископы пытались спрятаться или вырваться наружу, монахи Варсумы и он сам бегали вокруг и грозились убить любого, кто противится Диоскору. Александриец приказал запереть двери, чтобы архиереи не разбежались, и епископ Стефан Эфесский запер их, спрятав ключи, в свою ризницу. Все же постепенно шум утих, и тогда Диоскор, уже совершенно никого не стесняясь, напрямую потребовал от присутствовавших подписать приговор, сказав, что любой несогласный будет иметь дело лично с ним. Евсевий Анкирский попытался робко воззвать к милости, но сам едва не был низложен по требованию египетских епископов. Тогда св. Ювеналий Иерусалимский первым высказался за осуждение св. Флавиана, потом свой голос подал Домн Антиохийский, поднялись и другие руки⁷²⁸.

Оставалось *подписать* акты Собора (помимо приговора), которые, вследствие шума и беспорядка не были еще составлены нотариями. И тогда один из членов этого позорного совещания предложил *подписать чистые листы* (!), сославшись на то, что в свободное время Диоскор и нотариусы заполняют их правильно. Это было уже совершен-

но неслыханно, но, видимо, епископам нужно было пережить и такое унижение, чтобы запомнить этот злосчастный день. Диоскор и св. Ювеналий пошли по рядам, собирая подписи, а отказывавшихся подписывать листы называли еретиками. Беспорядок был таков, что два епископа подписались *дважды*⁷²⁹.

Между тем настала ночь, и на фоне этого постыдного зрелища у выхода из храма кротко стоял св. Флавиан, ожидая, когда его выведут. Видимо, это окончательно взбесило Диоскора, и он, подбежав к архиепископу, кулаком ударил его в лицо. Подоспевшие дьяки александрийца повалили Константинопольского патриарха на пол; Диоскор продолжал топтать тело, а монахи Варсумы избивали несчастного осужденного палками под крики своего вождя: «Убей его!»⁷³⁰ В ужасе от этой сцены епископы бросились вон из храма, двери которого наконец-то были открыты, а солдаты вытащили тело св. Флавиана из церкви и бросили умирать на солому. На следующий день его отправили в ссылку, но по дороге святой мученик умер в местечке Инеп. Евсевию Дорилейскому повезло гораздо больше — он сумел сбежать из-под стражи и, переправившись через море, нашел убежище у папы св. Льва Великого⁷³¹.

Епископы надеялись уехать на следующий день, но участникам Собора, справедливо названного за происшедшие на нем события «*Разбойным*», не дали такой милости. Желая во всем закрепить свое главенство, 22 августа Диоскор созвал их вновь и потребовал осудить Феодорита Киррского — твердого противника «12 анафематизмам» св. Кирилла Александрийского. Жертвой его гнева стал и Антиохийский патриарх Домн, обвиненный в несторианстве (на самом деле он подал рапорт императору о случившемся, и Диоскор тут же расправился с ним), Ива Эдесский и еще три епископа. Наконец, увидев вокруг себя только соучастников и уголовников из числа монахов Варсумы, Диоскор решил закрыть Собор. Венцом победы стало поставление Диоскором нового Константинопольского патриарха после прибытия в восточную столицу Римского государства — выбор его пал на дьякона своей церкви *Анатolia* (449—458). По прибытии в Александрию Диоскор имел торжественный въезд, неся перед собой, как великий трофей, акты своего Собора о низложении двух патриархов. Теперь весь Восток был под его ногами, и он даже осмелился присвоить себе титул *вселенского патриарха*, который ему предложил один азиатский епископ.

Обманутый Хрисафием, не устававшим убеждать императора в его богословской прозорливости и мудрости, не зная подробностей

событий «Разбойного собора», св. Феодосий утвердил его акты законом⁷³². Первым доказательством того, что царь находился в полном неведении, служат его слова в ответном послании к Валентиниану III: «В присутствии досточтимейших епископов, с полной свободой и совершенною истиной, отлучены недостойные священства и восприняты те, которые признаны достойными. И мы знаем, что ими ничего не было сделано противного правилу веры и справедливости»⁷³³.

Но торжество и всевластие Диоскора оказались скоротечны. Вернувшиеся в Рим легаты передали св. Льву Великому подробности позорного собрания, а вскоре сюда же дошли апелляции Евсевия Дорилейского, св. Флавиана и Феодорита Киррского. Папа 14 октября 449 г. созвал Собор в Риме и отверг решения «Разбойного собора». Затем он адресовал письма императору, св. Пульхерии, духовенству и монашеству Константинополя, в которых, опираясь на доклад своих легатов, возлагал всю вину за случившееся на Диоскора. В ответ Диоскор, испытывая искреннее сожаление в том, что не удалось задержать легатов папы, созвал синод из окружавших его епископов, произнес анафему папе и отлучил его от Церкви.

Потерпев крушение на публичном поприще, папа св. Лев Великий решил использовать еще один шанс, даруемый ему судьбой. 22 февраля 450 г., в праздник кафедры святого апостола Петра, в Рим съехались во множестве итальянские епископы, а также император Валентиниан III, Галла Платидия и Евдоксия. Во время всенощного богослужения понтифик подошел к императору и заклинал его со слезами на глазах памятью апостола Петра написать св. Феодосию II Младшему и упросить его отменить акты «Разбойного собора»⁷³⁴.

Западные императоры обратились с письмами к св. Феодосию и св. Пульхерии в поддержку понтифика о срочном созыве нового Вселенского Собора в Италии. Безусловно, августа была согласна во всем со своими родственниками. Но *официальный* Константинополь ответил, что оснований для тревог нет — еретики повержены, а вера восстановлена⁷³⁵. Впрочем, по другим данным, св. Феодосий все же дознался перед самой смертью о том, что происходило в Эфесе, очень горевал о смерти св. Флавиана, сослал Хрисафия и готов был предпринять восстановительные меры⁷³⁶.

Переписка продолжалась вплоть до смерти императора св. Феодосия Младшего, после чего правда наконец восторжествовала. Впереди Диоскора ждал великий Халкидонский Собор и его знаменитые организаторы — императоры св. Маркиан и св. Пульхерия.

Приложение № 2: Административно-территориальное устройство Церкви и отношения между кафедрами в III—V вв.

Заканчивая тему церковных расколов, потрясших Римскую империю в начале и в середине V в., следует отметить, что догматические разногласия между кафедрами, ставшие предметом многочисленных соборных разбирательств, были обусловлены не только различными мнениями разных богословских школ по вопросам исповедания веры. Помимо догматики, существовала еще *борьба кафедр за главенство* в своем церковном округе и даже во всей Вселенской Церкви, которая сопровождала едва ли не любой церковный спор. Во всяком случае, богословское «разновидение», пусть даже незначительное, многократно усиливалось и даже выступало поводом обвинений той или иной Поместной Церкви и ее предстоятелей в ереси. А это едва ли не автоматически влекло изменение мест в церковно-административной иерархии.

Церковь рождалась в Римском государстве и невольно перенимала его административно-территориальную структуру, тем более что последняя основывалась на этнической почве — захваченные римлянами территории получали наименование провинций, где компактно проживала та или иная доминирующая народность. Естественно, что внутренняя структура церковных общин формировалась по этому трафарету. И главный город провинции в силу своего административного положения обыкновенно получал в церковной среде более высокий статус, чем остальные.

Безусловно, это был не единственный критерий, и Вселенская Церковь знает множество местечек и малых городов, прославленных подвигами своих предстоятелей, мучеников, исповедников и ревнителей веры. Уже издревле особо почитались церковные общины, основанные апостолами, поскольку именно из этих центров Православия христианство распространялось по всему миру, и именно там неопиты искали ответы по вопросам отправления богослужения и учения. Кроме того, по вполне объяснимым причинам наиболее крупные в культурном и политическом отношении мегаполисы Римской империи становились очагами духовной жизни, в которых формировались свои богословские школы и свои исповедники. Поэтому, естественно, крупные города, особенно те, которые были связаны с апостолами и одновре-

менно выделялись политически, стали значимыми просветительскими центрами христианства.

Прямая причинно-следственная связь — политическое значение города и полномочия его епископа — открыто закрепляется уже в 9-м каноне Антиохийского собора 341 г. «В каждой области епископам должно ведати епископа, в митрополии начальствующего, и имеющего попечение о всей области, так как в митрополию отовсюду стекаются все, имеющие дела. Посему рассуждено, чтобы он и честью преимуществовал, и чтобы прочие епископы ничего особенно важного не делали без него, по древле принятому от отец наших правилу, кроме того токмо, что относится до епархии, принадлежащая каждому из них, и до селений, состоящих в их пределах. Ибо каждый епископ имеет власть в епархии, и да управляет ею с приличествующей каждому осмотрительностью, и да имеет попечение о всей стране, состоящей в зависимости от его града, и да поставляет пресвитеров и диаконов, и да разбирает все дела с рассуждением. Далее же да не покушается что-либо творить без епископа митрополии, а также и сей без согласия прочих епископов». Характерно, что этот канон практически повторяет 34-е Апостольское правило, и позднее многократно реципировался Церковью во вселенских канонах.

В скором времени наиболее крупные центры Православия образовались в Риме, Александрии, Антиохии и Иерусалиме. Позднее к ним присоединится Константинополь. А их архипастыри приобретут почетное звание *патриархов*. Мощь патриархов была невероятно велика. Достаточно сказать, например, что власть Александрийского патриарха распространялась на 10 митрополий и более сотни епархий. Антиохийский патриарх подчинил себе 17 митрополий и 138 епископств. Иерусалимский патриарх — 4 митрополии и 51 епископа. А Константинопольский патриарх получил уже к концу IV в. нити управления над 30 митрополиями и 450 епископами⁷³⁷.

Как сообщают историки, наименование «патриарх» перешло в христианство из иудаизма и первоначально появилось в среде еретиков монтанистов, или фригов, у которых этим именем назывался старейший из духовных руководителей. В самой Кафолической Церкви термин «патриарх» получил распространение в конце IV в., в частности, на II Вселенском Соборе, где св. Григорий Богослов называл этим термином епископов, подвизавшихся в Православии при императоре Констанции. Затем это слово вошло в употребление применительно к папе Римскому (при св. Феодосии Младшем) и окончательно закрепилось в языке после Халкидонского Собора. Но вместо выражения по-

чтения, для которого и употреблялся данный термин, он уже подразумевал *старшего архиерея*, сосредоточившего в своих руках высшую церковную власть в нескольких митрополиях⁷³⁸.

Римская Церковь. Особенно ярко смешение указанных выше признаков проявилось, конечно, в Риме. В то время это был крупнейший и наиболее развитый в культурном отношении город Римской империи, и потому уже в силу латинского менталитета его епископ не мог не выделяться на фоне иных архиереев. Кроме того, для христиан столица государства была дорогá памятью первоверховных апостолов Петра и Павла, закончивших здесь свою земную жизнь, приняв мученическую смерть за Христа. В Риме жили их ученики — верные хранители христианского Вероучения и Предания, многие из которых также снискали мученический венец. В дальнейшем, когда языческие императоры решили покончить с христианством, наиболее жестокие и кровавые гонения пришлось, опять же, на Рим и западные церковные общины, и этот город издавна был богат мучениками, память о которых хранила вся Кафолическая Церковь.

Практически на Западе это была *единственная* мощная, многочисленная и авторитетная церковная община, куда, между прочим, входили многие аристократы, придворные, полководцы и офицеры. В буквальном смысле слова это была «столичная» церковная община, со всеми вытекающими отсюда привилегиями и обязанностями. И как первая (по крайней мере на Западе) кафедра, Рим ревностно следил за чистотой Вероучения и богослужения, неизменно выступая судьей исповедания и хранителем веры. Одно неизбежно влекло другое. В первые века христианства Церковь еще не существовала в качестве централизованной земной организации, а лишь представляла совокупность множества различных общин, и потому вопрос о главенстве кафедр и главе Кафолической Церкви не стоял. Но тем не менее Римская кафедра и ее архипастырь издавна имели высокий авторитет, а его мнение по вопросам веры признавалось повсеместно безупречным и едва ли не окончательным.

Хотя примат (превосходство) Римской церкви и не был сформулирован канонически, но уже в конце II в. высшие церковные полномочия становятся *личным правом* Римского епископа; образуется мнение, что его власть выше и более содержательна, чем власть любого другого епископа. Когда возникло монтанистское движение, малоазиатские монтанисты отправились в Рим, чтобы папа принял их в общение; с аналогичной просьбой признать их православными прибыли в Рим

галльские христиане. Очевидно, они ждали от Рима решающего слова, способного растворить любые сомнения в других церковных общинах. А в споре о Святой Пасхе папа Римский *Виктор I* (189—199) требовал, чтобы уважение было продемонстрировано не только Римской кафедре, но и *лично ему*, как предстоятелю этой кафедры. Он обратился с посланиями к епископам почти всех общин, и получилось, что вроде бы они являются ответственными *перед понтификом* за состояние дел в своих общинах⁷³⁹.

Без сомнения, апостольское происхождение столичной кафедры играло свою роль, и не случайно *св. Ириней Лионский* (около 130—202) по этой причине выражает свое величайшее уважение Римской церкви. «Я приведу предание, которое имеет от апостолов величайшая, древнейшая и всем известная Церковь, основанная и устроенная в Риме двумя славнейшими апостолами — Петром и Павлом, и возведенную людям веру, которая через преемства епископов дошла до нас... Ибо, по необходимости, с этой Церковью, по ее преимущественной важности, согласуется всякая Церковь, то есть повсюду верующие, так как в ней апостольское предание всегда сохранялось верующими повсюду»⁷⁴⁰. Правда, св. Ириней дальше добавляет: «Также и Ефесская церковь, основанная Павлом и имевшая среди себя Иоанна до самых времен Траяна, есть истинная свидетельница апостольского предания»⁷⁴¹, и этот момент очень важен, как мы увидим позднее.

Поскольку же в латинском мире только один престол имел апостольское происхождение — Римский, то вскоре древняя столица Империи получила известность на Западе в качестве *Апостольского престола* (*sedes apostolic*). На Востоке, где многие кафедры (Иерусалим, Антиохия, Эфес и др.) могли претендовать на титул «апостольская», этому факту не придавалось такого значения⁷⁴².

Зачастую при рассмотрении богословских споров решение в пользу Римской кафедры принималось вследствие *политических* расчетов и соображений. Например, для разрешения спора и исполнения решения, вынесенного Антиохийским Собором против еретика Павла Самосатского, православные епископы обратились к помощи Римского императора *Аврелиана* (270—275), который и удовлетворил их требования⁷⁴³. Император размышлял предельно просто: Римская кафедра является столичной, поэтому в силу традиционного централизма ее епископ является главенствующим, а его мнение должно превалировать над всеми остальными.

Позднее, сойдясь в решительной схватке с Константинополем, папы «забудут» о политических основаниях своего возвышения (для

Запада это станет просто неактуальным вследствие захвата его варварами) и будут основывать свои претензии исключительно на апостольском происхождении престола, присоединив к древним традициям известные слова Христа к апостолу Петру: «Ты еси Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Матф. 16, 19). Но ранее Римские епископы не забывали напоминать о себе, как *столичных епископах*, если необходимо было доказать свое первенство. Так действовал папа Юлий, направивший в ходе тринитарных споров своих послов на Восток с приглашением прибыть к нему на Собор. Но «восточные» епископы, собравшиеся в 339 г. в Антиохии, дали ответ, в котором уже в ироничной форме говорили о величии Римской кафедры. Антиохийцы замечали, что судят о величии епископа не по статусу города, а по *святости исповедников*⁷⁴⁴.

Весьма показателен и другой пример. С середины IV в. Рим имел тесные и дружественные отношения с Александрией, всячески подчеркивая статус ее епископа и способствуя тому, чтобы он занял аналогичное папе положение на Востоке. Но, в отличие от Рима, Антиохии и Иерусалима, Александрия не имела апостольского происхождения, так как ее престол был основан не апостолом, а *учеником апостола* Петра евангелистом Марком. И, однако, это не мешало Риму превозносить александрийца на фоне епископов Антиохии и Иерусалима.

Правда, в других ситуациях аргументация понтификов менялась. Антиохийская церковь, архиепископ которой Александр направил письмо тому же папе, получила интересный ответ. В нем, правда, признавались ее преимущества. Но, как заметил папа дальше, им она обязана не богатством города, а тем, что была «первым седалищем первого апостола». Впрочем, и в этом отношении она уступает Риму, поскольку в Антиохии апостол был мимолетно, а в Риме жил долго и в нем скончался⁷⁴⁵.

Но вернемся к Риму. Уже в I в. папа *св. Климент* (88–97), ученик св. апостола Петра, в своем послании к Коринфской церкви решительным тоном требовал повиновения Риму как высшему арбитру в разбираемом споре: «Если кто-нибудь из вас не будет повиноваться тому, что Иисус сказал через Нас, пусть знает, что он совершает большой грех и подвергает себя страшной гибели»⁷⁴⁶.

Во II в. апостолик не считает возможным, чтобы в какой-либо другой Поместной Церкви существовала практика, отличная от практики Римской церкви. В III в. папа допускает уже *властное вмешательство* в дела других церквей. В IV в. «попечение обо всех церквях» становится обычным термином на официальном языке Римской Церкви, и

в связи с этим появляется требование о признании за папой высшей судебной власти во Вселенской Церкви⁷⁴⁷.

На Римском Соборе 340 г., защитившем св. Афанасия Великого от нападок и обвинений евсевиян, папа *Юлий I* (337—352) публично заявил о *вероучительном первенстве* Римских первосвященников. «Всех этих соблазнительных явлений и не было бы вовсе, — заявил он, — если бы вы держались *старого обычая* (выделено мной. — *А. В.*) — сначала обращаться к нам, а затем уж и делать постановления»⁷⁴⁸. На самом деле Рим далеко не всегда подытоживал споры, но для папы Юлия это являлось досадным недоразумением, отсутствием цивилизации у ди-карей и результатом безосновательных амбиций других (главным образом «восточных») епископов. Казалось, чего проще — обратиться за ответом в Рим, и спор разрешится. Вместо этого понтификов обязыва-ют совещаться с ними, выслушивать мнения, спорить и т.п.

Апостолик был искренне убежден в том, что Римская кафедра не знает греха и вполне способна и даже *обязана* быть учителем и хранителем веры. Претензии Римского понтифика на вероучительное главенство в Церкви нельзя воспринимать односторонне, как изначально негативное явление. Это для сегодняшнего сознания власть означает в первую очередь *право распоряжения*. А в те времена, когда ревность по вере снедала сердца, когда ради чистоты учения люди шли на смерть и были готовы претерпевать любые мучения, право учить остальных и оберегать веру являлось *обязанностью*, неисполнение которой неизбежно ассоциировалось с предательством Христа, что остро и непосредственно ощущалось сознанием первых христианских епископов.

Конечно, это идеальный сегмент в том перечне мотивов, которыми руководствовались епископы Римской Церкви и остальных крупнейших церковных округов. Нередко довели и субъективные мотивы — неизбежные следствия греховной природы человека. Но, как представляется, в течение многих веков именно эта идеальная составляющая лежала в основе действий понтификов и других епископов в ходе борьбы за обеспечение своего главенства в Церкви. Такие одиозные фигуры, как патриархи Феофил и Диоскор, конечно, были чрезвычайно редки, а их мышление нехарактерно для остального епископата.

Как образец во всем, Римский понтифик невольно задал тон всем остальным Поместным Церквям — едва ли не каждый епископ хотел сделаться церковным главой Востока (Запад уже имел своего главу) и использовал для этого тот путь, какой указал ему папа, облекшийся абсолютным авторитетом и приобретший всемирно-историческое значение. Устройство римской общины и положение ее епископа, став-

шего *епископом над епископами*, сделалось образцом для подражания. Каждая крупная община желала доказать свою непорочность в вере и в соблюдении данного Святыми Отцами Предания. А это было возможным только в том случае, когда ее исповедание признавалось остальными христианскими общинами истинным, *кафолическим*.

Власть, которую в самом начале III в. осуществлял в Италии Римский епископ, была решительнейшим побуждением к возвышению в других частях Империи отдельных епископов и их общин над другими. Сильное положение Александрийского архипастыря с церковно-правительственной точки зрения обосновывалось и утверждалось тем, что такую же точно власть имеет и папа Римский. Власть понтифика была законным основанием для власти остальных митрополитов⁷⁴⁹. И это нашло свое отражение в каноническом праве Кафолической Церкви. «Да хранятся древние обычаи, принятые в Египте, в Ливии и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми сими. Ибо и о Римском епископе есть такой обычай. Подобно тому и в Антиохии, и в иных областях да сохраняются преимущества Церквей (митрополий)», — гласит 6-й канон Никейского Собора 325 г.

Уже в начале IV в. Римский епископ был *единственным* митрополитом Италии, его власть и епархия были огромны. Затем в его власти окажутся три митрополита — Равеннский, Миланский и Аквилейский, но постепенно число таких митрополитов растет. Во второй половине IV в. папа Римский из «епископа епископов» превращается в *митрополита митрополитов*, или, иначе, *патриарха* всей Италии и через это — главой всей Западной Церкви. Но аналогичные претензии звучали и на Востоке, где образовались свои церковные диоцезы и патриархи — Антиохийский, Александрийский, Иерусалимский и Константинопольский⁷⁵⁰. Руководствуясь 4-м канонем Никейского Собора, папа *Бонифаций I* (418—422) провел твердую линию, чтобы во главе одной провинции стоял один митрополит, вследствие чего число митрополитов резко возрастает. Это только усилило авторитет понтифика, который становится главой множества митрополитов, *патриархом, папой, апостоликом, понтификом*.

Дальнейшему укреплению статуса Римской Церкви очень способствовали арианские споры, так как только она одна из всех крупных церковных общин твердо держалась Никейского исповедания и защищала св. Афанасия Великого. Деятельность эта не осталась незамеченной, и торжеством пап явился знаменитый указ св. Феодосия Великого, которым он велел *всему миру* принять ту веру, которой придерживается Римский епископ, хотя императором был упомянут еще

и Александрийский епископ — «человек апостольской святости». И в следующем году Вселенский Собор в Константинополе подтвердил, что Римский епископ имеет *первенство чести* перед всеми другими архипастырями.

К этому времени стало обычной практикой обращение периферийных епископов к папам с просьбой сообщить им древнее учение Святых Отцов или разрешить какой-то сложный вопрос. Такая поучительная переписка получает широкое распространение, и уже папа *Дамас I* (366—384) замечал, что решения Римского понтифика, в которых он выступает как *глава своей Церкви*, должны быть известны каждому епископу, как каноны Соборов⁷⁵¹.

Высшая учительская власть апостоликов, какой ее представляли себе папы, неизбежно должна была породить претензии в области церковного законодательства (в части издания вселенских канонов общего свойства) и церковного суда (установление норм по каждому конкретному прецеденту). Немного забегаая вперед, скажем, что к середине V в. эта цель на Западе оказалась достигнутой — закон императора Валентиниана III от 445 г. утвердил за Римским епископом не только высшую судебную власть, но и полную правительственную власть над всеми западными церквями. После захвата Африки вандалами эта Поместная Церковь — некогда отстаивавшая свою автокефалию от Рима — резко утратила влияние и также безоговорочно признала власть папы св. Льва Великого⁷⁵².

В связи с ослаблением императорской власти в Западной империи роль папы многократно возрастает. Ему теперь принадлежит не только церковная рецепция, но и *правительственные полномочия* светского чиновника. Любой заинтересованный клирик спасался бегством и искал помощи в Риме, поскольку папа традиционно в Италии, а потом и за ее пределами неизменно демонстрировал свою власть и право отменять судебные решения соборов иных Поместных Церквей. У самих пап даже не возникало сомнений в том, что они являются высшей судебной инстанцией в части догматических и канонических споров. Правда, в отношении восточных епархий его власть значила мало — там авторитет и власть императора оставались по-прежнему на высоте, по крайней мере большей, чем на Западе⁷⁵³.

Пожалуй, первые наиболее яркие каноны, касающиеся папских прерогатив, дал Сардикский Собор 343 г., о котором писалось ранее. А в 380 г. в Риме состоялся Собор италийских епископов, на котором попытались окончательно искоренить недостатки, образовавшиеся в ходе борьбы между папой Дамасом и антипапой *Урсином* (366—367).

Из петиции Собора к императору Грациану видно, что еще в 375 г. император Запада своим декретом наложил наказания на сторонников Урсины и, желая церковного мира, постановил, чтобы впредь «Римский епископ имел исследование о всех епископах Церквей, так, чтобы о делах религии судил вместе с сослужителями первосвященник религии, дабы не произошло какой-либо обиды священству...». Римский собор, о котором идет речь, просит императора не о расширении этих полномочий, а только о том, чтобы в провинциях неукоснительно выполняли ранее изданное царем положение. В частности, они просят, чтобы в случае, когда папа низложит кого-то из епископов, или это сделает Римский Собор, а также в случаях, когда эти лица вызовут епископа к себе на суд, гражданские власти принуждали бы его к этому.

В декрете 375 г. Грациан определял, что каждого епископа, осужденного судом папы Дамаса в соприсутствии пяти или семи епископов и не желающего подчиняться ему, или который, будучи призван к епископскому суду, по упорству не явится на него, местные гражданские власти должны *принудительно* приводить к епископскому суду. Или в крайнем случае под стражей отправлять в Рим. «Если же, — говорится буквально в декрете, — такая дерзость откроется в отдаленнейших частях, то все производство по этому делу направляется к митрополиту той области; если же виновным будет сам митрополит, да неукоснительно спешит в Рим или к тем, кого Римский епископ даст в судьи». «Если же возникнут сомнения в беспристрастности на суде митрополита или какого-либо другого епископа, то должно апеллировать к Римскому епископу или к собору 15 ближайших епископов, однако так, чтобы после произведенного ими исследования то, что будет определено, не возобновляется»⁷⁵⁴.

В послании Децентию, епископу Евгубиума, папа Римский *Иннокентий I* (401—417) требует точного соблюдения всех римских порядков: «Кто же не знает или не внимает тому, что то, что изначально передано апостолом Петром Римской Церкви и доныне в ней охраняется, должно быть соблюдаемо всеми, и что не следует ни прибавлять, ни вводить ничего, не имеющего такого авторитета — особенно, когда известно, что во всей Италии, Галлии, Испании, Африке и Сицилии и ниже лежащих островах нет ни одной Церкви, которую бы не устроил или апостол Петр, или его преемники? Иначе пусть скажут, был ли в этих провинциях кто другой из апостолов или говорится где, что он здесь жил?»

Формирование учения о папе как главе Церкви, имеющего особые, высшие полномочия, произошло далеко не сразу. Оно имело целый

ряд вариаций, далеко не всегда сходных друг с другом, или хотя бы лежащих в плоскости одной центральной идеи. Самые великие папы древности, такие как Юлий, Иннокентий, св. Лев Великий, предельно четко и последовательно излагавшие учение о первенстве Римского престола в Кафолической Церкви, даже не помышляли о том, что власть папы должна возвышаться *над* императорами. Понтифики являлись врожденными носителями имперской идеи и не могли себе представить различия интересов государства и Церкви. В тех случаях, когда на царском престоле оказывался святой и благочестивый царь, «симфония» казалась наиболее яркой и очевидной. Потому-то, как мы увидим в последующем изложении, наибольшие славословия в адрес императора впервые зазвучат в посланиях св. Льва Великого императору св. Феодосию Младшему. В них понтифик признает высшие права царя по управлению Кафолической Церковью, а его сан близким к священническому.

Очень интересен в этом отношении вопрос *подсудности* самого понтифика, в свое время поднятый папой Дамасом. Он просит императора, чтобы его, равного по должности другим епископам, но превосходящего их преимуществом Апостольской кафедры, не лишали привилегии быть изъятым от обычного светского суда, но позволили представлять исключительно перед судом самого императора⁷⁵⁵.

Наибольших успехов в части признания своего главенства во Вселенской Церкви папы достигли и, безусловно, *заслужили* в период III Вселенского Собора и «Разбойного собора». Сразу по прибытии на Эфесский Собор римских легатов, Отцы слышали новые для себя формулы, прозвучавшие из их уст. Проект, епископ и легат Римской церкви, сказал: «Да повелит ваше блаженство прочесть присланное вам послание святого и со всяким почтением именуемого папы *Келестина* (Целестина, 422—432 гг. — А. В.), епископа Апостольского престола, из которого (послания) ваше блаженство может узнать, *какое имеет он попечение о всех церквях* (выделено мной. — А. В.)»⁷⁵⁶.

А на следующем заседании Собора другой римский легат, пресвитер Филипп, заявил еще более категорично: «Никто не сомневается и во все времена известно было, что святой и блаженнейший Петр, предстоятель апостолов, столп веры, основание Кафолической Церкви, принял от Господа нашего Иисуса Христа, Спасителя и Искупителя рода человеческого, ключи Царствия, и ему дана власть вязать и решить грехи: он и до сего времени и всегда живет и судит в своих преемниках. Итак, по его внушению, преемник и наместник его, святейший папа наш епископ Келестин послал нас на сей святой Собор»⁷⁵⁷.

Царственные особы Запада солидаризируются с позицией св. Льва Великого и просят императора св. Феодосия II Младшего пересмотреть дело с обязательным участием в качестве арбитра папы Римского. «Эту веру, преданную нам от предков, — пишут они, — должны мы защищать со всем подобающим благочестием и сохранять в наши времена достоинство собственного нашего благоговения к блаженнейшему апостолу Петру; ибо, государь священнейший отец и достопочтимый император, блаженнейший епископ города Рима, за которым древность преимущественно пред всеми признала первенство священства, должен иметь место и возможность судить о вере и священниках»⁷⁵⁸.

В письме к царице св. Пульхерии с аналогичной просьбой обращается Галла Плация: «Поэтому твоя благосклонность, которая всегда действовала с нами заодно, пусть и теперь благоволит одинаково с нами мыслить относительно веры кафолической, так, чтобы все, поставленное на оном возмутительном и жалком соборе, было отменено со всей силой, дабы, при невредимом пребывании всех, дело о епископстве отправлено было на суд Апостольской кафедры, на которой держит начальство над священством первый из апостолов — блаженный Петр, получивший даже и ключи небесного царства»⁷⁵⁹.

Далее она пишет: «Достопочтимый епископ Лев, окруженный множеством епископов, которых он, по причине первенства или достоинства своего места, собрал из бесчисленных городов Италии... Чтобы по правилу и определению апостольского престола, который и мы признаем старейшим, который удостоился получить небесные ключи и украсил собой первенство епископства. Почему и нам должно во всем сохранять уважение к этому величайшему городу, который признается владыкой всех городов»⁷⁶⁰.

Нестроения III Вселенского Собора 431 г. святой папа Лев Великий понял так, что если бы учение о главенстве понтифика получило бы уже всеобщее признание, никакой ереси не было бы. И уже вскоре, около 440 г., он *системно* изложил доктрину о главенстве Римских епископов в Церкви⁷⁶¹. Из своего учения, которое он излагал, главным образом, в церковных проповедях, св. Лев делал следующие практические выводы. Во-первых, кто посягает на авторитет Римского епископа и отказывается в повиновении Апостольскому престолу, тот не хочет подчиняться блаженному апостолу Петру. Во-вторых, кто отвергает власть и первенство (*principatum*) апостола Петра, тот ничуть не уменьшает его достоинства, но, надменный духом гордыни, низвергает сам себя в преисподнюю.

И уже в своем письме св. Флавиану Константинопольскому, папа св. Лев Великий высказывал тому упрек в том, что не был своевременно извещен о церковных нестроениях, вызванных учением ересиарха Евтихия. А затем отметил, как само собой разумеющееся: «И церковное правило, и благоговейная вера благочестивейшего императора обязывают нас к великому попечению о мире христианском, дабы, пресекши разномыслия, ненарушимою сохранить кафолическую веру, и возвратив от заблуждения тех, которые защищают неправильное, оградить нашим авторитетом тех, вера которых была правая»⁷⁶².

Аналогичное по своему идейному содержанию письмо уходит и участникам «Разбойного собора» 449 г. под главенством Александрийского архиерея Диоскора: «Благочестивейшая вера благосклоннейшего императора, зная, что к его славе по преимуществу относится то, если внутри Церкви кафолической не будет произрастать никакое зерно заблуждения, оказала такое уважение к Божественным догматам, что для исполнения святого своего намерения призвала авторитет апостольской кафедры, как бы желая от самого блаженнейшего Петра получить разъяснение того, что было похвалено в его исповедании»⁷⁶³.

Последовательно отстаивая «римскую идею», но ничуть не умаляя императорское достоинство, папа св. Лев Великий без тени смущения пишет царю: «Давно — изначала на бывших Соборах мы получили такое полномочие от Блаженнейшего Петра, первого из апостолов, что имеем авторитет столько защищать истину ради вашего мира, чтобы при ее ограждении никому не было дозволено возмущать ее в ком-либо, пока, наконец, совсем не будет удален вред»⁷⁶⁴.

В переписке царственных особ после «Разбойного собора» нередко можно обнаружить те же мотивы: «Блаженнейший епископ города Рима, за которым древность преимущественно перед всеми признала первенство священства, должен иметь место и возможность судить о вере и священниках»⁷⁶⁵.

Но, пожалуй, наиболее хрестоматийные слова о первенстве апостолика прозвучали даже не со стороны одного из пап, а из уст императора Западной части Римской империи Валентиниана III. 8 июля 445 г. в указе о посвящении в духовный сан некоего Илария Арлеанского он пишет: «Итак, поскольку первенство Апостольского престола подтверждено добродетелью св. Петра, который является наследником епископской короны, честью города римлян, а также властью Собора, не допустим же, чтобы кто-либо осмелился совершить что-нибудь противозаконное, умаляющее власть этого престола. *Мир среди церк-*

вей наступит только тогда, когда мир признает своего властителя (выделено мной. — А. В.)»⁷⁶⁶.

С течением времени объективные обстоятельства последовательно укрепляли те идеи, которые развились во времена древней Церкви. С точки зрения культуры Восток всегда был более развит, чем Запад, а вследствие потрясений V—VI вв. культурный слой в Риме сузился до нельзя. И богословие все более и более замыкается в небольшом культурном слое клириков, классический язык которых казался остальной массе латинян *иностранным наречием*. Миряне последовательно отодвигались от участия в церковной жизни, напротив, клирики все более втягивались в политическую жизнь Рима. Вообще, как следствие римского ума представление об истинной вере было на Западе проще, строже и принимало правовую, логическую форму.

Наоборот, на Востоке считалось само собой разумеющимся, что обсуждение богословских вопросов доступно для образованным мирянам, и поэтому представлялось, что только *вся* Церковь в целом может хранить истину. Поэтому здесь всегда большое значение имело общественное мнение, не останавливающееся перед критикой отдельных патриархов, императоров и клириков. Отсюда и происходит многовековое различие в понимании существа церковной власти. На Востоке царь откровенно и всесторонне вмешивался в дела Церкви, на Западе все более укрепляется идея об абсолютном верховенстве Римской кафедры⁷⁶⁷.

Нелепо утверждение, будто *все* папы Римские традиционно стремились обосновать свою богословскую непогрешимость — это были слишком тонкие в большинстве своем и умные фигуры, чтобы решиться на такой поступок. Но вообще сама идея о непогрешимости или меньшей предрасположенности к греху — признания которой за собой так чаяли остальные митрополиты и патриархи, явилось естественным следствием того древнего обычая, когда церковные общины имели обыкновение сообщать друг другу о соседних кафедрах и характере исповедания ее епископа.

Потом такая практика вошла в каноны, где под видом указания места иерархов Поместных Церквей среди остальных уважаемых кафедр фактически была закреплена та не провозглашаемый еще вслух тезис, будто именно эти Церкви и соответственно их предстоятели *наименее* подвержены греху, чем кто-либо остальной. Это не было сделано специально, но сам обычай справляться у этих патриархов о вопросах веры должен был предполагать презумпцию истинного ответа, каков бы ни был вопрос. От этого же умозаключения до прямого признания

непогрешимости того или иного епископа остается сделать только шаг; удивительно и чудесно, что он делался очень долго, вплоть до I Ватиканского собора (1869—1870).

Александрийская Церковь. Как гласит Предание, Александрийская церковь была основана апостолом и евангелистом Марком, и здесь еще долгое время служили Литургию, составленную лично им. Благодаря господствующим здесь научным интересам, в Александрии рано появились богословские школы. Местное население — *копты* — отличалось особым аскетизмом и готово было претерпеть любые пытки за Христа. Кроме того, эти области Египта были чрезвычайно плотно заселены (для своего времени, разумеется), так что население насчитывало более 1 млн человек, а количество епархий, подчинявшихся Александрийскому епископу, — более 100.

Помимо коптов, в Египте проживало множество греков, хотя они и уступали по численности коренным жителям. Обычно копты и греки не стремились изучить язык соседа и постоянно находились в оппозиции друг к другу. Среди иных восточных церквей Александрия издавна выделялась своим положением, так как ее епископ не был подчинен экзарху Востока, а Египет, как имперская провинция, не входил административно в Восточный диоцез. Как следствие власть Александрийского архиерея была гораздо шире, чем у его восточных собратьев, а поскольку в Египте вообще не существовало митрополий и митрополитов, он *единолично* ставил всех епископов и соответственно снимал их судом своей кафедры⁷⁶⁸.

Как указывалось выше, вторая половина IV в. была временем ожесточенной борьбы за церковную власть. Не только представители главнейших церковных кафедр, но и отдельные митрополиты прилагали титанические усилия занять положение, подобное тому, какое имел в Западной церкви папа Римский. Наибольших успехов добилась к этому времени Александрийская церковь, епископ которой Петр, играя на имени св. Афанасия Великого, стоял во главе всей Восточной церкви. Его власть дошла до Константинополя, где он поставил епископом Максима Киника. Даже в Палестине, находившейся в окормлении Иерусалимского епископа, Александрийский архиерей действовал, как у себя дома.

Действуя главным образом административными методами или как минимум широко употребляя их, Александрийские папы сохранили единство своей власти, фактически перенеся на нее *правила наследования* трона у монархов — принцип, который к тому времени не закре-

пился нигде, кроме Египта. Практически это была семейная теократическая монархия, где единство рода, настрой мысли и принадлежность к одной партии его представителей обеспечивали стабильность их власти в качестве архиереев.

Наличие у Александрийского епископа высших церковных полномочий среди церковных округов Египта закрепил 6-й канон Никейского Собора 325 г. Как отмечают, само это правило — беспрецедентное установление *особой юрисдикции* для Александрии. Рим и Антиохия упоминаются лишь для сравнения⁷⁶⁹. Дальнейшему авторитету этой кафедры много способствовали великие подвижники Православия, среди которых выделялся св. Афанасий Великий, заслуги которого открыли Александрию светлым ореолом.

Ввиду необходимости бороться с арианством, епископ главного города Египта ввел институт строгого контроля и надзора, так что система митрополий была развита в этом патриархате весьма слабо, и все епископы подчинялись Александрийскому папе, как иереи своему благочинному. Очевидно, Александрийские патриархи не были склонны видеть в своих епископах-митрополитах таких же митрополитов, какие существовали в других Поместных Церквях.

Характерный пример демонстрируют акты Эфесского Собора 431 г. Подписи египетских митрополитов стоят среди подписей рядовых епископов, причем подписываются они беспорядочно, без соблюдения церковного деления, как бы епископы одной провинции⁷⁷⁰. Иными словами, митрополиты церковного округа Египет являлись для патриарха всего лишь доверенными лицами, которым патриарх поручал те или иные дела и без которого они были не вправе что-либо делать⁷⁷¹.

Авторитет и сила власти Александрийского патриарха того времени замечательно характеризуются следующим примером. Когда на IV Вселенском Соборе (Халкидон, 451 г.) Отцы предложили египетским епископам анафематствовать ересиарха Евтихия, те ответили категоричным отказом. Причина последнего заключалась исключительно в том, что в отсутствие Александрийского патриарха (а Диоскор уже был осужден Собором) египетские епископы не считали для себя возможным высказывать какое-либо мнение по вопросам веры. «Просим сей святейший и великий Собор, пожалейте нас и подождите нашего архиепископа, чтобы, по древнему обычаю, мы последовали его мнению», — со слезами просили египетские епископы. В конце концов изумленный Собор пошел им навстречу⁷⁷².

В конце IV — первой половине V в. идея о главенстве Александрийского архиепископа если не во Вселенской Церкви, то, уж во всяком

случае в восточной ее части, получила сильных исполнителей: Феофила и Диоскора и в какой-то степени св. Кирилла. Их образ действий тем более был решителен и нередко бесцеремонен, что незадолго перед этим Александрия получила тяжелейший удар — первое свидетельство ее *уходящего* влияния. II Вселенский Собор 381 г. своим 4-м каноном признал ничтожным поставление Константинопольским епископом Максима Киника, доверенного лица Александрийского архиепископа Петра, мечтавшего поставить на Константинопольскую кафедру «своего» человека и тем самым полностью контролировать ее. Однако под давлением императора св. Феодосия I Старшего Собор постановил, что «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что град оный есть новый Рим». И Александрийский епископ *Тимофей* (380—384), брат и преемник Петра, вынужденный подписать соборные решения, *документально* уступил право первенства на Востоке, ранее почти безраздельно принадлежавшее ему⁷⁷³.

Более того, 2-й канон II Вселенского Собора 381 г. вполне недвусмысленно поставил границу властным претензиям Александрии, постановив: «Областные епископы да не простирают своя власти на церкви за пределами своя области, и да не смешивают церквей; но, по правилам, Александрийский епископ да управляет церквами токмо египетскими; епископы восточные да начальствуют токмо на Востоке, с сохранением преимуществ Антиохийской Церкви, правилами Никейскими признанных; также епископы области Ассийския да начальствуют токмо в Асии; епископы Понтийские да имеют в своем ведении дела токмо Понтийския области, фракийские токмо Фракии. Не быв приглашены, епископы да не преходят за пределы своя области для рукоположения, или какого-либо другого церковного распоряжения». Конечно, это не могло понравиться Александрии, *задыхающейся* своими полномочиями в не слишком широких границах Египта.

Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что и позорный «Собор у Дуба» над св. Иоанном Златоустом, и созыв «Разбойного» собора вызывались не столько из-за необходимости, сколько для *удовлетворения амбиций* Александрийского архиепископа. Как не без оснований полагал один известный французский историк, Феофила, св. Кирилла и Диоскора объединяла одна и та же душа, один и тот же дух — *самоуверенного догматизма* во мнениях, властолюбия, непоколебимой энергии и настойчивости. Если Диоскор чем-то и отличался от своих предшественников, так тем, что «общие типические черты Александрийских патриархов V в., не сдерживаемые и не умеряемые другими

нравственно-религиозными чертами, достигли высшей степени развития, выступали в самых резких, отталкивающих формах и проявлялись в действиях, возмутительных для нравственного чувства. Это был настоящий Фараон христианского Египта, как его и называли в свое время»⁷⁷⁴.

Святитель Кирилл несколько поддержал пошатнувшийся престиж своей кафедры, но не смог решительно переломить уже явно обнаружившуюся тенденцию *перераспределения* императорами административно-правительственных полномочий между первыми Поместными Церквями. Рим и Константинополь все отчетливее становятся общепризнанными центрами Православия: один — на Западе, второй — на Востоке. Но в гражданском отношении Александрия не утратила своей власти, наоборот, поскольку к тому времени государственное управление в Египте совсем обессилело, царь передал Египетскому архиепископу полномочия императорского наместника. Позднее, потерпев поражение в своих притязаниях, Александрийский папизм нашел удовлетворение в монофизитском сепаратизме⁷⁷⁵. Эта мера только поддержала гаснущие амбиции. И когда Диоскор однажды услышал угрозу какого-то лица пожаловаться на него императору, он ответил: «Здесь нет другого императора, кроме меня»⁷⁷⁶.

Антиохийская Церковь. К моменту появления христианства Антиохия являлась третьим по величине городом Римской империи, обладавшим высочайшей культурой, отличавшимся многочисленными школами, ораторами и, кроме того, богатством. Именно в Антиохии последователи Христа получили и радостно распространили среди себя прозвище «христиане», каким их награждали иудеи. Отсюда начал свою деятельность апостол Павел, а вслед за ним и *св. Игнатий Антиохийский* (68—104). Местные жители — *сирийцы* — принимали весьма деятельное участие в делах веры, и этот этнос отличали терпение, кротость, добродушие, приветливость и усердие к делу. Именно отсюда ушла евангельская проповедь в Финикию, Месопотамию, Персию, Индию и даже в Китай⁷⁷⁷. И, конечно, в церковном отношении значение Антиохии нельзя было переоценить.

Уже в III в. епископ Антиохии стоял во главе обширной церковной области и имел под собой ряд подчиненных епископов, которым делал рукоположение, и созывал Соборы. В состав Антиохийского патриархата входило 13 римских провинций, лежащих между Средиземным морем и Персией. Все они назывались *восточными*, поскольку

ку входили в префектуру Востока, и под этим именем антиохийцев звали в мире.

В начале IV в. Антиохия стала центром Восточной, то есть Сирийской, церкви, ее кафедра, так же как и Рима, имела апостольское происхождение, а духовное влияние простиралось на Малую Азию, Понт, северо-восточную часть Азии, Армению, Персию и Грузию. По своему значению Антиохийский епископ, которому принадлежало 3-е место во Вселенской Церкви, уступал только Римскому и Александрийскому патриархам. Однако непосредственная власть Антиохийского архиерея имела видимые границы. Палестина, Арабия, Кипр, Исаурия и Финикия хотя и признавали его своим главой, но никак не были стеснены властью антиохийца при выборе собственных митрополитов⁷⁷⁸.

Правда, как и Александрийский папа, Антиохийский епископ претендовал на области, лежащие за пределами Келесирии. В первую очередь на Кипр, Палестину и близлежащие земли, но это не привело к существенному результату. Между Александрийским и Антиохийским патриархатами замечалось существенное различие. С одной стороны, компактная, четко ограниченная территория, заселенная этнически монолитной группой людей, административная организация, существовавшая на протяжении тысячелетий, и народы, привыкшие повиноваться и тонко чувствующие власть. С другой — в Антиохии, огромное пространство без четких границ на севере и востоке, калейдоскоп рас, языков, обычаев и законов⁷⁷⁹.

В IV в. авторитет Антиохийской кафедры, к которой принадлежали св. Василий Великий, св. Григорий Нисский, св. Григорий Богослов, св. Иоанн Златоуст, наконец, Несторий (трое из них, как известно, стали Константинопольскими патриархами), был очень высок. И Антиохия могла искренне гордиться тем, что из ее школы вышли самые выдающиеся богословы и епископы того времени. Таким образом, к концу IV в. Антиохия сохранила свое важнейшее гражданское и политическое значение как первого города Келесирии, так и центра Православия. Но громадные расстояния между епархиями, множество туземного населения, которое еще нуждалось в просвещении, наконец, удаленность от Рима и Константинополя, где располагались царские резиденции, не позволяли Антиохии надеяться на сближение с императорами и на *зримое* усиление в иерархии Поместных Церквей. Тем не менее ее могущество на церковном Востоке и возвышенное понимание авторитета и роли Антиохии в глазах предстоятелей этой Церкви красноречиво иллюстрирует один малоизвестный исторический эпизод.

В самом начале V в. возник острый спор между Антиохийским патриархатом и Селевкийским католикосатом относительно подчиненности персидских православных епархий — *Персидская православная церковь* в то время представляла собой довольно многочисленную и сильную организацию, с которой считались даже Персидские цари. Поддерживаемые шахами, Персидские архиереи начали борьбу за провозглашение своей независимости от Антиохийской кафедры. Первой стадией ее стал выпад персов в отношении антиохийцев и проведение Селевкийского собора 410 г. под председательством шахских чиновников. Помимо признания Никейского Символа Веры, Отцы Собора объявили католикоса Селевкии-Ктесифона «архиепископом всего Востока, великим митрополитом и главой всех епископов, которые должны подчиняться ему как Самому Христу».

Шах *Йезидегерд I* (399—421) немедленно утвердил решения Собора, а его чиновники по примеру своих римских собратьев публично объявили о наказаниях, которым подвергнутся нарушители соборных оросов. Но у сторонников автономии Персидской Церкви существовали многочисленные оппоненты из числа других архиереев, недовольных искусственным, с их точки зрения, возвышением архипастыря Селевкии-Ктесифона. Для умиротворения Персидской церкви в 424 г. волей Персидского царя *Бахрама V* (421—439) и с согласия императора *св. Феодосия II Младшего* был созван новый Собор. И вот на нем-то сторонник Антиохийского патриарха митрополит Агапит озвучил превосходство восточной кафедры, изложив учение о примате этой Церкви, созданной самим апостолом Петром.

Из его уст прозвучало буквально следующее заявление: «И согласно нашему положению, ученики не имеют власти обращаться против своих учителей и ими управлять. Не дано им такого права Христом, их Господом, согласно справедливым законам, которые Бог Творец написал в человеческой природе. Поэтому чада не имеют власти изгонять своих родителей из их наследства, но родители имеют власть над детьми. И рабы не могут красть у своих господ свободу, но господа имеют власть над рабами. Равно жены не имеют власти господствовать над своими мужами, но были подчинены им, и они господствуют над ними. Женам приказано любить своих мужей, покоряться им и повиноваться, мужам заповедано только любить их, не подчиняться им, а где мужи уступают, покоряясь своим женам, они навлекают на себя наказание, так как они не исполнили законоположения, которое Бог написал в природе. Праведно прежде всего то, что все совершенно было исполнено в Св. Церкви: как один есть Отец Истины и один Сын Его

Спаситель Христос, и один Св. Дух Утешитель, так и один Его верный казначей Симон вар Иона, который получил имя Кифа и которому Он обещал: “на сем камне Я созижду Церковь Мою”, и еще “дам тебе ключи Царства Небесного”. Христос не сказал всем ученикам “на вас Я созижду”, ни “вам Я дам”. И хотя благодать священства находится у всех апостолов, но есть только один примат, который есть духовное отечество. Он не был дан всем, но как одному истинному Богу, так и одному верному управителю, чтобы он был главой, ведущим и ответственным за своих братьев. Эти законы и постановления были сохранены в нашей Церкви».

По мнению Агапита и его единомышленников, Христос вручил «примат» над всеми архиереями апостолу Петру, преемником которого единственно является... патриарх Антиохии. Неприятная неожиданность для Рима! По Агапиту, патриаршество вообще представляет собой особое священническое служение, хотя он и не утверждал «сверхапостольства» Петра. И пусть впоследствии претензии Антиохии на главенство были существенно подорваны, учение о примате ее патриарха во Вселенской Церкви повлияло на внутрицерковные процессы⁷⁸⁰.

Понятно, что Антиохия без особого пиетета относилась к Александрийской кафедре, склонной к увеличению окормляемых ею провинций *за счет соседей*, что, конечно, больно било по авторитету и бюджету Антиохийских архиереев. Кроме того, арианские споры и мытарства св. Василия Великого и св. Григория Богослова в ходе выстраивания отношений с гордым Римом не могли добавить особой теплоты в чувства этой кафедры к понтифику. Это было настолько очевидным для всех, что, несмотря на апостольское происхождение обеих кафедр, Рим не считал возможным оказывать Антиохийскому архипастырю дополнительные знаки уважения и внимания. А Антиохия, вольно или невольно вынужденная искать союзника на стороне, сблизилась с Константинополем, отдав ему на кафедру трех своих сыновей, прекрасно понимая, как неприятно для Рима все растущее влияние архиерея новой столицы.

Это противостояние трех великих кафедр мира, зачастую проявлявшееся в самых неприглядных формах, обуславливалось и теми различиями их богословских школ, которые сформировались очень рано. Александрийцы, следуя своим религиозным воззрениям и стремлениям, «без всяких рациональных околичностей созерцали во Христе Бога. Для них не важны были рассуждения о том, как выразить и объяснить таинственное единство во Христе. Их живое религиозное чув-

ство просто созерцало во Христе это непостижимое, недоваемое, но и совершенно неделимое единство». Напротив, у антиохийцев элемент рассуждения преобладал над возвышенными, мистическими полетами мысли. Они трудились над *рациональным* обоснованием христианских формул, причем некоторые антиохийские богословы увлекались задачей рационального выяснения догматов до такой степени, что «во имя логической последовательности в своих построениях готовы были пожертвовать и верой в Божество Христа (Арий), и единством Его существа (Несторий)⁷⁸¹.

К сожалению, неосмотрительная позиция епископа Иоанна Антиохийского во время Собора 431 г. несколько уронила авторитет третьей по иерархии Церкви. А поведение епископа Домна на «Разбойном соборе», хотя бы и оплаканное им позже, еще более подорвало ее влияние, что вместе с уменьшением площади (за счет потери богатого Кипра) окормляемой ею территории еще более способствовало фактическому ее ослаблению. Отцы Собора приняли очень обидное для Антиохии решение, несмотря на то, что сам Иоанн Антиохийский пытался решить проблему закрепления за его церковью Кипра через высших военных чиновников. Но его даже не заслушали, когда рассматривалась жалоба киприота. Справедливости ради нужно сказать, что все же 8-е правило Эфеса написано в осторожных выражениях и допускает возможность пересмотреть спор, если обнаружатся «древние обычаи» в пользу Антиохии⁷⁸².

Но в целом влияние Антиохии падало, а набеги восточных варваров не могли не коснуться и условий ее существования — конечно, не в лучшую сторону. Некогда великий город все более и более терял паству и епархии, попадавшие под власть инородцев.

Иерусалимская Церковь. Как гласит 7-е правило Никейского Собора 325 г., «поскольку утвердилось обыкновение и древнее Предание чтить епископа, пребывающего в Элии (название Иерусалима в то время. — *А. В.*), то да имеет он последование чести с сохранением достоинства, присвоенного митрополии». Эта небольшая кафедра, постоянно спорящая за первенство с епископом Кесарии, не имела особого политического значения, хотя ее авторитет в церковном плане был невероятно устойчив и высок. Это был город, где проповедовал Сам Спаситель, в котором состоялся первый Апостольский Собор (49 или 51 гг.), жили Его ученики, а первым епископом стал брат Иисуса Христа св. Иаков Праведный.

Ее история начинается с 33 г. от Рождества Христова, причем состояла она из эллинизированных галилеян; в самой Галилее господ-

ствовали арамейский и греческий языки. В 67 г., за год до взятия Иерусалима римским полководцем Титом, первые христиане, памятуя о пророчестве Христа, покинули город и тем спаслись. Они отправились в город Пеллу, ставший резиденцией Иерусалимской церкви. Там христианская община избавилась от крайних иудейских элементов и приняла греческий характер. Ее членами стали сирийцы, греки, палестинцы. Когда в 136 г. христиане вернулись в Иерусалим, их община носила сугубо греческие черты. Все ее епископы являлись греками, и члены общины общались между собой по-гречески⁷⁸³.

В церковном плане значение Иерусалимской кафедры было невелико, хотя св. Елена Равноапостольная, мать св. Константина Великого, а затем св. Евдокия сделали очень многое для благоустройства города и строительства новых храмов, монастырей. Как следствие многократно увеличивается поток пилигримов, и влияние города медленно растет. И теперь епископы Иерусалима принимают деятельное участие в делах церковного управления.

В ходе арианских споров Иерусалим стал цитаделью Православия. Его епископ Макарий созвал здесь в 346 г. Собор, поддержавший св. Афанасия Великого, и посвятил Максима в епископа Диоспольского. И хотя впоследствии влияние епископа Кесарии ослабело из-за разделения этой большой митрополии на три части, первенство Иерусалима, как митрополии, признавалось по-прежнему далеко не всеми. Даже известны послания блж. Иеронима, резко критиковавшего епископа *Иоанна Иерусалимского* (386—417) за то, что за разрешением спорного вопроса тот обратился не к епископу Кесарийскому, а в Александрию, чем нарушил иерархию должностей⁷⁸⁴.

С начала V в. епископ Кесарии начал уступать свои права Иерусалимскому собрату, поскольку повсеместно Иерусалимский престол относили к числу важнейших апостольских кафедр. И епископ св. Ювеналий Иерусалимский предпринял многочисленные попытки, чтобы увеличить права своей кафедры. Он пытался добиться успеха еще на Эфесском Соборе 431 г., но напрасно. Дошло до того, что св. Кирилл Александрийский даже написал письмо папе св. Льву Великому, чтобы тот ни при каких обстоятельствах не удовлетворял просьбы Иерусалима получить митрополичьи права и власть над соседними провинциями.

Тогда св. Ювеналий обратился к св. Феодосию Младшему, который и дал разрешение на первенство Иерусалимского патриархата в трех Палестинах, Финикии и Аравии. Нет сомнения в том, что именно поэтому св. Ювеналий так охотно поехал на «Разбойный собор» в

качестве сопредседателя Диоскора, а потом его поведение постоянно варьировалось, поскольку он ни при каких обстоятельствах не желал фронтировать с царем. Но это решение императора встретило протест со стороны *Максима Антиохийского* (450—456), чьи права оказались нарушенными. Но «Разбойный собор» также не вынес никакого суждения на этот счет. И только на Халкидонском Соборе вопрос разрешился к удовольствию Иерусалима. А 23 октября 451 г. св. Ювеналий и Максим Антиохийский заключили между собой соглашение, ранее одобренное св. Феодосием Младшим, согласно которому власть Иерусалимского патриарха распространяется на митрополии трех палестинских провинций⁷⁸⁵.

Из сказанного легко понять, что никакой самостоятельной роли Иерусалимская церковь не играла, хотя, при известных обстоятельствах, мнение ее предстоятеля могло повлиять на результат противостояния более мощных кафедр.

Константинопольская Церковь. Рождение этой Церкви едва ли было первоначально замечено, и уж не с ней, во всяком случае, были связаны изначально перманентные споры о преимуществе той или иной кафедры и вытекающие отсюда административно-судебные прерогативы. Византий был маленьким городом на берегу Босфора, а его епископ подчинялся митрополиту Гераклеи. Здесь никогда не проповедовали апостолы, и данная кафедра не имела своих святых мучеников и сподвижников, которыми могла бы гордиться перед остальными епархиями.

Но, являясь главой Церкви, император желал иметь у себя такого же помощника, каким в гражданской сфере для него являлся префект претория. Александрия в силу своей территориальной удаленности и особых претензий ее епископов не могла дать соответствующей кандидатуры, равно как и Антиохия. Римский епископ остался на территориях, курируемых императором Западной империи, и, конечно, не мог быть помощником сразу двух царей. Тем более что в скором времени он примет на себя обязанности поддержания безопасности западных провинций, разоряемых варварами. Как видели выше, Иерусалим был не в состоянии играть заметную роль в Кафолической Церкви.

В силу все более расходящихся интересов Запада и Востока цари начали присматриваться к тому, кто был в их непосредственной власти. Таким образом, вышло, что единственным кандидатом на это место мог стать только архиерей Константинополя. Очевидно, к осознанию такого решения Восточные цари пришли далеко не сразу, как

видим, этот вопрос стал актуальным только во времена св. Феодосия Великого, когда арианство, по существу, уже агонизировало, мир медленно восстанавливался в Церкви, а император мог оценить создавшееся положение и принять единственно правильное решение.

Надо сказать, авторитет Константинопольского престола через некоторое время несколько вырос, так что уже в 338 г., когда император Констанций низложил епископа своей столицы Павла, на пустующую кафедру напросился Евсевий Кесарийский, ясно понимающий все выгоды положения архиерея «Нового Рима»⁷⁸⁶.

Естественно, придать такой же статус, какой имел префект претория, можно было только путем закрепления соответствующего положения Константинопольского архиерея в церковно-правительственной иерархии. Это тем более становилось важным, поскольку Александрийский епископ, используя слабость императорской власти на Востоке, по сути, насадил на престол «Нового Рима» своего ставленника в обход царя.

И св. Феодосий Великий руками Вселенского Собора 381 г. нанес конкуренту в церковно-административных полномочиях тяжелое поражение, расчистив дорогу скромному в то время Константинопольскому епископу, которому предоставили второе место по чести после Римского епископа. А признав его вторым епископом Церкви, перенес на него те прерогативы, на которые притязал Александрийский папа.

По одному авторитетному мнению, сама необходимость принятия на II Вселенском Соборе (Константинополь, 380—381 гг.) известного 3-го канона о преимуществах Константинопольского епископа после папы Римского обуславливалась в первую очередь желанием оградить архиерея Царьграда от амбициозных Александрийских патриархов⁷⁸⁷.

И в 381 г. Второй Вселенский Собор не только публично развенчивает Александрийского папу, признав хиротонию его ставленника на Константинопольский престол *ничтожной* (4-й канон), но и торжественно провозглашает в своем 3-м каноне: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести по Римском епископе, потому что город этот есть новый Рим». Другим своим правилом (2-й канон) Собор прямо ограничил власть Александрийского епископа пределами его диоцеза, для видимости заметив, что и восточный епископ начальствует только над Восточной Церковью с сохранением тех преимуществ, которые ему предоставили Никейские каноны. Попутно это правило больно ударило и по Риму, уже привыкшему к тому времени вторгаться в дела других митрополий.

Для Александрии и Рима это был как удар грома среди ясного неба. Первоначально Александрия смиренно приняла решение императора (а то, что это *его* решение, никто не сомневался), но последующие епископы этой патриархии — Тимофей, Феофил, св. Кирилл, Диоскор — действовали так, словно никакого 3-го правила не существует. Александрия долго считала Константинопольского собрата «высочкой», а в столице в свою очередь Александрийского патриарха называли не иначе как «Египтянин»⁷⁸⁸.

Александрия быстро нашла себе союзника. Хотя рождение 3-го канона действительно не обуславливалось антиримскими настроениями на Востоке, но, конечно же, *затрагивало* интересы Рима, который до этого всегда поддерживал хорошие отношения с Александрией, да и в целом был покороблен сравнением себя с ранее совершенно незначительным в церковной среде городом. Особенно обидным было титулование Константинополя Новым Римом, что на фоне многовековой истории столицы великой Империи и еще не истребленного провинциализма разросшегося Византия выглядело для латинян каким-то неудачным анекдотом.

В Риме преимущества Константинопольского патриарха не признали — он вообще там едва ли считался *persona grata*. Во-первых, в Италии действительно опасались роста авторитета столичной кафедры, особенно в условиях военного времени, когда Рим и так оказался забытым императорами Запада, привыкшими уже жить в Равенне. Во-вторых, между Римом и Константинополем шел довольно оживленный спор из-за Восточной Иллирики, который в гражданском отношении зависел от Константинополя, а в церковном — от Рима. Потом, как мы видели, эта провинция совершенно отошла к Константинополю, что вызвало еще более резкое охлаждение отношений, так что уже при патриархе Атикке столичный клир открыто конфронтировал с западным⁷⁸⁹.

На Аквилейском Соборе в Италии, куда за апелляцией прибыл обиженный Максим, Отцы откровенно возмущались тем, что поставления Нектария Константинопольским патриархом (381—397) и Флавиана (381—404) Антиохийским архиереем произошли без консультаций с папой Римским, западными епископами и вообще без созыва Вселенского Собора в Риме, «который считается первым престолом в христианском мире даже на Востоке». Но опять, как и раньше, все решила личная воля императора, не оценившего подобные кардинальные предложения по вмешательству в дела Восточной Церкви⁷⁹⁰. Правда,

следует иметь в виду, что негативное отношение св. Амвросия Медиоланского ко II Вселенскому Собору было обусловлено не прямым пренебрежением папского престола; просто, в силу своего убеждения, святитель полагал, что такие вопросы должны решать исключительно с участием всей Вселенской Церкви, а не одной ее части.

Но сами Константинопольские архипастыри до некоторого времени оставались в стороне от споров за первенство между патриархатами, выступая скорее в качестве стороны, принимающей один за другим дары императоров, чем самостоятельно борющейся за прерогативы. Правда (первый «звонок»), вскоре после II Вселенского Собора в 394 г. Константинопольский архиерей *Нектарий* (381—397) фактически *единолично* руководил всем ходом заседания синода, давая слово или ограничивая выступления остальных восточных архипастырей по своей воле⁷⁹¹.

Кроме того, в отличие от Запада, на Востоке не было единого могущественного митрополита; здесь образовалось множество равных по положению церковных центров, главы которых и их честолюбивые настроения не дали сложиться власти одного *папы Востока*. Кроме того, императоры довольно четко следили за перипетиями этой борьбы, внося в нее свои коррективы и не допуская ущемления своих прав, как глав Римского мира и Церкви.

Желая поддержать престиж «своих» архиереев, императоры начали ставить на эту кафедру выходцев из других, более авторитетных патриархий. И новые архиепископы стали действовать в том духе, который навевал им пример папы Римского и статус второй кафедры в Кафолической Церкви. Святитель Иоанн Златоуст просвещал церкви Фракии, Азии и Понта задолго до Халкидонского Собора. А это, по мнению тех, кто желал обосновать его действия, свидетельствовало о том, что эти епархии уже и тогда зависели от Константинополя⁷⁹².

Его преемник *Аттик* (406—425) разрешал спор Фригийских епископов Агапита и Феодосия, рукоположил ритор Сильвана епископом Филиппопольским в Родопе, а спустя три года перевел его в Троаду, поскольку прежний климат был для Сильвана слишком суров. Он же пытался, имея защиту в лице императора св. Феодосия Младшего, подчинить своей власти Эпир, Македонию, Фессалию и Ахайю, которые хотя в государственном отношении принадлежали еще со времен св. Феодосия Великого Восточной империи, но в церковном отношении находились в ведении Апостольского престола⁷⁹³.

А в 421 г. император издал указ, согласно которому все важные спорные дела епископов Иллирии должен был рассматривать архиерей Константинополя, поскольку тот имеет равные права с понтификом Рима. Другим законом он повелел, чтобы *ни один* епископ Азии и Фракии не был рукополагаем без согласия с Константинопольским архипастырем.

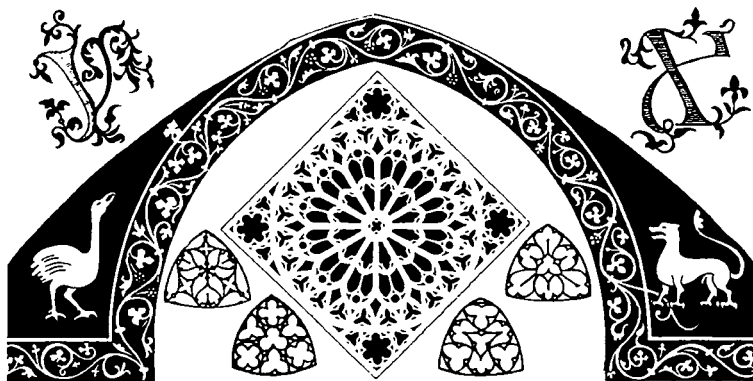
Дело Златоуста по просвещению других диоцезов подхватил Несторий. Став патриархом, он моментально освоился в новой роли и считал себя обязанным просвещать *всю* Кафолическую Церковь или, во всяком случае, ее восточную часть.

Но, надо сказать, противостоящие Константинопольскому архипастырю Александрия и Рим были мощны и авторитетны в церковном и политическом смысле. Апостольская кафедра не приняла, но и не опровергла 3-й канон II Вселенского Собора 381 г. Просто они не усмотрели в этом никаких реальных угроз преимуществам своего престола и проявляли всю свою силу лишь в тех случаях, когда Константинопольский собрат начинал их реально беспокоить.

Так, папа *Бонифаций I* (418—422) убеждал епископов Фессалоники не уходить из-под юрисдикции Рима и не принимал хиротонии, произведенной Атиком Константинопольским. Прочих Иллирийских епископов папа уговаривал охранять свои права быть под власть Рима и не искать заступления у тех, «коим постановлениями Церкви не дано никакой высшей власти»⁷⁹⁴. Но, очевидно, таких прецедентов было все же не так много, поскольку сами Константинопольские архиереи нередко прибегали к защите Римского престола в первые десятилетия IV в.

Нельзя сказать, что все остальные восточные епископы были воодушевлены новой практикой столичного архиерея. На одиннадцатом заседании Халкидона епископы Эфесского диоцеза просили Собор, чтобы на будущее они не рукополагались в Константинополе. Еще более серьезную опасность власти Константинопольского епископа представляла Александрия. И если бы не «Разбойный собор» Диоскора, разрушившего нежное согласие двух пап, судьба столичного епископа едва ли бы могла вызвать завистливые чувства. Спас Константинопольскую кафедру император, усилиями которого (св. Феодосий Младший, св. Евдоксия, св. Пульхерия, св. Маркиан) мир в Церкви был первоначально восстановлен, затем возвращено истинное исповедание, а затем вновь поднят вопрос о преимуществах Константинопольской кафедры. Это произойдет уже совсем скоро, на Халкидонском Соборе, 28-е правило которого войдет в число важнейших канонов Кафолической Церкви.

IX. СВ. МАРКИАН (450—457) И СВ. ПУЛЬХЕРИЯ (450—453)

Глава 1. «Солдатский» царь, избранник Божий, и Четвертый Вселенский (Халкидонский) Собор

Некогда фракийский юноша по имени Маркиан, решивший пойти по стопам своего отца — военного командира невысокого чина, отправился в Филиппополь (ныне — Пловдив), чтобы там записаться в легион и начать воинскую службу солдатом. По пути он наткнулся на тело убитого человека и, будучи сострадателен и добр, остановился возле него, желая отдать убиенному последний долг памяти. Здесь его и схватили агенты местного префекта, заподозрив в совершении этого преступления. Святого Маркиана допросили, его показаниям не поверили и наверняка признали бы преступником, если бы по Божьей милости в этот день не был бы схвачен истинный убийца.

Придя в один из легионов, св. Маркиан записался простым воином, причем с ним произошел один интересный эпизод, многократно впоследствии повторенный историками и современниками. По уставу св. Маркиана следовало поместить на последнем месте в списке легиона, как новобранца. Но его воинский начальник, которому понравились стать, сила юноши и его характер, решил записать его на место недавно умершего легионера, которого звали Август. В результате получилась следующая запись: «Маркиан, который также и Август». Для всех это являлось Божественным знаком его избранности (ведь и императоров звали *августами*), впрочем, далеко не единичным.

В 430 г. по просьбе Валентиниана III император св. Феодосий II отправил на помощь тому свою армию во главе с Аспаром в Африку. В неудачной для римлян битве с вандалами св. Маркиан был взят в плен. Его, как и остальных пленных, привели на равнину, чтобы вождь вандалов Гейнзерих мог полюбоваться живой добычей. День стоял жаркий, воины занимались своими мелкими делами, а св. Маркиан лег спать. Каково же было удивление короля вандалов, когда он увидел, что орел спустился с высоты и, паря вблизи кругами, создал над спящим св. Маркианом нечто вроде тени. Он немедленно приказал освободить фракийца, лично взяв с него клятву в том, что тот никогда не поднимет оружия против вандалов, когда достигнет царской власти⁷⁹⁵.

Все же нельзя недооценивать прагматизм Гейнзериха. От остальных пленных он узнал, что св. Маркиан пользуется расположением гота Аспара, фаворита двора, и варвар разумно решил, что никакого проку от убийства римлянина ему не будет, а оставив его в живых, он может впоследствии получить прекрасные дивиденды от своей расторопности⁷⁹⁶. В общем, в дальнейшем так все и вышло.

Как свидетельствует Феофан Византиец, аналогичный эпизод еще раз произошел в жизни св. Маркиана. Во время войны с персами св. Маркиан вместе с войском отправился в поход, но по дороге занемог. Он остановился в городе Сидиме, что находился в провинции Ликия, на постой у двоих братьев Юлия и Татиана. Спустя некоторое время, когда здоровье его пошло на поправку, св. Маркиан вместе с ними отправился на охоту, а в полдень они легли уснуть. Проснувшись, братья обнаружили орла, парящего над их попутчиком. Орел с древних времен символизировал царскую власть, и братьям не составило труда прийти к выводу, что перед ними — Божий избранник. Разбудив св. Маркиана, они спросили, что он сделает им, когда станет царем? Удивленный юноша недоумевал, почему это должно произойти («что я за человек, чтобы это со мной могло случиться?»), но пообещал Татиану и Юлию, что назовет их в таком случае «отцами». Братья дали солдату 200 монет и отправили в Константинополь, где он догнал свою армию⁷⁹⁷. Замечательно, что впоследствии, когда св. Маркиан станет царем, он действительно пригласит этих братьев в столицу и пожалует высокими назначениями. Татиан станет префектом Константинополя, а Юлий — префектом Ливии, и в своих посланиях император будет именовать их «отцами»⁷⁹⁸.

Почти 15 лет служил св. Маркиан у Аспара, став его доверенным другом и получив титул трибуна — не слишком высокий, чтобы задумываться о высоких перспективах. Рядом находились могущественные фигуры, и едва ли можно понять, почему выбор св. Феодосия

Младшего и св. Пульхерии пал именно на него. Да, св. Маркиан был благочестив, православен, надежен и весьма скромен в быту, но объективно ни при каких обстоятельствах он не мог рассматриваться в качестве нового самодержца. Он был вдовцом, и от первого брака имел дочь, которую выдал замуж за Анфимия, внука опекуна св. Феодосия Младшего, правившего в первый период его царствования. Надо сказать, что, опровергая рассказы о солдатских нравах времен Римской империи, св. Маркиан был предельно целомудрен и никогда не давал повода для скабрёзных историй в отношении себя.

Поговаривали, что за него высказался и могущественный готский военачальник Аспар. Но в то время он был далеко не единственным фаворитом — нельзя забывать и о грозной фигуре Хрисафия, как минимум уравновешивающего гота по силе своего влияния на царя. И едва ли можно предположить, будто св. Пульхерия при ее решительном и властном характере согласилась бы привести к императорскому престолу ставленника придворных фаворитов. Самое вероятное (и это единственное удобоваримое объяснение), что его имя было названо *свыше* императору св. Феодосию II во время молитвы, когда он просил Бога указать ему преемника, способного обеспечить безопасность государства и продолжить его деятельность на пользу Церкви. Можно достоверно предположить, что своим открытием царь поделился с сестрой, и та, как женщина благочестивая, не стала препятствием на пути Провидения.

Воля умирающего царя была известна, и св. Пульхерия лишь обеспечила избрание св. Маркиана сенатом и армией, что не составило особого труда. Правда, император Валентиниан III попытался воспрепятствовать его царствованию: на короткое время он стал единоличным самодержцем обеих частей Римской империи, и традиционно *ему* принадлежало неписаное право назвать своего соправителя. Но, во-первых, его авторитет в Константинополе был совершенно несопоставим с авторитетом св. Пульхерии и покойного государя. Во-вторых, назвав св. Маркиана своим царем, святая августа и все остальные, видимо, наверняка опирались на некоторые безусловные для себя признаки избранности св. Маркиана Богом. Наконец, поняв всю бесполезность затягивания вопроса об утверждении св. Маркиана царем, Валентиниан III прислал свое согласие⁷⁹⁹.

Что можно сказать о новом царе? Он был безупречно честен, прямодушен, последователен в решениях, суров, немного грубоват и бескорыстен, физически силен и, несмотря на возраст, все еще по-мужски красив. Его отличала прямота характера и любовь к справедливости, что выглядело чем-то необычным на фоне распущенных нравов аристократов и столич-

ных городов, но напоминало старые римские порядки, которые еще поддерживались в армии. Как христианин, св. Маркиан был благочестив по отношению к Богу и к людям. Он «считал богатством не то, что сберегается, и не то, что собирается от налогов в одно место, но единственно лишь то, что может помочь нуждающимся и обеспечит большую безопасность владеющих». Пронизанный духом римской военной дисциплины, понимая действенность наказания в деле поддержания общественного порядка, он тем не менее старался не столько карать, сколько *угрожать* карой. Новый император был малообразован, но люди уважали в нем здравый смысл, а его храбрость вошла в пословицу. Святому Маркиану шел 58-й год, и он собирался посвятить последние годы своей жизни на благо отечества и служению Церкви⁸⁰⁰. Это был именно тот *товарищ по трону*, в котором остро нуждалась св. Пульхерия.

Поскольку святая императрица уже давно носила титул августы, ей принадлежала решающая роль в исполнении последней воли царственного брата по поставлению св. Маркиана на престол. Тонкость ситуации заключалась в том, что при сложившихся обстоятельствах он мог стать императором только путем *женитьбы* на августейшей деве. Ведь в Иерусалиме проживала императрица св. Евдокия (хотя бы уже и номинальная), и при наличии трех августов (Валентиниана III, св. Пульхерии и св. Евдокии) признавать царем *постороннего* человека было совершенно невозможно. Церемония воцарения случилась в Евдоме, 24 августа 450 г., в присутствии армии, по обыкновению приветствовавшей избранника, после чего св. Пульхерия и св. Маркиан тут же обвенчались. Для этого императрица получила разрешение патриарха от обета девства, данного в юности, но и теперь уже далеко не молодые супруги жили целомудренно. Вне всякого сомнения, их брак был всего лишь фикцией. Гораздо важнее то, что супругов связывали чистота нравов, добрые духовные отношения и единомыслие в вере. Для большей легитимности прав св. Маркиана царица добилась того, что ставленник Диоскора патриарх Анатолий Константинопольский в 450 г. *короновал* нового императора — событие, до сих пор невиданное.

Первым делом императрица св. Пульхерия решила восстановить единоличное правление царей, избавившись от многочисленных фаворитов и временщиков. Она выдала на суд и казнь ранее могущественного внука Хрисафия — ясное свидетельство полной перестройки отношений в высшем свете. Затем вернула в Константинополь мощи св. Флавиана, выбрав местом их погребения фамильный для царей храм Святых Апостолов, где уже покоился св. Иоанн Златоуст. А император св. Маркиан озаменовал начало своего царствования эдиктом о

сложении недоимок с населения за последние 9 лет. Вскоре это станет обычной практикой при воцарении нового монарха. Помимо этого, он воспретил всякие поборы, ранее взимавшиеся при вступлении в должности (главная предпосылка коррупции среди чиновничества), и отменил огромные затраты, производимые лицами, вступавшими в консульство. Как рачительный хозяин, император велел обратить эти средства на городские и общенародные нужды, в частности на восстановление городского водопровода Константинополя.

Святой Маркиан был предельно благочестив, и в этом отношении они очень походили со св. Пульхерией друг на друга. Известно, что супруги вместе неукоснительно соблюдали все религиозные церемонии и моления, какие совершались ранее при св. Феодосии Младшем. Стараниями супругов вскоре был построен монастырь Св. Зои и Св. Ирины⁸⁰¹. В день очередной годовщины сильнейшего землетрясения 447 г. (когда открылось «Трисвятое»), 26 января, император пешком отправился из дворца на Военное поле с крестным ходом. Поскольку было очень холодно, патриарх не одобрил предложение императора пройти пешком вместе с ним, и решил следовать за ним на носилках. Но, вдохновленный примером царя, пошел за ним следом. Даже в последний год своей жизни, будучи тяжело больным, св. Маркиан продолжал посещать все богослужения и принимал участие в крестных ходах⁸⁰².

Хотя оба императора являлись полновластными правителями Империи, все же по молчаливому и любовному согласию они фактически поделили полномочия. Святой Маркиан взял на себя внешнюю защиту Римского государства, которому угрожали враги, а его венценосная супруга приняла внутреннее управление и руководство Церковью. Энергичная женщина, она немедленно продолжила традицию своего великого деда, во главе угла которой лежала идея об императоре — главе Церкви. Императрица считала, что только царю принадлежит верховная правительственная власть в Церкви, и данное правило не могло иметь отступления. Возвышение александрийца являлось нарушением традиции и таило серьезную угрозу государственной власти, с чем, конечно, св. Пульхерия не собиралась мириться. Александрийский папа должен был быть низвержен, и для этого царственные супруги пригласили в союзники св. Льва Великого с тем, чтобы опровергнуть догматические позиции Диоскора и вслед за этим ликвидировать его почти безграничную церковную власть. Поразительно, но и теперь Диоскор не утратил своей решимости удержать главенство в своих провинциях и даже попытался *выступить против императоров* (!), задержав в Египте провозглашение св. Маркиана царем⁸⁰³. Конечно, этот демарш только укрепил царей в мысли решить дело по-своему.

Две главные задачи стояли теперь перед монархами — восстановление единства Церкви и истинного вероучения и отражение внешних угроз со стороны варваров. Здесь-то и сказались плоды политики св. Феодосия Младшего, которыми вовремя и к месту воспользовался его преемник. В наследство св. Маркиан получил многочисленную и хорошо организованную армию, познавшую вкус победы над персами и горящую желанием сразиться с гуннами. Хотя он стал императором «из солдат» и не получил блестящего образования, но, как отмечалось, был умен особой *народной мудростью*, а потому умел сочетать свои желания и общие интересы. Святой Маркиан практически всегда предпочитал мир войне, если такая возможность открывалась хотя бы и за деньги, и в этом отношении продолжил очень верную и прагматично-выверенную линию поведения прежних царей, умевших быть и воинственными, и мирными в зависимости от внешних обстоятельств. Но когда Атила прислал к нему посольство с требованием дани, св. Маркиан ответил, что не обязан давать ему столько, сколько ранее *по щедрости* давал св. Феодосий II. «Возвратитесь к вашему государю и скажите ему, что если он обращается ко мне как к другу, то я пришлю ему подарки, а если как к даннику, то я имею для него оружие и войско, не слабее его». Это уже был *ультиматум* с позиции силы. Император немедленно отправил к вождю гуннов своих послов, обещавших выплачивать дань, но на обычных для всех федератов условиях — охрана границы Римской империи и признание власти императора над собой.

Конечно, Атила не принял посланцев царя и, оскорбленный, начал подумывать о полномасштабной войне с Константинополем, но так на нее и не решился⁸⁰⁴. В сентябре 451 г. он направил небольшой конный отряд в Восточную Иллирию для проведения устрашающего набега, но дальше этого дело не пошло. При всех угрозах в адресо св. Маркиана, в 452 г. Атила опять отказался от немедленных боевых действий на Востоке, хотя заочно и объявил Константинополю войну, поскольку св. Маркиан дани так ему и не выплатил⁸⁰⁵. Вместо этого он стал готовиться к походу на Италию. Но, как надо полагать, в тот момент не просто слепой случай спас Восточную империю от гуннов, но сказала та мощь, которую она накопила за последние 50 лет. Атила был слишком умен и расчетлив, чтобы рисковать в борьбе с таким опытным и бесстрашным соперником (особенно, если его храбрость была подкреплена реальной силой), как св. Маркиан. Поэтому он выбрал жертву слабее — Рим, и расправился с ней, что в общем-то тоже далось ему не без труда, если вспомнить страшное поражение гуннов на Каталаунских полях.

Но и в Италии дела гунна шли не так успешно, как ему хотелось. На Западе варварам противостоял Аэций, а с Востока, в полной согласо-

ванности действий с римским полководцем, давили на гуннов войска св. Маркиана. Варвар оказался зажатым как бы между двух огней, к тому же в 452 г. в Италии был неурожай, и гуннам вскоре очень трудно стало добывать припасы и пищу. Поэтому они оставили Италию, спасенную гением двух великих римских военачальников. Атила отступил, надеясь в следующем году взять реванш, но, как известно, вскоре скоропостижно умер.

Смерть Атилы послужила сигналом к распаду его державы. Первыми отпали гепиды, страдавшие под не очень ласковой рукой великого гунна — они захватили территории, где ранее любил останавливаться сам Атила. Остготы заняли Паннонию, герулы поселились на левом берегу среднего Дуная. Аланы перешли через Дунай в пределы Империи и осели в Добрудже. Основная масса гуннов вернулась на Восток, но некоторые отдельные отряды перебрались в Прибрежную Дакию и поселились вдоль рек, впадающих в Дунай с юга, — Ут, Эск, Альм. Теперь картина на северных границах Империи кардинально поменялась. Исчезли страшные гунны, и остались разрозненные племена варваров, не желавших объединяться. Фактически этим Римская империя и была спасена, получив время для передышки и восстановления своих сил⁸⁰⁶.

Как ни тяжело было внешнее положение Римского государства, внутренние неурядицы, вызванные двумя последними соборами и расколом Кафолической Церкви, казались еще тяжелее для разрешения. После 449 г. могущественный Хрисафий фактически передал Диоскору все церкви Востока, и те склонили свои головы перед «фараоновой шапкой». А монастыри сделались притонами самых фанатичных евтихианцев. Городские судьи, префекты провинций и другие высшие должностные лица государства приняли постановления «Разбойного собора» как официальную религию и требовали от населения их неукоснительно точного соблюдения. Но сам Восток не был единомышленным: если Александрия склонялась к евтихианству, то Антиохия, естественно, к несторианству. Остальные епископы едва терпели тиранию Диоскора, мечтая поскорее избавиться от нее.

Но на другом конце Империи папа св. Лев Великий не устал бороться за истину. Конечно, ранее Рим всегда более благосклонно относился к Александрии, чем к Константинополю или Антиохии. Но в данном случае Александрийский архиепископ первым начал военные действия, совершенно проигнорировав былую дружбу и добрые традиции взаимоотношений двух апостольских церквей. Мало того что Диоскор не принял веры папы Римского и даже воспрепятствовал огласить на своем Соборе его «Томос», он позволил себе оскорбить

личность Римского понтифика. Епископ Древнего Рима, преемник первого апостола Церкви, был отлучен горстью египетских епископов во главе с ересиархом, позволившим себе неслыханные ранее преступления! И это все шло из Александрии, епископов которой — св. Афанасия Великого и св. Кирилла — так упорно и настойчиво поддерживала Римская церковь.

Негодование тем более возрастало, что столь бесцеремонно оскорбленный папа являлся в действительности одним из самых великих понтификов, каких видел на своей кафедре Рим. И перу этого епископа, как указывалось выше, принадлежало первое системное учение о прерогативах Римского архиепископа. Конечно, при таких исключаяющих любой компромисс условиях папа был готов биться до конца. Откровенно сказать, союзников у него было не так много. Император Валентиниан III полностью дискредитировал себя в глазах общества и вообще мало интересовался делами Церкви. Он мог *подписывать* письма своему восточному собрату под диктовку понтифика, но не мог настоять на своей позиции, даже если бы она и была. Лишь св. Пульхерия горячо и открыто поддерживала папу Римского. Это, конечно, было немало, но и не так много, как могло показаться.

Впрочем, вскоре все изменилось. Если во времена Хрисафия голос апостолика был едва слышим, то сейчас, после воцарения нового императора, он вещал в полную силу и пробудил всю Кафолическую Церковь. Теперь рядом с понтификом как ангелы-хранители, стояли св. Маркиан и св. Пульхерия. Они немедленно кассировали решения «Разбойного Собора», вернув из ссылки всех сосланных Диоскором епископов. Напротив, мятежный Евтихий был удален царским распоряжением из города без какого-либо судебного разбирательства. Почувствовав опасность, Диоскор попытался восстановить отношения с Римом, но св. Лев потребовал, чтобы он и остальные архиепископы Поместных Церквей признали его «Томос», так и не прочтенный в 449 г. на «Разбойном Соборе». Понятно, что вслед за этим на повестку дня встал бы вопрос о вере самого Александрийского епископа и его протеже Евтихия.

Мог ли «Фараон» согласиться с тем, что его признают еретиком или покровителем ересиархов? — риторический вопрос. Но и делать вид, что ничего не произошло, становилось все труднее: пока Диоскор молчал, вчерашние ставленники и союзники, чувствуя новые веяния, предавали его один за другим. Вначале «Томос» подписал Анатолий Константинопольский, его недавний апокрисиарий, затем *Максим, епископ Антиохийский* (450—456)⁸⁰⁷. Вслед за этим архиереи, участвовавшие в заседаниях 449 г., массово начали писать покаянные заявления св. Льву

Великому, и всем «вдруг» стало ясно, что два года назад в Эфесе произошло настоящее преступление. Конечно, никто не хотел признавать своей личной вины, и «козлом отпущения» объявили Диоскора, которого оставалось снять с кафедры — вполне разрешимая задача для решительного императора и его мудрой супруги. Но оставалась еще ересь Евтихия, свившая себе многие гнезда на Востоке. И опровергнуть ее только *административными* способами было совершенно невозможно.

Поэтому, едва взойдя на престол, св. Маркиан отписал совместно со св. Пульхерией письмо папе, в котором между прочим супруги заявили, что очень надеются на «святость, содержащую начальство в епископстве Божественной веры». Они напрямую признались, что во всем полагаются на авторитет апостолика, который поможет на предстоящем Вселенском Соборе, задуманном царями, дабы восстановить мир в Церкви⁸⁰⁸.

Но тут возникла первая неувязка. Если раньше папе казалось, что только новый Вселенский Собор (и обязательно в Италии) может спасти Церковь от ереси Евтихия, то теперь апостолик резко охладел к этой идее. Во-первых, перед воротами Рима стоял Атила, и, кроме папы, некому было умирять грозного варвара. Да и едва ли остальным архиереям улыбалась перспектива проводить Собор в условиях военного времени. Во-вторых, ему казалось, что вопрос и так уже догматически решен — ведь цари согласились с его вероучением, чего желать еще? Поэтому, исходя из своего понимания роли папства, св. Лев Великий предлагал императорам, чтобы остальные Церкви и епископы «всего лишь» подписали его «Томос», признав соответственно содержащееся в нем исповедание единственно кафоличным. Кроме того, совсем не исключено, что в глубине души понтифик опасался всякого рода неожиданностей на предстоящем Соборе — как вскоре покажет время, интуиция его не подвела. Да и вообще ему мало нравилась перспектива *доказывать* всему миру правоту своего вероучения, поскольку минувшие десятилетия много усилили веру Римских епископов в исключительность своей кафедры, ее абсолютный авторитет и непогрешимость.

Поэтому в ответ императоры неожиданно получили письмо (эта переписка, кстати, отсутствует в русском переводе «Деяний Вселенских Соборов») от св. Льва Великого, в котором тот приводит свои доводы *против* нового Вселенского Собора. «Нам довольно вашей ревности о вере, — писал папа, — мир возвращается в Церковь, а через Церковь в государство. Удовольствуемся же тем, что внушает вам Бог, и не будем производить больше прискорбных споров, одно бесстыдство которых есть позор для Церкви. Будем стараться по возможности избегать поднимать нечестивые и безрассудные вопросы, которые Святой Дух учит

нас заглушать при первом их появлении; нехорошо постоянно исследовать то, во что мы должны верить, как будто тут может быть место сомнению; и теперь должно быть известно, что мнения Евтихия нечестивы, и что Диоскор, обвинивши Флавиана, погрешил против веры».

Но папа слишком долго требовал обратного, чтобы в одну минуту повернуть вспять запущенный им же самим маховик созыва Собора. Императоры без труда доказали папе, что такие вопросы традиционно рассматривались *соборно*, и сейчас нет никаких оснований для исключений из правила. Тогда понтифик потребовал, чтобы Собор был созван в Италии, но императоры и на этот раз воспротивились: «Позор произошел на Востоке, на Востоке же он будет и изглажен». Конечно, императоры не оставались столь наивными, чтобы не понимать, насколько Собор в Италии, который контролировать было бы очень трудно, мог окончательно развалить Церковь, если невозможно будет обеспечить единомыслие епископов. Они хотели *руководить* Собором — желание тем более обоснованное, что повсеместно мир в Церкви в ту минуту связывали все же не с именем папы св. Льва, а с *императорами*. Авторитет понтифика был, безусловно, высок. Но на Востоке многие полагали, что его «Томос» *противоречит* учению св. Кирилла Александрийского и Примирительному исповеданию 433 г., и потому желали обсудить обе богословских позиции. Как следствие невольно папа оказался *заинтересованной* стороной, а императоры, напротив, нейтральной, и не давали повода упрекнуть себя в неправославии.

Делать нечего — папа согласился и с этим условием, взамен потребовал личного присутствия императора на Соборе, председательского места для своих легатов (сам понтифик *уже* традиционно не собирался посещать соборных заседаний), оглашения своего «Томоса», как образца веры, и, наконец, исключения Диоскора из состава участников Вселенского собора. Это была открытая месть за унижения папы, но императоры сепаратно договорились с понтификом и в принципе выполнили, хотя и не так, как *в деталях* хотелось Римскому епископу, данное ему обещание⁸⁰⁹.

В переписке сторон и размышлениях правителей мира и Церкви прошло время, и вот наконец, согласовав с папой все детали, 17 мая 451 г. император своей грамотой повелел созвать Вселенский Собор на 1 сентября того же года. Выбор места проведения пал на Никею, с которой у православных были связаны воспоминания о Вселенской *богословской победе* Церкви над страшной ересью Ария. За быстрыми летними месяцами прошло время приготовлений, и с приближением сентября дороги, ведущие в Никею, покрылись множеством народа и повозок. Император, желая услышать всю Вселенскую Церковь, распорядился

митрополитам взять с собой столько епископов, сколько им понадобится, и сотни архиереев вместе со свитой, любопытствующими мирянами и монахами, горячими приверженцами Диоскора и Евтихия, заполнили собой тот город, где некогда впервые состоялся Вселенский Собор.

Но в назначенное время царь не смог открыть Собор, как того желал он сам и папа св. Лев Великий. Солдат прежде всего, он во главе римской армии в это время был вынужден находиться у берегов Дуная, чтобы отбить возможные атаки гуннов на Фракию и Константинополь — разбитые Аэцием на Каталаунских полях, они все еще были очень опасны. В ответ на жалобы прибывших участников о задержке заседаний император приказал всем епископам и приглашенным гостям Собора переехать в Халкидон, отделенный от Константинополя только Босфором⁸¹⁰. Здесь ему было гораздо легче руководить работой Собора, не отдаляясь от армии, чем в том случае, когда заседания начались бы в Никее. В Халкидоне в первых числах октября 451 г. в просторном зале храма Святой Евфимии и начал свою работу самый великий из всех Вселенских Соборов.

Уже количество приглашенных епископов поражает воображение — всего по ходу Собора в его заседаниях принимало участие более 600 епископов; в письме Собора к папе св. Льву насчитывается 520 подписей, но, очевидно, это далеко не все участники. Примечательно, что, как и раньше, из всех Отцов Халкидона всего 7 епископов представляли Запад, остальные были с Востока. Не желая продолжать дурные традиции прежних собраний 431 и 449 гг., св. Маркиан проигнорировал мнение папы предоставить римским легатам место председателей, и на время своего вынужденного отсутствия поставил Собор под контроль 17 высших сановников Империи. В их обязанности входило обеспечение порядка заседаний и объективное рассмотрение догматических разногласий. Общее руководство заседаниями было возложено, к вящему неудовольствию Рима, на архиепископа Константинопольского Анатолия. Обеспечить работу и верность записи происходящих на нем событий должны были нотариусы, которых привлекли в большом количестве.

Заметим, что Халкидонский Собор интересен не только своими богословскими прениями и великолепным оросом. Он богат и многими «подводными» событиями, на которые необходимо обратить внимание. Здесь впервые со всей очевидностью столкнулись два видения Вселенской Церкви и два понимания статуса и роли Вселенского Собора.

В частности, как только 8 октября открылось первое заседание, епископ Пасхазин — легат папы Римского недвусмысленно заявил: «Блаженнейший и апостольский епископ города Рима, *глава всех Церквей*, (выде-

лено мной. — А. В.) дал нам повеление...»⁸¹¹ Едва ли восточные епископы не заметили этого словесного оборота, и маловероятно, что они не приняли его к решительному сведению, приведшего на последнем заседании к открытому и затяжному скандалу. Но в этот момент они никак внешне не отреагировали на эти слова — были более важные дела, с которыми предстояло разобраться. Конечно, авторитет папы св. Льва Великого был чрезвычайно высок, и его легаты, включая пресвитера Бонифация, заняли почетное место *над* остальными епископами Собора. Но этот авторитет все же был далеко не безальтернативен и не безусловен.

Епископ Пасхазин первым делом, исходя из договоренности с императором, потребовал изгнать Диоскора из членов Собора, как низверженного папой. Наверное, он действовал в полном убеждении, что сказанное папой имеет *силу закона*, тем более что легат наверняка был предупрежден о наличии договоренности на этот счет св. Льва и императора св. Маркиана. Но одно дело — договоренности по существу вопроса, и другое — его техническое оформление. Сановники попросили легатов сформулировать причину и обоснование их просьбы — те несколько замешкались, не понимая, что происходит. Наконец, сошлись на том, что в отношении Диоскора имеет место обвинение, и поэтому он, как подсудимый, не может быть членом Собора.

Сановники св. Маркиана усадили Диоскора посредине зала, только как обвиняемого, и предоставили слово Евсевию Дорилейскому, старому оппоненту Евтихия, который сейчас же обвинил Александрийского папу в оскорблении веры, убийстве св. Флавиана и несправедном суде⁸¹². Зачитали акты «Разбойничьего собора», затем исследовали и акты Константинопольского собора 448 г. Надо сказать, Диоскор держался твердо и мужественно. Когда его стали упрекать в произведенных на «Разбойном соборе» насилиях, что он силой заставлял епископов (многие из которых присутствовали и на том Соборе, и здесь) подписываться на чистых листах, он, усмехаясь, сказал: «Ах, бедненькие, они боялись! Это христиане-то боялись! О, святые мученики, так ли вы поступали?!» На упреки о потворстве Евтихию Диоскор твердо ответил, что он печется не о человеке, а о вере католической. В чем же его вина?

Под восторженные крики присутствующих объявили «Разбойный собор» преступным, а его вождей — подлежащими суду. Зачитали Антиохийское примирительное исповедание, подписанное св. Кириллом Александрийским в 433 г. Поняв, что партия Диоскора проиграна, св. Ювеналий Иерусалимский, а вслед за ним все палестинские епископы и даже четыре египетских архиерея проголосовали за него, как истинно православное. Вслед за ними проголосовали и иллирийцы. Замеча-

тельно, что первое заседание Халкидона закончилось пением «Трисвятого», введенного в обиход св. Феодосием Младшим в 447 г. и с тех пор ставшего неизменным атрибутом православного богослужения.

Второе заседание открылось 10 октября, и государственные председатели предложили перейти к обсуждению спорных богословских вопросов, чем не на шутку встревожили римских легатов. Хотя все епископы и вскрикнули дружно, что исповедуют ту веру, какую изложил св. Лев Великий, но по инициативе епископа Аттика Никопольского было решено сверить его текст с посланиями св. Кирилла Александрийского к Несторию, где излагаются «12 анафематизмов». Взяли перерыв и дали «рабочей группе» под председательством Анатолия Константинопольского пять дней, чтобы «сообща рассудить о вере». Римские легаты не могли понять, о чем идет речь. Как им представлялось, сам *факт прочтения* «Томоса» должен был все поставить на место, но вместо этого им предлагают «согласительное определение»? И если епископы справедливо опасаются, что очень трудно привести 500 или даже 600 участников Собора к одной согласительной формуле, то к чему создавать опасные прецеденты и «выдумывать» новые вероопределения, когда существует прекрасное послание св. Льва Великого к св. Флавиану, «Томос», в котором изложено учение о тайне Воплощения? Но после некоторых сомнений они решили уступить, видимо, надеясь, что за несколько дней остальные архипастыри вникнут в суть римской формулы и восторженно примут ее в качестве единственно возможной и кафоличной.

Легаты волновались не напрасно — истинное достоинство и значение «Томоса» заключалось в личности самого св. Льва Великого. Совершенно точно отмечают, что это же послание, но направленное *иным лицом*, никогда не имело бы такого успеха. А богословская проблема возникла вовсе не по личной прихоти восточного епископата и, конечно, не из желания унижить достоинство св. Льва Великого. Не имея основательного знакомства с греческим языком, который уже довлел на Востоке, папа затруднялся совмещать римские и греческие термины, и потому его послание каждая из партий легко могла толковать по-своему: монофизиты — так, православные — иначе.

В этом отношении, как замечают богословы, «Томос» похож на матовое стекло, принимающее окраску от того предмета, на который положено. Когда его читал православный, оно принимает православный вид, а предубежденный монофизит видел в нем несторианство, поскольку св. Лев решил обойтись без спорных терминов. «Вышло нечто похожее на математика, который вздумал бы решать и объяснять

сложную теорему, не употребляя специальных терминов — вычитания и деления, извлечения корня и т.п. Понятно, что у него трудно было бы отличить деление от вычитания и т.п. и открывался бы простор для перетолковывания». То же получилось и в послании св. Льва. В то же время св. Лев, стоя на строго православных позициях, мужественно учил, что нельзя исповедовать во Христе ни человеческого без истинного Божества, ни Божества без истинного человечества⁸¹³.

Пока шла работа комиссии, 13 октября вновь перешли к вопросу об осуждении Диоскора и его помощников за проступки, бывшие в 449 г. В соответствии с каноническими правилами обвиненного Диоскора трижды приглашали на заседания Собора, но тот не явился, до конца продемонстрировав удивительную решительность характера. Поэтому *заочно* признали вину александрийца и пятерых его наиболее близких союзников: св. Ювеналия Иерусалимского, епископа Кесарии Каппадокийской Талассия, Евсевия Анкирского, епископа Евстафии и Селевкии Берита и епископа Василия Исаурийского. Примечательно, что осудили Диоскора не за веру (его догматические взгляды никто не изучал), а за то, что он не доложил «своему» Собору послание папы св. Льва Великого и анафематствовал его⁸¹⁴.

Представляют интерес детали осуждения Александрийского папы. Пасхазин и два его сотоварища перечислили все вины Диоскора, напомнили присутствующим о том, что тот трижды не явился на вызов Собора, и, следовательно, сам себя присудил к наказаниям, предусмотренным канонами. «Вследствие чего, — закончили они свою речь, — святейший архиепископ Лев, вместе с преблаженным апостолом Петром, который есть камень Кафолической Церкви и основание православной веры, через нас, легатов Апостольского престола, и присутствующего Святого Собора, лишает его епископского достоинства и всякого священнического сана».

Следовательно, получается, что не Собор, а папа осудил ересиарха, хотя бы и через Собор, который при буквальном чтении текста *отожествлен* с легатами, то есть с самим понтификом. С папы все началось, им все и закончилось; Собор стал *орудием* папского правосудия, а не самостоятельным лицом, отражением вселенского разума Церкви. Остальные присутствующие оказались гораздо более выдержанными в словах: Анатолий Константинопольский *согласился* с присуждением Диоскора к низложению, Максим Антиохийский высказал такую же формулировку. Уже на этом небольшом примере видно, насколько по-разному понимали статус Вселенского Собора в Риме и на Востоке. Приговор объявили публично, и царь поспешил, во избежание беспорядков, отправить Диоскора в ссылку в Гангр, находящийся в Пафлогонии.

17 октября состоялось четвертое заседание, на котором вновь перешли к вопросу о вере. Но никакого конкретного ответа сановники, руководящие Собором, от согласительной комиссии не получили. Встал вопрос о голосовании по вопросу: все ли признают, что воля св. Кирилла и св. Льва одна и та же? Поскольку речь пошла о поименном голосовании, вспомнили сторонников осужденного Диоскора, которым повезло гораздо больше, чем их патрону. Когда очередь дошла до обвиняемых епископов, они закричали: «Все мы погрешили, всех помилуйте!», и их просьбу поддержали остальные епископы. Государственные сановники попытались возражать, взывая к разуму, но под давлением окружающих все же направили гонца к императору с просьбой высказать свою волю. Обдумав ситуацию, не желая новых жертв, царь отдал на решение остальных участников Собора вопрос о наказании отступников, и вовремя опомнившиеся сообщники «Фараона» были прощены и остались на своих кафедрах. Сановники подвели итог простым словом: «Сказанное пусть будет передано к исполнению»⁸¹⁵. Под ликующие крики Отцы простили прегрешивших собратьев и посадили их рядом с собой⁸¹⁶.

Затем возникла упоминавшаяся ранее сцена с 13 египетскими епископами, которые, плача, умоляли Отцов Собора не заставлять их голосовать о «Томосе» папы св. Льва, ссылаясь на отсутствие у них архиепископа. Потрясенные их слезами и сединой, остальные архиереи разрешили им высказать свое мнение после избрания патриарха Александрии, при условии, что все это время они будут безвыездно жить в Константинополе. Допросили и сирийских монахов — убийц св. Флавиана, которых передали суду Константинопольского архиерея.

Когда на пятом заседании, 22 октября 451 г., дело дошло наконец до определения, подготовленного согласительной комиссией во главе с Анатолием Константинопольским, легатов ожидала очередная неожиданность. Патриарх прочитал определение, видимо, им самим же и составленное, где содержались отличительные новации по сравнению с текстом «Томоса». К тому же оно было несколько двусмысленным по формулировкам и совершенно не давало возможности поразить ересь Евтихия по существу. Среди восточных епископов послышались роптания: «Определение составлено нехорошо и должно быть исправлено»; папские легаты раздраженно молчали, не понимая, что происходит. Когда Анатолий поставил определение на голосование, Пасхазин поступил просто: «Если “Томос” св. Льва не нравится Собору, то, — сказал он, — дайте нам грамоты на возвращение, и этим Собор закончится». Собрание зашло в тупик — восточные епископы «Томос»

св. Льва полностью не признавали, видя в нем известные отклонения от св. Кирилла, но и не опровергали, отдавая дань мужеству и личной преданности Православию со стороны папы.

Вновь ситуацию спасли *царские сановники*, предложившие собрать группу из различных епископов (6 — сирийских, 3 — азийских, 3 — понтийских, 3 — иллирийских, 3 — фракийских, с участием Анатолия Константинопольского и всех трех римских легатов), чтобы дать Собору окончательный текст Кафолического исповедания⁸¹⁷. Римские легаты и некоторые епископы вновь воспротивились этому предложению, и тогда сановники направились к царю, чтобы получить нужные инструкции.

Вернувшись, они доложили, что император св. Маркиан велел либо созвать согласительную комиссию, как это предлагали сделать его сановники, либо предоставить каждому епископу через своего митрополита возможность по очереди свободно высказать собственное вероопределение. Наконец, сказал царь, «если же и этого не захочет ваша святость, чтобы вы знали, что в западных странах имеет быть Собор, так как ваше благочестие не хотело здесь сделать бесспорного постановления об истинной и православной вере»⁸¹⁸. То есть император угрожал в случае неповиновения его требованиям созвать *новый* Вселенский Собор на Западе, в Италии.

Это был уже пиковый момент — оставалось либо разрывать отношения с императором и открыто идти против его воли, либо соглашаться на предложенные царскими представителями условия. Восточным епископам этого, конечно, очень не хотелось, как, впрочем, и римским легатам. Для первых это означало полную *дискредитацию* их как архипастырей, не сумевших сформулировать православное вероисповедание, а для легатов — поражение (пусть и косвенное) «Томоса» понтифика, который должен был стать образцом веры. Делать нечего — все согласились с первоначальным предложением. Позиция царя победила — ведь, как правитель государства, хранитель Церкви и ее глава, император требовал четко указать не только то, что является ересью и во что *верить нельзя* (это, как раз, сделать было нетрудно), но и то, *во что нужно верить*. Или, иными словами, *какая* есть вера Кафолическая. Объективно, это было совершенно обоснованное и оправданное требование; не этим ли и занимались в течение всех предыдущих лет Вселенские Соборы, как не формулированием истинного вероисповедания?

Верно называют эту согласительную комиссию «комиссией отчаяния», и — вот чудо: всего за несколько часов она «составила, написала и вынесла мудрейшее тактически, при данных обстоятельствах совершеннейшее, философски-богословски знаменитейшее на все века Хал-

кидонское вероопределение»⁸¹⁹. В его основу положили Антиохийское исповедание 433 г., «Томос» св. Льва и послание св. Кирилла Александрийского Несторию. По существу, это была все же полнокровная богословская победа св. Льва Великого, хотя не без помощи св. Кирилла.

Соборный орос звучал следующим образом:

«Итак, следуя за божественными отцами, мы все единогласно учим исповедовать Одного и Того же Сына Господа нашего Иисуса Христа, Совершенным по Божеству и Его же Самого Совершенным по человечеству; подлинно Бога и Его же Самого подлинно человека; из разумной души и тела. Единосушным Отцу по Божеству и Его же Самого единосушным нам по человечеству. Подобным нам во всем, кроме греха.

Прежде веков рожденным из Отца по Божеству, а в последние дни Его же Самого для нас и для нашего спасения (рожденного) по человечеству из Марии Девы Богородицы.

Одного и Того же Христа, Сына, Господа Единородного, познаваемым в двух природах неслитно, непревращенно, неразделимо, неразлучимо.

При этом разница природ не исчезает через соединение, и еще более сохраняется особенность каждой природы, сходящейся в одно Лицо и в одну Ипостась.

Учим исповедовать не рассекаемым или различаемым на два лица, но Одним и Тем же Сыном и Единородным, Богом Словом, Господином Иисусом Христом.

Как изначала о Нем изрекли пророки и наставил нас Сам Господь Иисус Христос и как предал нам символ отцов наших».

...В зале на несколько минут наступила абсолютная тишина. Все были поражены случившимся и осмысливали сделанное согласительной комиссией. Возражений не нашлось — возражать было трудно, если вообще возможно без обвинений в ереси. И тогда Отцы Собора восторженно вскричали: «Это вера отцов! Мы все так мудствуем! Пусть митрополиты сейчас же подпишут ее и — конец!»

Это была величайшая победа соборного разума Церкви, водимого Святым Духом. Ведь всего еще несколько часов назад казалось невероятным преодолеть те разногласия и опасения, которыми были полны Отцы Собора, а сейчас эта цель оказалась достигнутой! И нет ничего удивительного в том, что уже вскоре это событие обросло массой легенд и преданий, объединенных одной целью — подчеркнуть и обосновать истинно *Божественный характер* того откровения, которое состоялось 22 октября 451 г.

Например, в наиболее распространенном сказании повествуется, что, не сумев договориться, противоборствующие партии решились

положиться на суд св. Евфимии. Они изложили свои редакции вероопределения на бумаге и положили в гробницу к святым мощам мученицы. После этого собрание стало молиться святой, чтобы она просветила их откровением истины, и эта общая молитва продолжалась всю ночь. На следующее утро Отцы Халкидона сняли печати с гробницы и отворили раку, — странное зрелище поразило их. Святая держала один свиток в своей руке (конечно, православный), а второй лежал у ее ног, как будто св. Евфимия с презрением отвергла его.

Другой вариант предания гласил о том, что когда император св. Маркиан и Константинопольский патриарх Анатолий подошли к раке, святая сама передала им в руки список с истинным исповеданием. В любом случае, если это была и легенда, то очень красивая. И с тех пор св. Евфимию, как покровительницу Халкидонского Собора, начали иконописно изображать исключительно со списком вероопределения в руке⁸²⁰.

В принципе это исповедание можно было подписать немедленно. Но председательствующие сенаторы, понимая, что главная цель достигнута, пожелали обставить счастливый финал максимально торжественно, перенеся подписание соборного ороса на три дня, чтобы на Собор могли прибыть императоры. Наконец, в желанный день 25 октября 451 г. состоялось императорское заседание, когда на Соборе в первый и последний раз присутствовали св. Маркиан и св. Пульхерия. Они вошли в залу рука об руку, и их сопровождала пышная свита придворных и самых высших чинов Империи. Они заняли председательское место, а епископы расположились с двух сторон от них. Это заседание Собора было не самым многочисленным (350 епископов из числа всех присутствовавших в Халкидоне, остальные боялись подписывать орос из-за непонимания его, но пока молчали), однако по пышности и великолепию, окружавшим царскую чету, превосходило все предыдущие.

Святой Маркиан открыл заседание (шестое по счету) речью на латинском языке, который по-прежнему считался официальным языком Римской империи, повторенной им же самим по-гречески. «Когда Божественным определением мы избраны были на царство, — сказал император, — то между столькими нуждами государства не занимало нас так никакое дело, как то, чтобы православная и истинная вера христианская, которая свята и чиста, пребывала бессомнительною в душах всех... Поэтому мы позаботились созвать с этим именно намерением святой Собор и, кажется, показали вам свое старание, чтобы очищенная от всякого заблуждения и мрака, как благоволило Божество открыть себя людям и показало учение отцов, вера наша, которая чиста и свята, внедренная в ум всех, сияла блеском своей силы; чтобы и после

никто не смел о рождении Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа думать иначе, нежели, как известно, предали потомству апостольская проповедь и согласные с ней определения 318-ти Святых Отцов, а также, как свидетельствует послание святого Льва, папы города Рима, который управляет апостольским престолом, к святой памяти Флавиану, епископу города Константинополя»⁸²¹.

После окончания речи Отцы воскликнули: «Многая лета императору, многая лета августу; православным многие лета! Один сын Константин. Маркиану новому Константину! Да продолжается во веки царствование Маркиана Христолюбца, достойного любителя православной веры! Прочь от них зависть! Маркиану новому Константину многая лета! Императору многая лета! Да продолжается ваше царствование, достойное Православия! Христолюбцы, благополучие вам!»⁸²²

Это был триумф императора св. Маркиана и святой августы Пульхерии. С разрешения императора нотарий, он же архидиакон Константинопольской церкви, Аэций прочитал соборное определение, под которым, вслед за Пасхазимом, подписались присутствовавшие на торжестве Отцы. Затем св. Маркиан спросил: по согласию ли всех провозглашено прочитанное определение? И Отцы ответили: «Все так веруем; одна вера, одно мнение!»

И далее вновь потекли реки славословия в адрес царей — нескончаемые, искренние и многоголосые. «Маркиану, новому Константину, новому Павлу, новому Давиду, многая лета! Давиду — императору! Господи, жизнь ему благочестивую продли, новому Константину, новому Маркиану! Вы — мир Вселенной! Господи, жизнь ему благочестивую сохрани! Да сохранит вас вера ваша! Ты почитаешь Христа: сам Он да сохранит тебя! Ты укрепил Православие! Вы веруете так, как апостолы! Многая лета августу! Вы — светила Православия; от этого везде — мир. Господи, сохрани светила мира! Господи, сохрани светила Вселенной!»

Со всех концов просторного храма Св. Евфимии неслось громогласное победоносное пение: «Вечная память новому Константину! Да сохранит Бог ту, которая от рода православна! Да сохранит Бог хранилищу веры! Да сохранит Бог постоянно благочестивую, православную, противницу еретиков! Бог да сохранит вашу державу! Бог да умирит ваше царство! Маркиан — новый Константин! Пульхерия — новая Елена; ты показал веру, а ты явила ревность Елены! Ваша жизнь — охрана всех! Ваша вера — слава церквей! Ты восстановил церкви, ты утвердил Православие! Царство ваше да будет во век! Победитель врагов, *учитель веры!* (выделено мной. — А. В.)»⁸²³.

Постепенно крики стихли. Император велел зачитать подготовленные им правовые нормы по вопросам церковной жизни — ответы на

запросы, по ходу Собора направленные на его рассмотрение. Но, как св. Маркиан заявил тут же на заседании, сам он не пожелал утверждать их своим законом (то есть государственным), а посчитал приличным, чтобы они были утверждены Собором. Отцы постановили так, как посчитал нужным сделать царь, даже не вдаваясь в существо вопросов и полностью доверяя его суду.

За заслуги Халкидона святой император тут же предоставил городу статус митрополии, сохранив при этом его подчиненность Никомедии, чем вновь вызвал бурные восторги епископов. Наконец, утомившись, Отцы попросили царя дать им отдых. Император согласился, но предупредил, что Собор не будет закрыт, пока не решатся все остальные накопившиеся дела.

На заседаниях 26, 27 и 28 октября решались административные, канонические, дисциплинарные и личные вопросы. Так, 26 октября 451 г. были определены границы Антиохийского и Иерусалимского патриархатов. Иерусалимский архипастырь получил три митрополичьих центра — Кесарию, Скифополис и Петру, а к Антиохии отошли нынешние Ливан, Сирия («Две Финикии») и Аравия. После этого Иерусалимский архиерей вошел в ряд «Вселенских» патриархов — Римского, Александрийского и Антиохийского. Безусловно, это была цена за оппортунистическую позицию св. Ювеналия Иерусалимского, оговоренная с императорами⁸²⁴.

Затем были оправданы Феодорит Киррский и Ива Эдесский, которых обвиняли в несторианстве. Эти обвинения, по сути, имели под собой некоторую основу вследствие не вполне точных и не всегда корректных выражений, присутствовавших в их сочинениях. К сожалению, упоенные победой, Отцы Собора не захотели вникать в богословские тонкости и потребовали от них *формального* анафематствования Нестория и признания Пресвятой Девы Марии Богородицей. Напрасно Феодорит пытался возражать, что и Несторий был готов признать Деву Марию Богородицей и хотел изложить собственное богословское видение Тайны Искупления — его не желали слушать, требуя только открытого разрыва с Несторием. Наконец, утомленный Феодорит, которого самого со всех сторон начали обвинять в ереси, махнул рукой и прочитал требуемое.

Конечно, участников Халкидонского Собора можно было понять: только-только, ценой невиданных усилий, путем жесткого давления со стороны императорской власти они пришли к истинной формуле веры. Феодорит был анафематствован Евтихием, и формально после

низвержения архимандрита эта анафема, произнесенная еретиком, не имела силы. Но в богословии, в отличие от правоведения, такие прямые причинно-следственные связи не возникают сами собой. Отцы боялись, заслушав объяснения Феодорита, появления нового прецедента и новых богословских разбирательств, результат которых был заранее неизвестен. Однако вскоре эта догматическая слепота и нежелание вникнуть в тонкости антиохийского богословия приведет к тяжелым последствиям и даст почву для длительного раскола Кафолической церкви, истощившего и обессилившего ее. Потребуется 100 лет борьбы и созыв V Вселенского Собора, чтобы залечить хотя бы самые кровоточащие раны.

Дошло дело и до бывшего Антиохийского патриарха Домна, который, скорбя по поводу собственных деяний на «Разбойном соборе», сложил с себя епископский сан и проживал в то время в монастыре. Теперь, ввиду крайней нужды, он просил выделить ему некоторые средства на пропитание. Смягченные ходом последних заседаний, Отцы не стали вспоминать старые обиды и дали удовлетворение просьбе.

Правда, здесь епископам пришлось вновь услышать напоминание о папе, не вполне толерантное в отношении других патриархий. Так, подавая свой голос, епископ Пасхазин сказал буквально следующее: «Святой и блаженный папа, *который утвердил епископство* (выделено мной. — А. В.) святого и почтенного Максима, епископа Антиохийской церкви», и далее по тексту⁸²⁵. Нельзя сказать, что легат понтифика вновь и вновь пытался силой навязать Отцам мнение об особом статусе Рима. Просто он давно уже мыслил так, сообразно этому излагал свои мысли и полагал, будто остальные не могут не думать так же, как он сам и весь Запад.

В последующие дни, когда разбирались различные жалобы и прошения, восторженные эпитеты в адрес императоров не прекращались. Например, обращаясь к царю, Отцы вновь пишут: «Господь всяческих, видя, что апостольская православная вера обуревается нечестивыми и весь мир волнуется в беспорядке, поставил ваше благочестие блюсти Вселенную и управлять ею, и искоренять смуты, возбужденные непотребными людьми против учения святых, и утверждать свет и силу Православия»⁸²⁶.

Наконец, уже в завершение работы Халкидонского Собора, в будничной атмосфере, были приняты 30 правил (канонов), одно из которых вызвало многовековые и нескончаемые споры. В отсутствие римских легатов и даже императорских сановников, хотя, как будет

видно из последующего изложения, данные события отнюдь не являлись самовольным экспромтом со стороны Отцов Собора, был принят 28-й канон о правах Константинопольского архиерея.

Глава 2. 28-й канон и последние годы великой династии

Что же произошло? То, что участники заседания решили канонизировать *устоявшуюся* практику, когда епископы соседних с Константинополем диоцезов — Фракии, Понта и Асии предпочитали прибегать к суду императора, а тот, соблюдая канонические приличия, передавал церковные тяжбы на суд архиерея столицы. Этот порядок вещей был узаконен 9-м («Аще же на митрополита области епископ, или клирик, имеет неудовольствие: да обращается или к экзарху великой области, или к престолу царствующего Константинополя, и пред ним да судится») и 17-м («Аще же кто будет обижен от своего митрополита: да судится пред экзархом великия области, или пред Константинопольским престолом, якоже речено выше») канонами Халкидона без каких-либо возражений со стороны епископов.

Однако этого казалось недостаточным. Хотя, как верно говорят, Эфесский и Халкидонский Вселенские Соборы были самые *«проримские»* и подняли личный авторитет св. Льва Великого и самой Римской кафедры на невероятную высоту, но Халкидонский Собор был и самый *«проимператорский»*. Восточный, греческий в своей массе епископат, часто расходившийся между собой в догматических вопросах, был единодушен «в признании национально-религиозной ценности авторитета христианской, миропомазанной Церковью императорской власти и ее исключительной, мировой, экуменистической единственности». Только император смог преодолеть раскол Церкви, благодаря его заслугам и благочестию миру было дано универсальное, православное исповедание Веры, христианство очищено от скверны ереси и преступлений «Разбойного собора». И в лучах его вселенской славы быстро вырос и стал неразлучным авторитет Константинопольского патриарха.

Восточные епископы не были антипапистами, и тем более антиримлянами. Они по достоинству оценили православие св. Льва и силу его «Томоса». Но они обижались, когда замечали со стороны Римской кафедры умаление или неуважение к чести Константинопольского епископа, поскольку в этом случае оскорблялось достоинство самого

василевса⁸²⁷. Ранее цари Восточной империи, стараясь уйти от вмешательства в дела Церкви (св. Феодосий Младший) или простодушно взирая на противостояния кафедр (Аркадий), позволяли Александрии унижать престиж Константинопольского архиеерея. Но в критическую минуту, когда потребовались вся сила власти и решимость ее верховного обладателя, они без сомнения перешли к политике св. Феодосия Великого, полновластного главы Вселенской Церкви, всемерно способствовавшего первенству архипастыря своей столицы.

Тайная инициатива св. Маркиана и св. Пулхерии, наверняка доведенная до Отцов Собора, не вызвала возражений со стороны епископов Востока. Для ограждения достоинства своего царя и патриарха они задумали *канонически* закрепить его преимущества, руководствуясь не только ранее изложенными мотивами, но и тем простым соображением, что в силу падения авторитета Александрийского архиепископа первенство на Востоке должно было перейти к той кафедре, которая объективно заслужила эту честь. Поскольку Рим победил дипломатически и отчасти богословски, восточные епископы считали вполне благоприятным моментом закрепить в бессмертных канонах первенство чести Константинопольского патриарха, надеясь, что латиняне на радостях без сомнений подпишутся под общепризнанными уже *фактически* на Востоке привилегиями столичного архиепископа.

В результате родился известный 28-й канон Халкидона: «Во всем следуя определениям Святых Отец, и признавая читанное ныне правило ста пятидесяти боголюбезнейших епископов, бывших на Соборе во дни благочестивой памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, тожде самое и мы определяем и постановляем о преимуществах святейшия церкви тогожде Константинополя, нового Рима. Ибо престолу ветхого Рима Отцы прилично дали преимущества: поелику то был царствующий град. Следуя тому же побуждению, и сто пятьдесят боголюбезнейших епископов предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, да град, получивший честь быти градом царя и синклита и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах возвеличен будет подобно тому, и будет второй по нем».

Узнав об этой новации, из которой, впрочем, не делалось тайны, римские легаты немедленно потребовали созыва общего заседания, которое состоялось 1 ноября 451 г., — это было последнее заседание Вселенского Собора. Выступили все три представителя папы. Пасхазин тут же заявил, что им известно о некоторых *тайных* якобы актах, которые неканоничны. Уже известный нам нотариий Аэций возразил,

сказав, что никакой тайны нет, поскольку легатам предлагалось присутствовать на минувшем заседании, но те сами отказались, ссылаясь на занятость; а затем прочитал 28-е правило. На самом деле нотариий, конечно, слегка лукавил — ни при каких обстоятельствах легаты не отказались бы прийти на заседание, если б знали заранее, *о чем* пойдет речь. Очевидно, приглашение носило общий характер без уточнения предмета обсуждения, и легаты попались на собственном небрежении своими обязанностями. С другой стороны, возражать было нечего, поскольку их действительно приглашали на заседание.

Первоначально, обозрев многочисленные подписи епископов под канонем, римские легаты решили, что тех *заставили* подчиниться чужой воле, и открыто высказали это обвинение в адрес Константинополя. Но, к их удивлению, присутствовавшие здесь же Отцы ответили, что никто из них принужден не был. Тогда второй легат, епископ Луценций, начал рассуждать по существу. Для начала он высказал недоумение: если вчера провозглашено то, что ранее канонически не было утверждено, и при этом говорят, что эта практика и ранее существовала, то почему пытаются узаконить то, чем ранее пользовались не по праву? Конечно, это удивление нельзя назвать искренним. Общеизвестно, что церковные каноны, в том числе в части преимуществ той или иной кафедры, возникали спонтанно, *по сумме прецедентов*, а не по заранее составленному плану. Каноны почти всегда не столько предопределяли новый порядок, сколько закрепляли уже сложившийся.

Затем в дело вступил третий легат, пресвитер Бонифаций, попытавшийся доказать, что вследствие принятия 28-го канона умаляется честь и достоинство Римского епископа. Он зачитал данное им перед началом Собора поручение понтифика — ни в коем случае не допускать уничтожения Римской кафедры: «Если некоторые, по убеждению в значении своих городов, покусились поколебать оное, таких опровергнуть, как требует право». Едва ли обосновано предположение, будто апостолик заранее знал о готовящемся 28-м правиле, скорее, как можно предположить, он опасался рецидива «Разбойного собора» со стороны того же Диоскора. Это был сильнейший противник, и вряд ли кто-нибудь мог с абсолютной уверенностью сказать заранее, удастся ли свергнуть его с престола, и чем закончится Халкидон. Поэтому-то папа и дал поручение, страхующее его от всяких неожиданностей, — в случае чего, всегда можно было бы признать неканоническими любые определения, инициированные Александрией, если они шли вразрез с позицией Рима. Но в данном случае строгая директива папы против Александрии пригодилась против... Константинополя.

Началось обсуждение. Вначале, во избежание канонических ошибок, прочитали правила Первого и Второго Вселенских Соборов, но к общему знаменателю не пришли, поскольку римские легаты сделали вид, что «не знают» о существовании Вселенского Собора 381 г. Или, вернее сказать, они просто проигнорировали ссылку на его акты. Наступило общее смятение, и тогда сановники императора вновь приступили к опросу подписантов, насколько свободно те приняли спорное правило. К неудовольствию легатов, все опрошенные высказались категорично. Более того, выяснилось, что епископов Мирских, Амасийских, Гангрских, Синнадских и других Константинопольских архиереев уже не раз рукополагал своей властью еще до Халкидона. А епископ Лаодикийский Нунехий прямо заявил: «Слава Константинопольского престола есть наша слава: в его чести участвуем и мы, потому что он принимает на себя и заботы наши; и нам приятно, что в каждую область митрополит рукополагается от этого престола».

Пергамий, епископ Антиохийский, высказался еще категоричнее: «Во всем нам следует оказывать честь и послушание святейшему архиепископу царствующего нового Рима, как главному отцу. Об одном только прошу, чтобы, если окажутся какие-либо дела, совершающиеся или по неведению его святости, или по подлогу, то, ради его чести, для мира святейших церквей и ради благоугодности Богу пред всеми, эти дела исследовались бы и охранялись так, как пред отцом»⁸²⁸.

Усугубил положение Евсевий Дорилейский, заявивший, что сам читал это правило *еще раньше* Халкидона папе св. Льву Великому, когда апеллировал на решения «Разбойного собора», в присутствии Константинопольских клириков, и, по его словам, тот принял его. И в этой истории ничего удивительно нет — говорили как бы об одном и том же, но в разное время и ином контексте, преследуя различные цели. Когда Евсевий жаловался папе на самочинства Диоскора, опровергнуть определения «Разбойного собора» можно было ссылкой на их неканоничность. Здесь-то и припомнили, что Константинопольского архиерея *унизили*, предоставив ему пятое место вместо второго, а также вспомнили о его прерогативах в отношении самого Евсевия, суд над которым не имел никаких правовых оснований. Поэтому папа так благосклонно и выслушал в тот момент жалобу епископа, что ссылка на канонические прерогативы Константинополя и практику окормления окружающих церковных областей была ему объективно выгодна. Другое дело — нынешняя ситуация, когда, устранив конкурента в лице Александрийского архиепископа, Рим и Константинополь столкнулись друг с другом.

Выслушав всех, сановники постановили: «Из всего дела и из заявления каждого мы усматриваем, что, хотя преимущества пред всеми и особая честь по канонам остается за боголюбезнейшим архиепископом древнего Рима, однако и святейшему архиепископу царствующего Константинополя, нового Рима, должно пользоваться теми же преимуществами чести; и что он имеет самостоятельную власть хиротонисать митрополитов в округах Азийском, Понтийском и Фракийском. Это усмотрено нами. А святой и Вселенский Собор благоволит сообщить, что представляется ему». Тогда все восточные епископы воскликнули, что это — справедливый и правильный суд.

Легаты попытались вновь вернуться к старой теме, будто 28-е правило принято тайно, в их отсутствие, совершенно неканонично и оскорбляет Апостольский престол, но сановники ответили: «Все, что мы высказали, Собор утвердил»⁸²⁹. Собственно говоря, на этом великий Халкидонский Собор и завершил свою работу.

Собор, конечно, закончился, но что из того? Император требовал от епископов точного и единодушного исповедания веры, и вот, когда этот счастливый момент наступил, возникла опасность того, что папа не подпишет соборные определения из-за 28-го правила. Очевидно, в этом случае орос Халкидона не имел бы вселенской силы, да и богословский авторитет соборных определений упал бы, откажись понтифик скрепить их своей подписью.

Нередко высказывают мысль о том, что принятие 28-го канона обуславливалось желанием императоров и Отцов окончательно завершить расстановку кафедр по иерархии. Они хотели раз и навсегда прекратить попытки Александрийского патриарха главенствовать на Востоке, установив в качестве преграды особые преимущества Константинополя⁸³⁰. Безусловно, такой мотив нельзя сбрасывать со счетов, но все же желание урезонить Александрию едва ли являлось определяющим и в любом случае было далеко не единственным. Конечно, папе были неприятны славословия в адрес Константинопольского епископа и признание Константинополя «новым Римом», но с *юридической* точки зрения это едва ли имело какие-то серьезные последствия. Само понятие «преимущество чести», упомянутое в каноне, едва ли имеет четкое и строгое правовое содержание.

Гораздо хуже для папы было то, что 28-й канон передал Константинопольскому патриарху право утверждать митрополитов (то есть фактически *передал церковную власть*) в Азийском, Фракийском и Понтийском округах. Надо сказать, что Малая Азия (Азийский округ) имел в ту пору громадное историческое, государственное и церков-

ное значение. Она была посредницей между народами Средней Азии и Европой, отличалась густой заселенностью, прекрасным климатом, богатыми залежами мрамора и металла, высоким уровнем сельского хозяйства. Соответственно населению было очень велико число епархий, которых насчитывают до 450⁸³¹.

Никакого отношения к Александрии эти территории не имели, но серьезно затрагивали интересы Римской кафедры. Ведь вследствие этого Константинопольский архиепией резко расширял число подчиненных ему митрополичьих и епископских кафедр, а второе место в иерархии предопределяло невозможность осуждения его патриарха даже папой Римским, а только Собором или императором. А апостол едва ли желал отказаться от практики по существу *единоличного* суда над другими патриархами, что иногда уже имело место, например Несторий, осужденный папой на Римском соборе еще до открытия III Вселенского Собора.

Кроме того, при уравнивании преимуществ обеих кафедр как очевидное следствие мог встать и более серьезный вопрос. До Халкидона понтифики ссылались на апостольское происхождение своей кафедры, как безусловную предпосылку закрепления за ними первенства чести во Вселенской Церкви. Но, если это обстоятельство на самом деле так важно, почему Константинополь, не имеющий столь славной страницы в биографии своего престола, получил аналогичные права? Отсюда был уже только шаг до того, чтобы принципиально поставить — пусть даже только теоретически — вопрос о том, насколько и *чем обосновано* первенство Рима? Безусловно, с *практической* точки зрения эта затея была бы обречена на провал: для обоснования своих преимуществ Рим мог без труда напомнить о многих других заслугах перед христианством. Но все же представлялось очень обидным, что непогрешимая (как считали сами папы) кафедра апостола Петра уравниена с «новобранцем», который то и дело впадал в ересь или прибегал к помощи того же Рима для защиты прав своих архиереев.

Но и греки совершенно ясно представляли, какие последствия повлечет дальнейшее расширение церковной власти Рима. Эта неприятная перспектива была особенно наглядна на фоне тех полномочий папы, о которых, как о сложившемся факте, римские легаты постоянно говорили в Халкидоне. Ради церковного мира Собор признал догматическую победу св. Льва Великого, пусть даже и в ущерб авторитету св. Кирилла Александрийского. Но одно дело — признать правоту понтифика в отдельно взятом догматическом споре, а другое — признать, что только он непогрешим и его суждения обязательны для всех Поместных Церквей.

Поэтому, хотя бы для косвенного ограничения папских амбиций, возникла объективная необходимость положить предел его власти путем создания ему противовеса в лице другой *Вселенской кафедры*. Принятые до Халкидона каноны не позволяли приблизиться к желанной цели. Никейский 6-й канон от 325 г. принимался в те времена, когда Константинополь еще вообще не существовало, и потому не мог служить основанием для закрепления преимущества чести столичного архиерея. Кроме того, как показали соборные заседания, этот канон претерпел уже на Западе существенные редакционные изменения, категорически не признаваемые на Востоке, должны играть на пользу Римского епископа. Принятые в Халкидоне 9-й и 17-й каноны едва ли могли заключать в себе гарантии против папских притязаний. Конечно, они закрепляли правила о подсудности отдельных категорий дел Константинопольского патриарха, но не затрагивали вопрос о церковной иерархии Поместных Церквей. Поэтому само собой напрашивалось новое правило, канонически закрепляющее властные полномочия епископа «Нового Рима», должного располагаться рядом с папой «ветхого Рима».

Собственно, для этого требовалось лишь рецепировать правила II Вселенского Собора и более четко обозначить границы церковного округа Константинопольского патриархата, что и было сделано 28-м канонем. Примечательно, что Константинополь поддерживали другие великие церкви — наверное, их представители помнили, как начинался в Халкидоне суд над Диоскором, и никому не хотелось оказаться в ситуации, когда папа единолично будет определять виновность или невиновность *канонически равных* ему епископов.

Полагают также, что, возможно, желание восточных епископов простиралось еще дальше и они раздумывали над тем, чтобы вообще поставить Константинополь с Римом на одну ступень, окончательно решив вопрос об уравнивании их власти. Но двух первых мест, как известно, быть не может, поэтому удовольствовались вторым местом Константинополя по чести после Рима⁸³².

Первоначально, дабы не уронить престиж Халкидона и смягчить св. Льва, Отцы использовали все возможные способы выражения понтифику своего уважения и подчеркивания его роли в преодолении ереси. Они пытались устранить главное обвинение в том, что 28-е правило ведет к умалению чести Римского епископа. Например, в речи Собора к императору бросается в глаза славословие: «Бог назначил вам неуязвимого от заблуждений поборника и приготовил к победе Римского предстоятеля, препоясавши его отовсюду учениями истины, дабы он, ратуя

подобно пламенного ревностью Петру, привлек к Христу всякий ум... Воздайте Благодетелю верою и докажите благодарность за честь попечением об исповедании, стремления злых обуздывая, а всех подвижников благочестивого исповедания вознаграждая согласиём, подтвердив при собранном вами Собрании *учение кафедры Петровой* (выделено мной. — А. В.), как бы печать благочестивых догматов. Ваше благочестие должно быть уверено, что боголюбивый предстоятель Римский ничего не изменил из древле возвешенной святыми Отцами веры. И чтобы не осталось никакого повода для сиящихся из зависти клеветать на апостольского мужа, мы, для точного ознакомления вашего владычества, прилагаем из многих немногие свидетельства Святых Отцов»⁸³³.

Но уже здесь выходило так, будто Отцы говорят о «Томосе» св. Льва Великого не как основании Халкидонского исповедания, а *оправдываются*, что на самом деле «Томос» не противоречит св. Кириллу и Святым Отцам и потому православен.

Затем соборное письмо ушло непосредственно св. Льву, и оно также было наполнено всяческими, самыми пафосными, выражениями и заверениями в уважении авторитета Рима. В заключение письма Отцы просили папу утвердить правила о преимуществах Константинополя, поскольку они были приняты для благочиния и укрепления церковных постановлений, а не для умаления его чести. Озабоченные тем, насколько ревниво апостолик относился к первенству чести своей кафедры, Отцы тут же добавили фразу, максимально возможно демонстрирующую различие между Константинополем и «Древним Римом», конечно, не в пользу первого. «Мы были убеждены, — пишут они, — что, обладая апостольским лучом, вы по обычной попечительности часто простирали его и на церковь Константинопольскую, потому что преподание собственных благ ближним происходит без зависти»⁸³⁴.

Выражаясь современным языком, Отцы разъясняли, что Константинополь наделен преимуществом чести *не для конкуренции* с Римом, которому принадлежит безусловное первенство в Кафолической Церкви. Более того, соглашаясь на второе место Константинополя в Кафолической Церкви, Рим, по их мнению, тем самым еще более возвеличивается. Далее Отцы напрямую отмечают, что отказ от 28-го канона нарушает определение II Вселенского Собора и отменяет старую практику столичного епископа хиротонисать архипастырей Азии, Понта и Фракии. Увы, папа был холоден. Время шло, ответа от папы не поступало. Не получив папского утверждения, 7 февраля 452 г. св. Маркиан утвердил постановления Халкидонского Собора своим законом без каких-либо изъятий.

Настало время что-то делать и папе. В своем послании 453 г. к епископам, бывшим на Соборе, св. Лев Великий отметил, что всем сердцем принял утверждение веры в Халкидоне, за исключением нововведений, прямо не назвав их. «Я напому вашей святости о наблюдении, чтобы права церквей пребывали так, как они определены теми богодухновенными 318-ю Отцами (то есть Никейским Собором. — А. В.). Пусть бесчестное домогательство не желает ничего чужого, и пусть никто не ищет себе прибытка через лишение другого. Ибо, сколько бы суетное возвышение ни устраивало себя на вынужденном согласии и не считало нужным укреплять свои желания именем Соборов, — все будет слабо и ничтожно, что несогласно с канонами упомянутых Отцов... Апостольский престол благоговейно пользуется их правилами, и я, при помощи Господа нашего, пребываю стражем как кафолической веры, так и отеческих преданий»⁸³⁵.

Как видно, понтифик не только сослался на неверные события — якобы имевшее место принуждение епископов признать 28-й канон Собора, но вообще «забыл» о II Вселенском Соборе с его 3-м правилом и об императоре, назвав себя *стражем Веры и Предания*. Более того, в своем послании к Максиму Антиохийскому св. Лев делает вид, что та иерархия церквей, которая сложилась во времена Никеи (Рим, Александрия, Антиохия), действительна и до настоящего времени. Поэтому он обращается к Максиму с напоминанием о том, что тот главенствует на 3-м престоле, и потому обязан остерегаться еретических заблуждений и сопротивляться своей властью всем новшествам. Правда, здесь нужно было как-то оправдать Александрию, что не составило труда для мощного интеллекта папы: «Хотя заслуги предстоятелей иногда бывают различны, — замечает он, — однако права престолов остаются; хотя завистники при случае могут производить в них некоторое замешательство, однако они не могут уменьшить достоинство их»⁸³⁶.

То есть папа решил вновь заговорить об Александрийской кафедре как второй в Кафолической Церкви, протянув руку помощи ее новому предстоятелю. Однако это было совсем неверно тактически и не учитывало хотя бы то простое обстоятельство, что новый архиерей Египта, принявший Халкидон и хиротонисанный после Диоскора, мог держаться на своем престоле, только опираясь на силу и власть царя. А тот, конечно, не собирался дезавуировать свою подпись под канонами IV Вселенского Собора, включая 28-е правило. В послании к императору св. Маркиану папа, конечно, сбавил тональность, но также совершенно обошел вопрос о 28-м правиле, как будто его не было совершенно, утвердив все остальные правила и новое исповедание веры.

Был ли прав св. Лев Великий в своем жестком противостоянии всему Востоку и Константинополю в частности, когда категорически отказался признать его преимущества? Конечно, нет. Не прихоть и не только личные амбиции, но сама *логика* церковной и имперской жизни вела к образованию патриархатов и появлению единого, всевластного, но в то же время *подчиненного* царю и опекаемому им центру церковной власти.

Папа сделал вид, что ему ничего не известно о II Вселенском Соборе, хотя на самом деле Запад был прекрасно осведомлен о том, что произошло в 381 г. Но если Рим знал о его канонах по поводу Константинополя, то почему 70 лет молчал, не оспаривая эти акты у следующих после св. Феодосия Великого императоров? О каких Никейских правилах могла идти речь применительно к новой столице, если они возникли в 325 г., а Константинополь в 330 г.? Ссылка на них выглядела неприкрытой насмешкой над Востоком⁸³⁷. Если понтифик не признавал второе место Константинополя в церковной иерархии, то почему же тогда, спрашивается, в Эфесе в 449 г. папские легаты были возмущены тем, что Диоскор посадил св. Флавиана на пятое место, указав ему, что тот должен сидеть на втором? Тем более не понятно, почему римские легаты на самом Халкидонском Соборе не протестовали, когда Анатолий Константинопольский занял второе место рядом с ними? Следовательно, ссылка апостолика на неканоничность 28-го правила была совершенно необоснованна.

Из иных доказательств папы следует ссылка на обман остальных епископов, но из списка «Деяний» и последующей практики совершенно ясно следует, что никакого насилия над совестью епископов произведено не было. Они действительно канонизировали ту практику, которая уже сложилась к середине V в. Не случайно Анатолий, епископ Константинопольский, писал папе, что с принятием 28-го правила он даже потерял часть компетенции, поскольку в предыдущие 60 лет архиерей столицы хиротонисал с еще большим размахом епископов приграничных с ним территорий. И принятие этого канона, заметил он, было связано главным образом с желанием *подчеркнуть честь* Римского епископа. Правда, на этот пассаж понтифик остроумно заметил, что если раньше его Константинопольский брат имел больше прав, чем сейчас, то зачем сейчас он борется за это правило? Пусть оно исчезнет, и все проблемы сами собой разрешатся.

Ну, и последний аргумент — апостольское происхождение ведущих кафедр Вселенской Церкви и отсутствие одного у Константинополя. Но и здесь Рим лукавил. В мире было множество кафедр, имевших апостольское происхождение, но это не мешало подчинить их другим

митрополиям и патриархиям, совершенно умолчав о каких-то преимуществах чести. Конечно, как отмечалось выше, апостольское происхождение имело серьезное значение для признания авторитета той или иной кафедры. И даже не в силу особой ее сакральности, а просто потому, что именно здесь жили ученики святых апостолов, хранители истинной веры, здесь же издревле сохранялись обряды и обычаи, усвоенные непосредственно от учеников Христа. Не случайно по истечении некоторого времени Константинополь начнет бороться за признание апостольского происхождения и своей кафедры, понимая, что древность обычаев и их происхождение из незапятнанного источника служат первым подтверждением истинности веры и непогрешимости их архиерея. Родилась легенда о том, что Константинопольская кафедра была основана апостолом Андреем. Но это было гораздо позже.

Папа ошибся не только на тот момент — спустя столетия его преемники на Римском престоле вынуждены будут признать права Константинополя, согласившись с тем, что он занимает второе место в Кафолической Церкви: «Собор в храме Святой Софии», Латеранский собор («XII Вселенский»), Ферраро-Флорентийский собор и т.д.

Но все же, как бы странно ни звучали наши слова, в данном случае нельзя назвать кого-то безусловно правым и совершенно неправым. Встретились две *различные психологии*, два уже существенно различающихся между собой понимания Церкви и Империи. Для греков и вообще всех восточных «симфония» отношений двух союзов неизбежно приводила к преобладающей роли второго епископа в мире, находящегося *при* императоре. Одно не мыслилось без другого, и разорвать этот органический союз было совершенно невозможно.

Восток не отказывался от Западной империи, напротив, Италия, Галлия, Испания и Африка для римского сознания по-прежнему являлись территориями единой вселенской Империи. Но считать папу первым помощником императора — в условиях громадного расстояния между местами их нахождения и фактически сложившихся отношений, — было совершенно нелогично. Поэтому, признавая за понтификом и вообще за Римом роль величайшей кафедры Кафолической Церкви, отдавая должное ее заслугам, соглашаясь на ее власть над западными епархиями, Восток ни в коем случае не думал распространять эти полномочия древней столицы государства на себя. Для них центр власти — и императорской и церковной — виделся уже только и исключительно в Константинополе.

И для Рима идея имперского всеединства оставалась безусловной, почему понтифики без всякой лести обращались с величайшим пие-

тетом к императорам Востока, как реально единственным властителям Вселенной и хранителям благочестия. Особенно после того, как на Западе императорская власть постепенно чахнет и, наконец, совсем прекращается, раздавленная варварами. Но привычка римского централизма требовала совершенно исключить какую-либо властную конкуренцию, пусть даже и на поле церковной власти. Да, император был далеко, но какое это имеет значение, если Церковь по природе своей является вселенской организацией? К тому же на стороне Рима была его древняя христианская история, авторитет апостолов Петра и Павла, многотрудная и беспримечная деятельность на благо Церкви. Что мог противопоставить этому Константинопольский «выскачка»? Только административное положение новой столицы.

Позднее, опровергая сам принцип, на котором основан 28-й канон, — политическое значение Константинополя, папа *Геласий* (492—496) писал на этот счет: «Разве император не останавливался множество раз в Равенне, Милане, Сирмии и Треве? И разве священники этих городов приобрели что-либо дополнительно, кроме тех почестей, которые передавались им с древних времен? Если вопрос о положении городов и имеет место, то положение второго и третьего престолов (Александрии и Антиохии) выше, чем у этого города (Константинополя), который не только не числится среди (главных) престолов, но даже не входит в число городов с правами митрополии».

В другом послании он еще дальше развивает эту тему: «Разве следовало Апостольскому престолу предпочесть решение округа Гераклеи, — я имею в виду понтифика Константинопольского, — или решение каких-либо иных епископов, которых необходимо созвать к нему, либо из-за него, когда епископ Константинопольский отказывается предстать перед апостольским престолом, являющимся первым престолом? Этот епископ, даже если бы обладал прерогативой митрополии или числился среди (главных) престолов, все равно не имел права игнорировать решение первого престола»⁸³⁸.

Кроме того, нельзя забывать о том, что исторические обстоятельства много способствовали тому, что Римский апостолик перестал считать себя фигурой, в чем-то уступающей императору. Рим уже вкусил самостоятельной власти, и даже привык *поправлять* и *поддерживать* собой Западного государя. Западные территории Империи и сама древняя столица могли существовать во многом благодаря их деятельной защите со стороны Апостольского престола. И поэтому папы позволяли себе временами разговаривать с царями на равных, как св. Лев Великий с императором св. Маркианом.

Однако вернемся к нашим событиям. Итак, Собор завершился, истинное вероопределение было сформулировано, но настал ли в Церкви мир? Как уже было принято к тому времени, утвердив постановления Собора, император св. Маркиан запретил какие-либо публичные рассуждения по вопросам веры: «Известно, что безумие еретиков отсюда получает начало и исход, когда некоторые рассуждают и спорят всенародно. Итак, пусть прекратится невежественная распря, ибо поистине нечестив и святотатец тот, кто после решения стольких епископов представляет что-нибудь собственному мнению для исследования»⁸³⁹. Но на проверку оказалось, что легальное единство епископов не привело к согласию всю остальную церковную народную массу.

Для всех остальных «Томос» св. Льва Великого являлся плохо скрытым несторианством, помимо которого существовало еще и «истинное» православное учение св. Кирилла Александрийского. Полагали и распространяли сплетни, что в Халкидоне св. Кирилла специально замалчивали, и это в известной степени соответствовало правде, так как Святителя принесли в жертву св. Льву во имя мира. Вот сопротивление крайних последователей св. Кирилла и создало *монофизитский раскол*, бушевавший более столетия и до конца не преодоленный еще и в наши дни⁸⁴⁰.

Утвердившись в собственном заблуждении, они считали ересью все, что идет с «Востока», то есть из Сирии, не признавали человеческую природу в Спасителе, ошибочно полагая, что в Нем присутствует только Божественное начало. «Томос» папы св. Льва они восприняли в лучшем случае как попытку *механически* соединить несторианство и отдельные тезисы св. Кирилла. Конечно, данные подозрения были поверхностны и безосновательны, но, как и любая болезнь, они нуждались во врачевании. Однако опасность распространения этого заблуждения не до конца поняли и прочувствовали Отцы Собора — очередной пример слабости человеческой природы и всесиятия Духа, Своей Благодатью творящий нашими руками чудеса. Ее совсем не осознали римские легаты, твердо стоявшие на своей позиции, что в Церкви есть только один учитель Православия, и это — папа.

Допустила ошибки и императорская власть, совершенно упустившая из виду, что Империя включает в себя не только *граждан*, римлян. В этническом плане они представляют собой бесчисленное множество народов, уже осознающих или начавших осознавать свое собственное лицо. Когда на это «национальное лицо» наложилась вера в определенное исповедание, ставшее немедленно своим, *национальным вероисповеданием*, общие, ранее привычные требования подчинения Церк-

ви и царю оказывались безуспешными. Уже несториане считали себя «халдейскими христианами», то есть христианами восточносирийского языка. А монофизитство затронет широкие слои коптов, сирийцев, армян и отторгнет от Римской империи целые области.

Первоначально всколыхнулась Палестина, где некий монах Феодосий восстал против св. Ювеналия Иерусалимского, как предателя веры. Его поддержало десяти тысячное монашество Палестинских пустынь, которым оказывала помощь вдова императора св. Феодосия Младшего св. Евдокия и настоятель Латинского женского монастыря Геронтий. Когда в начале 452 г. св. Ювеналий Иерусалимский прибыл в свой город, он ничего не смог противопоставить открытому неповиновению собственной паствы. Тогда, опасаясь разделить участь убитого бунтовщиками Севериана Скифипольского, патриарх бежал в столицу, а на Иерусалимский престол в этом же году горожанами был посажен монах Феодосий. Новый «архиерей» правил почти два года (или даже 20 месяцев), открыто преследовал и изгонял с кафедр сторонников Халкидона и хиротонисал своих выдвиженцев. Наконец императору св. Маркиану надоело мириться с этим, и его войско, двинувшееся на освобождение Иерусалима, встретилось с армией монахов близ Неаполиса-Наблуса, которую без труда разбило. Схватили Феодосия, доставив его в царскую ставку, а потом отправили в монастырь в Константинопольском предместье Сики, где он и умер 30 декабря 457 г.⁸⁴¹

Святой Ювеналий был восстановлен в правах, через некоторое время смирилась с Халкидоном и св. Евдокия. Но целые массы монашествующих и простого народа совершенно отвернулись от «мелхитов», «царских», то есть сторонников IV Вселенского Собора. Дошло до того, что сам св. Маркиан вынужден был давать разъяснения бунтующим монахам о выражении «два естества» Иисуса Христа, как его просил об этом св. Ювеналий Иерусалимский⁸⁴². Это письмо, как верно замечено одним историком, лучше всего демонстрирует, насколько религиозные требования довлели над самодержцами Римской империи. «Кто не подивится, видя этого старого солдата, перед которым отступал Аттила, дающим богословские объяснения невежественным монахам, рассеивающим ложные слухи и с заботливой ревностью защищающим свое православие против другого монаха, который осмелился оспаривать его?»⁸⁴³ Аналогичное письмо, но уже настоятельнице женского монастыря в Иерусалиме направила св. Пульхерия.

Не лучше обстояли дела и в Александрии. «Фараона», конечно, здесь не любили, но боялись. И александрийцы осознавали, насколько высоко поднялся престиж их города в последние 3 года. Когда Диоскор

был отправлен в ссылку, а на его место хиротонисали протопресвитера св. Протерия (451—457), доверенное лицо бывшего патриарха, народ взбунтовался. Дело заключается в том, что Диоскор был коптом, а св. Протерий греком, по национальному признаку разделились и обе партии. Дошло до того, что, по свидетельству современников, в Страстную неделю 457 г. только пять человек желали принять таинство Крещения от св. Протерия, остальные ушли к монофизитскому епископу⁸⁴⁴.

Итак, одни стояли за св. Протерия, другие требовали вернуть Диоскора, говоря, что при живом патриархе нельзя выбирать нового. Как обычно бывает, начались грабежи, убийства, пожары. Царь направил 2 тыс. солдат-новобранцев из варваров усмирить бунт (ну, не ветеранов же ему было посылать на мирный город, когда гунны, арабы и персы стояли у ворот Империи?), и те, напившись, устроили настоящий дебош, разбойничали, насиловали женщин. Население собралось, перебило этих незадачливых вояк, и вообще отказало в повиновении власти царя. Тогда правительство срочно направило в Египет уже настоящие легионы, которые и восстановили порядок⁸⁴⁵.

Новый губернатор Александрии по имени Флор обещал жителям снять с города наложенные царем наказания и тем установил мир. Все же ввиду угроз, которые присылались архиерею Александрии, губернатор вынужден был дать патриарху стражу, так что отныне некогда второй священник Кафолической Церкви священнодействовал под охраной солдат, многие из которых были арианами и язычниками⁸⁴⁶.

Но к этому времени уже организовалась настоящая национальная оппозиция, главным образом из коптов — местного населения, не понимавших по-гречески и не признававших Халкидона⁸⁴⁷. Ее глава диакон Петр Монг направил апелляцию св. Маркиану, но император отклонил ее. А св. Протерий, защищая себя, низложил Монга. Повсеместно нарастал мощнейший кризис, и император уже не имел возможности преодолеть его. Старый и уставший, он бросил все свои последние силы на защиту внешних рубежей, которым угрожала серьезная опасность.

Как в Александрии копты стали повсеместно принимать монофизитство, так и в Антиохии сирийцы стали чуть ли не поголовно несторианами, так что только одни греки сохранили Православие в этой древней Церкви. Впоследствии, как результат постоянных войн с Персией, мощь и значение Антиохии, почти утратившей связь со столицей, резко угасают⁸⁴⁸.

В отношениях с вандалами император соблюдал клятву, данную некогда Гейнзериху, и именно этому современники приписывали его нежелание воевать с ними, когда варварский король отказался вер-

нуть из плена царственных родственников, захваченных его воинами в Риме. Но и сам Гейнзерих не демонстрировал желания приобщить к своим новым владениям те провинции Африки, которые еще оставались во власти Константинополя.

Однако с другими врагами св. Маркиан действовал твердо и решительно. «Мы поставляем себе долгом заботиться о благе жизни человеческого рода; мы посвящаем наши дни и ночи попечению о том, чтобы народы, живущие под нашим управлением, защищены были от вторжения варваров оружием наших солдат и жили в мире и безопасности». Это была одновременно доктрина нового царствования и клятва императора на верность родине. И слова царя не расходились с делом. Когда в 453 г. арабы нарушили мирный договор и вторглись в Сирию, император направил против них Ардабудария, сына Аспара, уже знакомого нам по военным действиям на Западе, и тот разбил захватчиков близ Дамаска. Арабы не на шутку испугались, и тут же с ними был заключен мирный договор, подтвердивший нерушимость римских границ⁸⁴⁹. В этом же победоносном году полководцы св. Маркиана (Ардабударий и Максимин) разгромили племена *влемшиев* и *нувадов*, жившие на южной границе Египта. С ними был заключен договор на 100 лет, по условиям которого они обязались бесплатно выдать всех пленных римлян, вернуть ранее награбленное имущество, включая домашний скот, а также уплатить имперским войскам издержки за войну. Договор был уже подписан, но, к сожалению, Максимин умер, и ободренные варвары отбили своих заложников и опять принялись за грабительские набеги⁸⁵⁰. Впрочем, их действия утратили былой пыл и стали гораздо менее агрессивными.

В 453 г. смерть св. Пульхерии, несшей крест своего подвига во имя Христа до самого конца, оставила св. Маркиана одного. Святая императрица спокойно скончалась, достигнув возраста 55 лет, и была похоронена в церкви Святых Апостолов рядом с братом и отцом. Ей выпала тяжелая и удивительная судьба поразить две самые страшные ереси, когда-либо волновавшие Вселенскую Церковь после Ария, укрепить Римскую империю и мудро ею управлять, сохранив до старости благочестие и целомудрие. Она бывала жестка и даже иногда жестока, но всегда оставалась на высоте своего положения порфирородной царицы, сестры и жены людей, являющихся главами Кафолической Церкви и Римского государства. Незадолго перед смертью она отписала свое *личное* имущество бедным, и св. Маркиан исполнил последнюю волю супруги, раздав все нищим.

Обремененная государственными делами, она находила время для широкой благотворительности, построив много домов для убогих,

странников, а также храм в Константинополе в честь святого мученика Лаврентия⁸⁵¹. Еще ранее стараниями св. Пульхерии в Константинополе был возведен храм и монастырь в честь Божьей Матери Одигитрии. Там хранилась всемирно известная икона Пресвятой Богородицы, написанной, по преданию, самим евангелистом Марком⁸⁵². Святая Пульхерия оставила по себе продолжительное сожаление и была прославлена как Западной, так и Восточной церквями, которые навсегда вписали ее имя в книгу христианских святых.

К тому времени уже стало ясно, что династия св. Феодосия Великого доживает последние дни — у императора не было детей по мужеской линии. Святая Евдокия, хотя отдаленно и имела права на престол, но, очевидно, никогда не стала бы заявлять их, всецело отдавшись благотворительности и благочестию. По-видимому, в таких условиях св. Маркиан желал лишь одного — до конца исполнить свой долг перед Богом и Римским государством, чтобы передать Империю будущему царю в цветущем состоянии. Рядом уже не оставалось мудрого советника, каким была императрица, и тяжесть проблем, свалившихся на плечи василевса, можно только представить умозрительно, но едва ли можно передать словами.

Военные успехи и в дальнейшем сопутствовали императору и его армии. После смерти Аттилы гунны перестали беспокоить Империю, а в годы правления св. Феодосия Младшего и св. Маркиана вернулась ее былая мощь, да и вандалы, несмотря на свою силу, не решались рисковать. В 456 г. римское войско вступило в Иверию, и царь лазов *Говаз* пытался получить поддержку в Персии. Однако там шла война с гуннами — кидаритами, и Персидский царь отказался вступать с ним в союзнические отношения, также опасаясь римлян. В следующем году Говаз, по рекомендации римских послов, снял с себя знаки царской власти, отдав их своему сыну, и признал власть Римского императора над собой⁸⁵³.

Умер св. Маркиан в январе 457 г. от гангрены ноги, будучи перед этим пять месяцев прикованным к постели. Рассказывают, что его кончину ускорили уличные беспорядки между ипподромными партиями праксинов и венетов, возникшие в Константинополе в 456 г. Разгневанный царь даже отозвал у зачинщиков беспорядков, которыми были праксины, право занимать сроком до трех лет административные и военные должности⁸⁵⁴.

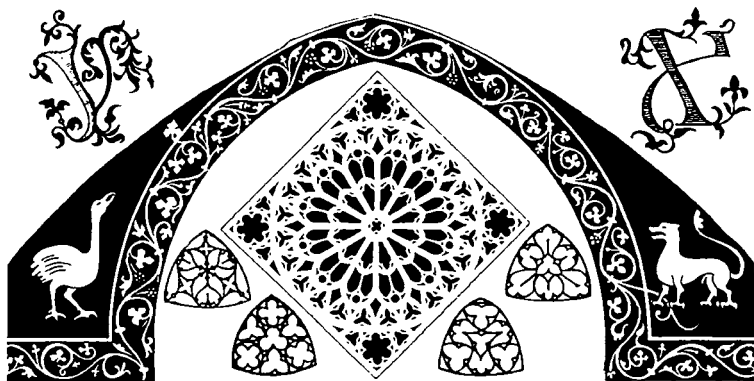
С его смертью уже окончательно иссякла великая династия св. Феодосия, давшая Римской империи ревнителей Православия, благочестивых царей, талантливых политиков, бесстрашных полководцев и опытных богословов.

ДИНАСТИЯ ЛЬВА

Х. ИМПЕРАТОР СВЯТОЙ ЛЕВ I ВЕЛИКИЙ (457–474)

Глава 1. Готский ставленник

После смерти св. Маркиана в Римской империи вновь возникла проблема выбора императора. Поскольку общество было уже давно не столь монолитным и этнически единым, как в старые времена, фактически выбор предопределили не сенат, не армия и даже не патриарх, только-только начинавший ощущать плоды 28-го канона, а наиболее влиятельные фавориты. Самым сильным из них был Аспар, полуалан-полугот по происхождению, первый член сената, уже довольно давно прижившийся при царском троне. Три члена этой семьи — Ардабударий, отец Аспара, сам Аспар и его сын Ардабударий, один за другим начальствовали над войсками Востока⁸⁵⁵.

Отец Аспара был женат на дочери знатного гота Плинты, который стал консулом еще в 419 г., а в 427 г. за воинские заслуги вторично удостоился консульства. Аспар унаследовал полководческий талант Ардабудария и сам отличился в военных походах, также став консулом в 434 г. Ардабударий, старший из трех сыновей сановника, выделялся отчаянной храбростью, и ему явно симпатизировала военная удача. Он выдвинулся на первые роли в армии еще при св. Феодосии Младшем и стал консулом, как его отец и дед, в 447 г. Это была поистине боевая семья, пользующаяся заслуженным авторитетом. Однако, как и многие варвары, гот сохранил специфическое отношение к Римской империи. Служба у императора была для него *способом обогащения* и

личного утверждения, и германец был верен царю и государству до тех пор, пока эта верность соответствовала его интересам.

Поскольку значительная и наиболее боеспособная часть римского войска состояла из готов, Аспар не боялся превратностей судьбы. Но, будучи человеком опытным и основательным, заботился о своей репутации, щедрыми подачками покупая расположение средних и низших слоев Константинополя. Ему столица обязана замечательными водохранилищами, выстроенными варваром за собственный счет в 50-х гг. V столетия. Без сомнения, германец чувствовал себя вполне уверенно и при определенных обстоятельствах имел шансы претендовать на высшую честь. Однако у Аспара был один существенный недостаток, напроць перечеркивающий все его амбициозные планы, — он был *ар-и-анином* и прекрасно понимал, что никогда Церковь и народ не признают его своим царем.

Не имея шансов украсить свой лоб императорской диадемой, готский вождь вовсе не собирался самоустраняться от выбора нового вассилевса. Мысль его была проста, но логична: если нельзя самому стать царем, нужно поставить *своего* царя. Конечно, в предстоящем выборе императора его голос имел далеко не последнее значение. Как и многие полководцы Империи, разбогатевшие во время войн, он содержал собственную дружину, начальник которой, *доместик*, играл роль его доверенного товарища. В 430 г. это место при Аспаре занимал св. Маркиан, теперь — *хилиарх* (тысячник) **св. Лев**. Он и стал кандидатом в императоры от Аспара.

Очевидно, выбор Аспара пал на св. Льва в силу доверительных отношений, сложившихся между ними. Не исключено также, что будущий царь был знаком и со св. Маркианом, едва ли забывшим тот легион, где когда-то и сам был начальником, а потому знавшим его нового командира. Возможно, что за счет сходства жизненных путей св. Маркиана и св. Льва Аспару было проще убедить солдат, чтобы они высказались за его выдвиженца⁸⁵⁶.

Биография нового царя не лишена интереса. Как и его великий предшественник, св. Лев родился во Фракии, в местности, расположенной между Балканами и Родопой. Как и св. Маркиан, он в молодости покинул родину, но какое-то время проживал в Константинополе. Там он работал вместе с женой Вериной в мясной лавке, за что он получил прозвище *Макелл* («Мясник»), после чего избрал карьеру военного⁸⁵⁷. Святой Лев неоднократно принимал участие в походах и боях и был отличен званиями и наградами за храбрость и солдатскую сметливость. Новый император имел от брака двух дочерей — св. Ари-

адну и Леонтию. На момент воцарения ему исполнилось 55 лет, это был человек сложившихся убеждений и на редкость благочестивый.

Мнение Аспара без труда возобладало над остальными, св. Лев был признан императором Римского государства и *венчан на царство*. Впервые в истории Римской империи современникам открылось удивительное зрелище. Ранее, облакая избранника Бога в порфиру, солдаты имели обыкновение поднимать его на щит. Теперь же им предстояло увидеть совершенно новую церемонию, ставшую отныне визитной карточкой византийского монархизма, непременным атрибутом поставления лица на царство, без которого ни один выбор, ни одно избрание не имело легитимной силы.

Венчание произошло 7 февраля 457 г. на Военном поле, куда прибыл патриарх Константинополя Анатолий и где собрались все высшие чины, придворные схолы и солдаты гвардейских частей. Очевидно, людей пришло великое множество, поскольку император обращался к присутствующим через глашатая. Войска опустили знамена, а из толпы послышались возгласы: «Услыши, Господи, Тебя молим! Услыши, о Боже! Жизнь Льва, слыши, о Боже! Лев будет царствовать! О Боже милостивый, государство требует Льва царем! Льва ждут законы! Льва ожидает дворец! Те самые мольбы двора! Те самые желания войска! Те самые желания синклита! Те самые мольбы народа! Льва ожидает мир! Льва принимает войско! Пусть придет Лев, общая краса! Пусть царствует Лев, общее благо! Услыши, Боже, Тебя молим!»

Под эти крики св. Лев был выведен на трибуну, и *кампидуктор* (офицер, занимавшийся муштровкой солдат) Бусальг положил на его голову свою золотую шейную цепь (старый германский обычай, восходящий еще к временам Юлиана-Отступника), а второй кампидуктор, Олимпий, дал такую же цепь ему в руки. Тогда поднялись с земли все знамена, и раздались крики: «Лев август, ты побеждаешь, ты благочестивый, ты севаст! Бог тебя сохранит! Почитая Христа, ты всегда побеждаешь! Да царствует Лев много лет! Христианскую державу да хранит Господь!» Тотчас солдаты окружили св. Льва «черепахой» (вид воинского построения), а император надел на голову диадему, облачился в царскую одежду и показался всему собранию. Ему дали в руки копьё и щит, и все сановники по очереди приветствовали его земными поклонами. Отовсюду неслись крики: «Могущественный, победитель, август! В добрый час! Царствуй много лет! Да хранит Бог это царство! Христианское царство да сохранит Господь!»

Затем св. Лев обратился к присутствующим через глашатая с такими словами: «Император кесарь Лев, победитель, всего август. Всемо-

гущий Бог и ваше суждение, храбрые боевые товарищи, избрали меня в добрый час императором Римского государства». Его перебили крики: «Лев август, да будет твоя победа! Избравший тебя сохранит! Своего избранника Бог охраняет! Благочестивое царство Бог сохранит!» Император продолжал: «Вы будете иметь во мне владыку — начальника, сослуживца — воина в ваших трудах, которые я научился выносить, отправляя службу вместе с вами». Вновь раздались крики: «В добрый час! Войско хочет тебя царем, победитель!» Когда они чуть стихли, император сказал: «Я знаю, какие дары я должен войскам. За достижение моего святого и благополучного царства я вам дам по 5 номизм и по фунту серебра на человека». Все закричали: «Благочестивый, мощный, мудрейший! Благочестивый и щедрый! От тебя исходят почести, от тебя имущества! Да пребудет твое счастливое царство золотые века!» Император ответил: «Да будет с вами Бог»⁸⁵⁸.

После этого патриарх поспешил в храм Св. Софии. А император в сопровождении патрициев, обоих префектов и магистра оффиций направился к походной церкви, вошел в комнату для переодеваний и оставил там свою диадему. Пройдя в походную церковь вместе с тремя священниками, св. Лев помолился и, выйдя из нее, возложил на свою голову царский венец, сел на белого коня и отправился в храм Св. Иоанна Крестителя, располагавшийся рядом. Войдя также в помещение для переодевания, он вновь снял венец и передал его депозиту. Подойдя к алтарю, он положил на него корону, помолился, а затем надел на голову и на коне последовал в храм Св. Софии.

По дороге его пышную процессию сопровождали сенаторы, военные чины, префекты. В храме, переодевшись и опять сняв корону, царь прошел в алтарь, где возложил ее на престол, помолился, выслушал Евангелие, сделал благотворительный взнос на Церковь, а затем в сопровождении сенаторов удалился во дворец. Перед выходом патриарх возложил царский венец на голову св. Льва, а сенаторы и префекты преподнесли ему дар в виде 3 тыс. литров золота, тотчас возвращенный государем назад. Затем император удалился в свой дворец к торжественному обеду в честь восшествия на царство⁸⁵⁹.

Внешне совершенно обычный, св. Лев был настоящим *даром Бога* Римской империи, разрываемой монофизитским кризисом, теснимой варварами и почти полностью передавшей верховную власть в руки германцев. И в фигуре рядового офицера, но твердого православного царя, она получила очередного спасителя государства и Церкви после св. Феодосия Старшего, св. Феодосия Младшего, св. Маркиана и св. Пульхерии.

По обыкновению, в Византии сложилась негласная традиция обрамлять образ внединастического императора легендами, свидетельствующими о его богоизбранности. Наверняка часть их представляет собой народные апокрифы, но тем не менее они очень точно отображают отношение римлян к императорской власти в целом и к царям, что называется «из простых», в частности. Не стал исключением и св. Лев. О нем рассказывали, что, будучи еще частным человеком (видимо, совсем юным, поскольку затем будущий царь все время подвизался на военной службе и уже не мог быть частным лицом), он гулял в окрестностях Константинополя. На окраине города, около одного кипариса, св. Лев заметил слепого странника, томимого жаждой. Желая напоить слепца, юноша искал воды, но напрасно. И вдруг он услышал голос с неба: «Император Лев! Войди в эту тенистую рощу и, почерпнув воды, напои слепца, а илом помажь ему глаза. Кто Я здесь живущая — скоро узнаешь. Устрой Мне здесь храм, в нем Я буду внимать молитвам верующих». Молодой человек исполнил все, что ему было велено, и слепец прозрел. В честь данного события он, сделавшись императором, построил в этом месте великолепный храм в честь Богородицы, известный в народе как «Живоносный Источник»⁸⁶⁰.

Первым делом царь попытался урегулировать церковные дела. Он был горячим сторонником Халкидонского Собора и не собирался ставить его определения под сомнения. Но одно дело — религиозные убеждения императора, другое — тактические трудности, которые ему необходимо было преодолеть для закрепления в Римской империи единого православного исповедания. Последняя цель была тем более трудна по своему достижению, что повсеместно Халкидон отвергался и сторонниками Нестория, и последователями Диоскора и Евтихия. Они не бездействовали и в первую очередь силой смещали с престолов епископов, принявших IV Вселенский Собор, насадив на их кафедры своих единоверцев. Особенно драматические события разыгрались в Египте, где местное население не собиралось мириться с засильем «несторианцев», к которым они относили всех этнических греков и сторонников Халкидона.

Так, узнав о смерти св. Маркиана, александрийские монофизиты, воспользовавшиеся отсутствием в столице Египта губернатора Дионисия, решили возвести на патриарший престол *Тимофея Элур* (457—460 и 475—477). Примечательно, что прозвище Элур или *Кот* узурпатору патриаршего престола дали местные православные жители за ловкость в интригах, плетущихся им против патриарха св. Протерия. Прежде Тимофей ревностно предавался монашеской

жизни, потом был причислен к пресвитерам Александрийской церкви, а теперь покусился на архиепископство при живом св. Протерии. Особенностью богословия нового «патриарха» являлось полное отрицание воззрений как Нестория, так и Евтихия, которых он искренне считал еретиками.

Когда Дионисий узнал о бунте, он тотчас поспешил в Александрию, однако не успел спасти св. Протею. По подстрекательству Тимофея толпа монофизитов-александрийцев в Пасхальное Воскресенье, 31 марта 457 г., ворвалась в церковь Св. Квирина и убила своего архипастыря. Мертвое тело выставили напоказ в центре города, вздернув на веревке, а после протащили по улицам и предали огню⁸⁶¹. Получив известие о происшедшем, император направил в Александрию сановника Стиллу, который усмирил восставших, наказав, правда, всего двух человек (им обрезали языки).

Заслуживает внимания, насколько бережно св. Лев относился к церковным канонам, и как он желал максимально *мирным* путем разрешить любые спорные ситуации, не снимая вместе с тем с себя ответственности за состояние дел в Церкви. Почти одновременно он получил послание православных клириков Александрийской церкви, возмущенных убийством своего предстоятеля, и самого Тимофея, требовавшего отменить постановления Халкидонского Собора⁸⁶². Заметим, что сторонники Тимофея не только отвергли последний Вселенский Собор, но и не признали II Вселенского Собора 381 г. — видимо, не без тайного умысла вернуть былую честь второй церковной кафедры столице Египта⁸⁶³.

Им оппонировали сторонники Халкидона. «Одаренный от Бога высшей милостью, ты по справедливости не перестаешь помышлять об общей пользе, после Бога всяческих досточтимый император, — писали ему православные александрийцы. — Недавно избранный Богом и украшенный порфиroy, ты, которого избрал сам Творец всего, прекрасно рассудил показать твое великое назначение, воздавая благими начатками Подателю благ, когда немедленно, в самом начале, своим благочестивым голосом, выходящим из письма к святейшим епископам-митрополитам, укрепил неразрушимую скалу Кафолической Церкви и утвердил постановления в пользу православной веры всех прежних благочестивейших государей»⁸⁶⁴.

Затем они поведали, при каких обстоятельствах пал св. Протерий, и отвергли епископство Тимофея Эллура, как неканонически возведенного на кафедру. «Пусть постановит ваше величество, — заканчивали они письмо, — чтобы так разоривший церковные постановления удалится

от святой церкви Александрийской, в которой предстоятельствова-
тираническим образом, предпринял и совершал незаконные распоря-
жения, и чтобы он подвергся наказанию за столько преступлений. По-
том пусть повелит, чтобы, как заповедают святые правила отцов и пре-
дает древний обычай, весь Собор Египетского округа, православный и
имеющий общение с епископами всей Вселенной, избрал какого-ни-
будь мужа святой жизни, достойного священства и имеющего общение
с Вселенским Собором, равно как и с вашим благочестием».

Попутно эти же епископы попытались найти защиту и у Анатолия
Константинопольского, причем в их послании столичному патриарху
слышны совсем иные нотки, чем у монофизитов, принципиально
не приемлющих 28-й канон Халкидона. «Как ты держишь кормило
первосвященства, — писали они ему, — и преемства отцов, так и под-
ражаешь их ревности о неповрежденности веры». Фактически это
было признание высших прерогатив Константинополя. Правда, далее
панегирик несколько уходит в сторону, и египетские отцы говорят о
Константинопольском архиерее, как *об одном из* святейших архиепи-
скопов, занимающих равночестный престол⁸⁶⁵. Но все-таки это был
большой прогресс по сравнению с дохалкидонскими временами. По
существу, *впервые* Александрийская церковь обращалась к Константи-
нопольскому патриарху с просьбой о защите Православия и принятии
мер к самозванцам.

Встревоженный происшедшим, император направил письмо архи-
епископу Анатолию Константинопольскому, в котором поручал тому
организовать очередной *Вселенский Собор*. На нем он предлагал офи-
циально реципировать Халкидонский орос и, кроме того, исследовать
дело Тимофея Элура⁸⁶⁶. Правда, в качестве возможной альтернативы
Собору царь решил письменно опросить архипастырей об их отноше-
нии к данным вопросам — замечательное свидетельство предусматри-
тельности и мудрости императора. Он справедливо рассудил, что если
все выскажутся единообразно, надобность во Вселенском собрании
отпадет. Послания св. Льва ушли почти ко всем митрополитам и епи-
скопам главных церковных округов Римской империи, включая папу
св. Льва Великого.

Последний, разумеется, категорически выступил против нового
Собора. Объективно он был совершенно прав. Достаточно вспомнить,
с какой неохотой и опасениями епископы — участники IV Вселенского
Собора признавали необходимость дать Церкви истинное исповедание
веры, желая ограничиться анафематствованием Нестория и Евтихия и
указать только то, *как верить нельзя*. Невозможно было также не заме-

тить, что почти третья часть участников «благоразумно» уклонилась от подписания ороса, когда на Собор прибыл император св. Маркиан. И казалось совершенно невероятным, что в новых условиях, когда Халкидон вызвал столь широкие волнения, удастся обеспечить единомыслие. Впрочем, по мнению папы св. Льва Великого, как он изложил его в ответе царю, никаких проблемных догматических вопросов после Халкидона уже не оставалось. Кроме, конечно, 28-го канона, которому апостолик уделил особое внимание.

Понтифик обеспокоился также тем, что возвращение к богословским дискуссиям прямо или косвенно поставит под сомнение авторитет Римского епископа: «Они (сторонники Тимофея. — А. В.) дерзают искать себе права на похищенное достоинство и вызывать на соборы неповрежденную веру Апостольского учения», — замечал он царю⁸⁶⁷. Поэтому, зачем новый Вселенский Собор? Достаточно принять адекватные меры к еретикам и бунтовщикам, что, собственно, и делает император. Далее следует тонкий пассаж, из которого мы неожиданно узнаем, что сомнения в истинности Халкидонского исповедания — суть прямое следствие 28-го канона. Настраивая императора против Константинопольского архиерея, св. Лев Великий недвусмысленно обвиняет архиепископа Анатолия в плохом исполнении собственных обязанностей.

Он пренебрежительно называет того *недейтельным* в ниспровержении возникших ересей, вновь исподволь подталкивая царя отказаться от опасных нововведений. Получается так, что при старой, Никейской иерархии церковных кафедр никаких бед никогда бы не случилось. Как ни в чем не бывало он просит императора восстановить честь Александрийской кафедры, ссылаясь на ее прежние заслуги перед Церковью. Как будто все дело заключается лишь в фигуре Диоскора, из-за которого страдает великая апостольская кафедра Египта⁸⁶⁸. В целом в период с 457 по 460 г. папа написал императору 10 посланий, в которых настойчиво отстаивал свою позицию.

Но эти нападки не возымели успеха. Император прекрасно понимал, *к чему* клонит папа, и не собирався менять устойчивую тенденцию «симфонических» отношений своих великих предшественников с Константинопольской кафедрой. Он просто проигнорировал слова апостолика, не удостоив их ответа. Что же касается основного вопроса, то после того, как все опрошенные епископы вновь подтвердили, что для них Халкидон — «безопасный и прочный якорь, который стал неприступным щитом и непреодолимым оружием против всякой еретической тирании», он отказался от мысли созвать новый Вселенский Собор⁸⁶⁹.

Получив общее мнение о неканоничности избрания Тимофея, император св. Лев Великий велел отправить того в ссылку вначале в Гангр, а затем, по просьбе местного епископа, еще дальше — в Херсон, что располагался в Таврии. По его поручению на место Элуга был рукоположен *Тимофей Салофакиал* (460—475) (что переводится *Белый*), всеми любимый православный муж⁸⁷⁰. Но однажды, явившись в Константинополь, он в присутствии царя вступил в спор с новым Константинопольским патриархом *Геннадием* (458—471), доказывая тому, что не принимает его второго места в Кафолической Церкви, и требовал от императора восстановить старинную иерархию. Его уклончиво поддерживал и Римский епископ, подтвердивший св. Льву Великому, что привилегии каждой епархии должны быть восстановлены в первоначальном положении. Однако царь не принял таких советов⁸⁷¹.

Время было очень непростое. Бурлила Церковь, за внешним спокойствием на политическом Олимпе скрывалась борьба за первенство в Империи между императором и Аспаром. Казалось, сама природа пробудила мощные, разрушительные силы и заставляла сердца сжиматься в тревоге. На второй год царствования императора, в 458 г., страшнейшее землетрясение потрясло Антиохию, в Константинополе случился пожар, пожравший значительную часть города, во Фракии и на побережье Малой Азии прошли землетрясения, так что часть острова Книда ушла под воду, а поселки оказались смыты селевыми потоками⁸⁷².

Внешние опасности также не оставляли собой Римскую империю. В 463 г. к св. Льву прибыло посольство от новых варваров — *сарагуров, урогов, оногуров*, которые, теснимые савирами и аварами, просили помощи у римлян. Они были благосклонно приняты царем, но после, следуя своим традициям, вскоре забыли о договоре и доставляли массу хлопот набегами и грабежами.

В 464 г. перед императором встали новые проблемы: прибыли послы из Рима и умоляли защитить их от вандалов, разорвавших Италию. Для переговоров с варварами в Италию был отправлен Таттиан, незадолго перед этим получивший высокое звание патриция, но его посольство не имело успеха. Гейнзерих отказался даже принять римского посла. А спустя некоторое время с посольством прибыли посланники Персидского царя, который потребовал от Константинополя выставить гарнизоны в окраинных крепостях или уплатить деньги за их охрану, а также помощи в борьбе с гуннами-кидаритами. Царь вполне обоснованно решил потянуть время, выдвинув встречные условия взаимодействия обоих государств на границах. Для их обсуждения св.

Лев направил в Персию сановника Констанция, для солидности возведенного в звание епарха и получившего титул патриция⁸⁷³.

Его посольство сопровождалось многими приключениями, в том числе римляне стали свидетелями одной жестокой «шутки», авторство которой принадлежало Персидскому царю *Перозу I* (459—484). Устав от войны с гуннами, он предложил их молодому и еще не женатому предводителю Кунху в жены свою дочь в знак мира и добрососедства. Конечно, гунн согласился — но откуда было ему знать, что коварный перс выдал за него не дочь, а *служанку*, которую соответственно обстоятельствам переодели в царские наряды? Все было бы ничего, но вскоре новобрачная раскрыла своему мужу хитрость Персидского царя, и гунн в ответ заманил к себе 300 знатных персов и всех изуродовал. Как и можно было предположить, война между персами и гуннами вспыхнула с новой силой. Когда Константин прибыл к Перозу, тот не смог дать ему никакого удовлетворительного ответа на римские предложения в связи с резким изменением ситуации и вернул его обратно в Константинополь⁸⁷⁴.

Растущую мощь воинской силы Римской империи и уверенность ее повелителя вскоре почувствовали на себе и гунны. Сыновья Атиллы *Денгизих* и *Ирнах* предложили императору заключить мир на прежних условиях: фиксированные границы и доступ гуннов к внутренней торговле, но св. Лев отказал им в этом, нисколько не опасаясь варваров. Разгневанный Денгизих предложил брату тотчас пойти войной на римлян, но тот отказался, опасаясь внутренних неурядиц и мощи Константинополя.

События в те годы менялись, как в калейдоскопе. Не найдя победы в боях с гуннами-кидаритами, персы вновь отправились в столицу Восточной империи, чтобы выпросить денег и солдат для войны, но получили отказ императора, который вполне резонно ответил, что всякий должен, защищая свою страну, заботиться и о содержании собственного войска⁸⁷⁵.

В это же время воинственный Денгизих, не послушав брата, решил все-таки объявить св. Льву войну, если римляне не будут выплачивать ему дани и не предоставят земли для расселения. Но когда его посланники прибыли во дворец, сановники царя передали им, что император охотно поможет гуннам в случае признания ими его власти, однако в противном случае им нечего ждать подарков от Константинополя.

В 467 г. началась война, удачная для Римской империи. Византийские (употребим уже в тексте *этот* термин) полководцы Анагаст,

Василиск и Острий заперли объединенные войска готов и гуннов в долине. Поскольку численность врагов была довольно велика, а их бесстрашие — общеизвестно, полководцы решили действовать хитростью. Они затеяли сепаратные переговоры с готами, посеяв в их сердцах недоверие к союзникам. В результате готы напали на гуннов и многих перебили, чем и воспользовалось римское войско, одержав решительную победу⁸⁷⁶.

Глава 2. Война с вандалами

В этом же году вновь осложнились отношения с вандалами, не желавшими оставлять свои разорительные набеги на Италию. Представления св. Льва они не удовлетворили, ссылаясь на нарушения условий мирного договора со стороны Римской империи. И хотя на Востоке вновь замаячила персидская угроза — те наконец победили гуннов, — император все свое внимание обратил на Запад, поскольку вандалы почти полностью оккупировали многие римские территории. Так, в частности, Сицилия уже почти полностью была захвачена ими, на очереди была Сардиния.

Их король Гейнзерих являл собой тип деятельного и энергичного человека. Он никогда не становился федератом Римской империи, как Атила и готские вожди, и чувствовал себя совершенно свободным от любых обязательств по отношению к Риму и Константинополю. Вандалы и присоединившиеся к ним аланы были разделены на 80 отрядов по 1 тыс. человек каждый и распределены по захваченным провинциям. Поскольку с давних пор в Африке находились крупные императорские владения с отработанной системой податей и налогов, Гейнзерих проявил благоразумие и не стал ее ломать. Он также сохранил старую администрацию, язык и делопроизводство, и большие доходы, ранее отправляемые в Рим, теперь перешли в собственность Гейнзериха.

Вандалы забрали себе третью часть всех захваченных земель, беспощадно сгоняя с ним прежних собственников и земледельцев и обирая до нитки принадлежащие им города. Часть населения Африки успела убежать в Сицилию и Италию, а остальные владели крайне жалкое существование. За время своего господства в Африке вандалы сильно преуспели в военном деле и стали отличными мореплавателями. А слабость царской власти на Западе и необходимость для Константинополя отражать военные угрозы на Востоке сделали их хозяевами по-

ложения в Италии, прибрежные территории которой очень страдали от пиратства варваров.

Однако разбой был не единственной причиной резко осложнившихся отношений Византии с вандалами. Поскольку варвары являлись арианами, они особенно не церемонились с православным клиром и мирянами. Положение их стало очень тяжелым и опасным — вандалы *системно* искореняли Православие на захваченных территориях и выселяли епископов из своих провинций⁸⁷⁷.

Храмы сжигались, множество православных епископов и пресвитеров погибли под пытками — варвары пытались заставить их выдать церковные сокровища, причиняя страшные муки. Главным помощником Гейнзериха в этом грязном деле был некий Зевгитан, который не только убивал священников, но и не стеснялся сдирать материю с алтарей, чтобы сшить рубашки для своих солдат⁸⁷⁸.

Осущая себя в равной степени хранителями государства и Церкви, императоры не собирались мириться с засильем арианской ереси на еще недавно православных территориях. Первыми западные римляне решили положить предел вандальскому владычеству. В 460 г. **Майориан** (457—461), император Западной империи, деятельный и энергичный человек, заключил союз с готами, проживавшими в Галатии, против Гейнзериха. Вместе с ними против вандалов поднялись окрестные народы; вместе союзники подготовили около 300 судов, чтобы переправиться в Ливию. Встревоженный Гейнзерих пытался через свое посольство заключить мирный договор, но не преуспел в этом начинании. Тогда он опустошил территории, где надлежало высадиться римлянам и готам, и отравил все источники воды. После этого договор был заключен, но сам же король вандалов и нарушил его, отправив многочисленное войско в Сицилию и Италию. Последовал целый ряд посольств, в том числе и от императора св. Льва I Великого с требованием не нарушать мира и возвратить плененных представителей царского рода, включая дочь св. Феодосия Младшего Евдоксию. Гейнзерих отпустил их, но перед этим принудительно обручил своего сына *Онориха* с Евдокией, старшей дочерью Валентиниана III⁸⁷⁹. А другая дочь западного императора, Платидия, вышла замуж в Константинополе за сенатора Олибрия, с которым была обручена еще при жизни отца.

К сожалению, воинственно настроенный Майориан был убит варварами 7 августа 461 г., и по воле гота Рехимера на царский престол 17 ноября 461 г. был посажен сенатор **Ливий Север** (461—465) — об этом уже писалось выше. Майориан был последним стержнем, скре-

плюющим собой расшатанные римские устои. Теперь же Западная империя буквально трещала по швам, теряя одни земли за другими. Далмация отсоединилась от Империи и находилась под властью магистра армии Марцеллина, друга Майориана, в Галлии хозяйничал некто Эгидием. Пользуясь слабостью имперской власти, Гейнзерих потребовал выдачи ему всех владений Валентиниана III на Востоке, поскольку дочь покойного императора теперь являлась его невесткой. Грабежи побережья Италии он оправдывал невниманием царственных родственников в Константинополе к своему сыну. Кроме того, он сумел перекупить Олибрия и имел в его лице своего кандидата на Римский престол.

Так продолжалось до 464 г., когда скончался император Север, и находящийся на грани отчаяния Римский сенат попросил у св. Льва Великого немедленной помощи против Марцеллина и вандалов. Первый вопрос не потребовал больших усилий — бывший римский командующий оказался покладистым человеком и не отказался признать захваченную им Далмацию имперской территорией. Но с вандалами дела обстояли гораздо хуже — посла св. Льва, Филарха, даже не допустили до Гейнзериха: вандалы действовали все увереннее и наглее.

Рехимер, хотя и являлся фактическим правителем Италии, уже не решался вступать с ними в единоборство. Он тайно инициировал посольство римского сената в Константинополь с просьбой дать Италии нового царя. Надо сказать, и Восток совсем не собирался замыкаться в границах своих провинций. Как только Константинополь почувствовал силу, св. Лев Великий удовлетворил просьбу итальянцев и назначил им в 467 г. императором **Анфимия** (467—472), мужа дочери св. Маркиана. 12 апреля 467 г. новый царь торжественно вступил в Рим, где был радостно встречен местным населением. Правда, Гейнзерих не признал Анфимия в данном качестве и сетовал на нарушение святым императором каких-то неведомых соглашений, но это, скорее, свидетельство о слабости варвара, чем о силе⁸⁸⁰.

Анфимий, отличавшийся громадным богатством и твердостью характера истинного воина, сумел быстро поднять авторитет царской власти в Италии. Он сошелся с галльской знатью, тоскующей по старым римским временам, и сумел добиться симпатий со стороны германских вождей Испании и Галлии. Он же выступил инициатором грандиозной военной экспедиции против вандалов, аналога которой в истории Рима, по-видимому, еще не было. Объединение усилий двух частей единой Империи, как в прежние времена, позволило римлянам создать серьезную угрозу владычеству варваров.

За счет личных средств Анфимия и невероятных усилий государственной казны был снаряжен огромный флот в размере 1113 судов и собрана многочисленная армия. Достаточно сказать, что общая сумма расходов на эту экспедицию исчислялась в размере 65 тыс. фунтов золота и 700 тыс. фунтов серебра. Главнокомандующим объединенными армиями был назначен *Василиск*, брат царицы Верины, имевший огромный боевой опыт военных действий в битвах с готами и гуннами, командующий имперскими войсками во Фракии. План кампании предполагал, что флот Василиска отрежет все морские коммуникации Гейнзериха и обеспечит римское господство на побережье. В это время сухопутная армия во главе с Ираклием, уроженцем Эдессы, высадится в Триполисе и создаст условия для наступления основной массы войск под командованием Василиска. Одновременно с этим Марцеллин обязался овладеть Сардинией, после чего его войска должны были отправиться на юг, чтобы окончательно сломить сопротивление вандалов.

Что и говорить — с военной точки зрения замысел был великолепен. К несчастью, действительность оказалась гораздо прозаичнее этих грандиозных планов. Как утверждают многие летописи, и у нас нет оснований для опровержения этого мнения, Аспар совсем не желал этой войны по многим причинам. Он понимал, что победа в ней поднимет престиж императора св. Льва, которого он до сих пор считал своим *ставленником*, то есть не самостоятельной фигурой; и, конечно, варвар не собирался усиливать его политический статус. Кроме того, как и Гейнзерих, Аспар был арианином и в глубине души сочувствовал вандалам. Не имея шансов предотвратить экспедицию — его жаркие дебаты с царем, в ходе которых он пытался отговорить государя от этой войны, — не дали положительного результата. Поэтому гот задумал свой план, в конечном итоге увенчавшийся успехом. Пока Ираклий громил варваров на пути своего следования, Аспар *подкупил* Василиска, пообещав тому императорскую диадему, и полководец, прельщенный такой перспективой, предал царя и всех римлян⁸⁸¹.

Вместо того чтобы с налету взять Карфаген и другие, практически незащищенные города (вандалы срыли все крепостные укрепления, опасаясь восстания местных жителей), Василиск дал Гейнзериху пять дней перемирия якобы для подготовки проекта мирного договора. Уже этот шаг являлся прямым отступлением от заранее разработанного плана: разве император начинал эту войну только для того, чтобы вынудить у вандала мирный договор, который мог быть нарушен варваром в любой момент? Но в тот момент времени никто из римлян еще не почувствовал грозившей им опасности.

Конечно, хитрый вандал использовал эти дни для других целей. Получив в руки тактическую инициативу, так благосклонно и подло подаренную ему Василиском, он блестяще использовал все выпавшие на его долю шансы для спасения. Поняв, что в сухопутном бою римлян не одолеть, Гейнзерих наполнил несколько кораблей горючими веществами и, когда подул благоприятный ветер, неожиданно для противника пустил их на вражеский флот.

В стане римлян началась страшная паника, моряки пытались отвести суда на глубину, но их скопилось множество, и они мешали друг другу. А тем временем вандалы напали на остальные суда и отряды римских войск. Солдаты десанта храбро отбивались в своем лагере, но и там Гейнзерих умудрился произвести пожар, смешавший римские ряды. Ситуация усугубилась тем, что в самом начале сражения Василиск предательски покинул войска и уплыл в Сицилию на быстроходном судне. В результате войска остались без единого руководства, что еще более усилило панику. Но в римлянах еще обитал воинский дух и высокое чувство чести и достоинства. Их военачальники, храбрецы из храбрецов, отбивались и гибли от огня или меча, но не сдавались врагу. Сохранился рассказ об одном из них — ипостратигоне Иоанне, которому давал гарантии сохранить жизнь сын Гейнзериха Генцон. Однако Иоанн сражался до конца, а затем бросился в море, крикнув в лицо врагу: «Никогда Иоанн не будет в руках псов!»⁸⁸² К несчастью, погибли и остальные талантливые командиры.

Тем временем, узнав о катастрофе армии св. Льва, Рехимер на Сардинике предательски умертвил Марцеллина, посчитав, что в новых условиях ему выгоднее добрые отношения с вандалами, чем с римлянами⁸⁸³. В общем, римляне потерпели сокрушительное поражение, подорвавшее и международный престиж государства, и истощившее казну. Практически после гибели стольких солдат и командиров наступательные действия на Западе уже оказались невозможными.

Измена Василиска ни у кого не вызывала сомнений. Достаточно сказать, что после возвращения в Константинополь Василиск был вынужден искать спасения в храме, прячась в алтаре, и только заступничество царицы Верины избавило его от неминуемой смерти. Прощенный царем, он удалился в город Гераклею на Пропонтиде, где проживал частным человеком, лишенным всех должностей и общественных обязанностей⁸⁸⁴.

В довершение всех бед Италия лишилась своей последней надежды: 11 июля 472 г. Анфимий был убит варварами при очередном

взятии ими Рима. Его преемником стал **Олибрий** (472), посланный императором св. Львом для урегулирования отношений с Рехиме-ром, но сыгравший собственную партию. Он вступил в тайные переговоры с германцем и без разрешения св. Льва занял трон Италии 11 июля 472 г.

Но спустя три месяца, 23 октября 472 г., Олибрий скончался от чумы. Новым царем Запада стал новый ставленник готов **Гликерий**, правивший с 5 марта 473 г. по 24 июля 474 г.⁸⁸⁵ Это был уже совершенный марионетка, не имеющий ни своего голоса, ни своей воли. Конечно, ни о какой единой политике с Востоком при его правлении не могло уже идти и речи. Империя рассыпалась, и если Восток еще держался силой императорской власти, то Запад, уже давно лишенный настоящих избранных Бога на троне, становился откровенной кормушкой для варваров. Оставался нерешенным только один вопрос — кто из них рискнет принять в свои руки *политическое* управление Италией и остальными западными провинциями? И ответ, малоудовлетворительный для Римского государства, вскоре будет дан — правителем Италии станет остгот Теодорих Великий, создавший на ее землях собственное государство.

К чести св. Льва I, он еще раз попытался спасти положение на Западе, хотя его собственные дела шли очень тяжело. Не признав Гликерия, он назначил Западным царем **Юлия Непота** (474—475), состоявшего в родне с царицей Вериной, и тот захватил прежнего самодержца, объявил низложенным и отослал в Далмацию. 24 июня 474 г. Непот взойшел на трон и, признанный сенатом, отправился в Равенну. К несчастью, эти отдельные шаги уже ничего не решали — Запад был слишком слаб, чтобы такие одиночные акции могли спасти его от варваров. Через год Непот был смещен собственным патрицием Орестом, провозгласившим своего малолетнего сына **Ромула Августа** (475—476) императором. Но вскоре, как указывалось выше, и он был смещен с престола.

Несколько слов следует сказать и о последних отпрысках великой семьи св. Феодосия. Евдокия, родив от нелюбимого мужа сына *Гильдериха*, не в силах преодолеть своего отвращения к варвару и арианину, убежала в Иерусалим, где припала к гробу своей бабушки св. Евдокии и обливала его слезами. Она прожила в городе Спасителя всего несколько дней и скончалась от пережитого, завещав свое имущество церкви Святого Воскресения. Детей скончавшейся царевны ее придворный сановник Курк передал патриарху Иерусалима на попечение⁸⁸⁶.

Глава 3. Восстановление самодержавия, самовластное правление

Поражение от вандалов сорвало маску внешней благопристойности с отношений между царем и готами. Еще в ходе приготовления к неудачной экспедиции Аспар предпринимал шаги, чтобы отговорить царя от нее, опираясь в своей позиции на мнение соплеменников. Конечно, как ариане, он и его родичи не желали гибели вандалов. Им казалось более приемлемым заключить мир с вандалами, чем воевать с ними. Но когда речь зашла о дилемме — стереть тех с лица земли или, напротив, залить Африку кровью римских солдат, но сохранить жизнь единоверцам, они без раздумья выбрали второе. Сознание готов, даже тех, кто уже давно служил Римскому государству, осталось в границах племенной эклектики — имперское сознание было для них еще недосягаемо.

Однако при всех неординарных способностях Аспара, уже вскоре после воцарения св. Льва стало ясно, что гот обманулся, полагая увидеть в лице императора *послушное орудие* собственной воли. Впоследствии различия между ними стали проявляться еще более рельефно. Новый царь был полной противоположностью варвару. Тот был другом солдат и готом-арианином; император — православным фракийцем, римлянином по гражданству и другом Церкви. Естественно, рано или поздно должен был возникнуть конфликт интересов.

В 466 г. начинают наглядно проявляться разногласия между царем и его прежним покровителем Аспаром. Когда в столицу прибыли послы от воевавших друг с другом скиров и готов с одновременным предложением заключить мир, Аспар предложил уклониться от помощи и той, и другой стороне. Но св. Лев, еще и ранее втайне задумавший план освобождения Империи от готского влияния, заключил договор со скирами, приказав военачальнику Иллирии прийти с войсками им на помощь⁸⁸⁷.

Будучи всем обязанным Аспару, царь желал оставаться и в дальнейшем благодарным другом готского вождя. Тем не менее, как человек твердый и решительный, св. Лев не собирался ронять престиж царской власти, так высоко поднятый во времена св. Феодосия Младшего и св. Маркиана. Несложно было понять, что ситуация была критическая — почти все важнейшие должности в римской армии занимали германцы, в массе своей легионеры были арианами и управлялись готами, а не царем. Поэтому первой задачей императора стал поиск *противовеса* готскому засилью, который император, к удивлению, нашел в свое-

вольных и свободолюбивых исаврах, некогда предложивших свои услуги трону. Следует сказать, что хотя исавры и стояли на более низкой по сравнению с готами ступени развития, они не считались, в отличие от германцев, варварами, поскольку являлись уже несколько столетий подданными Римского государства. Да, коренные римляне их не любили, но из двух зол, как известно, выбирают всегда меньшее⁸⁸⁸.

К началу правления св. Льва исавры пополняли собой, как правило, гарнизонные отряды Константинополя, поэтому царю не составило большого труда создать из них особый отряд *экскувитов* — личной гвардии. Чтобы еще более приблизить к себе исавров, император решился на неочевидный поступок. Один из вождей исавров, некто Тарасикодисса, стал по воле императора мужем его дочери св. Ариадны. Зять принял имя *Зенона*, своего славного соплеменника, некогда спасшего Римскую империю от гуннов, и был почтен в 469 г. консульским званием⁸⁸⁹. Карьера исавра развивалась стремительно: вскоре Зенон стал начальником всех войск Востока и первым помощником императора. Но первый год консульства Зенона прошел очень тревожно: на окраинах государства разбойничали его же соплеменники, вождь которых некто Индак занял даже крепость Папирию. Неподалеку грабило окрестности Трапезунда племя цаннов, а в Паннонии поднялись остготы во главе со своим королем *Теодемиром* (469—474)⁸⁹⁰.

Но, по-видимому, царь все же не очень доверял вчерашнему варвару и знал о его легком отношении к ранее принятым на себя обязательствам. Как рассказывают летописцы (и если этот рассказ верен, то наверняка и император знал об этой истории), прибыв в Антиохию в сопровождении священника храма Святой мученицы Вассы Петра Белильщика, Зенон *за деньги* поддержал последователей ересиарха Аполлинария. Он устроил настоящие гонения на местного православного епископа Мартирия и предал проклятию тех, кто не верил, что на Кресте был распят Бог (а не Богочеловек, как учит ортодоксальная вера). В это же время Белильщик добавил в «Трисвятое» приставку «Распныйся за ны...», ставшую с тех пор визитной карточкой монофизитов⁸⁹¹.

В том же 469 г. произошла история, резко ускорившая по времени развязку конфликта. Шли выборы префекта Константинополя, и Аспар, имевший широкие связи при дворе, потребовал назначить на данное место своего ставленника, но царь настоял на собственной кандидатуре. Прилюдно Аспар схватил царя за одежду и крикнул: «Носящему багряницу неприлично лгать!» На что св. Лев не менее обоснованно сказал: «Неприлично царю слушаться кого-то противно

общественной пользе!» Выражаясь научным языком, столкнулись два мировоззрения: имперско-царственное, с его глубоким и чутким пониманием общественной иерархии и *идеи общего блага*; и германское, в основе которого лежало сознание личного права и *индивидуальной выгоды*.

Потерпев первое публичное поражение, разъяренный гот ультимативно настоял на назначении цезарем одного из трех своих сыновей, и царь, не имея в тот момент сил противопоставить что-либо варвару, уступил ему — сын Аспара Патрикий стал консулом на следующий год. Но тут взволновался весь Константинополь, поскольку горожане, во главе которых стоял архимандрит монастыря «неусыпных» Маркелл, посчитали, будто царь предаёт православную веру. Лишь с большим трудом св. Льву удалось успокоить их тем, что якобы, став консулом, Патрикий обещал принять Православие. Но Аспар не удовольствовался этой уступкой. Он решил открыто поставить на место царя и, в пику замужеству его старшей дочери св. Ариадны на Зеноне, потребовал выдать замуж младшую дочь Леонтию, которой едва исполнилось 12 лет, за Патрикия⁸⁹².

Делать нечего — св. Лев исполнил и это требование гота. Но все же царь убедился в том, сколь малой популярностью пользуются готы среди населения Константинополя, что придало ему уверенности в собственных силах. Как говорят, искренне надеясь привести Патрикия к Православию, царь отправил сына Аспара в Антиохию, чтобы тот смог проникнуться истинной верой⁸⁹³. Но из этой благой затеи ничего не получилось.

В том же роковом 469 г. один из сыновей Атилы попытался сделать набег, но был разбит Аспаром, в очередной раз продемонстрировавшим свои таланты военачальника. Видимо, посчитав, что св. Лев уже не нужен ему, гот через своего сына Ардабудария попытался тайно навести дружеские отношения с исаврами, надеясь устранить последнюю опору императора. Но царь вовремя узнал об этой затее и тут же издал указ о запрете принимать на воинскую службу исавров и готов. А во Фракии недавний герой войны с гуннами, магистр армии Анагаст, неожиданно поднял бунт против императора и убил гота Уллиба. Вовремя подоспевшие посланники царя успокоили его, и тогда он выдал им письмо Ардабудария, сына Аспара, призывавшего полководца к открытому неповиновению императору⁸⁹⁴.

Для всех становилось очевидным, что конфликт порожден вовсе не личным противостоянием св. Льва и Аспара. По большому счету речь шла о будущем Римской империи: *какой* она будет впоследствии (римской или германской), и будет ли она существовать вообще. Пример Западной империи уменьшал оптимизм тех, кто, опасаясь гражданской войны, соглашался сохранить готскую гегемонию в армии и сенате. Было ясно также, что развязка конфликта не обойдется без крови. Но начинать первой ни одна из сторон не решалась — у готов Аспара не было никаких шансов поставить своего, германского, императора из ариан; у св. Льва не было реальной силы, чтобы сокрушить вооруженное сопротивление со стороны друзей Аспара, если дело дойдет до открытого столкновения.

Так, в темных, скрытых интригах и предательствах прошел 470-й год. Четырнадцать лет св. Лев терпел рядом с собой назойливого советника и тайного конкурента. «И благочестивый царь Лев, будучи кроток и богобоязлив, терпел Аспара до времени, частью по незлобию, частью потому, что все войско стояло на стороне дома Аспара». Но в 471 г. их отношения зашли уже слишком далеко: стало понятно, что *только один* из них может управлять Римской империей. Царь помогал Церкви в борьбе с монофизитами, а арианин Аспар строил собственные планы, чрезвычайно тяжкие, по словам современника, для православных. Над Аспаром по-прежнему висело никем официально не доказанное, но никем публично и не опровергнутое обвинение в поражении имперских войск от вандалов. Более того, разочаровавшись в Зеноне, Аспар устроил заговор против него, который только по счастливой случайности не закончился смертью зятя царя. Зенон бежал в Сердику и тем спасся, а поведение гота окончательно убедило императора в необходимости кардинально решать германский вопрос⁸⁹⁵.

В сфере этого противостояния Православия и арианства, римской идеи и готского индивидуализма оказалась, конечно, и Церковь. Многие прославленные сподвижники молились о победе императора и даже становились свидетелями чудесных пророчеств и знамений, символизирующих победу православного царя. Так, преподобный Маркелл (память 29 декабря) рассказывал, что незадолго до умерщвления Аспара видел пророческий сон, в котором лев победил асида громадной величины⁸⁹⁶.

Вскоре наступила развязка. Однажды, воспользовавшись беспечностью врага, император пригласил того с сыновьями к себе во дворец, где телохранители царя убили Аспара и его двух сыновей — Ардабудария и Патрикия. Третий сын гота — Арменрих, приятель Зенона, был спасен им и скрылся в Исавии, где и проживал долгое время. Там он даже породнился с Зеноном — говорят, женившись на дочери побочного сына исавра. Лишь после смерти святого императора он вернулся в Константинополь, но более не решался претендовать на государственные должности⁸⁹⁷.

Немедленно нашелся мститель за Аспара, его телохранитель Острис. Вместе с готом Теодорихом он ворвался в Константинополь, но в бою с исаврами мятежники не имели успеха. По словам летописца, только помощь Зенона и Василиска, подоспевших на место боя, спасла государство. Тогда Острис, который за свою храбрость и верность снискал сочувствие даже среди православного населения столицы, перебрался во Фракию, где устроил настоящую войну⁸⁹⁸. Его правой рукой и первой опорой стали остготы.

Удивительный V в. был временем раскрытия больших талантов и грандиозных изменений на политической карте мира. Среди прочих великих фигур выделяется имя *Теодориха Великого* (470—526), сына Теодемира, царя остготов, чье правление составило целую политическую революцию. Как указывалось в предыдущих главах, состоя под властью гуннов, остготы вместе с ними медленно двигались на Запад. Они сохранили свои родовые отношения, насколько это позволялось им Аттилой, и своих царей из рода Амалов. После поражения Гуннского вождя часть остготов осела в Паннонии, и св. Маркиан признал их права на землю при условии, если они примут статус федератов, что и произошло.

Около 440 г. умер их царь и власть над остготами разделили между собой три брата: Валамир, Теодемир и Видимир. Другая часть орды кочевала на другом берегу Дуная и управлялась другим вождем из рода Амалов, Триарием, сын которого, по смерти отца, *Теодорих* (473—481) по прозвищу *Страбон* («косой») принял главенство над этими остготами. Он был в родстве с Аспаром и имел большие планы в отношении своей участи. Теодорих Косой и стал союзником Остриса в борьбе с императором.

Откровенно говоря, эти соседи вели очень беспокойный образ жизни, то воюя с врагами Византии (гуннами), то восставая против

Константинополя, когда считали, что их содержание мало. После одной из стычек с римлянами был заключен новый договор между св. Львом I Великим и остготами. Варварам выделили 300 фунтов золота ежегодно на содержание, а в качестве гарантии соблюдения условий соглашения взяли в Константинополь заложников. Одним из них и стал Теодорих Великий, которому тогда едва исполнилось 7 лет.

Десять лет провел Теодорих Великий в столице, окруженный детьми соплеменников. Хотя он и не получил высокого образования (впоследствии остгот подписывался через золотую дощечку с прорезью), но приобрел бесценный опыт, наблюдая государственную жизнь Римской империи. Когда ему исполнилось 18 лет, император отправил его к отцу, наградив титулом «друга и сына» и передав ценные подарки. Возвратившись к родным, Теодорих Великий тут же собрал многочисленную дружину (около 6 тыс. воинов) и устроил несколько удачных походов. Напав на соседа — царя сарматов *Бабая*, он захватил город Сингидон (ныне — Белград), но не передал его императору, а оставил за собой. В это время ему подоспело предложение от Гликерия, сидевшего на троне Западных императоров, перейти к нему на службу и слиться с вестготами, проживавшими в Галлии, но он отклонил его.

Война с остготами продлилась почти два года, и в 473 г. император направил к ним посольство во главе с силенциарием Пелагием. Но Теодорих Косой, возглавивший объединенные войска остготов, потребовал передачи ему наследства Аспара, предоставление командования над воинскими частями, ранее находившимися в подчинении Готского вождя, и, наконец, разрешения остаться во Фракии. Царь благоразумно отклонил эти предложения, и война разгорелась с новой силой. Теодорих Косой имел некоторый успех во Фракии и Македонии. Несмотря на мужественную защиту, когда жители Аркадиополя, страдая от недостатка пищи, употребляли мертвых животных, этот город пал, поскольку император *физически* не смог набрать войска для отражения готского нападения. Правда, второй город, Филиппы, варвары взять не смогли и запросили мир на обычных условиях⁸⁹⁹.

Но вскоре сами остготы, испытывавшие нужду во всем (за десятилетия мирной жизни они уже привыкли к царскому жалованью), завязали переговоры с императорским двором. В результате, по итогам заключенного соглашения, Теодориху Косому был присвоен титул

магистра армии и разрешено иметь личную дружину, на содержание которой ему выделялось 2 тыс. фунтов золота ежегодно. Кроме того, за ним признавалось *царское достоинство* над остготами, а он в свою очередь обещал вести войны под знаменами императора. Исключение составляли лишь вандалы, с которыми Теодорих, как арианин, не желал сражаться. Около 474 г. умер другой отпрыск Остготских царей — Валомир, и Теодорих Великий принял верховную власть над его коленами⁹⁰⁰. В результате образовались две остготские коалиции, перманентно воюющие друг с другом или, временно объединяясь, с Константинополем.

Как видим, внутренняя ситуация в Римской империи качественно изменилась. Если ранее остготы имели статус федератов и наемников, то теперь у них появились свои правители, и вновь на повестку дня встал вопрос о самостоятельном Готском государстве. По счастью для Византии, несмотря на единокровное родство, германцы-готы, остготы, вандалы, невзирая на единоверие — все они были арианами, — так и не смогли объединиться совместно в одно *политическое целое*. Временные военные союзы, собираемые их вождями для кратковременных набегов, не переходили в иное, более высокое качество, по крайней мере до поры до времени. Война завершилась, и ростки римской государственности, едва не погибшие под сапогом германского воина, вновь пробудились к жизни.

Тем временем в Константинополе все выше поднимала голову национальная партия, недовольная засильем готов и исавров. Вспоминая варварам пережитое, римские патриотические круги обратили свой гнев на инородцев. Так, в 473 г. произошли массовые волнения, приведшие к гибели от рук греков-константинопольцев множества исавров.

Прекрасно зная качества своего зятя Зенона, не имея наследников по мужской линии, император искренне переживал, что через некоторое время после его смерти Империя вновь окажется в руках человека, для которого римские интересы и Римское государство будут занимать второстепенное место. Поэтому он решил сделать своим преемником человека, в жилах которого текла его кровь.

18 ноября 473 г. св. Лев Великий короновал на царство своего внука, сына св. Ариадны от Зенона, **Льва II Младшего**. Как рассказывают, коронация произошла на ипподроме, в присутствии патриарха, войска, народа и иностранных послов. Армия приветствовала реше-

ние царя по-латыни, народ — по-гречески. Когда император вышел, все просили его, чтобы он принял на царство внука, и тотчас царь послал за кесарем магистра оффиций и патрициев. Явился малолетний цезарь в сопровождении патриарха. Архиепископ Константинополя прочитал молитву, все ответили: «Аминь!», а затем св. Лев надел мальчику на голову золотой венец, сказав: «На счастье!», и тот обратился к войскам и народу с приветственной речью⁹⁰¹.

В семнадцатый год царствования св. Льва, в том же 473 г., случилась еще одна интересная история. В Константинополь прибыл священник — христианин от арабов-скинитов, вождь которых *Аморкес* отказался признавать над собой власть Персидского царя, перебрался в Аравию и успешно воевал с местными сарацинами. Хотя попутно он отнял у римлян остров Иотаву, но, желая состоять с ними в дружбе, просил сделать себя *филархом* (начальником) практически покоренных им сарацин. Царь одобрил намерения араба, и вскоре тот прибыл во дворец, где на званом пире император пожаловал его патрицием и подарил множество драгоценных вещей. Все же этот союзник доставлял массу хлопот — варвар не собирался тщательно выполнять условия договора, и вскоре подчиненные ему арабы стали досажать римлянам Востока⁹⁰².

Это были последние месяцы царствования великого императора. Умер св. Лев Великий 18 января 474 г. от дизентерии, уже совсем старым человеком, на 73-м году жизни. Как и его отмеченные Богом предшественники, св. Лев умирал с осознанием выполненного долга. Несмотря на поражения, Римская империя была сильна, как никогда. Восток был почти успокоен, монофизиты опасались открытых выступлений, Церковь умиротворилась. Готский вопрос, столько лет терзавший государство, почти потерял свою актуальность. Впервые за последние 100 лет возникла возможность воссоздать *национальную армию* взамен варварских дружин — замысел, который св. Льву почти удалось довести до конца.

Современники искренне считали св. Льва *благороднейшим* из бывших до него царей. Он был грозен для врагов, но милостив к подданным. Кафолическая Церковь совсем не случайно прославила св. Льва I Великого. Как отмечают историки, православие и благочестие императора выразилось в трех аспектах: 1) законодательстве; 2) отношении к св. Даниилу Столпнику и 3) в отношении к еретикам⁹⁰³.

В 467 г. император приказал проводить христианские праздники без работ и чтобы, кроме того, они не были оскорбляемы игрой на свирели, гитаре и других музыкальных инструментах. По идее царя, продолжавшего традиции своих великих предшественников, все государство превратилось бы в монастырь, чему, разумеется, помешали старые народные языческие пристрастия, так что во многом царский закон остался благим намерением. А в 468 г. последовал указ святого царя, по которому только православные христиане могли в будущем занимать государственные должности в администрации и суде. Кроме того, вышедшим в следующем году законом запрещалось работать в воскресные дни, включая судопроизводство и арест должников.

Личное благочестие царя проявилось в его отношениях со св. Даниилом Столпником, сирийским отшельником, поселившимся с 465 г. близ Константинополя. Жизнь подвижника Православия была чрезвычайно тяжела, и однажды зимой он чуть было не замерз. Узнав об этом, император пришел к нему и на коленях просил разрешение для установления навеса над ним. По его приказу патриарх Константинополя Геннадий рукоположил Столпника в пресвитеры. Однажды, проезжая мимо столпа, царь был сброшен своим конем наземь. В письме к святому подвижнику он так объяснял свое падение: «Виновник моего бедствия — я сам, потому что дерзнул перед твоими очами сесть на коня, а не отошел подальше от святого столпа твоего». Но и св. Даниил уважал царя и пророчествовал ему рождение сына (обстоятельство, далее не раскрытое в истории), неудачное нападение вандалов на Александрию и великий пожар в Константинополе в 469 г., когда царь и царица искали спасения, а большая часть города выгорела. Великий святой предрекал Империи тяжелые бедствия и просил совершать дважды в неделю соборные молитвы, чтобы смягчить его.

В 469 г. произошло другое знаменательное событие: перенесение ризы Пресвятой Богородицы, приобретенной у одной благочестивой иудейки в Иерусалиме. Она была водворена во Влахернском храме, сооруженном еще св. Пульхерией, и стала одной из самых знаменитых и чтимых святынь Константинополя⁹⁰⁴.

Благочестивый по своей натуре, святой царь был известен как радетель Православия и правды. Начинал он свой рабочий день с посещения статуи Питтакии, поставленной сестрой императора Евфимией. Она была незамужней женщиной, жила благочестиво и благоразумно. Император посещал статую вначале еженедельно, а потом ежедневно,

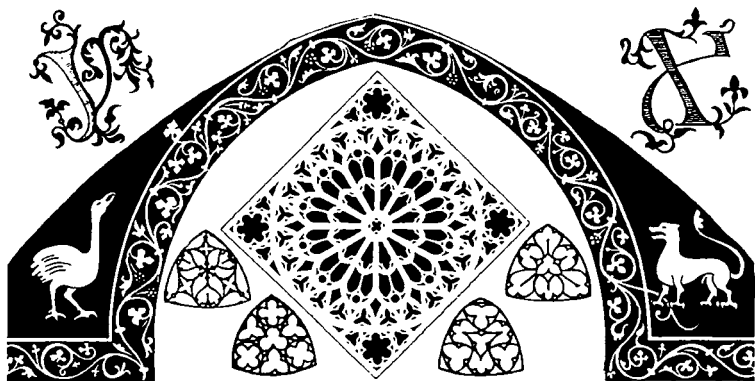
и принимал от стражей, поставленных возле нее, переданные прошения, немедленно накладывая на них резолюции, а после передавал ответы просителям⁹⁰⁵.

Не получив высокого образования, св. Лев тем не менее покровительствовал наукам и образованию. Он как-то заметил на упрек в пожаловании высокой суммы денег философу Эвлогию (мол, лучше употребить эти деньги на солдат): «Дай Бог, чтобы в мое время жалованье воинов было даваемо ученым!»⁹⁰⁶

Пускай не всегда эффективные, но последовательные действия царя вели к полной христианизации Римской империи и формированию *православной политической культуры*. А личные поступки императора давали прекрасный образец для его подданных идеала православного василевса и подвига служения Церкви и государству.

«Симфония властей» выросла не на ровном месте, а благодаря усилиям, систематически предпринимаемым благочестивыми Римскими императорами, не последнее место среди которых занимает и св. Лев.

XI. ЛЕВ II МЛАДШИЙ (473—474) И ЗЕНОН (474—475)

Как ни старался св. Лев I Великий вернуть к управлению Римской империей национальные элементы, его план не мог быть реализован вследствие чрезвычайного малолетства наследника. Не прошло и месяца со дня смерти императора, как Лев Младший объявил своим соправителем собственного отца **Зенона**, и 9 февраля 474 г. на ипподроме прошла коронация нового царя. Полагают, что инициатива 6-летнего царя была подготовлена его бабкой Вериной и матерью св. Ариадной, но, как кажется, и они выступили всего лишь орудиями замысла Зенона, которому очень хотелось сесть на трон Римских императоров, но нужно было соблюсти хотя бы *видимость приличия*.

Мальчику императору не удалось оставить хотя бы какой-то след в истории — к несчастью, в этом же году, через 9 месяцев после начала соимператорства с отцом, 17 ноября 474 г. он умер от болезни, хотя, конечно, нашлись люди, утверждавшие, будто сам Зенон приблизил его смертный конец. По-видимому, это необоснованное обвинение: даже для дикого исавра сын всегда оставался сыном, да и никаких помех царствованию Зенона он причинить не мог.

Нельзя сказать, что новый царь восточных римлян (византийцев) давал большие надежды своим подданным. Его упрекали в неспособности вести войну, расточительности, называли «рабом удовольствий»⁹⁰⁷. Тем не менее его дипломатия оставалась, как это всегда было у римлян, на высоте, и в том же году патриций Севир заключил удачный договор с вандалами, вследствие чего опасность их вторжения на имперские земли на время перестала существовать. Более того, смелый и умный Севир умудрился завязать добрые отношения с королем

вандалов, и тот отпустил домой всех пленных римлян. Одновременно с этим Зенон укрепил отношения с готами, по-прежнему представлявшими серьезную угрозу. Римский военачальник Ираклий, которому в последнем походе против вандалов предоставлялась одна из первых ролей, но попавший в плен, был выкуплен Зеноном у варваров. Впрочем, этот полководец не смог более послужить своими талантами Империи — по дороге домой он был убит несколькими готами⁹⁰⁸.

Возможно, Зенон был не самый блестящий царь за историю Римской империи, но, очевидно, и не самый худший. Он не был жестоким от природы и умел совладать со своим гневом. Честолюбивый, Зенон нередко совершал грубые ошибки, желая показаться во всем блеске перед столичным людом. Конечно, ему не доставало опыта в делах государственного управления и знаний тоже. Однако вместе с тем он был совсем не жаден до денег и легко с ними расставался. Его успехи были бы заметнее, если бы Зенон не имел неосторожность разделить свою власть с неким фаворитом Севастианом. Этот сановник продавал и перекупал должности без всякой меры и был чрезвычайно корыстен⁹⁰⁹. Нетрудно догадаться, что все упреки в подобной практике целиком падали на голову императора.

В знак негласного протеста против действий василевса ушел с поста эпарх (префект претория) Константинополя, второе лицо после государя в Империи, всеми любимый Эрифрий. Его уход опечалил весь город, поскольку, как говорили, он был единственным преданным *общему благу* человеком⁹¹⁰. Мотивы отставки вполне понятны: желая укрепиться на троне, Зенон искал благоволения у тех, на кого единственно и мог рассчитывать, то есть на своих единоплеменников. Поэтому уже вскоре государственная казна, тщательно собираемая и оберегаемая св. Львом Великим, оказалась растраченной на исавров, вождей которых Зенон щедро расставил на самые высокие должности.

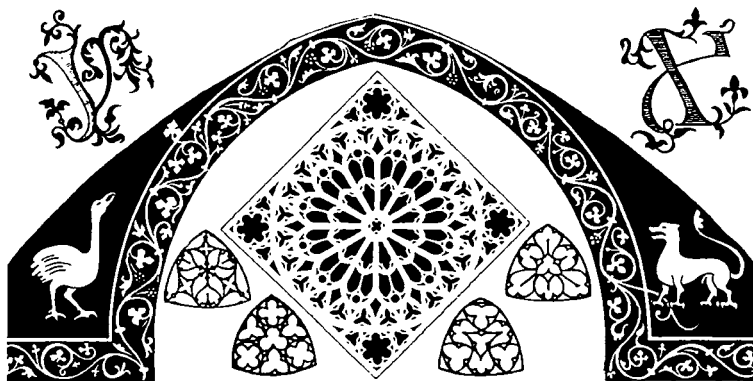
Точно неизвестно когда, но вскоре Зенон испытал еще одну потерю. Кроме Льва Младшего, он имел другого сына, которого с детства приучал к воинской жизни и готовил к царствованию. Правда, его наставники быстро привили юноше вкус к вину и любострастию, а на лице его часто играла надменная улыбка. Но через короткое время царевич умер, как говорят, по причине своей развратной жизни⁹¹¹.

Положение Римской империи, как это нередко бывало раньше и как это часто будет впредь, было достаточно тревожным. В Месопотамию сделали набег сарацины, гунны «поохотились» во Фракии, в самом Константинополе взбунтовались остготы Теодориха. В царской семье также не было единства, и не успел Зенон собраться с планами,

как его трон оказался занятым братом жены св. Льва I Великого Верины — **Василиском**. Благодаря ее деятельности, заговор против Зенона развивался стремительно. И уже 9 января 475 г. к Зенону, находившемуся на ипподроме, прибыл дворецкий Верины с предложением пройти к царице по важному делу. Император послушался, и наедине коварная женщина посоветовала ему *немедленно* покинуть Константинополь и отказаться от трона, права на который он все равно не сможет защитить. Царь немедленно переехал с женой и матерью на азиатский берег Босфора, а затем в сопровождении верных исавров отправился на родину, где надеялся найти защиту. Через короткое время к нему присоединилась и его жена, св. Ариадна, опасавшаяся интриг собственной матери⁹¹².

Так закончилась первая попытка Зенона стать императором. Но ему повезло — он сохранил жизнь, а спустя всего год судьба дарует исавру второй шанс, который он уже не упустит.

ХІІ. ВАСИЛИСК (475—476)

Глава 1. Вождь национальной партии

Что же произошло, и почему Зенон так торопливо искал спасения на родине? В высших кругах Империи было много лиц, не считавших Зенона достойным преемником св. Льва I Великого. По одному тонкому замечанию, «пребывая в лихорадочном состоянии под германским гнетом, Империя приняла исаврийское противоядие в поисках целительного средства; средство помогло, но доза была слишком большой и, в свою очередь, начала отравлять государственный организм»⁹¹³. Наступила естественная реакция здорового политического тела.

Сердцем организующегося заговора была теща императора, царица Верина. Еще раньше, понимая, что рано или поздно вопрос о наследнике престола станет актуальным, она подыскивала приемлемую для себя кандидатуру и делала ставку на своего брата Василиска (по-гречески «царек»). Но после его поражения в войне с вандалами, когда всему римскому обществу открылись продажность и вероломство Василиска, она поспешила поменять фаворита и тайне надеялась сделать царем своего возлюбленного — патриция Патрикия.

Тем временем спасенный сестрой Василиск жил частной жизнью в Геракле, но, как и ранее, не оставлял честолюбивых замыслов. Поняв, что царица Верина желает использовать его в собственных целях, Василиск сделал вид, будто смирился с предназначенной ему ролью тарана, но предпринял ряд секретных действий, могущих помочь ему самому после свержения Зенона. В первую очередь он сошелся с Теодорихом Косым, обещавшим ему помощь в борьбе за императорскую диадему. Затем тайно связался с исаврийским военачальником Иллом, в ту пору сражавшимся

с остготами, но под вымышленным предлогом вернувшимся со своей армией в Константинополь. После Василиск сделал еще одно удачное приобретение — он расположил к себе Армата, молодого готского военачальника, внука консула Плинты и полководца Арматия, командовавшего еще при св. Феодосии Младшем армией в Ливийской войне. Красавец и ловкий делец, Армат сумел втереться в доверие к Верине и убедил свою любовницу содействовать Василиску, который, отобрав власть у Зенона, якобы передаст ее в руки Патрикия.

Когда, уверенная в собственной победе, Верина убедила Зенона добровольно оставить царский трон, к столице подошли войска Илла и его брата Трокунда. Не став дожидаться появления Патрикия, они собрали народ на Военном поле и там провозгласили, к вящей радости населения, чрезвычайно недовольного исаврами, царем Василиска. Новый император тут же назначил своего сына Марка цезарем, а жену Зинониду августой. Патрикия новый царь вскоре умертвил, обвинив в организации беспорядков. А Верина оказалась обманутой — собственная интрига сработала против нее. Понимая, какая участь ожидает ее, она бросилась в храм, но вряд ли ее пощадили, если бы не предусмотрительный Армат, спасший царицу во имя собственных замыслов. Он помог ей укрыться, а затем вывез в безопасное место⁹¹⁴. Как только Верина оказалась вне опасности, она немедленно снеслась с Зеноном и организовала ему широкую поддержку, главным образом денежными средствами, в которых исавр испытывал большой недостаток.

Оценки императора Василиска, выставленные ему современниками и историками, далеко не самые высокие. Рассказывали, что хотя он и являлся удачливым полководцем, но был *тяжелого ума* и легко предавался обманщикам. Являясь богатым человеком, как и вся римская аристократия, тем более состоящая в родстве с царской фамилией, он не брезговал взятками, и жадность его к деньгам была просто невероятная. Сразу же по приходе к власти Василиск установил небывалые налоги, так что «у всех пролились слезы»⁹¹⁵.

О личной жизни семьи Василиска также едва ли можно сказать нечто положительное. Показателен такой факт. Будучи женат на Зинониде, ставшей теперь царицей, Василиск предоставил свободный доступ к ней Армату. Через короткое время у Зинониды и Армата возникли близкие отношения, и царица решила помочь своему любовнику подняться по карьерной лестнице. Ласками она уговорила своего ни о чем не подозревающего мужа предоставить их родственнику приличную должность, что вскоре и произошло. Став епархом столицы, тот легкомысленно упивался богатством и почетом, наряжался Ахиллесом и при этом отличался какой-то болезненной жестокостью⁹¹⁶.

А что же свергнутый царь? Участь его печальна. «Я бежал, я скитался, я не мог найти успокоения в бедах моих у тех, от которых надеялся получить облегчение в моей горькой доле», — круг за кругом несло в голове Зенона, когда волей судьбы ему пришлось искать спасения⁹¹⁷. Бегство на родину не прибавило ему шансов на выживание. Не желающий мириться с тем, что где-то ходит Зенон — вечный и живой упрек Василиску в узурпации престола, новый царь направил полководцев Илла и Трокунда в Исаврию, чтобы захватить и казнить Зенона. Вступив в эту горную местность, те осадили Зенона в одной из крепостей, и уничтожение его казалось вопросом дней. Единственным утешением Зенону в эти дни была память о счастливых предсказаниях св. Даниила Столпника, согласно которым ему надлежало вновь вернуться на царство, и неоднократные видения святой мученицы Феклы, покровительницы Исаврии, в которых она побуждала его идти походом на Константинополь, обещая ему свои святые молитвы⁹¹⁸.

В это время произошло событие, совершенно перечеркнувшее клятвы верности Василиску со стороны исавров. Новый царь решил сделать популярным на волне ненависти константинопольцев к исаврам, пришедшим на смену готам, но столь же нелюбимым национальной партией и греками, как и бывшие прежде них германцы. Впрочем, объективно у него и не было большого выбора — исавры сидели на всех важнейших постах, и управлять государством в таких условиях было крайне нелегко. Поэтому Василиск спокойно «пропустил» страшное *истребление* исавров в Константинополе, последовавшее сразу после его воцарения, а затем и более мелкие стычки, неизменно заканчивавшиеся убийством его недавних союзников.

Получив известия из столицы о происходящих событиях, щедро подкрепленные деньгами Верины, Илл и Трокунд не стали сомневаться и перешли на сторону своего соплеменника. Предполагают также, что и часть столичной аристократии, видя, как быстро Василиск умудрился испортить со всеми отношения, тайно приказала полководцам вернуть эксцаря обратно. Как ни покажется странным, но на время сошлись интересы и германской, и национальной партии: обе были недовольны Василиском. Ободренный случившимся, Зенон уже не думал о спасении, а собирал исавров в поход на Константинополь и в поисках союзников направил послание Теодориху Косому, в котором просил помощи. Впрочем, Илл решил подстраховаться и оставил в Исаврии, где, видимо, его влияние было выше, чем у Зенона, в заложниках брата последнего, Лонгина, который оставался в руках Илла до 485 г.⁹¹⁹

Когда Василиск понял, что значительная часть армии перешла на сторону Зенона, он собрал в один кулак остатки других легионов, расквар-

тированных во Фракии, дворцовые полки и поручил командование ими Армату. С хитрого германца он взял клятву святым Крещением в том, что тот не изменит ему и не перейдет на сторону Зенона, и у царя были все основания рассчитывать, что Армат победит исавров. Наступавшие друг навстречу другу войска встретились близ Никеи и, хотя готская армия Армата численно превосходила войска Зенона, он согласился принять посольство исавров и затем вступил с ним в соглашение⁹²⁰. По его условиям, Армат получал пожизненный титул магистра армии (главнокомандующего), а его сын объявлялся цезарем. Поступок германца не может быть извинен, но, объективно говоря, дело Василиска в Константинополе было уже проиграно — население взбунтовалось и не желало видеть его своим царем⁹²¹.

Глава 2. Монофизит на троне

Ошибка Василиска, стоившая ему в конечном счете трона и жизни, заключалась не в попытке освободить Империю от исаврийского влияния, и даже не в могуществе германской партии, с которой он не собирался считаться, а в его *вероисповедальной политике*. Безразличный — насколько, конечно, этот термин применим к тем временам — к богословским тонкостям, Василиск посчитал, что самым верным шагом, который позволит ему приобрести прочных союзников, станет *отказ от Халкидона*. К такому выводу его подтолкнуло посольство от Александрийского клира с ходатайством восстановить на кафедре любимого египетскими монофизитами Тимофея Элур. Как только до них дошла весть о смерти императора св. Льва I Великого, они тотчас снарядили послов к Зенону, но не имели успеха. Бывший император ни при каких обстоятельствах не собирался отказываться от православной формулы. Тогда посланники, предусмотрительно оставшиеся в столице, дождались прихода к власти Василиска и обратились с аналогичной просьбой к нему. Надо сказать, посольство было очень именитым: среди них находился знаменитый монах Аммоний по прозвищу Буйвол и софисты Павел и Феопомп. К их счастью, родной брат Феопомпа являлся личным врачом Василиска, и под влиянием его советов тот решил удовлетворить ходатайство монофизитов.

Тимофей Элур был срочно вызван из Херсона, где отбывал ссылку, и прибыл в столицу, пышно встреченный многочисленными александрийскими моряками, после чего был торжественно препровожден к императору. Подобно Христу, он ехал по улицам столицы на осле, и даже, как говорят, упал и повредил себе ногу. В надежде на его помощь император даже пообещал Тимофею созвать в ближайшее время Собор в Иеруса-

лиме, чтобы отвергнуть Халкидон и дать новое, «правильное» вероопределение⁹²². Но тут Василиска ждало большое разочарование — Константинопольский патриарх *Акакий* (472—489) отказался вступить с ним в общение, опасаясь, что его сменит ставленник нового фаворита. За ним отринули Элуга многочисленные монахи, и в итоге *все церкви* столицы закрылись для Тимофея.

Но эта неудача не подорвала веры Василиска в свою стратегию. Под влиянием Элуга он издал «*Энциклион*», в котором, ссылаясь на примеры св. Константина I Равноапостольного и св. Феодосия I, утвердил обязательную для всех подданных веру. Царь подтвердил православие первых трех Вселенских Соборов, но отверг «Томос» папы св. Льва Великого и орос Халкидона, велел сжечь эти документы, как еретические, а епископам — *анафематствовать* Халкидонский Собор. Документ этот интересен не только контекстом богословских споров, но и пониманием Василиском обязанности царя содействовать Церкви и оберегать веру — мотив, уже давно ставший преобладающим в политике Римских самодержцев.

«Мы, любой заботе о человеческих делах предпочитавшие благочестие и ревность о Боге и Спасителе нашем Иисусе Христе, сделавшем и прославившем нас, а также уверовавшие, что согласие стад Христовых есть спасение наше и наших подданных, несокрушимое основание и незыблемая стена нашего царствования, приносящие в качестве первой жертвы нашего царствования Богу и Спасителю нашему Иисусу Христу единство Святой Церкви, постановляем, чтобы этот Символ 318 Святых Отцов, в старину собравшихся со Святым духом в Никее, в котором мы и все, кто был прежде нас, веровали и были крещены, ограда и гарантия человеческого благоденствия... А то, что разрушает единство и благой порядок святых от Бога Церквей и мир во всем мире, под чем разумею называемый “Томос” Льва и все то, что было сказано и содеяно в Халкидоне... Так как царскому провидению свойственно не только в настоящее время, но и в будущем щедро предоставлять, исходя из предвидения, защиту подданным, мы приказываем всем священнейшим епископам подписаться под настоящим божественным нашим окружным посланием, дабы они открыто показали, что согласны единственно с божественным Символом...»⁹²³

Конечно, твердый халкидонит патриарх Акакий не принял «Энциклион», и среди монашества документ возбудил страшные волнения. Пожалуй, это обстоятельство сильно приободрило Константинопольского патриарха, который едва не пошел на уступки Василиску, чтобы остаться на кафедре. Ведь свыше 500 (!) епископов, последовательно приглашаемых к подписанию документа, признали «Энциклион»⁹²⁴.

Сторонники Халкидона нашли доступ к царице Зинонине и требовали возвращения Элуга в ссылку. От греха подальше тот покинул столицу

и по дороге в Александрию собрал в Эфесе местных епископов на Собор и объявил их епархию свободной от власти Константинопольского патриарха, как будто никакого Халкидона не было вовсе. Бывший митрополит Эфеса Павел, низложенный патриархом Акакием за монофизитство, был восстановлен Тимофеем на кафедре, чем египтянин еще раз продемонстрировал свои права предстоятеля второй кафедры в Кафолической Церкви. Эфесские епископы клялись в своем послании императору, что исповедание, изложенное в «Энциклионе», принимается ими свободно и благочестиво, и тут же анафематствовали Халкидон⁹²⁵. По уговору Элур император освободил из-под стражи *Петра Белильщика* (465—466, 474—475, 475, 482—488) и назначил его на вакантную после смерти патриарха *Юлия* (466—474) Антиохийскую кафедру. Тот немедленно потребовал включить в Трисвятое свое «Распныйся за ны...», чем вызвал всенародные волнения⁹²⁶.

Вернувшись в Александрию, Элур удалил с кафедры благочестивого Тимофея Салофакиола, смиренно ушедшего в монастырь в Канопе, где некогда предавался монашеским подвигам, восстановил имя Диоскора в диптихах Александрийской церкви и торжественно перевез останки этого патриарха в серебряной раке.

«Энциклион» был встречен восторженно и Иерусалимской церковью, патриарх которой *Анастасий* (458—478) торжественно подписался под ним. Казалось, планы Василиска реализуются. Но он забыл, что после 28-го правила Халкидона весь Восток не стоил *ничего*, если его не поддерживает Константинополь.

Тимофей Элур и прочие вожди монофизитства еще мечтали собрать Вселенский Собор в Иерусалиме, низложить ненавистного им Акакия, поставив на патриаршее место Феопомпа, занимавшего при дворе должность магистра оффиций, и окончательно ниспровергнуть Халкидон. Но вести из Исаурии о воссоединении Зенона с Иллом и Трокундом и волнения в столице заставили Василиска срочно менять планы и снаряжать новую армию для борьбы с ними. Нуждаясь в деньгах, Василиск пошел на очередной непопулярный поступок — наложил руку на церковное имущество. Волнения в Константинополе перешли в открытый многотысячный *бунт*, прошедший под эгидой защиты православной веры от императора-еретика. Патриарх Акакий приказал убрать в траур Софийский собор. Василиск тут же велел членам сената прекратить всякие связи с Акакием, но эта мера уже ничего не могла дать: святой подвижник Даниил сошел со своего столпа и возглавил халкидонитов⁹²⁷. Отовсюду к дворцу шли горожане и монахи, чтобы низвергнуть Василиска с царского трона⁹²⁸.

Войск в городе не оставалось — они все ушли с Арматом, и теперь единственной надеждой оставались готы Теодориха Косого. Но и тот понял,

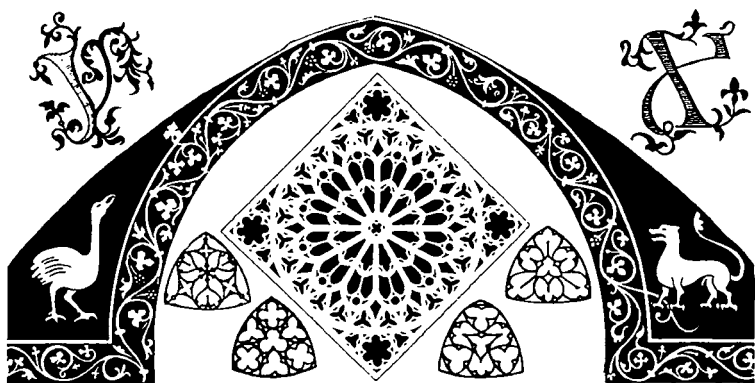
что ставка на Василиска ничего ему не даст. Рассказывают, что он даже приказал своим солдатам убить царя, но те не нашли его. Только теперь император понял, *какую* ошибку он совершил. Первоначально Василиск попытался скрыться из города, но потом вернулся в храм Святой Софии, публично отрекся от своего «Энциклиона» и подписал «*Антиэнциклион*» в защиту Халкидона. «Мы приказываем, — гласил текст документа, — чтобы апостольская и православная вера, которая издавна господствовала в кафолических Церквах с самого начала и до нашего царствования, господствует и при нашем царствовании и должна господствовать постоянно, та, в которой мы были крещены и в которую верим, единственно господствовала, неуязвимая и непоколебимая... Мы предписываем, чтобы и то, что было содеяно в наше царствование — будь то «Энциклион», либо другие послания — ради веры или церковного порядка, не имело силы и прекратило действовать... Мы предписываем также возвратить богобоязнейшему и святейшему патриарху и архиепископу Акакию те епархии, правом рукоположения в которые обладает трон этого царствующего и славного города. Это божественное наше постановление, ни для кого не двусмысленное, имеет силу божественного указа»⁹²⁹.

Но тем самым Василиск утратил свою последнюю опору — монофизитов, не потерпевших предательства недавнего покровителя; в результате император остался совершенно один. По всему городу бушевали пожары, в огне которых погибли многие ценные рукописи, хранившиеся в Константинопольской библиотеке.

Тем временем Зенон исполнил свое обещание и назначил сына Армата, мальчика Василиска, своим цезарем, так что тот даже командовал войсками на параде. Из гавани Пилы войска Зенона переправились на европейский берег и в конце августа 476 г. беспрепятственно вошли в Константинополь. К ним тут же подошли сенаторы и остатки дворцовой стражи, признав Зенона своим государем, а жители радостно приветствовали его как освободителя от еретика.

Вместе с семьей Василиск бежал в храм Святой Софии, где спрятался в баптистерии в надежде на милость победителя. Зенон вошел в храм, возблагодарил Господа за удачное окончание похода, и на ипподроме всенародно вновь был провозглашен императором. Вывели Василиска, которому царь дал слово не проливать его крови. Но не проливать крови не означало — *не убить*. Зенон немедленно распорядился заточить его, жену и сына в крепость, где они и были уморены голодом⁹³⁰. Так закончилась попытка национальной партии восстановить свою гегемонию — попытка неудачная, навсегда оставившая черный след в истории Церкви, как реакция монофизитства на Православие.

ХІІІ. ЗЕНОН (476—491), ПОВТОРНОЕ ПРАВЛЕНИЕ

Глава 1. Исавр у власти. Война с остготами

Итак, свершилось ранее невиданное событие — свергнутый император вернулся на царский трон. По случаю своего возвращения Зенон, исправляя непопулярные меры предшественника, издал указ о льготах по налогам и недоимкам. Первым делом он поставил великолепный храм в честь святой мученицы Феклы в Селевкии Исаврийской и богато одарил его церковной утварью. Очевидное свидетельство того, что история о покровительстве этой святой вовсе не относится к области легенд.

Поскольку, несмотря на все будущие перипетии, его царствование продлится целых 17 лет, коснемся кратко личности монарха. Зенон родился в Исаврии в 431 или 437 году — источники разнятся в этом вопросе. Ранее чрезвычайно воинственный и боевой (не зря же он являлся вождем исавров, и на нем св. Лев остановил свой выбор), со временем он изменился. Современники замечали, что после повторного воцарения Зенон стал куда более мягкосердным, не разрешая смертных казней и пыток, по крайней мере без очень серьезных оснований. Как свидетельствуют древние источники, император был человеком мягким, не любившим крутых мер, несколько легкомысленным и склонным принимать советы тех, кому верил. Видимо, его опыт государственного управления был недостаточным, и вокруг себя он поставил людей, обладавших необходимыми талантами, но зато без ведома императора корыстно решавших многие вопросы. Так, за его спиной

происходила широкая продажа государственных должностей, причем не разово, а, можно сказать, на постоянной основе⁹³¹.

Правда или нет — неизвестно, но в столице ходили упорные слухи о любострастии Зенона. И, как говорят, зная за собой такой грех, царь усиленно старался искупить его милостынями. По этому поводу даже ходила легенда, согласно которой Зенон однажды пытался силой овладеть дочкой одной вдовы, и, отчаявшись, та молилась Богородице с просьбой отомстить Зенону за такую обиду. Но Пресвятая Богородица, явившись вдове, ответила: «Ничего не могу Я сделать против царя Зенона, ибо он милостив к убогим и рука его всегда отверста на благотворения»⁹³².

В первый же день возвращения к власти ему предстояло решить, пожалуй, самый главный вопрос — на какую политическую группировку он смог бы опереться? Разумеется, национальная партия, свергнувшая Василиска, не испытывала к исавру никакого расположения, хотя и привела его повторно к власти. Главой партии оставалась царица Верина. Более того, нельзя было дать никаких гарантий, зная бывшую царицу, что через короткое время она не выдвинет нового кандидата на престол вместо непопулярного Зенона. Полуразгромленная германская партия едва ли могла в настоящую минуту сыграть самостоятельную роль; кроме того, готы не любили исавров — людей чужой крови. Оставался единственный *естественный* союзник, благодаря помощи которого Зенон и вернул себе власть, — соотечественники царя, исавры. Они и получили самые высокие награды за свои труды.

Наиболее могущественным фаворитом, которому Зенон был обязан своим возвращением, стал полководец Илл. Ему пожаловали консульство на 478 г., а в 479 г. назначили магистром оффиций. Его положение было столь высоким, что сам царь выехал встречать его в Халкидон, за 50 км от столицы, вместе с высшими сановниками двора, когда Илл, покончив с делами в Исаврии, возвращался в Константинополь.

Но, конечно, Зенон был не настолько слаб духом, чтобы смириться с положением второго лица и вечного должника. Вскоре император стал тяготиться зависимостью от собственного военачальника, но благоразумно старался не подавать виду. Однако и Илл здраво рассудил, что его положение в столице не будет спокойным, если он не устранил потенциальных конкурентов и не подтвердит безальтернативность своей фигуры как главной опоры царя. Опасаясь в первую очередь интриг со стороны Верины, Илл не раз предупреждал царя на ее счет, но тот, зная нежную привязанность св. Ариадны к матери, не решался сослать тещу. Впрочем, через некоторое время император все же был вынужден удалить ее из дворца.

Находясь в провинции, Верина писала дочери жалостливые письма, и та, обливаясь слезами, просила императора вернуть ко двору ее мать. Ответ царя наглядно показывает всю слабость его власти перед могуществом фаворита. «Проси о ней Илла!» — сказал он жене. Та встретилась с исавром и просила того освободить мать. Но Илл не отличался сентиментальностью и не прощал врагов. Он без оговорок обвинил святую царицу в тайном сотрудничестве с матерью и заявил, что св. Ариадна хочет поставить другого царя на место своего мужа. Тогда царица опять бросилась в ноги императору, заявив, что тот должен выбрать из них двоих кого-то одного; император ответил, что, разумеется, он с ней, и предложил жене сделать с Иллом то, что она *может сделать*. Верное замечание с учетом всемогущества фаворита⁹³³.

Было организовано покушение на Илла, но раб с кинжалом в руках оказался схваченным на месте преступления. Единственное, что он сумел сделать, — отрубить ножом ухо исавра, после чего тот стал ходить в камилавке⁹³⁴. Через год покушение повторилось, но также оказалось неудачным, и на этот раз наемный убийца, алан по происхождению, указал на Эпиника, занимавшего высокий пост по финансовому ведомству. Император выдал исавру и этого человека, под пытками показавшего на Верину как организатора заговора. Имея такие доказательства, Илл потребовал у императора выдачи ему Верины, тот согласился, и бывшая царица была препровождена исавром на его родину, где ее постригли в монашество и оставили в крепости Долистанд в Исаврии⁹³⁵.

Другому недавнему союзнику Зенона, Армату, повезло гораздо меньше. Император никогда особенно не доверял этому ловкому молодому человеку, посмевавшему нарушить крестную клятву. Армата убил его же ставленник *Онульф*, сын Скирского царя, представитель германской партии, которого сам же клятвопреступник ранее поставил на должность магистра армии Иллирика. Царь хотел казнить и юного Василиска, сына Армата, но и того спасла св. Ариадна, которой он приходился родственником. В конце концов мальчика отправили в Кизик, где позднее он принял священство и стал прекрасным епископом⁹³⁶.

В 477 г. к императору прибыло почти одновременно два посольства. Одно из них принадлежало последнему императору Запада Августу, «августенку», и его фактическому повелителю германцу Одоакру. Послы привезли в столицу Востока знаки императорской власти и заявили, что для Римской империи достаточно *одного царя*, который правит в Константинополе. Обязуясь быть верным федератом, Одоакр просил

себе чин римского патриция, который и был пожалован ему Зеноном. Другое посольство было от Юлия Непота, проживавшего в Далмации. Бывший император, желая вернуть себе Римский трон, просил Восточного царя помочь ему в этом. Но его поверенным император Зенон напомнил, что Рим ранее уже получил двух царей с Востока, одного из них прогнал, а второго — Анфимия, убил; зачем же продолжать неудачные опыты?! Последующие рекомендации царя, данные в традициях римской дипломатии, были витиеваты и туманны⁹³⁷.

Разумеется, в тех условиях, в которых очутился Зенон, предложение Одоакра более соответствовало его желаниям. С одной стороны, он — единоличный император, с другой — не имел никаких обязательств перед Западом. Наслаждаясь полновластием на Востоке, он мог не опасаться за свою власть на Западе, обладая столь сильным союзником-федератом.

Вскоре мысли Одоакра по восстановлению единовластия в Империи были реализованы ближайшими сподвижниками Непота — Виатором и Овидом, предательски убившими в 480 г. своего господина. Тут же нашелся и мститель — Одоакр, провозгласивший себя уже *королем (rex) германцев*. Он напал на изменников, убил их и присоединил Далмацию к Италии, делом подтвердив, что это — римская земля, и она находится во власти одного императора. И, конечно, римского патриция Одоакра, полномочного представителя Константинополя. Следует понимать, что такие понятия, как *фактическое владение* и звание *носителя верховной власти*, совсем не обязательно были тождественны для римлян. То обстоятельство, что Италия состояла фактически под властью германца, ничего не меняло в их сознании, по-прежнему считавших свою Империю *единым* политическим телом. Как доказательство этому, через некоторое время в Риме вновь появилось два консула (один — от Италии, второй — от Константинополя), и в глазах Востока и императора западные римляне были их согражданами и его подданными.

В следующем, 478 г. в столицу прибыло посольство Остготского вождя Теодориха Косого. Некогда, при св. Льве Великом, остгот получил титул «царя (*автократора*) готов». Но впоследствии Зенон отозвал его и передал другому Остготскому вождю, Теодориху Великому, которого он даже *усыновил*⁹³⁸. Так, император назвал его «сыном по оружию и своим другом», назначил магистром армии и присвоил титул патриция⁹³⁹. Уверенный в себе, Теодорих Великий передал, что не желает воевать с Римской империей, но напомнил, какие беды претерпел от римлян, — очевидная ложь, но заявленная с позиции силы.

Затем он высказал несколько тяжелых для Константинополя условий, на которых согласен сохранить союзнические отношения.

Для обсуждения предложения царь срочно созвал сенат. Помимо этого, в традициях римского «разделяй и властвуй», следовало определиться, каким способом можно посорить двух остготских вождей друг с другом и кого из них предпочесть. В принципе это дело было не самое сложное для сената, но ситуация была патовая — в казне не осталось средств, чтобы оплачивать мир и верность того и другого остгота. Доходы стремительно падали, и, например, некогда кормилец Римской империи Египет в то время присылал только $\frac{1}{10}$ прежних доходов (50 литров золота вместо 500 в год). Все же выбор пал на Теодориха Великого. Но, желая заручиться поддержкой армии, император созвал солдат придворных схолий и выступил перед ними с речью, из которой следовало, что Теодорих Косой *изначально* был врагом римлян и помогал Василиску в приходе к власти. Не озвучив очевидного вывода, царь по существу подталкивал к нему войско, и солдаты горячо поддержали своего царя, что и требовалось получить.

Была разыграна старая как мир комбинация: царь оставлял последнее слово за собой, не давая официального ответа, при этом показывая, что настроение его подданных далеко не миролюбивое. Но и без ответа Теодорих Великий прекрасно знал, что происходит в столице — он имел тайных осведомителей, которых, правда, вскоре раскрыли сенаторы Зенона, но не казнили, а подвергли пожизненному заключению⁹⁴⁰. Однако при всех демаршах всем стало ясно, что готская угроза вновь возникла над Римской империей.

Но иногда радовали и хорошие вести. В том же 478 г. прибыло посольство от *Хунериха* (477—484), нового короля вандалов. Тот отказывался от всех притязаний на наследство своей жены, ранее неоднократно заявляемых его отцом Гейнзерихом, и от возмещений всех издержек, возникших в прошедших войнах, предлагая мир и дружбу. Конечно, для Константинополя и его дипломатов не было секретом, что мирная инициатива вандала являлась следствием его военной слабости, но, конечно, такие предложения не отклоняются — мир был заключен на выгодных для Константинополя условиях⁹⁴¹.

В 480 г. Зенон решил поменять конфигурацию отношений с остготами и укрепить отношения уже с Теодорихом Косым — тот все более и более, как казалось, становился сильной фигурой. В качестве гарантии выполнения условий дипломатического договора император предложил варвару оставить заложником в Константинополе его сына, но гордый остгот отклонил данное предложение. Он недвусмысленно

ответил, что *теперь* он уже далеко не частный человек, но вождь тех народов, которые решили пойти под его власть. Поэтому ни о каких заложниках не может быть и речи. Но если нет заложников, то кто поручится за слово варвара? Практически это означало, что даже при заключенном мирном договоре остгот будет самостоятельно выбирать, когда и что делать. От этих слов явно пахло войной, поэтому император срочно стал собирать силы для отражения возможных атак остготов на римские земли⁹⁴².

В качестве союзника император вновь попытался пригласить конкурента Страбона, Теодориха Великого. Тот, занимавший официально пост магистра армии, согласился, но на некоторых условиях, наглядно демонстрирующих, насколько союзники не доверяли друг другу. Варвар потребовал, чтобы император, сенат и воинские начальники дали клятву в том, что они никогда не предадут его; те поклялись, но с оговоркой, «если этого не захочет император». Сам Зенон также поклялся, но при условии, что и остгот даст аналогичную клятву верности. Наконец, формальности были улажены, и Теодорих Великий обещал выставить против Косого своих воинов. С римской стороны военачальником был назначен Мартиниан, под началом которого насчитывалось около 16 тыс. конницы и более 20 тыс. пехоты; впрочем, войска эти были ненадежны и очень слабо дисциплинированы. Теодорих Великий должен был следовать к назначенному месту сбора, чтобы соединенными усилиями одолеть общего врага.

Выполняя заранее составленный план военных действий, остготская армия перешла Балканы и столкнулась с войском Теодориха Косого, но общее командование отсутствовало, поэтому римские подкрепления не подошли к театру военных действий. После некоторых стычек остготы пришли к выводу, подготовленному пламенными речами Теодориха Великого, что им не имеет смысла сражаться друг против друга, но, объединив усилия, они смогут поставить Римскую империю на колени. Два германских вождя встретились на берегу реки, договорились между собой и направили совместный ультиматум императору Зенону.

Оказавшись на грани катастрофы, царь не потерял присутствия духа и попытался привычными способами внести раскол в ряды врагов. Он упрекал Теодориха Великого в нарушении клятвы, предлагая тому крупные денежные средства и даже руку своей дочери Олибрии, если варвар откажется от союза с Теодорихом Косым, но остгот оставался непреклонным. Попытки перекупить отдельных германских вождей также не удались, и тогда Зенон заявил, что сам возглавит римские войска и победит с ними врагов.

К сожалению, этого сделать не удалось. Набранная армия была явно небоеспособна, да и оставлять Константинополь в ситуации, когда исавров ненавидели и лишь искали повод для восстания, было смертельно опасно. Спасли положение сами готы, вернее, разногласия между их вождями. Может показаться удивительным, но готское племя, равно как и все германские племена, исповедующие одну веру (арианство), преследующие одинаковые цели, никак не могло соединиться в единый политический союз или подобие его. Так случилось и на этот раз — частные интересы превысили общенациональные. Пока Теодорих Великий опустошал окрестности Родопы, Теодорих Страбон тайно направил посла к императору и заключил с ним мирный договор. По его условиям царь обещал остготу титул магистра армии, содержание за счет государственной казны личной дружины в количестве 13 тыс. человек, возврат состояний его родственников (надо понимать, Аспара и его сыновей), отобранных ранее, и предоставление для жительства одного города, который, правда, выберет сам царь.

Но тайна этого союза сохранялась недолго, и Теодорих Великий вскоре понял, что обманут. Рассказывают, хотя и без деталей, что он несколько раз терпел обидные поражения в стычках с римскими войсками и желал реабилитировать свое имя полководца. Остгот ринулся в Дарданию, перерезал всех солдат гарнизона в городе Скупы, не пожелавших перейти к нему на службу, попытался взять Фессалоники, потребовал от императора новых земель для расселения своих воинов и гарантированного довольствия. Попытки дипломатов Зенона уладить дело мирным путем опять не увенчались успехом, и тогда было решено привлечь к боевым действиям военачальника Сабиниана, которого назначили командиром римских войск в Иллирии.

Собрав отдельные отряды, разбросанные по гарнизонам, в сильный кулак, Сабиниан как-то на рассвете окружил готов, которыми командовал брат Теодориха Великого Тевдимунд, и разгромил их. Врагов полегло несчетное множество, только пленных взяли более 5 тыс. человек, а также богатый обоз и добычу. Зенон тут же дал команду прекратить переговоры с германцами и поручил Сабиниану продолжить военные действия против них. К чести римского полководца, враги настолько боялись его, что пока он был жив, Теодорих Великий не осмеливался нападать на имперские земли⁹⁴³.

Впрочем, развить успех Зенону не удалось: за его спиной стояла неспокойная столица, способная нанести смертельный удар нелюбимому исавру. Это событие не осталось незамеченным другим остготским вождем, решившим поживиться на этом. Воспользовавшись очередными

волнениями в Константинополе, Теодорих Косой под видом союзника подошел к столице, делая вид, что хочет помочь царю против бунтовщиков. Но Зенон вовремя разгадал замысел остгота и срочно выслал ему навстречу посла, уведомившего германца о том, что бунт подавлен и помощь уже не нужна. Тогда-то варвар решил открыть свои истинные мысли и заявил, что его солдаты вынесли большой поход и поиздержались в дороге. Посол Зенона Пелагий сумел деньгами и уговорами повернуть остготов обратно, что смело можно отнести к разряду чуда. Дела у римлян обстояли настолько плохо, что в то время, когда Пелагий вел переговоры, исавры в столице приготовили специальные средства для поджога зданий, если вдруг враг подойдет к городу.

Опасаясь продолжения волнений, царь потребовал от Теодориха Косого выдачи ему государственных преступников, укрывшихся у него, но тот ответил, что никогда германцы не выдавали людей, просивших у них защиты. Разгневанный император вновь лишил варвара столь привлекательного для него титула магистра армии и объявил врагом. А этот высокий пост передал в качестве награды исавру Трокунду, не раз спасавшему его в трудную минуту. Естественно, остгот ответил новыми нападениями на имперские земли. В это тяжелое для Империи время Зенон вновь решил прибегнуть к испытанному способу: натравить одних варваров на других. Он тайно нанял гуннов, живших за Дунаем, для набега на готов, но Теодорих вновь блеснул высоким воинским искусством и разгромил врага. Какое-то время было выиграно, но в целом столица опять оставалась почти беззащитной.

Казалось, в этих условиях Константинополь уже не удержать, но согласованные и высокопрофессиональные действия полководца Илла и римского флота не позволили Теодориху Косому захватить столицу византийцев. Все же опасность была велика, но в этот момент Господь чудесным образом спас Империю. В 481 г. Остготский вождь, собравший до 30 тыс. воинов для очередного похода на римлян, внезапно погиб, наткнувшись на собственное копьё, когда садился на коня⁹⁴⁴. А его сын *Рекитакс*, не обладавший столь многими талантами, удовлетворился Фракией, где имелись хорошие места для стоянок. Теперь эта часть остготского племени на время была выведена из политических игр.

Однако и теперь многие провинции Римской империи не избегли вторжения остготов под руководством их второго вождя. Единственный человек, которого обоснованно опасался Теодорих Великий, — полководец Сабиниан, был предательски убит в 482 г. Не имея впереди достойного противника, остгот в том же году разграбил Фессалию. Затем варвар двинулся в Македонию и захватил город Лариссу. Пре-

емники храброго Сабиниана, Иоанн-скиф и некто Мосхиан, не имели успеха в борьбе с готами и оставались безучастными свидетелями его побед.

Все же ценой невероятных дипломатических усилий Зенон в 483 г. вновь вошел с Теодорихом Великим в соглашение, восстановил его в сане магистра армии, назначил консулом на 484 г. и предоставил остготам для проживания часть имперской территории — Побережную Дакцию и Нижнюю Мезию. Сам Теодорих, как новоиспеченный консул, безбоязненно прожил этот год в Константинополе, пожиная плоды своей славы⁹⁴⁵. Это было, конечно, свидетельством полного унижения и *военного бессилия* Римской империи и самого Зенона.

Одна беда надвигалась на место другой. Несмотря на мирный договор с Константинополем, вандалы устроили в Африке настоящий геноцид православных, закрывая церкви и предавая христиан жестоким экзекуциям. У современников было такое ощущение, что вернулись древние времена гонений на Церковь, и множество исповедников приняли мученический венец от рук варваров. Посольство императора, пытавшееся хоть как-то умиротворить вандалов, ничего не достигло. А царь, окруженный заговорщиками, пытавшийся разрешить церковный конфликт между Западом и Востоком, был бессилен что-либо сделать.

В том же 484 г. произошло восстание самарян в Палестине, в городе Неаполе, разразившееся в день Пятидесятницы. Самаряне напали на христиан во время церковной службы и многих убили, а епископу Терebinфию отрубили пальцы на руке. Затем они объявили своего предводителя Юстаса императором и надели ему на голову диадему. Овладев Кесарией, тот перебил христиан и сжег храм Св. Прокопия. Только благодаря решительным действиям дукса Палестины Асклепиада и полководца Региса бунт был подавлен. Но в ответ на выступление самарян противоположные волнения христиан против евреев начались в Антиохии, где их также проживало великое множество. Спровоцированные ими христиане напали на них и многих перебили. Лишь с большим трудом удалось погасить и данное волнение.

Но это страшное время дарило и свои чудеса. Так, на острове Кипр была обнаружена могила апостола Варнавы, на груди которого лежало Евангелие от Матфея, переписанное им собственноручно. Священная реликвия была с большими почестями препровождена в Константинополь и помещена в храм Св. Стефана. А Кипрская церковь, до сих пор зависевшая от Антиохийского патриархата, используя данное событие, окончательно закрепила свою автокефалию⁹⁴⁶.

Глава 2. Заговоры и заговорщики, потеря Италии

Неудивительно, глядя на эти события, что царствование Зенона нарушалось целой серией заговоров, едва не приведших к очередной смене монарха. Пока император воевал с остготами, в столице назревал заговор, во главе которого стояли представители *национальной партии*. Их вождем стал видный и именитый аристократ Маркиан, сын покойного Западного императора Анфимия. Он проживал в Константинополе и пользовался большим почетом, как отпрыск знаменитой семьи императора св. Маркиана и муж дочери императора св. Льва Великого Леонтии. Он был обеспеченным человеком благодаря богатству, накопленному ранее его семьей, неоднократно занимал высокие публичные должности, в 469 г. стал консулом Империи от Италии, а в 471 г. — от Константинополя. Ближайшими помощниками Маркиана являлись его братья Ромул и Прокопий, а также командиры двух полков, расквартированных в столице, — Бусальб и Никита. Заговор организовывался в глубокой тайне, и в конце 479 г. заговорщики внезапно захватили один из царских дворцов, носящих название Кесарий. Здесь расположился их главный штаб, из которого они стали действовать в различных направлениях: Маркиан против большого императорского дворца, а Прокопий — против войск Илла.

Очень быстро выяснилось, что население столицы всецело находится на стороне заговорщиков. Ненавидя исавров, горожане пополняли ряды восставших, стреляли по императорским войскам с крыш домов, истребляя их, где только было возможно. Вместе с константинопольцами солдаты Маркиана ворвались в большой дворец, где находился сам Зенон, и захватили здание. Гвардейцы-экскувиты, телохранители царя, были перебиты, и сам он едва не попал в плен, лишь благодаря счастливой случайности успев убежать от заговорщиков⁹⁴⁷. Всю ночь в Константинополе царила страшная паника; восставшие полностью уверовали в свою победу и начали ее праздновать — как выяснилось утром, излишне преждевременно и легкомысленно.

Ночью исавры, боевые и испытанные воины, перегруппировали свои силы и переправили в Константинополь подкрепления на лодках из Халкидона, где стояли некоторые воинские части. Первым организатором обороны стал помощник Илла, некто Пампрепий, уверенно подбадривавший своих соотечественников словами: «Божий Промысел с нами!» Не успело встать солнце, как все высшие сановники, уча-

ствующие в заговоре, включая Маркиана и его братьев, были арестованы, и исавры разгромили восставших. В виде моральной компенсации те успели сжечь дом Илла, но большего им достигнуть не удалось.

Главу заговора сослали в Кесарию Каппадокийскую, где он был посвящен патриархом Акакием в духовный сан, его жена Леонтия была заключена в монастырь *акимитов* («неусыпных»). Но по дороге Маркиану удалось бежать (возможно, подкупив стражу)⁹⁴⁸. Удивительно, но император поступил чрезвычайно милосердно, не казнив никого из заговорщиков и даже не предав пыткам и урезанию членов — обычная практика борьбы с узурпаторами. Другие участники, включая Бусальба, бежали к Теодориху Великому, который, впрочем, едва ли имел касательство к этим событиям.

Но дело этим еще не завершилось. Маркиан, набрав шайку разбойников, попытался овладеть городом Анкирой в Галатии. Однако небезызвестный нам Трокунд, назначенный на пост магистра армии вместо Теодориха Великого, взял его в плен и сослал в Исаврию, в одну из тамошних крепостей. Маркиан опять отделался легким наказанием. Зенону невероятно повезло, и вновь рука Провидения спасла его, однако у этой победы была и обратная сторона. Почувствовав себя «спасителями отечества», исавры окончательно распоясались, и в то время, как остготы донимали Империю, они захватили и ограбили два города — Корик и Севастию, что в Киликии⁹⁴⁹.

Едва успели погасить заговор Маркиана, как в 480 г. вспыхнул новый. И на этот раз его возглавили сановники римской партии — магистр официий Дионисий, Эпиник и высокий воинский начальник Фравстил. Заговор вовремя пресекли, однако, поняв, что в таких случаях милосердие — смерти подобно, Зенон казнил вождей бунта.

Впрочем, как выяснилось очень скоро, исавры также не были вполне довольны императором: в уме они постоянно взвешивали цену их помощи Зенону при повторном воцарении и его ответной благодарности за собственное спасение. Полководец Илл, на которого дважды совершались неудачные покушения, вряд ли очень доверял своему царю и уже строил *свои* далеко идущие планы. Ссылаясь на необходимость поправить здоровье после раны, нанесенной ему кинжалом, он выпросил у императора отпуск на родину и покинул столицу. Выехал исавр в сопровождении великолепной свиты, куда входили сенаторы, два бывших консула, префект претория и несколько патрициев, среди которых находился и патриций Леонтий, магистр армии во Фракии⁹⁵⁰. Столь пышное окружение мотивировалось тем, что исавр обещал привезти св. Ариадне из ссылки ее мать Верину, которой необходимо было

обеспечить должный почет. Но истинные планы Илла станут очевидными чуть позднее.

Весной 484 г. Илл, проведший зиму в Никее, открыто объявил о свержении им Зенона, освободил Верину из монастыря и заставил служить собственным целям. Брат Зенона Лонгин, которого 10 лет Илл удерживал фактически в своем плену, невзирая на многочисленные просьбы императора вернуть его, тоже был насильственно «пристегнут» к заговору. Исавр освободил также Маркиана, направив того в Италию к Одоакру за помощью, и обратился с аналогичными предложениями к армянским и персидским магнатам. К чести германца, он категорически отказался изменять своему монарху, но армяне и персы охотно откликнулись на зов Илла⁹⁵¹.

Понимая, что Римское государство уже пресыщено властью исавров и его кандидатура не найдет ничего сочувствия, Илл задумал верный план. Он решил сохранить свое влияние могущественнейшего человека в Империи, прикрывшись кандидатурой Леонтия, которого предусмотрительно взял с собой в свиту. Первый враг Илла, Верина, также оказалась удивительно к стати⁹⁵².

Илл и его друзья прекрасно понимали необходимость обеспечить *легитимный* приход к власти нового императора. Вновь произошла чудесная метаморфоза: вчерашние враги стали друзьями, и 19 июля 494 г. была проведена коронация Леонтия, которую благословила царица Верина. По дороге она рассылала от себя послания следующего содержания: «Верина, царица, нашим правителям и христолюбивым народам. Вы знаете, что царство принадлежит нам и что по кончине мужа моего, Льва, мы избрали царем Зенона, в надежде, что он устроит благоденствие подданных. Но, видя беспорядки, подрывающие государство, нашли необходимым венчать вас царя-христианина, украшенного благочестием и правосудием. Мы венчали на царство благочестивейшего Леонтия, который покажет себя достойным вас своим попечением о благе вашем». Эта саkra впервые была прочитана в Антиохии, и, надо сказать, многие римляне радостно приветствовали нового императора, благословляя Леонтия⁹⁵³.

Многие, но далеко не все. Сирийский город Халкида не принял его власти, и префект претория Элиан начал против него военные действия. Илл направил отряд всадников в Месопотамию, но жители Эдессы не приняли посланцев и закрыли ворота. Выяснилось, что расчет Илла и Верины на повсеместное неудовольствие императором оказался ошибочным. Наверное, Зенона действительно не очень любили, но не находили никаких достоинств и у его «преемника». По-

видимому, этот критерий (его *безвестность* на Востоке) оказал решающее влияние, поскольку с точки зрения римской политической практики, следы которой обнаружатся при следующем царствовании, Верина имела правовые основания *передать* Леонтию верховную власть, как бывшая царица. Если понимать под «правовыми основаниями» негласный *правовой обычай* и специфику римского правосознания.

Ответные меры императора Зенона были на удивление своевременными и точными. В первую очередь царь выгнал из города всех сторонников Илла, то есть исавров, конфисковал их имущество и продал на аукционе. Вырученные деньги он направил в Исаврию, объявив их ежегодным денежным пособием от Константинополя своей стране, то есть фактически *перекупив ее верность*. Против Илла он направил полководца Иоанна-скифа, снарядил сильный флот и договорился с Теодорихом Великим о том, что германская армия пойдет против узурпатора. Вдруг выяснилось, что против заговорщиков действует сильное и хорошо оснащенное войско, с которым трудно тягаться. Первыми почувствовали это на себе Папим, начальник конницы Илла, и его оруженосец Артемидор, которых наголову разбил Иоанн-скиф. Деньги, поступившие в Исаврию от Зенона, довершили дело: недавние соратники Илла стали предавать его один за другим; через короткое время у того оставалось не более 2 тыс. воинов — сила смехотворная для того, чтобы бороться за власть с Зеноном.

Бросив все, Илл укрылся в крепости Херрис, в Исаврии, куда немедленно вызвал из Антиохии узурпатора Леонтия и Верину. Наверное, исавр еще верил в свою счастливую звезду и надеялся на успешный исход кампании, почему и сохранил при себе «царей». Поняв, что наступил перелом в войне и гибель Илла — вопрос времени, осторожный Зенон тут же отослал Теодориха Великого обратно, сославшись на то, что победа уже достигнута имперскими войсками. На должности разжалованных заговорщиков он опять назначил в армию своих соплеменников, несмотря на то, что только что едва не стал жертвой их алчности и продажности. Но, очевидно, других союзников у Зенона не было. Магистром официий стал некий Лонгин, а магистром армии — Коттомен. В 485 г. императора ждала, наконец, радость от встречи с родным братом Лонгином, каким-то образом умудрившимся вырваться из плена Илла и добравшимся до Константинополя⁹⁵⁴.

Между тем осада крепости, где укрывался Илл, затянулась надолго и завершилась только в 488 г. Исавру нечего было опасаться штурма, поскольку крепость, расположенная в горах, была практически непри-

ступна. Но уныние постепенно овладевало оставленными всеми заговорщиками. Очень скоро после начала осады умерла Верина, и ее тело было погребено в свинцовом гробу. Впоследствии св. Ариадна перевезла его в Константинополь и, следуя традиции, погребла в храме Святых Апостолов.

В 486 г., почувствовав безнадежность своего положения, Илл попытался связаться с императором через старого товарища Иоанна-скифа, ныне осаждавшего крепость исавра. Но напрасно заговорщик напоминал Зенону свои прежние заслуги и молил о пощаде — царь был непреклонным. Затем умерла дочь Илла Анфуса, которую тот очень любил. В конце концов, как это обычно бывает, нашелся предатель, открывший ворота римлянам. Когда Илл и Леонтий проснулись, враги уже топтали своими башмаками улицы крепости. Узурпатор хотел лишить себя жизни, но Илл уговорил его не делать этого, все еще надеясь на помилование со стороны царя. Когда их подвели к Иоанну-скифу, Илл попросил отослать прах его дочери Анфусы в город Тарс, где находилась его семейная усыпальница, пощадить жену и вторую дочь, Феклу.

Надо сказать, Иоанн выполнил все просьбы исавра, а затем передал его и Леонтия правителю провинции, имевшему резиденцию в Селевкии, и тот немедленно казнил обоих. Головы казненных отправили в столицу, где их выставили на шестах. Из остальных заговорщиков большинство отделалось довольно незначительными наказаниями: были казнены лишь три военачальника, а солдатам отрубили руки⁹⁵⁵. Пострадали и армянские вельможи: если ранее все пять областей Армении управлялись суверенными правителями, то теперь такое право было сохранено только за одним из них, а остальные назначались и снимались императором как его чиновники. Так счастливо закончился для Зенона и этот заговор.

Из последующих политических событий, позволяющих раскрыть содержательную часть царствования императора Зенона, можно отметить его отношения с Одоакром и завоевание остготами Италии. Подозрительный сверх всякой меры (или, что правильнее, *адекватно* разыгравшимся заговорам), Зенон не доверял даже близкому окружению, тем более варварам. Заподозрив Одоакра в «двойной игре» во время заговора Илла, он тайно снесся с племенем ругов, жившим за Дунаем, и предложил им напасть на германца. Но Одоакр не случайно слыл одним из лучших полководцев того времени — стремительным броском он отразил нашествие врагов, перешел в наступление и 18 декабря 487 г. нанес ругам страшное поражение. Взятого в плен царя ругов *Феву* и его жену он отвез в Италию и там казнил. Точно исполняя

свои обязанности перед Восточным императором, не догадываясь об интригах Зенона, он, как верноподданный царя, прислал ему часть военной добычи. Может показаться удивительным, но Одоакр честно оберегал покой западных провинций, которые, несмотря на его победу, по-прежнему оставались в беспомощном (перед варварами) положении. Тогда, не имея возможности защищать северные границы, германец переселил всех жителей этих территорий в Италию. Но император готовил ему нового, более грозного соперника, от руки которого Одоакру суждено принять смерть.

Пока Зенон боролся с заговором, Теодорих Великий продолжал укреплять свою единоличную власть среди остготов. Он не стал дожидаться, пока сын его врага-союзника Рекитакса наберет силу, и устранил конкурента, проживавшего в Константинополе. Однажды, в 484 г., Теодорих встретил Рекитакса, направлявшегося на обед в императорский дворец, и убил того мечом прямо на улице. Это убийство прошло для него безнаказанно, более того, возле большого дворца была сооружена его конная статуя — событие, породившее ошибочные слухи о том, будто убийство спланировал сам Зенон. На самом деле царю было гораздо выгоднее *странивать* между собой двух готов, чем становиться единственным объектом объединенного нападения варваров. Но знаки внимания не смягчили сердце остгота. Покинув Константинополь, варвар уже в 486 г. выступил из своей резиденции в городе Нова и разграбил Фракию.

В следующем, 487 г. Теодорих повторил свой поход, но в гораздо более опасной редакции: варвар подошел непосредственно к Константинополю, заняв одно из его предместий, и только хитрость Зенона спасла столицу от германцев. Император направил к Теодориху его сестру Амалафреду, будущую жену Вандальского короля *Тразамунда* (496—523), жившую в ту пору в императорском дворце в качестве заложницы. Она и сумела отговорить брата от нападения на Константинополь, передав ему также богатые подарки от царя.

Через короткое время для Зенона открылась возможность окончательно, как ему казалось, решить для себя готский вопрос. Сын убитого Ругского короля *Фридрих* возобновил военные действия против Одоакра, вновь удача улыбнулась скирам, и неудачливый полководец, принадлежащий к одной из ветвей рода Амалов и, следовательно, родственник великого остгота, нашел спасение у Теодориха. Долгими ночами он рассказывал ему о прелестях Италии и окончательно утвердил германца в мысли о том, что данная территория должна принадлежать ему.

Как не раз замечали, германцам вообще был свойственен такой недостаток, как слабое национальное чувство. Не считая отдельных коалиций, они нередко сражались друг с другом, боролись с узурпаторами или против них, но всегда и неизменно под знаменами Римской империи. Ее обаяние, величие, блеск кружили головы варварам, всегда готовым ограбить Властелина Вселенной, но не способным создать ему замену⁹⁵⁶. Однако было одно исключение — Теодорих Великий. Его политическое сознание к тому времени уже созрело до мысли образовать независимое *Остготское королевство*, как некогда сделали вандалы, и серое прозябание на разоренных фракийских землях меркло перед открывающимися перспективами на Западе. Понимая, что без согласия Зенона такой поход невозможен (тот при возможности мог объединить усилия с Одоакром и ударить в спину), Теодорих вступил с ним в переговоры. В результате император практически *предал своего германского союзника*, пообещав в случае удачи предоставить готу такое же положение, какое в настоящий момент занимал в Италии германский король. Хотя, с другой стороны, а что ему оставалось делать?!

Осенью 488 г. Теодорих Великий выступил из Болгарии в поход на Италию, ведя под своими знаменами готов-добровольцев, ругов вместе с их царем Фридрихом, а также множество других искателей приключений различных племен и народов. Он собрал около 100 тыс. человек, из которых, правда, только около 20 тыс. были способны носить оружие⁹⁵⁷. Особенность его операции заключалась в том, что он действовал не только как царь готов, но и как магистр римской армии — фактически это означало *открытое объявление войны* Одоакру — римскому патрицию и федерату!

Остготы и их союзники медленно продвигались к намеченной цели, и только 28 августа 489 г. состоялась первая битва с войсками Одоакра, закончившаяся удачно для Теодориха Великого. Вообще, этот год станет счастливым для него: у стен Вероны он вновь одолеет своего могучего врага. В следующем, 490 г. состоялась третья битва, уже на берегах Адды (11 августа), стоившая Теодориху многих жертв, но также победоносная для остгота. После стольких поражений Одоакр потерял последних сторонников, но держал оборону Вероны, в которой его осадил Теодорих, вплоть до 25 февраля 493 г. В этот день при содействии Равеннского архиепископа Иоанна между ним и остготом был заключен мирный договор. Но уже через 10 дней коварный гот убил Одоакра мечом. Последними словами покойного были: «Где Бог?», на что Теодорих заметил: «Вот тебе за то, что ты сделал с моим». Что хотел сказать этим Теодорих, осталось неясным. Возможно, таким

способом он хотел показать, что, как арианин, не может простить Одоакру гибели своих единоверцев.

Откровенно говоря, это убийство неприятно поразило современников: при всей легкости нравов и слов считалось *неприличным* столь цинично и прямолинейно устранять сдавшегося врага. Но эта выходка имела для Теодориха очевидную выгоду. Римский сенат немедленно вступил в отношения с победителем и направил посольство в Константинополь, чтобы урегулировать оставшиеся нюансы⁹⁵⁸. В этот же день солдаты Теодориха умертвили подавляющую часть воинов Одоакра — очевидно, акция была заранее организована и хорошо подготовлена.

Есть мнение, что первоначально, выступая в поход, Теодорих Великий, которому не исполнилось еще и сорока лет, весьма смутно представлял свой политический статус, если война окончится его победой. Провозглашенный в 493 г. *королем Остготского королевства*, он, конечно, не собирался подчиняться власти Римского императора, желая самостоятельно решать все вопросы. Но, с другой стороны, великий остгот был человеком своего времени, для которого Римская империя также являлась зримым образом мирового правопорядка, а ее глава, император, чем-то неприкосновенным и *священным*. Покушаться на его власть означало покушаться на замысел Провидения, что нормальное религиозное сознание принять никак не могло.

Самый простой способ адаптации заключался в том, чтобы войти в политическую структуру Римской государственности. Но Теодорих пошел несколько дальше: он сохранил римские политические институты, однако *подчинил* их своей власти, оставил римскую аристократию и даже защищал оружием своих солдат, заставив одновременно с этим ее *служить себе*. Более того, понимая глубоко в душе, что его соплеменники обречены на романизацию, великий остгот заявил, что пришел защищать древние права и ценности римского народа. В одном из посланий к населению страны Теодорих писал: «Вам следует без сопротивления подчиняться римским обычаям, к которым вы вновь возвращаетесь после длительного перерыва, ибо должно быть благословенно восстановление того, что, как известно, служило процветанию ваших предков. Обретя по Божественному соизволению древнюю свободу, вы опять облачаетесь в одеяния римских нравов»⁹⁵⁹.

Да, римские сенаторы потеряли почти третью часть своих земель, которые отошли завоевателям. Но само отчуждение происходило в полном соответствии с римскими законами о расквартировании войск — *hospitalis*. И оставшиеся земельные наделы были защищены самым надежным способом. Население по-прежнему платило налоги, устраива-

ло празднества, избирало магистратуры (те, которые остались после прежних административных реформ). Впрочем, в Галлии следы прежней римской цивилизации в силу объективных причин сохранились в ослабленном виде. В целом в лоне римской культуры создалось *два общества* — завоевателей и завоеванных⁹⁶⁰.

Обозначившийся политический и правовой дуализм проявлял себя и в том, что ни один гот не имел права войти в состав римских публичных учреждений, но ни один варвар никогда не предстал и перед римским судом — их судил только готский военный трибунал. Готы всегда дистанцировались от римлян по национальному признаку, и *законом* им было запрещено жениться на римлянках⁹⁶¹.

Потеря Италии сказалась самым благоприятным образом на состоянии дел на Востоке. Следует констатировать, что таким способом Восток полностью освободился от засилья германского элемента, в то время как Запад окончательно был завоеван ими⁹⁶².

Хотя Зенон и не признал Теодориха законным правителем Италии, тот нисколько не беспокоился этим фактом. В большей степени его волновал вопрос укрепления личной власти и адаптация римских учреждений под остготские порядки. Не разрушая римской администрации, он тем не менее установил свои королевские суды, королевские комитеты и королевскую стражу. Король начал чеканить собственную монету, где наряду с изображением императора присутствовала и его монограмма. Если Теодорих считал, что римские учреждения функционируют плохо, он решительно вмешивался в их работу и поправлял. Иными словами, он действовал как *полновластный правитель Италии*, круг полномочий которого едва ли кто-то смог бы ограничить⁹⁶³.

Как политический гений своего времени, он не удовлетворился привычными желаниями ограбить захваченную территорию и затем бросить ее. Теодорих внимательно следил за тем, чтобы римская культура не ассимилировала его германцев. Объективно при продолжении господства остготов в Италии через некоторое время это грозило либо вызвать серьезный политический и *культурный конфликт* между римлянами и остготами (что, кстати, вскоре и произойдет), либо требовало германизировать все институты Древнего Рима. Сохранилось одно из посланий Теодориха правителю провинции, некоему Севериану, в котором остгот, нисколько не сомневаясь в своих полномочиях, отдает поручения римским чиновникам и сборщикам податей, обрамляя свои приказы общими рассуждениями о справедливости. «Разумная справедливость, — пишет он, — требует, чтобы сильнейшие были обуздываемы, и чтобы через то прелесть мира и тишины распространялась

одинаково на всех... Мы часто получаем жалобы наших подданных из провинции...», и далее по тексту⁹⁶⁴.

Особенно обращает на себя внимание словосочетание «*наши подданные*». Конечно, вопрос легитимности своей власти в глазах итальянцев серьезно волновал Теодориха. Титул «*rex*» звучал очень сомнительно для римского уха и оскорблял патриотические чувства итальянцев, как понятие, напрямую связанное с тиранической властью германцев. Поэтому Теодорих настойчиво проводил ту мысль, что его поход в Италию санкционирован императором Зеноном, а сам он, принадлежащий к ветви королевской династии Амалов, обладает высшим римским титулом *magister militum*⁹⁶⁵. Остготы по-прежнему благоговели перед властью Римского императора, но при помощи савоиников Теодорих пытался обосновать ту мысль, что василевс не является *единственным* сувереном и источником политической власти всех остальных правителей. Он являет собой лишь *образ*, которому должны следовать остальные правители, но сама королевская власть отнюдь не делегирована императором, а представляет собой самостоятельное целое⁹⁶⁶.

Так заканчивала свое существование Западная Римская империя, отныне ставшая территорией Остготского королевства. Что стало причиной этой трагедии? Бесталанность прежних Западных императоров, слабость римских политических институтов, слабость общественных связей? Но, как мы видели, Теодорих вовсе не считал римскую администрацию отжившей и вполне удачно использовал в своих целях. Слабости императоров также едва ли могут быть положены в основу падения Западной империи — многие самодержцы, *лично* нелицеприятно характеризуемые современниками и Церковью, являлись умелыми государями, глубоко чувствующими свои задачи и ответственность за судьбу родины. Может быть, варварские нашествия оказались более разорительными на Западе, чем на Востоке? Но и это утверждение будет весьма и весьма условным, так как восточные границы отнюдь не менее регулярно испытывали на себе удары остготов, славян, арабов. Кроме того, нельзя забывать, что у Константинополя был один сильнейший враг, от которого, по счастью, был свободен Рим — Сасанидская Персия, самая могущественная после Римской империи держава современности. И почему же Восток выстоял и окреп в этой борьбе за существование, а Рим — не смог? Дело заключается в том, что сила политических и гражданских институтов Восточной империи — плоть от плоти римских, которые удержались и своевременно модифицировались благодаря *силе императорской власти*, ее стабильности и крепости.

К сожалению, после прекращения династии Валентиниана Запад находился во власти пусть иногда и сильных, но все же *временщиков*, не способных сплотить римское общество вокруг себя. А с разрушением самодержавной основы рассыпались и изолировались остальные политические институты, и Рим оказался беззащитным и принял власть варвара как *благоденствие*.

Но вернемся к нашему императору. *Тактически* Зенон, конечно, победил, поскольку масса остготов хлынула в Италию и утратила интерес к восточным провинциям. Те немногие роды и колена остготского племени, которые остались на территории Империи, удовлетворялись привычным статусом федератов, сулившим им многие блага. Однако это временное спокойствие было куплено ценой утраты римлянами политической власти над Италией, а также передачей в руки остготам-арианам исконно православных территорий Запада: проблема, которую пришлось разрешать уже через полстолетия другим императорам. Кроме того, хитроумная политика Зенона скорее обернулась против самой Империи: уход остготов в Италию оставил беззащитными Балканы, куда вскоре хлынули славяне и болгары⁹⁶⁷.

Если до последнего времени Италия и другие западные земли в сознании римлян являлись неотъемлемыми частями единой и Вселенской Священной Римской империи, то теперь они почти добровольно (в отличие от Африки, *завоеванной* вандалами) передали политическую власть над ними Теодориху. Создание Остготского королевства означало, что Империя самоограничилась рамками тех провинций, которые находились под властью Восточного императора. На Востоке римское культурное влияние с этих пор начало постепенно уступать греческому. И носители греческой культуры, численно преобладавшие в столице и присутствовавшие повсеместно в других провинциях, придали свой колорит и специфику тому политическому союзу, который образовался на остатках бывшего Римского государства. Вполне обоснованно, помимо уже употребляемых наименований, мы будем называть остатки Римской империи *Византией*, а ее граждан — *византийцами*, или греками, что в политическом отношении тождественно раннее употреблявшемуся термину «римляне».

Параллельно процессу создания Остготского государства западная римская аристократия также разделилась на различные партии, война между которыми в конце концов привела к резкому изменению политического сознания Италии. Одна партия по-прежнему считала своим императором того, который сидел в Константинополе, и не принимала остготов. Вторая партия полагала выгодным подчинение Теодориху

Великому, защищавшему их от других варваров и не претендующему на коренную ломку римских политических традиций. Наконец, третьи, националисты, постепенно пришли к выводу о необходимости порвать как с остготами, так и с восточными греками, которые все более и более казались им *чужими*⁹⁶⁸. Рушилась римская идея Всемирной империи, начиналась пора *национальных суверенитетов*.

Знал ли достоверно Зенон о подобных перспективах или мог предполагать их? Возможно, что царь полагал, будто, захватив Италию у Одоакра, сильный и грозный Теодорих Великий удовлетворится статусом федерата и не рискнет обособляться от Империи *политически*. Но это была наивная слепота, поскольку все предыдущие действия гота, а также примеры появления на карте Римской империи самостоятельных государств варваров в Африке и Испании, не должны были оставлять сомнений в том, что Теодорих пойдет дальше, чем ему разрешал император.

Мог ли Зенон иным образом отвлечь остготскую угрозу от Империи? Наверное, нет: его власть была непопулярна и держалась за счет исавров. Религиозный кризис, о котором дальше пойдет речь, не прибавлял ему авторитета, но лишь больше разделил Восток на отдельные группы противоборствующих партий. В любом случае, как известно, история не знает сослагательного наклонения, и далеко не всегда тайны Промысла открыты нам. Поэтому успех остготов в Италии нужно принять как данность. Сама история неумолимо диктовала Зенону свои законы и рисовала новые политические картины на теле Европы. Единственно, скажем, что, к чести императора, он не принял посольство Рима и Теодориха и до самой смерти не признавал за ним права владеть Италией, но это был лишь вопрос времени⁹⁶⁹.

Глава 3. «Энотикон» императора Зенона и «Ақақиева схизма»

Вернувшись к власти на волне православной партии, отвергнувшей монофизитскую политику Василиска, император Зенон вскоре был вынужден вернуться к проблеме восстановления единства Кафолической Церкви. Как в первые годы после Халкидона, так и теперь христианский Восток пребывал в броуновском движении. Орос IV Вселенского Собора допускал три различных богословских толкования: папы св. Льва, св. Кирилла Александрийского и Феодорита Киррского. Особенно тяжелая ситуация сложилась в Египте, патриарх которо-

го Тимофей Элур до старости занимал свой престол, несмотря на горячее желание Зенона убраться его, как сторонника Василиска. Но и его смерть, наступившая 4 сентября 477 г., не разрешила проблем: монофизиты избрали его преемником не менее упорного противника Халкидона Петра Монга (477, 482—489) — («*косноязычного*»). Император пригрозил виновным в его избрании смертной казнью, но эта угроза не возымела действия. Тогда Зенон предписал, чтобы экс-патриарх Тимофей Салофакиол снова занял престол архиепископа Александрии, но его возвращение вызвало большие волнения в городе. Александрийцы любили этого архиерея, но не признавали в сущем чине и не вступали с ним в общение⁹⁷⁰. А Петр Монг, которого император велел казнить за подбивание к бунту, скрывался в самой Александрии и широко агитировал против патриарха-халкидонита, чем вызвал неоднократные просьбы от Тимофея (даже его терпение лопнуло) в адрес папы Римского и царя сослать мятежника⁹⁷¹.

Наконец, чувствуя приближение смерти и желая найти себе достойного православного преемника, патриарх Александрии направил посольство к царю, надеясь, что тот укажет нужную кандидатуру. В состав посольства входил его родственник, епископ Гермополя Геннадий, и эконом одной из церквей Иоанн Талайя. Неизвестно, действительно ли Талайя, втайне мечтавший занять патриарший престол в Египте, не верил, что император остановит свой взор на нем, или в силу каких-то иных причин, но он затеял собственную интригу. Оценив могущество Илла, Иоанн Талайя отдался его покровительству, а исавр, уже задумавший мятеж против императора, решил использовать ловкого эконома как тайного агента в переговорах с августалом Египта Феоктистом, которого надеялся переманить на свою сторону. Возможно, и до царя доносились глухие сплетни, поскольку он потребовал от Талайи дать при нем клятву не претендовать на патриаршество⁹⁷². Но затем, уже в Александрии, используя возможности Илла и Феоктиста, неверный клирик обеспечил в июле 482 г., после смерти Тимофея, свое избрание патриархом, к безмерному удивлению императора⁹⁷³.

Однако это было не последнее удивление, которое вызвал новый патриарх Египта *Иоанн Талайя* (482) у своих современников. Новый архиепископ Александрии и ранее пренебрегал Константинопольским патриархом Акакием, теперь же его не очень сообразительный посол, отправленный с синодальной грамотой об избрании Талайи архиереем Александрии, вместо столицы отбыл в Антиохию, где пребывал мятежный Илл. Объяснение этого маневра на самом деле простое: поскольку, как гласили тайные инструкции, данные Талайей послу, тому

следовало руководствоваться указаниями Илла, он и последовал за ним в Антиохию, когда узнал, что полководец покинул столицу. Глупость посла была чрезмерной — гонец даже не догадался хоть как-то закамouflировать свою поездку или перед отправлением в Антиохию нанести визит Константинопольскому патриарху и вручить тому злосчастный синодик. Теперь же связь Талайи с Иллом стала общим достоянием, и александрийский посол грубо нарушил церковный этикет, чем Константинопольскому патриарху было нанесено жестокое оскорбление⁹⁷⁴. Нужно ли говорить, что Акакий воспротивился такому выбору Египта и с ним солидаризовался император? А недавняя клятва будущего архипастыря Египта — никогда не занимать престола — давала царю формальный повод не признавать его избрания. В результате Талайя был низложен. Правда, оставался существенный вопрос: а кого можно предпочесть неверному Иоанну? И здесь патриарх Акакий допустил, по-видимому, серьезную ошибку.

Желая поставить Талайю на место, будучи о многом наслышан про Петра Монга и зная его популярность в народе, он предложил императору *восстановить* того в патриаршестве, убедив Зенона в том, что Петр сможет успокоить Александрию и в благодарность сохранит верность царю. Император был в принципе не против этого, но и он, и сам Акакий понимали, что монофизит Монг никогда не согласится признать Халкидонский орос. Поэтому Акакий решил найти такой *компромиссный вариант* исповедания веры, который бы удовлетворял и IV Вселенскому Собору, и, с другой стороны, снимал акцент с аспектов, наиболее неприемлемых для монофизитов. Неизвестно как, но Акакий сумел снестись с находившимся в тайном месте Петром Монгом, и они заранее обо всем договорились⁹⁷⁵. Согласительную формулу облекли в императорский указ, который получил название «*Энотикон*» («примирительное исповедание»), и Зенон, убежденный Акакием в его действенности и православии, подписал документ.

Августал Феоктист, как пособник изменника Илла, был отставлен, а его преемник Пергамий провел выборы *Петра Монга* (482—489) на кафедру, куда он вступил уже во второй раз⁹⁷⁶. Вновь назначенный патриарх торжественно въехал в Александрию, огласил текст «Энотикона» и разъяснил его, к вящему удовольствию присутствующих монофизитов. В принципе ничего страшного «Энотикон» не содержал. И едва ли его можно назвать *антихалкидонским*, поскольку в документе прямо говорится о том, что Господь, Единосущный Богу, единосущен нам по человечеству. По мысли его разработчика, патри-

арха Акакия, «Энотикон» должен был явиться вестником объединения всех восточных церквей, о чем и было сказано в первых же строках документа.

«Зная, что и начало, и скрепляющее основание, и сила, и оружие непобедимое нашего царствования — единственная правая и истинная вера... мы ночью и днем в каждой молитве и с усердием и через законы сильно желали, чтобы благодаря ей (вере) умножилась повсеместно святая от Бога Кафолическая и Апостольская Церковь, неуничтожимая и бессмертная мать наших скипетров, и чтобы также благочестивые паствы продолжали оставаться в мире и единомыслии, относительно Бога, возносили молитвы...» Затем по тексту «Энотикона» признаются три первых Вселенских Собора, анафематствуются Несторий и Евтихий, и несколько обходится вопрос о статусе Халкидона. Помимо прочего, «Энотикон» устранил некоторые терминологические двусмысленности, присутствующие в Соборном оросе⁹⁷⁷.

Как представляется, и император подписал этот документ «зряче». Действительно, волнения в Церкви не утихали. Василиск своей «Энцикликой» внес сумятицу в епархиях, а его «Антиэнциклика» ровным счетом ничего не давала, поскольку только приводила ситуацию в первоначальное положение. Созвать новый Вселенский Собор в таком положении, когда единомыслия в Церкви не было, а власть императора держалась на волоске, означало, что одно неверное слово могло стоить царю трона, а Кафолической Церкви — целостности. Кроме того, военное положение государства было крайне тяжелым. Поэтому царь считал наиболее разумным попытаться найти некую *примиряющую* формулу, вычленив те православные догматы, которые уже реципировала Церковь и которые являлись общепризнанными, и обойти стороной дискуссионные аспекты.

Такая позиция, основанная на принципе *икономии* («домостроительства»), не была чуждой для Кафолической Церкви и, особенно, для Востока. И если не воспринимать «Энотикон» как *догматический* документ, а принять его только как *примиряющее исповедание*, то по большому счету нужно признать, что критика его нередко чрезмерно строга.

Пожалуй, главное, за что можно упрекнуть «Энотикон», так это за отрицание безусловного авторитета Халкидона как IV Вселенского Собора. «Кто иначе мудрствовал или мудрствует, — говорится в конце текста, — теперь или когда бы то ни было, в Халкидоне (выделено мной. — А.В.) или на каком ином Соборе, анафематствуем, а особенно Нестория и Евтихия и единомышленных с ними». Таким образом,

хотя «Энотикон» *напрямую не отвергает* сам Халкидонский Собор, но двусмысленно указывает, что не все, говоренное и принятое на нем, признается православным.

Впрочем, *что именно* не признается, оставалось только гадать, поскольку, следуя логике, анафематствуя Евтихия, «Энотикон» неизбежно принимал и тот Вселенский Собор, который осудил этого еретика. То есть тот самый Халкидон, который напрямую в нем нигде не обозначается в качестве Вселенского Собора. Действительно, как много раз отмечали, у «Энотикона» была масса противников с обеих сторон, но и множество сторонников, и если результат этой идеи был не так красив, как хотелось ее творцам, то разве в этом всегда *их* вина? Главная же цель, поставленная ими во главу угла, — обеспечить единство Церкви, — едва ли может быть подвергнута критике⁹⁷⁸. Для этого Зенон и Акакий, вольно выражаясь, и «разменяли» Халкидонский орос и «Томос» папы св. Льва Великого на «12 анафематизмов» св. Кирилла Александрийского⁹⁷⁹.

Но древняя столица и предстоятель ее великой кафедры реагировали совсем иначе. Выводы папы Римского строились исключительно на правилах формальной логики: если «Энотикон» не признает Халкидон Вселенским Собором, то тем самым он отрицает его, а отрицание Халкидона приводит к подрыву авторитета Апостольской кафедры. Рим понимал этот документ с присущей ему прямолинейностью и категоризмом, помноженными на высокую самооценку своего престола. Как только снятый с места Талайя приехал в Рим и апеллировал к папе Симплицию (468—483), тот немедленно заявил протест по делу и потребовал снять Петра Монга с Александрийского патриаршего престола. В этом отношении *объективно* он был прав: еще недавно патриарх Константинополя Акакий в переписке с ним сам называл Монга еретиком, когда нуждался в поддержке понтифика против императора Василиска. А теперь он уже принял его в общение; где же логика?

Апостолник настойчиво спрашивал Зенона и Акакия: по какой причине в «Энотиконе» умолчали о Халкидонском Соборе как о Вселенском? Те отвечали, что если изложенная в «Энотиконе» формула хороша, зачем спрашивать о Соборе? Правильно ли учение? — вот основной вопрос. Однако папа Симплиций не поддался на эту уловку: «Определение Вселенского Собора есть голос всей Церкви, — отписал он своим корреспондентам. — А личное мнение, чье бы оно ни было и как бы хорошо ни было высказано, не имеет обязательственной силы ни для кого. Не признавать Халкидонский Собор, а его решения выдавать за свои собственные, означает лишить его всякой силы»⁹⁸⁰.

Хотя 10 марта 483 г. Симплиций скончался, новый апостолик *Феликс* (483—492) продолжил его линию. Царствование Одоакра в Италии много усилило независимость понтифика от Восточного царя, и папа вновь заявил о Римской кафедре как первенствующей во Вселенной. Он потребовал патриарха Акакия *на свой суд* (!) и снарядил посольство в Константинополь к императору Зенону. Для обоснования своих обвинений Рим соорудил совершенно надуманную схему: если даже считать, говорили в папском окружении, что из трех патриархов Востока только Петр Кнафей является монофизитом, то Петр Монг, имевший с ним общение, *не мог не усвоить* его язвы; следовательно, Акакий, общающийся с Монгом, также монофизит. Невероятный по своей эквилибристике софизм!

Возможно, и даже почти наверняка, ответная реакция Константинополя на протесты папы была бы не столь категоричной, если бы речь шла только о богословской стороне вопроса. Но на деле это была неприкрытая и очевидная попытка папы Римского единолично судить Константинопольского патриарха⁹⁸¹. И искусственность его построений не может не обращать на себя внимания. Папа требовал признания Халкидона Вселенским Собором, но отрицал его 28-й канон. Он отмечал, что только соборное мнение может быть названо голосом Кафолической Церкви, а имел в виду «Томос» св. Льва Великого — хрестоматийный образец *личного мнения*, положенного в основу православного догмата. Папа выступал за хранение православных традиций и обычаев, а в нарушение всех устоявшихся практик пытался судить равного себе архиерея, прекрасно отдавая себе отчет, *какое* положение тот занимал в Восточной церкви.

Царь не мог не обратить внимания, на каких условиях понтифик согласен признать его власть главы христианского мира. В самом начале схизмы папа Феликс в своем письме от 1 августа 484 г. пишет императору: «Я верю, что твоя набожность продиктована велением Неба, и хотел бы услышать, что именно ей доверена власть над людскими делами, что в ней нет ни капли сомнений в том, что есть Бог, Который вразумляет всех поставленных Им на службу людей. Я верю, что в любом случае ты сможешь извлечь наибольшую выгоду, если возьмешь Православную Церковь под свое покровительство и не позволишь никому покушаться на ее свободу. Православная Церковь должна жить по своим законам, тогда она вернет тебе власть над миром. Ибо известно, что все твои дела исполнятся благом, если в том, что касается Божиих дел, ты предпочтешь *подчинить свою императорскую волю промыслов епископов Христа* (выделено мной. — А.В.). Тебе не следу-

ет также пытаться давать свои распоряжения тому, кому по воле Бога должна подчиняться твоя кротость в набожном смирении»⁹⁸².

В этом, конечно, была известная непоследовательность, разрешить которую можно было только за счет той интеллектуальной комбинации, позднее породившей известный на Западе принцип, пока еще *гласно* не заявленный и неизвестный на Востоке, что сам по себе Вселенский Собор еще не устанавливает истинное вероисповедание, *важен факт его признания (рецепции) папой*.

В дальнейшем развернулись уже в буквальном смысле слова драматические события. Не дожидаясь протеста папы Римского, константинопольские монахи акимиты («неусыпаемые») во главе со своим архимандритом Кириллом выступили против «Энотикона». Узнав об этом движении, папа немедленно послал вдогонку своим легатам, направленным к императору, порученца с приказанием вступить в общение с акимитами и использовать их в качестве союзников. Но правительство Зенона каким-то образом узнало об этом поручении, легаты были задержаны в Абидосе и препровождены под почетный домашний арест. С ними активно занимался патриарх Акакий и убедил-таки их принять «Энотикон». Они вместе совершили Божественную литургию, причастились Святых Тайн и включили Петра Монга в диптихи. Однако и Акакия ждало разочарование: его посланец, монах Симеон, выехавший вместе с легатами обратно в Рим, дабы смягчить ситуацию, поведал понтифику, *что* произошло на самом деле, и обвинил своего патриарха в ереси⁹⁸³.

28 июля 484 г. папа Римский созвал Собор из 77 западных епископов, низложил своих легатов, отлучил их от Церкви и попутно анафематствовал патриарха Акакия. «Ты лишен священства, — писал папа в своем послании, — отлучен от католического общения и от числа верных. Ты не имеешь больше права ни на имя иерарха, ни на священные действия. Таково осуждение, которое налагается на тебя судом Святого Духа и властью апостольской, носителями которой мы являемся»⁹⁸⁴. Едва ли, впрочем, на императора и Константинопольского патриарха это могло произвести большое впечатление, и они пришли к обоснованному выводу о том, что дело на самом деле заключается не в «Энотиконе», а в папских амбициях. То, что папа в значительной степени использовал многие поводы для того, чтобы на практике (впервые после Халкидона) ниспровергнуть его 28-й канон, было для всех совершенно очевидно.

Поскольку Феликс желал, чтобы на Востоке поскорее узнали о низложении Акакия, апостолик опять направил своего посланца в Константинополь, который умудрился незаметно проникнуть в столицу и передать послание папы в монастырь Дия. В ближайшее же воскресенье

монахи этой обители вручили Акакию отлучительную грамоту понтифика, за что были тут же задержаны и вскоре казнены. Остальные монахи подверглись тюремному заключению. В ответ папе Римскому Акакий, ощущавший свою власть не хуже понтифика, вычеркнул его имя из диптихов — в результате возник *церковный раскол*, названный на Западе «Акакиевой схизмой», намного переживший своих создателей⁹⁸⁵. Заметим, что едва ли такое наименование можно отнести к образцам точных выражений. В этом расколе без труда можно найти и другую виновную сторону — сам Рим.

Все заинтересованные лица без труда заметили, что папа анафематствует не только патриарха Акакия, но и *весь Восток*, поскольку все нежелающие публично отделяться от патриарха, автоматически отсечены им от церковного общения с Римом. Поэтому уже вскоре практически все восточные епископы оказались отлученными апостолом и, в глазах Рима, *еретиками*. Такая сверхкатегоричная позиция казалась тем более удивительной, что в Риме осудили Акакия вовсе не за ересь, а за то, что он общался с мнимыми еретиками. И хотя часть монашества и епископата на выбор папы: либо вы со мной, либо прокляты, — выбрали первое, основная часть искренне не желала идти на поводу у понтифика⁹⁸⁶.

Примечательно, что при всех перипетиях жесткая, непримиримая позиция папы Римского не касалась личности императора, с которым он поддерживал переписку, хотя и позволял себе временами жесткую, непозволительную тональность. Например, в одном из писем апостол угрожал императору Божьим гневом, прямо отмечая, что Спаситель, поставивший того на трон, непременно отберет власть у Зенона за пособничество еретикам.

Итак, «Энотикон» привел к церковному расколу с Западом в тот момент, когда политическая власть Зенона над Италией стала фикцией, — в это время Теодорих Великий как раз завершал ее завоевание. Однако надежды патриарха Акакия и императора Зенона на то, что «Энотикон» немедленно принесет церковный мир на Востоке, также оказались призрачными. Хотя Петр Монг и давал клятву, что никогда не анафематствует Халкидонского Собора, но под давлением александрийских монофизитов нарушил свое обещание⁹⁸⁷.

Конечно, за этим последовал разрыв с ним церковного общения со стороны Антиохийской церкви, где довели сторонники Халкидона и нарекания от Акакия. Желая соблюсти договоренности, Монг убеждал Акакия в письмах, что факт анафематствования выдуман его врагами. Но затем, под сильнейшим давлением монофизитов, был вынужден

вновь повторить свое отлучение, а затем еще раз⁹⁸⁸. Как апостол Петр, он трижды отрекся от Христа. Попытки императора восстановить мир в Александрии не привели ни к чему — египетские монофизиты, желавшие убрать Монга и поставить ригориста из своей среды, не получившие удовлетворения у царя, откололись от Вселенской Церкви; они, как утратившие своего епископа, получили прозвище «*акефалов*» («безголовых») ⁹⁸⁹.

Изучая критику «Энотикона», невольно задаешься вопросом: а возможно ли было в то время *принципиально* победить монофизитов на церковном поприще? Как не раз отмечали, главная причина церковных нестроений заключалась именно в том, что как несторианство, так и монофизитство стали *национальной религией* сирийцев и коптов. Но императорский двор, впервые столкнувшийся с такой ситуацией, — в отличие от этих ересей, арианство никогда не становилось вероисповеданием какого-то определенного этноса, — не ощутил этой опасной новизны. И сколько бы правительство Зенона ни пыталось найти примиряющую формулу вероисповедания, дела не улучшались, поскольку эти попытки никак не затрагивали этнический и политический аспекты. И эти ереси существовали до тех пор, пока были живы их носители⁹⁹⁰.

Однако уже и из Антиохии пришли дурные вести. Как указывалось выше, еще во времена правления императора св. Льва Великого Зенон пытался обеспечить патриаршее место на Сирийской кафедре Петру Белильщику, но царь и патриарх Константинополя воспрепятствовали этому. Но во времена краткого правления Василиска Кнафей сполна реализовал выпавший на его долю шанс и стал патриархом. Откуда ему было знать, что царство его покровителя окажется столь коротким? И когда Зенон вернулся на престол, он немедленно низложил Кнафея, как пособника узурпатора, и направил в ссылку в провинцию Еленопонт. Взамен изменника Собор Антиохийской церкви выбрал патриархом *Иоанна* (475, 495—497), некогда посвященного Петром Кнафеем в епископы. Полагая того сторонником свергнутого Кнафея, патриарх Акакий воспротивился этому решению, и спустя всего три месяца вновь испеченный архипастырь был также низложен. Как видим, и Константинопольский патриарх без стеснения проявлял свою власть: и в Александрии, и в Антиохии патриархи ставились и снимались с кафедр по его воле. На освободившуюся кафедру был избран *Стефан* (477), которого враги вскоре обвинили в несторианстве. И хотя сам император и специально созванный для этого Поместный Собор опровергли обвинения и очистили его имя, через несколько месяцев патриарх Стефан был убит собственными клириками, когда совершал службу. Толпа безумцев бросила его труп в реку.

Когда об этом узнал император Зенон, он немедленно лишил Антиохийскую церковь права поставлять себе патриарха из среды своего клира (!), тем самым многократно расширив полномочия патриарха столицы. Об этой новации был извещен и папа Симплиций, который в своем письме от 23 июня 479 г. *одобрил такое решение* (!). Новое назначение состоялось уже по инициативе патриарха Акакия, поставившего архиереем в Антиохию *Иоанна Каландиона* (481—484), твердого халкидонита.

На свою беду, Каландион вступил в тесные отношения со всемогущим Иллом, не раз выручавшим его из беды, когда монофизиты пытались лишить Иоанна кафедры. Естественно, когда затеянный Иллом государственный переворот завершился катастрофой для его вождей и исавр был казнен, царь, не мешкая, лишил патриаршей кафедры и Иоанна Каландиона, как его приспешника. И по многочисленным настояниям антиохийцев, у которых Петр Кнафей пользовался непрекращаемым авторитетом, Зенон вернул того на патриаршую кафедру⁹⁹¹.

Это событие еще более охладило отношения между Римом и Константинополем: папа был искренне возмущен тем, что лицо, *дважды* с его ведома отставленное от патриаршей кафедры в Антиохии, вновь было назначено на эту должность. Попытки императора Зенона в очередной раз объяснить понтифику, что низложение Каландиона и восстановление в правах Кнафея вызваны отнюдь не вероисповедальной позицией обоих патриархов, а *политическими мотивами*, папа был непреклонен. Стороны зашли уже так далеко, что трудно было найти какой-то компромисс, который позволил бы уладить дело миром⁹⁹².

Последние годы императора Зенона были далеко не самыми счастливыми в его жизни. Чувствуя приближение смерти, он надеялся обеспечить преемство власти своему брату Лонгину, которому дважды (в 486 и 490 гг.) предоставлял консульство и которого назначил магистром армии. Однако брат не снискал любви у константинопольцев, и шансы его были ничтожными. Будучи суеверным, император попросил своего оруженосца (некоторые утверждали, что тот был даже знатным вельможей) Мариана, о котором ходили слухи, будто он умеет предсказывать судьбу, назвать имя будущего царя. Тот ответил, что им станет некий *селенциарий* (чиновник, отвечающий за порядок во дворце), чем вызвал подозрение Зенона на счет уважаемого и верного ему Пелагия, занимавшего этот пост. По приказу Зенона, решившего поспорить с судьбой, того тотчас арестовали и задушили⁹⁹³.

Умер император 9 апреля 491 г. в возрасте 60 или 66 лет душевно и физически разбитым человеком, пораженный смертью во время очередного приступа эпилепсии⁹⁹⁴.

Приложение № 3: «Положение императора в Церкви и Римском государстве в IV—V вв.»

Для более содержательного понимания некоторых предыдущих событий и того, что случится в ближайшие из описываемых нами столетий, желательно проследить ту эволюцию идеи императорской власти, которая произошла с ней со времени св. Константина Великого до конца V в.

I. Появление императора, носителя единоличной власти, было не столько революционным шагом в системе политической власти Римской империи, сколько следствием *естественного самосохранения* государства, раздираемого бесконечными гражданскими войнами. Структура власти, которая выстроилась для относительно небольшого государства в центре Италии, оказалась не вполне пригодной, когда появилась Священная Римская империя, включавшая в себя земли от Британии до Иерусалима.

13 января 27 г. до Р.Х. диктатор и полководец *Октавиан* (27 г. до Р.Х. — 14 г.) сложил с себя чрезвычайную власть, но на 10 лет оставил за собой общее управление делами государства. Новая государственная должность называлась «*император*», или неофициально *princeps* («первый среди равных», «человек выдающихся нравственных качеств»), как называли императора. Уже эпитет «Август», взятый Октавианом, напоминал всем римлянам о легендарном Ромуле, основателе Рима, «*augusto augurio*», принятого в сонм богов. Таким образом, Октавиан признавался как бы вторым основателем Рима — как говорят, ему даже предлагали принять имя Ромул, но Октавиан отказался⁹⁹⁵.

Чрезвычайно скромный в быту, и даже одно время подумывавший о том, чтобы вообще уйти от государственных дел на покой, Октавиан тем не менее тонким чутьем гениального политика понял перемену, которая произошла в римском обществе. Отказавшийся по примеру *Юлия Цезаря* (102—44 гг. до Р.Х.) от царской власти и даже звания *dominus*, «господин», Октавиан легко принимал титулы, свидетельствующие о концентрации власти в руках *Imperator Caesar Augustus*, как его величали. Искренне говоря, что он никогда не пользовался большей властью, чем его коллеги по правлению, Октавиан не возражал против принятия статуса *народного трибуна* — он давал не только личную неприкосновенность и широкие права, но и свидетельствовал о соеди-

нении в лице императора воли, интересов и величия римского народа. А в 2 г. до Р.Х. Октавиан принял звание *Pater patriae*, «Отец отечества», которое отныне его преемники будут неизменно сохранять за собой⁹⁹⁶.

Внешне казалось, что основные республиканские принципы остались нетронутыми, и *princeps* лишь является «первым среди равных». Но с падением народных собраний власть в государстве все более сосредотачивается в руках *princeps* и сената. К Римскому сенату теперь отошли все права народных собраний, а император получил хотя и пожизненную, но высшую *чрезвычайную власть*. В первую очередь ему отошло высшее военное командование, управление международными отношениями и административная власть. В качестве верховного военачальника император получил также право управления теми провинциями, где размещались римские войска, а также право общего проконсула в сенатских провинциях. Постепенно вся Империя разделяется на провинции сенатские и императорские. Помимо магистратов появляются императорские чиновники, а рядом с обычной казной появляется казна императора, и вскоре он наравне с сенатом начинает чеканить свои монеты⁹⁹⁷.

Как видно, установление должности *princeps* отнюдь не привело к упразднению других политических институтов. С точки зрения права император и его аппарат казались лишь *добавлением* к старым республиканским институтам. Но в действительности положение сената и императора было далеко не равноправным: вся реальная власть сосредоточилась в руках *princeps*, который с течением времени все больше и больше оттеснил сенат, и это не вызвало отторжения со стороны римского общества⁹⁹⁸.

Это было обусловлено многими причинами, в том числе тем, что император занял ту часть верхушки политического айсберга, которая по мере расширения Римского государства вдруг сама собой появилась на свет, как результат изменившегося римского общества, вобравшего в себя весь окружающий мир. Единоличная власть, востребованная историей, с теми ее функциями, которые она органично и объективно приняла на себя, не могла быть перепоручена никому другому. Логичный римский ум не мог примерить эти полномочия на сенат — это был высший законодательный орган, и император был обязан вносить в сенат проекты законов, чтобы они получили силу правового акта. Должность диктатора, функции которого опытно определились за века существования Римского государства, также не подходила.

Термину «император» в Риме по естественным причинам присвоили именно то содержание, которое могло быть произведено римской

правовой культурой: «Я — господин рабов, император воинов, для прочих — избранный быть первым!» — как говорили о себе первые императоры. Главное заключается в том, что по той политической философии, которая умозрительно сформировалась в Риме и создала соответствующую ей устойчивую практику, он не обладал никакой собственной властью, и все свои полномочия получал *извне*.

Как римский гражданин, император обязан был подчиняться законам своего отечества, и *право диспенсации* (освобождения от действия того или иного закона) ему всякий раз даровал сенат. Правовые полномочия его власти также определял сенат, как законодательный орган, и комиции (народ, армия). В своей деятельности император опирался на волю римского народа, еще с республиканских времен считавшегося источником власти в данном государстве.

Правда, такое положение дел шло в слишком явное противоречие с фактическим статусом императора, и уже при Августе на практике было признано, что император *legibus solutus* («свободен от закона»). Сам император приобрел право решать вопросы о войне и мире, а также издавать *leges datae* по вопросам устройства колоний, дарований отдельным лицам прав римского гражданина, а также толковать законы. Отсюда со временем образовалась законодательная власть императора и право высшего уголовного и гражданского суда⁹⁹⁹. При императоре *Домициане* (81—96) право диспенсации было перенесено на самого государя: правоведами был сделан логичный вывод, что всякий исходящий от императора акт частнопроводного или административного характера сам по себе включает диспенсацию¹⁰⁰⁰.

Конечно, отдельные черты императорского сана были автоматически унаследованы от первых Римских царей дореспубликанской эпохи. Так, согласно историко-правовым исследованиям, власть царей не являлась наследственной, и главным образом цари *избирались*. Избрание состояло из четырех актов: *interregnum*, *creation Regis*, *inauguratio*, *auctoritas partum lex* или *curiata de imperio*. После смерти очередного царя 10 сенаторов *как бы* облекались властью по управлению Римским государством, им же поручалось подыскать нового царя. Этот период времени и назывался *interregnum*. Выбор кандидата в цари на куриатском собрании получил наименование *creation Regis*. Ауспиции, гадание жрецов на внутренностях жертвенных животных, совершаемое в присутствии народа, именовалось *inauguratio*. *Auctoritas partum lex* являл собой церемонию утверждения сенатом власти нового царя¹⁰⁰¹.

Кстати сказать, пресловутое отсутствие в последующее время единого порядка наследования трона — еще одна визитная карточка ви-

зантийского монархизма, — обусловлено тем, что с момента появления императорской власти считалось, будто каждый *princes* производит свои полномочия от акта избрания¹⁰⁰². Принципат заканчивается со смертью императора или в связи с низложением его сенатом. Внешними отличиями царя от других римских граждан являлись пурпурная тога, скипетр с орлом, золотая диадема, кресло из слоновой кости и 12 ликторов, неизменно сопровождавших его¹⁰⁰³.

С другой стороны, поскольку полагали, будто император выполняет особые поручения *всего* римского народа, его полномочия не имели никаких заранее установленных границ¹⁰⁰⁴. Постепенно, но довольно быстро император получает право контроля над сенатскими провинциями, становится неприкосновенным лицом, может налагать *veto* на все распоряжения магистратов, но сам не подлежит *veto* сената. Даже внешне он отличается от обычных граждан — одеждой и свитой; даже число ликторов постепенно увеличилось до 24¹⁰⁰⁵.

Довольно быстро меняется характер отношений императора с армией. Уже во времена ранней Римской империи армия начала приносить присягу не государству, а *лично императору*, почитая и уважая его как истинного бога. И хотя присяга вовсе не гарантировала от неповиновения, но постепенно в армии все более и более укрепляется традиция верности императору, появляется множество примеров непоколебимой преданности солдат своему царю. Как справедливо отмечают, «верность императору была в сознании солдат неотделима от высшей доблести, достоинства войска, его благочестия». Иногда происходят даже акты коллективного самоубийства легионеров на могиле умершего императора. Как видим, совершенно естественным путем фигура императора все более принимала *сакральный характер*¹⁰⁰⁶.

Постепенно полномочия императора все более расширяются, а сената и муниципалитетов — уменьшаются. При императоре *Александрѐ Севере* (222—235) лица, правившие от его имени, заменили сенаторских легатов всадниками (*presides*) прокураторского ранга, ослабив позиции сената. Именно с этого времени у правителей провинций остается только гражданское управление. Правители пограничных провинций именуются отныне *praeses provinciae*, а самостоятельные начальники пограничных войск — *dux limitis*.

С III в. императоры решительно перестают считаться с сенатом, и *Галлиен* (253—268) вообще устранил сенаторов от военных должностей. *Аврелиан* (270—275) отнял у сената право чеканить собственную монету, после чего тот сохранил лишь номинальные позиции в управлении Римской империей¹⁰⁰⁷. Со временем за императором стали при-

знавать в качестве обязательных следующие полномочия: 1) верховного главнокомандующего; 2) проконсульскую власть и контроль над провинциями; 3) *potestas tribunicia*, т.е. неприкосновенность его особы; 4) право председательства в сенате; 5) соединения в нем одновременно должностей *pontifex maximus* и цензора — об этом мы скажем ниже¹⁰⁰⁸.

Здесь не было никакой теоретической заданности — требования жизни, политическая практика, конкретные исторические фигуры и события сами собой создали образ единоличного государя. Некоторые сильные императоры довели над всей системой политической власти, другие оказались способными реализовать только часть высших полномочий; одни правители *договаривались* с сенатом, как стороны по сделке, иные заставляли признать свою власть в желаемом для себя объеме. Так, постепенно, формировался институт царской власти, в тех формах и с тем содержанием, которые мы обнаруживаем в более поздние времена. Но имелись и некоторые сугубо *национальные* изъяны в том понимании императорской власти, как она сложилась в Риме.

Практичный, если не сказать прагматичный римский ум, не склонный к греческому идеализму и к восточному философствованию, не раскрыл в полной мере сакральные основы царской деятельности, вообще присущие природе единоличной власти. Да, император сразу же усвоил титул *pontifex maximus* («верховный жрец»), продержавшийся до конца IV в., но это полномочие вытекало не из сакральных основ, а из *правовых прерогатив*. И первые Римские монархи категорично не желали признавать себя *автократорами*, царями¹⁰⁰⁹. Тем самым усиленно подчеркивался военный, политический и даже где-то *производный* от других органов государства характер их власти. По психологии того времени назвать императора царем означало порвать с римской республиканской традицией.

Был ли уклон в сакрализацию императорского статуса совершенно неприемлем для Римской империи? Вопрос риторический. Рим принципиально не отрицал сакральности верховной власти. Более того, как отмечают исследователи, по своей природе римская государственность была теократичной, и религия освящала государственную жизнь. Само установление в Риме жреческого сословия относят к временам царствования *Нумы Помпилия* (715—673/672 гг. до Р.Х.), которого вообще считали «отцом-учредителем» римской религии. Он же назначал жрецов и весталок, построил дом, в котором жил и приносил жертвы богам, и этот дом впоследствии служил официальным помещением главы понтификсов, в котором собиралась их коллегия и делались наставления молодым жрецам.

Авторству Нумы Помпилия приписываются также *индигитаменты* или наставления, каким божествам следовало молиться при той или иной житейской надобности, а также *все* молитвы, предписанные для торжественных государственных богослужений. Вообще, первоначально первым понтификом, *pontifex maximus*, признавался сам Нума Помпилий. Полагают, и, конечно, небезосновательно, что первые Римские цари обладали статусом *rex sacrorum*, то есть обязаны были приносить жертвы от имени жрецов¹⁰¹⁰.

Поэтому глава Римского государства никак не мог быть простым смертным, ему приписывались обязательные сакральные функции. Прецедент для этого в лице уже упоминавшегося Римского царя Нумы Помпилия быстро нашелся — впрочем, наверняка он никогда и не забывался римлянами. В частности, император почти изначально принял титул «август», что само по себе свидетельствует о многом. Дело в том, что имя «август» происходит от латинского «*augeo*» («умножать»), связывалось со жреческим титулом «*augur*» («умножитель благ», «величественный»). Следовательно, император не сугубый военачальник, а *старатель общего блага*, умножитель его.

«Ты знаешь, — писал один автор императору Траяну, — что тебе всюду присягают, ибо ты присягнул всем. Мы тебя любим, насколько ты этого заслуживаешь, но это мы делаем не из любви к тебе, а из любви к нам, и да не настанет никогда такой день, о, цезарь, когда обеты за твое благоденствие произнесет не наша польза, а наша верность». Смысл сказанного предельно ясен: принцепс признавался первым слугой Римского государства и был убежден, что его власть только тогда имеет внутренний смысл и заслуживает защиты богов, если он пользуется ею не для удовлетворения личных прихотей, а для обеспечения безопасности и спокойствия римского народа. Траян сам искренне считал, что если власть императора утратила нравственное начало, то он должен быть заменен другим лицом¹⁰¹¹.

Древний человек жил религией и не отделял ее от публичной и частной сферы своего бытия. Неразделенность религии и нравов, политики и морали всегда являлась неотличимой чертой древнего правосознания¹⁰¹². И политическая власть первых монархов возникала как естественное следствие их *священнического достоинства*. «Не сила установила начальников или царей в древних гражданских общинах. Было бы несогласно с истиной сказать, что первым царем был у них счастливый воин. Власть вышла... из культа очага. *Религия создала царя* (выделено мной. — А.В.) в гражданской общине, подобно тому, как она создала семейного главу в доме»¹⁰¹³. Первейшей обязанностью царя было свер-

шение религиозных церемоний. И, как верховный жрец, царь был блюстителем нравственности в государстве. Это сознание являлось безальтернативным, и Рим не составлял исключения из правил.

Отказ римлян от царства в древние времена вовсе не привел к их негативному отношению к существу царской власти. «Имя царя отнюдь не обратилось в порицание, осталось почетным прозванием. Обыкновенно говорят, что слова эти вызывали ненависть и презрение: странное заблуждение! Римляне прилагали его к богам в своих молитвах. Если похитители власти не осмеливались никогда принимать этого титула, то это не оттого, что он был ненавистен, а скорей оттого, что *священен*»¹⁰¹⁴.

Эта оценка ничуть не отличается от свидетельств, приведенных древним автором. В один из периодов шаткости республиканского строя, когда группа децемвиров пыталась узурпировать власть, сенаторы говорили так: «Мы изгнали царей. Но людям отвратительно было не время царя, коим благочестием дозволяет называть Юпитера, да и Ромула, основателя Рима, и тех, кто царствовал после. При отправлении священных обрядов имя царя также привычно, ибо вызывало ненависть не оно, но царская гордыня и произвол!»¹⁰¹⁵ Замечательно также, что даже в республиканское время первым делом вновь избранного консула было *совершение жертвоприношений* на форуме¹⁰¹⁶.

Античный мир вообще смотрел на религию как на закон не только для частных лиц, но и для целых народов и государств. Считалось безусловным, что религиозные обязанности так же точно подлежат исполнению со стороны народов и государств, как и со стороны частных лиц. Но, в отличие от последних, государство исполняет этот закон не непосредственно, а через институт руководителей в деле религии, *священнослужителей*, посредников между ним и Богом. Исполнение этих обязанностей со стороны государства считалось тем лучше, чем безупречнее был этот институт и чем большую силу предстательства он имел перед Богом¹⁰¹⁷.

Любопытно, что многие термины, относящиеся к исполнению государственных полномочий, носили сакральный характер и имели религиозное происхождение. Например, латинское «*fidelis*» означало одновременно и «верующий» и «верный слову». Древнее латинское слово «*sacramentum*» во времена древней Церкви применялось к церковным таинствам, но по своему исходному значению обозначало солдатскую присягу. Первые христиане называли варваров и языч-

ников термином «*pagani*», которым римские солдаты обозначали штатских лиц, не имевших понятия о воинской присяге и чести¹⁰¹⁸.

Издавна в Риме религия являлась *государственным учреждением*, которым Римское государство пользовалось как воспитательным средством для достижения поставленных перед собой целей. Право и обязанность исповедовать римскую религию принадлежало только римским гражданам, поскольку религиозные верования влияли на все публичные и гражданские права. Покоренные народы сохраняли свои национальные верования, если только те не вступали в конфликт с римским пантеоном. Однако всякий культ и суеверия, казавшиеся вредными, преследовались по всей строгости римского закона¹⁰¹⁹.

В силу древней правовой традиции вопросы осквернения святынь и проступков против веры не рассматривались в Риме отдельно от иных споров. Различие таилось лишь в *компетенции органов*, в чьи полномочия входили те или иные судебные дела. Институт понтификов заведовал всеми делами, касающимися общественной религии, но сама область права религиозного была гораздо шире и включала в себя такую отрасль, как право публично-религиозное. Оно составляло предмет общего законодательства, доступного вмешательству государственной власти. Уже при первом римском императоре статус первосвященника и верховного цензора нравов вместе с соответствующей юрисдикцией слились в одном лице — императоре. Как цензор, император сосредотачивал в своих руках блюстительство над законами и нравами¹⁰²⁰. Таким образом, еще в языческие времена верховная власть сосредоточила в своих руках высшую ординарную юрисдикцию, а также и специальную юрисдикцию по делам веры¹⁰²¹.

И правовое *pontifex maximus*, родившееся из древнего культа царя, должно было найти какое-то разумное примирение с христианскими первоосновами Римской империи уже при св. Константине Великом. Поэтому вскоре обязанность правового регулирования вопросов общественной религии приведет императоров к необходимости напрямую вмешиваться в вопросы христианского вероучения.

Уже знакомый нам по предыдущему повествованию Август Октавиан воспринимался — и, надо полагать, не без самоудовольствия, — божеством, наделенным особой харизмой. Современники описывали его как повелителя земли, моря и космоса, спасителя человеческого рода. В некоторых случаях его отождествляли с Зевсом, и в одной из надписей в Галикарнасе значится, что бессмертная и вечная природа

дала людям высшее благо — цезаря Августа, «отца своего отечества богини Ромы».

На монетах той эпохи, особенно чеканенных на Востоке, Октавиан именуется «явленным богом» и даже «*основателем Ойкумены*» (!). С этих времен стало традиционным изображать Римских императоров, подчеркивая два их «врожденных» признака — божественность и победоносность. Император изображался так же босым, как и все боги, с земным шаром, «державой» в руках, на котором размещалась Ника, богиня победы, и посохом (скипетром). В последующих изображениях императоры увенчиваются венками из дубовых листьев, что далеко не случайно, поскольку дуб являлся деревом, посвященным Юпитеру¹⁰²².

А император *Домициан* (81—96) начинал свои послания со слов: «Государь наш и бог повелевает...» В 199 г. император *Септимий Север* (193—211) после блестящей победы над парфянами наградил свою вторую жену, Эмессу Юлию Домну, титулом *mater castrorum* («мать лагерей»). Отныне ее изображение вместе со священным изображением самого императора должно было присутствовать в каждом военном лагере. Он же присвоил себе титулатуру *dominus* («государь»), от которой некогда отказался император Октавиан, подчеркивая тем самым, что не просто является *princes* сената, но обладает высшей властью, является господином своих подданных, владыкой, стоящим *неизмеримо выше* всех остальных римских граждан¹⁰²³.

Развивая его мысли, язычник император Диоклетиан сделал титул «*dominus*» постоянным, и с тех пор с наименованием Римского императора тесно связан термин «*царь*» («*Dominus noster Imperator*»). Он же первым возложил на себя диадему, унаследовав в одеянии и убранстве традиции персидского двора. Идея народного суверенитета постепенно ослабевает, сенат утрачивает некоторые свои prerogatives, а законодательство сосредотачивается почти исключительно в руках императора¹⁰²⁴. Поскольку, следуя древней традиции, первые императоры не принимали таинства Крещения вплоть до смертного часа, никакого специального обряда посвящения их на царство не происходило. Однако множество чудесных событий буквально подталкивало христианских императоров к единственно верному пониманию первооснов своей власти. Весьма характерно также, что по Божественному Провидению именно обожествление *языческого* императора вольно или невольно способствовало широкому распро-

странению христианского монотеизма. Идея «Человекобога» открывала дорогу и «Богочеловеку»¹⁰²⁵.

Святой Феодосий Великий рассказывал о чудесном сновидении, в котором Антиохийский патриарх *Мелетий* (360—381) одел его в царскую порфиру и возложил на главу императорский венец. Когда во сне народ, заполнивший храм, стал выходить из него, огромная птица спустилась сверху и возложила радужный венец на царя. Все приняли этот сон, рассказанный царем, как знак признания Богом императорского достоинства св. Феодосия I. Хотя известно достоверно, что св. Феодосий Старший принял знаки императорского достоинства от императора Грациана, который и возложил на него диадему. А св. Маркиан заявлял, что стал на царство *Божественным жребием*¹⁰²⁶.

Откровенно ошибочным было бы утверждение, будто республиканская форма правления Рима не могла примириться с единоличной политической властью. «То, что нравится правителю, — имеет силу закона», — говорил в III в. знаменитый юрист Ульпиан, и это было далеко не единоличное мнение. Другой правовед, Дион Кассий, вообще был склонен считать императора *свободным от публичных законов*, то есть от самих основ римского правопорядка, хотя, как полагают, этот тезис с большим сочувствием был принят на Востоке, чем в Италии.

В отдельных случаях, которые, впрочем, численно преобладали, императоры исходили из тех принципов, которые были закреплены за императором *Веспасианом* (69—79) сенатом. «Что бы ни счел император правильным, хотя бы и противно обычаю, ради величия государства и религиозных, человеческих, общественных и частных дел, он имеет право и власть это творить и совершать»¹⁰²⁷.

В дальнейшем императоры последовательно закрепляли за собой эти prerogatives. В Кодексе св. Константина Великого говорится, что императору принадлежит исключительное право толковать законы. А по законам императоров Валентиниана II, св. Феодосия Великого и Аркадия законодательная власть делится *между* сенатом и императором: «Хотя сенатские постановления сами по себе получают постоянную силу, однако же *нашими законами* мы преследуем ту же цель»¹⁰²⁸.

Замечателен в этом отношении один отрывок из Евсевия Кесарийского, где он сравнивает власть монарха с властью Бога и вообще дает характеристику монархии, как идеальной формы правления. «Закон

царского права, — пишет Памфил, — именно тот, который подчиняет всех единому владычеству. Монархия превосходнее всех форм правления, многоначалие же, составленное из членов равного достоинства, скорее есть анархия и мятеж. Посему-то один Бог (не два, не три, не более, ибо многобожие есть безбожие), один Царь, одно Его слово и один царский закон, выражаемый не речениями и буквами, не в письменах и на таблицах, истребляемых продолжительностью времени, но живое и ипостасное Слово Бога, предписывающее волю Отца всем, которые покорны Ему и следуют за Ним»¹⁰²⁹. Таким образом, царство есть своего рода «естественный закон» человеческого общества, данный непосредственно Богом и потому обязательный для всех.

Присутствовал еще один мотив, который нельзя не учитывать. Было бы крайне сомнительно отказывать христианским императорам в тех правах и титулах, которыми обладали *языческие* Римские императоры. И с полным основанием римские солдаты в IV в. приносили императору следующие слова присяги: «Клянемся именем Бога, Христа и Святого Духа, величеством императора, которое человеческий род после Бога должен особенно почитать и уважать. Император принял имя Августа, и ему, как истинному и воплощенному Богу (*tanquam praesenti et corporali deo*»), должно оказывать верность и поклонение, ему должно воздавать самое внимательное служение. И частный человек, и воин служит Богу, когда он верно чтит того, кто правит с Божьего соизволения»¹⁰³⁰.

Но республиканские политические традиции нередко вступали в открытую конфронтацию с новыми веяниями, и императорская власть имела своего постоянного оппонента в лице сената. Римский сенат всегда представлял собой удивительное явление — из его среды нередко выходили Нимские самодержцы, а, с другой стороны, он являлся неизменной и серьезнейшей оппозицией императору. Тем не менее в целом сенат очень подозрительно поглядывал на фигуру императора, опасаясь с его стороны попыток полного подчинения себе всех государственных институтов, включая сам сенат. Родовая аристократия, формирующая сенат, не готова была мириться с уничтожением своих высших полномочий, и цари прекрасно это понимали. Поэтому они старались не останавливаться в древней столице, под любым поводом надолго задерживаясь в Милане, Равенне, Фессалониках, Никомедии, Антиохии и т.п.

Сенат, чувствуя увеличивающуюся мощь императорской власти, особенно со времен Диоклетиана, глубоко обиженный невниманием императоров к римским древностям, ищет опору в восстановлении

древних традиций, в том числе и религиозных. Не случайно во времена первых христианских императоров язычники-узурпаторы часто находили поддержку у представителей знатнейших сенаторских фамилий. Происходят удивительные изменения: если ранее римляне считали хорошим тоном изучать греческую философию и литературу, то, начиная с IV в., сенат становится во главе нового латинского культурного возрождения. Здесь все дышало старинным республиканским римским духом, и императору было крайне неудобно в этой столице, где ему, в отличие от греческого Востока, оказывали совсем не те знаки внимания и не такое почтение, как там. Вечный город сам требовал к себе почтения. По мере того как императоры старались найти себе другие резиденции и открыто игнорировали Рим, роль сенаторской знати и префекта города неизменно возрастает¹⁰³¹.

II. Таким образом, выросши на берегах Тибра, императорская власть Рима, сохранившая на себе отпечаток национальных особенностей, находилась в несколько двойственном положении. Некоторые черты римского строя способствовали ее развитию и наполнению историческим содержанием, другие препятствовали раскрыться наиболее полно и ярко идее монархизма.

Чтобы император стал самим собой, монархия должна была найти основу там, где ей придавали более совершенное содержание. Инстинктивно или нет, но еще задолго до св. Константина Великого взоры императоров устремлялись на Восток, имевший свою богатую и специфическую культуру. Разве мог св. Константин Великий или Констанций игнорировать тексты Священного Писания, в которых излагается другое, к тому же *данное непосредственно Богом*, толкование царской власти? Ведь еще в книгах Ветхого Завета говорится: «Где слово царя, там власть; и кто скажет ему: «что ты делаешь?»» (Еккл. 8, 4); «Царь правосудием утверждает землю» (Притч. 29, 4). «Когда страна отступит от закона, тогда много в ней начальников; а при разумном и знающем муже она долговечна» (Притч. 28, 2). «Милость и истина охраняют царя, и милостью он поддерживает престол свой» (Притч. 20, 28). «Сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его» (Притч. 21, 1). «Как небо в высоте и земля в глубине, так сердце царей — неисследимо» (Притч. 25, 3). «Бойся, сын мой, Господа и царя» (Притч. 24, 21). «Слава Божия — облекать тайною дело, а слава царей — исследовать дело» (Притч. 25, 2). Естественно, императоры начинали проникаться той культурой, которая выросла на ветхозаветных и новозаветных книгах.

Но этот процесс вовсе не означал полного отрицания римской политической культуры. Примечательно, что в течение нескольких последующих столетий императоры часто принимали консульство, как знак некогда высшего достоинства в Римской республике, утративший уже к этому времени какое-либо политическое содержание и являющийся всего лишь почетным титулом. Тем не менее повсеместно в имперских указах наряду с обозначением царского титула значится и титул консула, и само исчисление времени правления того или иного государя начинается с его консульства.

Возведенный св. Константином Великим Константинополь как новая столица хотя перенял большинство политических традиций старого Рима, но дал и много нового. Здесь также был образован свой сенат из числа переехавших представителей древних римских семей, но равноапостольный царь, как великий администратор, не желал сохранять институты, которые казались ему отжившими и морально устарелыми. Он хотел уйти от пустого аристократизма, к тому же крайне неэффективного на государственной службе, и обрести государственное управление, основанное на *государственных мужах*. Святой Константин резко увеличил число важных государственных должностей, получивших сенаторский статус, но занимал их представителями служилых сословий. Образовался новый «путь карьеры» (*cursus honorum*) для тех, кто стремился наверх: через службу в государственном аппарате и у императора. Того, кто прошел этот путь, ждала высшая награда: он считался практически приравненным к старой аристократии, хотя бы являлся выходцем из низов¹⁰³².

Надо сказать, святой император руководствовался политическим гением Диоклетиана. Еще в пору этого императора был установлен новый «Табель о рангах» Римского государства, предусматривавший шесть высших степеней чиновников. К первой группе относились «*nobilissimi*» — «знатнейшие» (члены императорской семьи и сама императорская чета), затем «*clarissimi*» — «светлейшие», «*perfectissimi*» — «совершеннейшие», «*egregii*» — «превосходнейшие», «*illustres*» — «сиятельные», «*spectabiles*» — «высокородные». Были введены также должности управляющего императорским дворцом («*praepositus sacri cubiculi*»), государственный канцлер Римской империи («*Quaestor sacri palatii*»), управляющий финансами («*comes largitionum*») и огромное количество придворных должностей, прямо и косвенно связанных с государственным управлением¹⁰³³.

Дети св. Константина Великого продолжили дело отца. Так, уже при императоре Констанции членами сената могли быть лица, удовлетворя-

ющие следующим критериям: 1) наличие денег, 2) недвижимое имущество, 3) занятие определенной государственной должности, 4) необходимый культурный уровень. При этом царю ядро Константинопольского сената составили служилые аристократы и даже бывшие рабы, включая евнухов¹⁰³⁴. Поэтому роль и значение сената в Константинополе были, конечно, несопоставимы с теми, которыми обладал Римский сенат. Но все же это был один из высших органов государственной власти Империи, нередко принимавший активное участие в выборе или назначении императора.

Сохранился также, хотя и в ослабленном виде, принцип народного суверенитета, и потому каждый новый царь должен был проходить процедуру назначения. Особенно интересно, *у кого* всякий раз новый император получал согласование на царствование. Сенат, как уже говорилось, был непременным участником этих церемоний, сохранив значение первенствующего в Империи государственного органа. Поскольку собрать весь народ никто никогда и не предполагал, его естественным «заместителем» с давних пор стала армия. То обстоятельство, что постепенно армия стала наемной, варварской и даже неправославной, никого не смущало. Помимо любви к традициям, римляне всегда были *реалистами* и не шли против силы — а армия была той зачастую хаотической, не подчиненной никому силой, которая могла опрокинуть и сенат, и императора. Но впоследствии участие этих институтов в деле поставления нового царя минимизируется, и все большее значение приобретает Церковь и Константинопольский патриарх.

Перенос столицы на берега Босфора привел к формированию устойчивой и весьма содержательной тенденции, в течение буквально одного столетия изменившей самосознание императоров и их образ в глазах подданных. Безусловно, это происходило далеко не автоматически, а через ломку старых стереотипов; но в этой «каше» старых обломков и «нового вина» образовалось особое, *византийское* понятие царской власти. Этот был очень трудный и совершенно не прямолинейный процесс, но он приводил к новым откровениям, неведомым для республиканского Рима.

Первый прецедент создал сам святой и равноапостольный Константин Великий. Хотя первоначально он старался по возможности уклоняться от решения сугубо догматических споров, но жизнь неуклонно брала свое. И вот однажды, угощая епископов, император признал себя «внешним епископом» Церкви. Термин, по обыкновению неопределенный с юридической точки зрения, что породило множественность его

толкования. По одному, вполне заслуживающему внимания мнению, обращаясь с этими словами, император не мог не сознавать своих церковных прерогатив. Но, поскольку на этот момент он не *был еще крещен и даже оглашен*, то оговорился о себе как «внешнем» епископе¹⁰³⁵.

Как можно понять из этих слов, царский сан *подобен* (хотя и не тождественен) епископскому в части сакральных основ власти обеих иерархий. А также по отношению к осуществлению управления Церковью и обязанности осуществлять власть учительства, изначально принадлежащей архиереям, как преемникам святых апостолов. Но, повторимся, поскольку первый христианский император не был еще членом Церкви, то он именовал себя «внешним» архипастырем.

Именно св. Константин Великий безоговорочно признал источником своей власти непосредственно Бога, и с этим связывал успехи своего царствования. Этим же путем шли и его дети. Говоря об императоре Констанции, св. Григорий Богослов писал: «Рассуждая истинно по-царски и выше многих других, он ясно усматривал, что с успехами христиан возрастало могущество римлян, что с пришествием Христовым явилось у них самодержавие, никогда дотоле не достигавшее совершенного единоначалия»¹⁰³⁶. Затем Святитель пишет еще более определенно. По его мнению, св. Константин Равноапостольный и Констанций *положили основание царской власти в христианстве и в вере*¹⁰³⁷.

Постепенно императоры стали именоваться на восточный манер *царями*, сохранив при этом, как синонимы, титулы «император», «август», а впоследствии — «*василевс*». Впрочем, точнее сказать, что термин «*василевс*» и ранее использовался в римской литературе (достаточно обратиться к сочинениям Евсевия Кесарийского) при обращении к царям, но он стал привычным и наполнился конкретным содержанием только к VII веку. Являясь августейшим («священнейшим»), верным воплощением Божества на земле, император сообщает священный характер всему тому, что от него исходит, делается его волей, говорится в его речах. Кто приближается к нему, тот простирается ниц и касается лбом земли, как живого воплощения Божества¹⁰³⁸.

Свою главную задачу христианские цари видели уже не только в том, чтобы созидать общественное благо, вершить правосудие, творить право, воевать с врагами и оберегать территориальную целостность Римской империи. Это ранее делали все их предшественники, начиная с первых времен образования Римской монархии. Оказалось, что для христианских императоров появилась *высшая цель*, которую сформулировал еще св. Феодосий Младший: «Много заботимся мы обо всем об-

щеполезном, но преимущественно о том, что относится до благочестия: ибо благочестие доставляет людям и другие блага»¹⁰³⁹.

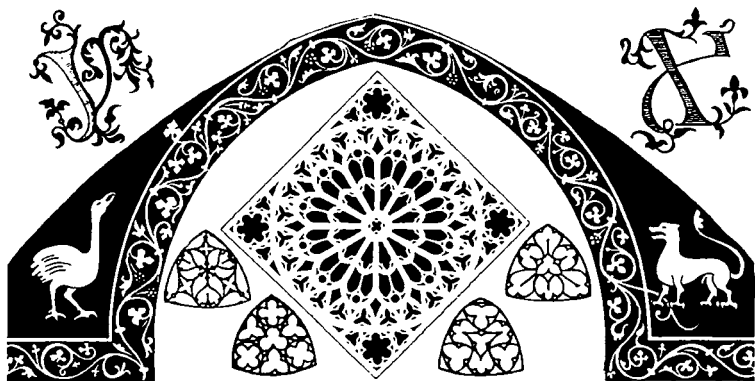
Да и могли ли императоры качественно иначе понимать существо царской власти? Ведь с момента признания Римским государством христианства слова Господа нашего Иисуса Христа «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Матф. 6, 33) естественным образом трансформировались в аксиому, высказанную некогда еще св. Иоанном Златоустом. «Оттого многое и в общественных, и в частных делах идет у нас не по нашему желанию, — утверждал с амвона святитель, — что мы не о духовном наперед заботимся, а потом о житейском, но извратили порядок. От этого и правильный ход дела извратился, и все у нас исполнилось великого смятения»¹⁰⁴⁰.

Следовательно, чтобы Римское государство жило благочестиво, нужно, чтобы духовная жизнь проходила под безукоризненно точным исполнением учения Христа. В условиях же наличия множества ересей, неизменно сопровождавших и омрачавших жизнь Церкви уже с первых веков ее существования, учение Христа нуждалось в государственной защите, предоставить которую мог единственно император. Само собой получилось, что для христианских государей оказалось невозможным думать только о политическом, оставляя в небрежении вопросы веры. Одно для них неразрывно связано причинно-следственной связью со вторым: если вера крепка и народ благочестив, все в государстве будет в порядке.

Так постепенно императоры становятся *высшими хранителями Православия и защитниками Церкви*. Этот статус единственно укладывался в религиозную систему Восточной Римской империи, где очень рано был понят как особая форма церковного служения. Поэтому не только царь — это для всех безусловно, так как «император в совете Божиим предопределен Богом, чтобы управлять миром», а даже сановники не просто служили, а *священнодействовали*¹⁰⁴¹.

Было бы бесконечно пошло и скучно приписывать стремлению Римских императоров возглавить Церковь исключительно тщеславные мотивы. Нужно помнить, в каких условиях возрастали Римские цари — чувство долга перед обществом, Империей, Богом, — чтобы опускаться до аббераций такого уровня. «Выросши среди лагерей, — писал современник об императоре Траяне, — он научился не только повелевать, но и повиноваться и подчинять свои личные интересы общим». И эти слова, за редким исключением, могут быть адресованы практически ко всем первым монархам Рима, в том числе, конечно, и православным¹⁰⁴².

ХIV. ИМПЕРАТОР АНАСТАСИЙ I (491—518)

Глава 1. Избранник жены

Вечером 9 апреля 491 г. в портике перед большой обеденной залой дворца собрались высшие чиновники, патриарх и члены сената. Одновременно с ними на ипподром потянулся народ и, привычно разбившись на партии, занял свои места. Их окружили войска, гвардейские части, также желавшие принять участие в выборе нового императора. Раздались крики, требующие назвать имя будущего царя. По совету чиновников вдовствующая императрица св. Ариадна, облаченная в порфирную одежду, вышла в сопровождении патриарха *Евфимия* (490—496), двух препозитов, магистра официй и других высших персон. Ее появление было встречено криками: «Ариадна августа, твоя победа! Православного царя для Вселенной!» Царица обратилась к присутствующим с речью, в которой объявила, что уже отдала необходимые распоряжения синклиту и представителям войска. Им приказано подыскать императором христианина, прирожденного римлянина, доблестного и благочестивого мужа.

Затем, когда шум стих, глашатай подтвердил, что императрица желала бы, чтобы личные счета и выгоды оказались позабыты, а все участники озаботились исключительно благом государства. В заключение св. Ариадна просила не торопиться с выбором, дабы выдалась возможность достойно и благочестиво совершить погребение покойного царя. Из толпы вновь раздались возгласы: «Славная Пасха миру! Порядок и благочиние городу! Многие лета царице!,

Храни, Боже, ее жизнь! Все блага да будут тебе, римлянка, если ничто чужое не умножит род римлян! Царство твое, Ариадна, твоя победа!»

Выход завершился, царица вернулась в свои покои, но оставшиеся одни чиновники и патриарх так и не смогли прийти к единому выводу о кандидатуре. Тогда препозит Урбикий предложил самый простой выход — предоставить выбор самой царице. Недолго думая (видимо, предварительные размышления уже имели место), св. Ариадна назвала имя селенциария **Анастасия**, которого немедленно привели во дворец и поместили в зале консистория.

На следующий день состоялись похороны Зенона, погребенного в храме Святых Апостолов, а вечером того же дня были отданы последние распоряжения относительно завтрашних церемоний. Через два дня после смерти Зенона, в Страстную пятницу 11 апреля 491 г., все сановники и патриарх Евфимий собрались в белых одеждах, и к ним, приветствуя присутствующих, вышел Анастасий. Сановники и члены сената просили его дать клятву, что он будет править по чести и не сохранит зла против кого-либо, и тот ее дал. Анастасий, облаченный в императорские одежды и пурпурные сапоги — неизменный знак царской власти, последовал дальше и с открытой головой прошел на кафизму.

Войска, стоявшие рядом, опустили копья и знамена. Анастасий встал на щит, и кампидуктор возложил на его голову золотую цепь, после чего солдаты подняли щит, а затем царь вернулся в триклиний. Там патриарх Евфимий совершил молитву, облек его в порфиру и возложил на чело Анастасия украшенную драгоценными камнями императорскую корону.

Появившись опять в кафизме, Анастасий передал глашатаю свою речь, которая выглядела следующим образом: «Ясно, что человеческая власть зависит от манования свыше. Всемилостивейшая августа Ариадна по собственному решению, выбор блистательных сановников и сената, согласие победоносных войск и “святого” народа принудили меня, против воли и вопреки отказам, принять на себя заботу о Римском царстве, вручая себя милосердию Святой Троицы. Какое бремя за общее благо легло на меня, это я знаю. Молю Вседержителя Бога, чтобы мне оказаться в моей деятельности таким, каким в вашем единомышленном избрании надеялись вы меня видеть. Да будет с вами Бог»¹⁰⁴³.

Избранный св. Ариадной, которой было немного более 40 лет, Анастасий считался уже давно немолодым человеком — ему исполнилось 60 лет. Он родился в Диррахии (нынешняя Албания) от малоизвест-

ных родителей, и своим трудом поднялся по карьерной лестнице. Впрочем, о его деятельности известно также очень мало, из чего следует, что Анастасий был, в сущности, рядовым чиновником¹⁰⁴⁴. Сразу по восшествии его на престол угодливые придворные поспешили вывести родословную императора от самого Гнея Помпея, что было явной фальсификацией, на которую царь, чуждый внешнего лоска, не пошел. Он был римлянином латинского языка, но длительная служба при дворе дала ему хорошее знание жизни и широкие связи и круг знакомств. Император по своему характеру был терпеливым и снисходительным человеком, искусным дипломатом и хорошим стратегом. Особенно замечательно в годы правления проявились его таланты финансиста¹⁰⁴⁵.

До своего возвышения он имел очень хорошую репутацию и слыл *безупречно* благочестивым человеком, так что при венчании его приветствовали криками: «Царствуй так же, как ты жил!»¹⁰⁴⁶ Он был высокого роста, волосы с густой проседью, статен, очень красив лицом и имел одну оригинальную особенность, за которую получил прозвище *Дикор*, — один его глаз был черный, а второй — голубой. Он был глубоко верующим человеком, богословски образованным, и в последние годы правления Зенона даже принимал активное непосредственное участие в богословских спорах, устроив специально для себя небольшую кафедру в храме Св. Софии и проповедуя оттуда. Правда, такая инициатива пришлась не по душе патриарху Евфимию, который приказал убрать эту кафедру и запретил Анастасию богословствовать.

Святая Ариадна и сенат не случайно обмолвились, что хотели бы видеть на царском престоле *римлянина*: здесь подразумевались и родословная нового государя, который должен быть не из варваров, и его вероисповедание. Раскол, возникший в патриаршество Акакия, продолжал волновать умы константинопольцев, и Евфимий, не принявший «Энотикон», надеялся восстановить общение с папой Римским, не анафематствуя своего предшественника, — непереносимое условие, выдвинутое латинянами для преодоления раскола. Но патриарх Евфимий несколько настороженно относился к Анастасию: он полагал, будто среди родственников царя встречались манихеи и ариане. Архидиакон дал согласие на императорство Анастасия при непереносимом условии, что тот собственноручно напишет письменное исповедание веры с признанием Халкидонского Собора — беспрецедентный до сих пор поступок, но император, не желавший начинать царствование с конфликта, уступил¹⁰⁴⁷.

Через 40 дней после восшествия на престол Анастасия совершилось его бракосочетание со св. Ариадной — благоразумная и необходимая

мера для легализации прав нового императора при наличии других претендентов на трон. Вслед за этим появился манифест, в котором царь простил все недоимки в бюджет за минувшие годы и резко ограничил власть доносчиков, от которых страдало население¹⁰⁴⁸.

Как можно без труда понять, выбор Анастасия являлся делом рук национальной партии, стремившейся избавить государство от власти исавров и германцев. Конечно, это неизбежно вело к вооруженному столкновению с братом покойного императора Зенона Лонгином, считавшим свои права на престол не менее обоснованными, чем Анастасий или св. Ариадна. Естественно, за ним стояли исавры, не сомневающиеся на счет того, какое будущее ждет их при новом царствии. Во главе с Лонгином они затеяли государственный переворот, но своевременные меры Анастасия и префекта Константинополя Секундина, мужа сестры царя Кесарии, предотвратили эту угрозу. Во время уличных боев погибло очень много людей, и даже был сожжен ипподром. Всем без исключения исаврам было отдано распоряжение *немедленно* покинуть столицу, самого Лонгина удалили в Фиваиду и насильно постригли в духовный чин; он умер через семь лет. Родственники Лонгина, включая его жену, из милости царя проживали на загородной вилле императора на азиатском берегу Босфора¹⁰⁴⁹.

Однако другой защитник интересов исавров, Лингинин, правитель Исаврии, стал настоящим вождем восставших, среди которых оказался даже епископ города Аламеи Конон, оставивший свою кафедру, чтобы стать воином. С ними в строю оказалось около 100 тыс. исавров и варваров, желавших поживиться грабежом во время войны.

В качестве ответной меры Анастасий тут же издал закон о конфискации всего имущества исавров в столице, включая личное имущество Зенона, и отозвал ежегодное денежное содержание Исаврии, установленное при его предшественнике в размере 1500 фунтов золота. На вырученные средства была снаряжена армия под руководством Иоанна-скифа и магистра армии Иоанна Кирта («Горбатого»). Гунны прислали конные ополчения, остготы предоставили отряд своих воинов, но главной силой имперской армии стали старые регулярные полки, расквартированные в Силимврии¹⁰⁵⁰.

В конце 492 г. оба войска встретились на равнине близ города Коттии, где исавры потерпели сокрушительное поражение. Вскоре погиб их вождь, и встретил смерть епископ Конон, но война продолжалась еще несколько лет в горах Исаврии. Лишь в 498 г. комит Приск взял в плен последнего вождя исавров, Лонгина Селинунтского, которого в цепях привезли в Константинополь. Исавры навсегда потеряли ранее

данные им привилегии и с тех пор стали рядовыми подданными императора, поставляя ему храбрых солдат, неоднократно прославившихся на полях сражений¹⁰⁵¹.

В 493 г. состоялось нападение *болгар* — первая волна грядущего ужаса римлян, которым противостояли 15 тыс. римских воинов во главе с магистром армии Аристом. В данной битве на реке Цутре римляне потерпели страшное поражение, пало более 4 тыс. солдат и множество командиров, так что, как говорили современники, с тех пор «слава армии Иллирика погибла навсегда». Поскольку историками зафиксировано вторжение болгар и в 504 г., можно с уверенностью сказать, что это были далеко не единичные набеги¹⁰⁵².

Во время войны произошло одно событие, немало повлиявшее на последующую церковную политику императора Анастасия. Как уже говорилось, патриарх Евфимий изначально относился с подозрением к вере императора и едва ли искренне одобрял его выбор со стороны св. Ариадны. Однако и император не скрывал своих подозрений на счет Евфимия, полагая, будто тот тайно помогает исаврам. Рассказывают, что однажды, получив известие о победе своих войск над мятежниками, он с сарказмом произнес в лицо патриарху: «Твои молитвы не помогли твоим друзьям!»¹⁰⁵³

На третий год войны с исаврами царь, желавший поскорее закончить военные действия и сохранить провинции от разорения, попросил патриарха воздействовать на епископов исаврийских областей и некоторых главарей сопротивления, чтобы те сдались на милость Анастасия. Каково же было его удивление, когда он узнал, что Евфимий выдал его план зятю Афинодора, непримиримому вождю исавров¹⁰⁵⁴. Патриарха тотчас обвинили в измене, и Анастасий потребовал вернуть ему назад письменное вероисповедание, которое ранее он передал в руки Евфимия.

Далее, как свидетельствуют летописи, на патриарха было организовано покушение, но по счастливой случайности убийца не смог нанести смертельный удар Константинопольскому архиерею, и сам был казнен на месте преступления. Впрочем, вряд ли можно отнести это покушение на счет императора — у того имелось достаточно средств, чтобы справиться с неугодным архипастырем. Да и характер нового царя не предполагал, что он рискнет на такую непопулярную меру, как убийство патриарха: Константинополь жил сплетнями, и достаточно было одного *намёка*, чтобы репутация императора резко пошатнулась. Так, история и не оставила нам имен истинных организаторов неудавшегося убийства. В любом случае, созданный по воле императора в

496 г. Собор низверг Евфимия и, обвинив в несторианстве, сослал в город Евхаиты, на восточную границу¹⁰⁵⁵.

Приход к власти крепкого национального правительства и восстановление порядка в Римской империи произошли очень кстати. В 498 г. восточные провинции Византии (начнем употреблять понемногу этот термин) подверглись нападению арабов филарха Наамана, признававшего над собой власть Персидского царя. Без сомнения, эта акция была спланирована персами для проверки прочности римских границ, поскольку в это же время другое арабское племя вторглось в пределы Палестины. Но войска дукса провинции Евфратезии Евгения разгромили кочевников возле города Бифрапсы, а римские отряды под командованием полководца Романа не только отбили арабскую атаку, но и сами перешли в наступление и отвоевали у них остров Иотабу, некогда отданный императором св. Львом Великим филарху Аморкесу¹⁰⁵⁶.

Три года спустя, в 502 г., арабы под руководством другого вождя, Бадихарима, вновь напали на Сирию и Финикию, и это наступление произошло столь стремительно, что римские войска не сумели догнать варваров. Впрочем, императору Анастасию удалось заключить мирный договор с их главой Аретой, отцом Бадихарима.

Едва закончилась эта война, как в 502 г. персы объявили о прекращении действия соглашения, заключенного еще в 442 г. В течение мирного полувека персы вели затяжную войну с эфталитами, что сопровождалось у них частой сменой представителей правящей династии, и это сильно отвлекало их от западных границ. Надо сказать, что и византийцы уже давно с подозрением относились к политике персов в Армении, где периодически возникали препятствия для христианской Церкви и происходили гонения на православных.

Армяне неоднократно просили Римских императоров принять их под свою защиту, и просьбы не оставались не услышанными¹⁰⁵⁷. И нет ничего удивительно, что, воспользовавшись нестроениями у персов, византийцы прекратили выплату им ежегодной дани — одно из обязательных условий договора 442 г. Наконец, Персидский царь *Кавад I* (449—531) сумел уладить отношения с *эфталитами*, которым обязался платить деньги за охрану кавказских переходов. Остро нуждаясь в средствах, Кавад потребовал от римлян уплаты неустойки и долга по ранее заключенному договору, но император соглашался лишь выдать *кредит* под письменные обязательства персов, что, конечно, не удовлетворило Сасанида¹⁰⁵⁸.

С огромным войском, в котором было много гуннов, Кавад перешел границу и подступил к Феодосиюполю (Эрзеруму), командир гарни-

зона которого Константин, член сената (или, как говорили сами византийцы, *синклита*), питал вражду к императору Анастасию и потому *сдал город*. Другой военачальник, Феодор, передал без сопротивления персам город Мартирополь, где хранилась казна провинции с крупной суммой денег. В итоге уже 5 октября 502 г. Кавад захватил многие области Армении и осадил город Амиду (Диарбекир) — сильную пограничную крепость римлян. Посол Анастасия Руфин вместо встречи с Персидским царем был захвачен в плен и брошен в темницу.

Подоспевшие римские войска под командованием дукса Алипия первоначально действовали вполне успешно, но, к сожалению, 19 ноября 502 г. около крепости Марды были застигнуты персами ночью врасплох и разбиты; множество легионеров попало в плен. К концу ноября арабы Наамана дошли до Эдессы, жители которой принялись восстанавливать крепостные сооружения и выжгли окрестности города, чтобы увеличить радиус обстрела метательных орудий. В итоге персы не взяли Эдессы, но все равно им досталась громадная добыча — рассказывают, только пленными они захватили около 20 тыс. византийцев. Зато дукс Евгений вернулся после поражения в свой город, сумел отобрать у персов Феодосиополь и восстановил власть Римского императора в этой области¹⁰⁵⁹.

Между тем Кавад продолжал осаду Амиды, которая пока не приносила ему успеха. Под осенними дождями персы сильно страдали и уже готовы были снять осаду, когда 10 января 503 г. благодаря безопасности одного монаха из осажденного города, случайно открывшего персам тайный ход, они ворвались в город. Бойня была ужасной — по свидетельству очевидцев, за три дня от персидских мечей погибло около 80 тыс. римлян¹⁰⁶⁰.

После взятия Амиды стала форпостом персов, откуда они удачно предпринимали новые нападения. Избалованный столькими успехами, Кавад уверовал в свою счастливую звезду и направил в апреле 503 г. Руфина, выпущенного из тюрьмы, к императору Анастасию с двумя предложениями на выбор последнего: 1) прекратить войну и уплатить деньги; 2) продолжить войну. Каково же было его удивление, когда император Анастасий *выбрал войну*.

Собрав новые легионы, василевс сформировал армию под руководством трех военачальников — Ареобинда, назначенного магистром армии Востока, Патрикия, консула 500 г., и своего племянника от брака его сестры Кесарии и Секундина, Ипатия. К ним присоединились союзнические остготские отряды. На беду, у византийцев отсутствовало единое командование, что негативно сказалось на их действиях и

результатах¹⁰⁶¹. До августа 503 г. стороны действовали с переменным успехом, но затем в сражении под городом Ападной Кавад разгромил римские войска¹⁰⁶².

После произошел один эпизод, позволяющий лучше понять характер военных действий на Востоке и условия, в которых были вынуждены сражаться римляне. Когда затем персы направились к крепости Телле, находившиеся в ней иудеи устроили подкоп и попытались сдать город захватчикам. Но находившийся в персидском плену римский командир Петр увидел знаки, которыми иудеи привлекали внимание персов. Под предлогом получения одежды от осажденных он подошел к крепостной стене и сумел уведомить о предательстве начальника гарнизона Леонтия. Римляне немедленно перебили всех иудеев в крепости, заделали подкоп, а их епископ Бар-Хадад лично отправился к Персидскому царю и сумел вымолить у того пощаду крепости. В силу неизвестных обстоятельств (ну не могла же просьба епископа быть самостоятельной причиной?!) Кавад отказался от осады этого города и направился к Эдессе, жители которой в очередной раз принялись восстанавливать стены и выстраивать на них метательные орудия. Персы хитростью пытались захватить город и его командира Ареобинда, но их замысел потерпел неудачу, после чего они направились к Евфрату¹⁰⁶³.

Арабы продолжали своими набегами разорять провинции близ Евфрата, когда на театре военных действий оказался храбрый римский военачальник Патрикиол вместе с сыном Виталианом. Они отразили арабов, но в дальнейшем, не имея достаточных сил, не рискнули сразиться непосредственно с Кавадом, подтянувшим к Эдессе все свои войска. Тем временем Ареобинд довольно успешно оборонял Эдессу, и персы не сумели навязать римлянам свои условия мирного договора.

Все же встревоженный тем, как идут дела на войне, император Анастасий направил зимой 504 г. в армию свое доверенное лицо с правами верховного главнокомандующего — Келера. С его появлением действия римских войск приобрели уверенность и системность. Келер лишал персов продовольствия, захватывал фураж и лошадей, наконец, перевел свои войска к городу Амиде и весной 505 г. начал его планомерную осаду. В одной из многочисленных стычек у римлян прославился гот Эллод, получивший незадолго до того титул трибуна. Он пробрался в город с несколькими товарищами, но, замеченный персами, был вынужден уходить. Окруженный толпой врагов, он пробился к своим, унеся труп убитого друга. Вскоре осажденные в Амиде дошли до людоедства, но все равно отказывались сдаться римлянам¹⁰⁶⁴.

Оставив осаду Амида на Патрикия, Келер направил Ареобинда в персидскую Армению, и тот произвел в ней страшное опустошение, захватив богатую добычу. В частности, он привел с собой более 120 тыс. баранов, подорвав продовольственную базу персидской армии. Надо понимать, что эта война, как и многие другие, шла на *тотальное истребление*, и стороны не щадили никого на захваченных территориях. Сам Келер разорял земли за Тигром, избивая всех старше 12 лет. Крепость Амида держалась изо всех сил, но становилось ясно, что обе стороны уже исчерпали свои силы; к тому же на персов напали гунны — возможно, не без подсказки Константинополя. Зимой 505 г. стороны разошлись на зимние квартиры, и их послы начали прорабатывать условия мирного договора. Правда, пока писались документы, арабы по привычке попытались пограбить, но их быстро настигли направленные Келером войска, разбили, двум шейхам отрубили головы, а трех распяли. После этого арабы также успокоились и уже не решались устроить набег.

Весной 506 г. Келер со своим войском отправился к Эдессе, чтобы там заключить мирный договор с персами по поручению императора. Но оказалось, что его визави умер по дороге. Пока происходила замена с персидской стороны, римские части, состоявшие из остготов, едва не взбунтовались, и уж, во всяком случае, причиняли большие неудобства местному населению. Поэтому Келер искренне благодарил Бога, когда осенью 506 г. прибыли наконец персидские послы и подписали мирный договор сроком на семь лет. В целом, как ни странно, война оказалась более удачной для римлян, чем для персов, и Константинополь обзавелся некоторыми важными крепостями на персидской границе, вызывавшими постоянное беспокойство Кавада¹⁰⁶⁵. В очередной раз, хотя и не без большого труда, Империя справилась с самым могущественным своим врагом тех столетий и надолго отвела персов нападать на римские земли.

По мнению многих исследователей, римские военные успехи были в значительной степени обусловлены мудрой политикой императора. В первую очередь, желая ограничить доступ варваров в высшие политические круги, царь провел закон (между 498 и 503 гг.), согласно которому старая практика предоставления варварским вождям римских военных титулов «магистр» прекращалась. Теперь снабжение и расквартирование варварских военных отрядов осуществлялись римскими чиновниками, что привело к резкому повышению контроля над ними со стороны государственной власти, уровня обучения и дисциплины армии.

Помимо прочего, эта реформа высвободила значительные денежные средства. Совокупно с другой реформой, *финансовой*, проведенной императором, во главе угла которой лежал обмен старого налога «анноны», предполагавшего прямые поставки армии натурой со стороны населения, на налог в денежной форме. В большинстве случаев солдаты сами могли определять, предпочитают они получить деньги на приобретение продовольствия либо получать жалование продуктами. Этот процесс назывался «*хрисотелией югов*». При этом царь подкрепил систему обеспечения армии специальными, иногда принудительными закупками продовольствия. В результате прекратилось своеволие солдат по экспроприации продовольствия, и казна получила дополнительные средства. Анастасий смог перейти к формированию армии на наемной добровольной основе, причем такой набор осуществлялся индивидуально, вне зависимости от национальной принадлежности новобранца¹⁰⁶⁶. Конечно, реформа дала только *предварительные* позитивы, но и этого оказалось достаточно, чтобы начать ликвидацию старой зависимости Империи от военных сил варваров, укрепление вооруженных сил и торжества национальной партии.

Еще одним облегчением, которое император сделал населению, была отмена старого налога *auri lustralis collatio*, тяжким бременем лежавшего на плечах городского населения. Эта мера имела своим результатом резкий рост ремесленничества и торговли. Вообще, резкая монетизация налогов свидетельствовала о росте экономики Византии, в том числе и сельского хозяйства¹⁰⁶⁷.

Глава 2. Дела на Западе и восстание Виталиана

Было бы наивным полагать, что честолюбивый Теодорих удовлетворится статусом «императорского зрителя» в Италии. И вскоре он совершенно последовательно начал укреплять свою власть над остальными германскими племенами, расположившимися на соседних территориях, используя старые как мир средства — войну и династические браки. Посредством глобальной системы альянсов он хотел объединить под своей властью *все* германские народы, живущие на территории Римской империи. Конечно, эта политика находилась в глубоком противоречии со стремлением Константинополя реставрировать Римскую империю в прежнем виде и не могла не вызвать обе-

спокойности Анастасия. Отдав Тюрингскому королю *Херминафриду* в жены свою племянницу Амалабергу, Теодорих пишет тому весьма недвусмысленное письмо, в котором звучат такие слова: «Вы, отпрыск королевского рода, отныне принимаете на себя часть славы блестящего рода Амалов»¹⁰⁶⁸.

Озабоченный франкской экспансией, он направил письмо их королю, легендарному *Хлодвигу* (481—511), наполненное лестью и словами увещевания, цель которых сделать франков своими союзниками — на подчиненных, конечно, ролях. «Бог соединяет королей святыми узами родства для того, чтобы на их миролюбивых отношениях основать желаемое спокойствие народов, — пишет он. — Короли вступают в родство для того, чтобы нации, разделенные между собой, *могли иметь одну волю* (выделено мной. — *А. В.*), и чтобы через эти узы, как проводники согласия, объединялись мысли народов... Мы удивляемся, как вы могли вступить в жестокую борьбу с нашим сыном Аларихом (королем вестготов из Южной Галлии. — *А. В.*)... Я угрожаю вам по праву отца и друга»¹⁰⁶⁹. Без труда здесь обнаруживается и понимание Теодорихом своего главенства над всеми остальными германскими королями, и его сила, которую он не скрывает.

Следует сказать несколько слов об этом великом и могучем *народе-завоевателе*, с представителями которого нам придется встречаться на протяжении практически всего последующего изложения. Своим происхождением франки обязаны трем группам германских племен: *амсвариям*, *хаттуариям* и *хаттам*, обитавших в низовьях Рейна и объединившихся в единый союз где-то на рубеже III—IV веков. Тогда-то германцы и приняли имя «франк», что означало «храбрый», «дерзкий». Многочисленные и воинственные, франки имели склонность легко приобщаться к более высокой культуре, облагораживая и собственные нравы, и историю. Едва столкнувшись с Римской цивилизацией, они позаимствовали старую легенду, будто Рим был основан потомками троянцев, и вскоре именовали себя не иначе как правнуками *Энея*, сына царя Трои *Приама*.

Но это было далеко не единственное приобретение, сделанное ими после знакомства с Римом. Франки охотно шли на римскую военную службу и, возвратившись после ее окончания на свою родину, привезли с собой и тот образ монархии, с которым столкнулись в Италии. В подражании Риму небольшие франкские племена начали структурироваться, а их короли договорились, что все они происходят из единого королевского рода. И в середине V века у них уже образовался привилегированный клан *Меровингов* (от легендарного предка *Меро-*

воя), который и давал франков правителей. Отличительным признаком всех Франкских королей (а по иным критериям они ничем не выделялись от родичей) являлись длинные волосы, которых они никогда не постригали.

Каждый из потомков королей имел права на власть, и потому все Меровинги обладали определенным набором земель *Teilreiche*, границы которых тем не менее были переменчивы и условны. Единство *Regnum Francorum* было скорее исключением, чем правилом, но Хлодвигу удалось, методично и целенаправленно убивая всех остальных правителей, объединить *все* франкские земли под своей властью. Правда, после его смерти в 511 г. все вернулось на круги своя. Тем не менее в любой момент времени франки оставались столь сильными, что заставляли уважать себя всех остальных соседей¹⁰⁷⁰.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что в 493 г. Теодорих вступил во второй брак, и его женой стала сестра Франкского короля Хлодвиг. Франки в это время воевали с алеманами, и, с громадным трудом победив в 496 г. врага, Хлодвиг принял таинство Святого Крещения, положив начало новой эпохе своего народа¹⁰⁷¹. Рассказывают, будто сам Ангел Божий излил на него святое миро во время Крещения. Как легко понять, это обстоятельство оказалось на руку Теодориху, для которого более не существовало препятствий для налаживания добрых отношений с франками. Впрочем, история отношений франков с остготами только начиналась...

Затем Остготский король выдал замуж двух своих дочерей от первого брака за Вестготского короля *Алариха II* (484—507) и за Бургундского кронпринца *Сигизмунда*. А в 500 г. Теодорих отдал в жены Вандальскому королю *Тразамунду* (496—523) свою сестру Амалафриду, передав в качестве приданого крепость в Сицилии и 6 тыс. остготских воинов. Политическая цель этого альянса была очевидна — обеспечить независимость южной части Италии от Константинополя при помощи вандалов, чей флот все еще господствовал на Средиземном море¹⁰⁷².

Надо сказать, что его меры были весьма своевременны, поскольку и вестготы, и бургунды представляли собой уже не просто военную силу, но *силу политическую*, создав собственные государства. Расширяя пределы Тулузского королевства, вестготы все более распространялись на области Испании, включая территории от Тура и Арля до испанской Месеты. Их короли приняли титул *princeps*, Аларих II распорядился составить краткое изложение «Кодекса Феодосия», получившее наименование «Римский закон вестготов». Под действие этого закона попали римские подданные Вестготского короля, а сами вест-

готы судились по своему «Кодексу Эвриха», испытывшему, однако, на себе также сильнейшее влияние римского права. Подражая во всем блистательной Римской империи и ее владыкам, Аларих II, хотя сам и являлся арианом, разрешил православным епископам собраться на Собор в Арпле в 506 г.

Вскоре, после смерти Алариха II, его владения отошли к Толедскому королевству вестготов, а корона почилла на голове малолетнего *Амалариха* (511—531). Как и его отец, Амаларих вел политику усиления вестготского влияния в Испании и постепенного обособления своего государства от Римской империи.

Располагавшееся неподалеку, чуть восточнее, Королевство бургундов являлось точной копией государств вестготов и остготов. Правда, их короли еще не решились заявить о полной самостоятельности и потому истребовали себе титул «магистр милитум», став *как бы* римским главнокомандующим в Галлии¹⁰⁷³.

Поэтому, повторимся, действия Остготского короля были весьма своевременными. В 504 г. Теодорих попутно разгромил гепидов и присоединил к своему королевству провинцию Паннонию II, чем вызвал резко негативную реакцию со стороны Константинополя. Пока Анастасий воевал с персами, Теодорих Великий решил привлечь к себе также герулов, расположившихся на Дунае. Они приняли предложение, и король герулов *Радульф* был даже признан сыном Теодориха «по оружию». Считая себя *наследником* Западного императора, Теодорих вознамерился захватить область Иллирики, и в 505 г. его план реализовался — остготы заняли город Сирмий.

Но в своей экспансионистской политике Теодориху пришлось вновь столкнуться с франками Хлодвига. В 496 и 500—503 гг. они регулярно громили алеманов, а в 500 г. заставили уже бургундов платить дань. В конечном итоге Хлодвиг стал напрямую посягать на сферу интересов остготов и вестготов. И хотя Теодорих переселил оставшихся алеманов в Швабию и Швейцарию, франк настойчиво вступал в противоборство с готами, нисколько не опасаясь, что его войска гораздо менее многочисленны, чем вражеские. В 507 г. Хлодвигу удалось даже нанести вестготам при Пуатье страшное поражение, и почти вся Испания попала под его власть.

Вскоре стало ясно, что мысли короля франков далеко не ограничиваются долинами Галлии, и он активно стремится к тому, чтобы стать *объединителем всех западных земель* по примеру прежнего Римского императора; франков тянуло Средиземноморье. Его союзниками стали *бургунды* во главе с их королем Сигизмундом, *рейнцы* Клодерика

и отряды *кельнских воинов*, которых повел в бой их король *Сигебер*. Успешные столкновения с готами принесли франкам в собственность побережье Аквитании и сокровища Алариха. В довершение всего Хлодвиг пришел в Париж — в ту пору маленький населенный пункт, и основал в нем свою столицу. Примечательно, что и Теодорих, и Хлодвиг добросовестно *копировали* Римских самодержцев. Теодорих предоставил разбитым франками алеманам статус «федеративных союзников», а Хлодвиг созвал в Орлеане Собор галльских епископов, где обсуждался вопрос об искоренении арианства¹⁰⁷⁴.

Хлодвиг поддержал император Анастасий, заинтересованный в том, чтобы столкнуть франков с остготами и уж, в крайнем случае, обеспечить добрый нейтралитет со стороны Франкского короля. Он направил посольство к Хлодвигу, которого признал консулом, и передал великолепно исполненные знаки консульской власти — одежду и венец. В храме Святого Мартина Хлодвиг, одетого в пурпурную тунику и военный плащ, увенчали диадемой. В этом одеянии франк проехал по всему городу Туру и бросал в толпу монеты с изображением императора. Для него этот союз также был небезвыгоден, поскольку, хоть это было всего лишь *титularyное консульство*, но оно обеспечивало ему авторитет среди римского населения Галлии, где обосновались франки¹⁰⁷⁵.

Первоначально Анастасий не решился воевать на два фронта, но когда утихла война с персами, он в 508 г. направил эскадру в количестве 100 судов и 8 тыс. воинов под командованием комита domestikов Романа и комита схол Рустика к берегам Южной Италии. Те успешно пограбили прибрежные пункты и беспрепятственно вернулись в Константинополь. Удачные действия византийцев и франков на время воспрепятствовали дальнейшей экспансии остготов, и поэтому эту войну можно занести Константинополю в актив, хотя полного разгрома врага добиться не удалось; впрочем, едва ли такая цель вообще ставилась перед войском мудрым Анастасием.

В конце концов в 508 г. Теодориху удалось разбить в короткой войне франков, и на время их победоносное шествие было приостановлено. А после смерти Хлодвига, наступившей в 511 г., Теодорих принял на себя знаки императорского достоинства, и в Риме к нему начали обращаться со словами: «Наш государь, благороднейший и доблестнейший Теодорих, победитель и триумфатор, неизменный покровитель страны, рожденный для ее счастья, защитник свободы, возвеличивший Рим покоритель народов»¹⁰⁷⁶. И это славословие имело под собой твердое основание: Теодорих Великий распространил свою власть на

Италию, Сицилию, Прованс, Южную Галлию и Испанию. Северные границы его королевства протянулись по Рейну и Дунаю, восточные доходили до Хорватии, Словении, Северной Сербии. За исключением Африки, оставшейся части Галлии и Балканского полуострова, все некогда римские земли стали остготскими, *германскими*¹⁰⁷⁷.

К сожалению для Константинополя, Франкская держава раскололась между сыновьями Хлодвиг и уже перестала представлять серьезной опасности для остготов. Нет ничего удивительного в том, что, получая неизменные подтверждения растущей мощи Теодориха, всерьез опасаясь с его стороны военных действий, император Анастасий утвердил в 498 г. соглашение, которое должен был подписать еще Зенон, и послал Теодориху пурпурную мантию, диадему и золотой столовый сервиз.

Таким образом, остгот *официально* был признан в Константинополе правителем Италии, что, впрочем, не исключало двоякого толкования. Как лицо, принявшее власть от Римского императора, он являлся римским чиновником, тем более что итальянская администрация практически не претерпела никаких изменений. С другой стороны, он не собирался считать себя подчиненным Константинополю лицом и вскоре принял титул *Flavius Theodericus rex*, в котором первое слово прозрачно намекало на то, что отсутствие в этом титуле привычного для императоров слова «*Augustus*» («Август») является пока еще досадным недоразумением¹⁰⁷⁸.

Судьба распорядилась таким образом, что в течение всех лет царствования Анастасию приходилось вести войны — как внешние, так и *внутренние*. Едва затихли волнения на Западе и на восточных границах, как Римскую империю охватило широкое восстание под руководством полугота-полугунна Виталиана, сына Патрикиола, с которым они вместе воевали с персами в войне 503—506 гг. Очевидное и очередное подтверждение тому, что церковные споры всегда непосредственно затрагивали политическую сферу Римского государства.

В 514 г. Виталиан занимал пост комита федератов и проживал в Добрудже, имея тесные связи с болгарами. Магистром армии во Фракии в ту пору был племянник императора Ипатий, который, подозревая Виталиана в изменнических намерениях, лишил того денежного содержания и резко уменьшил сумму выплаты войскам, находившимся в его подчинении. Видимо, Ипатий не вполне отдавал себе отчет в том, к каким последствиям приведут эти меры, но вскоре Виталиан казнил нескольких близких к Ипатию офицеров и объявил, будто император назначил его вместо Ипатия магистром армии во Фракии. Получив

доступ к денежной казне, он организовал армию в количестве 50 тыс. воинов и объявил себя *защитником Православия*. Его шаги имели широкий резонанс. Очень многие из тех, кто не принял монофизитство и вынужден был уйти из столицы, примкнули к нему, да и население в массе приветствовало Виталиана. Без боев пройдя на юг, Виталиан дошел до столицы и стал бивуаком в Евдоме¹⁰⁷⁹.

Ситуация стала критическая, и император предпринял два действия. Во-первых, он лишил Виталиана нимба защитника Церкви, выставив на городских стенах медные кресты с описанием причин бунта, а затем сделал крупные пожертвования на Церковь. Во-вторых, Анастасий направил к восставшим для переговоров магистра армии Патрикия, человека уважаемого и заслуженного (за воинские подвиги он стал в 500 г. консулом), хорошо знакомого с Виталианом. Характерно, что в действительности Виталиан не собирался претендовать на верховную власть, удовлетворившись более скромным статусом народного героя; вероятнее всего, он на самом деле действовал скорее под влиянием личной обиды. Переговоры прошли успешно, а диалог императора с близкими офицерами Виталиана, состоявшийся на следующий день, еще более снял напряжение. В итоге стороны договорились, что царь возместит войскам то, что им недодал Ипатий, и предоставит *право папе Римскому решить вопрос о вере* (!). Как следствие на восьмой день Виталиан с солдатами снялся со стоянки и удалился к местам обычного расположения своих частей¹⁰⁸⁰.

Все могло закончиться вполне мирно, но новый магистр армии во Фракии, некто Кирилл, на свой страх и риск решил захватить Виталиана, однако тот от изменника узнал о хитроумном плане сановника. Войдя ночью в город Одессу, где остановился Кирилл, он застал своего врага спящим и убил. Весть об этом дошла до Константинополя, по-видимому, в несколько искаженном виде, поскольку император тут же созвал сенат, на котором было решено объявить Виталиана *врагом отечества*, набрать армию в количестве 80 тыс. солдат, назначить главнокомандующим Ипатия, а его помощниками — нового магистра армии Фракии гота Алафара и комита царских щедрот (интенданта) Феодора.

Принципиально инцидент в Одессе ничего не менял в договоренностях между императором Анастасием и Виталианом и равным счетом не требовал столь решительных действий, особенно зная нелюбовь царя вести войну, и уж тем более на своей территории. Пожалуй, единственное содержательное условие из состоявшихся договоренностей, которое могло быть неприятно и неприемлемо для царя Анастасия, —

передача вопроса о вере папе Римскому. Но, зная умение византийского двора уходить от прямых ответов и тянуть время, можно ли согласиться, что только из-за этого император решился на продолжение боевых действий с собственной армией?

Но и Виталиан не сидел сложа руки. Он вызвал множество конных болгар из-за границы и усилил ими свое войско. Заманив императорское войско в глубь контролируемой им территории и усыпив бдительность его полководцев путем «отдачи» им нескольких мелких стычек, Виталиан дал большое сражение, в котором римляне оказались наголову разбитыми. Говорили, что погибло до 60 тыс. войска, и сам Ипатий попал в плен к Виталиану¹⁰⁸¹.

Теперь ситуация кардинально изменилась. Виталиан стал помышлять о *собственном императорстве*, и когда царь прислал к нему послов, тот попросту ограбил их, захватив все деньги, которые они везли для выкупа пленных. Тогда император решился практически на последний шаг: он направил к восставшим Иоанна, сына сестры самого Виталиана, храброго офицера и полководца, впоследствии стяжавшего славу в войнах с готами, чтобы тот выслушал условия мира *от Виталиана*. Объективно оценив свое положение, Виталиан потребовал единовременной выплаты ему 5 тыс. фунтов золота, титул магистра армии во Фракии и утверждения эдикта императора о правой вере. Характерно, что гарантией выполнения этих условий должны были стать клятвы императора, всего синклита, старших офицеров, дворцовых схол и представителей димов. Анастасий выполнил и это требование, после чего Виталиан с войском удалился во Фракию¹⁰⁸².

Но в 515 г. гунны внезапно опустошили Армению, Каппадокию, Понт, Галатию и дошли до Ликаонии, и у двора Анастасия было много оснований предполагать, что виновником этих бедствий являлся Виталиан. В виде наказания в 516 г. царь распорядился отозвать у него титул магистра армии и передать его Руфину. Это вызвало третий поход Виталиана на Константинополь. С большими силами, основную ударную мощь которых составляли болгары, он стал в предместье столицы Сики, но здесь его ждали первые разочарования: исавры, на которых он так рассчитывал, остались верны императору. Видимо, и римская армия внушала собой серьезную силу, поскольку Виталиан предпочел перенести боевые действия на море, где ему противостоял будущий царь, тогда еще комит экскувитов *Юстин*.

По одному свидетельству, добрый совет, принесший в конце концов царю победу, дал Анастасию философ Прокл Афинский. Он рекомендовал ему использовать в битве с войском Виталиана серный

порошок — некое подобие знаменитого в будущем «греческого огня». Неопытные моряки восставших не сумели противостоять римскому флоту, их корабли горели, как факелы, и они были разбиты; стоявшие в Сиках болгары бежали, бросив своих раненых и больных — победа имперских войск была полной¹⁰⁸³.

С торжественной процессией Анастасий в течение нескольких дней совершал благодарственные молебны в храме Архангела Михаила и предал казни попавших в плен ближайших соратников Виталиана, руки которых были обагрены кровью царских сановников. После этого Виталиан ушел куда-то в Скифию и в течение двух лет не представлял уже опасности для Римской империи¹⁰⁸⁴.

Уже после ухода остготов во главе с Теодорихом северные области Римской империи оказались опустошенными, и хотя германская угроза перестала существовать, внезапно выяснилось, что охранять границы некем. Этим и воспользовался новый враг Империи — *славяне*, которые под именем гетов в 517 г. совершили первое вторжение. Они опустошили обе Македонии, Фессалию, дошли до Фермопил и Старого Эпира. Вскоре славяне заняли территории на левом берегу Дуная и с тех пор стали доставлять Империи большие неудобства.

Другие придунайские земли вскоре с разрешения императора заняли эрулы, которые едва не были истреблены до последнего человека славянами и гепидами. Впоследствии они много помогут римскому оружию, выступая под имперскими знаменами в войнах¹⁰⁸⁵.

Глава 3. Состояние Восточной Церкви и сношения с Римом

Монофизитский раскол никоим образом не следует воспринимать только как спор *церковный*, в значительной степени это было явление, вызванное многочисленными политическими причинами и мировоззренческими расхождениями между Востоком и Западом. К политическим причинам следует отнести в первую очередь «германский вопрос» и проблему сохранения целостности территории Римской империи, ко второй группе — вопрос о статусе в Кафолической Церкви Римского епископа. Излишне, пожалуй, говорить, что все вопросы были глубоко взаимосвязаны.

Анастасий, будучи миролюбивым человеком, совсем не желал вводить что-либо новое, тем более в церковный порядок. Он всеми способами стремился к тому, чтобы все церкви жили в мире и без смут и

чтобы подданные пользовались глубоким покоем¹⁰⁸⁶. Образ его мыслей можно охарактеризовать не как религиозное безразличие, а, скорее, по одному точному выражению, как *беспристрастность*. Поставив перед собой целью обеспечить единство и мир для Церкви и Империи, царь искренне возмущался, что кто-нибудь из римлян может быть подвергнут наказанию или иным неприятностям за свой образ мыслей. Отдавая себе отчет в невозможности объединить все восточные области, он все же до конца верил в «Энотикон» Зенона, искренне полагая, будто тот способен сохранить внешнее единство Кафолической Церкви. И если он заблуждался, то следует отнести к нему снисходительно: перед Анастасием стояла задача, выполнение которой было не по плечу не только престарелому царю, но всему епископату того времени.

Его религиозную толерантность легко комментирует тот факт, что далеко не все ближнее окружение императора солидаризовалось с ним по вопросу Халкидона. Например, двоюродный брат царя Помпей и его жена Анастасия тяготели к восстановлению отношений с понтификом и во время ссылки Константинопольского патриарха *Македония* (495—511) поддерживали того деньгами. Как говорят, жена Помпея была ревностной защитницей Православия, равно как и жена полководца Ареобинда Юлиана. Вместе обе женщины состояли в переписке с Римом и посещали св. Савву, когда тот останавливался в Константинополе. На стороне Халкидона был и знаменитый Келер, близкий товарищ императора, под конец его царствования занимавший пост магистра официй¹⁰⁸⁷. Но при этом умершая в 515 г. и впоследствии прославленная Кафолической Церковью верная сторонница Халкидонского Собора императрица св. Ариадна была помощником своему мужу во всех его начинаниях, включая вероисповедальную политику царя¹⁰⁸⁸.

Идея единства Церкви была в то время столь же распространена, как и идея *политического единства* всей Вселенной. Не говоря уже о том сопротивлении, которое оказывали императору сторонники Халкидона, многие христиане искренне переживали по поводу свершившегося раскола церквей и прекращения общения с Римом. Это тем более было неприятно национальной партии, которая только-только освободила Империю от варваров и считала себя обязанной напомнить остальным, что Империя родилась не на Востоке, а в Риме, и ее сроки — вечность, а не 150 лет от даты основания новой столицы¹⁰⁸⁹.

Была ли так очевидна ущербность «Энотикона» и православность Халкидона? Едва ли. Для нас, спустя полтора тысячелетия, кажется само собой разумеющимся, что Халкидон является великим Вселен-

ским Собором со всеми вытекающими презумпциями истинности его определений, а «Энотикон» — шагом назад. Но мы нередко забываем, что этого знания христиане тех веков не имели, и Церковь переживала тяжелую борьбу по уяснению истины, которую Господь открыл через вселенский орос. «Умеренных» монофизитов (а «крайние» уже давно отъединились в то время от Кафолической Церкви) было никак не меньше, чем твердых халкидонитов, и их мнение и постоянные просьбы о поддержке не могли оставить царя равнодушным. Представим себе, как человек того времени, привыкший к тому, что Сирийская и Египетская церкви являются апостольскими и древнейшими в мире, что именно из Александрии св. Афанасий Великий усмирал арианство, а св. Кирилл — несторианство, вдруг сталкивается с тем неприятным фактом, что его церковь признана еретической.

Согласимся, что моментально и полностью принять такую точку зрения мог только исключительный обыватель и, по-видимому, далеко не самый порядочный человек. В подавляющем большинстве случаев для рядовых мирян, слабо разбирающихся в догматических тонкостях, такое положение дел было изначально неприемлемо: кто может отказаться от своей истории, традиции, семьи и всего иного, что человеку дорого с детства, пусть и во имя высших целей? Естественно, что самая обычная реакция на «нововведения» со стороны Константинополя рассматривалась как «греческие штучки», имевшие под собой замысел *унизить* древние кафедры, подчинить их себе. В Антиохии и Александрии, где среди населения греческий элемент отнюдь не доминировал численно, любая жесткая реакция непременно должна была перерасти в национально-религиозные движения, сепаратистские по своей сути. Поэтому император поддержал «Энотикон», позволяющий хоть как-то смягчить остроту ситуации и не создавать неразрешимых проблем во внутренней политике.

Однако здесь таилась опасность с другой стороны. Примирительная позиция императора, убежденность, что, сохраняя единство Церкви, он создает необходимые условия для устраивающей всех вероисповедальной формулы, встречала устойчивое сопротивление со стороны Римских епископов. Они решительно вмешивались в дела Востока, не всегда, мягко говоря, оглядываясь на фигуру императора. Смерть Зенона вдохнула новые надежды в сердца понтификов о скором достижении поставленной ими цели. Как только произошла коронация нового царя, послы из Рима, сенаторы Фауст и Ириней, являвшиеся одновременно *представителями Теодориха Великого* (!), предъявили императору Анастасию требование папы и короля исключить имя патриарха Акакия из диптихов.

Когда им в этом было отказано, папа *Геласий I* (492—496) обратился с посланием к епископам Иллирика, в котором призывал тех не подчиняться Константинополю, то есть императору. К сожалению, Рим зашел уже слишком далеко в упрочении собственной власти, и папа Геласий безапелляционно заявлял, что в «доме греков одни еретики». Геласий — далеко не «рядовой» понтифик, и образ его мыслей много повлиял на позднейшее папство. Имея хорошие отношения с Теодорихом Великим, чувствуя мощную поддержку остготов, папа несколько не был озабочен растущим конфликтом между папским двором и царем. Последовательно отгесняя Константинополь, он вновь пытается вывести на первый план Александрию и Антиохию.

Опровергая сам принцип, на котором основан 28-й канон, Геласий писал: «Разве император не останавливался множество раз в Равенне, Милане, Сирмии и Треве? И разве священники этих городов приобрели что-либо дополнительно, кроме тех почестей, которые передавались им с древних времен? Если вопрос о положении городов и имеет место, то положение второго и третьего престолов (Александрии и Антиохии) выше, чем у этого города (Константинополя), который не только не числится среди (главных) престолов, но даже не входит в число городов с правами митрополии».

В другом послании он еще дальше развивает эту тему: «Разве следовало Апостольскому престолу предпочесть решение округа Гераклеи, — я имею в виду понтифика Константинопольского, — или решение каких-либо иных епископов, которых необходимо созвать к нему, либо из-за него, когда епископ Константинопольский отказывается предстать перед Апостольским престолом, являющимся первым престолом? Этот епископ, даже если бы обладал прерогативой митрополии или числился среди (главных) престолов, все равно не имел права игнорировать решение первого престола»¹⁰⁹⁰.

Затем, желая несколько «усмирить» императора и обосновать для всего мира свою позицию, папа пишет трактат, навеянный учением блаженного Августина. В своем сочинении Геласий пришел к тому выводу, что существование Церкви и Империи единственно возможно в условиях *дуализма властей* (!). Христос, как истинный *rex et pontifex* («настоящий царь и священник»), разделил власть между императором и священниками. Следовательно, и те, и другие участвуют во власти Христовой, но каждый в своей области. Очевидно, в таких условиях любое вмешательство папы в духовные дела остальных Поместных Церквей не просто обоснованно, но *необходимо*. Соответственно вмешательство царя в вопросы веры — суть отступление от генерального принципа и приветствоваться не может.

Он без обиняков изложил свою теорию в письмах императору Анастасию. «Славный император, — пишет он царю, — существует два учреждения, которые в первую очередь управляют этим миром. Первое — освященный авторитет высших иерархов, а другое — царская власть. Бремя, которое несут священники, тяжелое, поскольку им приходится давать отчет перед судом Бога также и за деяния императоров, властвующих над людьми». Последовательный в своей доктрине, папа Геласий обосновал, что папская власть есть источник любого канонического права, понтифик не подсуден никакому суду, но сам может вершить оный над любой церковью и ее предстоятелем. По сути дела, при Геласии I началось оформление учения о примате папства в Кафолической Церкви¹⁰⁹¹.

Вот с каким идейным (по многим позициям) противником пришлось столкнуться императору Анастасию. Но мирный и внешне необидчивый Анастасий, лично склонный к монофизитскому толкованию тайны Боговоплощения, сумел поставить зарвавшихся понтификов на место и, ясно понимая истинные интересы Римской империи, последовательно вел свою примиряющую политику¹⁰⁹².

Когда Геласий умер, взошедший на его кафедру папа Анастасий II (496—498) склонялся к примирительной политике, но вскоре он скончался, унеся с собой в могилу некоторые надежды на церковный мир. Последовавшие за этим события достаточно иллюстрируют участие в расколе Церкви Остготского короля и его позицию. После смерти папы Анастасия, как это нередко бывает, в Риме столкнулись две партии, каждая из которых решила выдвинуть собственного кандидата на Римский престол. Национальная римская партия во главе с сенатором Фаустом видела выживание Рима в последовательной реализации идеи о превосходстве кафедры апостола Петра и являлась созидателем самодостаточного папства. По одному удачному сравнению их можно смело назвать «младотурками» своего времени¹⁰⁹³. Они намеревались поставить на его место Симмаха, в то время как оппозиционная партия, состоявшая из сторонников мирной, провизантийской политики, выдвинула кандидатом архипресвитера Лаврентия. Обе партии схватились в кровавой схватке, на улицах Рима произошли беспорядки, появились жертвы, и тогда обе стороны обратились к Теодориху.

Продолжение «Акакиевой схизмы» было далеко не безвыгодно для Теодориха. Для остгота папа являл собой олицетворение всего римского и христианского мира, был человеком, обладавшим огромной духовной и мирской властью. Но сам понтифик нуждался в защите, и остготу было приятно, что именно он в состоянии обеспечить ее. Яв-

ляясь арианом и проживая в центре Православия, Теодорих волей-неволей был вынужден занять позицию религиозной толерантности и совершенно не терпел, когда кто-то подчеркнуто в угоду Остготскому царю менял свои убеждения. Печальная история диакона Гелпидия, состоявшего в православии, но затем перешедшего в арианство и поэтому казненного царем, стала наглядным примером для всех остальных¹⁰⁹⁴.

В свою очередь, в глазах Римского епископа и всего остального клира остгот, конечно, не заменял собой фигуру императора, но он казался очень удобным для разрешения конкретных политических ситуаций, причем как для укрепления власти апостолика в Италии, так и на Востоке. Когда оба кандидата непосредственно отправились в Равенну, где находился двор остгота, и прибегли к его помощи как третьей стороны, остгот максимально использовал ситуацию в свою пользу и остановился на кандидатуре *Симмаха* (498—514), яростного халкидонита. Созванный в марте 499 г. Собор в Риме лишь *констатировал* выбор Теодориха о личности будущего понтифика¹⁰⁹⁵. Для Константинополя это была настоящая *политическая революция*: до этого времени традиционно выбор Римского епископа во многом определялся решением императора, которого здесь незаконно заменила фигура варварского короля. Произошло невероятное: при живом императоре православные епископы обратились к арианину с просьбой определить имя апостолика.

Естественно, Византийский император не оставался «слепым» в данной ситуации и не мог не заметить, сколь уверенно и настойчиво Римский епископ пробивает дорогу для признания за собой высших прерогатив, практически уже неподконтрольных царю, в ущерб целостности Римской империи. Сомнений не было — Остготский король и *узурпатор* преследовал собственные политические интересы, останавливая свой выбор на Симмахе, а не на ставленнике византийской партии пресвитере Лаврентии. Теодориху объективно было очень выгодно сохранить напряженные отношения Константинополя с Римом, так как в этом случае его политический авторитет в Италии только укреплялся — папы неизбежно вынуждены были обращаться к нему, чтобы он обеспечил их безопасность и саму возможность оппонировать Константинополю. Тем самым он обеспечивал свою политическую независимость от Константинополя, создавая фундамент признания за собой высших царских полномочий и своего *суверенного государства*.

Подтверждением тому, что Теодорихом двигали отнюдь не альтруистические соображения, является история продолжения «римского

раскола». Ссылаясь на нарушения, выявленные в деятельности папы Симмаха, сторонники Лаврентия неоднократно пытались сместить первого с престола. Но неизменно наталкивались на твердую позицию Теодориха, особенно на Соборе 506 г. Тогда, чувствуя всю шаткость своего положения, Симмах отправил своего посланника к Теодориху, всерьез опасавшемуся войны с Константинополем. Он убедил короля остготов сделать своей выбор не на стороннике мирного урегулирования вопроса схизмы с Востоком — Лаврентии, а на себе, убежденном противнике монофизитского Востока. Конечно, Теодорих быстро оценил все выгоды такой стратегии: Восточный император был так же опасен для Теодориха, как восточные монофизиты для папы. И на Соборе 506 г. Симмах был сохранен в своем сане. Более того, было признано, что остальные епископы *не вправе судить его* (!)¹⁰⁹⁶.

Это было гораздо серьезнее опусов папы Геласия, поскольку те относились к разряду богословских сочинений, равным счетом ни для кого не обязательных, а здесь имело место *судебное решение*. Поскольку каноническое право Кафолической Церкви зачастую возникало на основе конкретных прецедентов, рассмотренных на соборных заседаниях, такое решение могло стать обязательным для всех последующих Соборов на Западе. Кроме того, в условиях единой Церкви такой канон должен был стать обязательным и для Востока, поскольку касался не частных дел, а, наверное, едва ли не главного вопроса — о юрисдикции органов церковной власти.

Таким образом, в глазах Восточного двора инициативы и позиция Рима выглядели следующим образом. Один за другим папы настаивали на признании Халкидона, традиционно «упуская» вопрос о 28-м каноне и претендуя на то, чтобы все спорные дела в отношении епископата были отданы на их суд, как в высшую инстанцию. При этом они постоянно демонстрировали почтение в адрес остготской власти в Италии и довольно *пренебрежительный* тон к императору (насколько это было возможно). Папы навязывали свое мнение царю, который в глазах всего христианского мира был и оставался его единоличным главой, при унижительном испрашивании разрешения для отправки посольства в Константинополь у Теодориха — *поверенного Римского императора и арианина*. Все это давало серьезную пищу для размышления на Востоке.

Когда папа заявил о собственной непогрешимости и о том, что Римская кафедра — единственная, кто имеет неповрежденную веру, стало ясно, что в таком контексте никакое соглашение принципиально невозможно. В этом случае император не только отказывался от како-

го-либо административно-правительственного влияния на Римского епископа, как и на любого другого предстоятеля Поместной Церкви, но и жестоко обижал остальных четырех Вселенских патриархов, вера которых, следовательно, оказывалась «поврежденной». Очевидно, с практической точки зрения император Анастасий был куда более осмотрительным, чем его визави. Нет никакого сомнения, что анафематствование целого ряда восточных архиереев (Александрийского, Антиохийского и Константинопольского), как того требовал папа Симмах, неизбежно вызвало бы настоящую революцию на мятущемся Востоке, что неизбежно привело бы к неконтролируемым политическим последствиям.

Для того чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы бегло посмотреть, что творилось в восточных церквях в то время. После того как Евфимий покинул патриарший престол в Константинополе, на его место был назначен Македоний, относившийся к своему предшественнику с великим почтением, но по настоянию императора принявший «Энотикон». Надо сказать, вместе император и новый патриарх вели очень осторожную и примирительную политику. Встретив сопротивление со стороны монахов обителей св. Дия, св. Вассиана, св. Матроны и акимитов, Македоний попытался организовать *соборное* обсуждение халкидонских определений, и вроде бы формально восточные епископы поддержали его. Но и после этого монашеское движение не утихло, а раскол в Константинопольской церкви стал свершившимся фактом. Монахи указанных обителей не признавали Македония и отказались вступать с ним в общение. По всем вопросам они предпочитали сноситься с папой Римским¹⁰⁹⁷.

Ситуация резко изменилась в 506 г., когда многие восточные епископы пожелали открыто отвергнуть Халкидон и его орос. Им противостояли не халкидониты, не имевшие подавляющего большинства на Востоке, а партия сторонников «Энотикона», считавшая возможным за счет этого примирительного акта обеспечить церковный мир. Этой партии, которую в Антиохии возглавлял ее патриарх *Флавиан* (498—512), противостоял талантливый писатель и первый враг Халкидона Филоксен, ставший незадолго до этого митрополитом Иераполя в 485 г. и имевший многочисленных друзей и сторонников. Безусловно, это была талантливая фигура — достаточно сказать, что, став главой епархии, считавшейся гнездом несторианцев, он в скором времени сделал из своей паствы стойких монофизитов.

Когда в 507 г. император Анастасий оказался проездом в Кизике, Филоксен ухитрился получить доступ к нему и произвел блестящее

впечатление. Как следствие царь взял его с собой в Константинополь и просил патриарха Македония принять антиохийца в церковное общение. Тот, однако, отказал, поскольку Филоксен не утруждал себя особой скрытностью и помимо Халкидона открыто отрицал некоторые традиционные атрибуты храма, например иконы.

Доведенный активностью Филоксена до крайности, патриарх объявил того еретиком, и в городе начались широкие волнения; поняв свою ошибку, император тайно выслал Филоксена из города. Но его сторонники организовали покушение на Македония — безусловно, без ведома царя. По счастливой случайности, покушение оказалось неудачным. Замечательно, что, демонстрируя кротость и незлопамятность, патриарх оказался настолько мягкосердечным, что вместо наказания тут же наградил деньгами своего несостоявшегося убийцу. Внешне все осталось так, как было. Но стало ясно, что этот призрачный мир рано или поздно нарушится открытой войной¹⁰⁹⁸.

Не надеясь уже на естественный ход вещей, сирийские епископы собрали в 509 г. под руководством своего патриарха Флавиана Собор в Антиохии, на котором дали новое вероопределение, анафематствовали Евтихия и Нестория, подтвердили пассажи из «Энотикона» и провозгласили первые три Вселенских Собора, вновь умолчав о Халкидоне. В принципе это событие ничего *стратегически* не меняло бы, если бы не злосчастный Филоксен, тут же заявивший протест на имя императора и потребовавший анафематствовать Халкидон.

Поддержать его прибыли в Константинополь более 200 восточных клириков во главе с Севером, бывшим правоведом, затем аскетом, а в целом рьяным сторонником монофизитства. Видимо, им удалось убедить царя в том, что весь раскол — суть следствие Халкидона, которого нигде, кроме Рима, никто полностью не принял, и император склонился на их сторону¹⁰⁹⁹. Пожалуй, только этот шаг императора можно при желании квалифицировать как серьезную ошибку и отступление от своей политики идти «царским», *срединным* путем. Но и его можно понять: в течение 20 лет он, как эквилибрист, должен был обеспечивать равновесие в обществе, не делая никаких решительных шагов ни в одну из сторон. *Психологически* царь устал, и когда нашлись талантливые лица, убедившие его, что большинство стоит за отмену Халкидона, император дрогнул и принял их позицию.

Увидев перемену, произошедшую с царем, Македоний перешел в лагерь акимитов. Борьба между монофизитами, среди которых теперь неожиданно оказался император, и халкидонитами перешла в разряд *открытого противостояния*. Патриарх отказался от общения с Алек-

сандрийской и Антиохийской кафедрами, где преобладали монофизиты, и потребовал созвать Вселенский Собор под главенством папы Римского. В свою очередь, монах Севир и Галикарнасский епископ Юлиан обвинили его в противоестественных пороках¹¹⁰⁰. Такое положение дел продолжалось целый год. На защиту Македония стали прибывать православные монахи из Палестины, и сам он написал книгу в защиту Халкидона, которую, правда, император велел сжечь, не читая.

Начало доходить до крайностей. Кто-то, вероятно Севир или Филоксен, убедили царя в том, что акты Халкидонского Собора, как еретические, подлежат уничтожению. Формально это было верно, но только никто Халкидон еще не признал еретическим собранием. Монофизиты у трона убеждали: достаточно уничтожить соборные акты, как исчезнет предмет прений, не будет определения, не дающего уже столько десятилетий никому покоя. И царь согласился с таким предложением, повелев доставить ему акты Собора, хранившиеся в алтаре храма Св. Софии. Патриарх Македоний отказывался выдать акты Халкидона, однако один из его клириков предал архиерея и передал их на уничтожение царю, который приказал их сжечь.

Все более и более уступая красноречию Филоксена и Севера, император Анастасий приказал в одно из воскресений при исполнении Трисвятого добавить монофизитское «*Распныйся за ны...*», что вызвало уже открытый бунт в Константинополе. Монахи справедливо укоряли царя, что тот исправляет текст пения, которое исполняли перед Господом сами Ангелы. Стало очевидным, что такого рода шаги не позволяют умиротворить стороны в богословском споре, а лишь разжигают страсти.

Столь неприятные последствия вынудили Анастасия пойти на компромисс. Он пригласил патриарха к себе, и тот покорно прибыл на свидание, завершившееся мирным собеседованием с царем. Кстати сказать, солдаты гвардии приветствовали Македония воинскими почестями, чем наглядно показали, на чьей стороне их поддержка. Правда, эту сцену неправильно было бы возводить в разряд «идейных», поскольку религиозные пристрастия населения и солдат зачастую ориентировались не на богословские тонкости, а на внешнее благочестие и иные человеческие факторы.

При всем уважении к патриарху Македонию, император не мог мириться с его позицией. И дело заключалось не только в отвержении им монофизитских идеологов, но и в том *непослушании*, которое тот проявил, пойдя против царской воли. Римский епископ уже продемонстрировал свою «свободу» от императора. Теперь Анастасию каза-

лось, что путем покушения на его высшие prerogatives, как главы Вселенской Церкви, пошел и Македоний. Конечно, это была очередная ошибка из разряда тех, которые вообще свойственны людям, долгое время вынужденным решать сверхзадачи. Заручившись поддержкой сената и солдат, легких к перемене своих убеждений, Анастасий подготовил приговор Македонию. 7 августа 511 г. произошла обширная манифестация против патриарха, а вечером министр двора Келер отдал приказ арестовать его и переправить на другой берег Босфора. Для формального обличения архипастыря при участии епископа Кизика был созван Собор в Клавдиополе, в провинции Гонориаде, который и осудил Македония¹¹⁰¹.

Преемник Македония патриарх *Тимофей* (511—518) был послушным орудием императора и относился с большой неприязнью к памяти своего предшественника. При нем широко распространились административные преследования инакомыслящих, в первую очередь монахов, так что многие из них рассеялись по Палестине или убежали в Рим.

В начале ноября 512 г. в храме Св. Софии был оглашен приказ императора: читать Трисвятое с приставкой «Распныйся за ны...». Это вызвало очередной бунт с кровавыми волнениями и жертвами. Всю ночь толпа ходила по городу, поносила императора, низвергала его статуи и требовала поставить царем мужа благочестивой Юлианы полководца Ареобинда. Но своевременно узнавший об этом Ареобинд благоразумно отказался от предложенной чести и сбежал на другой берег Босфора. Префект города, поняв, что его сил недостаточно, также скрылся¹¹⁰².

И тут Анастасий и св. Ариадна показали, что они *настоящие римляне* и что честь и благо государства для них важнее жизни. Первоначально престарелый император пал духом, но его ободрила верная жена, и тогда царь решился на крайнюю меру. Без диадемы и знаков императорской власти, с распущенными седыми волосами, он отправился на ипподром и сел на кафизму. Заинтересовавшийся народ валом направился туда, и когда весь город собрался там, царь в своей речи высказал готовность сложить сан, если бунт не прекратится. Его вид и голос, смирение и благочестивое поведение оказали такое воздействие на толпу, что императора подняли на руки и под восторженные крики понесли обратно во дворец. Анастасий сохранил свою власть и едва ли не впервые в жизни предпринял строгие меры по наказанию виновных — очевидно, имело место не стихийное волнение масс, а *заранее подготовленная акция*. Множество людей были казнены, другие отправлены в тюрьмы¹¹⁰³.

Но споры вокруг Халкидона и «Энотикона» бушевали повсюду. В 511 г. в Антиохии велением императора был созван Поместный Собор из 80 епископов под председательством епископа Кесарии Каппадокийской Сотериха, яркого монофизита. Фактически главное руководство заседаниями взяли на себя монахи Север и Филоксен, пользующиеся личным доверием императора и желавшие, чтобы Антиохийский патриарх анафематствовал Халкидонский орос и «Томос» папы св. Льва Великого. Достоверно неизвестно, состоялось ли это событие, — одни говорили, что анафематствование было, другие уверяли, что если патриарх и произнес отлучение, то *«устами, а не сердцем»*. В любом случае, в 512 г. Флавиан оставил кафедру и был сослан, а на его место 6 ноября 512 г. назначен Севир (512—518). Население Сирии разделилось: епископы Тира и Берита в Финикии, Дамаска и Бостра в Аравии, а также монахи из провинции Сирия II горой стояли за Халкидон. Но монахи из провинции Сирия I целиком и полностью поддерживали Филоксена и Севира. И во время проведения этого Собора состоялись кровавые схватки с человеческими жертвами. В конце концов приказом царя Собор был закрыт в 512 г. и никакого решения официально принято не было. Но все же Севир завершил дело до конца: в следующем, 513 г. им был созван новый Собор, который анафематствовал Халкидон и одобрил «Энотикон». Соборное решение Севир довел до сведения Александрийского и Константинопольского патриархов, которые его поддержали.

Страсти бушевали и в Иерусалиме. После низложения Македония император потребовал, чтобы патриарх Иерусалима *Илия* (494—516) также вступил в общение с патриархом Константинополя Тимофеем. Тот принял его исповедание веры, но не признал каноничным низложение Македония. Илия направил в столицу посольство из 200 клириков, среди которых был повсеместно известный палестинский монах *св. Савва*, пользовавшийся громадным авторитетом в Палестине. Анастасий любезно принял св. Савву и, внимая его просьбе, разрешил святому остаться на всю зиму в Константинополе, а перед его отъездом в мае 512 г. передал ему в дар тысячу золотых монет на нужды монастыря. Очень последовательно и решительно св. Савва поддержал православных и самого Илию в его стоянии против монофизитов, на удивление не претерпев за это никаких неприятностей от власти.

Укрепленный его святыми молитвами и советами, Илия не принял синодальной грамоты от Севира, которую тот, став Антиохийским патриархом, по обыкновению разослал главным архиереям Империи. Тогда Севир вторично направил патриарху Иерусалима свое посла-

ние, *подкрепив его солдатами*, но явившийся в Иерусалим св. Савва с множеством монахов выгнал его послов из города и на лобном месте произнес анафему на Севира. Получив об этом известие, император в 516 г. отдал приказание дуксу Палестины Олимпию низложить Илию и поставить на патриарший престол пресвитера Иоанна, который обещал вступить в общение с Севиром. Но когда к нему пришел св. Савва, Иоанн отозвал свое слово. В очередной раз император приказал сместить непокорного патриарха, и новый дукс Палестины Анастасий лично отправился в Иерусалим, чтобы убедиться в исполнении воли царя.

Но выяснилось, что Иоанн был сторонником Халкидона. И хотя по совету своего друга он пообещал выполнить все, что приказал царь, но в ближайшее воскресенье после Литургии объявил анафему всем, кто не признает Халкидона и вообще все четыре Вселенских Собора, как четыре Евангелия, а также проклял Нестория, Евтихия и Севира. Восторг народа и пришедших из пустыни монахов был такой, что правитель Палестины не посмел применить силу. Узнав о случившемся, император решил ввести для усмирения беспорядков войска, но вскоре к нему прибыло послание св. Саввы. В нем содержалась просьба дать мир Палестинской церкви и разрешение для обличения Севира. Конечно, царь был недоволен, и его ответ гласил, что «некоторые монахи и клирики, присвоив себе Православие, возбудили эти соблазны, силой вынуждая признать свое первенство в знании тайны и проповедования веры». Но в конце концов царь удовлетворил просьбу святого подвижника и оставил инцидент в Иерусалиме без последствий¹¹⁰⁴.

Восстание Виталиана и смена понтификов — в 514 г. папой Римским стал *Гормизд* (514—523) — побудили императора вновь начать переписку с Римом. В письме папе от 28 декабря 514 г. царь выразил желание созвать новый Вселенский Собор в Гераклею на Пропонтиде и повторил это предложение в следующем послании от 12 января 515 г.; и папа принял эту идею с полным сочувствием. *С разрешения* Теодориха Великого (!) он направил к императору своих посланников. Инструкция, данная им, гласила, что предложение царя можно принять, если тот открыто признает Халкидон и «Томос» папы св. Льва Великого, анафематствует Нестория, Евтихия, Тимофея Элура, Петра Кнафея, Петра Монга и Акакия, а также передаст на рассмотрение папы дела всех лиц, на которых придут жалобы как на преследователей сторонников Халкидона.

До конца 515 г. шли переговоры, завершившиеся отъездом послов в Рим с посланием Анастасия к папе. В принципе оставалась надежда,

что переговоры завершатся успешно, но этому мешали два обстоятельства. Так, в своем ответе император охотно соглашался признать Халкидон и «Томос», анафематствовать Нестория и Евтихия, но категорично не желал предать проклятию Вселенских архиереев, поскольку, по его словам, это может вызвать большие волнения в Церкви, и был, конечно, прав. Но папа не удовлетворился ответом царя и категорично настаивал на выполнении *всех* своих условий.

Кроме того, стороны не нашли общего согласия по вопросу о подчиненности Иллирии. С политической точки зрения эта провинция уже давно находилась под властью Теодориха Великого, но еще при патриархе *Амтике* (405—425) отошла к Константинопольскому архиерею. Долгое время попытки папы вернуть Иллирию не приносили им успеха, но в 515 г. епископ Фессалийский Дорофей *по своей инициативе* стал искать помощи у Римского епископа, и тот, конечно, охотно откликнулся на этот зов. Неудивительно, что такая инициатива была плохо оценена в Константинополе, где с раздражением наблюдали, как все чаще и чаще церковные вопросы решаются без ведома царя.

В довершение всего в 516 г. Гормизд издал «Правило веры», в котором утверждал как незыблемый принцип то, что Римская церковь всегда хранила неповрежденную веру и что в ней одной — «цельная и истинная твердыня христианской религии». Но, как мы знаем, у императора была *своя* точка зрения на этот счет. Наконец, Анастасия не могло в очередной раз не шокировать то почтение, которое в ущерб Римскому императору папа оказывал Теодориху Великому, всего лишь правителю Италии по поручению царя — так официально признавался на Востоке его статус.

В 517 г. Анастасий созвал Собор в Константинополе, куда прибыло до 200 епископов, включая римских легатов. Но, поразмыслив, царь не решился открыть его заседания, поскольку было очевидно, что по основным пунктам расхождений никакого соглашения достигнуть не удастся. В последнем письме папе Гормизде от 11 июля 517 г. император обоснованно писал о невозможности принять требования папы об анафематствовании целого ряда вселенских патриархов, а затем добавил, что он не считает возможным обращать свои просьбы к тем, кто проявляет высокомерное презрение к просящим. «Мы можем снести, — писал Анастасий, — что нас обижают и вменяют в ничто, но *мы не допускаем, чтобы нам отдавали приказания* (выделено мной. — А. В.)». Безусловно, император был прав.

Так закончилась еще одна попытка прекратить церковный раскол, на этот раз также неудачная. Весной 518 г. скончался Константино-

польский патриарх Тимофей и на его место выбрали *Иоанна* (518—520), каппадокийца по происхождению, склонного принять мирные инициативы¹¹⁰⁵. Назначение Анастасием Иоанна вызывало бурные волнения — толпа горожан, предводительствуемая монахами, напирала на патриарха и требовала от того анафематствовать монофизитских вождей. Возможно, по этой причине, а, может быть, и нет, но вскоре Анастасию пришлось убедиться в том, что его выбор был ошибочен: у Иоанна имелась своя точка зрения на существо богословского спора¹¹⁰⁶.

Глава 4. Результаты царствования Анастасия

Надо сказать прямо, что почти во все время своего многотрудного царствования император Анастасий оказывался на высоте положения. Войны требовали громадных средств, но многоопытный император, умевший распоряжаться финансами, оставил после себя казну с профицитом бюджета 320 тыс. фунтов золота. Эти средства позволили его преемникам провести имперскую стратегию и реформировать государственное управление и армию.

Как он достиг такого результата? — остается только гадать. Начав свое царствование с налоговых послаблений, вынужденный вообще отменить налоги на некоторых территориях, прекратив продажу должностей, император, по существу, сам отказался пусть и от сомнительных, но верных источников доходов, которыми ранее не брезговало правительство.

Озабоченный делами правосудия, император начал насаждать в магистратурах юристов, не делая никаких исключений для кандидатов на эти должности. Когда его супруга св. Ариадна просила за Анфимия, приходившегося ей родственником, царственный супруг *отказал* ей, сославшись на то, что пост префекта могут занимать лишь люди, имеющие специальное образование¹¹⁰⁷.

Главное, при Анастасии Римская империя окончательно стала *христианским государством*, а военное сословие заняло должное *подчиненное* положение, не претендуя более на высшую власть. При всех религиозных перипетиях ни разу за все время царствования Анастасия никто не рискнул организовать заговор с целью захвата власти. Далекий от честолюбивых воинских подвигов, он обращал основное внимание на благосостояние своих подданных. Царь восстановил пра-

восудие в судах, облегчил податное бремя подданных и создал высокоэффективную администрацию.

Великолепно образованный (например, император владел обоими языками Империи), он всячески поощрял развитие литературы, особенно римской, которая в его годы расцвела пышным цветом. При нем прошли обучение великолепные юристы, которые позднее будут задействованы при разработке законодательства будущих императоров Рима. Сохранилось два панегирика, написанные Присцианом и Прокопием Газским, в которых прославляется имя Анастасия и св. Ариадны за то благоденствие, которое они даровали Римской империи после тяжелых лет царствования Зенона. Так, в частности, Прокопий славит многочисленные славные деяния императора: удачные войны на Востоке, благосостояние граждан, строительство Длинной стены во Фракии, маяка в Александрии, устранение кровавых зрелищ и запрет пантомимов. Он отмечает высоконравственный образ жизни царя и его подвиги и сравнивает с Александром Македонским, Киром, Агесилаем¹¹⁰⁸.

Наиболее крупной реформой императора Анастасия, как указывалось выше, можно назвать организацию альтернативных способов взыскания с отдельных городских общин поземельного налога, являвшегося главной статьей дохода бюджета. Вообще, современники говорили, что Анастасий заботился о своих подданных как о собственных детях. Неизменно император освобождал разоренные или подвергнувшиеся нашествию варваров провинции от налогов, посылая от себя личную помощь областям, застигнутым войной¹¹⁰⁹. Среди других знаменательных действий Анастасия следует выделить уничтожение кабальных записей, ведших к закабалению в рабство свободных людей¹¹¹⁰.

Нельзя сказать, что судьба была очень милостива к императору Анастасию. Как уже говорилось ранее, помимо длительных войн в 517 г. Римскую империю постигло страшное нашествие славян, дошедших до Фермопил. А в 518 г. жесточайшее землетрясение поглотило два города в области Дардании, и почти половину остальных — значительно повредило.

Позиция императора по отношению к Халкидону навевала много субъективизма при описании современниками (и не только ими) царствования Анастасия. Это отношение хорошо иллюстрирует следующая легенда, широко распространенная на Востоке. Однажды ночью, как гласит предание, Анастасию было видение благообразного старца с книгой в руках. Загнув в ней несколько листов, старец сказал импе-

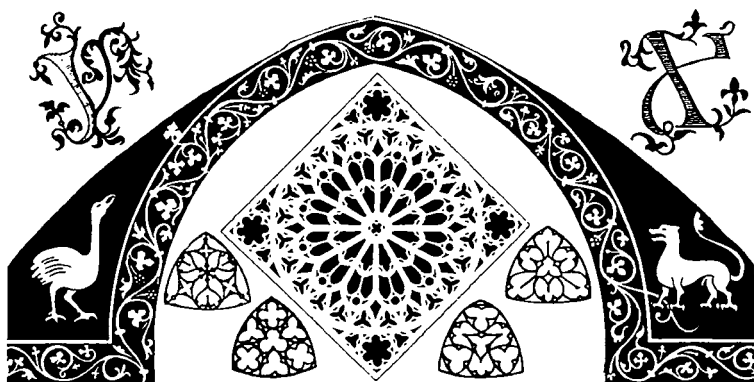
ратору: «За твое неверие я вычеркиваю 14 лет!» Тут же выяснилось, что тревожный сон в эту же ночь посетил и Амантия, препозита опочивальни, который видел в сновидении огромного кабана, свалившего сановника с ног и топтавшего его. Толкователь снов философ Прокл разъяснил дело так, что за отступления от веры Господь накажет обоих — и императора, и Амантия¹¹¹¹.

Умер император в понедельник 9 июля 518 г. седовласым старцем в возрасте 88 или даже 90 лет. Смерть его была скоропостижна (от разрыва сердца) и случилась ночью во время грозы. Некоторые слухи, будто царь погиб от удара молнии, явно имеют своим источником позднюю месть православных ригористов, имевших основания быть недовольными Анастасием¹¹¹².

Да, *объективно* Римские епископы были православными и стояли за Халкидон и по-своему были правы, хотя и покупали свою победу ценой целостности Римской империи. Но по-своему был прав и Анастасий, сделавший все для ее реставрации и поддержания единства Церкви. Кто из них более прав — знает только Бог. Но, расставаясь с земной жизнью, Анастасий мог повторить слова, незадолго перед смертью сказанные им папе Гормизде: «Мир мой даю вам, мир мой оставляю вам».

С прекращением династии императора св. Льва Великого завершился первый период существования христианской Римской империи. Воцерковив Вселенную, утвердив Православие в качестве государственной и обязательной для подданных религии, *мягко* сведя на «нет» последние остатки язычества, Византия подошла к новому этапу своей жизнедеятельности, который откроет славная и великая династия святого императора **Юстиниана I**.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Володин Э. Византийский дар. Наследие Византийской империи.

² Суворов Н.С. Предисловие к книге Ф. Маасена «Девять глав о свободной Церкви и свободе совести» // Временник Демидовского юридического лица. Кн. 29. Ярославль, 1882. С. XX, XXI.

³ Там же. С. XX.

⁴ Боханов А.Н. Ромейская имперская традиция и русское имперское перевоплощение в XV—XVI веках.

⁵ Уэр Каллист, митрополит Диоклийский. Православная церковь. М., 2012. С. 48.

⁶ Воробьев С.М. Несколько замечаний к вопросу об историческом значении Персидской империи Ахеменидов // Имперское возрождение. № 1 (21) 2009. С. 76–79.

⁷ Покровский И.А. История римского права. Петроград, 1915. С. 303.

⁸ Там же. С. 192, 193.

⁹ Там же. С. 305.

¹⁰ Евсевия Памфила слово василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования // Памфил Евсевий. Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 260.

¹¹ Кулаковский Ю.А. История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 58–60.

- ¹² *Дилль III*. История Византийской империи. М., 1948. С. 31, 32.
- ¹³ Приветственное слово Отцов, собравшихся в Константинополе в императорском дворце Трулле, к благочестивейшему императору Юстиниану // «ДВС». В 4 т. Т. 4. СПб., 1996. С. 271.
- ¹⁴ *Дилль III*. Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 21.
- ¹⁵ *Острогорский Г.А.* История Византийской империи. М., 2011. С. 85.
- ¹⁶ *Дилль III*. Основные проблемы византийской истории. С. 28.
- ¹⁷ *Брентано Л.* Народное хозяйство Византии. М., 2010. С. 33, 34.
- ¹⁸ *Дилль III*. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. СПб., 1909. С. 138, 139.
- ¹⁹ *Данте Алигьери*. Монархия. Книга I, II, 3; I, VIII, 3–5; II, XI, 4. М., 2010. С. 4, 9, 37.
- ²⁰ *Дилль III*. Юстиниан и византийская цивилизация в VI веке. С. 145, 146.
- ²¹ *Прокопий Кесарийский*. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Война с персами. Тайная история. М., 1993. Книга I, глава XXV. С. 236.
- ²² *Дилль III*. История Византийской империи. С. 81, 82.
- ²³ Послание папы Геласия императору Анастасию // *Задворный А.* История Римских пап. От св. Феликса II до Пелагия II. М., 1997. С. 27.
- ²⁴ *Грибовский В.М.* Народ и власть в Византийском государстве. Опыт историко-догматического исследования. СПб., 1897. С. 44, 45.
- ²⁵ *Дилль III*. История Византийской империи. С. 39.
- ²⁶ *Рансимен С.* Великая Церковь в пленении. История Греческой церкви от падения Константинополя в 1453 г. до 1821 г. СПб., 2006. С. 137.
- ²⁷ *Сиропул Сильвестр*. Воспоминания о Ферраро-Флорентийском Соборе (1438–1439). СПб., 2010. Воспоминание второе, часть 21. С. 37.
- ²⁸ *Рансимен С.* Сицилийская вечеря. История Средиземноморья в XIII веке. СПб., 2007. С. 36, 37.

- ²⁹ *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 году. М., 1983. С. 138, 139,
- ³⁰ Там же. С. 139.
- ³¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. В 7 т. Т. 1. М., 2008. С. 588.
- ³² *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. М., 2004. С. 63, 64.
- ³³ *Князький И.О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010. С. 39, 40.
- ³⁴ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 88.
- ³⁵ *Спаский А.А.* Обращение императора Константина Великого в христианство // *Спаский А.А.* Обращение императора Константина Великого в христианство. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007. С. 41.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. Книга I, глава 13. С. 35.
- ³⁸ Там же. Книга I, глава 16. С. 37.
- ³⁹ *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Прииск Понтийский. Сказания Прииска Понтийского. Рязань, 2005. С. 14.
- ⁴⁰ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 92, 93.
- ⁴¹ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, главы 20–22, С. 39–40.
- ⁴² *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 1. С. 594–596.
- ⁴³ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 121–132.
- ⁴⁴ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 1. С. 602, 603.

⁴⁵ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 134–138.

⁴⁶ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 27. С. 43.

⁴⁷ Там же. Книга I, главы 31, 32. С. 44, 45.

⁴⁸ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 144, 145.

⁴⁹ Там же. С. 150.

⁵⁰ Там же. С. 146.

⁵¹ Там же. С. 150–152.

⁵² *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 153.

⁵³ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 38. С. 48.

⁵⁴ *Аллар Поль.* Христианство и Римское государство от Нерона до Феодосия. СПб., 1898. С. 137, 138.

⁵⁵ *Евсевий Памфил.* Церковная история. М., 2001. Книга 10, глава 5. С. 450, 451.

⁵⁶ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 197, 198, 210, 211.

⁵⁷ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 40. С. 50.

⁵⁸ Там же. Книга I, главы 43, 45. С. 51, 52.

⁵⁹ *Евсевий Памфил.* Церковная история. Книга 10, глава 5. С. 453.

⁶⁰ Там же. Книга 10, глава 7. С. 458.

⁶¹ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга II, главы 20, 21. С. 72, 73.

⁶² *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 42, 43.

⁶³ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. В 2 т. Т. 1. Пг., 1916. С. 170.

⁶⁴ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга II, главы 24–42, 56. С. 74–83.

⁶⁵ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 173.

⁶⁶ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 39, 40.

⁶⁷ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 170, 171.

⁶⁸ *Бриллиантов А.И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. // *Бриллиантов А.И.* Император Константин Великий и Миланский эдикт 313 г. О месте кончины и погребения св. Максима Исповедника. СПб., 2006. С. 239, 240.

⁶⁹ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 44. С. 52.

⁷⁰ *Евсевий Памфил.* Церковная история. Книга 10, главы 5, 6. С. 455–457.

⁷¹ *Рудоквас А.Д.* О христианизации римского права в эпоху императора Константина Великого // «Древнее право». № 1 (9). 2002. С. 168.

⁷² Там же. С. 171, 172.

⁷³ Там же. С. 173–178.

⁷⁴ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 37.

⁷⁵ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 177, 178.

⁷⁶ Там же. С. 168, 169.

⁷⁷ Там же. С. 180, 181.

⁷⁸ Там же. С. 182–184.

⁷⁹ Там же. С. 189–191.

⁸⁰ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 49. С. 54.

- 81 *Феофан Византиец*. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 21.
- 82 Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней св. Дмитрия Ростовского. В 13 т. Т. 8. Книга 11. М., 1910. С. 250–259.
- 83 *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. Книга II, глава 2. С. 62.
- 84 *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 221–224.
- 85 *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. Книга II, главы 4, 5. С. 64, 65.
- 86 *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 225–227.
- 87 *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. Книга II, глава 7. С. 66.
- 88 Там же. Книга II, глава 12. С. 68.
- 89 Там же. Книга II, глава 18. С. 71.
- 90 Там же. Книга II, глава 19. С. 72.
- 91 *Рансимен С.* Византийская теократия // *Рансимен С.* Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 148.
- 92 *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории древней Церкви. СПб., 2007. С. 87.
- 93 Там же. С. 95.
- 94 Послание Александра, епископа Александрийского, к Александру, епископу Константинопольскому // Деяния Вселенских Соборов (далее – ДВС). В 4 т. Т. 1. СПб., 1996. С. 18.
- 95 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 2006. С. 13–16.
- 96 *Болотов В.В.* Лекции по истории древней Церкви. В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 332–335.
- 97 *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории древней Церкви. С. 96, 97.
- 98 Там же. С. 97, 98.
- 99 Окружное послание Александра, епископа Александрийского // ДВС. Т. 1. С. 15.

- ¹⁰⁰ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории древней Церкви. С. 98–105.
- ¹⁰¹ Там же. С. 107.
- ¹⁰² Послание Императора Константина к епископу Александру и пресвитеру Арию // ДВС. Т. 1. С. 30.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории древней Церкви. С. 109, 110.
- ¹⁰⁵ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 9.
- ¹⁰⁶ Послание Императора Константина к Арию и арианам // ДВС. Т. 1. С. 34.
- ¹⁰⁷ ДВС. Т. 1. С. 37.
- ¹⁰⁸ ДВС. Т. 1. С. 38.
- ¹⁰⁹ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 30, 31.
- ¹¹⁰ Послание Императора Константина к Александрийской церкви против Ария // ДВС. Т. 1. С. 78.
- ¹¹¹ ДВС. Т. 1. С. 78.
- ¹¹² *Спаский А.А.* Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее // *Спаский А.А.* Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007. С. 35.
- ¹¹³ Речь Императора Константина Святому Собору // ДВС. Т. 1. С. 44.
- ¹¹⁴ Послание Императора Константина к Александрийской церкви против Ария. С. 79.
- ¹¹⁵ Послание Императора Константина из Никее к епископам, не присутствовавшим на Соборе // ДВС. Т. 1. С. 80.
- ¹¹⁶ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга III, глава 13. С. 108.
- ¹¹⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 41.
- ¹¹⁸ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженнейшего василевса Константина. Книга III, глава 21. С. 113.
- ¹¹⁹ Послание Императора Константина ко всем епископам и народам // ДВС. Т. 1. С. 79, 80.

¹²⁰ Послание Императора Константина из Никеи к епископам, не присутствовавшим на Соборе. С. 82.

¹²¹ Послание Императора Константина к никодимийцам против Евсевия и Феогниса // ДВС. Т. 1. С. 90.

¹²² *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 59.

¹²³ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). Киев, 1883. С. 24.

¹²⁴ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 55–60.

¹²⁵ *Феофан Византиец.* Летопись византийца Феофана от Диоклектиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 28, 29.

¹²⁶ *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. СПб., 2008. С. 21–25.

¹²⁷ *Евсевий Памфил.* Жизнь блаженного василевса Константина. Книга I, глава 44; Книга IV, глава 24. С. 52, 152.

¹²⁸ Там же. Книга I, глава 24. С. 41.

¹²⁹ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 243.

¹³⁰ Там же. С. 244, 245.

¹³¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 1. С. 622, 623.

¹³² *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 232.

¹³³ Там же. С. 251–254.

¹³⁴ Там же. С. 255–257.

¹³⁵ *Филосторгий.* Церковная история. Книга 2, 4 // Церковные историки IV–V веков. М., 2007. С.192.

¹³⁶ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 24.

¹³⁷ *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 261.

- 138 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 33.
- 139 *Бейкер Дж.* Константин Великий. Первый христианский император. С. 268–270.
- 140 *Филосторгий*. Церковная история. Книга 2.
- 141 *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. Книга IV, главы 62, 63, 64. С. 172, 173.
- 142 Там же. Книга IV, главы 66, 67. С. 174, 175.
- 143 Там же. Книга IV, главы 69–71. С. 175, 176.
- 144 *Кравчук Александр*. Императоры. М., 2011. С. 830.
- 145 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 270.
- 146 *Евсевий Памфил*. Жизнь блаженного василевса Константина. Книга IV, главы 68 и 70. С. 175, 176.
- 147 *Филосторгий*. Церковная история. Книга 2, 16. С. 197.
- 148 *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга II, глава 3.
- 149 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 35.
- 150 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 269.
- 151 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 36.
- 152 *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Первое обличительное слово на царя Юлиана, глава 21 // Творения. В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 67.
- 153 *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 35, 36.
- 154 *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга II, главы 1 и 2.
- 155 *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. В 2 т. Т. 1. Пг., 1916. С. 183, 184.
- 156 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 37.

- ¹⁵⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. В 5 т. Т. 1. М., 2001. 105.
- ¹⁵⁸ *Аллар Поль.* Христианство и Римское государство от Нерона до Феодосия. С. 181.
- ¹⁵⁹ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 38, 39.
- ¹⁶⁰ *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга III, глава 3.
- ¹⁶¹ *Аллар Поль.* Христианство и Римское государство от Нерона до Феодосия. С. 184.
- ¹⁶² *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 1880. С. 56.
- ¹⁶³ Там же. С. 57.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 58, 59.
- ¹⁶⁵ *Банников А.В.* Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб., 2011. С.186–190.
- ¹⁶⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 281, 282.
- ¹⁶⁷ Там же. Т. 2. С. 284, 285.
- ¹⁶⁸ *Васильев А.А.* История Византийской империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 121, 122.
- ¹⁶⁹ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. Ярославль, 1908. С. 195, 196.
- ¹⁷⁰ *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиолнаский и Римская империя в IV в. Смоленск, 1995. С.12.
- ¹⁷¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 285, 286.
- ¹⁷² Там же. Т. 2. С. 280, 281.
- ¹⁷³ *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга II, глава 4.
- ¹⁷⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 105.

¹⁷⁵ *Петр Магистр*. Исторические события. Отрывок 15 // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менадр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. С. 226, 227.

¹⁷⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 286–289.

¹⁷⁷ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 45.

¹⁷⁸ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 40.

¹⁷⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 45, 46.

¹⁸⁰ *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга II, глава 30.

¹⁸¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 40, 41.

¹⁸² *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XIV, глава 7, 1. М., 2005. С. 20.

¹⁸³ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 310.

¹⁸⁴ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XIV, глава 10, 1–16. С. 31–33.

¹⁸⁵ Там же. Книга XIV, глава 11. С. 33–38.

¹⁸⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 41, 42.

¹⁸⁷ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XV, глава 4. С. 46–48.

¹⁸⁸ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 46.

¹⁸⁹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 317, 318.

¹⁹⁰ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XV, глава 8. С. 60.

- ¹⁹¹ Там же. Книга XV, глава 8. С. 60, 61.
- ¹⁹² Там же. Книга XVI, глава 12. С. 98–104.
- ¹⁹³ Там же. Книга XVII, глава 8. С. 123, 124.
- ¹⁹⁴ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 321, 322.
- ¹⁹⁵ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XVII, глава 12. С. 131, 132.
- ¹⁹⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 327–329.
- ¹⁹⁷ Там же. Т. 2. С. 333–340.
- ¹⁹⁸ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XIX, глава 11. С. 185, 186.
- ¹⁹⁹ *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 120.
- ²⁰⁰ Там же. С. 121.
- ²⁰¹ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XX, глава 7. С. 205–207.
- ²⁰² Письмо Августа Юлиана Августу Констанцию // Император Юлиан. Сочинения. С. 336.
- ²⁰³ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XX, главы 8–11. С. 208–213.
- ²⁰⁴ Там же. Книга XX, глава 11. С. 213–218.
- ²⁰⁵ Там же. Книга XXI, главы 7–11. С. 232–239.
- ²⁰⁶ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Первое обличительное слово на царя Юлиана, глава 48. С. 75.
- ²⁰⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. В 5 т. Т. 1. М., 2001. С. 115.
- ²⁰⁸ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXI, глава 15. С. 249.
- ²⁰⁹ *Робертсон Дж.С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 218.
- ²¹⁰ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Второе обличительное слово на царя Юлиана, глава 17 //

Святитель Григорий Богослов. Творения. В 2 т. Т. 1. М., 2007. С. 114.

²¹¹ *Спасский А.А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). Сергиев Посад, 1906. С. 291.

²¹² Там же. С. 292.

²¹³ Там же. С. 296.

²¹⁴ Там же. С. 299, 300.

²¹⁵ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 218.

²¹⁶ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории Церкви. С. 189.

²¹⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 73, 74.

²¹⁸ *Спасский А.А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. С. 317–319.

²¹⁹ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 75–77.

²²⁰ Там же. С. 79.

²²¹ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 229.

²²² *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 81.

²²³ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 212, 213.

²²⁴ Там же. Т. 1. С. 214.

²²⁵ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 43.

²²⁶ *Лебедев А.П.* Вселенские Соборы IV и V веков. Обзор их догматической деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской. СПб., 2004. С. 102.

²²⁷ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 230, 231.

²²⁸ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. С. 322.

²²⁹ Там же. С. 329.

²³⁰ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 82, 83.

²³¹ Там же. С. 83.

²³² Там же. С. 84, 85.

²³³ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории Церкви. С. 207.

²³⁴ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 235, 236.

²³⁵ Там же. С. 236, 237.

²³⁶ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 89, 90.

²³⁷ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 249.

²³⁸ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 95, 96.

²³⁹ Там же. С. 99.

²⁴⁰ *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV — начало V). М., 2012. С.161.

²⁴¹ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 99, 100.

²⁴² *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 420.

²⁴³ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XVII, глава 7. С. 121, 122.

²⁴⁴ *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV — начало V). С. 172, 173.

²⁴⁵ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 101–104.

- ²⁴⁶ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 272, 273.
- ²⁴⁷ Там же. С. 274.
- ²⁴⁸ *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV — начало V). С.197.
- ²⁴⁹ *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга II, глава 21.
- ²⁵⁰ *Спаский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. С. 408–412.
- ²⁵¹ Там же. С. 413.
- ²⁵² Там же. С. 412, 413.
- ²⁵³ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 277, 278.
- ²⁵⁴ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 2. С. 278, 296, 308.
- ²⁵⁵ *Шафф Филип.* История христианской Церкви. В 7 т. Т. 3. СПб., 2007. С. 33.
- ²⁵⁶ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 214.
- ²⁵⁷ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 217, 218.
- ²⁵⁸ *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга II, глава 16.
- ²⁵⁹ *Захаров Г.Е.* Иллирийские церкви в эпоху арианских споров (IV — начало V). С.162.
- ²⁶⁰ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 216, 217.
- ²⁶¹ Там же. С. 299.
- ²⁶² *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 43.

- ²⁶³ Там же.
- ²⁶⁴ *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга II, глава 12.
- ²⁶⁵ Там же. Книга III, глава 3.
- ²⁶⁶ *Святитель Афанасий Великий*. К епископам Египта и Ливии – окружное послание против ариан // Святитель Афанасий Великий. Творения. В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 17.
- ²⁶⁷ *Святитель Афанасий Великий*. Защитительное слово Афанасия, архиепископа Александрийского, пред Царем Констанцием // Там же. Т. 2. С. 43, 63.
- ²⁶⁸ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXI, глава 16. С. 249–251.
- ²⁶⁹ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 38.
- ²⁷⁰ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 214.
- ²⁷¹ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Первое обличительное слово на царя Юлиана, глава 3. С. 61.
- ²⁷² Там же, глава 40. С. 73.
- ²⁷³ Там же, глава 35. С. 71.
- ²⁷⁴ Там же, глава 36. С. 71, 72.
- ²⁷⁵ Там же, глава 37. С. 72.
- ²⁷⁶ Там же, глава 37. С. 72.
- ²⁷⁷ Похвальное слово Царице Евсевии // Император Юлиан. Сочинения. СПб., 2007. С. 320, 321.
- ²⁷⁸ *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 82–85.
- ²⁷⁹ Там же. С. 78–81.
- ²⁸⁰ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Первое обличительное слово на царя Юлиана, главы 22 и 23. С. 67, 68.

- 281 Там же, главы 25, 26. С. 68.
- 282 *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга III, глава 2.
- 283 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 91, 92.
- 284 Там же. С. 93, 94.
- 285 *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXII, глава 7. С. 263, 264.
- 286 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 99, 100.
- 287 Похвальное слово Царице Евсевии. С. 321.
- 288 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 104, 105.
- 289 *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга III, глава 3.
- 290 *Сидаш Т.Г.* Император Юлиан // Император Юлиан. Сочинения. С. 9.
- 291 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 107, 108.
- 292 *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XVI, глава 10, 18. С. 89.
- 293 *Сидаш Т.Г.* Император Юлиан. С. 7, 8.
- 294 *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXII, глава 1. С. 256.
- 295 Там же. Книга XV, глава 5. С. 77, 78.
- 296 *Эвнаний Сардиец*. Продолжение истории Дексипповой // Византийские историки Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Рязань, 2003. Отрывок 26. С. 97.
- 297 Там же. Отрывок 27. С. 98.
- 298 Там же. Отрывок 28. С. 99.
- 299 Там же. Отрывки 18, 25. С. 92, 96.
- 300 Там же. Отрывок 25. С. 97.
- 301 *Феодорит Кирский*. Церковная история. Книга III, глава 3.
- 302 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 47.

- 303 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 158, 159.
- 304 Там же. С. 168–170.
- 305 *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга III, глава 26, 27. Ср.: *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 53.
- 306 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXIII, глава 1. С. 295.
- 307 *Алфеев Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 296, 297.
- 308 *Аллар Поль.* Христианство и Римское государство от Нерона до Феодосия. С. 219, 220.
- 309 *Филосторгий.* Церковная история. Книга 7, 10. С. 226.
- 310 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXII, главы 9, 10. С. 275, 276, 278.
- 311 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 48.
- 312 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXII, глава 3. С. 258, 259.
- 313 *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга III, глава 4.
- 314 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXII, глава 5. С. 262.
- 315 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 275, 276.
- 316 Там же. С. 285.
- 317 *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. Т. 1. С. 123.
- 318 Там же. С. 125.
- 319 Там же. С. 122.
- 320 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 307, 308.
- 321 Там же. С. 308, 309.
- 322 Послание к жителям Эдессы // Сочинения императора Юлиана. С. 302.

- 323 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 311, 313.
- 324 Там же. С. 318, 319.
- 325 *Филосторгий.* Церковная история. Книга 7, 10. С.226.
- 326 *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга III, глава 7.
- 327 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 330, 334.
- 328 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 49.
- 329 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 342, 343.
- 330 Там же. С. 353, 354.
- 331 Там же. С. 361, 362.
- 332 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXII, глава 11. С. 279, 280.
- 333 Там же. Книга XXII, глава 9. С. 276.
- 334 Там же. Книга XXII, глава 8. С. 265.
- 335 *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Второе обличительное слово на царя Юлиана, глава 8. С. 110.
- 336 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. М., 2008. С. 15, 16.
- 337 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXII, глава 11. С. 279, 280.
- 338 *Феодорит Кирский.* Церковная история. Книга III, глава 21.
- 339 *Алфионов Я.* Император Юлиан и его отношение к христианству. С. 364, 365.
- 340 *Марцеллин Аммиан.* Книга XXII, главы 12, 13, 14. С. 282–285.
- 341 Там же. Книга XXIII, глава 2. С. 297, 298.
- 342 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 23, 24.
- 343 Там же. Т.3. С. 24, 25.
- 344 Там же. С. 32, 33.

- ³⁴⁵ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXIV, главы 2, 3. С. 330–333.
- ³⁴⁶ Там же. Книга XXIV, глава 4. С. 336–339.
- ³⁴⁷ Там же. Книга XXIV, глава 6. С. 342–345.
- ³⁴⁸ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 39, 40.
- ³⁴⁹ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXV, глава 1. С. 350, 351.
- ³⁵⁰ Там же. Книга XXV, глава 3. С. 357, 358.
- ³⁵¹ Там же. Книга XXV, глава 9. С. 375, 376.
- ³⁵² *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXV, глава 5. С. 364.
- ³⁵³ Там же. Книга XXV, глава 10. С. 378.
- ³⁵⁴ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский*. Второе обличительное слово на царя Юлиана, глава 15. С. 112.
- ³⁵⁵ *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXV, глава 6. С. 366.
- ³⁵⁶ Там же. Книга XXV, глава 8. С. 369, 370.
- ³⁵⁷ Там же. Книга XXV, глава 8. С. 371–373.
- ³⁵⁸ *Кравчук Александр*. Императоры. С. 545.
- ³⁵⁹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи Т. 3. С. 75, 78.
- ³⁶⁰ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 121.
- ³⁶¹ *Кравчук Александр*. Императоры. С. 546.
- ³⁶² *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXV, глава 10. С. 378.
- ³⁶³ *Буданова В.П.* Великое переселение народов. Лекция 2.
- ³⁶⁴ Там же.
- ³⁶⁵ *Спасский А.А.* Германцы, их быт и союзы // *Спасский А.А.* Лекции по истории западно-европейского Средневековья. СПб., 2006. С. 65.

- 366 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 62, 63.
- 367 *Кравчук А.* Галерея Римских императоров. М., 2009. С. 31.
- 368 *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. СПб., 2004. С. 33.
- 369 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 64, 65.
- 370 *Буданова В.П.* Великое переселение народов. Лекция 3.
- 371 *Банников А.В.* Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.—М., 2013. С. 72, 73.
- 372 *Григорий Турский.* История франков. Книга II, глава 9. М., 2009. С. 100, 104.
- 373 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 74.
- 374 *Альфан Луи.* Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI в. М., 2006. С. 12.
- 375 *Банников А.В.* Эволюция римской военной системы в I—III вв. (от Августа до Диоклетиана). С. 77, 78.
- 376 *Спасский А.А.* Германцы, их быт и союзы. С. 64, 65.
- 377 *Альфан Луи.* Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI в. С. 13, 14.
- 378 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 201, 202.
- 379 *Оболенский Д.Д.* Византийское содружество наций. Шесть византийских портретов. М., 1998. С. 291.
- 380 *Спасский А.А.* Эпоха Великого переселения народов и ее ближайшие результаты // *Спасский А.А.* Лекции по истории западно-европейского Средневековья. С. 76, 77.
- 381 *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 77, 78.
- 382 *Буданова В.П.* Великое переселение народов. Лекция 3.
- 383 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 153.
- 384 *Альфан Луи.* Великие империи варваров. От Великого переселения народов до тюркских завоеваний XI в. С. 17.
- 385 *Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. М., 2008. С. 39, 40.
- 386 *Аллар Поль.* Христианство и Римское государство от Нерона до Феодосия. С. 233.

- 387 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXVI, глава 1. С. 383.
- 388 *Кравчук Александр.* Императоры. С. 548.
- 389 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XVI, глава 11. С. 91.
- 390 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 80.
- 391 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXX, глава 8. С. 529–532.
- 392 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 91.
- 393 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXX, глава 9. С. 532, 533.
- 394 Там же. Книга XXVIII, глава 1. С. 445–454.
- 395 Там же. Книга XXVI, глава 2. С. 385, 386.
- 396 Там же. Книга XXVI, глава 4. С. 389.
- 397 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 92.
- 398 Там же. Т. 3. С. 93, 94.
- 399 Там же. Т. 3. С. 95.
- 400 Там же. Т. 3. С. 97–100.
- 401 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXVII, глава 6. С. 423, 424.
- 402 Там же. Книга XXVI, главы 7, 8. С. 399–404.
- 403 Там же. Книга XXVI, глава 9. С. 405, 406.
- 404 Там же. Книга XXVI, глава 10. С. 408, 409.
- 405 Там же. Книга XXXI, глава 14. С. 569, 570.
- 406 Там же. Книга XXVII, главы 1, 2. С. 412–414.
- 407 *Эвнатий Сардиец.* Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 38. С. 103, 104.
- 408 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. С. 56.
- 409 *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXVII, глава 10. С. 432–435.

- 410 Там же. Книга XXVII, глава 12. С. 437–440.
- 411 Там же. Книга XXIX, глава 2. С. 475–480.
- 412 Там же. Книга XXX, глава 6. С. 525, 526.
- 413 *Эвнаний Сардиец*. Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 43. С. 107, 108.
- 414 *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 118.
- 415 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 64.
- 416 *Марцеллин Аммиан*. Римская история. Книга XXXI, глава 12, 13. С. 563–569.
- 417 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 203, 204.
- 418 Там же. Т. 3. С. 235, 236.
- 419 Там же. Т. 3. С. 236, 237.
- 420 *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. С. 124, 125.
- 421 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 241.
- 422 *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. С. 125, 126.
- 423 *Адамов И.И.* Святитель Амвросий Медиоланский. Сергиев Посад, 2006. С. 28, 29.
- 424 Там же. С. 40–42.
- 425 Там же. С. 44.
- 426 Там же. С. 58–60.
- 427 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 258–260.
- 428 Там же. Т. 3. С. 261, 262.
- 429 *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. С. 212, 213.

- ⁴³⁰ Там же. Т. 3. С. 264, 265.
- ⁴³¹ Там же. Т. 3. С. 266.
- ⁴³² *Филосторгий*. Церковная история. Книга 10, 9. С. 242.
- ⁴³³ Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово утешительное на смерть императора Валентиниана Младшего // Христианские императоры Рима. С. 180, 184, 185.
- ⁴³⁴ *Адамов И.И.* Святитель Амвросий Медиоланский. С. 70.
- ⁴³⁵ Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово утешительное на смерть императора Валентиниана Младшего. С. 176.
- ⁴³⁶ Там же. С. 186.
- ⁴³⁷ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 415–417.
- ⁴³⁸ *Лебедев А.П.* Вселенские Соборы IV и V веков. С. 106, 107.
- ⁴³⁹ Там же. С. 107.
- ⁴⁴⁰ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 2007. С. 121, 122.
- ⁴⁴¹ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 434–440, 450.
- ⁴⁴² Там же. С. 452.
- ⁴⁴³ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 331, 332.
- ⁴⁴⁴ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 457, 458.
- ⁴⁴⁵ Там же. С. 460–462.
- ⁴⁴⁶ *Робертсон Дж.С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 236.
- ⁴⁴⁷ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 335.

⁴⁴⁸ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 113.

⁴⁴⁹ Там же. С. 117.

⁴⁵⁰ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 65, 66.

⁴⁵¹ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 471–473.

⁴⁵² *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. С. 161, 162.

⁴⁵³ *Адамов И.И.* Святитель Амвросий Медиоланский. С. 51, 52.

⁴⁵⁴ Там же. С. 71.

⁴⁵⁵ Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово утешительное на смерть императора Валентиниана Младшего. С. 180, 181.

⁴⁵⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 207.

⁴⁵⁷ Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово на смерть Феодосия Великого // Христианские императоры Рима. С. 197, 201.

⁴⁵⁸ *Тьерри Амадей.* Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. М., 1884. С. 55, 56.

⁴⁵⁹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 265, 266.

⁴⁶⁰ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви // Христианские императоры Рима. С. 40.

⁴⁶¹ *Марцеллин Аммиан.* Римская история. Книга XXVII, глава 8. С. 428, 429.

⁴⁶² Там же. Книга XXVIII, глава 3. С. 456, 457.

- ⁴⁶³ Там же. Книга XXVIII, глава 5. С. 466, 467.
- ⁴⁶⁴ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 41.
- ⁴⁶⁵ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 205, 206.
- ⁴⁶⁶ Там же. Т. 3. С. 209, 210.
- ⁴⁶⁷ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. В 3 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 162, 163.
- ⁴⁶⁸ *Эвнаний Сардиец.* Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 50. С. 114, 115.
- ⁴⁶⁹ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 211, 212.
- ⁴⁷⁰ *Эвнаний Сардиец.* Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 61. С. 122, 123.
- ⁴⁷¹ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 43, 44.
- ⁴⁷² *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 164.
- ⁴⁷³ Там же. Т. 1. С. 167, 168.
- ⁴⁷⁴ Там же. Т. 1. С. 165.
- ⁴⁷⁵ Там же. Т. 1. С. 166.
- ⁴⁷⁶ *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседа двадцать первая // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. В 6 т. Т. II. Книга 1. М., 2006. С. 303.
- ⁴⁷⁷ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 47, 48.
- ⁴⁷⁸ *Казаков М.М.* Епископ и Империя. Амвросий Медиоланский и Римская империя в IV в. С. 231, 232.
- ⁴⁷⁹ *Васильев А.А.* История Византийской Империи. В 2 т. Т. 1. СПб., 1998. С. 137, 138.
- ⁴⁸⁰ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 48.
- ⁴⁸¹ Святого Отца нашего Амвросия Медиоланского на смерть Феодосия Великого. С. 202.

- 482 Там же.
- 483 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 351, 352.
- 484 *Тьерри Амадей.* Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 51, 52.
- 485 *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 31.
- 486 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 277, 278.
- 487 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 71.
- 488 *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 50, 51.
- 489 Святого отца нашего Амвросия Медиоланского слово утешительное на смерть императора Валентиниана Младшего. С. 202.
- 490 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 56, 57.
- 491 *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 52.
- 492 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 281, 282.
- 493 *Чернявский Н.Ф.* Император Феодосий Великий и его царствование в церковно-историческом отношении. Сергиев Посад, 1913. С.181.
- 494 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 66.
- 495 *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 475.
- 496 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 66.
- 497 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 141.
- 498 *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории Церкви. С. 227.
- 499 Там же. С. 228.

- ⁵⁰⁰ Там же. С. 254–257.
- ⁵⁰¹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 143.
- ⁵⁰² Там же. С. 144, 145.
- ⁵⁰³ Слово св. Григория Назианзина, произнесенное в присутствии ста пятидесяти епископов Собора // ДВС. Т. 1. С. 113, 114.
- ⁵⁰⁴ Послание Римской церкви от епископов, собиравшихся в Константинополе // ДВС. Т. 1. С. 126.
- ⁵⁰⁵ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории Церкви. С. 321–323.
- ⁵⁰⁶ ДВС. Т. 1. С. 100.
- ⁵⁰⁷ Послание Святого Собора к благочестивейшему императору Феодосию Великому с приложением поставленных Отцами правил // ДВС. Т. 1. С. 116.
- ⁵⁰⁸ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 633, 634.
- ⁵⁰⁹ ДВС. Т. 1. С. 100.
- ⁵¹⁰ *Спасский А.* История догматических движений в эпоху Вселенских Соборов (в связи с философскими учениями того времени). Т. 1. Тринитарный вопрос (история учения о Св. Троице). С. 635, 636.
- ⁵¹¹ Там же. С. 645, 646.
- ⁵¹² *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 55, 56.
- ⁵¹³ Там же. С. 58.
- ⁵¹⁴ Там же. С. 58, 59.
- ⁵¹⁵ Там же. С. 63, 64.
- ⁵¹⁶ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 148, 149.
- ⁵¹⁷ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 32.
- ⁵¹⁸ *Адамов И.И.* Святитель Амвросий Медиоланский. С. 73, 74.
- ⁵¹⁹ *Вертеловский И.* О заслугах императора Феодосия Великого по отношению к вере и Церкви. С. 84.

- 520 *Эвнатий Сардиец*, Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 74. С. 129.
- 521 *Острогорский Г.А.* История Византийской империи. С. 98.
- 522 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 337.
- 523 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 170.
- 524 *Острогорский Г.А.* История Византийской империи. С. 95.
- 525 *Тьерри Амадей*. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 15.
- 526 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 171.
- 527 *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 560.
- 528 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 340, 341.
- 529 *Эвнатий Сардиец*, Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 64. С. 125.
- 530 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 161, 162.
- 531 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 171, 172.
- 532 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 172.
- 533 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 175, 176.
- 534 Там же. Т.1. С. 176, 177.
- 535 Там же. Т.1. С. 179, 180.
- 536 Там же. Т.1. С. 180, 181.
- 537 Там же. Т.1. С. 182.
- 538 Там же. Т.1. С. 183.
- 539 *Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. С. 50, 51.
- 540 *Эвнатий Сардиец*, Продолжение истории Дексипповой. Отрывок 82. С. 134.
- 541 *Асмус Валентин, протоиерей.* Святитель Епифаний Кипрский // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 5. С. 70.

- ⁵⁴² *Тьерри Амадей*. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 96.
- ⁵⁴³ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 563, 564.
- ⁵⁴⁴ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 186–189.
- ⁵⁴⁵ *Тьерри Амадей*. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 49–51.
- ⁵⁴⁶ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 570–573.
- ⁵⁴⁷ *Тьерри Амадей*. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 75.
- ⁵⁴⁸ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 190, 191.
- ⁵⁴⁹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 77.
- ⁵⁵⁰ *Святитель Иоанн Златоуст*. Слово на начало Святой Четырдесятницы, об изгнании из Рая Адама и о дурных женах // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творения. В 6 т. Т. 6. Книга 2. М., 2006. С. 484.
- ⁵⁵¹ *Лебедев А.П.* «Собор при Дубе» (403 г.) или Тяжкое испытание в жизни святого Иоанна Златоуста // Лебедев А.П. Церковно-исторические повествования из давних времен христианской Церкви. СПб., 2004. С. 138–143.
- ⁵⁵² Там же. С. 147–150.
- ⁵⁵³ *Тьерри Амадей*. Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 166.
- ⁵⁵⁴ *Лебедев А.П.* «Собор при Дубе» (403 г.) или Тяжкое испытание в жизни святого Иоанна Златоуста. С. 154, 155.
- ⁵⁵⁵ *Святитель Иоанн Златоуст*. Письмо Иннокентию, епископу Римскому // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. 3. Книга 2. М., 2006. С. 195, 196.
- ⁵⁵⁶ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 192–194.

- 557 *Святитель Иоанн Златоуст.* Письмо Иннокентию, епископу Римскому. С. 197.
- 558 *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседа по возвращении из первой ссылки // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. 3. Книга 2. С. 75, 76.
- 559 *Тьерри Амадей.* Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 190.
- 560 *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Первое обличительное слово на царя Юлиана, глава 80. С. 85.
- 561 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 77.
- 562 *Тьерри Амадей.* Св. Иоанн Златоуст и императрица Евдоксия. С. 201.
- 563 Там же. С. 215, 216, 220.
- 564 Там же. С. 225, 226, 227.
- 565 Там же. С. 245.
- 566 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 196, 197.
- 567 «Сакра Гонория Августа, посланная к Государю Востока Аркадию» // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. 3. Книга 2. С. 208.
- 568 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 199, 200.
- 569 *Асмус Валентин, протоиерей.* Святитель Епифаний Кипрский. С. 74.
- 570 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 78, 79.
- 571 Там же. С. 78.
- 572 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 345, 346.
- 573 Там же. Т. 3. С. 376–379.
- 574 Там же. Т. 3. С. 388–390.
- 575 *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 46–48.

⁵⁷⁶ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 392–395.

⁵⁷⁷ *Олимпиодор Фивянин.* Выписки из исторических книг // Византийские историки Дексипп, Эвнапий, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. С. 150, 151.

⁵⁷⁸ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 141.

⁵⁷⁹ *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. СПб., 2004. С. 44, 45.

⁵⁸⁰ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 143.

⁵⁸¹ *Олимпиодор Фивянин.* Выписки из исторических книг. С. 151.

⁵⁸² *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 144–146.

⁵⁸³ *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. С. 46, 47.

⁵⁸⁴ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 219.

⁵⁸⁵ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 75.

⁵⁸⁶ *Олимпиодор Фивянин.* Выписки из исторических книг. С. 153.

⁵⁸⁷ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 476–478.

⁵⁸⁸ *Олимпиодор Фивянин.* Выписки из исторических книг. С. 157.

⁵⁸⁹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 480, 481.

⁵⁹⁰ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. С. 147.

⁵⁹¹ *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 484, 485.

⁵⁹² *Олимпиодор Фивянин.* Выписки из исторических книг. С. 162.

⁵⁹³ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 245.

⁵⁹⁴ Там же. Т. 1. С. 248, 249.

⁵⁹⁵ Послание папы Целестина к Феодосию Младшему, августу // ДВС. Т. 1. С. 521.

⁵⁹⁶ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Визан-

тии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 139, 140.

⁵⁹⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 222, 223.

⁵⁹⁸ Там же. Т. 1. С. 224.

⁵⁹⁹ Там же. Т. 1. С. 225, 226.

⁶⁰⁰ Там же. Т. 1. С. 226.

⁶⁰¹ Там же. Т. 1. С. 227, 228.

⁶⁰² Там же. Т. 1. С. 228.

⁶⁰³ Гидулянов П.В. Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 596.

⁶⁰⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 228, 229.

⁶⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 232.

⁶⁰⁶ Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 80, 81.

⁶⁰⁷ Там же. С. 84.

⁶⁰⁸ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 253, 254.

⁶⁰⁹ Там же. Т. 1. С. 233.

⁶¹⁰ Прокопий Кесарийский. Война с вандалами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. М., 1993. Книга 1, глава III, 6, 7. С. 182.

⁶¹¹ Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 83.

⁶¹² Прокопий Кесарийский. Война с вандалами. Книга 1, глава III, 9. С. 182, 183.

⁶¹³ Гиббон Э. История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 565, 566.

⁶¹⁴ Там же. Т. 3. С. 567.

⁶¹⁵ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 234.

⁶¹⁶ Жития святых святителя Дмитрия Ростовского. Книга 12. М., 1911. С. 52, 57, 58, 60, 65.

⁶¹⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 234, 235.

⁶¹⁸ Там же. Т. 1. С. 236.

- 619 *Загурский Л.Н.* Элементарный учебник римского права. Общая часть. Выпуск I. Харьков, 1897. С. 2, 3.
- 620 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1 С. 238.
- 621 *Пухта Г.Ф.* История римского права. М., 1864. С. 519–521.
- 622 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 293.
- 623 *Иоанн Никиусский.* Хроника // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006. Глава LXXXVII. С. 541.
- 624 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 193.
- 625 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 240.
- 626 *Иоанн Никиусский.* Хроника. Глава LXXXVII. С. 542.
- 627 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 240.
- 628 *Иоанн Никиусский.* Хроника. Глава LXXXVII. С. 540, 541.
- 629 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 241, 242.
- 630 Там же. Т. 1. С. 241.
- 631 Там же. Т. 1. С. 243.
- 632 Там же. Т. 1. С. 244.
- 633 Там же. Т. 1. С. 252.
- 634 Там же. Т. 1. С. 258, 259.
- 635 Там же. Т. 1. С. 255.
- 636 Там же. Т. 1. С. 261, 262.
- 637 Там же. Т. 1. С. 262.
- 638 *Прииск Панийский.* Сказания // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Сказания Прииска Панийского. Отрывок 6. С. 464.
- 639 *Люттвак Эдвард.* Стратегия Византийской империи. М., 2010. С. 86–88.
- 640 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 90.
- 641 *Тьерри Амадей.* Ересии V века: Нестория и Евтихий. С. 199, 200.
- 642 *Малала Иоанн.* Хронография // Евагрий Схоластик. Церковная история. СПб., 2006. С. 484.
- 643 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 292.

- 644 Там же. Т. 1. С. 293–295.
- 645 *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. Минск, 2006. С. 380.
- 646 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 93.
- 647 *Прокотий Кесарийский*. Война с вандалами. Книга 1, глава III, 10–12. С. 183.
- 648 *Олимпиодор Фивянин*. Выписки из исторических книг. С. 165.
- 649 *Прокотий Кесарийский*. Война с вандалами. Книга 1, глава III, 14–26. С. 183, 184.
- 650 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 3. С. 576, 577.
- 651 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 4. М., 2008. С. 19.
- 652 Там же. Т. 4. С. 20.
- 653 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 237.
- 654 *Прииск Панийский*. Сказания. Отрывок 12. С. 511.
- 655 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 268.
- 656 *Прииск Панийский*. Сказания. Отрывок 13. С. 511.
- 657 *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Великой Римской империи. Т. 4. С. 25.
- 658 *Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. С. 162, 163.
- 659 Там же. С. 170, 171.
- 660 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века. С. 72.
- 661 *Люттвак Эдвард*. Стратегия Византийской империи. С. 75, 76.
- 662 *Томпсон Э.А.* Гунны. Грозные воины степей. С. 174.
- 663 Там же. С. 178, 179.
- 664 *Прокотий Кесарийский*. Война с вандалами. Книга 1, глава IV, 28. С. 188.
- 665 Там же. Книга 1, глава IV, 16–23. С. 187.
- 666 *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века. С. 74, 75.

- ⁶⁶⁷ Там же. С. 78, 80.
- ⁶⁶⁸ *Малала Иоанн*. Хронография. С. 483.
- ⁶⁶⁹ *Крачук Александр*. Императоры. С. 675—694.
- ⁶⁷⁰ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века. С. 90.
- ⁶⁷¹ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 13—15.
- ⁶⁷² Там же. С. 30.
- ⁶⁷³ *Соколов Василий, священник*. Леонтий Византийский: его жизнь и литературные труды // Леонтий Византийский. Сборник исследований: сб. исследований под ред. А.Р. Фокина. М., 2006. С. 192.
- ⁶⁷⁴ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 18, 19, 22.
- ⁶⁷⁵ Беседа Прокла, епископа Кизического, говоренная в присутствии Нестория в великой Константинопольской церкви, о вочеловечении Господа Нашего Иисуса Христа, о том, что Святая Дева Мария есть Богородица и что родившийся от нее не есть Бог только и не есть человек только, но Эммануил, который есть вместе Бог и человек, неслитно и непреложно // ДВС. Т. 1. С. 138.
- ⁶⁷⁶ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 23, 25.
- ⁶⁷⁷ Прощение диакона Василия и прочих монахов // ДВС. Т. 1. С. 205.
- ⁶⁷⁸ Послание Кирилла, епископа Александрийского, к Несторию, когда узнал о неправильном образе его мыслей // ДВС. Т. 1. С. 143.
- ⁶⁷⁹ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 38, 39.
- ⁶⁸⁰ Послание Кирилла, епископа Александрийского, к Целестину, епископу Римскому // ДВС. Т. 1. С. 157.
- ⁶⁸¹ Послание Целестина Кириллу // ДВС. Т. 1. С. 162.
- ⁶⁸² Послание Целестина к клиру и народу Константинопольскому // ДВС. Т. 1. С. 179.
- ⁶⁸³ *Дворкин А.Л.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Нижний Новгород, 2008. С. 881.

- 684 Грамота императоров Феодосия и Валентиниана к епископу Александрийскому Кириллу // ДВС. Т. 1. С. 208, 209.
- 685 *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 239, 240.
- 686 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 44, 45.
- 687 Там же. С. 56–58.
- 688 Там же. С. 59–62.
- 689 Высокая грамота, посланная в Александрию к епископу Кириллу и к епископам областных митрополий // ДВС. Т. 1. С. 210, 211.
- 690 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 64, 65.
- 691 *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 251.
- 692 Высочайшая грамота, посланная святому собору чрез придворного сановника Кандидиана, которому поручено и наблюдение благочиния на соборе // ДВС. Т. 1. С. 213.
- 693 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 79, 80.
- 694 Там же. С. 81–83.
- 695 Послание Иоанна Антиохийского к Кириллу // ДВС. Т. 1. С. 214.
- 696 Записка о деяниях восточных епископов, в которых они низлагают святейших Кирилла и Мемнона и отлучают от общения всех, присутствовавших на Святом Соборе // ДВС. Т. 1. С. 282.
- 697 ДВС. Т. 1. С. 218–222.
- 698 Донесение Св. Собора благочестивейшим государям о низложении Нестория // ДВС. Т. 1. С. 270–273.
- 699 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 95–98.
- 700 Записка о деяниях восточных епископов, в которых они низлагают святейших Кирилла и Мемнона и отлучают от общения всех, присутствовавших на Святом Соборе // ДВС. Т. 1. С. 286.
- 701 ДВС. Т. 1. С. 308, 309.
- 702 ДВС. Т. 1. С. 400.

- 703 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 273–275.
- 704 Послание собора к императорам об освобождении Кирилла и Мемнона // ДВС. Т. 1. С. 384, 385.
- 705 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 277, 278.
- 706 Там же. С. 279.
- 707 Список с императорского послания к Иоанну, епископу Антиохийскому, о мире и единении святых церквей, посланного через Аристолая, трибуна и нотарию // ДВС. Т. 1. С. 530.
- 708 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 280–282.
- 709 Послание Кирилла, архиепископа Александрийского, к Иоанну, епископу Антиохийскому, отправленное с Павлом, епископом Эмесским // ДВС. Т. 1. С. 540.
- 710 ДВС. Т. 1. С. 512, 513.
- 711 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 287, 289.
- 712 Там же. С. 317, 318.
- 713 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 202, 203.
- 714 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 94, 95.
- 715 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 206, 207.
- 716 ДВС. Т. 2. С. 92–95.
- 717 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 112–130, 159, 160.
- 718 Там же. С. 232–234.
- 719 Там же. С. 234, 235.
- 720 Послание блаженной памяти самодержца Феодосия к почитнейшему Диоскору, епископу Александрийскому // ДВС. Т. 2. С. 68; Послание самодержца к Диоскору Александрийскому // Там же. С. 73.
- 721 *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 243.
- 722 Записка Феодора, диакона Александрийского, поданная против Диоскора (папе Льву и Собору Халкидонскому) // ДВС. Т. 2.

С. 254–256; Записка Афанасия, пресвитера Александрийского, поданная Святому Собору против Диоскора // ДВС. Т. 2. С. 259–261.

⁷²³ *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга 1, глава 10. С. 79.

⁷²⁴ Высочайшая грамота, писанная Диоскору, почтеннейшему епископу Александрийскому // ДВС. Т. 2. С. 70, 71.

⁷²⁵ ДВС. Т. 2. С. 78, 79.

⁷²⁶ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 256–258.

⁷²⁷ ДВС. Т. 2. С. 207.

⁷²⁸ ДВС. Т. 2. С. 207, 208.

⁷²⁹ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 263, 264.

⁷³⁰ ДВС. Т. 3. СПб., 1996. С. 28, 29.

⁷³¹ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 265.

⁷³² Там же. С. 267, 268.

⁷³³ Ответное послание Феодосия к Валентиану // ДВС. Т. 2. С. 45.

⁷³⁴ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 278.

⁷³⁵ Послание Льва, епископа города Рима, к императору Феодосию, которым просит его, чтобы Особенный Собор был назначен в Италии и более ни в каком ином месте; потому что Собор Эфесский составлен был вопреки канонам (и деяния его считаются незаконными и неправильно совершенными) // ДВС. Т. 2. С. 34.

⁷³⁶ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 98.

⁷³⁷ *Гийу Андре*. Византийская цивилизация. Екатеринбург, 2005. С. 183, 184.

⁷³⁸ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. СПб., 1878. С. 4, 5.

⁷³⁹ *Лебедев А.П.* Духовенство древней Церкви. СПб., 2003. С. 208, 209.

⁷⁴⁰ *Св. Ириней Лионский*. Против ересей. Книга III, главы 3, 1. СПб., 2008. С. 222.

- ⁷⁴¹ Там же. Книга III, главы 3, 4. С. 224.
- ⁷⁴² *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. СПб., 2008. С. 58–63.
- ⁷⁴³ *Памфил Евсевий.* Церковная история. Книга 7, глава 30. С. 346.
- ⁷⁴⁴ *Бриллиантов А.И.* Лекции по истории Церкви. С. 189.
- ⁷⁴⁵ ДВС. Т. 2. С. 66, 67.
- ⁷⁴⁶ *Рожков Владимир, протоиерей.* Очерки по истории Римско-католической церкви. М., 1998. С. 33.
- ⁷⁴⁷ *Суворов Н.С.* Римское папство до разделения церквей // Временник Демидовского юридического лица. Книга 29. Ярославль, 1882. С. 12.
- ⁷⁴⁸ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 74.
- ⁷⁴⁹ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 303, 304.
- ⁷⁵⁰ Там же. С. 305.
- ⁷⁵¹ Там же. С. 210.
- ⁷⁵² Там же. С. 212.
- ⁷⁵³ Там же. С. 199–201.
- ⁷⁵⁴ *Спасский А.А.* Вопрос о подлинности правил Сардикийского собора (343 г.) // *Спасский А.А.* Начальная стадия арианских движений и Первый Вселенский Собор в Никее. Исследования по истории древней Церкви. СПб., 2007. С. 71, 72.
- ⁷⁵⁵ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 63, 64.
- ⁷⁵⁶ ДВС. Т. 1. С. 293.
- ⁷⁵⁷ ДВС. Т. 1. С. 301.
- ⁷⁵⁸ Высочайшие послания, отправленные от государя нашего Валентиниана и блаженной памяти Плакиды и достопочтимой императрицы Евдокии к священной памяти Феодосию, чтобы он повелел созвать Собор в странах Италии // ДВС. Т. 2. С. 42.
- ⁷⁵⁹ Послание Галлы Плакиды к Пульхерии Августе, в котором осуждается второй Эфесский Собор // ДВС. Т. 2. С. 44.

⁷⁶⁰ Послание императрицы Галлы Плакиды к императору Феодосию, сыну // ДВС. Т. 2. С. 43.

⁷⁶¹ *Владимир (Гетте), архимандрит.* Римское папство как основа раскола Церквей, или Рим в своих сношениях с Восточной церковью. М., 2007. С. 58, 59, 73.

⁷⁶² Послание Римского архиепископа Льва к Константинопольскому архиепископу Флавиану // ДВС. Т. 2. С. 14.

⁷⁶³ Послание папы Льва ко второму Собору Эфесскому // ДВС. Т. 2. С. 27, 28.

⁷⁶⁴ Послание Льва, епископа города Рима, к императору Феодосию, которым просит его, чтобы особенный Собор был назначен в Италии и более ни в каком ином месте; потому что Собор Эфесский составлен был вопреки канонам (и деяния его считаются незаконными и неправильно совершенными) // ДВС. Т. 2. С. 33.

⁷⁶⁵ Высочайшие послания, отправленные от государя нашего Валентиниана и блаженной памяти Плакиды и досточтимой императрицы Евдоксии, к священной памяти Феодосию, чтобы он повелел созвать собор в странах Италии // ДВС. Т. 2. С. 42.

⁷⁶⁶ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 87, 88.

⁷⁶⁷ *Рансимен С.* Восточная схизма // Рансимен С. Восточная схизма. Византийская теократия. М., 1998. С. 22, 23.

⁷⁶⁸ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. Области восточных патриархов Православной Церкви до IX века. Казань, 1899. С. 114, 115, 118.

⁷⁶⁹ *Люилье Петр, архиепископ.* Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 99.

⁷⁷⁰ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 368, 369.

⁷⁷¹ Там же. С. 376, 377.

⁷⁷² ДВС. В 4 т. Т. 3. СПб., 1996. С. 24, 25.

⁷⁷³ *Никодим (Милаш), епископ Далматинско-Истринский.* Правила Православной Церкви. В 2 т. Т. 1. М., 2001. С. 256–258.

- ⁷⁷⁴ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 241.
- ⁷⁷⁵ *Асмус Валентин, протоиерей*. Святитель Епифаний Кипрский. С. 71.
- ⁷⁷⁶ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий и Евтихий. С. 243.
- ⁷⁷⁷ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 149, 150.
- ⁷⁷⁸ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 379, 381.
- ⁷⁷⁹ *Люилье Петр, архиепископ*. Правила первых четырех Вселенских Соборов. С. 198.
- ⁷⁸⁰ *Шабанов Д.* Примат Петра в Антиохийском патриархате и Селевкийском католикосе V века.
- ⁷⁸¹ *Епифанович С.Л.* Преподобный Максим Исповедник и византийское богословие. М., 2003. С. 17, 18.
- ⁷⁸² Там же. С. 268–270.
- ⁷⁸³ *Скарлакидис Харрис К.* Святой Свет. Чудо в Святую субботу на Гробе Христа. Афины, 2011. С. 18–27.
- ⁷⁸⁴ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 8.
- ⁷⁸⁵ *Люилье Петр, архиепископ*. Правила первых четырех Вселенских Соборов. С. 116, 117.
- ⁷⁸⁶ Там же. С. 203, 204.
- ⁷⁸⁷ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 67, 68.
- ⁷⁸⁸ *Тьерри Амадей*. Ересиархи V века: Несторий Евтихий. С. 33, 34.
- ⁷⁸⁹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 239, 240.
- ⁷⁹⁰ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 70.
- ⁷⁹¹ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 240.
- ⁷⁹² *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 75.

- ⁷⁹³ *Барсов Т.* Константинопольский патриарх и его власть над Русской Церковью. С. 43, 44.
- ⁷⁹⁴ Там же. С. 48, 49.
- ⁷⁹⁵ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга II, глава 1. С. 104–106.
- ⁷⁹⁶ *Прокотий Кесарийский.* Война с вандалами. Книга 1, глава IV, 1–10. С. 185, 186.
- ⁷⁹⁷ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 100.
- ⁷⁹⁸ Там же. С. 101.
- ⁷⁹⁹ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга II, глава 1. С. 107.
- ⁸⁰⁰ *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Нестория и Евтихий. С. 273.
- ⁸⁰¹ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 237.
- ⁸⁰² *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 298, 299.
- ⁸⁰³ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 706, 707.
- ⁸⁰⁴ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 308.
- ⁸⁰⁵ *Приск Панийский.* Сказания. Отрывок 15. С. 513.
- ⁸⁰⁶ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 310.
- ⁸⁰⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 314.
- ⁸⁰⁸ Послание императора Маркиана к римскому епископу Льву // ДВС. Т. 2. С. 48, 49.
- ⁸⁰⁹ *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Нестория и Евтихий. С. 281, 282.
- ⁸¹⁰ Список с третьего императорского послания, отправленного к святому собору в Никее в ту пору, когда благочестивейший император задерживался еще во Фракии, о том, чтобы этот собор без замедления перешел в Халкидон // ДВС. Т. 2. С. 54.
- ⁸¹¹ ДВС. Т. 2. С. 66.

- ⁸¹² ДВС. Т. 2. С. 66.
- ⁸¹³ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 334.
- ⁸¹⁴ Послание Халкидонского Собора к императорам Валентиниану и Маркиану // ДВС. Т. 2. С. 297.
- ⁸¹⁵ ДВС. Т. 2. С. 243, 244.
- ⁸¹⁶ ДВС. Т. 3. СПб., 1996. С. 22, 23.
- ⁸¹⁷ ДВС. Т. 3. С. 43.
- ⁸¹⁸ ДВС. Т. 3. С. 43, 44.
- ⁸¹⁹ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 335.
- ⁸²⁰ *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Нестория и Евтихий. С. 342.
- ⁸²¹ ДВС. Т. 3. С. 54.
- ⁸²² ДВС. Т. 3. С. 56.
- ⁸²³ ДВС. Т. 3. С. 68, 69.
- ⁸²⁴ ДВС. Т. 3. С. 71, 72.
- ⁸²⁵ Деяние о Домне Антиохийском // ДВС. Т. 3. С. 103.
- ⁸²⁶ Благочестивейшим и христолюбивым, и достойно возвеличенным от Бога всяческих, августам, Валентиниану и Маркиану, прошение и моление от епископа Савиниана // ДВС. Т. 3. С. 121.
- ⁸²⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 342, 343.
- ⁸²⁸ ДВС. Т. 3. С. 157.
- ⁸²⁹ ДВС. Т. 3. С. 158, 159.
- ⁸³⁰ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 101.
- ⁸³¹ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 247, 248.
- ⁸³² *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 179.
- ⁸³³ Речь святого Вселенского Халкидонского Собора к благочестивейшему и христолюбивому императору Маркиану // ДВС. Т. 3. С. 160, 163.

⁸³⁴ Послание, отправленное от Святого Собора к святейшему папе Римской церкви Льву (о всех вообще деяниях) // ДВС. Т. 3. С. 168.

⁸³⁵ Послание папы Льва к епископам, которые собирались на святом Халкидонском Соборе // ДВС. Т. 3. С. 186.

⁸³⁶ Его же послание к Максиму, епископу Антиохийскому // ДВС. Т. 3. С. 187.

⁸³⁷ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 366.

⁸³⁸ *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 131.

⁸³⁹ Указ императоров Валентиниана и Маркиана, в котором запрещаются рассуждения о предметах христианской веры перед народом // ДВС. Т. 3. С. 169.

⁸⁴⁰ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 365.

⁸⁴¹ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга II, глава 5. С. 123, 124.

⁸⁴² Список с высочайшей грамоты, посланной священнейшим и благочестивейшим государем нашим Маркианом, постоянным августом, к архимандритам и прочим монахам, обитающим в Элии и около нее // ДВС. Т. 3. С. 177.

⁸⁴³ *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Нестория и Евтихий. С. 373.

⁸⁴⁴ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 120.

⁸⁴⁵ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга II, глава 5. С. 120–122.

⁸⁴⁶ *Тьерри Амадей.* Ересиархи V века: Нестория и Евтихий. С. 364, 365.

⁸⁴⁷ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 366.

⁸⁴⁸ *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 152, 153.

⁸⁴⁹ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 312.

⁸⁵⁰ *Приск Панийский.* Сказания. Отрывок 17. С. 514, 515.

- 851 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 102.
- 852 *Терновский С.* Очерки из церковно-исторической географии. С. 237.
- 853 *Приск Панийский*. Сказания. Отрывок 19, 20. С. 517, 518.
- 854 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 314.
- 855 *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 236.
- 856 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 316.
- 857 *Дилль Ш.* Основные проблемы византийской истории. М., 1947. С. 61.
- 858 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 316–318.
- 859 Там же. Т. 1. С. 319, 320.
- 860 *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 238.
- 861 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга II, глава 8. С. 128–130.
- 862 *Захария Ритор*. Церковная история // Евагрий Схоластик. Церковная история. Книга IV, глава 6. С. 448–451.
- 863 Послание некоторых епископов Египетского округа в пользу Тимофея, незаконного архиепископа Александрийской церкви, к императору Льву августу // ДВС. Т. 3. С. 205.
- 864 Послание египетских епископов и клира епископского ко Льву августу // ДВС. Т. 3. С. 194, 195.
- 865 Послание епископов Египетского округа к Анатолию, архиепископу Константинопольскому // ДВС. Т. 3. С. 200.
- 866 Список с послания императора Льва I к Анатолию, архиепископу Константинопольскому // ДВС. Т. 3. С. 193, 194.
- 867 Послание папы Льва к императору Льву // ДВС. Т. 3. С. 207.

- 868 Там же. С. 206, 208.
- 869 См., напр.: Послание епископов Европы к императору Льву // ДВС. Т. 3. С. 210.
- 870 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 107.
- 871 *Захария Ритор*. Церковная история. Книга 4, глава 9. С. 453.
- 872 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга II, главы 12, 13, 14. С. 137–141.
- 873 *Приск Панийский*. Сказания. Отрывок 25. С. 522, 523.
- 874 Там же. Отрывок 27. С. 524, 525.
- 875 Там же. Отрывок 31. С. 528.
- 876 Там же. Отрывок 33. С. 530.
- 877 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 324, 325.
- 878 *Виктор Витенский*. История гонений в Африканских провинциях. Книга 1, 12 // Церковные историки IV–V веков. С. 109.
- 879 *Приск Панийский*. Сказания. Отрывок 23. С. 519–521.
- 880 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 326, 327.
- 881 *Прокорий Кесарийский*. Война с вандалами. Книга 1, глава VI, 1–4. С. 191.
- 882 Там же. Книга 1, глава VI, 17–24. С. 193.
- 883 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 111.
- 884 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 330.
- 885 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга II, глава 16. С. 142, 143.
- 886 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 113.
- 887 *Приск Панийский*. Сказания. Отрывок 29. С. 526.
- 888 *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 104.
- 889 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 324.
- 890 Там же. Т. 1. С. 330.
- 891 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 108.

- ⁸⁹² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 331.
- ⁸⁹³ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 111.
- ⁸⁹⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 331.
- ⁸⁹⁵ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 111–112.
- ⁸⁹⁶ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 238.
- ⁸⁹⁷ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 332.
- ⁸⁹⁸ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 112. Ср.: *Иоанн Малала*. Хронография // *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга XIV. Р. 371. С. 485.
- ⁸⁹⁹ *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах // Византийские историки Дексипп, Эвнаний, Олимпиодор, Малх, Петр Патриций, Менандр, Кандид, Ноннос и Феофан Византиец. Отрывок 2. С. 176.
- ⁹⁰⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 333, 334, 340–342.
- ⁹⁰¹ Там же. Т. 1. С. 349.
- ⁹⁰² *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах. Отрывок 1. С. 174, 175.
- ⁹⁰³ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 239, 240.
- ⁹⁰⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 345.
- ⁹⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 348.
- ⁹⁰⁶ *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах. Отрывок 3. С. 177, 178.
- ⁹⁰⁷ *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 1. С. 175.

- 908 *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах. Отрывки 4, 5. С. 178, 179.
- 909 Там же. Отрывок 11. С. 183.
- 910 Там же. Отрывок 7. С. 180.
- 911 Там же. Отрывок 11. С. 183, 184.
- 912 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 351, 352.
- 913 *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С. 106.
- 914 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 352.
- 915 *Малх Филадельфиец*. Византийская история в семи книгах. Отрывок 8. С. 181.
- 916 Там же. Отрывок 9. С. 182.
- 917 Там же. Отрывок 10. С. 182.
- 918 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 8. С. 189.
- 919 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 357.
- 920 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 118.
- 921 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 353.
- 922 *Иоанн Никиусский*. Хроника // *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Глава LXXXVIII. С. 546.
- 923 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 4. С. 180, 181.
- 924 *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 372.
- 925 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 5. С. 184.
- 926 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 115.
- 927 Там же. С. 116.
- 928 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 354, 355.
- 929 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 7. С. 188.
- 930 *Иоанн Никиусский*. Хроника. Глава LXXXVIII. С. 547.

- 931 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 390, 391.
- 932 *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 244.
- 933 *Иоанн Малала.* Хронография. Книга XV. Р. 387. С. 492.
- 934 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 120, 121.
- 935 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 357, 358.
- 936 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 118, 119.
- 937 *Малх Филадельфиец.* Византийская история в семи книгах. Отрывок 12. С. 184, 185.
- 938 *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 324.
- 939 *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. С. 54.
- 940 *Малх Филадельфиец.* Византийская история в семи книгах. Отрывок 13. С. 185, 186.
- 941 Там же. Отрывок 14. С. 187.
- 942 Там же. Отрывок 16. С. 188.
- 943 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 363–367.
- 944 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 25. С. 215, 216.
- 945 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 369, 370.
- 946 Там же. Т. 1. С. 389, 390.
- 947 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 26. С. 216.
- 948 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 120.
- 949 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 368, 369.
- 950 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 27. С. 220, 221.
- 951 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 372.

- 952 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 122.
- 953 Там же. С. 122, 123.
- 954 *Иоанн Малала*. Хронография. Книга XV. Р. 389. С. 493, 374.
- 955 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 125.
- 956 *Пфайльшифтер Георг*. Теодорих Великий. С. 53.
- 957 Там же. С. 59.
- 958 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 377–379.
- 959 *Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность. М., 2003. С. 23.
- 960 *Уильямс Стивен*. Диоклетиан: реставратор Римской империи. СПб.—М., 2014. С. 306.
- 961 *Пфайльшифтер Георг*. Теодорих Великий. С. 70, 71.
- 962 *Острогорский Г.А.* История Византийского государства. С.106.
- 963 Там же. С. 82, 83.
- 964 История Средних веков. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476—768 гг.): Сб. ст. / Под ред. М.М. Стасюлевича. СПб.—М., 2001. С. 243.
- 965 *Шкаренков П.П.* Королевская власть в остготской Италии по «Variae» Кассиодора. Миф, образ, реальность. С. 42–44.
- 966 Там же. С. 56.
- 967 *Герцберг Г.Ф.* История Византии. М., 1896. С. 5.
- 968 *Пфайльшифтер Георг*. Теодорих Великий. С. 73.
- 969 Там же. С. 80.
- 970 *Захарий Ритор*. Церковная история. Книга V, глава 5. С. 461.
- 971 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 119.
- 972 *Захарий Ритор*. Церковная история. Книга V, глава 6. С. 462.
- 973 *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 12. С. 196.

- ⁹⁷⁴ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 388.
- ⁹⁷⁵ *Захарий Ритор.* Церковная история. Книга V, глава 7. С. 464.
- ⁹⁷⁶ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 380, 381.
- ⁹⁷⁷ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 14. С. 198–200.
- ⁹⁷⁸ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 247.
- ⁹⁷⁹ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 378.
- ⁹⁸⁰ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 249.
- ⁹⁸¹ *Болотов В.В.* История Церкви в период Вселенских Соборов. С. 390, 391.
- ⁹⁸² *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. С. 93, 94.
- ⁹⁸³ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 21. С. 208, 209.
- ⁹⁸⁴ *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. С. 381.
- ⁹⁸⁵ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 125.
- ⁹⁸⁶ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 476.
- ⁹⁸⁷ *Захарий Ритор.* Церковная история. Книга VI, глава 1. С. 471.
- ⁹⁸⁸ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 17. С. 204, 205.
- ⁹⁸⁹ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 386.
- ⁹⁹⁰ *Терновский Ф.А., Терновский С.А.* Греко-восточная церковь в период Вселенских Соборов. Чтения по церковной истории Византии от императора Константина Великого до императрицы Феодоры (312–842). С. 248.

- 991 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 126.
- 992 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 384, 385.
- 993 *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 127.
- 994 Там же. С. 128.
- 995 *Межеричкий Я.Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. М.—Калуга, 1994. С. 179, 180.
- 996 *Кравчук А.* Галерея Римских императоров. М., 2009. С. 28, 29.
- 997 *Покровский И.А.* История римского права. С. 187, 188.
- 998 *Хвостов В.М.* История римского права. М., 1908. С. 169, 170.
- 999 Там же. С. 171, 172.
- 1000 *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 130.
- 1001 *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права. М., 2004. С. 15, 16.
- 1002 *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. С. 21, 22.
- 1003 *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права. С. 18.
- 1004 *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. С. 27, 28.
- 1005 *Хвостов В.М.* История римского права. С. 172, 173.
- 1006 *Махлаюк А., Негин А.* Римские легионы в бою. М., 2009. С. 80, 82, 83.
- 1007 *Князький И.О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. С. 29, 30.
- 1008 *Боголепов Н.П.* Учебник истории римского права. С. 452.
- 1009 *Вальденберг В.Е.* Государственное устройство Византии до конца VII века. С. 24.
- 1010 *Энман А.* Легенда о Римских царях, ее происхождение и развитие. СПб., 1896. С. 124 126, 127, 142.

- ¹⁰¹¹ *Гримм Э.* Исследование по истории развития римской императорской власти. В 2 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 283, 284.
- ¹⁰¹² *Лашкарев П.А.* Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. Киев—СПб., 1889. С. 5, 6.
- ¹⁰¹³ *Фюстель де Куланж.* Древняя гражданская община: исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима. М., 1903. С. 150.
- ¹⁰¹⁴ Там же. С. 153.
- ¹⁰¹⁵ *Тит Ливий.* История Рима от основания города. В 3 т. Т. 1. М., 1989. Книга III, 39 (3, 4). С. 148, 149.
- ¹⁰¹⁶ *Фюстель де Куланж.* Древняя гражданская община: исследование о культе, праве и учреждениях Греции и Рима. С. 153.
- ¹⁰¹⁷ *Лашкарев П.А.* Право церковное в его основах, видах и источниках. Из чтений по церковному праву. С. 155, 156.
- ¹⁰¹⁸ *Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1997. С. 128.
- ¹⁰¹⁹ *Загурский Л.Н.* Элементарный учебник римского права. Общая часть. Выпуск I. Харьков, 1897. С. 96, 97.
- ¹⁰²⁰ *Суворов Н.С.* Объем дисциплинарного суда и юрисдикции Церкви в период Вселенских соборов. Ярославль, 1884. С. 14, 15.
- ¹⁰²¹ Там же. С. 7.
- ¹⁰²² *Свенцицкая И.С.* Знаки власти в изображениях Римских императоров // «Власть и образ: очерки потестарной имагологии» / Под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2009. С. 106, 107.
- ¹⁰²³ *Князький И.О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. С. 26, 27.
- ¹⁰²⁴ *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. С. 130.
- ¹⁰²⁵ *Успенский К.Н.* Христианство в Империи и союз Империи с Церковью // *Успенский К.Н.* Очерки по истории Византии. Часть 1. М., 1917. С. 45.
- ¹⁰²⁶ *Барсов Е.В.* Древнерусские памятники венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком

чинов царского венчания в связи с развитием идеи царской власти на Руси. М., 1883. С. VII, VIII.

¹⁰²⁷ *Вальденберг В.Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. С. 134.

¹⁰²⁸ Там же. С. 131, 132.

¹⁰²⁹ Евсевия Памфила слово василевсу Константину по случаю тридцатилетия его царствования // *Евсевий Памфил. Жизнь блаженного василевса Константина*. 3. С. 220.

¹⁰³⁰ *Дагрон Жильбер.* Император и священник. Этюд о византийском «цезаропапизме». СПб., 2010. С. 171.

¹⁰³¹ *Чекалова А.А.* У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. М., 2007. С. 66.

¹⁰³² Там же. С. 70, 71.

¹⁰³³ *Князький И.О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. С. 49.

¹⁰³⁴ *Чекалова А.А.* У истоков византийской государственности: сенат и сенаторская аристократия Константинополя. С. 75.

¹⁰³⁵ *Суворов Н.С.* Девять глав о свободной Церкви доктора Фридриха Маасена // *Временник Демидовского юридического лицея*. Книга 29. Ярославль, 1882. С. XXIV.

¹⁰³⁶ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Первое обличительное слово на царя Юлиана, глава 38. С. 72.

¹⁰³⁷ *Святитель Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский.* Второе обличительное слово на царя Юлиана, глава 17. С. 114.

¹⁰³⁸ *Гидулянов П.В.* Восточные патриархи в период четырех первых Вселенских Соборов. Из истории развития церковно-правительственной власти. Историко-юридическое исследование. С. 437, 438.

¹⁰³⁹ Высочайшая грамота, посланная святому собору чрез придворного сановника Кандидиана, которому поручено и наблюдение благочиния на соборе // ДВС. Т. 1. С. 213.

¹⁰⁴⁰ *Святитель Иоанн Златоуст.* Беседа на слова Апостола: «Знаем, что любящим Бога все содействует благу» (Рим. 8, 28); о терпении и о том, сколько пользы от скорбей // Святитель Иоанн Златоуст. Полное собрание творений. Т. III. Книга 1. М., 2006. С. 216.

¹⁰⁴¹ *Вернадский Г.В.* Византийские учения о власти царя и патриарха // Сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова. Прага, 1926, С. 146.

¹⁰⁴² *Гримм Э.* Исследование по истории развития римской императорской власти. В 2 т. Т. 2. СПб., 1901. С. 276.

¹⁰⁴³ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 393, 394, 395.

¹⁰⁴⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 330.

¹⁰⁴⁵ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 456.

¹⁰⁴⁶ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 477.

¹⁰⁴⁷ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 32. С. 232, 233.

¹⁰⁴⁸ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 397.

¹⁰⁴⁹ Там же. Т. 1. С. 398.

¹⁰⁵⁰ Там же. Т. 1. С. 399.

¹⁰⁵¹ *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 35. С. 241, 242.

¹⁰⁵² *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 333.

¹⁰⁵³ Там же. Т. 1. С. 344.

¹⁰⁵⁴ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. С. 131.

¹⁰⁵⁵ *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 422, 423.

¹⁰⁵⁶ *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакta. С. 132, 133.

¹⁰⁵⁷ *Успенский Ф.И.* История Византийской Империи. Т. 1. С. 337, 338.

¹⁰⁵⁸ *Прокопий Кесарийский.* Война с персами // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. Книга I, глава 7. С. 21, 22.

- ¹⁰⁵⁹ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 406.
- ¹⁰⁶⁰ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга I, глава 7. С. 23, 24.
- ¹⁰⁶¹ Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т. 1. С. 339, 340.
- ¹⁰⁶² Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга I, глава 8. С. 26.
- ¹⁰⁶³ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 409, 410.
- ¹⁰⁶⁴ Прокопий Кесарийский. Война с персами. Книга I, глава 9. С. 29.
- ¹⁰⁶⁵ Успенский Ф.И. История Византийской Империи. Т. 1. С. 342, 343.
- ¹⁰⁶⁶ Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. Восточноримская армия в 491–641 гг. СПб., 2006. С. 94, 95.
- ¹⁰⁶⁷ Острогорский Г.А. История Византийского государства. С. 108.
- ¹⁰⁶⁸ Пфайльшифтер Георг. Теодорих Великий. С. 106.
- ¹⁰⁶⁹ История Средних веков. От падения Западной Римской империи до Карла Великого (476–768 гг.). С. 245.
- ¹⁰⁷⁰ Дюземиль Брюно. Королева Брунгильда. СПб., 2012. С. 73–78.
- ¹⁰⁷¹ Григорий Турский. История франков. Книга II, главы 30, 31. С. 119, 120.
- ¹⁰⁷² Пфайльшифтер Георг. Теодорих Великий. С. 108.
- ¹⁰⁷³ Дюземиль Брюно. Королева Брунгильда. С. 41, 42, 63.
- ¹⁰⁷⁴ Лебек Стефан. Происхождение франков. М., 1993. С. 57, 58.
- ¹⁰⁷⁵ Григорий Турский. История франков. Книга II, глава 38. С. 129, 130.
- ¹⁰⁷⁶ Пфайльшифтер Георг. Теодорих Великий. С. 111–113.
- ¹⁰⁷⁷ Там же. С. 112.
- ¹⁰⁷⁸ Там же. С. 80, 81.
- ¹⁰⁷⁹ Евагрий Схоластик. Церковная история. Книга III, глава 43. С. 266, 267.

- 1080 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 433.
- 1081 *Иоанн Малала. Хронография.* Книга XVI. Р. 402. С. 496, 497.
- 1082 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 434, 435.
- 1083 *Иоанн Малала. Хронография.* Книга XVI. Р. 402–405. С. 497–498.
- 1084 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 43. С. 267, 268.
- 1085 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 421.
- 1086 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 30. С. 225, 226.
- 1087 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 452.
- 1088 Там же. Т. 1. С. 450.
- 1089 Там же. Т. 1. С. 456, 457.
- 1090 *Дворник Ф.* Идея апостольства в Византии и легенда об апостоле Андрее. С. 131.
- 1091 *Гергей Е.* История папства. М., 1996. С. 49.
- 1092 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 456.
- 1093 *Мейендорф Иоанн, протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика М., 2003. С. 153.
- 1094 *Пфайльшифтер Георг.* Теодорих Великий. С. 90, 91.
- 1095 Там же. С. 96.
- 1096 Там же. С. 99–101.
- 1097 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 424.
- 1098 *Феофан Византиец.* Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 140.
- 1099 *Иоанн Никиусский.* Хроника. Глава LXXXIX. С. 557, 558.
- 1100 *Кулаковский Ю.А.* История Византии. Т. 1. С. 141, 142.
- 1101 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 32. С. 233, 234.
- 1102 *Иоанн Малала. Хронография.* Книга XVI. Р. 407. С. 500.
- 1103 *Евагрий Схоластик.* Церковная история. Книга III, глава 44. С. 270, 271.

- ¹¹⁰⁴ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 430, 431, 432.
- ¹¹⁰⁵ Там же. Т. 1. С. 438–440.
- ¹¹⁰⁶ Там же. Т. 1. С. 451.
- ¹¹⁰⁷ Там же. Т. 1. С. 442, 443.
- ¹¹⁰⁸ Там же. Т. 1. С. 457, 458.
- ¹¹⁰⁹ *Евагрий Схоластик*. Церковная история. Книга III, глава 39. С. 246–248.
- ¹¹¹⁰ Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 450.
- ¹¹¹¹ *Феофан Византиец*. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. С. 152.
- ¹¹¹² Кулаковский Ю.А. История Византии. Т. 1. С. 453, 454.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ

«Священная Римская (Византийская) империя»	6
--	---

ДИНАСТИЯ КОНСТАНТИНА

I. Святой равноапостольный Константин Великий (306—337)	24
Глава 1. На пути к единоличной власти	24
Глава 2. Первый Вселенский Собор	46
Глава 3. Переезд в Константинополь, конец жизни	61
II. Константин II (337—340), Констант I (337—350), Констанций (337—361)	72
Глава 1. Соимператорство трех братьев и единоличное правление Констанция	72
Глава 2. Тринитарные Соборы и церковная политика Констанция...	91
Глава 3. Личность Констанция	112
III. Юлиан-Отступник (361—363)	122
Глава 1. На пути к царству	122
Глава 2. Царствование и преследования христиан	133
Глава 3. Персидский поход	142

ВНЕДИНАСТИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТОР

IV. Иовиан (363—364), краткое царствование христианского императора	154
Приложение №1. «Варвары и Империя»	160

ДИНАСТИЯ ВАЛЕНТИНИАНА

V. Валентиниан I (364—375), Валент (364—378), Грациан (367—383) и Валентиниан II (375—392)	172
Глава 1. Эпоха четырех императоров.....	172
Глава 2. Гибель династии Западных царей	191
Глава 3. Церковные дела и религиозная политика императоров ...	204

ДИНАСТИЯ ФЕОДОСИЯ

VI. Святой Феодосий I Великий (379—395).....	216
Глава 1. Святой император.....	216
Глава 2. Второй Вселенский Собор. Участие императора в делах Церкви	234
VII. Императоры Аркадий (394—408) и св. Гонорий (395—423)	252
Глава 1. Аркадий, император Востока	256
Глава 2. Император западных провинций.....	280
VIII. Святой Феодосий II Младший (408—450) и Валентиниан III (425—455)	294
Глава 1. Святая семья	295
Глава 2. Последние Римские императоры Запада.....	320
Глава 3. Третий Вселенский Собор 431 г.....	331
Глава 4. «Разбойный собор» 449 г.....	352
Приложение № 2. Административно-территориальное устройство Церкви и отношения между кафедрами в III—V вв....	364
IX. Св. Маркиан (450—457) и св. Пульхерия (450—453).....	391
Глава 1. «Солдатский» царь, избранник Божий, и Четвертый Вселенский (Халкидонский) Собор	391
Глава 2. 28-й канон и последние годы великой династии	412

ДИНАСТИЯ ЛЬВА

X. Император святой Лев I Великий (457—474)	430
Глава 1. Готский ставленник	430

Глава 2. Война с вандалами.....	440
Глава 3. Восстановление самодержавия, самовластное правление	446
XI. Лев II Младший (473—474) и Зенон (474—475)	456
XII. Василиск (475—476).....	459
Глава 1. Вождь национальной партии	459
Глава 2. Монофизит на троне	462
XIII. Зенон (476—491), повторное правление.....	466
Глава 1. Исавр у власти. Война с остготами	466
Глава 2. Заговоры и заговорщики, потеря Италии	475
Глава 3. «Энотикон» императора Зенона и «Акакиева схизма» ...	486
Приложение №3: «Положение императора в Церкви и Римском государстве в IV—V вв.»	496
XIV. Император Анастасий I (491—518).....	512
Глава 1. Избранник жены	512
Глава 2. Дела на Западе и восстание Виталиана.....	521
Глава 3. Состояние Восточной Церкви и сношения с Римом.....	529
Глава 4. Результаты царствования Анастасия	543
Примечания	546

Научно-популярное издание

Величко Алексей Михайлович
доктор юридических наук

**ИСТОРИЯ
ВИЗАНТИЙСКИХ ИМПЕРАТОРОВ
От Константина Великого до Анастасия I**

Редактор *А.А. Скороход*
Корректор *О.Н. Богачева*
Верстка *А.Ю. Киселев*
Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:
129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 28.11.2014. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Гарнитура «НьютонС». Печ. л. 38,5

Тираж ?000 экз. Заказ .